

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА и МЫШЛЕНИЯ имени Н. Я. МАРРА

ПАМЯТИ

АКАДЕМИКА

Н. Я. МАРРА

(1864—1934)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1938 • ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор: директор Института Языка и Мышления акад. *И. И. Мещанинов*

Редактор Издательства *С. Ф. Беляев*

Технический редактор *К. А. Гранстрем.* — Корректор *Н. П. Лебедева*

Сдано в набор 22 марта 1938 г. — Подписано к печати 16 декабря 1938 г.

I + VI + 476 стр. + 4 табл. + портрет

Формат бум. 72×110 см. — 30³/₄ печ. л. — 30,52 уч.-авт. л. — 45264 тип. зн. — Тираж 4000

Ленгортлит 5165. — РИСО № 383. — АНИ № 215. — Заказ № 562

Цена 12 руб. — Переплет 2 руб. 50 коп.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
И. И. Мещанинов. Общее языкознание за 20 лет	1
I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
А. Бернштам. О древнейших следах джекания в тюркских языках Средней Азии	17
А. Бокарев. Материалы по диалектологии андо-цезских языков. I. Наречие аула <u>Tuqita</u>	25
С. Л. Быховская. Особенности употребления переходного глагола в даргинском языке	54
О. Вильчевский. Вигезимальный счет в курдском	67
М. М. Гитлиц. О путях проникновения семитских элементов в еврейский язык (идиш)	77
М. М. Гухман. «Доиндоевропейские» термины родства в германских языках . .	93
Ш. В. Дзидзигури. К характеристике нижеимерского говора грузинского языка	116
К. Дондуа. Категория инклюзива-эксклюзива в сванском и ее следы в древне-грузинском	134
И. В. Мегрелидзе. Женские фамильные окончания в южнокавказских яфетических языках и фольклоре	152
И. И. Мещанинов. К вопросу о генезисе пассивного строя переходного глагола	182
Б. Миллер. Показатель множественности «ān» в иранских языках	190
М. Я. Немировский. Способы обозначения пола в языках мира	196
С. П. Обнорский. Префикс «без» в русском языке	226
Н. Н. Поппе. Поправка к чтению одного места эдикта вдовы Дармабала	239
Г. П. Сердюченко. Об абазинских диалектах	244
В. И. Чернышев. О нарушении согласования в русском языке	258
М. П. Чхаидзе. О междометиях в марийском языке (по поводу звукоподражательной теории Н. И. Ашмарина)	275
Р. М. Шаумян. К анализу лезгинского числительного уаḡiur «сорок»	293
Н. В. Юшманов. Сингармонизм урмийского наречия	295

II. ИСТОРИЯ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

В. И. Абаев. Опыт сравнительного анализа легенд о происхождении нартов и римлян	317
А. Я. Борисов. Новые данные о редакторе «Дивана» Иехуды Галеви	338
Е. Г. Кагаров. Несколько слов о происхождении древнегерманских рун	344
В. Крачковская. Из эпиграфических мотивов мечети в ауле Кубачи	352
И. Ю. Крачковский. Дагестан и Йемен	358
А. Крымский. Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки	369
И. Г. Лившиц. Плита из гробницы Паи	385
С. Меликова-Толстая. Из истории греческой научной мысли и научной терминологии	387
Л. Меликсет-беков. Новооткрытая надпись на Севане от 874 г.	409
Е. А. Пахомов. Арабские и прикаспийско-иранские феодалы в Азербайджане X—XI вв.	416
Сергей Советов. Один из образов 'огня' и 'воды' в сербских и словинских сказках	429
И. И. Толстой. Связанный и освобожденный силен	441
И. Франк-Каменецкий. Адам и Пуруша	458

I

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

И. И. МЕЩАНИНОВ

Общее языкознание за двадцать лет

Изучение языков СССР в условиях строительства социалистического общества не могло идти по старым путям буржуазного языкознания. Великая конституция И. В. Сталина обеспечивает рост национальных культур в масштабах невиданных и невозможных для буржуазного общества. В царской России и буржуазном зарубежье не могло быть и речи о равноправии языков отдельных народностей и наций.

Выдвинутый в противовес империалистической политике царской России и нынешних буржуазных государств подъем национальных языков неизбежно привел к углублению в их изучении каждого в отдельности и к подведению их всех под единую общую схему, как равноправных сочленов идущего мирового языкотворчества. Продвигая вперед исследовательскую мысль, подчинив ее новым заданиям растущего социалистического общества, советское языкознание, с первых же годов своего строительства на основах марксизма-ленинизма, выдвинуло единство глоттогонического (языкотворческого) процесса, рассматривая развитие речи в его диалектическом движении и революционных сдвигах.

В итоге первых же лет работ по построению материалистического языкознания получились принципиальные и коренные расхождения с господствующими концепциями буржуазного языковедения, продолжающего идти по пути обособленного исследования отдельных языковых семей с их мнимым изначальным праязыком в основе. Буржуазная лингвистика продолжает идти по пути прослеживания меняющихся языковых форм и меняющейся языковой типологии все с тем же первоисточником в основе (см. де-Соссюр и др.), что привело к ложно-исторической концепции, не освобожденной от предвзятого мнения об изначальных культурных преимуществах избранных языков (см. Сепир и др.). Это, в свою очередь, не освобождает буржуазное языкознание от извращений расовой теории, достигших столь уродливого выявления в фашистских странах сегодняшнего дня.

Все же не следует отрицать того, что передовые представители лингвистических течений Запада далеко не все удовлетворены существующим

у них состоянием языкознания. Неоднократно отмечались сомнения в правильности построения даже основ буржуазной лингвистики и делались попытки выхода из создавшегося затруднительного положения. Но все эти попытки, лишенные основного спасительного средства — коренной методической перестройки — и крайне далекие от учета исторического материализма, оказались до известной степени «топтанием на месте», безрезультатною сигнализацией на переживаемый кризис старой языковедческой школы. Это положение характеризуется словами величайшего советского лингвиста, акад. Н. Я. Марра, как бесплодные попытки выхода из создавшегося тупика.

Советское языкознание далеко не сразу стало на новые пути, и в этом отношении пережитый двадцатилетний период роста науки под мудрым руководством коммунистической партии и правительства оказался необычайно показательным.

Первым лингвистом, откликнувшимся на мощный призыв переживаемой действительности, был акад. Н. Я. Марр. Никогда не страдавший «ученым эгоизмом», крупнейший советский и мировой ученый создавал и упрочивал тяготеющее к нему языковедческое окружение, и весь рост советского языкознания неминуемо связался с ним, как проводником в область лингвистических работ основ марксизма-ленинизма.

В то время как буржуазное языковедение за все истекшее время после империалистической войны осталось, по существу, на тех же позициях последнего своего этапа (т. н. «социологическая школа»), на позициях которой строятся и крупнейшие сводные работы корифеев современной западной науки, Вандриеса, Есперсена, Мейе, Сепира и др., падающие в основном на период 1921—1929 гг., в это же время советская лингвистика смогла пережить крупнейший революционный сдвиг.

Начало этого сдвига, несомненно, покоится на наследии прошлого (акад. Н. Я. Марр не отрицает того, что новое течение в лингвистике, вызванное к жизни уже при советской общественности, «родилось в той же буржуазно сложной и скроенной научной среде, более того — зачалось, разумеется, как антитеза, в нормах индоевропейской лингвистики, без которой его и не было бы») (ИР, I, 222). Правда, буржуазное наследие уже перерабатывалось самим Н. Я. Марром в его работах еще до великого Октября. И если Н. Я. Марр, воспитанник старой индоевропейской школы еще времен младограмматиков, оставался тогда еще на основах, общепризнанных в его лингвистическом окружении, то все же его отступление от основных положений старой школы выразилось ярче даже, чем в работах Шухардта. Кавказовед по началу своей блестящей лингвистической

карьеру, Н. Я. Марр получил значительные возможности расширить свой языковедческий кругозор исследованием структурно весьма разнообразных языков Кавказа и применить к еще мало изученным языкам индивидуализирующий подход.

1917 г. застал нашего великого лингвиста уже ищущим новых путей к выходу из осознаваемого им тупика, в который попало буржуазное языкознание. Не имея тогда еще новых для него методологических указаний, но ясно чувствуя бесплодность старого метода, он ищет освежающих сил в свежем материале и, привлекая неизученные еще языки и заново пересматривая уже попавшие в орбиту зрения науки, ищет в самом материале выхода на обновленную арену лингвистической работы. Н. Я. Марр обращает свои силы и силы своих немногочисленных учеников на изучение живой речи Закавказья и Северного Кавказа и мертвых языков Передней Азии (шумерский, халдский, хеттский и ассирийский).

Привлечение свежего материала расширяет границы исследования и углубляет исследовательский метод, хотя все еще замкнутый в неразорванных пока рамках господствующей индоевропеистики. Свежий материал вдохновляет ученого. Он стремится вперед, но отсутствие прочной методологической основы не раскрывает перед ним ясных горизонтов его поступательного движения. В итоге получается стремление вперед без намеченной конечной цели. Н. Я. Марр отрывается от одного берега, отрывается от старого буржуазного языкознания, но не видит еще прочного места причала. «Отчаливаем в безбрежно широкое море, не имея претензии наметить гавань на другом берегу... волею судеб нам не предоставлена доля пользования покоем, вести спокойную научную работу в рамках, освещенных традицией. Силою вещей, именно материалов по нашей кавказоведной области, мы брошены давно в одиночестве в бушующее море, безлюдное, но отнюдь не бесплодное... Корабль наш плохо оснащен, экипаж на нем более чем малочислен, но работа не ждет...» (Яфет. сборн., I, предисловие, 1922 г.).

Работа не могла ждать. Принимающий активное участие в общественной жизни ученый, каковым являлся акад. Н. Я. Марр, не мог не отозваться на мощный призыв переживаемого им момента, на мощный призыв создаваемой советской общественности и освобожденных от прежнего гнета поднимающихся национальностей. Подъем научной работы уже выявляется на местах, в частности и на Кавказе. В это время развертывают свою деятельность новые лингвистические центры на Кавказе: основанный Н. Я. Марром Кавказский Историко-археологический институт с незначительной частью лингвистических заданий и незадолго перед тем открытый в Тбилиси

Государств. университет, в организации которого принимали деятельное участие ученики Н. Я. Марра (И. А. Джавахишвили, А. Шанидзе и др., впоследствии отошедшие от своего учителя).

В Ленинграде несколькими годами позднее, в 1921 г., учреждается Яфетический институт Академии Наук, долженствовавший объединить разорванные силы столичных языковедов и направить их по новому наметенному Н. Я. Марром пути. Все же путь этот в течение первых трех лет (до 1924 г.), в значительной мере развивая взятое направление и «не имея претензии наметить гавань на другом берегу», лишь приближает момент взрыва языковедческой концепции, оставаясь пока еще, как утверждает и сам Н. Я. Марр, замкнутым в границах старого сравнительного метода. «За это время идет проработка сравнительного метода и техническое его усовершенствование благодаря привлечению, с одной стороны, бесписьменных языков, сванского, абхазского и др., то есть живых, с другой — из мертвых языков клинообразных» (ИР, I, 223). «Однако сравнительный метод продолжал нераздельно господствовать» (ИР, I, 223).

Все же нормы формальной компаративистики, несомненно задерживавшие выход перестраивающейся лингвистики (яфетидологии) на новые пути, сами в известной степени видоизменялись по мере расширения все растущего материала, в особенности свежего материала живой речи и иноструктурных неяфетических языков (финских, чувашского, одно время принятого за яфетический, и др.). В связи с этим обострялась неудовлетворенность сравнительным методом и намечались иные пути к истолкованию сопоставляемых этим методом языковых явлений в различных представителях речи.

Так, около 1920 г., не отвергая еще праязыковой схемы, Н. Я. Марр привлекал к сравнению разносистемные языки и устанавливал в них общие элементы, воспринимаемые уже не по связи с праязыком, а как «яфетический субстрат», обнаруживаемый в каждом языке по мере вовлечения его в исследовательскую работу. И, наконец, с «приступом вплотную к массовым яфетидизмам в греческом языке намечается палеонтологический подход» (ИР, I, 223 — 224).

Выдвинутый Н. Я. Марром палеонтологический подход, то есть изучение языкового явления в его прошлом состоянии, явился первой ступенью к построению новых концепций общего языкознания и к признанию равноправия всех языков мира вне идеи о «духе народа» и изначальной культурности той или иной языковой семьи, что в итоге вылилось в утверждение об единстве глоттогонического процесса. К этому времени (1920 г.) относится до чрезвычайности яркая работа Н. Я. Марра «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидаании средиземноморской культуры».

В свое время автор считал названную работу поворотным пунктом. Он даже советовал в предшествовавшие работы не заглядывать «до поры, до времени, поскольку интерес сосредоточен на теоретической стороне» (ИР, I, 224). И все же высказывания, казавшиеся тогда исключительным по своей резкости сдвигом, оказались на самом деле только преддверьем к выдающемуся по своей мощности скачку, преддверьем, еще тяготеющим к старым положениям, хотя и со значительным взрывчатым элементом. Таким взрывчатым элементом и оказался палеонтологический анализ.

«Третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры» нарушил господствующую в науке изоляцию языковых семей, но все же не отказался ни от связи языка с этносом (даже расою), ни от культурного центра древности человечества, распространяющего свои достижения миграцией народов. При таких условиях, само представление о праязыке окончательно не отпало, а лишь расширилось в своем понимании «яфетического субстрата». Этот капитальный труд прекрасно иллюстрирует утверждение своего автора о значительных препятствиях, задерживающих коренную языковедческую перестройку, иллюстрирует создавшееся положение нового направления в лингвистической науке, называвшегося в то время «яфетическим языкознанием», которое «с трудом высвобождается последние годы из пелен буржуазного мышления и соответственно построенной методологической научной работы» (ИР, I, 222).

Не приходится отрицать того, что успех общего языкознания за этот период (до 1924—1925 гг.) был связан не столько с переходом на методологическую перестройку, сколько с обогащением лингвистического кругозора. «Наплыв новых материалов или новых наблюдений в моменты вскрытия связи с чуждым раньше миром» обусловил движение научно-исследовательской мысли «взрывами, а не постепенностью эволюционного явления, шаг за шагом» (ИР, I, 225). И действительно, с переходом на палеонтологию глоттогонического процесса ускоряется процесс самой перестройки.

Так, в период между первым и вторым изданиями «Третьего этнического элемента...» (1920—1923 гг.) начинается перелом в вопросе о миграциях народов, понимавшихся как мощный фактор культурного подъема и носитель культурных основ человечества, а в 1924 г. происходит общий резкий отказ от основных позиций индоевропеизма с утверждением, что «вначале был не один, а множество племенных языков». Единый праязык признается с этого времени «сослужившею свою службу научною фикцией» (ИР, I, 185).

Развитие языков, начиная с отмеченного периода, впервые теснейшим образом связывается и обуславливается развитием носителя речи. Отсюда — коренная перестройка всей языковедческой концепции, выразившаяся

в признании языка общественным явлением надстроечного порядка и в обращении внимания лингвистов на закономерности хода развития общественных форм.

С этой даты коренного и решительного перелома (1924 — 1925 гг.) начинается величайшее достижение советского языкознания, начинается перестройка на материалистическое учение о языке на основах марксизма-ленинизма. Этот поворот, вне всякого сомнения, связан и обусловлен в своем становлении и последующем поступательном движении великими достижениями Октября.

Языкознание, по мере углубления советских лингвистов в изучение основных высказываний классиков марксизма-ленинизма, все более и более выходит из своей узкой обособленной специализации и смыкается в своем изучении с историческим обществоведением. Сам языковый материал, при таких условиях, воспринимается, с одной стороны, как исторический факт, а с другой — как исторический источник. Разрыв с индоевропейской школой языкознания оказался полным и в методологических устоях и в целевой постановке. Советское языковедение имеет конечную целью обслуживание идущего в СССР языкового строительства, неразрывно связанного со строительством социалистического общества. Для этого изучается настоящее состояние языка и его прошлое. Для советского лингвиста становится неприемлемым и непонятным утверждение буржуазных представителей этой отрасли науки о том, что «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя».¹

Язык не может изучаться только для самого себя. Изучение языка не может быть самоцелью. Это положение с определенной ясностью вырисовывается сейчас в сознании сторонника материалистического языкознания. Но для восприятия новых задач, стоящих перед лингвистом СССР, потребовался длительный и упорный труд; более того, потребовалась перестройка сознания самого ученого, соответственно новым требованиям советской действительности. Лучшим и наиболее показательным примером этому служит приведенный выше краткий обзор научной деятельности акад. Н. Я. Марра, еще до Великой Октябрьской Революции протестовавшего против некоторых устоев старой лингвистической школы. Затем, уже в период Советской власти, идет бурный натиск Н. Я. Марра на сковывающие рамки буржуазного языкознания, закончившийся переходом на позиции марксизма-ленинизма в построениях лингвистических концепций нового учения о языке, материалистической лингвистики.

¹ Де-Соссюр. Курс общей лингвистики, 1916 г., русский перевод 1933 г., стр. 207, Москва.

Если в 1922 г. Н. Я. Марр констатировал выход «в безбрежное море без надежды наметить гавань на другом берегу», то, через пять лет, в 1927 г. он же с уверенностью мог уже констатировать, что «тот берег показался, да не один, конечно, не для покоя, а для рубки леса, для накопления строевого материала и для закладки обширного речестроя» (ИР, I, 252).

Крупнейший успех на лингвистическом фронте оказался достигнутым. Путь к построению марксистского языкознания заложен. И естественно, что на первых же порах научные силы были брошены на укрепление завоеванных позиций и на выращивание кадров. Это оказалось необходимым, так как лингвистическое окружение было слишком узким. Потребовалось приобщение новых adeptов и выход на периферию, с освоением методологических основ.

В этих целях проводилась выборка высказываний о языке классиков марксизма-ленинизма, объявлен в Ленинградском университете курс палеонтологии речи (Н. Я. Марр), вовлекавший молодые кадры студенчества в подготовку к работе по материалистическому языкознанию на материалах национальных языков, перестраивались на новые пути исследовательские институты, вначале два: Яфетический институт в Ленинграде и Институт национальностей, первоначально Институт этнических и национальных культур народов Востока, в Москве. Усиливается приток аспирантов в эти два учреждения. Открывается целая сеть научно-исследовательских институтов в союзных и автономных республиках и областях. Эти институты, в большинстве случаев краеведческого характера, образовали у себя и языковедческие ячейки.

Большая работа проводилась на местах и в научных всесоюзных центрах. По инициативе Азербайджана, в 1926 г. созывается в Баку I всесоюзный тюркологический съезд, принявший решение о переводе тюркских языков с арабского алфавита на латинский и санкционировавший подготовительные в этом направлении работы, ведшиеся учрежденным в 1922 г. в Азербайджане Комитетом по введению нового алфавита. В следующем, 1927 г., учреждается Всесоюзный центральный комитет нового алфавита, в котором сосредоточивались возбуждаемые на местах вопросы о введении или улучшении письменности многочисленных национальностей СССР, получивших впервые подлинное самоопределение. «Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену ряд забытых народов и национальностей, дала им новую жизнь и новое развитие».¹ «Социалистическая революция не уменьшила, а увеличила количество

¹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, 2-е изд., стр. 169—170.

языков, ибо она встряхивала глубочайшие низы человечества и, выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд новых национальностей, ранее неизвестных или малоизвестных». ¹

Небывалый рост социалистического строительства во всем СССР поднял культурный уровень прежде отсталого населения, а в связи с идущим культурным ростом появилась потребность в письменности у ряда национальностей, прежде угнетаемых, а частично и забытых. Стали развиваться школы на родном языке и создаваться новые литературные языки у прежде бесписьменных народов. Интерес к языку и языковому строительству чрезвычайно вырос, обуславливая собою рост кадров лингвистов на местах.

Одновременно усиливается и связь научных центров с местами. Ленинградский и Московский языковедческие центры (Яфетический институт и Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока, затем Институт национальностей), развивавшие новое лингвистическое направление под непосредственным руководством акад. Н. Я. Марра, постепенно втягивали в общее задание периферию. Создавались, хотя и малочисленные и малолюдные, ячейки на местах. Так, в 1924 г. учреждается «Яфетидологический кружок» в Баку (при Обществе обследования и изучения Азербайджана, затем при Азербайджанском Гос. научно-исследовательском институте), Академия письма в Сухуми. Вовлекаются в ту же работу Институт кавказоведения в Тбилиси, научно-исследовательский институт в Чебоксарах. Сеть последователей нового учения о языке, главным образом из молодежи, прошедших лингвистическую школу в Ленинграде и Москве, распространяется на ряд республиканских и областных научных центров (Махач-Кала, Орджоникидзе, Пятигорск, Тбилиси, Сухуми, Ереван, Баку, Казань, Ашхабад, Самарканд, Алма-ата). Усиливается приглашение сторонников нового учения о языке на места для участия в работе по изучению национальных языков и для повышения квалификации местных научных работников (на Северный Кавказ, в Дагестан, в Азербайджан, Грузию и Армению, в Туркмению, Казахстан, в Поволжье и т. д.). Советская общественность широко откликнулась своим интересом к проводимому языковому строительству в части идущей теоретической перестройки. В этом отношении нельзя не отметить все растущую инициативу мест и недостаточно развернутую в этом направлении инициативу самого научного центра, Института языка и мышления, продолжающего под этим наименованием работу прежнего Яфетического института Академии Наук.

¹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, 2-е изд., стр. 160—170.

Переименование Яфетического института в Институт языка и мышления знаменует собою новый и последний этап руководимой Н. Я. Марром лингвистической школы. По мере перестройки яфетического языкознания в материалистическое учение о языке (новое учение о языке) внедряются в языковедение один за другим основные устои марксизма-ленинизма, уточняющие отдельные моменты теоретического порядка. Так, на базе изучения исторического материализма выдвигается новым учением о языке проблема стадильности в развитии речи, группировка же языков по формальному признаку на системы (вместо индоевропейской схемы «семьи») рассматривается как историческая категория, следовательно изменяемая, а не постоянная, как это признается буржуазным языковедением.

Изменчивость языковых массивов, в понимании исторического материализма, признается, в свою очередь, результатом идущих перемен в самом историческом процессе, объединяя искусственно разобщенные праязыковую схему группировки в единое диалектическое целое, что приводит к упорно умалчиваемому буржуазным языкознанием выводу о равноправии всех языков мира. Но словам Н. Я. Марра, советская лингвистика, «обнимающая в настоящее время все языки мира, завершилась постановкой вопроса об увязке языкознания с историей материальной культуры и общественности и положением, что как все культуры Востока и Запада, так и все языки являются результатом одного и того же творческого процесса. Отпали не только религиозные, но и национальные деления, как творческие факторы создания языков. Считавшиеся различными по расовому происхождению языки оказались созданием только различных эпох. Каждая «расовая семья языков» оказалась отличной не по своему происхождению группой, а новой системой, представляющей развитие предшествующей системы. Исчезла не только изолированность грузинского языка, но даже изолированность китайского языка. И в последние моменты мы присутствуем при установлении факта, что, начиная от Японии и Китая и до берегов Атлантического океана, основные термины культурной и доисторической жизни одни и те же» (1927 г., ИР, I, II).

Такое утверждение основано на новых языковедческих позициях, видоизменивших прежде выдвигаемые положения и внесших известную ясность в методологические установки лингвистических исследований. Палеонтологический анализ, прежде прослеживавший изменение формы только в ее эволюционном движении, подчинился схеме скачкообразного, трансформационного процесса развития речи, с новым качественным состоянием образующихся языков. В связи с этим и внутри изучаемого языка в его наблюдаемом строе усиливается внимание на наличные в нем самом противоречия в семан-

тических переходах словарного запаса и явлениях морфологии и синтаксиса. При таких условиях получает совершенно иной облик даже и описательная часть, грамматика, в которой разноречивые нормы рассматриваются как действующая закономерность, взамен обычного восприятия их как правило и исключение. Требуется, к тому же, историческое истолкование действующей нормы, без чего остается непонятным современное ее состояние. Для этого, в свою очередь, требуется большая теоретическая работа над каждым языком в отдельности, а для его усвоения необходима такая же работа над его территориальным и типологическим языковым окружением. Требуется также учет истории языков, в том числе выяснение вопроса взаимодействия инородственных языков и работа над строем данной системы («семьи»), не отказываясь, в целях их же полного овладения, и от привлечения надлежащих выводов общего языкознания, внося в него же соответствующие дополнения и коррективы.

Кроме того, весь строй речи берется целиком с его лексикой, фонетикой, морфологией и синтаксисом в их взаимосвязи как явление общественного порядка. В первую очередь объединяются синтаксис и морфология в их диалектической взаимоувязанности, а не изучаются разрозненно, как это обычно делает старая лингвистическая школа до сегодняшнего дня включительно. Новая жизнь создала новые потребности, и старая формальная грамматика уже перестает удовлетворять исследователя, ищущего иных путей для построения не только научно-теоретических, но и научно-практических пособий.

Обращено особое внимание также на изучение формальной и идеологической сторон речи, на проблему логических и грамматических категорий в их взаимоотношениях в пределах исследуемых языковых структур. Вначале основной упор был взят на семантику и форму слова с установлением законов семантических переходов, в частности функциональной семантики. Значение слова привело к исследованию значения функциональных частей (разного рода приставок, аффиксов), рассматриваемых как результат трансформационной перестройки слова (из отдельного слова получилась словообслуживающая приставка). Отсюда путь исследования перешел через морфологические частицы вообще на морфологию, следовательно и на синтаксис. Тем самым выдвинулось задание прослеживания смысла фразы и ее оформления в речи как словарным запасом, так и другими формальными же средствами речи, а именно морфологией и синтаксисом. Смысл же фразы, в свою очередь, обусловлен действующими нормами сознания, изменяемыми социальным носителем речи. В итоге, строй речи стал восприниматься в неразрывной связи с мышлением, отражающим состояние и

потребности соответствующего общественного строя. Это утверждение новой языковедческой школы непосредственно опирается на положения Маркса и Энгельса о диалектическом единстве языка и мышления — язык практическое действительное сознание.¹

Буржуазное языкознание не отрицает связи языка с мышлением (Гумбольдт и др.), но тесная и обязательная увязка теоретических исследований языка совместно с мышлением во всем выявлении речи, как диалектически связанных (язык и мышление — диалектическое единство), впервые выдвигается в языковедческой работе Н. Я. Марром и стоит в несомненной связи с намеченным путем внедрения марксизма-ленинизма в науку о языке, что оказалось возможным и стало необходимым только под мощным воздействием идущего социалистического строительства на строительство речи и на строительство языковедческой дисциплины.

Применение основного положения марксизма о языке, понимаемом как практическое действительное сознание, поставило перед новым учением о языке задание неразрывного их изучения в пределах языковедческих задач. Тем самым изменилась тематика, лежащая перед Яфетическим институтом, и он в 1931 г. был по настоянию его директора, акад. Н. Я. Марра, переименован в Институт языка и мышления.

Отмечая этот коренной переворот в самой постановке лингвистических исследований в их теоретической области, следует подробнее остановиться еще на одном не менее значительном достижении советской науки. Таксым является уже упомянутое выше сближение теоретической работы с практической. Вызванный победой социализма в СССР подъем национальной культуры вообще и обязательный при этом подъеме рост национальных языков обратили их из прежних объектов изучения, обычно случайных и во всяком случае не планомерных, в самостоятельную, жизненно уже оправданную развивающуюся единицу. «Ясно, — говорит в 1930 г. И. В. Сталин, — что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко. И все же, несмотря на это, национальные языки не только не отмирают и не сливаются в один общий язык, а наоборот, национальные культуры и национальные языки развиваются и расцветают».²

¹ Немецкая идеология, изд. 1934 г., стр. 20.

² Вопросы ленинизма, 10-е изд., 1936, стр. 432. Политический отчет Центрального Комитета XVI Съезду.

Развитие и расцвет национальных языков, многие из которых в царское время находились в пренебрежении и даже не признавались существующими, дали впервые многомиллионным массам населения СССР возможность иметь школы, административные, общественные и иные учреждения на родном языке, получать на нем образование и тем самым приобщаться к социалистическому строительству в общем равноправии всех национальностей. В связи же с ростом образования, а также с ростом школ на национальных языках и острой нуждой в кадрах к теоретическому языкознанию предъявляются новые требования помощи и руководства. «Из страны темной, неграмотной и некультурной он (СССР) стал, вернее, становится — страной грамотной и культурной, покрытой громадной сетью высших, средних и низших школ, действующих на языках национальностей СССР».¹

Осознание ответственности задач идущего языкового строительства и наблюдавшаяся до известной степени несогласованность в проводимой на местах работе требовали значительных коррективов в самом ходе исследовательских занятий. Появилось значительное число языковедческих учреждений и ячеек в СССР, и несомненная потребность их в республиках и областях Союза требовала координирующего объединения. Запросы к языковедению росли, создавались новые литературные языки, национальные школы нуждались в учебниках и пособиях. Краеведческие институты широко шли навстречу потребностям своего края и в значительной степени собственными силами удовлетворяли их. Время не ждало. Кадры лингвистов росли, но требования к ним росли еще интенсивнее, что грозило отставанием на лингвистическом фронте. Рост культуры остается в действительности исключительно мощным, небывалым в прошлом, непредвиденным старою школою русских лингвистов, воспитанных на буржуазных устоях. В результате оказалось, что языковедение должно было, под напором требований советской общественности, изменить не только методологические основы, но и сам метод своей работы непосредственным увязыванием теории с практикою.

В буржуазных странах изучение языка «в самом себе и для себя самого» (де-Соссюр), продолжающееся и по настоящее время, отнюдь не содействует сближению теоретических исследований с практикою языкового строительства. Наоборот, получилось тяготение к созданию самостоятельной и самодовлеющей «теории языкознания», замыкающей стены научных кабинетов. Достижения же Октября, напротив, вывели науку на широкую

¹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 553. Отчетный доклад XVII Съезду партии о работе ЦК ВКП(б), 1934 г.

практическую арену, требуя углубления теоретических знаний для постановки практической работы на надлежаще высокий уровень.

В результате, теоретический уровень занятий не только не понизился, а, наоборот, значительно вырос. Методологическая перестройка заставила советского ученого глубже уйти в понимание материала, что привело к необходимости знать формальную сторону не хуже представителей зарубежной школы, присоединив к этому исторический анализ, который, на основах исторического материала, вскрыл горизонты и шире и глубже, чем они вскрываются учеными Запада. Более того, для понимания строя национальной речи населения СССР, при выдвинутом положении о равноправии всех языков мира в едином ходе глоттогонического развития, потребовалось привлечение ряда языков, вовсе не интересовавших научные круги царской России. Так, например, изучение отсталых в своем развитии языков (палеоазиатских и др.) привело к исследованию стадияльно отдаленной речи американских (индейских) и африканских народов, включенных впервые в кругозор научного работника нашей страны также и в заданиях разрешения общелингвистической проблематики. Выяснилось, что своеобразный строй отсталых в своем развитии языков обусловлен не расовою принадлежностью носителя данной речи, а общественным состоянием, экономикою и социальным строем, продвинувшими языки на различные ступени языкового развития. Получился прекрасный материал для жесточайшей критики расовой теории в ее преломлении у фашистской «науки». Таким образом включение в программу занятий Института языка и мышления ряда даже зарубежных языков, в том числе отсталых, равно как и мертвых (египетский и др.), оказалось не роскошью, а необходимостью как теоретическою, так и практическою. В настоящее время ряд таких языков, прежде совершенно игнорированных в ученых и учебных заведениях России, нашли впервые свое место в академическом учреждении и даже в плане преподавания Филологического факультета Ленинградского Государственного университета, что было раньше излишним и ненужным и что стало в условиях советской действительности вполне оправданным.

Кроме того, обилие в самом СССР языков, еще недавно бесписьменных, создание в течение двадцатилетия нескольких десятков новых литературных языков и подход к ним как к равноправным языкам мощно поднявшегося СССР обогатили лингвистику тем свежим материалом, который, по словам Н. Я. Марра, обогащая языковедческую сокровищницу, в то же время расширил позиции общего языкознания. Все это привело к тому, что в отличие от ученого старого времени, повысившего свою квалификацию и зачастую застывавшего на достигнутом им уровне знаний, получилась

для советского ученого даже старшего поколения перспектива дальнейшего роста, непрерывного и бесконечного.

Перед советской лингвистикой, при созданных ныне условиях, расширились горизонты и углубилась тематика до степени, о которой не мог даже мечтать представитель старого Университета и старой Академии Наук, и каковую не в силах понять адепты буржуазного языкознания за рубежом. В то же время, приток свежего материала пробуждением к новой жизни целого ряда национальностей, раньше неизвестных или малоизвестных, новое понимание языкового строя в его освещении положениями основоположников марксизма-ленинизма, создали небывалую прежде, исключительно благоприятную почву для воспитания молодых языковедов, формируя крепкие кадры советского студенчества.

За последние годы отмечается количественный рост лингвистов за счет привлекаемых к научной работе свежих сил молодых ученых, обеспечиваемых надлежащим качественным уровнем. Но все же рост этот, несомненно наличный, далеко не заполняет остающихся пробелов и решительно требует особого внимания к аспирантуре. Места прекрасно осознают всю сложность порученных им работ и ждут помощи в ней от более мощных и более обеспеченных научными силами лингвистических центров Москвы и Ленинграда. Этим объясняется периодический сюда приток молодых языковедов, хотя бы на кратковременное пребывание в целях повышения научной квалификации и вызов в тех же целях специалистов на места.

Далеко еще не достаточно обслуживаемые в этом отношении со стороны Института языка и мышления лингвистические ячейки республик и областей СССР сами идут на контактирование своих работ с более сильным научным центром. В частности, к согласованию с работами Института языка и мышления пришли, по собственной инициативе, и такие более видные языковедческие учреждения, как Институт языка и литературы Белорусской Академии Наук в Минске и Институт мовознавства Всеукраинской Академии Наук в Киеве. Наконец, в самое последнее время, за год до знаменательной даты 20-летия, учреждается в Москве Центральный институт языков и письменности народов СССР, который, в контакте с Институтом языка и мышления, как теоретической базой, должен планировать и регулировать идущее языковое строительство во всем Союзе в его практических потребностях обеспечения роста преподавания и роста национальных языков.

Сама постановка общего языкознания и изучение национальных языков, равным образом, в корне изменились. До Революции у нас, и сейчас за границей, отдельные языки исследовались и изучаются каждый в себе

и в лучшем случае в его родственном окружении по семьям, что дало основание к построению формально-сравнительных обзоров (грамматик) в пределах взятой к изучению языковой группировки (семьи). Получились отдельные сравнительные грамматики индоевропейских языков, тюркских и т. д. При таких условиях общее языкознание тоже обособилось в самостоятельную лингвистическую область, ставшую до известной степени абстрактною, хотя бы и обоснованною на отрывочно взятом конкретном материале. Выводы общего языкознания в буржуазных странах, как общее правило, не учитываются специалистами отдельных языков, и потому монографии и даже статьи по общим проблемам насчитываются лишь десятками.

В советской лингвистике, напротив, признание единства глоттогонического развития в его диалектическом поступательном движении объединило все языки, хотя формальная сторона многообразна и различна в своем выявлении, образуя языковые схождения по группам (системам) и расхождения внутри языковых групп (систем) на языки, внутри языков на диалекты, внутри диалектов на говоры. Исследование же каждого языка, при новом к нему методологическом подходе, не может не ставить ряд общезыковедных проблем, в итоге чего задания общего языкознания разрешаются уже на каждом конкретном языке, поскольку общая лингвистическая тематика невозможна без анализа материала отдельных языков и основного на них упора. С другой стороны, изучение, до степени исчерпывающего понимания, строя речи обособленно взятого языка недопустимо вне учета перспектив, выявляемых в едином глоттогоническом процессе. В результате, само общее языкознание в советской лингвистике получило совершенно иное значение, как построенное Н. Я. Марром на обильном материале изученных им многих десятков языков. Исследование этих языков обогатило выводы общего языкознания, тогда как построения последнего дали возможность точнее понять отдельные языковые явления и весь строй речи специально изучаемого языка.

Получились неизбежный стык и взаимное оплодотворение выводами, а в конечном итоге вырисовалась даже перспектива построения палеонтологического сравнительного обзора всех языков, своего рода палеонтологической сравнительной грамматики языков мира.

Индоевропейская лингвистика не достигла и не могла достигнуть такого состояния, равно как не достигло, и даже не стремилось к нему, и русское дореволюционное языковедение. Новая проблематика общего языкознания, столь мощно и решительно выдвинутая акад. Н. Я. Марром, падает только на последнее десятилетие его исключительно творческой работы, т. е. на период построения уже советского языковедения.

Не приходится отрицать того, что весь исключительный по своей мощности сдвиг языкознания, перевод его на новые позиции, обязан Н. Я. Марру, который, в свою очередь, всей проведенной им перестройкой обязан тем великим началам, которые были заложены строящимся социализмом на одной шестой земного шара.

Сплотив вокруг себя пока еще ограниченный круг учеников и последователей, Н. Я. Марр всю свою жизнь заботился о росте окружающих его кадров лингвистов и о вербовке новых последователей, обращая за советские годы своей неутомимой работы особое внимание на советскую молодежь. Перед организованным им Яфетическим институтом (ныне носящим имя Марра Институтом языка и мышления Академии Наук) поставлена задача углубления теоретической перестройки и обслуживания мощно выдвигающихся вперед национальных языков СССР.

В этом направлении предстоит впереди еще большая работа. Рост потребностей на языковом фронте превышает рост методологически крепких лингвистов, и задача их количественного и качественного усиления продолжает стоять в полной мере. Требуется углубление в знании конкретного материала и методологически правильное его понимание. Изучение отдельных языков новое учение о языке подчиняет общему языкознанию, опирающемуся, в свою очередь, на конкретное их знание. Это положение прекрасно сформулировано словами самого же Н. Я. Марра: «Наукой о языке может быть признано только то учение, которое считает с особенностями всех языков мира и, исходя из учета конкретной системы каждого из них, не только отводит или намечает каждому из них принадлежащее ему место в среде всех, но и выявляет те пути и те рамки, в которых может и должна отныне протекать специальная работа над каждым языком, исчерпывающе углубленное исследование каждого языка».¹

Внедряя в лингвистическое учение основы марксизма-ленинизма, Н. Я. Марр с честью прошел свой жизненный путь. Общее языкознание, получившее в своей методологической перестройке наименование «нового учения о языке», обогащено и упрочено фундаментальными трудами его основателя.

¹ Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком? Избранные работы, II, стр. 410.

А. БЕРНШТАМ

О древнейших следах джеканания в тюркских языках Средней Азии

Происхождение народа, т. е. вопросы этногенеза, тесно связано с проблемой сложения языка. Не случайно так неразрывна у Н. Я. Марра постановка вопросов образования народов (этногенез) и развития языков.¹

Язык и его формирование связаны с образованием народа. Особенности исторического развития определяют и особенности языкотворческого процесса и формирования отдельных диалектов и наречий. Возникновение народа связано с периодом сложения государства. Здесь с формированием классовых отношений создаются условия для возникновения высшей формы языка — литературного языка первоначально господствующего класса, впитывающего наречия и диалекты племен, составляющих новое этническое образование — народ — и, конечно, далеко не исчерпывающего всего их языкового богатства. Дальнейшее развитие литературного языка, естественно, не ограничено только средой имущих классов.

В силу конкретных исторических условий проявляется возможность языку одного из племен, вернее диалекту или даже наречию, занять ведущее значение. Конкретные своеобразия, часто почти неуловимые и с трудом прослеживаемые исследователем, влияют и определяют особенности отдельных языков. К таким особенностям, трудно уловимым, относится вопрос об истории разделения тюркских языков на так наз. джекающие и йокающие группы. К первой группе относятся, наряду с киргизским, отчасти узбекский и казахский языки и др.

Так как на территории Средней Азии к жекающим² языкам относится в частности язык казахский, то естественно возникает вопрос о древнейших элементах этого языка, ибо история языка показывает, в частности, путь этнического формирования некоторых среднеазиатских тюркских наро-

¹ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, ГИИМК и АН, Л., 1936.

² По отношению к казахскому языку следует лучше употреблять термин «жекающий», а не «джекающий». Поэтому мы, говоря о древних формах, употребляем определение «джекающий», а затрагивая казахский язык, — «жекающий».

дов, в том числе и казахов. Настоящая заметка посвящена небольшому вопросу — обратить внимание на жекающие формы языка для западно-тюркского каганата VI—VIII вв. Западно-тюркский каганат, занимавший территорию в частности и Южного Казахстана, был в известной политической оторванности от восточного дома тюрков. Несмотря на ряд попыток со стороны восточных (монгольских) тюрков подчинить себе западных тюрков, последние сравнительно мало были связаны с восточным домом, часто выступая открытыми их противниками. Возможно, что этнически они также были отличны. Для выяснения последнего вопроса огромную роль имеют свидетельства языка. Как бы их мало ни было, они достойны особого внимания. Мы попытаемся показать отличия в произношении (и написании) двух терминов из западного и восточного домов тюрков, отражающих жекающий (восточный) и джекающий (западный) диалекты тюркского языка. Речь идет о терминах *jōy* и *jabγu*.

Наличие джекающих форм в древнетюркских языках уже отмечалось в литературе. Наиболее отчетливо поставил этот вопрос Н. Поппе. Так, он писал, что звук *у в ранние периоды заменен звуками 'd и j̄. Таковы, например, названия реки Урал у Менандра ('*daγiq* или *'*jaγiq*), титул ябгу у тохаристанских тюрков VII в. хр. эры (**dabγuγa* или *'*jabγuγa*). К таким языкам, у которых вместо у стоит 'd или j̄, принадлежат киргизский, шорский, сагайский, древнеякутский и болгарский языки.¹

Таким образом Н. Поппе определенно высказался за принадлежность этих двух форм к джекающему диалекту. В сноске он отмечает еще и третье слово «уоу», которое нашло свое отражение в форме *δοχια* у Менандра.²

Ниже мы попытаемся проверить и подкрепить это положение о наличии на территории, главным образом, древнего Казахстана и Киргизии тюркских племен с джекающими диалектами, отразившихся в немногих словах, дошедших до нас в передаче греческого, армянского, арабского, персидского и китайского языков — в исторических источниках. Эти немногочисленные факты интересны уже потому, что устанавливают древнейшую

¹ N. Poppe. *Altisch und Vortürkisch. Ungarische Jahrbücher*, Bd. VI, H. 1—2 1926, S. 1—2.

² В литературе отмечалось наличие у древних авторов джекающих форм, правда без каких-либо особых заключений. См., напр., указание Н. И. Ашмарина на древние формы *Δαῖξ* у Птолемея и *Δαῖχ* у Менандра, которые соответствуют тюркским *Jaγyk* или *Jaγyk* (см. его «Булгары и Чуваши», Казань, 1902, стр. 4). В качестве исторического примера перехода *d' > j̄* приводил J. Marquart слова *δοχix*, сравнивая с древнетюркским *jōy* и географический термин *Δαῖχ* (См. J. Marquart, *Kultur und sprachgeschichtliche Analekten*, *Ungarische Jahrbücher*, IX, стр. 81—82). Об этом же см. у W. Barthold, *12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens*, Deutsche Bearbeitung von Theodor Menzel, *Die Welt des Islams*, Bd. 14, 1932, стр. 31.

дату формирования джекающих диалектов, т. е., в частности, жекающих казахского языка.

Перейдем к разбору термина joγ.

Описывая похоронный обряд у тюрок в связи со смертью западно-тюркского кагана, Земарх, византийский посол, прибывший к тюнкам в конце VI в. (568 г.), назвал всю церемонию термином δοχια. Приведенный Менандром этот термин имеет для нас особый интерес. Под этим термином скрывается тюркский термин joγ, обозначающий в древнетюркском языке похоронную процессию. В древнетюркском языке княжеских памятников Монголии мы имеем неоднократное упоминание этой формы. Примеры следующие:

: ΓΚΓ : 〕※〕δ : ʔΥΕΧ : ΕΤΝΚ : ʔ 〕ʔ>D [: ΗΓʔδ]
ΓΚΓΓ 4D

t^āšⁱn : joγ^ʔn . . . š : türk : b^āgl^ār : bud^un yty : j^ār ^ārti.¹

: *KʔNKTʔ : ʔ>D : ʔHʔδ> : ΓΚΓʔ : DʔIGʔ : ʔΓʔ : ΗΓHʔʔ

l^āγzin : jyl : bāšⁱnč^ʔ *j : jāti : ot^uzqa : joγ : ^ārtürtⁱm : ²

: (?) ΗΕΓKʔ>δ : ΕΤ> : ʔʔ1ʔ : ʔʔ>ʔΓʔ : ʔH>δ
: *KKTʔN1ʔ ʔωʔʔ>D

Tonra : bir oγ^uš : ^ālp^āγu : on ^ārⁱg : Toṇa tǵⁱz (?) : joγynda : [ǵ]rⁱp . . öl^ārt^āmⁱz.³

: ʔΓH1ʔ : ʔ>D : ΓKʔNʔʔ : H1ʔEʔʔ : 1ʔNʔ : 〕>δʔ
: 1ʔNʔʔ : ʔʔʔ : 〕ωʔʔ : ΓKʔΓʔ : ʔʔΓK : 1ʔNʔʔ

^āltun küm^āš : k^ārg^āksⁱz : k^ālürti : joγ : j^ʔp^āryγ : k^ālürⁱp : tikä : bārti : čyndan
yγ^āč k^ālür^āp : ⁴

. . . . ΓXK^āHΓDδʔʔ>DΓ) : ΓKʔ1ʔʔ>δʔD : 〕>δH

Q^ātun : j^āq bolm^ʔš ^ārti : ^āny joγ^āt^ājin t^ādi . . . ⁵

Из приведенных примеров следует, что под термином «joγ» надо понимать похоронный ритуал в связи со смертью кагана. Переданная Менан-

¹ В. Радлов и П. Мелиоранский. Древне-тюркские памятники в Кошо-Цай-даме, Сборник Трудов Орхонской экспедиции, IV, СПб., 1897, стр. 37.

² Ук. соч., стр. 34.

³ Ук. соч., стр. 33.

⁴ Ук. соч., стр. 35.

⁵ W. Radloff, ATIM, Zweite Folge, S. 16.

дром форма $\delta\delta\chi[\alpha]$ есть слово «jоу», повидимому в джекающей форме. Это явление отмечалось уже неоднократно, как мы выше показали. Вряд ли необходимо доказывать, что язык орхонских надписей был языком йокающим и что поэтому буква **D** передает звук j, а не ž. Достаточно указать на слова типа **D** — «луна» в такой форме, как **DHMH** = kün aj, **>DHD**, **^D** и т. д., где наличие этой буквы в середине и в конце слова доказывает как будто невозможность ее произношения как аффриката ž. Таким образом **ʃ>D** следует транскрибировать «jоу», и термин **ʃʃ^DD**, который мы будем ниже разбирать, следует транскрибировать «jabu».

Так как греки могли в случае начального j в слове «jоу» передать его графемами своего языка, то передача начального согласной дельтой является, повидимому, не ошибкой, а закономерностью в виду иного согласного вначале слова. Это был, вероятно, аффрикат ž, который получил в качестве эквивалента δ в слове « $\delta\delta\chi$ ».

В закономерности замены начального j-d или ž убеждают нас не только эти примеры, но и немногие другие, которые, несмотря на малочисленность, очень убедительны и как будто не знают исключений. Примеры эти связаны с термином ябгу, на который в туркологической литературе меньше всего обращали внимания.

Термин ябгу засвидетельствован и в армянских источниках, например у Моисея Каганкатуйского. Так, он сообщает, что «в несчастный год умерщвления Хосрова, тот, о котором мы выше упомянули, Джебу ха кан, выступил с сыном своим. Никто не мог сосчитать числа войск его».¹ Сын Джебу хакана был некий Шат. Шат в разговоре с католиком говорит: «Я поклянусь тебе жизнью отца моего, Джебу хагана».² Туркологу нетрудно заметить в этих так наз. собственных именах два известных тюркских титула — ябгу и шад. На это в свое время указал Ed. Chavannes, попытавшийся отождествить Джебу хагана с Тун-шеху.³

Нас сейчас интересует вопрос не исторический, а лингвистический. Форма Джебу указывает на дентальный аффрикат ž в слове «ябгу», т. е. в армянском источнике дана диалектическая разновидность термина ябгу. Характерно, что это не случайное отражение «инострannого» слова в армянском источнике, ибо, во-первых, этот термин встречается и в данном источнике — «Истории Агван» — неоднократно и, во-вторых, этот термин наблюдается и в других источниках в той же характерной форме, или

¹ История Агван, пер. К. Патканова, 1861, стр. 104.

² Там же, стр. 127.

³ Ed. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux, СПб., 1903, стр. 253 сл.

в известных отклонениях. Отклонения во всяком случае остаются в плане различной передачи начального аффриката. Мы имеем в виду, например, форму Тчепетух или Джембу у Себеоса.¹

Учитывая, что в древнеармянском языке имелись все возможности для передачи начального j^2 и то, что в йокающей форме термин «ябгу» в источниках о западном каганате нигде не сохранился, можно утверждать, что форма «Джебу» — закономерная передача известного термина социального порядка из джекающей языковой среды.

Не случайным поэтому является и передача термина «ябгу» в арабских источниках. В арабском языке термин ябгу фигурирует опять-таки как термин джекающий, а не йокающий. В. Бартольд по этому поводу писал: «Bei den Türken Tocharistans im VII. Jahrhundert erwähnt Tabari einen Schad und einen Dschabguje (جېغويه): letzteres Wort ist augenscheinlich identisch mit unserem Yabgu».³

Н. Поппе относил эту форму к свидетельствам джекающего наречия.⁴ Арабы дают такую форму не только для тохаристанских тюрок, но и для карлукских ханов.⁵

Любопытные свидетельства существования джекающего наречия на древней территории Казахстана запечатлены в рассказе Гардизи о карлуках. В этом рассказе фигурирует опять разбираемый термин ябгу. Приведем интересующие нас места.

«О халлухах (خالغ) рассказывают, что этот Халлух был одним из тюркских начальников. (Эти тюрки) переходили с места на место; мать Халлуха сидела на лошади. Место было пустынным; один из слуг Халлуха подошел к матери Халлуха, хотел овладеть ею и схватил ее, женщина прогнала его с угрозами; известно, что тюркские женщины очень нравственны. Увидя это, слуга испугался, убежал и пришел в страну тогузгузов (توغرغز), во владения хакана (خاقان). Один из людей хакана нашел его в месте охоты, в суровой местности, прикрытого двумя кусками войлока;

¹ Себеос. История императора Ираклия, пер. Патканова, СПб., 1862, стр. 74 и 76. Ср. Ed. Chavannes, ук. соч., стр. 255.

² Н. Марр. Грамматика древнеармянского языка, СПб., 1903, стр. 3. Формы *ձեբուխ*, *ձեբուխի* и *ձեբու*, цитированные выше в русском переводе, как Тчепетух, Джембух, или Джебу, в подлиннике начинаются с букв *ձ* и *ջ*, которые Н. Я. Марр транскрибирует: в первом случае *†* произношением *ч* и во втором *ջ* с произношением 'дж'.

³ W. Barthold. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. ATIM, Neue Folge, S. 16.

⁴ N. Poppe. Altaisch und Vortürkisch. Ungarische Jahrbücher, Bd. VI, H. 1/2, 1926, S. 102.

⁵ В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. Зап. АН, т. I, вып. 4, стр. 104, прим. второе.

он дал ему имя Ябагу. (يباغو). Потом он привел его к хагану; хаган, узнав о его приключении, собрал всех людей Халлуха, бывших в его владениях, и тотчас назначил этого Ябагу начальником над ними; тому племени он дал название Ябагу Халлух (يباغو خالغ).¹

К этому отрывку, вернее к упомянутому термину Ябагу, В. Бартольд делает примечание следующего содержания: «Титул карлукских ханов, у арабских географов Джабгуе (جبغويه), так же у Гардизи, см. ниже. Произношение слова „джабгуе“ указано у Сам'ани, л. 87. Тот же титул мы, очевидно, имеем в слове Ябгу орхонских надписей».²

В этой легенде титул, повидимому, производится от глагола япмак (покрывать).³

Действительно, в этом же отрывке мы читаем: «первым из халлухов сел на престол Илмалмасын Джабгуе ايلمالسن جبغويه».⁴

Приведенные места из персидского автора XI в. исключительно интересны для поставленной нами темы. В самом деле, из племени карлук некто бежит к токуз-огузам (племенам йокающего диалекта) и получает титул Ябагу-Ябгу, который зафиксирован Гардизи совершенно точно, согласно диалекту токуз-огузов, в форме يباغو.

От этого карлукского беглеца происходит поколение (внутри токуз-огузов), которое получает (от тогуз-огузов) название — يباغو خالغ. В обоих случаях термин «ябагу», поскольку его происхождение связано с племенами йокающей группы языков, закономерно в персидской передаче начинается с ي. Когда же речь идет о непосредственно карлукских ханах, то последние в тексте Гардизи передаются в форме جبغويه, т. е. в той форме, в которой, как мы выше показывали, отмечают этот термин все авторы для западного каганата. Т. е. когда идет речь о термине, происхождение которого связано с джекающими говорами, то начальная фонема не ي, а ج. В. Бартольд полагал, как мы выше цитировали, что термин يباغو связывался «народной этимологией» с глаголом «япмак». Предположим, что здесь возможна такая этимологизация этого термина (в чем можно сильно сомневаться и считать указание в предании, что человек был найден под войлоком, натяжкой для объяснения его прозвища-титула), то все равно в древнетюркском языке мы имеем глагол япмак(?), например, в тексте Могиян Хана в форме 𐰽𐰺𐰍𐰏.⁵

1 В. Бартольд. Отчет о поездке..., перс. текст, стр. 81; перевод, стр. 104.

2 Thomson. Inscriptions de l'Orkhon, Helsingfors, 1896, p. 146.

3 В. Бартольд, ук. соч., стр. 104.

4 В. Бартольд, ук. соч., стр. 105, перс. текст, стр. 82.

5 Текст Могиян Хана, Ха-II.

Однако нам кажется, что правдоподобнее признать то, что 1) отличие титула беглеца, поскольку он фактически передает тогуз-огузское происхождение, от титула карлукского хана (форма *جغويه* и *يياغو*) и 2) социальное различие этих ябгу — обе эти причины привели в предании к измышлению события, дающего возможность этимологизировать первый термин.

Отрывок по Гардизи о карлуках ценен тем, что показывает фонетические различия в произношении одного социального термина, происходящего из двух разных наречий тюркских языков. Термин *يياغو* лишь подчеркивает выше выдвинутое положение об отличном строе языка западно-тюркского каганата и указывает не на случайное, а закономерное явление формы *جغويه*.

Весь этот скромный запас аргументов в пользу сравнительно древнего происхождения джекающих форм тюркских языков, казалось бы, нарушала одна еще передача термина ябгу. Имеем в виду китайский язык. Термин ябгу обычно передавался в китайском языке, согласно переводам И. Бичурина и Ed. Chavannes, в форме Ше-ху (Che-hou). Характерно, что эта форма употреблялась одинаково для передачи термина «ябгу» и западных и восточных тюрков. Получалось нарушение намеченных нами утверждений. Правда, можно было бы предполагать, что народы, сталкивавшиеся с тюрками с запада, восприняли и запечатлели форму, впервые ими встреченную, т. е. джекающую (греки, арабы, армяне, персы), тогда как соседи тюрков с востока, китайцы, встретившись первоначально с йокающей формой, ее перенесли и на западный каганат, в котором, однако, была другая фонетическая форма. Зная, согласно вышеприведенным данным Гардизи, что различия учитывались в произношении, например, термина ябгу тогуз-огузами и карлуками, хотелось бы видеть подобные различия в передаче этого термина и китайцами.

Но факт остается фактом: тюркский термин ябгу передается по китайски 葉護, т. е. Che-hou в передаче Ed. Chavannes'a.

Однако эта транскрипция не передает произношение иероглифа Танского времени. Точную передачу этого термина можно восстановить по словарю В. Karlgren'a, который дает любопытные возможности произношения этого термина в древнюю эпоху, т. е. примерно в эпоху Тан.

Первый иероглиф 葉, согласно В. Karlgren'у, будет звучать по манд. наречию «ie'», в древности «jäp», или даже «däp».¹

¹ В. Karlgren. Analytic dictionary of Chinese and Sino-Japanese, Paris, 1923, p. 92.

Второй иероглиф 護 по манд. наречию произносится ху и в древности «γuo'», или «g'uo'», или «guo'».¹

Таким образом мы имеем две основных древних формы титула ябгу в китайской передаче — либо ĭär-γuo', или ĭär-g'uo — при одной графической передаче 葉護.

А отсюда следует, что так как в древности слово 葉護 могло звучать двояко и в обоих случаях совпадало с той или иной формой термина ябгу, то было лишним иметь разные транскрипции. Вот почему в сообщениях об ябгу и западного и восточного домов фигурирует один и тот же «Бичуринско-Шаванновский» загадочный термин «Шеху» — Che-hou, фактически ĭär-γuo' или ĭär-g'uo.

Отсюда следует, что круг наших сведений о произношении термина ябгу в западно-тюркском каганате не нарушается китайской передачей, а подтверждается.

На основании рассмотренного материала можно пока сделать следующий вывод. На территории древнего Казахстана и Киргизии, среди племен, составлявших западно-тюркский каганат, был известен джекающий диалект тюркского языка. Эта языковая особенность по сравнению с восточными тюрками (в Монголии) отражает и известную этническую обособленность среднеазиатских тюрков от монгольских.²

Западно-тюркский каганат включал тюркские племена и южного Казахстана, которые явились предками ряда среднеазиатских народов, в том числе и современных казахов. Так как последние обладают языками джекающего или, вернее, жекающего диалекта, то можно говорить, что слова, нами разобранные, являются древнейшими следами формирования некоторых среднеазиатских тюркских языков, например казахского.

Эти древнейшие элементы отмечаются письменными источниками с конца VI в. н. э.

Следует помнить, что древнетюркские племена с джекающим диалектом локализируются на территории главным образом Казахстана. Это заставляет нас ставить в известную связь, на основании языковых данных, племена VI—VIII вв. с этногенезисом казахов.

¹ В. Karlgren, ук. соч., стр. 66.

² Можно сделать возражения, что немногочисленные рунические надписи с территории р. Талас совпадают по языку с языком орхонских тюрков и не дают материала для подтверждения вышеприведенных суждений. На это только следует указать, что язык руники вообще будет, по всей вероятности, отражать йокающий диалект, так как это письмо и язык господствующего класса тех племен, где джекание не было известно. О надписях на камнях с долины р. Талас, см. С. М а л о в, Древне-тюркские надгробия с надписями бассейна р. Талас, АН, 1929.

А. БОКАРЕВ

Материалы по диалектологии андо-цезских языков

І. Наречие аула Tuqıta

§ 1. Предлагаемые ниже материалы записаны во время работы андийского отряда дагестанской лингвистической экспедиции 1933 г., организованной Институтом языка и мышления АН, ВЦК НА и Дагестанским научно-исследовательским институтом, от Джамала Шамсудинова, в то время секретаря Тукитинского сельсовета.

Аул Tuqıta расположен в Ахвахском районе ДАССР, в нескольких километрах к югу от аула Карата, на высокой и изолированной горе. По переписи 1926 г. в ауле Tuqıta проживает 774 чел. По всей видимости, язык Tuqıta представляет собою наречие, хотя и сильно отличающееся, каратинского языка: тукитинец и каратинец понимают друг друга, если каждый говорит на своем языке, хотя каждому приходится напрягать внимание. Тукитинцы имеют только случайную связь с каратинцами и экономически тяготеют к району, заселенному ахвахцами.

Состав фонем предварительно установлен начальником отряда Н. Ф. Яковлевым; тексты проверены, с точки зрения точности записи, им же. Большинство примеров из каратинского языка заимствовано также из материалов Н. Ф. Яковлева.

§ 2. Звуковая система наречия Tuqıta построена в основном на тех же принципах, что и аварская,¹ из которых главнейшие: а) противопоставление надгортанных взрывных подгортанным (по терминологии Н. Ф. Яковлева); б) кратких придыхательных геминированным непридыхательным. Специфическими для наречия Tuqıta являются следующие особенности: а) резкая палатализация ряда согласных; б) спирантный элемент в аффрикатах выражен настолько сильно, что нередко вместо надгортанных геминированных аффрикатов явственно слышатся надгортанные гемини-

¹ См. Л. И. Жирков, Грамматика аварского языка, М., 1924, стр. 11 сл.

рованные спиранты; так, факультативны $\underline{\text{t}}\underline{\text{p}}^1$ и $\underline{\text{p}}$, $\underline{\text{k}}\underline{\text{f}}$ и $\underline{\text{f}}$; отчетливо слышен спирантный элемент в $\underline{\text{š}}\underline{\text{s}}$, $\underline{\text{ʃ}}\underline{\text{p}}$ и $\underline{\text{q}}\underline{\text{q}}$; в палатальном варианте $\underline{\text{k}}$ спирант также ясно слышится: $\underline{\text{k}}^{\text{f}}$; звука $\underline{\text{t}}$ вообще, по всей видимости, нет в наречии $\underline{\text{T}}\underline{\text{uq}}\underline{\text{t}}\underline{\text{a}}$: во всех записанных словах он заменен через $\underline{\text{š}}$. Спирантизация настолько сильна, что в моих записях нередко вместо $\underline{\text{ʃ}}$ встречается s , вместо g — γ (заднетвердонёбный спирант), вместо g — γ .

Фонематична ли палатализация — сказать, за недостатком материалов, трудно; у меня только один пример: $\text{wa}\underline{\text{f}}\underline{\text{a}}$ 'пришел, прибыл', $\text{wa}\underline{\text{f}}\underline{\text{a}}$ 'сын'; в материалах палатализацию везде отмечаю.

Кажется, есть долгота гласных; однако я нигде ее не обозначаю, так как за недостатком материалов трудно решить, фонематична ли долгота гласных, как, например, в чамалинском языке.

о и и, е и ɛ смешиваются нередко в записях самого Шамсудинова: он пишет $\underline{\text{p}}\underline{\text{r}}\underline{\text{w}}\underline{\text{a}}\underline{\text{r}}\underline{\text{d}}$ и $\underline{\text{p}}\underline{\text{c}}\underline{\text{w}}\underline{\text{a}}\underline{\text{r}}\underline{\text{d}}$, $\underline{\text{q}}\underline{\text{e}}\underline{\text{f}}\underline{\text{a}}\underline{\text{g}}$ и $\underline{\text{q}}\underline{\text{f}}\underline{\text{a}}\underline{\text{g}}$, $\underline{\text{p}}\underline{\text{h}}\underline{\text{o}}\underline{\text{l}}$ и $\underline{\text{p}}\underline{\text{h}}\underline{\text{u}}$, даже $\underline{\text{p}}\underline{\text{h}}\underline{\text{u}}\underline{\text{v}}\underline{\text{l}}$. В моем восприятии эти звуки в отдельных случаях закрытые; не думаю, что они являются самостоятельными фонемами, отличными от чистых о и и, е и ɛ: такого рода путаница — обычное явление и в печатной литературе аварцев; скорее, наоборот: е и ɛ, о и и не успели еще полностью развиться в самостоятельные и противопоставленные друг другу фонемы; то, что воспринимается на слух как «закрытость», есть, вероятнее всего, характеристика диффузного гласного.

ау акустически дает $\bar{\text{e}}$: $\text{beh}\bar{\text{e}}\underline{\text{d}}\underline{\text{u}}$ вм. behaydu ; ае также дает $\bar{\text{e}}$: $\text{gih}\bar{\text{e}}\underline{\text{d}}\underline{\text{e}}\underline{\text{g}}\underline{\text{u}}$ вм. $\text{gihida eg}\bar{\text{u}}$ (Шамсудинов: gihidegu).

§ 3. Классов, по всей видимости, три, причем распределение имен по классам то же, что и в аварском: 1) мужчины, 2) женщины и 3) все остальное:

$\text{m}\underline{\text{i}}\underline{\text{k}}\underline{\text{u}}\text{-w wa}\underline{\text{f}}\underline{\text{a}}$ 'маленький мальчик'	} мн. ч. $\text{m}\underline{\text{i}}\underline{\text{k}}\underline{\text{u}}\text{-b-ay wa}\underline{\text{f}}\underline{\text{a}}\underline{\text{y}}, \text{ya}\underline{\text{f}}\underline{\text{i}}\underline{\text{b}}\underline{\text{d}}$
$\text{m}\underline{\text{i}}\underline{\text{k}}\underline{\text{u}}\text{-y ya}\underline{\text{f}}\underline{\text{i}}$ 'маленькая девочка'	
$\text{m}\underline{\text{i}}\underline{\text{k}}\underline{\text{u}}\text{-b k}^{\text{f}}\underline{\text{a}}\underline{\text{d}}$ 'маленькая лошадь'	} мн. ч. $\text{m}\underline{\text{i}}\underline{\text{k}}\underline{\text{u}}\text{-r-ay k}^{\text{f}}\underline{\text{a}}\underline{\text{b}}\underline{\text{ʃ}}\underline{\text{a}}\underline{\text{y}}, \text{us}\underline{\text{ʒ}}\underline{\text{u}}\underline{\text{d}}\underline{\text{l}}$
$\text{m}\underline{\text{i}}\underline{\text{k}}\underline{\text{u}}\text{-b us}\underline{\text{ʒ}}\underline{\text{u}}\underline{\text{l}}$ 'маленький стол'	

§ 4. Существительные. Образование множ. числа происходит с помощью различных суффиксов, часто с изменением основы:

¹ Черта над литерой — показатель геминированности, черта под литерой — показатель надгортанности. Для точности записи пришлось отступить от принципов аналитического алфавита и изображать иногда звук двумя литерами: $\underline{\text{k}}\underline{\text{q}}$ (заднемягконёбный надгортанный геминированный аффрикат с резко выраженным спирантным элементом), $\underline{\text{q}}\underline{\text{q}}$ (соответствующий ему подгортанный аффрикат), $\underline{\text{š}}\underline{\text{s}}$ и $\underline{\text{ʃ}}\underline{\text{p}}$ (геминированные подгортанные аффрикаты с резко выраженным спирантным элементом).

1) -bi: ūsa 'бык', ūsalibi (возможна и форма ūsalal, под влиянием аварского; карат. ūsa-ūsalı)¹; qeðu 'кошка', qeðabi (карат. išo-išabi); ɣaru 'шея', ɣarabi; sunk^ɾa 'рот', sunk^ɾabi (карат. eli-elabi); ɣuni 'волос человека', ɣunabi (карат. ɣūy-ɣūdı); qonɸa 'нога', qonɸıbi;

2) -di: baɣal 'живот', baɣaldı; minar 'голова', minardı (карат. hadoɣa-hadoɣabi); ɣa 'звезда', ɣubdı (карат. iɣay-iɣabdı); hoy 'собака', hodı (карат. ĩay-ĩanı); qurɣı 'месяц', qurɣıbdı (карат. bortıɣo-bortıɣadı); usɖul 'стол', usɖuldı; yaɣı 'дочь, девочка', yaɣıbdı; iɲu 'войско', iɲubadı; сюда же tuɣadı 'козлы' (ед. ч. у меня нет);

3) -l: ūsa 'бык', ūsalal (см. п. 1); hark^ɾa 'глаз', hark^ɾel (возможна и форма hark^ɾay; карат. harka-harkay); ɣadan 'человек', ɣadam(ad)ı; сюда же maɣ^ɾıl 'дети' (ед. ч. у меня нет);

4) -ay: k^ɾaɖu 'лошадь', k^ɾabɖay (акустически: k^ɾabɖoy; карат. ĩane ĩanı); hark^ɾa 'глаз', hark^ɾay (см. п. 3); waɣa 'сын, мальчик', waɣay (акустически: woɣa, woɣay; карат. wama-wamay); harukɣa 'женщина', hark^ɾay (?).

В склонении, кроме падежных формативов, часто употребительна внутренняя флексия основы, куда включаю и наращение ее различными элементами.²

'Отец'	'Сын'	'Мать'	'Лошадь'
Им. 1m-a (1m-a)	waɣa (wama)	ıl-a	k ^ɾ aɖ-u
Род. 1m-u-w (1m-ɔ-w)	waɣa-ɸu-w (wama-ɸu-w)	ıl-u-l (ıl-o-ɣ ⁴)	k ^ɾ aɖ-i-l
Дат. 1. 1m-u-ɣa (1m-ɔ-qar)	waɣa-ɸu-ɣa	ıl-u-ɣa	k ^ɾ aɖ-i-ɣa
Дат. 2. ³ 1m-u-w-a (1m-ɔ-w-a)	waɣa-ɸu-w-a	ıl-u-w-a	k ^ɾ aɖ-i-w-a
Акт. 1m-u-d (1m-ɔ-l)	waɣa-ɸu-d	ıl-u-d	k ^ɾ ad-i-d
Сопровод. 1m-a-k ^ɾ ın (1m-ɔ-kel)	waɣa-k ^ɾ ın	ıl-a-k ^ɾ ın	k ^ɾ aɖ-u-k ^ɾ ın

¹ Каратинские формы по Дирру с исправлениями.

² В скобках даю каратинские формы.

³ Разница двух дательных мне не совсем ясна. То, что говорит Дирр (Краткий грамм. очерк андийского языка, 10), не полно и по отношению к андийскому языку. В текстах мне ни разу не встретилось то значение, на которое указывает Дирр.

⁴ ɣ в данном случае взрывной латеральный.

	‘Дом’	‘Войско’	‘Щиварди’ (имя)	‘Общество’
Им.	mis-a (mis-a)	ihu	ṣṣwardi	ḡamaɣaɣ
Род.	mis-o-l (mis-o-ḡ ¹)			
Дат. 1.	mis-u-ḡa	ihu-ḡa		
Дат. 2.	mis-u-w-a	ihu-w-a ihu-ḡ ₁ -b-a		
Акт.	mis-u-d	ihu-ḡ ₁ -d	ṣṣwardi-d	ḡamaɣaɣ- -ḡ ₁ -d
Сопровод.			ṣṣwardi-k ₁ ^ṫ in ²	

Разрозненные примеры на различные падежи:

Род. han-l (им. han ‘аул’), ɣumaṫu-l (им. ɣumaṫu ‘табак’), qalkḡ-ḡ₁-l (им. qalkḡ ‘народ’) ḡeṛi-ḡ₁-l (им. ḡeṛi ‘цвет’), saɣar-ḡ₁-l (им. saɣar ‘поход’).

Дат. 1. ɣumala-ṣṣu-ḡar (им. ɣumala-w имя; ср. карат. -ɣar, а также ниже в местоимениях); ihuḡa-ḡar (им. ihuḡa ‘озеро’).

Дат. 2. maduhal-ṣṣu-b-a (им. maduhal ‘сосед’).

Акт. kḡoḡa ‘временем’ (активный ли падеж? в аварском переводе стоит meḡaḡ, акт. п. от meḡ), zubi-ḡ₁-d ‘днем’ (в аварском переводе koṡaḡ, акт. п. от ko ‘день’), geṫin-ḡ₁-d ‘год’ (им. geṫin; в аварском переводе sonaḡ от son ‘год’).

Сопровод.: ɣadam-i-l-k₁^ṫin (им. ɣadan ‘человек’), hiɗaɗiɣab-k₁^ṫin с гидатлинским.

Местные падежи: на ḡ₁ (Locativ): han-ḡ₁ ‘в ауле’, baḡ₁-ḡ₁ ‘в середине’, ihuḡa-ḡ₁ ‘в озере’, ḡuḡaba-ḡ₁ ‘в скалы’ (через скалы?), ɣaɣsa-ḡ₁ ‘в выступ’ (через выступ?) (ср. карат. ḡē ‘вода’, ḡē-ḡ₁);

на ḡ₁-ḡ (Allativ, на вопрос куда?): han-ḡ₁-ḡ ‘в аул’, ihuḡa-ḡ₁-ḡ ‘в озеро’, Hiɗa-ḡ₁-ḡ ‘в Гид(атль)’, ḡuṫu-ḡ₁-ḡ ‘в лес’ (ср. карат. ḡē-ḡ₁-ḡ ‘в воду’, ḡan-ḡ₁-ḡ ‘на крышу’);

на b-i (Allativ, на вопрос куда?): ɣasa-b-i ‘в Асу’ (от ɣasa); ср. карат. ganda ‘яма’, Loc. gand-i, All. gand-i-ḡ; возможно, что b — классный показатель;

на qḡ: maduhal-i-qḡ ‘к соседу’, haɗuɣa-ḡ₁-qḡ ‘за сумку’ (продал);

на q₁: ɣasa-q₁ ‘к Асе’ (ср. ав. qun, чам. qin);

¹ ḡ в данном случае взрывной латеральный.

² Шамсудинов в одном случае пишет ḡ; думаю, что это ошибка.

на la: ihu-h₁-la 'войску', h₁illa-h₁-la 'для тайны' (может быть это послелог h₁la 'для?');
 на h₁: ihu-h₁ 'под войском' (ср. карат. usul-l-h₁ — под столом);
 на t: mih₁-t (им. mih₁ 'солнце') 'солнечное место', букв. 'на солнце';
 сюда же, по всей вероятности, исходный ihu-t-u-г-а 'от войска' (ср. карат. im-o-t-o 'у отца', im-o-t-o-gal 'от отца').

Мне встретился только один *послелог*: ʃag 'на' (на вопрос куда?), употребляемый, как кажется, с род. падежом: ʃirwardi-l ʃag 'на Шиварди', h₁i-l ʃag 'на нас', маk_a-h₁-l ʃag 'на место', Туq_i-l ʃag 'к Тукита', геz_i-l ʃag 'на край'. Он же употребляется в форме qeʃag, общее значение которой 'на' (напр. ihuga-hag qeʃag 'на озеро', с дат. пад.); qeʃag, как и другие формы qe-, употребляется, впрочем, и в независимом положении (см. тексты: qe-h₁ ihu-h₁, qe-h₁-r, qeʃarhida egu и др.); общее значение qe- для меня непонятно (ср. карат. послелог qe: qe-h₁ 'под', qe-h₁-gal 'из-под'; qa: qa-ʃa 'на', qa-ʃa-gal 'с'; оба в каратинском употребляются при Ablativ'e, тукитинское же qe- или с дат. пад. или в независимом положении).

§ 5. Прилагательные имеют класные показатели как в начале, так и в конце:

miku-w wa <u>ʃ</u> a 'маленький мальчик'	{	мн. ч. miku-b-ay wa <u>ʃ</u> ay, ya <u>ʃ</u> i bdi (акустически: mikubē).
miku-y ya <u>ʃ</u> i 'маленькая девочка'		
miku-b k <u>ʃ</u> a <u>ʃ</u> i 'маленькая лошадь'	{	мн. ч. miku-r-ay k <u>ʃ</u> ab <u>ʃ</u> ay, us <u>u</u> ldi (акустически: mikurē)
miku-b us <u>u</u> l 'маленький стол'		
hink <u>ʃ</u> a-w <u>ʒ</u> adan 'большой человек'	{	мн. ч. hink <u>ʃ</u> a-b-ay <u>ʒ</u> adamadi, hark <u>ʃ</u> ay (акустически: hink <u>ʃ</u> abē)
hink <u>ʃ</u> a-y haruk <u>q</u> a 'большая женщина'		
hink <u>ʃ</u> a-b k <u>ʃ</u> a <u>ʃ</u> i 'большая лошадь'	hink <u>ʃ</u> a-r-ay k <u>ʃ</u> ab <u>ʃ</u> ay	
wu-haru-w <u>ʒ</u> adan 'старый человек'	{	мн. ч. bi-haru-b-ay <u>ʒ</u> adamadi, hark <u>ʃ</u> ay
yi-haru-y haruk <u>q</u> a 'старая женщина'		
bi-haru-b k <u>ʃ</u> a <u>ʃ</u> i 'старая лошадь'	bi-haru-r-ay k <u>ʃ</u> ab <u>ʃ</u> ay	

(в карат. в 3 кл. кл. показат. — ш, он же во мн. ч.).

Разрозненные примеры: wa-qil-a-w (ср. ав. qalaʒ-a-w) 'длинный, высокий'; qahu-b 'белый'; ʃanu-r-ay маk_il 'маленькие (незрелые) дети'; ʃuhu-b 'хорошее'; hahʃaʃi-b 'ленивое'; hertu-b 'высокий'; heg-r-ay 'красные' (глаза); kudu-r-ay 'какие' (собств. «каковские», ав. ʒadinal); ʒanaʃ-ay 'дикие'; ʃagu, -s 'живой'; miʃʃa-b-ay 'верховые'; simi 'сердитый'.

§ 6. Местоимения.¹*Личные.*

Я		Мы (инклюзивное)	
Им. <i>dɪnɪ</i> (den)		Им. <i>ĩḥɪ</i> (ĩḥɪ)	
Род. Ед. ч. Мн. ч.		Род. <i>ĩḥɪ-b</i> (изменяется, по всей	
<i>dɪ-w</i> } <i>dɪ-b-au</i> (карат. так же)		вероятности, по классам).	
<i>dɪ-y</i> }		Дат. 1. <i>ĩḥɪ-haŋ</i> (ĩḥɪ-qaŋ)	
<i>dɪ-b dɪ-ŋ-au</i>		Дат. 2. <i>ĩḥɪ-w-a</i> (карат. <i>ĩḥɪwa</i> без	
Дат. 1. <i>dɪ-haŋ</i> (dɪ-qaŋ)		изменения по классам?)	
Дат. 2. <i>dɪ-w-a</i> (карат. <i>dɪwa</i> без		<i>ĩḥɪ-y-a</i>	
изменения по классам?)		<i>ĩḥɪ-b-a</i>	
<i>dɪ-y-a</i>		Акт. <i>ĩḥɪ-d</i> (ĩḥɪ-l)	
<i>dɪ-b-a</i>		Сопр. <i>ĩḥɪ-b-k¹in</i> (изменяется по	
Акт. <i>dɪn-dɪ</i> (den-a)		классам? карат. <i>ĩḥɪ-kəl</i>)	

Ты		Мы (эксклюзивное)	
Им. <i>mɪnɪ</i> (men)		Им. <i>ĩmɪ</i> (ĩmɪ)	
Род. Ед. ч. Мн. ч.		Род. <i>ĩmɪ-b</i> (изменяется, по всей	
<i>du-w</i> } <i>du-b-au</i> (карат. так же)		вероятности, по классам)	
<i>du-y</i> }			
<i>du-b du-ŋ-au</i>		Дат. 1. <i>ĩmɪ-haŋ</i> (ĩmɪ-qaŋ)	
Дат. 1. <i>du-haŋ</i> (du-qaŋ)		Дат. 2. <i>ĩmɪ-w-a</i> (карат. <i>ĩmɪwa</i> не	
Дат. 2. <i>du-w-a</i> (карат. <i>duwa</i> без		изменяется по классам?)	
изменения по классам?)		<i>ĩmɪ y-a</i>	
<i>du-y-a</i>		<i>ĩmɪ-b-a</i>	
<i>du-b-a</i>		Акт. <i>ĩmɪ-d</i> (ĩmɪ-l)	
Акт. <i>mɪn-dɪ</i> (mena)			

Указательные местоимения

Примеров у меня мало:

<i>he-w</i> }	мн. ч. <i>he-b-au</i> (акустич. <i>hebe</i>) 'этот'
<i>he-y</i> }	
<i>he-b</i>	<i>he-ŋ-au</i> (акустич. <i>here</i>)
<i>ha-w</i> }	мн. ч. <i>ha-b-au</i> 'этот'
<i>ha-y</i> }	
<i>ha-b</i>	<i>ha-ŋ-au</i>

¹ В скобках каратинские формы.

Полного склонения указательных местоимений у меня нет. Местоимение *hu-w* встретилось мне в следующих формах: род. *hu-ṣu-b*, *hu-w-ṣu-y*, акт. *hu-ṣu-d*.

Возвратное местоимение: *in-ṣu-w-gi*, *in-ṣu-b-gi*; есть и усеченная форма: *in-ṣu-b*; *-gi*, по всей видимости, заимствование из аварского (=‘и’); ср. анд. *en-*.

§ 7. В числительных почти полностью сохранился двадцатеричный счет; в каратинском преобладает десятиричный (в скобках — каратинские формы):

- 1 *ṣe-w*, *-y*, *-b* (*ṣe-w*, *y*, *-b*)
- 2 *k^re* (*kèda*)
- 3 *ḥabí* (*ḥàbda*)
- 4 *bôzô* (*bôʔoda*)
- 5 *imṣù* (*imṣuda*)
- 6 *inḥì* (*inḥida*)
- 7 *haḥù* (*hàḥuda*)
- 8 *biḥì* (*biḥida*)
- 9 *haṭà* (*hàṭada*)
- 10 *hata* (*hàtada*)
- 11 *hata ṣe-b*, (*hataṣe-b*)
- 12 *hata k^re* (*hatakeda*)
- 20 *kḡindu* (*keyatada*)
- 21 *kḡindu ṣe-b*, (*keyatṣe-b*)
- 30 *ḥamanu* (*ḥabatada*)
- 31 *ḥaman ṣe-b*, (*ḥabatṣe-b*)
- 40 *k^re kḡindu* (т. е. ‘два двадцать’) (*boʔotada*)
- 50 *k^re kḡindu hata* (т. е. ‘два двадцать десять’) (*imṣutada*)
- 60 *ḥabí kḡindu* (т. е. ‘три двадцать’) (*inḥatada*)
- 70 *ḥabí kḡindu hata* (*haḥatada*)
- 80 *bôzô kḡindu* (*biḥatada*)
- 90 *bôzô kḡindu hata* (*haṭatada*)
- 100 *beḥan* (*bemanda*)
- 200 *k^re beḥan*
- 1000 *ḡazar* (*azarda*)

После числительных, как и вообще во всей аваро-андо-цезской группе, имя стоит в ед. числе: $k_1^t e\ be\ \bar{f}an\ \bar{\epsilon}adan\ wu-l\ \bar{\epsilon}alida\ eg\bar{u}$ 'двести человек умертвивши есть' (ед. ч. $\bar{\epsilon}adan$, кл. пок. 1 кл. ед. ч.).

§ 8. Глаголы. *Классные показатели в глаголах.* В отличие от аварских, тукитинские глаголы не имеют одинаковых классных показателей, проведенных через всю глагольную систему (w, y, b в начале, середине и конце глагольных и причастных форм ед. числа; t в начале и в середине, l в конце причастных и глагольных форм мн. числа), и приближаются в этом отношении к андийским (см. Дирр, Кр. грамматич. очерк андийского яз., Тифлис, 1906 = СМОПМК, XXXVI, 6—7): все глаголы (по крайней мере, из имеющихся у меня) в качестве классного показателя имеют целый слог, различный в различных глаголах. Классные показатели в глаголе подчиняются тому же правилу, что и в прилагательных и указательных местоимениях, именно: во мн. числе 1 (и 2?) класс имеет показатель, общий с классным показателем 3 кл. ед. числа.

Ед. ч.

Мн. ч.

1 кл. $wu-k-a$ 'был'1 кл. $bu-k-u$ 'были' $wu-k-u-du-w$ прич. наст. $wu-k-a-da\ eg\bar{u}$ 'бывши есть'3 кл. $bu-k-au-du$ 'быть' $bu-k-u-du-b$ прич. наст. $bu-k-u-be!$ 'будь!'1 кл. $w\bar{u}-\bar{\epsilon}-a$ 'ушел, вышел'1 кл. $tu-\bar{\epsilon}-u$ 'ушли' $w\bar{u}-\bar{\epsilon}-a-da\ eg\bar{u}$ 'ушедши есть' $w\bar{u}-\bar{\epsilon}-u-du-w$ прич. наст.3 кл. $tu-\bar{\epsilon}-a-da\ eg\bar{u}$ 'ушедши есть'

Кроме этих классных показателей, у меня зарегистрированы еще следующие:

Ед. ч.

Мн. ч.

1 кл. $wu-l\ \bar{\epsilon}-al-i-da\ eg\bar{u}$
'умертвивши есть' $ba-l\ \bar{\epsilon}-i-da\ eg\bar{u}$
'умершие есть'1 кл. $w\bar{u}-s-a-da\ eg\bar{u}$
'нашедшие есть'3 кл. $mi-s-a\bar{s}$ 'найдем'3 кл. $mi-s-i-da\ eg\bar{u}$ 'нашедши есть'
 $mi-s-a\bar{s}$ 'найдем'¹1 кл. $wa-\bar{\epsilon}-a$ 'достиг, дошел' $wa-\bar{\epsilon}-a-da\ eg\bar{u}$ 'достигши есть'

¹ $mi-?$ В записи возможна ошибка, вм. $mi-$.

3 кл. ba-ɛ-a 'достиг'

3 кл. ba-ɛ-a 'поднялся'

1 кл. wu-q̄-u-da egû 'оставшись есть'

3 кл. be-q̄-u-b прич. прош.

3 кл. be-h-au-du 'брать, покупать'

bi-h-1 'купил'

ba-h-aš 'возьмем'.

Чередование классных элементов в последнем примере мне непонятно.

Таким образом в глаголах наличны следующие классные показатели:

1 кл.	ед. ч.	wu-	wũ-	wu-	wũ-	wu-	wa-
	мн. ч.	bu-	mu-	ba-	mi-?	?	ba-?
3 кл.	ед. ч.	bu-	mu-	ba-?	mi-	be-	ba-?
	мн. ч.	?	?	?	ni-	?	?

Наличие классного показателя на *m* обнаруживается и в каратинском (см. Дирр, Материалы, 23: haŋka-m ʔani; Дирр думает, что здесь *m* < *b*; едва ли это так; в чамалинском, по моим материалам, ряд глаголов, в частности «итти», «уходить», имеет следующие кл. показатели: 1. wũ-, 2. y1-, 3. mĩ-, 4. y1-, 5. wũ-, во мн. ч. 1, 2 mǎ-, 3, 4, 5 yǎ-, 'приходить': 1. w1-, 2. m1-, 3. b1-, 4. n1-, 5. d1-, мн. ч. 1, 2 ba-, 3, 4, 5 da-).

Конечные классные показатели причастий, в отличие от андийского, изменяются: wu-k̄-u-du-w, bu-k̄-u-du-b; ħ̄-1-du-w называемый, ħ̄-1-du-b.

Инфинитив своим показателем имеет -au-du (карат. -a-ħa): gɫh-au-du 'делать', bu-k̄-au-du 'быть' (карат. bukaħa), bi-ħ̄1l-au-du 'видеть', guq̄uq̄-au-du 'отобрать', hɪnk̄1¹-au-du 'смотреть'.

Времена¹

bu-k̄-au-du 'быть' (bu-k̄-a-ħa)

Наст. egû (связка, не изменяется по классам) (idǎ)

Прич. наст.

связки: egû-b (id(y)ǎ-w, -y, -b, мн. id(y)ǎ-b-au, -r-au)

реального глагола: wu-k̄-u-du-w, bu-k̄-u-du-b.

Прош. wu-k̄-a (1 кл.), bu-k̄-a (3 кл.), мн. bu-k̄-u (1 и 2 кл.)

(wu-k̄-a, y1-, bi-k̄-a, мн. ba-, ra-k̄-a)

wu-k̄-a-da egû (соответств. аварскому wu-k̄-un wu-go).

Буд. (wu-k̄-aš, y1-, bi-k̄-aš, мн. ba-, ra-k̄-aš)

Пов. bu-k̄-u-be

(wu-k̄-u, y1-k̄-u, bi-k̄-u, мн. ba-, ra-k̄-u)

¹ В скобках каратинские формы.

be-ḥ̄-ay-du 'пахать, обрабатывать землю'.

Прош.	Наст.	Буд.	Пов.
be-ḥ̄-1 (beḥ̄e) 'пахал'	be-ḥ̄-1-da (-ka) (be-ḥ̄-1-dā) 'пашет' (вообще, общее настоящее)	be-ḥ̄-aš (beḥ̄as) 'будет пахать'	be-ḥ̄-a (beḥ̄a)
	be-ḥ̄-1-da egû (beḥ̄idā idā) 'пашет есть' (пашет сейчас, в настоящий момент)		

Причастия

be-ḥ̄-o-b (beḥ̄ob) 'паханный'	be-ḥ̄-1-du-w, -y, -b (beḥ̄ido-b) 'пашущий, который обычно пашется, пашет'.
be-ḥ̄-o-b egû (beḥ̄ob idā) 'паханный есть'	be-ḥ̄-1-du-w, -y, -b egû 'пашущий есть' (способен, пригоден к пахоте, умеет пахать).

Отрицательные формы

be-ḥ̄-1-t-e	be-ḥ̄-1-d-e-t-e	be-ḥ̄-1-ba-t-e
	be-ḥ̄-ay-du haṭ-o-b ¹	
bi-h-1 (behe) 'взял'	be-h-ay-du 'покупать', 'брать'	
	bi-h-1-da (beḥ̄idā) 'беру' (вообще)	ba-h-aš 'возьму'
	bi-h-1-da egû.	

Причастия

bi-h-u-w (boh̄ow)	bi-h-1-du-w
bi-h-u-y	bi-h-1-du-y .
bi-h-u-b (boh̄ob)	bi-h-1-du-b (beḥ̄ido-b)
	bi-h-1-du-b egû (beḥ̄idob idā) 'берущий есть' (способен покупать, пригоден к покупке).

Отрицательные формы

bi-h-1-t-e (beḥ̄iṭe)	bi-h-1-d-e-t-e (beḥ̄idaṭe).	bi-h-1-ba-t-e
-------------------------	--------------------------------	---------------

Причастия

bi-h-1-t-u-w (beḥ̄iṭow)	be-h-ay-du haṭ-o-b (ав. bosize heṭeb).
----------------------------	---

¹ Собственно 'пахать не сущий' (имеет и долженствовательное значение, как и аварский перевод этой формы beḥ̄ize heṭo?).

По другим глаголам у меня разрозненные примеры.

Прош.: gih-1 'сделал'; h̄-1 'сказал'; ꞑðl-1 'убежали'; be-h̄-1 'вышли'; kq̄el-al-1 'приготовил'; be-ð-1 'оставил'; kantul-1 'прыгнул'; kantul-al-1 'заставил прыгнуть'; ġankq̄il-1 'задохнулись'; ġankq̄il-al-1 'утопил'; wo-h̄ul-1 'кашлял'; bɛal-1 'блеял'; heb-1 'боялся'; ɟun-1 'полз'; fan-1 'устал'; fum-1 'убил'; h̄uh̄ul-1 'хрипел'; tam-1 'жевал'; sum-1 'заострил', 'очинил' (карандаш); ꞑun-1 'сыпал'; bi-f̄-1 'продал'; h̄un-1 'направился'; q̄am-1 'захватил'; wa-q-a 'пришел'; wũ-ɣ-a 'ушел', tu-ɣ-u 'ушли'; wa-ɛ-a 'достиг'; ba-ɛ-a 'достигли'; ba-ɛ-a 'поднялся' (simi ba-ɛ-a 'сердился', букв. 'желчь поднялась'); obal-a 'поцеловал'; wa-f̄-a 'пришел'; h̄ih̄-a 'спал'; egul-a 'любил'; be-ð-a 'потерял'; simaɛ-a 'сердился'.

Таким образом показатели прошедшего времени -1 и -a (во мн. ч. и и а?).

Причастия: be-q̄-u-b 'оставшееся'; tu-b-au-lu-b 'законченный'; be-f̄-a-w 'сыпавший'; be-h̄-u-b 'сыпанный' (?); gih-u-b 'сделанный'; ba-kq̄-u-t̄-u-w 'не соглашавшийся'.

Наст.: bu-kq̄-u-da (-ka) 'рубит вообще'; gih-i-da egũ 'делает'; wũ-ɣ-a-da egũ 'идет'; urġil-i-da egũ 'думает'; wũ-s-a-da egũ, ni-s-i-da egũ 'находит'; wa-ɛ-a-da egũ 'достигает'; h̄-i-da egũ 'говорит'; wũ-ğ-a-da egũ 'стоит'; ꞑðl-i-da egũ 'убегают'; wu-lɣ-al-ida egũ 'умерщвляет'; ba-lɣ-i-da egũ 'умирают'; wu-q̄-u-da egũ 'остается'; bi-h̄-i-da egũ 'кладет'; reqq̄uq̄-u-da egũ 'режет'.

Значение последней формы для меня осталось невыясненным: в отдельных словах Шамсудинов переводил через аварск. прич. + bugo, что выражает конкретное настоящее, в тексте — везде через дееприч. пр. вр. + bugo, что выражает так наз. «заглазное» прош. время; в текстах я перевожу ее через дееприч. пр. вр. + есть.

Причастия: wũ-ɣ-u-du-w 'идуший'; h̄-i-du-w, -b 'называемый'; bu-kq̄-u-du-w 'рубящий'; tam-du-b 'бросаемый'; bi-ɛ-i-du-b-au 'знаемые'.¹

Будущее: ni-s-aṣ 'найдем'; ni-ğ-al-aṣ 'не допустит'; сюда же, вероятно, и biṣaṣ 'нужно'.

¹ Кстати, Дирр (26) каратинскую форму geh-idob относит к наст. вр. глагола. На самом деле это — причастие наст. вр.: в вопросах (именно в вопросе встретилась эта форма Дирру, см. его примеры 7 и 9) обычна причастная форма вм. глагольной. Ср. У с л а р, Аварский язык, § 139, стр. 150.

Повелительное: wū-ğ-a-bi 'подожди'; k̄qel-al-a 'готовь'; bɛ-al-a 'доставь'; bu-q̄-al-a 'вынимай'; ħim-a 'хлебай'; k̄qam-al-a 'кушай'; k̄al-l-bi 'блужай'; ɟul-a 'плюнь'; hal-a 'проси, попрошайничай'; ɟɟob-a 'брызни'; ɟeb-a 'разложи (пшеницу, сено) для сушки'; q̄al-a 'строгай'; q̄aq̄al-a 'чеши'; ɟul-a 'дуй'; ħum-a 'заставляй, толкай'; maħul-a 'учи'; ħe-bi 'танцуй'; be-ɟ-al-a 'потеряй'; sum-in-a 'очини, заостри'; tam-a 'брось'; q̄al-a 'зарезь'.

Особо нужно остановиться на распространенной глагольной форме (она очень часто встречается в текстах), значение которой мне не удалось точно установить. Состав ее: прош. время + q̄i(n) с переменным классным показателем. В тексте эта форма употребляется в значении деепричастия; -q̄i(n), по всей видимости, связано с глаголом wa-q̄-au-du 'приходить' и по происхождению является его прошедшим временем (впрочем, нормальное прош. время от этого глагола будет wa-q̄-a). Не только в тукитинском, но и в каратинском языке, прош. вр. от глагола «приходить» употребляется как форматив дееприч. прош. вр. В каратинском wo-q̄-a-ħa 'приходить' дает формы: wo-q̄-u-da 'приходит', wo-q̄-aṣ 'придет' и wo-q̄-a 'пришел'. Значение «ушедши» выражается для различных классов так: wo-ɟ-ā-wo-q̄-a, ye-ɟ-ā-yo-q̄-a, bo-ɟ-ā-bo-q̄-a, мн. ba-ɟ-ā-ba-q̄-a, ga-ɟ-ā-ga-q̄-a (от wo-ɟ-ā-ħa уходить), значение «пришедши»: wo-q̄-a-wo-q̄-a, yo-q̄-a-yo-q̄-a (или ye-q̄-a-ye-q̄-a), bo-q̄-a-bo-q̄-a (или be-q̄-a-be-q̄-a), мн. ba-q̄-a-ba-q̄-a, ga-q̄-a-ga-q̄-a. Аналогично в сложных формах: wo-ɟ-ā-wo-q̄-a idā 'ушедши есть', соотв. аварскому un wigo, что значит 'ушел, говорят, мол', wo-q̄-a-wo-q̄-a idā 'пришедши есть', соотв. аварскому waṭ-un wigo, что значит «пришел, говорят, мол». В аварском языке в качестве формата дееприч. прош. вр. подавляющего числа глаголов употребляется деепричастная форма глагола ine 'итти, уходить': un. Кажется, поэтому, что объяснение -q̄i(n) как формата дееприч. прош. времени не является натяжкой.

В текстах -q̄i(n) встречается с двумя классными показателями: ba- и wa-. В большинстве случаев они согласуются с классом относящихся к данному глаголу имен. Ряд примеров выбивается из этой схемы: niħul biħiwaq̄in 'полову взявши' и niħul ɟiħiwaq̄i 'полову насыпавши'; в первом случае классный показатель мужчины, во втором — половы, предмета 3-го класса; alɟi biħiwaq̄i 'пучок купив', yaɟaḡ k̄qelaliwaq̄i 'оружие приготавлив', в обоих случаях классные показатели мужчины; kañulbaq̄i k̄e baħan ɟadan 'прыгнувши 200 человек': должен был бы стоять классный

показатель не мн., а ед. числа. В последнем случае предполагаю согласование по смыслу; в других же случаях, возможно, та же конструкция, что и в аварском, когда в одном и том же причастии употребляются классные показатели как объекта, так и субъекта, напр.: ʒi b-osule-w ʒi 'лошадь покупающий человек', или $\text{ʒi ʒu b-osule-w wugo}$ 'человек лошадь покупающий есть'.

Понудительные глаголы образуются с помощью суффикса *-al-*: ʒank̄q̄l-l-baq̄ 'задохнувшись', ʒank̄q̄l-al-l-hah 'не утопил ли', kantul-l-baq̄ 'прыгнувши', kantul-al-l 'прыгнуть заставил', ba-lɣ-l-da eḡu 'умерли', $\text{wu-lɣ-al-l-da eḡu}$ 'умертвивши есть', be-ɟ-a 'потерял', be-ɟ-al-a 'потеряй'. В последнем примере необходимость употребления суффикса понудительности не совсем ясна. Как кажется, в следующих словах также употреблен суффикс *-al-*, хотя смысл этого не совсем понятен (возможно, что действительно существуют соответствующие непонудительные глаголы): q̄q̄-al-a 'строгай', q̄q̄aq̄q̄-al-a 'чеши', h-al-a 'проси, попрошайничай', k̄l-al-l-bi 'блуждай', ob-al-a 'поцеловал', bu-q̄q̄-al-a 'вынимай', b-ɛ-al-a 'доставь' (ср. анд. -ш- 'итти, отправляться куда-нибудь' и -ш-ol- 'передавать, доставлять кому что-нибудь', Дирр, 165, и тукитинское же -ɛ- 'достигать', см. словарь), pi-ɟ-al-as 'не допустит', k̄q̄el-al-a 'готовь' и др. В каратинском, как кажется, долгота гласного как формальный момент: heb-a 'хлебай', heb-ā 'заставь хлебать', heb-aš 'буду хлебать', heb-aš 'заставлю хлебать'; t̄ag-aš 'побью', t̄ag-aš 'прогоню', а также особый глагол iɟ-a-ɣa 'заставлять': šoɣab-a 'просеивай', $\text{šoɣab-ā}||\text{šoɣabda iɟ-a}$ 'заставляй просеивать'. В андийском употребляется *-ol-*, *-on-*: -аш- 'итти', -аш-ol- 'заставлять итти', girdu 'лежать, катиться', gird-ol-lu 'катать, катить', hiriti 'высокий', hirit-ol-lu 'поднимать', kard-ol-lu 'рвать, блевать', *-t̄-*, 'умирать', *-t̄-ol-* 'уничтожать, портить' и др. Оставляю в стороне вопрос о том, что не всегда смысл употребления суффикса *-ol-* ясен, см. анд. a-q̄- , a-q̄-ol , kin , kin-ol- и др.

§ 9. $\bar{s}$ употребляется как форматив форм, подобных прилагательным и наречиям: buq̄al-l-ṣ 'после восхода' (вероятно, образовано от -q̄- 'приходить', карат. wa-q̄-a-ɣa 'приходить'), собств. 'то, которое после восхода'; t̄agu- 'живой', от t̄agu 'живой'. Ср. аварское $\text{-se: t̄o-ɟe-b-e-se-b}$ 'первый' (от ɟe-b-e 'впереди'), ɛand-l-se-w 'андиец'; чамалинские: $\text{d̄l-t̄-l-ṣ t̄aɟ hōb ida}$ 'лошадь, находящаяся у меня, хороша' (от d̄l я через посредство местн. падежа на -t̄), udaṣu-t̄-l-ṣ 'находящийся у него' (от udō он), imu-t̄-l-ṣ 'находящийся у отца' (от ima отец), d̄lt̄ weq̄q̄e-ṣ 'находящийся сзади меня', $\text{iḥ-l-t̄-an-l-ṣ mak-}$ 'место, в котором мы находимся' (от iḥ мы, через

посредство сопровод. пад. на -tã), ħesa-q-i-s̄ 'находящийся у реки' и т. п. Может быть и форматив буд. вр. aš примыкает сюда же?

ku- употребляется в аналогичном значении: maḳa-la-ku-b ħuḡ 'поле, находящееся в месте', qiml-ku-b 'окружающий' (основа мне непонятна), egū-ḡi-ku-v-la есть ли? Ср. чамалинские формы: uḏā-kaḡb 'находящиеся там', aqbaḥā-kaḡb 'находящийся в саду', zaḡlaq-kaḡb 'находящийся в болезни', nī-a-kaḡb 'пришедшая' и т. п. Вероятно, что формы beḥida-ka 'пашет вообще', buḳquda-ka 'рубит вообще' связаны с этим же формативом ('пашет сущий', 'рубит сущий'). Может быть и форматив сопровод. падежа относится сюда же (ṣiwardi-ḳin 'находящийся с Щиварди')?

ТЕКСТЫ

I

Wukada egū ḡew ṣadan canad. Wuḡawaqī huw ṣadan, waṣada
Бывши есть один человек охотник. Пошедши этот человек, дошедши

egū ruḡuḡir. Huqu nisida egū ḡanaḥay tuqadī. Huṣud ṣer
есть в лес. Там нашел есть диких козлов. Он имя

bḡida egū hub maḳaḡil ṣar, «Tuqita» ḡibaqī. Īṣib hanī
положивши есть это место на, «Тукита» сказавши. Наше здесь

ḡhub maḳaḡil ṣar wa ṣamma ṣaḳqū baṣabaqī haṭī huṣub
сделанное место на и но (т. е.) дума достигши нет его (из него)

hanī ḡhaydu ḡhub miḡiṭ; bukada egū buḡalis
здесь сделать хорошее солнечное место; бывши есть после восхода

erḡuldaḡa miḡi buḳudub, ḡim hini egūb
до конца солнце сущее (т. е. солнечное), вода внутри сущее (т. е. с водой).

II

Wukada egū tuqila ṣiwardi ḡiwaqin ḡew ṣadan, ḳqindu
Бывши есть тукитинец Щиварди назвавши один человек, двадцать

imṣu reḡin beḡaw,¹ waḡilaw ḡerq egūw, quḡaq egūw, ḡaḡub
пять летний, длинный тело(м) сущий, сила сущий, белого

¹ beḡaw, в аварском переводе baraw, букв. 'сыплющий'; в аварском это слово употребляется, в частности, при определении лет: anigo son baraw was 'десятилетний мальчик', haw wasaṣ anigo son baḡa 'этому мальчику десять лет', букв. 'этот мальчик десять лет насыпал'. В словарь это слово не помещаю, так как слову 'насыпал' соответствует ṣiṣi.

h̄ernh̄il baʒuḥiwa nur egūw, heruray kuduray hark^rel, handu k̄qutib
цвета лица из свет сущий, красные как глаза, лоб наружу

bulub,¹ behunaḥay bagaldaḥiwa² abūw, ʒundayla šimi
бугристый(?), плечи(?) широкий, всегда желчь

baʒawaqī wukuduw, ʒadamilk^rin reḥa
поднявшись (т. е. рассердившись) бывающий, с людьми слово

baḥq̄itūw. ʒeb, zubihid inṣubgi ʒumag yaraḡla k̄qelaliwaqī,
не соглашавшийся. В один день свое и ружье и оружие приготовив,

halmag hudul ʒumalaṣuhar waʒa. «Wa, ʒumalaw, heb zamana
к товарищу другу Умалаву пришел. «Эй, Умалав, это время

egū iḥibk^rin sarug qinilkub qalkq̄h̄il ḥal egūb zamana. Ḥḥib
есть с нами вместе окружающего народа битва сущее время. Наше

iḥa, inṣubeḥan ūsa muḥada egū hali? Hidadirab ihuhid
стадо, пятьсот быков ушедши не есть ли? Гидатлинское войско

q̄qamibaqī, req̄quq̄uda egū, ḥa hali? ʒasabi beḥe(?)
захвативши, зарезали есть, говорят не есть ли? В Асу пойти

buḥaṣ iḥi ʒeb, ḥal biḥlaydu. k̄qelala mindi saḥarh̄il
нужно нам одно положение посмотреть. Готовь ты похода

maḥaḥ, haray ʒerayla ihubadi kaḥi ʒamaʒaḥid miḡalaṣ
снаряжение, эти другие войска эти(?) общество не допустит

miṣaṣ, qeḥar beḥaydu eḥiṣbaqī. «Wūḡabi, waṣṣi ṣiwardi,
найдется, на приходить не допустивши». «Подожди, брат Шиварди,

ʒeb, ʒaʒala maḥaḥ k̄qelalildaha».³ ʒumalaw k̄qutī wūḥa
один час и снаряжение приготовил как». Умалав на улицу вышел

maduhaliq̄q. Haḡudi ḥidub maḥalakub hurla
к соседу. Гацуди называемое место и сущее поле и (т. е. поле, которое

maduhalṣuba biḥibaqī ʒeb, haḡuʒaḥiq̄q, wa, ʒeb,
было в Гацуди) соседу продавши за одну сумку, эй, одного

¹ bulub, у меня в черновой записи 'бугристый'. Не знаю, откуда произведено; но форме — прич. прош. вр.

² bagaldaḥiwa по форме 2-й дат. пад., значение мне непонятно.

³ В аварском переводе стоит kaḡareʒan 'приготовить как'.

haḥu qur̄sī beḥub¹ hanihal biḥibaḡı, ʒumaḥul ʒeb, alɣı biḥıwaḡı,
семимесячного теленка продавши, табака один пучок купивши,
waḡa.
пришел.

k^regul k̄qutı beḥı, ḥurabaḥı, ɕarsaḥı baḡı,
Оба на улицу вышли, в (через) скалы, в (через) выступы пойдя,
ɣasaḡı ḥumibaḡı, ūsalıb ruḡḡaydu iḥuḡura, raḡı ḡıḥıbaḡı.
к Асе направившись, быков отобрать от войска, войну сделав.

III

Hanı tubaylub k̄qola ḥıḡıḡıḡı ḡabı beḡan
Аул создавшееся (т. е. когда создавался) временем в теперь триста
reḡıḡıḡıḡı ṣe ḥıdadirabk^rın raḡı buḡada egū. Tuḡıdal egūbal
лет вперед с гидатлинцами война бывши есть. Тукитинцы сущие
haml m̄ḡhı muḡubaḡın. m̄wardı wuḡuda egū qeḡı iḥuḡı,
аула побежали ушедши. Щиварди оставшись есть под войском,
huw dandı wuḡada egū iḥuwa. Huw wuḡada egū
он против ставши есть войску. Он бывши есть
waḡılaw ʒerḡ, quḡaḡ eqūw, ḡebıḡuw ɣadan. ḡabı zuḡıḡıḡı
длинный тело(м), сильный сущий, не боящийся человек. Три дня
ḥıdadirab iḥuḡıba dandı raḡı ḡıḡıda egū. Saru m̄ḡub
гидатлинскому войску против война делавшись есть. Потом его
ḡuḡaḡ beḡıda baḡalag, urḡıḡıda egū iḥuḡa ḡılla ḡıḡaydu. ḡıḡı
сила вышла так как, думавши есть войску хитрость сделать. Теперь
m̄ḡul biḡıwaḡın, wuḡada egū hanı reḡıl ɕar, iḡuraḡar qeḡɕa m̄ḡul
полову взявши, пошедши есть аула край на, озеро на полови
m̄ḡunıbaḡı, ḡıḡıḡı daḡḡ ḡıḡıbaḡı. qeḡır kantulıbaḡı, k^re beḡan
насыпавши, ток как сделавши. В прыгнувши, двести
ɣadan wuḡɕalıda egū m̄ḡḡabay. Lalı ḡandub ḡıḡıḡıbaḡı
людей умертвивши есть верховых. Снопы брошенный ток как(?)
iḡuraḡır kantulalı, ḡank̄ḡıḡıbaḡı baḡıda egū. Huḡuwa.
в озеро прыгнуть заставил, задохнувшись умерли есть. Оттуда

¹ beḥub, в аварском переводе опять стоит barab, по форме прич. прош. вр.

ṣīwardil ʃar bequb iḥu qeʃarḥida egû. ṣīwardi Tuqil
Шиварди на оставшееся войско наступавши есть. Шиварди Туките

ʃar hanḥir ṣōḥida egû. Hanḥi wūsada egû ʒumalaw
к в аул убежавши есть. В ауле нашедши есть Умалав

ḥiduḡ mīḡuḡi hudul, ḡiw ʃagu egûṭikuvla? waḡaw hink¹aydu
называемого своего и друга, сам живой есть ли? пришедший посмотреть

huwṣūy yaḡṣi ʒaqargi. ʒumalaw wuka tuqil, ṣīwardik¹in dawla
его сестру Чакарги. Умалав был тукитинец, с Шиварди добычу

ḡihaydu Ḥidaḥir wūʃuduw halmaḡ. k¹egil hudul urḡilda egû
делать в Гидатль уезжающий товарищ. Оба друга думавши есть

qeʃar beḡaḥub iḥuḥila ḥillaḥila. «Wa, dīw hudul ʒumalaw»,
на прибывающему войску для хитрости. «Эй, мой друг Умалав»,

ḥida egû ṣīwardid, «ḥib ʒamaʒaḡ ḥaliḡaḡub egû, ḡanuray
говоривши есть Шиварди, «наше общество ленивое есть, маленьких

haray mak¹il beḡi, biharubay ʒadamadil beḡibaḡi, ṣōḥi muḡu
этих детей оставило, старых людей оставивши, убежали ушли

halı? Dındı k¹e beḡan ʒadan iḥuraḥi ḡankqılalı halı
не есть ли? Я двести людей в озере утопил не есть ли

ḥıdadırab? Ḥijī ʒamaʒaḡ buka misen, iḥib qûdı buḡaṣ
гидатлинцев? [Теперь общество было бы если, в наши руки возьмем

buka halı iḥu?» «Wa, waḡṣi ṣīwardi, dıba tuqida bızıdubay
было не есть ли войско?» «Эй, брат Шиварди, мне тукитинцы знаемые

bukı, mındı hubay ʒadamadılḥi biḡōṣıbay. Ḥijī iḥil ʃa hab hink¹ab
были, тобою те за людей не считаемые. Теперь нас на это большое

iḥu ṣımaʒabaḡi mısaṣ. Nabay qeʃar beḡuḡa¹ egû halı? Ḥijī
войско рассердившись найдем. Эти на идут не есть ли? Теперь

ḡeb, heḡi hērtub mısa ḥıḥındı ḡe iḥi. Wa, ʃarkqala, ʒaqar!»
один самый высокий дом внутрь идем мы. Эй, скорее, Чакар!»

¹ beḡuḡa, форма для меня непонятна, составлена, вероятно, из двух глаголов: beḡaydu 'приходить' и beḡaydu 'пойти'.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК СЛОВ¹

* ставлю перед предполагаемыми формами: ав. = аварский, анд. = андийский, к. = каратинский, ч. = чамалинский языки.

a, b

abu-w, *-y, *-b широкий;

ав. ξ eb-a-b, к. abu-w, -y, -b,

Pl. abu-b-ay, -r-ay.

al $\bar{r}$ пучок.

ba $\bar{k}$ al живот, Pl. ba $\bar{k}$ ald $\bar{i}$;

к. ba $\bar{k}$ al, Pl. ba $\bar{k}$ ald $\bar{i}$.

*ba $\bar{\xi}$ u лицо: ba $\bar{\xi}$ u- $\bar{h}$ i-w-a из лица.

ba $\bar{h}$ i- $\bar{h}$ i в середине;

ав. ba $\bar{h}$ кишка, внутренность,
середина; цезск. (дидойск.)

bi $\bar{h}$ кишка.

be $\bar{r}$ an 100; k $\bar{r}$ e be $\bar{r}$ an 200, in $\bar{r}$ au

be $\bar{r}$ an 500;

ав. nus(go), анд. be $\bar{r}$ onu(gu), к.

be $\bar{r}$ anda, ч. be $\bar{r}$ anna.

be $\bar{k}$ a альчик.

bi $\bar{h}$ i 8;

ав. mi $\bar{h}$ (go), анд. bi $\bar{h}$ i(gu), к.

bi $\bar{h}$ ida, ч. be $\bar{h}$ ida.

bô $\bar{\xi}$ ô 4; bô $\bar{\xi}$ ô k $\bar{q}$ indu 80, bô $\bar{\xi}$ ô k $\bar{q}$ indu

ha $\bar{t}$ a 90;

ав. unko 4, unko(go) 80, un-

koyalda an $\bar{i}$ (go) 90; анд.

b-oko(gu) 4, bi $\bar{h}$ itol(gu) 80,

ho $\bar{t}$ itol(gu) 90; к. bo $\bar{r}$ oda 4,

bi $\bar{h}$ atada 80, ha $\bar{t}$ atada 90;

ч. bo $\bar{r}$ oda 4, be $\bar{h}$ atada 80,

a $\bar{t}$ unna 90.

*b $\bar{\xi}$ al- доставлять: b $\bar{\xi}$ al-a доставь!

*b $\bar{\xi}$ al- бляеть: b $\bar{\xi}$ al- $\bar{i}$ блял.

bu $\bar{r}$ a $\bar{s}$ нужно; по форме — буд. вр.;

возможно, что корень - $\bar{r}$ -.

bu $\bar{q}$ al $\bar{s}$ после восхода (см. § 9).

d, $\bar{d}$, e

dand $\bar{i}$ против;

ав. dande.

-da $\bar{q}$ как, послелог;

ав. ξ ad $\bar{r}$, ч. da $\bar{q}$.

dawla добыча;

ав. dawla.

din $\bar{i}$ я; d $\bar{i}$ -w, -y, -b, Pl. d $\bar{i}$ -b-ay, -r-ay

мой; d $\bar{i}$ -har (1-й дат. п.); d $\bar{i}$ -w-a,

-y-a, -b-a (2-й дат. п.); d $\bar{r}$ -d $\bar{i}$

акт. п.;

ав. d $\bar{r}$, анд. d $\bar{r}$, den, ч. d $\bar{r}$; к.

den, род. п. так же, 1-й дат. п.

d $\bar{i}$ - $\bar{q}$ ar, акт. п. den-a.

¹ Словарь в значительной мере составился на основании материалов занятий фонетикой, поэтому в словаре нет системы. Кроме этих материалов включаю все формы, встретившиеся при занятиях грамматикой, а также имеющиеся в текстах. Андийские параллели заимствую у Дирра (Кр. грамм. очерк, Тифлис, 1906), с исправлениями; каратинские — главным образом из материалов Н. Ф. Яковлева; чамалинские — по собственным материалам.

Слова для удобства пользования располагаю в основном в порядке латинского алфавита.

ḍamaḥaḍ общество; ḍamaḥaḍ-ḥi-d
акт. п.

egû есть, связка; см. -k-.

egul-а любил.

erḥul-daḥa до конца.

*eḍ- допускать: eḍ-i-t-e-ba-q-i не до-
пустивши.

g, ḡ

ḡagu шея, Pl. ḡagabî;

ав. gabur, анд. ḡagu, к. ḡagu.

ḡih- делать: ḡih-au-du инф., ḡih-i
сделал, ḡih-i-ba-q-i сделавши, ḡih-
i-da egû делавши есть, ḡih-u-b сде-
ланный;

ав. ha-b-ize, анд. ih-idu, к. ḡah-
a-ḥa.

gogo град;

ав. gogo.

*-gô- считать: bi-gô-ṣi-b-au не счи-
таемые.

gulla пуля;

ав., анд. gulla.

*-ḡ- стоять, ждать: wû-ḡ-a-da egû
остановившись, сопротивлявшись
есть, wû-ḡ-a-bi подожди!

анд. -ḡ- стоять, ожидать.

*-ḡal- не допускать: ni-ḡal-aṣ не до-
пустит (классн. показатель 3 кл.).

*ḡankḡil- задохнуться, утонуть: ḡan-
kḡil-i-ba-q-i задохнувшись, уто-
нувши, ḡankḡil-al-i halî не уто-
пил ли?

ав. ḡank-ize задушить.

ḡanta кривой.

h, ḥ

*-h- брать, покупать: be-h-au-du инф.,
bi-h-i взял, купил, bi-h-i-wa-q-in

взявши, купивши, bi-h-u-w, -у,
*-b купивший, взявший, bi-h-i-da
беру, покупаю, bi-h-i-du-w, -у, -b
берущий, покупающий, ba-h-aṣ
возьму, куплю;

ав. -os-, анд. -q-.

ha- b, *-w, *-у это, Pl. ha-b-au, -г-ау;
ав., анд., к. ha-.

*haduḥa сумка: hadu-ḥa-ḥi-qḡ за сумку
(к сумке).

*hal- просить: hal-а проси, попро-
шайничай!

ав. har-ize, анд. qod-u.

halî см. -k-, -ḡ-, -ḥ-.

halmaḡ товарищ;

ав., анд., ч. halmaḡ.

han-i здесь;

ав. han-i-b, анд. ho-ḥu, hono-ḥu
(в анд. связано с указат. место-
имениями).

han-i аул; han-i-l аула, han-ḥi в ауле,
han-ḥi-г в аул;

анд. hon, к. hanî, ч. hã.

handu лоб;

ав. nodo, анд. honno (< *hondo),
ч. haḥa.

hanihal теленок.

haqu здесь.

harkḥa глаз; Pl. harkḥau || harkḥel;
в записи Шамсудинова, просмо-
тренной и исправленной им самим,
вм. kḥ стоит знак, соответствующий
ḥ; но так ли это?

анд. harku, к. harka, Pl. harkabî,
ч. haḥa.

*-haru- старый: wu-haru-w, yî — у,
bî — b, Pl. bi-haru-b-au, rî — г-ау;
ав. qer-a-w, анд. wo-, yo-qor.

haruk^hḡa женщина, Pl. hark^hay (?).

ha^hta 10; ha^hta šeb 11; ha^hta k^he 12;

ав. ant(go) 10, antilla šo 11,
antilla k_i(go); анд. hoto(gu) 10,
hoto^hḡi se-b 11, hoto^hḡi te(gu)
12; к. ha^htada 10, ha^htalše-b
11, ha^htalkeda 12; ч. atada 10,
atalse-b 11, ataletida 12.

ha^hte нет;

ав. he^hto.

ha^hṭa 9;

ав. iṭ(go), анд. ho^hto(gu), к. ha^hṭ^oada,
ч. aṭada.

ha^hḡu 7; ha^hḡu qurḡi hanḡhal семи-
месячный теленок;

ав. an^hḡ(go), анд. he^hḡu(gu), к.
ha^hḡuda, ч. aḡuda.

*heru- красный: heru-r-ay красные;

ав. ba^hzar-a-b, анд. hiri, к. heru-w,
-y, -b, ч. e^hru, e^hṣ^oi, e^hru-b.

he^hrtu-b высокий;

ав. b-orḡaḡ-a-b, анд. hirti, к.
he^hto-w, -y, -b, ч. hetub.

he^hṭ самый, наи-.

*Hid Гидатль: Hida-ḡi-r в Гидатль,
hida-dir-a-b гидатлинский, hida-
dir-a-b-k^hin с гидатлинским (ср. ав.
-der-, анд. -dir- в этнических на-
званиях).

hi^hṭi теперь, hi^hṭi-ḡi-ṭ «в теперь»,
теперь;

ав. han^hje(ḡi), анд. hinder.

himi внутри;

ав. jan^hi-(b), анд. hinni, hini.

hink^hay-du посмотреть;

анд. harṭ-in-nu.

hink^ha-w, -y, -b, Pl. hink^ha-b-ay, -r-ay
большой;

ав. kudi-y-a-b, анд. wo-ṭuḡa, к.
herka-w, ч. gom-a-b.

hinḡu ток, гумно;

ав. ho^hto, анд. hini^htu.

hoduro-b полый;

к. hodoro-b, ав. hodora-b.

ho^hy собака, Pl. hodi;

ав. he^hy, Pl. habi, анд. qoy, Pl.
qodul, к. ḡay, Pl. ḡani, ч. q^hay,
Pl. q^hade.

hoqu арба;

ав. ho^hqo, анд. inḡa, к. ho^hqo.

hu-w, *-y, *-b этот, Pl. hu-b-ay, -r-ay;
hu-w-ṣu-y его (объект ж. кл.),
hu-ṣu-b (объект 3 кл.), hu-ṣu-d
акт. п.

hudi дрова;

ав. ṭul, анд. ḡudi, к. ḡuda, ч.
ḡunni.

hudul друг;

ав. hudul || hodul.

hunḡi мед;

ав. ho^hto, к. hunḡe, ч. hūḡ.

huqu там; huqu-w-a оттуда.

hur поле;

ав. qur, анд. qur, harṭi, к. qure, ч.
quya.

ḡal положение;

ав., ч. ḡal, анд. hal.

ḡalḡaḡu-b ленивое;

ав. ḡalḡaḡa-b, анд. k^haḡal.

ḡamar осел;

ав. ḡama, анд. ḡamag^oi, к. ḡama,
ч. amaḡ.

ḡank^hara пень;

к. ḡank^hara.

hulla хитрость, hulla-hi-la для хитрости;
ав. hulla.

hujaʒ сила (?).

*-hul каплять: wo-hul-i каплял; с этим связано, вероятно, hūhul-i хрипел;
ав. ūhu-d-ize, анд. uhu-du.

huh пух;
ав. huh, к. hule.

hur пыль;
ав. hur, анд. heqa, к. hure.

ġ, ġ

*-ġ- продавать: bi-ġ-i-ba-q-i продав;
ав. b-iq-ize, анд. g-aq-ol-lu.

*-ġ- ходить, приходить: be-ġ-au-du инф., wa-ġ-a пришел, be-ġ-u-ġa идут (?), wa-ġ-a-w прибывший, шедший, be-ġ-a-ġu-b прибывающее, идущее;
ав. ġa-d-ize ходить, гулять, анд. ġa-d-un-nu ходить.

*-ġa, *-ġi ребенок: wa-ġa сын, Pl. wa-ġ-au, ya-ġi, Pl. ya-ġi-bdi;
ав. w-as, y-as, анд. wo-шо, yo-|| ye-ш, к. wa-ша, ya-ш, ч. wa-ha, ya-h.

ġani лошадь, Pl. ġanabi;
ав. ġani (как родовое название), к. ġane, Pl. ġani.

*ġan- уставать, утомляться: ġan-i устал, утомился.

ġeḡi || ġeḡi котел;
ав. ġag, анд. ġagi, к. ġage, ч. qad.

*-ġil- смотреть, видеть: bi-ġil-au-du инф.;
ав. b-iġ-ize.

ġuhu-b, *-w, *-y хороший;
ав. ġik-a-b, анд. шу-b, к. hoḥo-b, ч. hō, -y, -b, -i.

ġul мечта;
ав. ġul.

ġum || ġun семя, семена;
ав. ġon, к. ġūy.

ġah плесень;
к. qġala (?).

*ġum- толкать, заставлять: ġum-a заставляй, толкай!

*ġum- убивать: ġum-i убил.

*ġani- маленький, незрелый: ġani-g-au маленькие.

ġaga комар;
ав. kaḡa, анд. kaḡa, к. kġaga овод, комар.

i, j

iḥu войско; iḥu-ġa войску (1-й дат. п.), iḥu-w-a войску (2-й дат. п.), iḥu-ġi под войском, iḥu-t-u-g-a (г. классн. элемент? объект мн. ч. 3 кл.) от войска; iḥu-ġi-d акт. п. (вторая основа), iḥu-ġi-b-a (b, вероятно, классн. элемент: объект ед. ч. 3 кл.) войску (2-й дат. п.), iḥu-ġi-la для войска, войску (или iḥu ġila? ср. hulla-ġi-la);
ав. bo.

*iḥuga озеро: iḥuga-ġi в озере, iḥuga-ġi-g в озеро, iḥuga-har qeḡar на озеро (-har ср. 1-й дат. п. местоимений);
ав. hog, анд. reḡo.

iḡa стадо;
ав. reḡed; veḡ пастух; анд. reda; qoḡoḡa пастух; ч. reḡed; iḡa пастух.

ila мать;

ав. ebel, анд., к., ч. ila.

ima отец;

ав. emen, акт. п. mšu-ḡa, анд., к., ч. ima.

*m- возвратное местоимение: m-ṣu-b(gi), m-ṣu-w-gi свой;

анд. en-.

mṣu 5; mṣu beḡan 500;

ав. ṣu(go), анд. mṣu(gu), к. mṣuda, ч. ṣuda.

mḡi 6;

ав. anḡ(go), анд. onḡ(gu), onḡ(gu), к. anḡida, ч. anḡida.

mḡi мы (инклюзивное); mḡi-b, *-w, *-y наш, mḡi-b-kḡin с нами(?), mḡi-hag нам (1-й дат. п.), mḡi-w-a, -y-a, -b-a нам (2-й дат. п.), mḡi-d акт. п., mḡi-l ṣa(r) на нас;

ав. mḡ, анд. mḡi, к. mḡi, ч. mḡi.

mṣi мы (эксклюзивное); mṣi-b наш, mṣi-hag нам (1-й дат. п.), mṣi-w-a, -y-a, -b-a нам (2-й дат. п.), mṣi-d акт. п.;

ав. mṣ, анд. mṣi, к. mṣi, ч. mṣi.

ṣi-w сам;

ав., анд. ṣi-w.

*ṣur- ползать: ṣur-i полз;

ав. ṣur-ize, к. ṣur-e полз.

k, kq

*-k- быть: bu-k-au-du инф., wu-, bu-k-a, y-k-a был, bu-k-u(?) были; wu-, bu-k-a-da egū бывши есть (соотв. аварскому wu-k-un wu-go); wu-k-u-du-w, bu-k-u-du-b суший (ав. wu-k-un-e-w); egū есть, связка, не изменяется по классам и числам, egu-b суший; egū-b-al сущие;

bu-k-u-be будь! bu-k-a misen если бы было; bu-k-a halı не было ли? egū halı не есть ли? egū-t-i-k-u-w-la не есть ли? (см. § 9 ku-).

ав. bu-k-me, анд. wu-k-udu, к. wu-k-aḡa, ч. wu-k-(u)la.

kaḡi эти(?).

*kḡal- рвать, блевать: kḡal-i-bi блюй!

ав. laḡ-ize, анд. kard-ol-lu, к. кара блюй!

*kantul- прыгать: kantul-i-ba-q-i прыгнувши, kantul-al-i заставил прыгнуть;

ав. kanti-ize.

kḡaru обрубок дерева;

к. karu обрубок дерева, узел.

kḡarṣu узел;

ав. qarāt, анд. kuru пуговица из ниток, к. karu узел.

kḡaḡu лошадь, Pl. kḡabḡay;

ав. ḡu, анд. koḡu, ч. ḡaḡ.

kḡe 2; kḡe beḡan 200, kḡe kḡindu 40;

kḡe kḡindu hata 50; kḡe-ḡıl (||-ḡıl) оба;

ав. kḡ(go), анд. ḡe(gu), к. keda, ч. eḡda.

*kudu как (= ав. ḡadın); kudu-r-au какие (= ав. ḡadınal).

*kḡ- рубить: bu-kḡ-i-da-ka рубит, колет дрова вообще, bu-kḡ-i-du-b рубящий (с показателем объекта 3 кл.);

ав. kot-ize, анд. kin-ol-lu колоть (острием).

*-kḡ- соглашаться: ba-kḡ-i-t-u-w не соглашавшийся;

ав. rek-eze.

*k̄qam- есть, кушать: k̄qam-al-a
кушай, ешь!

ав. q-e-ne, анд. iqun-ni, к. ḥeba
кушай! (ср. ḥim-).

k̄qara кора грязи на теле;

ав. макаг кора, корка (miqil макаг
дубовая кора), анд. макаг «куски ко-
ры известн. дерева» (Дирр, 140), qal
кожица, кора, скорлупа, к. k̄qara
кора грязи на теле.

*k̄qel- готовить: k̄qel-al-a готовы!

k̄qel-al-i-wa-q-i приготовивши;
ав. kaṭ-aze.

k̄qindu 20; k̄qindu ḥe-b, 21, k̄qindu

imṣu 25 (см. также bḍḍḍ, k^{re});

ав. ko(go), анд. ṭetol(gu), к.
keyatada, ч. eṭatada.

k̄qola во время;

ав. meqah.

*k̄quk̄q- сухой: be-k̄quk̄q сухой;

ав. b-aḥa сухой («весьма ве-
роятно, что -aḥa имеет корне-
словную связь с baḥ солнце»,
Усл. Сл. 41), анд. be-kub
сухой.

k̄quti, k̄quti-b на улицу, наружу;

ав. kaṭ улица, kaṭ-i-w на
улице.

l, m

-la союз «и»; соответствует аварскому

gi и употребляется на ряду с ним:

hur-la поле и, uqaḡ-la оружие и,
но: ḡaqaḡ-gi Чакари;

анд. -lo.

lal приготовленная для молотьбы
пшеница;

ав. lal «орудие, употребляемое
горцами для молотьбы» (? Усл.
Сл. 125), анд. lol «хлеб, ле-
жащий на гумне и еще не
молотый» (т. е. не обмоло-
ченный, Дирр, 139).

*l- умирать: ba-l-i-da egū умерши
есть, wu-l-al-ida egū убивши есть.

maduhal сосед: maduhal-i-q̄ к со-
седу; maduhal-ṣu-b-a соседу (2-й
дат. п., показатель объекта 3 кл.);

ав. maduhal, madohal, анд.
maduhal.

maḥa место; maḥa-ḥi-l ḡar на место,
maḥa-la-ku-b находящийся у места
(см. § 9 ku-);

ав. baḥ, анд. ṣa (ср. ṣa).

maḥ^r-i-l дети Pl.;

анд. moṭi ребенок, ч. maṭ.

maḡaḥ снаряжение;

ав. maḡaḥ товар.

maḡi язык;

ав. maṭ, анд. miṭi, к. maḡe, ч. miṣ.

*maḥ- учить: maḥ-i-la учи!

ав. maḥ-ize, ч. maḥ-i-la

miḥu-w, -у, -b маленький, Pl. miḥu-
b-au, -г-ау;

анд. miṭi, к. miḥo-w, -у, -b, ч.
miḥu, miḥi, miḥu-b.

minar голова, Pl. minardi;

ав. beṭer, анд. miar, к. hadoḡa,
ч. un.

mini ты; du-w, -у, -b, Pl. du-b-au,
-г-ау твой; duḡar тебе (1-й дат. п.),

du-w-a, -у-а, -b-а тебе (2-й дат. п.),

min-di акт. п.;

ав. min, анд. men, min, к. men,
ч. miṭ.

mɪʒag нос;

ав. meʒeg; анд. mahag, к. meʒag,
ч. may.

mɪsa дом;

ав. ruk, анд. haḱu, к. mɪsa, ч.
hãḱ.

mɪhɪ солнце; mɪhɪ-tɪ солнечное место,
букв. у солнца;

ав. baḱ, анд. mɪhɪ, к. mɪhe, ч.
mɪhɪ (mɪhɪ-tɪ солнечное место).

mɪɲɪda-b-au верховые.

п, о, ф

mɪʃul полова;

ав. paḱu солома, peʃo овес; анд.
mɪɟa овес, к. mɪɟa овес, ч. mɪɟa
овес.

mɪʃa овод, слепень;

ав. mɪk̄.

mɪr свет, блеск;

ав. mɪr.

*obal- поцеловать: obal-a поцелуй!

ɟark̄ala скорей! (возможно, что
повелит. форма).

*ɟarsa выступ; ɟarsa-hɪ-ba-q-ɪ через
выступ (в выступ пойдя?);

ав. ɟarsɪ скала с острыми вы-
ступами.

*ɟu- дуть: ɟu-la дуй!

ав. ɟu-ye, к. ɟu-a дуй!

ɟur̄ɪ месяц, луна, Pl. ɟur̄ɪbadɪ;

ав. moṭ, анд. bori, к. ɟoriʒo, ч.
boṣ.

q, q̄

qaḡa волос животного;

ав. qaḡ волос, анд. ɟur̄ волос жи-
вотного, к. qaḡa.

*qe- послелог «на»(?): qe-hɪ под,
qe-hɪ-ɟ в-под; qeʃag на (см. § 4);
qeʃag-hɪ-da eḡɪ наступавши есть
(ср. к. qe-, Дирр, 23).

qeʃag крыша, верхняя сторона; пере-
верни! (?) (см. qe-);

к. qaḡa переверни, перелицуй!

qeḡɪ кошка, Pl. qeḡabɪ;

ав. qeḡa, анд. geḡu, к. iʒo, ч. ɟeḡa.

qonɲa нога, Pl. qonɲɪbɪ;

анд. mɪqo нога от колен до паль-
цев, к. ɲɪnka, ч. mɪqu.

qudɪ во власть, в руки (? может быть,
1 показатель местн. пад.? см. § 4
-b-1);

ав. qodo-b в руках, qodo-b-e
в руки.

quḡaɟ сила, сильный;

ав. quḡaɟ, анд. quḡaḡɪ.

*-q- приходить: wa-q-a пришел; bu-q-
al-ɪ-ʒ после восхода (см. § 9 -ʒ);
о формах wa-, ba-q-ɪ(n) см. § 8;

к. wa-q-a-ha приходить, wa-q-a
пришел.

qalk̄ɪ народ; qalk̄ɪ-hɪ-l народа;

ав. qalk, анд. qalkɪ.

qɪnɪl-ku-b окружающий (см. § 9 ku-).

q̄aḡa солома;

ав. paḱu.

q̄, q̄q̄

*-q̄- оставаться: be-q̄-u-b оставшееся,
wu-q̄-u-da eḡɪ оставшись есть;

ав. qut-ize.

q̄aḡa-b белый;

ав. qah-ab, анд. hata, к. hat-a-b,
ч. hat-a-b.

q̄eḡu-b быстрый;

- ав. $\bar{q}e\bar{q}$ -a-b, анд. $\bar{q}e\bar{q}$ 1 скорый, к. $\bar{q}e\bar{q}$ a спешу, ускорю! ч. baqada скоро
- *-qila- длинный, высокий: wa-qila-w длинный, высокий (в смысле роста); ав. qalaθ-a-b, анд. wo-qula, ботлихск. we-qila.
- $\bar{q}i\bar{g}u$ -b черно-красный, коричневый(?); к. $\bar{q}i\bar{g}o\bar{b}$ коричневый с черными полосами(?).
- *-qā- вынимать: bu-qā-al-a вынимай! анд. bu-q-idu вынимать.
- *-qā- строгать: qā-al-a строгай! Сюда же, вероятно, qāarqā-al-a чеши (тело)! ав. qas-ize чесать, qigis чесотка; анд. qel-lu чесать, к. qāaga чеши (тело), строгай!
- *qāam- схватывать, захватывать: qāam-1-ba-q-1 захвативши; ав. qam-ize, анд. qam-mi схватил.
- *-qāol- резать: qāol-a зарежь! (ср. geqāuqā-); ав. q- eze, анд. bi-q-udu резать, убивать.
- з, ф
- *-z- подниматься: ba-z-a-wa-q-1 поднявшись; ав. b-aq-me, анд. wo-qin-nu.
- *-z- достигать: wa-z-a достиг, ba-z-a-ba-q-1 достигши, wa-z-a-da egū достигши есть; ав. $\bar{z}$ -eze, анд. wo-q-idu.
- *-z- знать: bi-z-1-du-b-au знаемые, известные (показатель мн. ч. 1 и 2 кл.).
- zadan человек, Pl. zadam(ad)il || zadamadī; zadam-1-l-k¹in с людьми, zadamadī-h¹ людьми, за людей (= ав. zadamal-hun); ав. zadan человек, мужчина, анд. adam, heka человек, к. heka, ч. hadam, heka.
- zakqilu дума, мысль; ав. zaklu, анд. aqlu умный.
- *zasa-b назв. аула (Аса): zasa-b-1 в Асу, zasa-q-1 к Асе.
- zazar 1000; ав. azar(go), анд. ozigu(gu), к. azarda, ч. azalla.
- zedezilı быстро; ав. zeder; zedezi торопливость.
- zerı лом; ав. zer шест, пика, к. $\bar{h}u\bar{s}e$ (ав. $\bar{h}os$ деревянный засов).
- *-f- итти, уходить: wū-f-a ушел, вышел; wū-f-a-wa-q-1, mu-f-u-ba-q-1(n) ушедши; wū-f-a-da egū ушедши есть; wū-f-u-du-w уходящий, уезжающий, идущий; mu-f-u halı не ушел ли, разве? mu-f-a-da egū halı ушедши не есть ли? ав. me, анд. wu-lin-nu, к. wo-f-ā-ha итти, wo-f-ā ушел; ч. wū-na, yī-na, mūna, Pl. mā-na, yā-na.
- г
- gağı борьба, война; ав. gağ (с окаменелым кл. показателем от b-ağ-ize ругать):
- gaka сердце; ав. gak, к. gaka.
- geḡa слово; ав. gaḡı, анд. goḡo.

reġim год; reġim-ħi-d акт. п.; kq̄indu
inmθu reġim beħaw 25-тилетний;

ав. son, ħaʒel; анд. гешип, к.
гешип, г. uehī. Возможно, что
ге- классный показатель, на
что указывает чамалинское
слово.

*reġq̄uq̄- резать: reġq̄uq̄-u-da egū
зарезавши есть; возможно, что ге-
кл. показатель, ср. q̄ol-.

*reʒi край: reʒi-l ʃag на край;
ав. raʒal край, берег, граница;
анд. raħa.

reʒig сено (?).

riħa баран, Pl. riħay;
к. riħa, ботлихск. riħa.

roħuna-b похожий;
ав. reħ-ene быть похожим.

*ruħu лес: ruħu-ħi-г в лес, до леса;
ав. roħ, анд. геши лес, геша де-
рево; к. гоша дерево, ч. woħa.
Возможно, что ру- кл. пока-
затель, ср. чамалинское слово.
ruq̄-ay-du отобрать, отнять (воз-
можно, что ру- кл. пок.);

ав. b-aq-ize, анд. b-uq̄-idu, к.
be-kq-e отдал (в записи
Дирра).

s, š, ś

*-s- находить: mī-s-aš найдем (кл. пок.
объекта ед. ч. 3 кл. и объекта
мн. ч. 1 и 2 кл.), wū-s-a-da egū
(кл. пок. объекта ед. ч. 1 кл.),
mī-s-i-da egū (кл. пок. объекта мн. ч.
3 кл.) нашедши есть;
ав. b-aθ-ize, анд. bo-sin-nu.

salī зуб (резец);
ав. ša, анд. sol, к. salī, ч. sal.

*saʃar поход: saʃar-ħi-l maʃaħ по-
хода снаряжение.

sagu затем, потом.

sarug вместе.

sī медведь;

ав. šī, анд. sey, к. sī, ч. sehī.

sunk¹a рот, Pl. sunk¹ibi;

ав. kal, анд. kol, к. eli, ч. elmiš.
susuk, сито;

ав. talku, к. шоцаба сито для
просеивания зерна; ср. шу-
цаб-.

šabī в прошлом году;

ав. šorħiśa, анд. šob, к. šabī.

*šaʒa час: šaʒa-la час и;
ав. šaʒaθ, анд. šaʒaθi.

še вперед, впереди;

ав. še-b-e, ч. šī.

seyğāθ подарок;

ав. šayğāθ, анд. šayğāθi, к.
šayğāθ.

šimī желчь; злость; сердитый; šimī
baʒa сердился (букв. желчь подня-
лась), šima-ʒ-a-ba-q-i рассердив-
шись;

ав. šim желчь, гнев, šim baqana
желчь поднялась, рассердился;
анд. šim желчь, к. šimē.

šindarħu горноста́й;

к. ʒodoħ.

šan соль;

ав. šan, анд. šon, ч. šā.

šanī колючка; ч. šan.

šoа звезда, Pl. šubdi;

ав. ša, анд. ša, к. ša, ч. šā.

šoay дождь;

ав. šad, анд. ša, к. šay, ч. šā.

šeg имя;

ав. šer, анд. šer, ч. še.

ṣiṭi годовалый баран;

ч. ṣeṭi козленок.

*ṣum- острить; очинить карандаш:

ṣum-1 очинил карандаш, ṣum-in-a
заостри, очини!

ḡ, ḡ, ḡ̄

*-ḡ- терять: be-ḡ-a потерял, be-ḡ-al-a
потеряй!

анд. ḡ-ḡ-ol-lu потерять, к.
be-ḡ-a потеряй!

*ḡul- плевать: ḡul-a плюнь!

ав. ḡu-yze, анд. ḡu-du, к. ḡa
плюнь!

ḡumag ружье;

ав. ḡumanḡ, анд. ḡuḡangḡ, к.
ḡufe, ч. ḡub.

*ḡumagḡu табак: ḡumagḡu-l alḡḡ пучок
табака;

ав. ḡumagḡu, ч. ḡamaḡ(u).

*-ḡ- оставлять: be-ḡ-1 оставил, be-ḡ-1-
ba-ḡ-1 оставив;

ав. ḡ-eze, анд. wo-ḡ-tu

ḡe-w, -y, -b, 1; *ḡe-b-ay-la, ḡe-r-ay-la
остальные, другие (= ав. ḡo-gi-dal);

ав. ḡo, анд. ḡe-w, к. ḡe-w, -y, -b;
ч. se-w.

*-ḡsi: wa-ḡsi брат, ya-ḡsi сестра;

ав. wa-ḡ, ya-ḡ; анд. wo-ḡi,
yo-ḡi; к. wa-ḡsi, ya-ḡsi, ч.
wa-ḡ, ya-ḡ.

ḡ, ḡ̄

ḡamḡ сколько?

ав. ḡan, анд. ḡom.

ḡanad охотник;

ав. ḡanaḡan < ḡan зверь.

ḡanaḡ-ay дикие; ср. ав. ḡan.

*ḡeb- разложить: ḡeb-a разложи для
сушки!

к. ḡeba!

ḡeḡḡ тело;

ав. ḡeḡḡ.

ḡiba сука;

ч. ḡiba.

ḡundaḡl(a) всегда.

*ḡḡob- брызгать: ḡḡob-a брызгай!

к. ḡḡaba || ḡeba!

ḡḡoḡa рыба;

ав. ḡuḡa, анд. ḡamḡ, к. ḡoḡa(?),
ч. ḡam.

t, t̄, t̄̄

*-t- прямой, выпрямить: bḡ-tu-b пря-
мой, выпрямленный;

ав. b-t̄-ag-a-b прямой, выпрям-
ленный, правильный, к. wḡ-
t̄-o-w.

*t̄am- бросить: t̄an-du-b бросаемый,
t̄am-a брось!

анд. t̄am-ḡ класть, бросать
(кости), к. t̄am-a брось!

t̄u-b-ay-lu-b созданный;

ав. t̄o-b-aze кончить, совершить.

*t̄uḡa козел: t̄uḡaḡḡ козлы; T̄uḡi-ta
Тукита; t̄uḡi-l(a) тукитинец, Pl.
t̄uḡi-du(?), t̄uḡi-dal; T̄uḡi-l ḡar
к Туките;

ав. deḡen козел, к. t̄uḡa, Pl. t̄uḡi,
ч. ḡuḡa.

t̄e огонь;

ав. t̄a, анд. t̄a, к. t̄ay, ч. t̄ā.

t̄inu- новый: t̄inu-b новый;

ав. t̄i-y-a-b, анд. t̄iwu, к. t̄iyo-m,
ч. t̄iḡ-b.

tiŕi лук (для стрельбы);

ав. but, анд. tiu, к. tiuḍu лук,

дуга в луке, плоская пружина.

ṭagu живой, ṭagu-š живой (см. § 9 -š);

ав. ṭago вживе, к. ṭago-b живой.

*ṭam- жевать: ṭam-1 жевал;

ав. ṭam-ize, анд. ṭam-mu.

ṭaga нетель;

ав. ṣaṭag «нетелившаяся еще корова» (Усл. Сл. 161), к. ṭaga.

ц, w, y, z

*urḡil- думать: urḡil-1-da eḡu думавши
есть;

ав. urḡ-ize думать, urḡel дума,

анд. urḡel дума.

ūsa бык, Pl. ūsalibi, ūsalal;

ав. oṣ, анд. unso, к. unsa, ч. musa.

usḡul стол, Pl. usḡuldi.

wa! эй! и; wa ṣamma т. е. (? букв.
и но).

*yagaḡ оружие: yagaḡ-la оружие и;

ав. yagaḡ.

zaу кулак;

ав. zaḡ, к. zaу.

*zubi день: zubi-ḡi-d акт. п.;

ав. qo; zob небо; анд. zubi день,

к. zebu, ч. miḡ (= солнце).

ш, ш̄, ш̄̄

shalbar штаны;

к. shagbal.

*shiṣab- просеивать: shiṣab-1 про-
сеивал; сито(?); shiṣab-a просеи-
вай! ср. susuk̄.

*shun- сыпать: shun-1-ba-ḡ-1 насы-
павши.

*shol- бить: shol-a бей!

анд. shun-nu.

*shol- бежать от чего-нибудь: shol-1

побежал, убежали, shol-1-da eḡu

побежавши есть. Шамсудинов

в одном случае пишет shuwli, в дру-
гом — sholida eḡu.

shuhan полоса, линия;

ав. shun линия, shol-a полоса; к.

shau.

h, h̄

*-h- класть: bi-h-1-da eḡu положивши
есть;

ав. h-eze.

hab̄i 3; hab̄i k̄q̄indu 60; hab̄i k̄q̄indu

hata 70; hab̄i beḡan 300;

ав. hab̄(go), анд. hob̄(gu), к.

habda, ч. hahada. hamani

30; haman de-h̄ 31; ав.

heber̄(go), анд. hob̄tol(gu), к.

habatada, ч. hahatada 30.

*heb- бояться: heb-1 боялся, heb-1-
ṭ-u-w не боящийся, храбрый.

h̄ih̄indi внутри.

h̄uni волос, Pl. h̄unabi;

ав. h̄in, к. h̄ūy, Pl. h̄ūdi.

h̄im || h̄im вода; h̄im-h̄e(?) в воду;

ав. h̄im || h̄im, анд. h̄en, к. h̄ē,

ч. h̄ī.

*h̄im- хлебать: h̄im-a хлебай!

к. h̄eba хлебай!

h̄od̄i кто?

анд. h̄e.

h̄, h̄̄

*-h̄- пойти: be-h̄-1 пошли, h̄e пойдем!

be-h̄-1-da baḡalag(?) так как не

вошел (соотв. ав. h̄uhungurt̄ dal);

ав. $\bar{h}uh$ -ine войти; $b-i\bar{h}$ -ine итти,

(1) $\bar{h}a$ иди, пойдем! анд. $wu-h-$
 idu итти.

$\bar{h}o\bar{h}i$ масло;

анд. $\bar{h}ur\bar{h}a$, к. $\bar{h}o\bar{h}\bar{e}$ (не гемени-
рованн. $\bar{h}$), ч. $\bar{h}i\bar{h}$.

* $\bar{h}$ - пахать, обрабатывать землю:

$be-\bar{h}-au-du$ инфинит., $be-\bar{h}-a$ паши!

ав. $b-e\bar{h}$ -ize, анд. $ge-\bar{h}-idu$, ч.

$be-\bar{h}$ пахал.

* $\bar{h}$ - говорить, называть: $\bar{h}-i-da$ egü

говоривши есть, $\bar{h}-i-du-w$, -b назы-

ваемый, $\bar{h}-i-wa-q-i(n)$ назвавши,

$\bar{h}-i-ba-q-i$ сказавши; $\bar{h}-a$ halı не
говорят ли?

* $\bar{h}$ -: $be-\bar{h}-u-b$ насыпанный(?).

$\bar{h}al$ битва.

$\bar{h}ank^r ala$ заяц;

ав. $\angle ank$, анд. $\bar{h}ankala$, ч. $\bar{h}an\bar{t}al$.

* $\bar{h}e$ танцевать: $\bar{h}e-bi$ танцуй!

ав. $\bar{h}ur-d-ize$.

* $\bar{h}er$ цвет: $\bar{h}er-i$ -l цвета;

ав. $\bar{h}er$, к. $\bar{h}ere$ ($\bar{h}$ не геминат).

$\bar{h}eru$ мост;

ав. $\bar{h}o$, анд. $\bar{h}iru$, к. $\bar{h}eru$.

* $\bar{h}ih$ спать; $\bar{h}ih-a$ спал;

ав. $\bar{h}ij-ize$, анд. $\bar{h}iq-in-nu$.

* $\bar{h}un$ направляться: $\bar{h}un-i-ba-q-i$ на-
правившись.

* $\bar{h}uga$ скала: $\bar{h}uga-ba-\bar{h}i$ через скалы
(в скалы?);

ав. $\bar{h}ugu$.

С. Л. ВЫХОВСКАЯ

Особенности употребления переходного глагола в даргинском языке

В течение последних нескольких лет особенно «везет» в лингвистической литературе так наз. «пассивному» строю переходного глагола, и за последние годы появился ряд посвященных ему статей. Важность выяснения этой конструкции несомненна по ее значению непосредственно для языка, поскольку с этим строем связаны, в общем, основные элементы всего строя языка, — в первую очередь выражение субъекта, объекта и предиката; но, помимо непосредственного значения для понимания данного языка, «пассивная» конструкция имеет еще значение и для установления связи языков индоевропейских с яфетическими. Своими работами С. С. Uhlenbeck с очевидностью показал, что в ряде индоевропейских языков сохранились явные следы «пассивной» конструкции, а эта конструкция роднит их с яфетическими языками. Если в настоящее время в зарубежном языкознании под влиянием русской лингвистики поставлен в порядок дня вопрос о взаимоотношениях индоевропейских языков с «кавказскими», т. е. яфетическими,¹ как вопрос первейшей важности для разрешения темных вопросов языкознания, то особую остроту этот вопрос приобретает в новом учении о языке, так как яфетические языки рассматриваются в нем как предшествующая индоевропейским языкам ступень развития языка.

Наконец, помимо этого, вопрос о строе переходного глагола имеет исключительно важное значение также для решения вопроса о сущности и происхождении страдательного залога.

Все это объясняет то особое внимание, которое уделялось ему у нас.

Однако, несмотря на все это внимание, ряд исследований последних лет страдают у нас одним очень существенным дефектом — они написаны без достаточного знания живого языка, следовательно «пассивный» строй не рассматривается во всем многообразии живой речи, в его живом упо-

¹ Здесь нельзя не констатировать с удовлетворением, что это является отголоском исследований Марра, несмотря на резко враждебную критику или упорное замалчивание его за рубежом.

треблений. В настоящей работе нам хотелось бы несколько восполнить этот пробел на материалах одного из дагестанских языков, на даргинском языке. Знакомство с живым языком дало возможность отметить некоторые особенности в строе переходного глагола, частью не отмеченные, частью же неверно истолкованные. Особенности эти, важные сами по себе, дадут, может быть, возможность пролить свет и на сущность страдательного залога и на процесс его возникновения в яфетических языках и — типологически — в индоевропейских.

Переходя к занимающему нас вопросу, укажем, что специально по даргинскому языку существуют только две работы: 1) К. Услара, Этнография Кавказа, V, Хюркилинский язык,¹ Тифлис, 1895, и 2) Л. И. Жиркова, Даргинский язык, Москва, 1926. Вторая работа целиком построена на первой, на материалах Услара, и ничего нового по сравнению с нею для знания даргинского языка не дает, кроме попыток систематизации. В ней систематизируются только выводы Услара, без исправления, однако, допущенных Усларом неточностей. К одной из таких неточностей мы относим то, что Услар не упоминает о существовании в даргинском языке специального падежа для выражения Instrumentalis'a; именно — на ряду с падежом на *-ми*, основная функция которого заключается в выражении субъекта при переходном глаголе, существует еще другой падеж на *-мичибми*, которым выражается только Instrumentalis. Падеж на *-ми* употребляется иногда также вместо орудивного, но пока не произведена еще работа по выяснению особенностей употребления той или иной формы. Происхождение формы на *-мичибми* ясно: это вторичный падеж на *-ми* от местного падежа класса пассивных (или множественного числа класса активных) *-мичиб*. В материалах Услара формы на *-мичибми* нет, и возможно, что ее при Усларе и не было; поэтому мы сомневаемся, можно ли считать пропуск этой формы ошибкой Услара. Для нас важно отметить особую форму орудивного падежа потому, что благодаря этому *-ми* становится специальным показателем активного падежа; следовательно, отсекается возможность смешения разбираемой конструкции со страдательным залогом. Следует отметить, между прочим, что в переводах русского страдательного залога на даргинский язык для логического субъекта употребляется только форма на *-ми*, т. е. форма активного падежа, и мы не замечали случаев употребления формы на *-мичибми*. Нам представляется, что из этого можно сделать вывод, что в даргинском языке действительный залог не отличается от страдательного.

¹ Так называл Услар даргинский язык по названию одного из его диалектов, диалекта аула Урахи.

После этих предварительных замечаний переходим к непосредственно занимающему нас вопросу.

При проработке усларовского описания даргинского языка наше внимание обратило на себя замечание Услара, что на ряду с выражением типа *нуни иДами адилкГулла* 'я зажигаю огонь' можно сказать *ну иДама элГулла* с тем же значением, якобы, без всякой разницы. Первая форма построена совершенно «правильно» по так наз. «пассивному» строю, т. е. логический субъект — *нуни* 'я' стоит в активном падеже, логический прямой объект *иДами* 'огни' в именительном падеже, как и подобает, а классовый показатель глагола -*д-* согласуется с прямым объектом (*иДами*). Во втором же случае, при буквальном переводе, получается очень странное на первый взгляд выражение. В самом деле, логический субъект *ну* 'я' стоит в именительном падеже, логический прямой объект *иДама* в активном падеже мн. ч., классовый показатель сказуемого согласуется с логическим субъектом *ну* — нулевой показатель вместо *с*, выпадающего перед -*э*, — так что в буквальном переводе получается значение 'огни меня разводят' или 'я развожусь огнями'. В примерах s. v. *иркИс* приводится аналогичное по конструкции предложение: *дуриИя икГули сай мамали* 'ребенок сосет грудь', где логический субъект 'ребенок' (*дуриИя*) стоит в именительном падеже, а логический объект (*мамали*) — в активном, сказуемое *икГули сай* согласуется по классовому показателю с именительным падежом (нулевой аффикс вместо классового показателя *с-*, который выпадает перед *у*), так что в буквальном переводе получается как бы 'грудь сосет ребенка'. S. v. *алхвис*: *иьили валхьулла ну* 'я сею семя', по словам Услара (стр. 312), можно заменить выражением *иьи бахьунна нуни*. В первом случае субъект *ну* 'я' в именительном падеже, прямой логический объект 'семя' *иьили* — в активном, сказуемое *валхьулла* согласуется и личным окончанием (-*а*) и классовым показателем *с-* с именительным падежом; следовательно, в буквальном переводе получается 'семя сеет меня'.

Во втором же случае налицо обычный оборот, так наз. «пассивной» конструкции: логический субъект 'я' (*нуни*) стоит в активном падеже, прямое логическое дополнение семя (*иьи*) — в именительном, а классовый показатель при глаголе -*б-* согласуется с логическим объектом *иьи*. S. v. *билкис* 'молоть' у Услара читаем '*ну анкИли укгулла*' 'я мелю пшеницу' — опять логический субъект 'я' (*ну*) стоит в именительном падеже, а логический прямой объект 'пшеницу' (*анкИли*) в активном; классовый показатель сказуемого, вернее, его нулевой аффикс, согласуется с субъектом — перед *укгулла* должен был бы стоять классовый показатель *с-*, который закономерно исчезает перед *у*: таким образом получается: ' пше-

ница мелет меня'. Наконец, последний пример из Услара: s. v. *билсис* 'скрутить', 'выпрямить' в числе примеров читаем: *рурсили архІяла лусум сари или рурси архІял лусум сари*, что, по мнению Услара, переводится одинаково 'сестра прядет шелк'. Разница в форме этих предложений та же, какая уже указывалась выше, не вносит, якобы, никакого изменения в значение предложения.

Из современного даргинского литературного языка, в основе которого лежит акушинский диалект, можно привести целый ряд такого рода примеров: *Неверов ва илала юлдашуни-писательтира шавуртазиб лекцияба бучІи, чула хабурти дичІи ва илис чус багара деквичибл, биринжичибл ва дерубти иІедешичибл*¹ 'Неверов и его товарищи-писатели читали в городах лекции, свои рассказы читали и им плату (букв. 'цена') за них давали хлебом, рисом и фруктами'. И здесь в первом предложении субъекты — *Неверов и юлдашуни-писательтира* (товарищи-писатели) — стоят в именительном падеже, прямой объект — *лекцияба* (лекции) — в активном падеже множественного числа, а сказуемое согласуется с субъектом — классовый показатель *б* (*бучІи*) является показателем класса активных 3-го лица множественного числа. Но при другом прямом дополнении — *хабурти* в сказуемом *дичІи* — нельзя не заметить «неувязки»: прямой объект *хабурти* (рассказы) стоит в именительном падеже, а сказуемое с ним согласуется — *дичІи* согласуется не с субъектом, как следовало бы ожидать, а с объектом, что выражается классовым показателем *д-*, показателем класса пассивных 3-го лица множественного числа. Таким образом в одном и том же слитном предложении сказуемое один раз согласуется с субъектом, другой раз — с прямым объектом, и в первом предложении имеем один оборот, во втором другой — уже «нормальный». *Дублабад кабизулли курда гукмурта биркьули судана биркули саби*² 'У берега сидя, лиса делала постановления, суд творила'; логический субъект 'лиса' *курда* стоит в именительном падеже, прямые дополнения — *гукмурта* и *судана* — в активном падеже множественного числа, а сказуемые *биркьули* и *биркули саби* согласуются с субъектом — классовый показатель *б-*. Следующее предложение уже в обычной конструкции — *Кумли балихзунни дуриули сай* 'кум жарил рыбу', где субъект — *кум* — в активном падеже, а прямой объект — *балихзунни* 'рыб' — в именительном падеже множественного числа, причем сказуемое с ним согласуется по классовому показателю *д-*, показателю собирательных существительных класса пассивных. *ХІу семі*

¹ Из биографии Неверова.

² Из перевода басни Крылова «Рыбы пляски».

виркьулри 'Ты что делаешь'¹ — субъект *хЛу* 'ты' — в именительном падеже, с ним согласуется сказуемое — *виркьулри* — классовый показатель *в-*, прямой объект — *сели* — стоит в активном падеже. *Степка сунела пашманти никрума никри викИи*² 'Степка думал свои печальные думы': *Степка* — субъект в именительном падеже, *никрума* — прямой объект в активном падеже множественного числа, глагольная часть составного сказуемого *никри викИи* согласуется с субъектом, что явствует из классового показателя *в-*. *ХИунтЛена десант* 'Красный десант': *Кубань шиниша дубанала уриаб ласбикИули ширшитанта биркьум саби* 'Кубань кружилась и вилась между зелеными берегами'.

*Лебил берхИи кайгилм каггар мурт биурал илм бурхИна муИули сай, я усулм сай*³ 'По целым дням сидит [Жилин] в сарае и считает дни, когда письмо придет, или спит'. Прямой объект — *бурхИна* 'дни' — в активном падеже множественного числа; субъект, *Жилин* (в предыдущем предложении), в именительном падеже; именная часть сказуемого *муИули сай* не изменяется по классам, вспомогательный глагол согласуется с субъектом. Еще пример: *Жилин ил къяйда баз калун. ХИерем шимизивад сир кайкули сай яра някьла хИанчимм виркьулм сай*. *Дуи бакИим, ши лехИехгалм сунела сараймзи араки виркьулм сай*⁴ 'Прожил так Жилин месяц. Днем ходит по аулу или рукодельничает, а как ночь придет, затихнет в ауле, так он у себя в сарае копает'. Подлежащим второго предложения служит слово *Жилин* из первого предложения, стоящее в именительном падеже; первое сказуемое второго предложения *виркьулм сай* согласуется с субъектом, о чем говорит классовый показатель класса активных муж. рода *в-*, прямое дополнение *някьла хИанчимм* стоит в активном падеже, так что русскому слову 'рукодельничает' в даргинском соответствует 'делает ручную работу', с той оговоркой, конечно, что 'работу' стоит в творительном падеже. Второе сказуемое *виркьулм сай* соответствует русскому 'копает' и буквально означает 'делает' или лучше 'работает'; и это сказуемое, как это видно из классового показателя *в-*, согласуется с субъектом — *Жилин*.

Все приведенные предложения объединяются одной общей «аномалией», — при переходном глаголе субъект стоит не в активном падеже, как следовало бы ожидать, а в именительном, прямой же объект — в активном, вместо именительного; сказуемое согласуется не с объектом, как это имеет место в обычной «пассивной» конструкции, а с субъектом; т. е.

¹ Из перевода Шолохова «Червоточина» «Крик».

² Перевод из Шолохова «Червоточина».

³ Из перевода «Кавказского пленника» Л. Толстого.

⁴ «Кавказский пленник».

получается как бы «нормальное» предложение наизусть. Это является одним из фактов, которые заставили А. Дирра отказаться от решения вопроса о строе переходного глагола в кавказских яфетических языках.¹

Не стоит доказывать, что абсурдов в живом языке не бывает. Точно так же трудно предполагать, чтобы два прямо противоположных выражения могли использоваться с абсолютно одинаковым значением. Следовательно, первое, что надлежит сделать, — это выяснить, не имеются ли в разбираемых оборотах какие-нибудь особенности, помимо уже приведенных, и проследить, в каких случаях они употребляются.

Сначала остановимся на формальной стороне конструкции. Основная особенность заключается в том, что по этой конструкции могут употребляться лишь глаголы длительного вида² — с видом мгновенным обороты эти невозможны. При длительном виде глагола в даргинском языке возможен оборот, который также отделяет этот вид от мгновенного: именно, при глаголе длительного вида и при отсутствии прямого объекта субъект может стоять не в активном, а в именительном падеже, что не отмечается Усларом в его «Хюркилинском языке»; напр. *Дудеш учIулм сай* 'Отец читает': субъект *дудеш* стоит в именительном падеже, сказуемое (составное) согласуется с ним — перед *учIулм* отсутствует классовый показатель, что свидетельствует, что здесь должен был бы быть *с-*, т. е. показатель класса активных муж. рода, точно так же и вспомогательный глагол согласуется с *дудеш*. Нельзя сказать *дудеш бемIулм*, т. е. употребить тот же глагол, но вида мгновенного, как нельзя сказать и *дудеш газетли вемIулм*, т. е. употребить занимающий нас оборот. Таким образом общие элементы оказываются в нашем обороте и в обороте безобъектном. В аварском языке имеется полная аналогия этому явлению: *«haḥ hoj ḥančala»*³ 'эта собака кусается' — субъект *hoj* 'собака' стоит в именительном падеже при переходном глаголе 'кусать', вида многократного; при том же глаголе, но однократного вида: *«ḥòjaḥ ḥančula buḡo dír vaṣasda»* 'собака кусает моего сына': субъект ('собака') стоит в активном (*ḥòjaḥ*) падеже, логический прямой объект 'моего сына' — *dír vaṣasda* — в дательном, сказуемое, как видно из классового показателя *б-*, согласуется с прямым объектом; *дòу вуго*

¹ A. Dirr. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig, 1928, стр. 75.

² В даргинском языке глагол имеет два вида: 1) длительный, соответствующий более или менее русскому несовершенному виду, и 2) мгновенный, имеющий аналогию в русском совершенном виде. Эти виды имеют формальные отличительные признаки.

³ Услар. Этнография Кавказа. Аварский язык, § 172, стр. 196, 197. (Употребляю транскрипцию Услара.)

ветаріла 'он косит'. Здесь субъект 'он' (дѡу) в именительном падеже, а сказуемое, как это видно из классового показателя *е-*, согласуется с субъектом класса активных муж. рода. Услар замечает, что при этом обороте нельзя поставить прямого объекта — *хер* 'сено'. Этот же самый глагол, но однократного вида, идет с субъектом в активном падеже и с прямым объектом в именительном: дос бѣтула буго хер 'он косит сено', причем глагол (составной) согласуется с прямым объектом, как это ясно из классового показателя *б-*. В приведенных примерах мы имеем полную аналогию с даргинским языком, с той, однако, разницей, что в то время как в аварском языке нельзя ставить прямой объект при многократном виде, в даргинском языке — можно. Нас в этой конструкции интересует только то, что в аварском языке оборот с многократным видом имеет твердо определенное значение постоянного свойства, или постоянного длительного процесса, или занятия; это дает возможность легче понять безобъектный оборот с глаголом многократного вида в даргинском языке. Полную аналогию этого явления в даргинском и аварском языках мы находим в языке кабардинском, в котором, при отсутствии деления глаголов на длительные и мгновенные, любой переходный глагол, не имея при себе прямого дополнения, идет по строю непереходного глагола.

В свое время мы пытались показать,¹ что эта особенность кабардинского глагола является показателем разрушения так наз. «пассивной» конструкции яфетического глагола: при стирании осознания принципиальной разницы между переходным и непереходным глаголом отсутствие одного из формальных признаков переходности — прямого объекта — ведет к восприятию переходного глагола как непереходного, а вместе с тем и к перестройке всей конструкции по аналогии с непереходным глаголом. В той же статье мы приводим соответствующие аналогии и из баскского языка.

Теперь же оказывается, что полная аналогия этому имеется и в даргинском языке. Мы полагаем, что этот факт подтверждает наше положение. Мы имеем здесь дело со смешением переходного и непереходного строя глагола, смешением, которое в индоевропейских языках завершилось полным совпадением конструкций обоого типа глаголов. Мы ссылаемся именно на индоевропейские языки потому, что наличие бывшей в них некогда так наз. «пассивной» конструкции переходного глагола после работ Уленбека как будто не вызывает ни у кого сомнения. В аварском языке многократная форма переходного глагола успела уже зафиксироваться в среднем значении. Конечно, может возникнуть вопрос, не является ли неразличение

¹ С. Л. Быховская. ДАН СССР, 1931.

переходности от непереходности первичным. Но против первичности говорит уже тот факт, что в аварском языке многократный вид образуется из однократного при помощи определенных аффиксов, следовательно, первичной оказывается форма переходная, идущая по «пассивному» строю, и следовательно, различение переходности от непереходности древнее; в даргинском языке, в основном, такое же положение.

Теперь остановимся на семантической стороне оборота, — даргинцы обыкновенно затруднялись конкретизировать разницу между ним и обычным оборотом. Сначала обыкновенно указывалось, что оборот *«дудеш газетти учули сай»* означает, что отец не всю газету читает, а 'читает то здесь, то там'. Лишь путем дальнейших бесед удалось выяснить, что наш оборот означает постоянное занятие, или же 'заниматься чем-нибудь'. Наиболее убедительным представляется нам употребление этого оборота непосредственно, без всяких расспросов. Такие обороты, правда, не всегда легко поддаются семантическому уточнению, но все же некоторые из них поддаются. Приведу один пример из даргинской газеты *«Колхозла байрахъ»* (Колхозное знамя) органа Райкома ВКП(б) и РИКа Серго-Кала от 7-го авг. 1936 г. На 4-й стр. этой газеты читаем:¹ *«Ну 1920 ибил дусмизивад вахИхъим 1938 ибил дусмичи бикайчи хИйван къачначал ва ябначалра вачурта вирум халаси даход тIалаб бирули ирира»* (сохраняю транскрипцию и орфографию подлинника) «Я, начиная с 1920 г. до 1933 г., занимаясь торговлей мелким скотом и лошадьми, получал большой доход». Подлежащее 'я' (*ну*) стоит в именительном падеже, сказуемое — деепричастие *вирум* 'делаю' — согласуется с субъектом (*ну*), что ясно из классового показателя *в-*; «прямое» дополнение *вачурта* стоит в активном падеже множественного числа. Нет никакого сомнения, что это предложение можно перевести только «торгуя» в смысле «занимаясь торговлей». Если бы в даргинском тексте было слово «занимаясь», то активный падеж *вачурта* объяснялся бы точно так же, как творительный в русском переводе. Но на самом деле этого слова в даргинском тексте нет. Как же тогда объясняется активный падеж? Нам представляется, что единственным объяснением здесь может быть только то, что активный падеж вообще здесь был использован в своем обычном значении, как падеж, показывающий источник действия, но деепричастие *вирум* получило здесь уже другое значение, именно значение «занимать»; наше предложение должно было быть переведено буквально «торговля меня занимала» или, точнее, «торговля, занимая меня...»; так на даргинский язык переводится выражение адекватное «я, занимаясь

¹ Речь идет о признании кулака.

торговлей...», т. е. этот оборот является идиомом даргинского языка. Но из допущения этого неизбежно следует, что слово в активном падеже при переходном глаголе длительного вида является не дополнением, а частью составного сказуемого с глаголом со значением «заниматься». Только так могут быть объяснены все приведенные нами примеры: «Лиса занималась судопроизводством», стр. 57; «Жилин занимался копанием ямы» и т. д.

Таким образом значение разбираемого нами оборота сводится к значению «заниматься чем-нибудь», оборот, который имеет значение постоянного действия или свойства, так сказать «основного занятия». Это подтверждается особенно аварским языком, где глагол длительного вида с подлежащим в именительном падеже выражает постоянное свойство подлежащего. В аварском, как мы уже видели, не может быть прямого дополнения ни в именительном, ни в активном падеже; в даргинском же слово в активном падеже выражает не дополнение, а уточнение глагола.

Наше объяснение вполне подтверждается тем пониманием, которое давали разбираемой конструкции даргинцы; в их языковом сознании оборот этот обозначает, что центр тяжести предложения, его ударение лежит на самом действии, именно — этим оборотом передается в предложении тогда, когда хотят подчеркнуть сказуемое. Действительно, в выражении *Степка сунела пашманти пикрума пикри вики* 'Степка думал свои невеселые думы' — 'думы' является винительным внутреннего дополнения глагола. Любопытно, как передается 'Ты чево спозаранку моташись?'¹ *ху сели биркьули буцIар гIанручI ласикIулм*, т. е. 'ты чем занят, (= ты что делаешь)?' — очевидно, выражение было понято как русское разговорное 'ты чего?'. Сюда же относится и перевод русского выражения 'показывая в разные стороны', *Лебил илабти шал-шайчи ишарулта биркьули саби* — 'показывая' передано *ишарулта биркьули саби* 'делали знаками' с согласованием глагола *биркьули саби* с субъектом, о чем свидетельствуют классовые показатели *б* в *биркьули саби*.

Таким образом в даргинском языке переходные глаголы длительного вида могут быть построены по типу непереходных глаголов, и в этом отношении даргинский язык приближается к языкам, в которых нет «пассивной» конструкции. В аварском языке, как уже было указано выше, всякий переходный глагол длительного вида идет также по строю непереходного, однако, с тем принципиальным отличием от даргинского, что длительный вид делает переходный глагол непереходным, в то время как

¹ Шолохов «Червоточина».

в даргинском языке переходный глагол длительного вида может конструироваться и как переходный и как непереходный. Благодаря этому в даргинском языке можно наблюдать весьма четко момент перехода так наз. «пассивной» конструкции переходного глагола в обычную конструкцию, в которой стирается грань между переходностью и непереходностью; этот момент проявляется в глаголах длительного вида при отсутствии прямого объекта, что роднит даргинский с аварским и кабардинским.¹

Но в даргинском языке можно наблюдать и другое, весьма интересное явление, именно — зачатки возникновения страдательного залога. Не собираясь освещать это явление в целом, мы остановимся только на одном факте. Если при существительном (или заменяющем его слове) в именительном падеже стоит переходный глагол, который с этим словом согласуется классовым показателем, то все выражение может иметь страдательное значение; например, такое выражение, как *«кагар лукӀуми саби»*, автор лучшей грамматики даргинского языка на даргинском языке, т. Абдуллаев, переводит 'письмо написано' и утверждает, что иначе переводить нельзя, т. е. нельзя переводить 'письмо написали'. В этом предложении слово 'письмо' (*кагар*) стоит в именительном падеже; классовый показатель глагола -б-, в данном случае, его спрягаемой части *саби*, согласуется с *кагар*. Таким образом весь оборот приобретает страдательное значение вследствие отсутствия логического субъекта действия и вследствие согласования сказуемого с логическим прямым объектом. Никакого другого оформления страдательности в нашем предложении нет.

Сопоставим теперь спряжение переходного глагола по непереходному типу и наш страдательный оборот:

- 1) *дудеш учӀуми сай* 'отец читает'.
- 2) *кагар лукӀуми саби* 'письмо написано'.

В предложении 1 существительное *дудеш* стоит в именительном падеже, глагол = сказуемое с ним согласуется, о чем говорит отсутствие классового показателя перед *учӀуми* (о выпадает перед *у*) и отсутствие его в спрягаемой форме *сай*: логический субъект, сказуемое — в действительном залоге. В предложении 2 существительное *кагар* ('письмо') стоит в именительном падеже, сказуемое *лукӀуми саби* согласуется с ним, о чем говорят классовый показатель -б- и отсутствие его в спрягаемой части сказуемого — *кагар* оказывается логическим объектом, сказуемое же — в страдательном залоге. Строй предложений 1 и 2 формально абсолютно одинаков, но в первом случае мы имеем действительный залог, во втором —

¹ Мы не касаемся вопроса, имеется ли это явление еще и в других афетических языках.

страдательный. Если это так, то и предложение 1 можно было бы перевести 'отец читается', если бы это допускал смысл. А отсюда только один вывод: в даргинском языке семантически существует страдательный залог, но он определяется каждый раз контекстом, смыслом предложения: один и тот же оборот можно перевести и действительным и страдательным залогом, если глагол длительного вида. Это становится возможным только потому, что переходный глагол длительного вида может идти по строю непереходного, сохраняя свое переходное значение.

Важно отметить, что страдательное значение появляется только в безличных оборотах, т. е. тогда, когда субъект не выражен. Это является лишним подтверждением того, что сущность страдательного залога заключается в том, что центр тяжести переносится на логический объект или на самый процесс. Этим только можно объяснить страдательный залог непереходных глаголов. Незнанием субъекта или переносом логического ударения на процесс объясняется страдательный залог непереходных глаголов и в латинском языке: *itur* 'идут'.¹

Резюмируем изложенное о состоянии спряжения переходного глагола в даргинском языке:

1. В нем явно намечается тенденция к сглаживанию отличий строя переходного глагола от непереходного; это сглаживание имеет место между прочим и в случае, совершенно аналогичном языкам кабардинскому и баскскому, т. е. при отсутствии прямого объекта, с той, однако, особенностью, что этот переход строя переходного глагола в строй непереходного возможен только при глаголах длительного вида.

2. Активный падеж «прямого» объекта означает, что он «занимает» логический субъект и таким образом имеет как бы функцию субъекта; соответственно весь оборот соответствует русскому 'заниматься чем-нибудь'. Отсюда следствие:

3. «Прямое» дополнение в активном падеже имеет значение не столько объекта, сколько уточнителя сказуемого.

4. Наличие подобной конструкции в современном ее состоянии является одним из моментов изживания «пассивного» строя переходного глагола.

5. Вместе с этим в даргинском языке наблюдается и страдательный залог, не имеющий, однако, еще особого оформления, определяющийся только по смыслу; появление его возможно только при отсутствии субъекта.

В заключение остановимся на вопросе о хронологическом соотношении переходного и непереходного глаголов. Разобранные факты истолкованы

¹ Не можем не отметить весьма любопытного факта, что появление страдательного залога в даргинском языке связано с появлением «активного» строя переходного глагола.

нами как момент стирания разницы между тем и другим строем. Но нельзя ли рассматривать эти факты, наоборот, как первую стадию развития глагола, когда не было разницы между переходностью и непереходностью?

Нам представляется, что нельзя.

Постановка субъекта в именительном падеже возможна в даргинском языке только в глаголах длительного вида; длительный же вид образуется обычно из вида мгновенного, путем прибавления определенных аффиксов. Правда, в некоторых случаях переход в глагол длительного вида происходит путем замены гласного или согласного, и поэтому, казалось бы, нельзя вести один вид из другого. Но факт образования длительного вида большинства глаголов при помощи аффиксов, прибавляемых к мгновенному виду, и полное отсутствие обратного факта, т. е. образования мгновенного вида из длительного, с несомненностью говорит в пользу вторичности длительного вида и первичности вида мгновенного. В пользу этого же говорит и типологическое сопоставление — в аварском образование длительного вида из вида мгновенного не возбуждает никаких сомнений. Таким образом неразличение строя переходного и непереходного глаголов возможно как в даргинском, так и в аварском языках только при вторичных глагольных образованиях и невозможно при первичных. Это определенно говорит, что неразличение двух типов есть явление вторичное.

В этом же плане и то, что в кабардинском языке и, отчасти, в баскском при отсутствии прямого дополнения подлежащее при переходном сказуемом стоит в именительном падеже. Но об этом уже достаточно говорилось.¹ В этом отношении полная параллель имеется даже в русском языке: переходный глагол при отсутствии прямого дополнения может иметь непереходное значение: «Ученик пишет», «Человек ест» и т. п. Отметим, что такого рода сказуемые могут иметь значение постоянного занятия или свойства.

Наконец, отрицать разницу между переходностью и непереходностью глагола — это значит отрицать, что существуют глаголы, которые по своему значению не могут иметь прямого дополнения: например такие глаголы, как *итти*, *спать*, *сидеть* и т. п.; становясь переходными, они получают другое значение. Только под влиянием формализма, в отдельных случаях даже неосознанного, только при забвении о значении слова, можно говорить об отсутствии разницы между переходными и непереходными глаголами. Это такое же недоразумение, как отрицание существования прилагательных в тех языках, в которых нет оформления прилагательных, но есть слова со значением прилагательных:

1 См. выше, стр. 60.

«длинный», «короткий», «красный» и т. п., а следовательно, и по употреблению их в качестве прилагательных, со всеми последствиями в области оформления, к которому относится и синтаксис, о чем слишком часто забывают. Даже при отсутствии абсолютных формальных отличий переходности и непереходности, глаголы, при том или ином их использовании, получают безусловно какое-то оформление, которое необходимо в первую голову для различения смысла. А если это так, то не приходится говорить о первоначальном якобы неразличении переходности и непереходности в глаголах. Наоборот, первоначально как раз должно было очень четко отличаться активное действие от пассивного состояния, поскольку активно действующим могло быть только существо социально-активное, в пользу чего говорит самая история склонения.¹

Другое дело, что вначале были только переходные глаголы, как глаголы наиболее конкретные и, прибавим, наиболее необходимые, поскольку очеловечение человека начинается с его активного воздействия на окружающий мир. Но тогда, следует предполагать, не было глаголов непереходных. Но этот вопрос уже не относится к теме настоящей статьи.

Хлыбный

¹ Подробнее об этом и основную литературу см. в моей статье «К вопросу о происхождении склонения» (Изв. Акад. Наук СССР, 1930).

О. ВИЛЬЧЕВСКИЙ

Вигезимальный счет в курдском

Общераспространенной для курдского языка системой счета является децимальная система. Как по употребляемым при ней терминам, так и по технике счета эта система, за исключением некоторых особенностей, совпадает с системой счета в большинстве иранских языков и, в первую очередь, непосредственно роднит курдский с персидским, как в его литературных формах, так и в богатой диалектами живой речи.

При этом децимальном счете, общем для всего ираноязычного населения Передней Азии, существует прочно устоявшаяся система терминов для чисел от одного до десяти; более или менее значительные отклонения в номенклатуре отдельных терминов носят строго локализованный пределами определенных языков и диалектов характер и существуют параллельно с общеупотребительными формами. Числительные второго десятка (11—19) обладают также прочно устоявшимися терминами, образованными путем присоединения слегка видоизмененных терминов для обозначения числительных первого десятка к последующему *dāh* 'десять'. Диалектальные разновидности для этой группы терминов и в персидской и в курдской речи, как правило, отсутствуют. Для обозначения десятков первой сотни (20—90) существует также прочно установившаяся система терминов, в большинстве случаев являющихся производными от соответствующих терминов для единиц. Принципы конструирования терминов для десятков свыше сорока прощупывается довольно прозрачно: термин для единиц комбинируется с последующим термином *dāh* 'десять', причем оба термина претерпевают некоторые фонетические изменения, но не настолько значительные, чтобы изгладить принцип их конструирования из языкового сознания. Числительные же 20—*bist* ($\leftrightarrow$ *vist*), 30—*sī*, 40—*tīl* ($\leftarrow$ *tihl*) не могут быть по принципу их конструирования непосредственно сопоставлены с параллельными терминами для единиц: 2—*du*, 3—*sā*, ($\leftrightarrow$ *se*), 4—*tār* ($\leftarrow$ *təhār*).¹

¹ Так наз. «среднеперсидские» формы обладают лишь диалектальными особенностями пехлевиjsкой фонетики. В древнеперсидских материалах названия большинства числительных отсутствуют, и их формы восстанавливаются лишь гипотетически с привлечением авестийских вариантов, конструирующихся по принципу конструкции персидских числительных свыше сорока.

Для 'сотни' — *sād* и 'тысячи' — *hāzār* имеются свои особые термины, не имеющие, как правило, диалектальных разновидностей и обладающие прозрачной иранской этимологией. Существует также несколько общих всему Переднему Востоку терминов для числительных некоторых высших разрядов, напр. *lāk* — 10 000, *qurūr* — 500 000, *million* — 1 000 000, проникших в персидскую систему счета в результате расширения культурных связей и ощущаемых в ней как чуждые элементы.

Таким образом десятичный счет располагает готовым ассортиментом терминов от одного до двадцати, терминами для десятков первой сотни и для единиц высших разрядов — 100, 1000 и т. д.

Остальные числительные в пределах первой сотни, начиная с 21, образуются путем присоединения к термину для числа десятков соответствующего термина для числа единиц посредством союза *u* 'и'; начиная от ста, единицы высшего разряда предшествуют присоединяемым к ним посредством того же союза *u* 'и' единицам низших разрядов; число единиц разрядов от 100 и выше обозначается путем постановки соответствующего числительного перед термином, выражающим разряд, например: *du hāzār u pānd sād u nod u hāf* '2597'. *Sī u pānd hāzār u hāsh sād u hūdāh* '35 818'.

Исключение составляет только образование числительного 200, где на ряду с «нормальным» термином *du sād* значительно чаще употребляется термин *dāvist* ↔ *dābist* (↘ *dāvist* → *dāvist*).¹ Попытка традиционной иранистики увидеть в этом термине «закономерное» фонетическое изменение авест. *dwaeca saite* — формы двойственного числа от ста — явно несерьезна. После прекрасной работы Б. В. Миллера² этимология *dāvist* как «десять двадцаток» может считаться прочно установленной, тем более, что такое восприятие этого термина до сих пор сохранилось в языковом сознании говорящих.³

Характерными особенностями десятичного счета в курдской речи по сравнению с персидской являются:

¹ Последнее — под влиянием арабской орфографии, обозначающей знаком *د* и беглый звук *э* и краткое *и*.

² Анализ персидского числительного *devist* 'двести', ЯС, VII, Л., 1932, стр. 115—140.

³ «Многие полагают, что основой слова *dāvist* (اصل کلمه دواست) было *du sād* (دو ست), означающее две сотни (دو صد), и поэтому, часто, вместо него произносят и пишут *du sād*. Хотя произношение и написание *du sād* вместо *dāvist* и правильно и придраться к нему не следует, однако основой *dāvist* является не *du sad*, а *dah vist* (ده و یست), означающее десять двадцаток (ده بیست), а десять двадцаток равны 200».

(کسروی تبریزی: دوست یا ده بیست؟ پیمان ۱۳۱۲ شماره ۲۵)

а) отсутствие термина *dävist* $\longleftrightarrow$ *däbist* '200', вместо которого всегда употребляется *du säd*.¹

б) При обозначении единиц, сотен и высших разрядов термин *yäk* не предшествует термину разряда, а присоединяется к исходу его: *sädäk* — 100, *häzäräk* — 1000, *millionäk* — 1 000 000.²

в) Числительные 2 и 3 наличны в удвоенных формах с редуцированным гласным в первой части удвоения — *dädu*, *säsä*.³

На ряду с десятичной системой счисления, описанной выше, курдскому языку свойственна также и вигезимальная система счета, построенная в основном на тех же терминах.

Система эта в настоящее время почти повсеместно вытеснена десятичной и сохраняется лишь в речи представителей старшего поколения в ряде глухих углов Курдистана, а также в качестве «пастушьего» и «женского» счета; хотя в этих случаях обычно счисление по двадцаткам не идет далее первых двух-трех, максимально четырех двадцаток.⁴

Во время поездки к курдам Карабаха в 1931 г. мне удалось записать со слов нескольких осведомителей термины и технику вигезимального счета и наблюдать его в живой речи населения ряда курдских деревень Лачинского и Кельбеджарского районов Азербайджанской ССР, где вигезимальный счет еще сохранился в качестве системы, параллельной десятичному.

Техника вигезимального счета такова.

Термины для единиц первого десятка при вигезимальном счете идентичны аналогичным терминам при десятичном счете, за исключением форм для девяти — *nehā* и десяти — *dehā*.

'Десятки' — *dehā* рассматривается в качестве единицы следующего разряда, и в дальнейшем, при обозначении числительных второго десятка (11—19), число единиц присоединяется посредством союза и 'и' к термину для десятка, претерпевающему в этих формах некоторые фонетические изменения; а именно: звонкий *d* падает в глухой *ž*; исходный гласный *ā*,

¹ Обратное этому явлению наблюдается Б. В. Миллером для татского языка. Цит. соч., стр. 116.

² *yäk* выступает здесь в качестве неопределенного члена. Ср. *märdäk* — 'один человек', 'какой-то человек'; *häspäk* — 'одна лошадь', 'какая-то лошадь'; *mäläk* — 'один дом', 'такой-то дом', т. е. термины *säd*, *häzār* и т. д. в курдском представляются не только числительными, но и существительными. Ср. аналогичное явление в среднеперсидском.

³ Формы эти отмечались еще Гюльденштедтом в «Reise durch Russland und im Caucasischen Gebürge», 1767, II т., стр. 545.

⁴ Так, в пастушьем счете курдов ССР Армении по двадцатеричному счету образуются только числительные от 1 до 20, а в женском счете до 40.

носящий повидимому детерминативный характер,¹ отпадает, вызывая последовательно отпадение и спиранта h; получившаяся форма Әä при встрече с губным ū вызывает по нормам курдской фонетики появление полугласного w, впоследствии, как это часто случается, претерпевающего подъем в v.²

Благодаря этому, в соединении с единицами термин *deha* \ Әä предстает в форме Әäv, например: 11 — Әäv u yäk, 12 — Әäv u du³ и т. д.

Единицей следующего по отношению к 'десяtku' — *dehā* разряда является 'двадцатка' — *bist*, термин, общий и при децимальном и при вигезимальном счете; в виду этого, счет от 20 до 29 при обеих системах счисления совпадает; дальше же вигезимальный счет сохраняет принцип присоединения чисел низшего разряда к высшим посредством союза u 'и'; 30 — *bist u dehā*, 31 — *bist u Әäv u yäk*... 40 — 'двум двадцаткам' — *du bist*, 50 — 'две двадцатки + 10' — *du bist u dehā*, 60 — '3 двадцатки' — *se bist*, 70 — 'три двадцатки + 10' — *se bist u dehā* и т. д. 100 — 'пять двадцаток' — *pänd bist*, 200 — 'десять двадцаток' — *dehā bist* или, что чаще, \ *dā bist* \ Әä *bist* и т. д., до 'большой двадцатки' — 400 — *bist bist*, рассматриваемой как единица высшего по отношению к 'малой двадцатке' — *bist* разряда, вследствие чего числа низших разрядов присоединяются к *bist bist* посредством обычного союза ū 'и', например: 500 — *bist bist u pänd bist*, 600 — *bist bist u dehā bist* (или *bist bist u Әä bist*) и т. д.

Следует отметить, что при вигезимальном счете осведомители иногда называли единицей высшего по отношению к 'двадцатке' разряда — 'сотню' *sād*, и тогда счет по двадцаткам велся только в пределах чисел первой сотни, сотни же выступали в формах: 100 — *sād*, 200 — *du sād* и т. д. Впрочем, так считали только лица, знакомые с персидским языком (один из них получил образование в Мешхеде), и при этом иногда поправлялись, говоря, что при больших числах они невольно считают по-персидски (*mənā fārsī*).

Для большей наглядности ниже привожу таблицу соотношения между формами децимального и вигезимального счета в курдском.

¹ Вопрос об исходном ā в полных формах прямого падежа в курдском — еще не разработан; поэтому из осторожности остановимся на определении исходного ā в формах *dehā* и *nehā* как детерминатива.

² Таково формальное объяснение связи между терминами *dā'h¹* (← *deha*) и Әäv (↗ Әäv). Если оставаться на базе курдских языковых фактов, расширяемой привлечением соседних иранских материалов, — это объяснение совершенно достаточно. Если же попытаться выйти за эти рамки и обратиться к другим языкам Передней Азии, генетические связи которых с курдским столь же тесны, как и иранские, то уже материалы армянского языка заставили бы нас сопоставить интересующий нас термин не только с армянскими вариантами иранского *dā'h¹* — совр. арм. *tas*, др.-лит. арм. *tasān*, *tasən*, — но и с арм. *šiw* — 'число'.

³ В соединении с единицами высших разрядов числительные *dədu* *səzā* теряют свое удвоение.

Выводы, напрашивающиеся из непредубежденного рассмотрения этой таблицы, сведутся к следующему:

1. Обе эти системы, и десятичная и вигезимальная, являются органическим развитием счета как в сторону десятичного, так и в сторону вигезимального на основе одного и того же в сущности лексического материала.

2. Вигезимальная система счета в своем развитии проходила через десятичную стадию, поскольку 'десяток' — *dehā* \ *ḡā* является низшим по отношению к 'двадцатке' — *bist* разрядом.

3. В свою очередь, десятичная система неизбежно проходила через вигезимальную стадию, в чем нас убеждает: а) иной по отношению к последующим десяткам принцип образования числительных от 11 до 19, б) общие с вигезимальной системой термины для двадцати *bist* ↔ *vist* и двухсот *dehā bist* \ *dā bist* (\ *ḡā bist*) ↔ *dāvist* \ *duvist*.

4. Генетическая общность номенклатуры основной массы числительных, идентичность техники счета и, главное, полное отсутствие среди лингвистического окружения курдского языка языков с вигезимальным счетом не позволяют поднимать вопроса о «заимствовании» курдами вигезимального счета из иноязычной среды. Обе эти системы развивались в условиях взаимного сосуществования, и вопрос может ставиться лишь о мотивах преимущественного распространения десятичной системы счета не только в курдском, но и во всем комплексе иранских языков Малой Азии и Ирана.

5. С другой стороны, значительное количество расхождений в терминологии основных числительных, расхождений, возрастающих по мере привлечения диалектальных форм, наряду с отсутствием, или, во всяком случае, с минимальным количеством расхождений в технике счета и в терминах для числительных высших разрядов, заставляет утверждать, что развитие данных систем счисления шло путем постепенного согласования мелких узко локальных систем счета, сливавшихся по мере роста политического, экономического и культурного объединения в единую систему, ибо «сходства числительных — не унаследованное от начала благо, а достижение, добытое тяжелым трудом многих веков, многих тысячелетий».¹

Выводы эти ведут к ряду последствий, весьма существенных при обсуждении вопроса о генезисе систем счисления в языках протоеидского типа.

¹ Н. Я. Марр. О числительных. Языковедные проблемы по числительным, I, Л., 1927, стр. 5.

Счет	Ч и с л а								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Децимальный	yāk	dədu,	səsä,	ṭār	pānd,	ṣāṣ	ḥäfə	ḥāmə	näh,
Вигезимальный		düdu	səse		pend			ḥäymə	nä
									nehā
Счет	Ч и с л а								
	21	22	23	24	25	26	27	28	29
Децимальный	bist u	bist u	bist u	bist u	bist u	bist u	bist u	bist u	bist u
Вигезимальный	yāk	du	se	ṭār	pānd	ṣāṣ	ḥäfə	ḥāmə	näh
									bist u
									näha
Счет	Ч и с л а								
	130	140	150	160	170	180	190	200	220
Децимальный	sād u	sād u	sad u	sād u	sād u	sad u	sād u	du	du sād
Вигезимальный	sē	ṭār	pānd	mest	ḥäfə	ḥāmə	nod	sād	u bist
	ṣāṣ	ḥäfə	ḥäfə	ḥāmə	ḥāmə	nehā	nehā	dehā	ṣāv u
	bist u	bist	bist u	bist	bist u	bist	bist u	bist, dā	yāk
	dehā		dehā		dehā		dehā	bist, ṣā	bist
								bist	

Примечание: 1. Единица первого разряда децимального и вигезимального счета.

10. Единица второго разряда децимального и вигезимального счета.

20. Единица третьего разряда вигезимального счета.

100. Единица третьего разряда децимального счета.

400. Единица четвертого разряда вигезимального счета.

1000. Единица четвертого разряда децимального счета.

Л И Ц А

мальной системы счета в курдском языке

Ч и с л а

10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
dä, däh	ýanz- däh	duānz- däh, dānzdäh	senzdäh, sezdäh	ṭārdäh	pānzdäh	mānz- däh	hāv däh	hij däh	nonzdäh nozdäh	bist
dehā ṣāv	ṣāv u yāk	ṣāv u du	ṣāv u se	ṣāv u ṭār	ṣāv u pānd	ṣav n mām	ṣāv u hāfṣ	ṣāv u hāmṣ	ṣāv nehā	
Ч и с л а										
30	31	40	50	60	70	80	90	100	110	120
sī	sī u yāk	ṭel, ṭil	pendi	mest	hāfṣe	hāmṣe hāymṣe	nod nawhed	sād səd	sād u dah	sād u bist
bist u dehā	bist u ṣāv u yāk	du bist	du bist u dehā	se bist	se bist u dehā	ṭār bist	ṭār bist u dehā	pānd bist	pānd bist u dehā	mām bist
Ч и с л а										
240	260	280	300	400	500	600	700	800	900	1000
du sād u ṭel	du sād u mest	du sad u hāmṣe	se sād	ṭār sād	pānd sād	mām sād	hāfṣ sād	hāmṣ sād	nāh sād	hāzār
ṣav u du bist	ṣāv u se bist	ṣāv u ṭār bist	ṣāv u pānd bist	bist bist	bist bist u pānd bist	bist bist u dehā bist	bist bist u ṣāv u pānd bist	du bist bist	du bist bist u pānd bist	du bist bist u dehā bist

Уже Ф. А. Розенберг в «Материалах по двадцатому счету»¹ констатировал наличие трех центров с рудиментами вигезимального счета в прометейских языках.

1. Гиндукуш, где «целый ряд индоиранских народов, поселившихся в его долинах, или вокруг него, считает не иранским, двадцатым счетом».

2. Кавказ, где «*mutatis mutandis* наблюдается подобное явление» и «осетины-иранцы... поселившиеся среди горцев индигенов, считают двадцатым счетом».

3. «Третий центр, отдаленный от двух предыдущих протяжением всей Европы» — вигезимальный счет у басков и связанные, по мнению Ф. А. Розенберга, с этой системой рудименты вигезимального счета в кельтском, французском и в языках гелов и северо-германских скандинавов.

Однако все это были лишь рудименты счета, и вполне понятна была осторожность, заставлявшая Ф. А. Розенберга предостерегать от каких-либо выводов «относительно генетической связи этих трех центров».²

Первым фактом, заставившим серьезно задуматься над возможностью такой «генетической связи» если не всех центров вигезимального счета, то хотя бы первых двух — Кавказа и Припамирья, — было сообщение Б. В. Миллера о возможности этимологии формы *dā vist* — ‘двести’ как *dā bist* ‘десять двадцаток’ в связи с наблюдаемыми им материалами по вигезимальному счету у татов.³

В дальнейшем Б. В. Миллер посвятил этой проблеме специальную статью «Анализ персидского числительного *devist* ‘двести’»,⁴ которую он сам называет «подробной мотивировкой предлагаемого им анализа».

В этой работе Б. В. Миллер блестяще обошел затруднения фонетического характера, вытекающие из схоластических представлений традиционной иранистики, заимствованных последней в свою очередь из воззрений на персидский язык средневековых арабоязычных грамматиков, об имманентно якобы присущей персидскому языку разницы между «*ī* явным» и «*ī* скрытым»,⁵ т. е. между *ī* и *ē*.

Одновременно Б. В. Миллер дал развернутую мотивацию своей этимологии, подчеркивая, с одной стороны, чрезмерную абстрактность, традиционность связей *dāvist* с десятичным счетом, наличие ряда пробелов по конкретной истории иранских языков, затрудняющих выяснение истории

¹ Сборник «Языковедные проблемы по числительным». Л., 1927, стр. 165—170.

² Цит. соч., стр. 169.

³ Таты, их расселение и говоры. Известия Об-ва обслед. и изучения Азербайджана, вып. VIII, стр. 32, прим. 2.

⁴ ЯС, VII, Л., 1932, стр. 115—140.

⁵ *بیای معروف* и *بیای مجهول*

термина *dāvist*, и, что самое существенное, ряд серьезных соображений фонетического порядка, затрудняющих сопоставление перс. *dāvist* с авестийскими формами для 'двухсот' в плане их генетического сближения.

С другой стороны, базируясь на значительно расширенных по сравнению со сводкой Ф. А. Розенберга материалах по рудиментам двадцатного счета в иранских языках, Б. В. Миллеру удалось связать форму *dāvist* с вигезимальными эквивалентами в ряде иранских языков и этим самым еще больше укрепить свою этимологию.

Однако такое положение вещей оставляло все же возможность для предположения о заимствовании вигезимального счета иранскими языками извне, под влиянием причин культурного порядка.

С момента же, когда вигезимальный счет в полном объеме обнаруживается в курдском языке, который, будучи иранским, ни в каком соприкосновении с языками, обладающими вигезимальной системой счета, не находился и не находится, отпадает возможность и для такого предположения. Отпадает также и надобность в таком предположении, поскольку сама по себе гипотеза об изначальности децимального счета в иранских языках должна быть признана не оправдавшейся, как противоречащая фактам: намечавшиеся Ф. А. Розенбергом два случайных как будто центра вигезимального счета — на Памире и на Кавказе, эти два, казалось, изолированных центра сливаются при более детальном рассмотрении материала в один центр, совпадающий довольно четко с районом распространения иранских языков, и вряд ли можно назвать такой иранский язык, за исключением искусственно восстановленных, в котором пережитки вигезимального счета не сохранились бы в большей или меньшей мере.

Сохранение при таких обстоятельствах гипотезы об изначальности децимального счета в иранских языках не только дезориентирует науку, но и приводит, при попытках вопреки фактам воспользоваться этой гипотезой, к выводам, идущим в разрез с прогрессивной наукой. Так, проф. А. А. Фрейман, на основании этого ложного представления о системе и технике счета в иранских языках, пришел в заметке «Забытые осетинские числительные»¹ к ошибочному выводу в отношении развития осетинского языка и культуры,² «утерявших» якобы «в окружении горско-кавказских языков с их двадцатеричным счетом» «общеиранскую категорию числительных, как она должна была отразиться согласно законам осетинской исторической фонетики».³

¹ Сборник Академия Наук СССР акад. С. Ф. Ольденбургу, л. 1934, стр. 561—564.

² Там же, стр. 564.

³ Там же, стр. 561.

Между тем перед иранским языкознанием сейчас стоит вопрос о взаимоотношении вигезимального и децимального счета в иранских языках и намечается постановка более общего вопроса о связи вигезимального счета в иранских с аналогичными типологически, а возможно и генетически, явлениями в прометеидской речи Европы.

«Пора также и языки доселе облюбованных господствующей лингвистикой систем проработать не для выявления лишь недоуменных вопросов, подлежащих разрешению яфетидологами, как цельные переживания из языков яфетической системы, а для раскрытия картины нарастания числительных в целом в каждой из языковых систем. Причем в самой поздней системе, именно в прометеидской («индоевропейской»), мы имеем самые древние переживания, иногда в них больше окаменелой сохранности, чем в том или ином отдельном языке любой архаической системы, не исключая и яфетической».¹

5 V 1936 г.

¹ Н. Я. Марр. Цит. соч., стр. 87.

М. М. ГИТЛИЦ

О путях проникновения семитских элементов в еврейский язык (идиш)

Семитские элементы проникли в еврейский язык из древнееврейского и арамейского письменных языков. Каким же путем они проникли?

Еврейские филологи всех направлений разрешают этот вопрос легко и просто. Древнееврейско-арамейский язык, утверждают они, как язык еврейского культа был евреям хорошо знаком. Еврейские филологи не сомневаются поэтому, что семитские элементы проникли этим путем непосредственно из религиозных письменных памятников (библия, талмуд, молитвенники и т. д.) в разговорный и в письменный еврейский язык.

Никто, разумеется, не отрицает влияния религиозной практики, в силу чего, надо полагать, многие специальные культовые вещи и понятия стали обозначаться древнееврейскими и арамейскими терминами. К таким, например, относятся названия религиозных праздников, религиозных институтов, служителей культа, молитв, обрядов и т. п., как¹ *pesach* 'пасха', *yom-kippur* 'судный день', *bet-midraš* 'молитвенный дом', *xeder* 'хедер', *bet-olam* 'кладбище', *šaxrit* 'утренние молитвы', *minxa* 'вечерние молитвы', *rab* 'раввин', *hazan* 'кантор', *mila* 'обрезание', *gehinnom* 'ад', *gan-eden* 'рай', *xumēš* 'пятничные' и т. д. Но даже по подсчетам П. Штифа,² старавшегося выявить побольше семитских религиозных терминов в еврейском языке, число последних все же не превышает 27% всех семитизмов в еврейском языке. Вся основная остальная масса семитизмов в еврейском языке (юридические, торговые, общественные, профессиональные, бытовые и другие категории), таким образом, не связана непосредственно с религиозной практикой.

Признать поэтому религиозную практику основным и решающим фактором проникновения основной массы этих семитизмов в еврейский язык нет никакого основания.

¹ Употребляю транскрипцию, которая практикуется в еврейской советской научной литературе.

² См. его работу *Di hebrejise elementn in der šprach* «Древне-еврейские элементы в языке» в журн. «*di jidise šprach*», 1929, № 4—5, стр. 10.

I. Против такого утверждения говорят также следующие факты: В старых письменных памятниках на языке идиш-тайтш (XIV—XVI вв.) семитские элементы занимают еще очень небольшое место. Это относится не только к так наз. нейтральным семитизмам, как, например, *varhayt* 'правда', *mer* 'море', *furman* 'извозчик', *koṽfman* 'торговец' и т. д. вместо *emes*, *jam*, *balegole*, *soухег* и т. д., но в значительной мере к терминам религиозных понятий, как, например: *her*, *diner* 'жрец', *bešnauding* 'обрезание', *engel* 'ангел', *oferštul* 'алтарь' и др. вместо *kouhen*, *mile*, *malex*, *miz-beуах* и др.¹

В хедере при переводе библейских текстов и молитв употреблялись по традиции старые слова немецкого происхождения, давно не бытующие в еврейском языке. Вместо них в обиходной речи употребляются именно эти древнееврейские библейские термины. Таким образом в хедере часто переводятся понятные для учащихся слова на непонятный для них язык идиш-тайтш, как, например: *xesed* 'милость' переводится *genod*, *mexašefa* 'ведьма' — *sojberin*, *nešama* 'душа' — *zele* и т. д.

Религиозная практика имела место; слова и выражения библейских и талмудических текстов, укоренившиеся впоследствии в еврейском языке, были евреям известны и тогда и еще раньше этой эпохи. Тем не менее, они в обиходном языке немецких евреев не употреблялись.

II. О небольшом месте, занимаемом семитизмами в языке идиш-тайтш, также свидетельствует тот факт, что они главным образом представлены в области лексики. В старых письменных памятниках почти не встречается семитский тип композита с *baal*, который впоследствии стал в еврейском языке популярным и продуктивным словообразовательным средством, несмотря на то, что конструкция с *baal* была авторам хорошо знакома из библии (*baal haхalomto* 'сновидец', *baal hašor* 'владелец быка', *baaleу hair* 'жители города' и др.) и талмуда (*baal haкаd* 'владелец кувшина', *baal хоб* 'должник' и др.).

III. Многие слова и выражения в старых письменных памятниках употребляются еще со значениями, которые они имеют в оригинале, т. е. в библейских и талмудических текстах, а не с теми измененными значениями, которые эти слова получили в еврейском языке, напр. *haпое* — в значении 'польза', как в талмуде, а не в значении 'наслаждение', как в еврейском языке, *šmuojs* — в значении 'слухи', вести, а не в значении беседы, *xiḏu-šim* — в значении 'новости', а не в значении 'удивление' и т. д. Последнее доказывает, что эти слова не были еще привычными в обиходной речи.

¹ Семитизмы, бытующие в еврейском языке или употребляемые в еврейских письменных памятниках, написаны по ашкиназскому произношению.

IV. Бесспорным доказательством того, что религиозная практика далеко не является решающим фактором в процессе проникновения семитизмов в еврейский язык, может служить еще и тот факт, что из «Книги псалмов» попали в еврейский язык только два-три изречения, употребляемые в виде поговорок, как *kirxok mizгах mimaagab*¹ 'как далек восток от запада', *baa majim ad nefeš*,² буквально 'вода достигла до души', т. е. так плохо, что дальше некуда, и *hazorejim bedima betina jiksoḡ*³ 'посеешь слезами, пожнешь пением'.

V. В еврейском языке имеется немало семитизмов, в частности наречия и служебные слова, которые или еще совсем не встречаются в библейских и талмудических текстах или же встречаются крайне редко, как *taḡmes* 'потому', *hejojs* 'так как' и т. д.

VI. Об ограниченной роли религиозной практики в процессе проникновения семитизмов в язык евреев мы можем, наконец, получить некоторое подтверждение и косвенным путем — путем аналогии с языками еврейских коллективов, пользующихся другими языками, а не языком идиш.

Как известно, испанские евреи также создали свой еврейско-испанский язык «ladino». Язык этот до сих пор вообще еще не исследован. Но в отношении семитизмов некоторые достоверные сведения имеются.

По утверждению гебраиста Тавьева, число семитизмов в языке «ladino» очень мало. Он говорит:

«...Мы не находим в еврейско-сефардском жаргоне «ladino» большого числа древнееврейских слов»...⁴

Мы можем воспользоваться приведенным им фактом. А факт таков, что в языке «ladino» мало семитизмов, несмотря на то, что священное писание было им хорошо знакомо и религиозная практика имела место.

Мы не имеем пока никаких сведений о характере немногочисленных семитизмов в языке «ladino», но можно не сомневаться, что большинство из них безусловно термины религиозного порядка.

Более точные сведения относительно семитизмов имеются в моем распоряжении о языке бухарских евреев,⁵ из которых видно, что семитские элементы в их родном языке занимали даже до революции незначительное место. Семитские элементы состоят почти исключительно из терминов религиозного порядка, как, например, *roš-hašana* 'новый год', *pesaḡ* 'пасха',

¹ «Книга псалмов», гл. 103, стих 12.

² Там же, гл. 69, стих 2.

³ Там же, гл. 126, стих 5.

⁴ Назман, III, 1903, стр. 130.

⁵ Эти сведения я получил у тов. Я. И. Колантарева, бухарского еврея, сотрудника научно-исследовательского института в Ташкенте, за что выражаю ему благодарность.

šabbat 'суббота', sofer tora 'свиток торы', mila 'обрезание', sidur 'молитвенник', harab 'раввин', hazan 'кантор', šamaš 'синагогальный служака', bet-haxajim 'кладбище', lašon hara 'злословие', gehinom 'ад', gan-eden 'рай', malax 'ангел', nabi 'пророк' и т. п.

Со многими семитскими религиозными терминами в обиходном языке масс конкурировали термины родного таджикского языка, как, например, с терминами bet haxajin 'кладбище', šabbat 'суббота' и др.

Семитские элементы в языке бухарских евреев, по утверждению товарища Колантарева, так слабо были заметны, что говорить о каком-то семитском слое в языке, о какой-то семитской органической составной части родного языка не приходится. Язык религиозной письменности не оставил заметного следа в их родном языке, и потому, после революции, когда религиозные устои ослабели, исчезают из обихода и религиозные семитские термины. В настоящее время, — утверждает тов. Колантарев, — можно насчитать в языке еврейских колхозников не больше 15 семитских терминов, как šulxon 'стол' и др.

Таким образом все эти факты говорят за то, что религиозная практика ограничена в своей сфере влияния. Она имеет свои естественные границы. Сфера ее влияния — область культа. И только вещи и понятия культа могут, повидимому, в процессе религиозной практики (и то не всегда) обозначаться терминами культового языка.

Но для того, чтобы культовый язык выходил за рамки культовых понятий и стал бы источником для обогащения других некультовых областей обиходного языка, для того, чтобы культовый язык стал участвовать в развитии обиходного языка в целом (как это имело место в языке идиш), необходимы, повидимому, другие пути, чем путь религиозной практики. Религиозная практика, наоборот, способствует тому, чтобы культовый язык в сознании говорящего коллектива считался священным и неприкосновенным для некультовых функций.

Религиозная практика приводит, без сомнения, к тому, что между культовым языком и живым обиходным создается какая-то преграда. Создается такое положение, когда употребление слов культового языка для повседневных понятий и, наоборот, употребление слов обиходной речи для культовых понятий у верующих считаются как бы богохульством, воспринимается как осквернение священного культового языка (когда употребляется для некультовых понятий) и осквернение религиозных обрядов (когда обиходный язык употребляется для культовых целей).

Только этим и объясняется факт обозначения одного и того же предмета одновременно и термином обиходного языка и культового в зависимости

от обстановки. Эти два термина никоим образом не воспринимаются как синонимы, потому что они в одной и той же обстановке не могут быть заменены друг другом. Например *šulxon* 'стол' в молитвенном доме и *tis̄* в повседневной жизни в обиходной речи, *kijojr* 'рукомойник' и *hantfas, ojhel* 'домик на кладбище' и *štibl, mito*, буквально 'кровать' 'похоронные дроги', и *bet, majim axhojm* 'вода для омовения рук после еды' перед молитвой и *vaseg* и т. д.

В некультовой обстановке никогда еврей, и тем более набожный, не употребит терминов *šulxon, ojhel* и т. д.

Таким образом, до тех пор пока язык религиозной письменности оставался в пределах религиозной практики и имел лишь культовую функцию, он не мог оказать влияния на ход развития обиходного языка в целом, как это было в еврейско-испанском языке (*ladino*) и с языком бухарских евреев и, повидимому, с языком идиш-тайтш примерно до XIV в.

Для того чтобы культовый язык стал участвовать в развитии обиходного языка в целом, он должен был каким-то путем вторгнуться в повседневную жизнь евреев и переплестись с обиходным языком.

Необходимо было также, чтобы мертвый культовый язык хоть немного ожил бы и стал бы сам дальше развиваться, приспособляясь к запросам реальной действительности.

Отход древнееврейско-арамейского языка от своей культовой замкнутости, его вторжение в повседневную жизнь немецких евреев и приспособление к запросам реальной действительности, а следовательно переплетение с живым обиходным языком, действительно начинается в XIV в. в немецких странах и в особенности развивается и укрепляется в славянских странах, начиная с XVI в.

Примерно до XII в. германские страны не являются еще еврейским религиозно-духовным центром. Из этой эпохи (до XII в.) нет почти никаких документов, которые свидетельствовали бы о наличии талмудических авторитетов. На германской почве почти не появляется тогда никаких новых религиозных произведений. Необходимую религиозную литературу и необходимые религиозные кадры (раввинов), вероятно, еврейские общины импортировали тогда из других еврейских центров. Судя по тому, что даже в XIV и XV вв. многие вещи и понятия религиозного культа еще обозначались терминами обиходного языка, надо полагать, что в первой половине средневековья культовый язык даже в религиозной практике занимал еще небольшое место.

Начиная примерно с XII в., в немецких странах появляются известные талмудисты и своя местная религиозная литература. Немецкие страны

постепенно становятся самостоятельным еврейским религиозно-духовным и общекультурным центром, который все больше и больше укрепляется.

Язык, на котором писали талмудисты, — это традиционный древне-еврейско-арамейский.

Но раввинская литература XII—XIV вв. не могла еще по своему характеру, по своей тематике оказать заметное влияние на семитизацию языка идиш-тайтш. Литература создавалась главным образом отдельными авторами — авторитетами. По содержанию большинство произведений носило характер талмудических трактатов, авторы которых исключительно занимались формально-логическим анализом талмудических споров и старались привести в порядок все противоречия, неясности и разногласия, имеющиеся в талмуде и у авторов послеталмудической эпохи, старались привести в систему все то, что накопилось в талмудической литературе до них. По существу эта литература носила чисто теоретический характер. В ней, как правило, еще не затрагивались практические вопросы реальной действительности. Эти трактаты были рассчитаны на узкий круг ученых талмудистов и потому они не могли стать фактором популяризации древне-еврейско-арамейского языка среди широких масс еврейского населения. Эти произведения быстро канонизировались и зачислялись в инвентарь священных книг.

Таким образом талмудические трактаты известных раввинов XIII и начала XIV вв. не могли произвести перелом в отношении семитизации идиш-тайтш. Древнееврейско-арамейский язык в эту эпоху все еще оставался в сфере культа, не выходя за его рамки.

Перелом намечается лишь во второй половине XIV в.

Подробную характеристику этого перелома дает известный знаток раввинской литературы в германских странах доктор Гидеман.¹

Характерной чертой этого перелома является следующее: число индивидуальных авторитетных самостоятельных религиозных произведений падает до минимума, а главное место начинает занимать литература «респонсов».

Респонсы представляют собой, в отличие от прежних самостоятельных трактатов, собрания вопросов и ответов, являющихся продуктом длительной переписки между раввинами различных общин. «Это, — утверждает Гидеман, — важнейшее наследие XV века... и чем больше „респонсов“ тем меньше самостоятельных раввинских произведений» (стр. 19).

Литература респонсов была и раньше, но, начиная со второй половины XIV в., она вытесняет другие виды раввинской литературы и становится

¹ Gidemann. Geschichte des Erziehungswesens und der Kultur der Juden in Deutschland, Bd. III, 1888.

преобладающей. Известен целый ряд собраний респонсов, появившихся в конце XIV в., а главным образом в XV в., как то: респонсы раввина Мулина (середина XIV и начало XV вв.), респонсы раввина Вайля (первая половина XV в.), респонсы Исерлина и многие другие.

Победа респонсов над самостоятельными творческими произведениями раввинов обусловлена была, по словам Гидемана, переломом, происшедшим в жизни немецких евреев в середине XIV в. Преследования евреев в годы «черной смерти» (1348—1349 гг.) приводят к общему упадку культурного уровня евреев. Еврейские общины изолированы друг от друга. Нет никаких еврейских авторитетов, которые могли бы быть объединяющей силой между общинами. Каждая община представляет собой самостоятельную единицу. «Беспризорность общин, — говорит Гидеман, — ясно видна из массы обычаев (*minhagim*), которые основаны не непосредственно на законах торы, а на религиозной жизненной практике. Всякая провинция, почти всякая община имеет свои особые обычаи, и всякий раввин устанавливает свои обычаи. Особые обычаи были в Австрии, в Эльзасе, в Швабии, в Швейцарии, в Рейнской области и т. д.» (стр. 18).

Постепенно начинает восстанавливаться связь между общинами и начинаются собирание, обработка и фиксирование обычаев различных общин, чтобы привести их в определенную систему. Раввины различных общин ведут большую переписку между собой по религиозным вопросам. И таким образом расцветает литература респонсов.

В респонсах раввины занимаются уже не исключительно теми противоречиями, которые имеются в самом талмуде и в прежней талмудической литературе вообще, но также в значительной мере теми противоречиями, которые имеются между талмудическим законодательством и конкретной действительностью этой эпохи. В респонсах рассматривается (с религиозной точки зрения, разумеется) много вопросов бытовой жизни евреев данной эпохи, как, например, о разрешении или запрещении пользоваться различными новыми блюдами, об играх и развлечениях, об одежде, об убитых евреях, о торговых сделках и т. д. Таким образом древнееврейско-арамейский язык начинает выполнять, кроме своей основной культовой функции, также и деловую. Если древнееврейско-арамейский язык и раньше использовался для деловой функции, то, вероятно, не в массовом масштабе.

Но литература респонсов все же в основном — религиозная. Бытовые и деловые элементы играют второстепенную роль, но самое главное это то, что разъяснения и постановления по деловым вопросам, по вопросам быта и поведения не имеют силы обязательного принудительного закона, так

как у раввинов той эпохи нет юридической силы принуждения, кроме религиозной пропаганды.

Это положение коренным образом изменяется в славянских странах в XVI в. Там древнееврейско-арамейский язык становится официальным канцелярско-деловым языком еврейского «самоуправления». В XVI в. в Польше происходит централизация еврейских общин. В 1580 г. организуется центральный орган еврейских общин — «центральный Vaad четырех стран», а в 1623 г. выделяются в самостоятельную административную единицу литовские еврейские общины со своим самостоятельным центральным органом. Управление еврейских общин в польско-литовском государстве находится целиком в руках господствующего класса (крупных арендаторов, торговцев, откупщиков) и раввинской интеллигенции — идеолога этого класса.

Делопроизводство еврейских общинных органов ведется исключительно на древнееврейско-арамейском языке. Язык культа становится также официальным канцелярско-деловым языком в полном смысле этого слова. В центральных и местных органах еврейских общин имеются специальные актовые, протокольные книги — «pinkosim», в которых фиксируются все постановления, решения, распоряжения общин.

На славянской почве также расцветает и литература респонсов.

Официальный язык еврейской общины захватывает все новые и новые позиции. В XVII в. и в частности в XVIII в. возникают самостоятельные еврейские ремесленные цеха, делопроизводство которых также за некоторым исключением ведется на древнееврейско-арамейском языке, так как у ремесленников отсутствовала еще тогда своя техническая интеллигенция и они всецело были зависимы от общин.

Все стороны общественной, социально-экономической и бытовой жизни еврейских масс регламентировались. Постановления имели силу закона. Все это нашло свое выражение в «пинкосах».

Ясно поэтому, что древнееврейско-арамейский язык, на котором фиксировались вопросы, затрагивающие непосредственно жизненные интересы широких масс, должен был оказать большое влияние на обиходный язык этих масс. Многие термины и выражения из официального языка должны были врезаться в память и закрепиться в сознании говорящего коллектива и таким образом проникнуть в обиходный язык. Это относится не только к новым понятиям, но и в значительной мере к старым, которые обозначались раньше не-семитизмами (даже к религиозным понятиям).

Выполняя канцелярско-деловую функцию, древнееврейско-арамейский язык должен был тесно соприкоснуться и переплестись с обиходным языком. Культовый язык начинает приспосабливаться к новым потребностям.

В респонсах, а главным образом в пинкосах, происходит дальнейшее развитие древнееврейско-арамейского письменного языка, его специализация в сторону канцелярско-делового языка. Уточняются, дифференцируются, переосмыслиются и активизируются древнееврейские и арамейские слова и выражения, развивается синтаксис сложно-подчиненного предложения и т. д.

Официальный раввинский язык естественным путем также обогащается за счет обиходного языка.

Из-за отсутствия в библейских и талмудических языках необходимых терминов для точной фиксации многих конкретных понятий реальной действительности, раввинские делопроизводители прибегали к обиходному языку, откуда они черпали нужные им термины и выражения. Термины обиходного языка, попадая в официальный раввинский язык, оформлялись по образцу семитских языков. Процесс этот намечается уже в респонсах XIV и XV вв. Так, например, в респонсах Исерлина (*terumat hadešen* 1390—1460) встречается целый ряд терминов из обиходного языка с древнееврейским оформлением, как, например, *hašolnt* 'субботнее блюдо', с древнееврейским определяющим членом *ha*, «*delajpcig*» 'в Лайпциг', на вопрос куда, с предлогом *l* в форме одного консонанта, *be-estrajx* 'в Австрии' с предлогом *b*, на вопрос где, *ha-krepcil*, *be-cetl*, *ha-kortn* и др.

Дальнейшее развитие этого процесса мы видим в пинкосах.

Так, например, в пинкосе общины Горки,¹ в котором запротоколировано обычное заседание руководителей общины об установлении новых налоговых взиманий с выработки и продажи различных продуктов, мы находим большое количество не-семитизмов из обиходного языка, как: *ha-karopke*, *takse*, *brahe*, *mestlex*, *kul*, *hering*, *penke*, *berkovic*, *mločen*, *be-hurt*, *tep* и др.²

Или же в пинкосе литовского центрального Vaada,³ в котором сплошь да рядом встречаются такие выражения, как *zupan atlas* 'атласный жупан' (1637 г.), форма древнееврейского типа *status constructus*, *krojnen šel margolijojs* 'венцы из жемчуга', *beged samet* 'бархатное платье', *be-šubin šel marder* 'в кунных шубах' и т. д.

По существу прежний культовый язык превращается здесь в новый специально-деловой язык, состоящий уже из трех основных слоев: древнееврейского, арамейского и еврейского (идиш).

¹ Рукопись. В настоящее время находится в Минске в Историческом институте Белорусской Академии Наук.

² Протокол датирован 1711 г.

³ Областной пинкос от 1623 до 1761, СПб., 1909, стр. 170—171.

Таким образом обиходный язык оказал большое влияние на официальный деловой раввинский язык.

Но несравненно больше повлиял официальный письменный язык на обиходный.

Постановления и решения руководителей общин касались, ведь, главным образом широких масс, в большинстве не знающих древнееврейского и арамейского языков. Постановления, зафиксированные в пинкосах, касались, ведь, ремесленников, трудящихся и бедноты. Постановления должны были быть доведены до сведения масс для исполнения. В противном случае все постановления потеряли бы смысл и не достигли бы цели. Каким же образом это доходило до масс?

Постановления и решения доводились до масс на обиходном языке, главным образом в устной форме, но также и в письменной.

Важнейшие постановления объявлялись, во-первых, в молитвенных домах во время богослужения «шамесами», во-вторых, постановления общины пропагандировались и популяризировались проповедниками, в частности в тех случаях, когда решения не строго выполнялись или совсем не выполнялись, в-третьих, постановления исключительной важности доводились до сведения масс в письменной форме, в форме воззваний и объявлений «Kojl kojre, mojdoo», которые вывешивались на видных местах во всех молитвенных домах.

Какой же это был язык публичных объявлений, выступлений и воззваний? Не живой обиходный язык, а новый деловой язык, — еврейский вариант официального раввинского делового языка. Последний возник и все время находился под непосредственным влиянием официального языка, ибо авторы воззваний и объявлений были также официальными делопроизводителями общины. Они поэтому весь опыт официального языка перенесли в еврейский вариант.

Основное различие между обоими деловыми языками заключается в следующем: в официальном языке основная база — древнееврейско-арамейский язык, в еврейском же варианте — еврейский язык.

Еврейский вариант делового языка является основным каналом, по которому шел поток семитизмов из официального делового языка в обиходный язык, главным образом в его письменной форме.

Полное представление о еврейском варианте дают нам следующие документы.

Во-первых, я имею в виду свидетельские показания перед раввинским судом, встречающиеся в респонсах.

Раввинские делопроизводители в общем стремились к точной фиксации показаний свидетелей. Это видно из того, что когда еврейский свидетель

дает показания со слов не еврея, то это часто фиксируется на языке не еврея.¹

Но несмотря на это, раввинские секретари все же фиксировали общепринятым канцелярским стилем, стараясь только, чтобы точность содержания не пострадала.

Вот образец такого протокола:

Текст

«Šuv hejid kemar Яков... ix bin gikumen le-moskve axar haraaš
 џ ој џ јомим бехејн bin ix gigangen im šaarej ojnsim, den es ajn
 «civuj givezn miha-kejser. Zol zajn hojrejg behaltn. Vexejn bin ix gigangen
 im šaarej anusim un hobn ginumen. Doniel gor cu hakt af štikl, un er iz
 ganc givezn, rak ejn fus iz op-gihakt, ve-gam ejn jad, vegam durx-gišlogn
 mit aejn kapjo un ejn hak ibern kop».²

*Перевод*³

«Еще дал свои показания Яков... я приехал в Москву три или
четыре дня после суматохи. Итак я ходил с остальными пострадав-
шими, так как от государя был приказ похоронить убитых. Итак
я ходил с остальными пострадавшими и убрали (убитых. М. Г.).
 Даниель (был. М. Г.) разрублен на куски, но он был цел. Только
 одна нога была отрублена и также одна рука, и также голова (была.
 М. Г.) пробита копьем и топором».

Не менее половины всех слов составляют семитизмы, и среди них немало таких, не вошедших в еврейский язык, ни в литературный и тем более разговорный, как jad 'рука', im 'с', civuj 'приказ' и т. д.

Свидетельские показания из респонсов дают, таким образом, несомненно представление о еврейском варианте делового языка.

Во-вторых, встречаются иногда отдельные постановления в пинкосах ремесленных цехов и на еврейском варианте.

Так, например, в пинкосе кайданских ремесленников (1810 г.) имеется постановление о системе выборов руководящих должностных лиц.

¹ См., напр., респонсы «Gevurat anašim», 1621—1663, стр. 32.

² Респонсы «реб Mordexay Zuskind Rutenberg», вторая половина XVII в. Впервые опубликованы в Амстердаме в 1746 г.

³ Подчеркнуты те слова, которые в оригинале выражены семитизмами.

Текст

«ha-alufim habojrerim muzn maxn dargojs, dehajnu: cum erštn muz er zajn ajn mašgiax un dernoх ajn šojmejр takone un dernoх ajn roje xešbojn un ajn gabaj, un dernoх ajn bal-takone. Ober ven er iz šojn gevorn a bal takone ad hejno muz er šojn zajn ajn gabaj af er iz ajn bojrejr alejn un er iz givezn a bal takone mog er zix maxn vosere hismanojс es iz».

Перевод

«Члены-выборщики должны подниматься постепенно по должностной лестнице, а именно: сначала он должен быть надсмотрщиком, а потом контролером, а потом ревизором и старостой, а потом составителем постановлений. Но когда он уже был составителем постановлений до сих пор, он должен быть старостой. Хотя он сам является выборщиком и был составителем постановлений, он имеет право занимать любую должность».

В-третьих, дают нам ясное представление об еврейском варианте воззвания раввинов XIX и XX вв.

Вот воззвание, подписанное раввином Заком, выпущенное в городе Мезрич в 1903 г., направленное против еврейских революционных рабочих, ярко раскрывающее гнусную роль еврейского духовенства, как агентов царской охраны.

Текст

«Men iz mojdie leanšej irejnu depoj kefi hanišma iz do harbe mekoimojs depoj, vos kumen zix cuzamen boxerim, iberhojpt bešabes kojdeš babojker bešaas hatfile. in jeder ort iz do a boxer, vos hot kamo talmidim, vos er lernt zej, vi azoj aropcegejn miderex hatojre vehajhdus un gejn antkegn pravitelstve, vos dermit zajnen zej rojdef dem ganen klal jisroel un mexalejl šejm šomajim befarhesije adojnoj jeraxejm derum iz men mojdie, az es iz ject nisjasejd givorn a xevre hanikpoo bešejm „maxazikej hadas“, anošim ašer jiras adojnoj noga belibom, veharav av bes din kehilo hakdojsо berojšom-un di xevre veln arumgejn un axtung gebn in ale erter, az me vet gefinen azelxe asifojс oder farzamlungen fun boxerim ubsulojs vet men zajaven dem

žandarmske gam di balebatim, vos es gefinen zix ba zej azelxe asifojs veln hobn a qroisn umštand, gam iz mutl af jedn mentšn, vos vejs, vu di asifojs gefinen zix zol men kumen meldirn leharav depoj».

Перевод

«Доводится до сведения жителей нашего города. Согласно слухам, здесь много мест, где собираются юноши, главным образом в субботу утром во время богослужения. В каждом месте есть юноша, имеющий нескольких учеников, которых он обучает, как сойти из пути торы и еврейского духа и пойти против правительства, что этим он преследует всех израильтян и оскверняет открыто имя небесного, пусть Бог сжалится. Поэтому извещаем, что сейчас организовано общество под названием „укрепители религии“ из людей богобоязненных, с раввином, председателем раввинского суда святой общины во главе. Члены этого общества будут обходить все места и наблюдать за ними. Если найдут такие собрания юношей и девиц, то объявлять жандармскому. Также хозяева квартир, в которых происходят такие собрания, будут иметь неприятности. Также возлагается обязанность на каждого человека, знающего, где собрания происходят, чтобы он заявил об этом местному раввину».

Еврейский вариант делового языка стал очень распространенным и популярным не только в среде раввинской интеллигенции, не только среди служителей культа и талмудистов, но среди широких слоев средней и мелкой буржуазии. Им пользовались в частной переписке, в частном счетоводстве. На этом языке фиксировались частные деловые операции, записывались всякие домашние дела (завещания, денежные дела, долги и т. п.).

Этот язык стал признаком хорошего тона, признаком принадлежности к высшему обществу.

Вот образец подлинного частного письма 1619 г.

Текст

«hob ajx lozn das mentlicke maxn nox dem aler bestn un šenstn doz beojlom miglix iz givezn... dehajnu amojs topl damašk kol amo

bead šuk vexoci, $\beth$ šuk vexoci far šnirlex, $\beth$ šuk bead laynvnt, samit
cu bortn bead šuk... $\aleph$ šuk bead meši, dem šnajder maxer $\beth$ šuk...»¹

Перевод

«Я заказал для Вас пальто самое лучшее, какое только может
быть на свете. А именно 10 локтей дамасского сукна двойной ширины,
каждый локоть за полтора шука,² два с половиной шука за шнурки,
два шука за полотно, бархат... за 10 шуков, 1 шук за шелк, порт-
ному 2 шука».

Лучшие мастера еврейской литературы, в частности Шолом Алейхем,
блестяще использовали еврейский вариант делового языка для характери-
стики персонажей. Например такое письмо:

Текст

«Leišti haxašuvo moras Pere šetixje. dajn mixtov hob ix meka-
bejl geven. di tajne, vos du tajnest ojdojs Karlsbad, az Karlsbad iz
beser far Marnbad hob ix dir kamo ve-kamo mol gezogt, az Karlsbad
tojg nit iber kamo vekamo tajmim rejšis iz Karlsbad kefi ix farštej
mit majn šejxl hajošor a mokoym fun xalojim, alpi rojv azelxe, vos
lajdn al hamogn»

Перевод

«К моей жене...

Твое письмо я получил. Твои разговоры о Карлсбаде, что Карлс-
бад лучше Мариенбада, то я тебе столько раз говорил, что Карлсбад
не годится по многим мотивам. Во-первых, Карлсбад, как я понимаю
своим логическим умом, — место для больных, большинство таких,
которые страдают желудком». (Букв. на желудке).

Еврейский вариант часто так переплетается с официальным деловым
языком (насыщен семитизмами), что между ними стирается всякая грань.

¹ «Частные пражские письма», изд. 1911 г., Вена. Из письма № 10.

² Шук (или шок) = 60 денежным единицам.

Число примеров можно было увеличить без конца. Но приведенные примеры в достаточной мере уже иллюстрируют роль официального делового языка в популяризации древнееврейско-арамейских элементов среди широких слоев еврейского населения.

Необходимо лишь указать на один еще характерный факт.

При продаже приглашений на чтение торы (*alijes*) в синагоге (по субботам и праздникам) счет ведется на языке идиш-тайтш, например: *fir gildojn um šliši* и т. д. В то же время в еврейском варианте делового языка счет ведется исключительно на древнееврейском языке — *arboo zehuvim* 'четыре злотых' и т. д.

Это лишний раз свидетельствует о незначительной роли религиозной практики в процессе проникновения семитизмов в обиходный язык по сравнению с фактором официального делового языка.

Процент семитизмов в еврейском варианте громадный, он часто доходит до 50% и больше. Трудно даже иногда установить какую-либо закономерность в употреблении семитизмов, часто трудно бывает уловить естественные границы, так как здесь очень много зависит от знания официального делового языка каждым автором в отдельности. Характерной чертой еврейского варианта является не только изобилие древнееврейско-арамейских слов, но, как мы видели, и оформление не-семитизмов по древнееврейскому образцу. Деловой язык, особенно его еврейский вариант, безусловно является основным каналом, через который семитизмы проникли в еврейский язык, но здесь существовала определенная закономерность. Из семитизмов укоренились в еврейском языке главным образом те, которые на данном этапе могли обогатить язык, могли стать органическими в развитии языковых норм. Все же остальные в большинстве случаев не прижились и остались в еврейском варианте как его характерная отличительная черта.¹

Итак, участие языка религиозной письменности в развитии еврейского языка на определенных его этапах было обусловлено конкретными историческими условиями. Одной из основных специфических черт в процессе развития еврейского языка является то, что все отношения социально-экономической жизни в течение нескольких столетий фиксировались на древнееврейско-арамейском языке, а не на обиходном еврейском языке.

Это привело к тому, что еврейский язык закономерным путем должен был для своего развития также черпать многое из языка религиозной письменности, ибо функция языка для деловых сношений имеет громадное значение в развитии языков вообще.

¹ Конкретно этот вопрос и вопрос о роли древнееврейского и арамейского языков в развитии еврейского языка по отдельным его областям мною разрабатываются отдельно.

Вместо школы у евреев существовали хедер и ешибот. Предметы преподавания в хедере — библейские тексты и молитвы. Метод преподавания — дословный перевод на канонизированном традиционном языке идиш-тайтш. Предмет преподавания в ешиботе — исключительно талмуд. Метод изучения — также перевод, но не дословный, а фразеологический. Но фразы не живого обиходного языка, а застывшие формулы перевода талмудических текстов, передаваемые по традиции в течение многих столетий.

Весь этот консерватизм еврейского культа не мог стимулировать развитие еврейского литературного языка, а наоборот, мешал его развитию.

Не могла также стимулировать развитие еврейского языка и литература до XIX в. Литература того времени очень ограничена в своей тематике. Это, главным образом, переводы или обработка библейских текстов, проповедь и средневековые рыцарские романы. Все это писалось на традиционном языке идиш-тайтш. Переиздание рыцарских романов в XIX и даже XX вв. часто ничем не отличается в отношении языка от издания XVII—XVIII вв. Отсутствовал, как мы видели, и один из основных стимулов развития языков — канцелярская деловая функция.

Все это вместе взятое привело к тому, что между устной и письменной формой еврейского языка произошел большой разрыв.

Письменный язык застыл на стадии идиш-тайтш и на столетия отставал от живого разговорного языка, двигавшегося в своем развитии вперед.

Разговорный язык обогащался элементами славянских живых языков и элементами языка религиозной письменности.

Только во второй половине XVIII в. с выступлением на историческую арену идеологов еврейской буржуазии, просветителей (*maskilim*), происходит перелом в письменном языке. Кладется начало современного еврейского литературного языка. Просветители начинают в значительной мере ориентироваться на разговорный язык масс. Борьба различных влияний и тенденций, имевших место раньше в разговорном языке в процессе превращения идиш-тайтш в еврейский язык, переносится также в литературный, где она принимает новые формы, свойственные уже письменному языку и в связи с новыми историческими условиями. О семитизмах в литературе XIX в. и в советском периоде речь будет особо.

М. М. ГУХМАН

«Доиндоевропейские» термины родства в германских языках

I

Когда в прошлом столетии, в работах немецких лингвистов, постепенно определялись специфические черты индоевропейской семьи языков и фиксировался круг языков, входящих в ее состав, то на первый план, в процессе разработки основных положений компаративистики, оказались выдвинутыми две категории языковых фактов: 1) структурные особенности, свойственные только этой группе языков (преимущественно морфология); 2) ограниченное число лексических групп, общих всем индоевропейским языкам, так называемый основной фонд общеиндоевропейской лексики.

«То общее, что объединяет языки Европы друг с другом и с их общим азиатским источником (*asiatische Quelle*), раскрывается, как в корнях, так и в изменениях (*Biegungen*) слов»,¹ суммировал Яков Гримм результаты первого этапа компаративистических исследований.

Если при этом в отношении строя рассматриваемых языков на ряду с общими моментами приходилось отмечать резкую дифференциацию между структурой синтетических (древних) и аналитических (новых) языков, то общность лексики считалась тем более неопровержимым доказательством исконного родства этих языков в плане их общего происхождения от праязыка.

Наличие таких рядов, как санскр. *pítár*, зендск. *pata*, латинск. *pater*, греческ. *πατήρ*, готск. *fadar*; или санскр. *mâtár*, зендск. *mâta*, латинск. *mater*, греч. *μήτηρ* и т. д., казалось с непереложностью свидетельствовало о том, что в каждом из этих языков данные термины были исконными, коренились в самом архаичном языковом слое, т. е. были подлинным «праязыковым наследством». Стройность и последовательность языковых соотношений в этих лексических рядах делали их в глазах буржуазных лингвистов.

¹ J. Grimm. Geschichte der deutschen Sprache. Urverwandtschaft. II. Auflage, S. 167.

наиболее ценным доказательством наличия «родственных связей» между индоевропейскими языками, а следовательно и общего происхождения этих языков от одного предка.

Яков Гримм¹ приводил 4 группы терминов, которые, по его собственным словам, являлись показательными в отношении установления индоевропейского родства языков (Urverwandschaft): 1) система числительных; 2) местоимения; 3) Verbum substantivum; 4) термины родства ('отец', 'мать', 'сестра', 'брат', 'дочь').

Конечно, основной фонд «общиндоевропейской» лексики, которым обычно оперируют в своих построениях буржуазные языковеды, отнюдь не ограничивался этими четырьмя категориями понятий. Позднейшие работы, в первую очередь Фика,² значительно обогатили «общиндоевропейский» словарь. Однако приводимые Гриммом термины наиболее последовательно проходили через все индоевропейские языки и охватывали наибольшее количество этих языков.

Что касается специально терминов родства, то они действительно и поныне являются излюбленным материалом, используемым особенно широко для доказательства непоколебимости основ компаративистики.

Отнесение терминов родства к наиболее древнему слою «индоевропейской речи» в значительной мере поддерживалось и господствующими представлениями об «индоевропейском обществе эпохи праязыка». Согласно реакционным историческим концепциям буржуазных лингвистов и филологов XIX в., индоевропейцы испокон веков были привилегированными обладателями моногамной семьи.³ Поэтому такие понятия, как отец, мать, брат и т. д. «самые естественные и выражающие наиболее священные и этические чувства, относились к наиболее ранним словам индоевропейской речи».⁴

Для немецких лингвистов-индоевропеистов, независимо от их более узкой специальности, анализ общиндоевропейских языковых отношений

¹ J. Grimm. Geschichte der deutschen sprache. Urverwandschaft. II. Auflage, S. 169.

² Fick. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. IV. Auflage, 1891.

³ Так, еще Fick писал по этому поводу: «Den lebendigen Grund aller Kultur bildet schon beim Urvolk, wie bei allen indogermanischen Völkern aller Zeiten und Räume die sittliche Gestaltung des Geschlechtsverhältnisses, die Ehe und die darauf gegründete sittliche Ordnung des Hauses». (Fick. Die ehemalige Sprachenheit der Indogermanen Europas, S. 266.)

⁴ Насколько силен был гипноз традиционных взглядов, что даже такой трезвый исследователь, как Дельбрюк, не отрицавший существования матриархата, в качестве «возможной» ступени исторического развития, считает абсолютно невозможным и противоречащим всем имеющимся языковым и историческим материалам принятие этой стадии и для индоевропейцев (см. его весьма характерные рассуждения в «Die indogermanischen Verwandtschaftsnamen». 1889).

отноудь не отодвигал на задний план «прямых интересов» немецкого, или шире, германских языков. Не случайно еще Бопп в предисловии к «Сравнительной грамматике» писал по поводу работы немецких языковедов над материалами античных языков: «Ибо не является ли самым важным и необходимым для исследователя классических языков примирение (*Ausgleichung*) последних с нашим родным языком в его чистейшей и совершеннейшей форме».¹ Сознание желательности отнесения германских языков к той же семье, что и наиболее совершенные в их глазах языки, греческий и санскрит, постоянно сопутствовало всем построениям немецких лингвистов XIX в., создавших сравнительное языкознание. Этим определялся в значительной мере подход к целому ряду языковых фактов и в первую очередь характеристика особенностей германских языков как результата потери общеиндоевропейских категорий.

Яков Гримм первый специально обратился к изучению германского материала в его соотношении с другими индоевропейскими языками. Его задачей было последовательное включение германских языков в общеиндоевропейскую семью, выполнение того требования, которое Бопп предъявлял к классикам, но с противоположного конца. Дело шло о примирении германских языков с классическими. Гримм блестяще выполнил требование своей эпохи, корни которого в конечном итоге покоились в растущем национальном самосознании молодой немецкой буржуазии. Он действительно создал буржуазную германистику, один из компонентов компаративистической схемы развития индоевропейских языков. Если, таким образом, уже у Гримма анализ общеиндоевропейских категорий в их соотношении с германским материалом подымал значение родного немецкого языка, то понятен здесь интерес к лексике² и особенно тем комплексам, которые с очевидностью, казалось, связывали германские языки с наиболее «почетными» членами индоевропейской семьи. Потому показателен подбор этих лексических комплексов, в первую очередь приковавших его внимание.

Термины родства оказались и здесь выдвинутыми на первый план. Действительно готский *fadar*, древнесеверное *fader*, англо-саксонское *faeder*, древне-верхненемецкое *fater*, средне-верхненемецкое *vater*, древнесеверное *mōðer*, древнесаксонское *mōdar*, англо-саксонское *mōdor*, древне-верхненемецкое *muoter*, современное *mutter* в равной мере, как готское *broþar*, англо-саксонское *brōðor*, древне-верхненемецкое *bruoder*, древнесаксонское *brothar* закономерно составляли последовательные ряды с сан-

¹ F. Bo p p. *Vergleichende Grammatik*, Vorrede, S. VII, 1833.

² В структурном отношении германские языки, как известно, далеко «отошли» от индоевропейского праязыка, «растеряв праиндоевропейское наследство».

скритскими, греческими, древнеперсидскими формами, тем самым выступая в качестве неопровержимого доказательства наличия родственных связей между германскими и древними языками, а следовательно и их общего происхождения от праязыка. Не возникало ни малейшего сомнения относительно того, что слова эти представляют наиболее архаичный слой самих германских языков: «К древнейшему и значительнейшему наследству нашего родного немецкого языка относится также большая часть многочисленных терминов родства» писал Дееке, автор специального исследования о германских терминах родства,¹ «из всего языкового наследства праиндоевропейской эпохи (*der indogermanischen Urzeit*) эти термины, повидимому, претерпели наименьшие изменения».²

Наличие того или иного термина в каком-либо относительно древнем памятнике казалось неопровержимым доказательством его еще значительно большей архаичности с возведением к общегерманскому состоянию. Поскольку же каждый язык рассматривался как единое целое, без дифференциации его лексики по диалектам и вне зависимости от различной общественной среды, создавшей тот или иной памятник, без учета влияний или борьбы различных языковых норм, отражавшей общественные отношения изучаемой эпохи, постольку отсутствовала реальная история рассматриваемого термина или группы терминов в данном диалекте или в литературном языке. Эта реальная история терминов упорно подменялась голыми схемами, отнюдь неправильно передающими действительные языковые отношения, схемами, способствующими лишь построению ложных концепций языкового развития.

Накапливающийся в течение второй половины XIX и начала XX столетия материал, в особенности диалектальный, привел к необходимости пересмотра целого ряда частных положений истории немецкого языка; этот пересмотр коснулся как истории форм, так и истории слов. Диалектологический материал, наглядно расположенный на диалектографических картах, все с большей очевидностью доказывал ошибочность традиционных схем, вытесняемых конкретными исследованиями по истории отдельных слов или форм на фоне показа борьбы различных языковых норм.

Немецкая диалектография не смогла, пораженная общей для всей буржуазной науки немочью, сделать тех выводов, которые логически вытекали из собранного материала.

Несмотря на это, само опубликование диалектологических материалов, не говоря об исследованиях типа работ Фрингса и Бринкманна, сделало

¹ W. D e e k e. Die deutschen Verwandtschaftsnamen, S. II.

² Там же.

очень много в деле рассеяния компаративистического тумана. В отношении терминов родства диалектальные материалы показали, что на ряду с так называемой общиндоевропейской системой терминов родства, включающей такие немецкие слова, как *vater*, *mutter*, *bruder*, *tochter* и т. д., в ряде диалектов имеется большое количество терминов, выпадающих из этой системы; особенно это относилось к словам, обозначающим 'отец', 'мать'. В одних диалектах эти термины существовали на ряду с обычными наименованиями, свойственными литературному языку, причем сплошь да рядом эти общепринятые названия, отражающие норму национального языка, воспринимались как чужие, в других диалектах последние вообще отсутствовали. Эти новые факты ставили под сомнение правильность обычной истории таких слов, как *vater* и *mutter*, причем в первую очередь это касалось положения об их исконности в отдельных германских языках. Вместе с тем возникал вопрос о пригодности одного из доказательств истинности компаративистических схем, выражающих отношения отдельных языков внутри индоевропейской системы.

Еще Яков Гримм, отнюдь не владевший тем богатством материалов, которые дала последующая работа многих поколений германистов, отметил в некоторых германских языках наличие двух категорий терминов, обозначающих 'отец', 'мать', и пытался дать этому явлению свое объяснение. «Повидимому те родственные народы (*urverwandte Völker*), которые обладали некогда формой *vater*, *mutter*, *bruder*, *schwester*, нашли при своем вторжении в Европу другие термины; некоторые из них они заимствовали, другие наоборот проникли от них к их соседям».¹ В виде иллюстрации Гримм приводит готское *atta* 'отец' и *aipei* 'мать' и редкие, по его словам, случаи употребления у верхненемецких племен *azo* и *eidi*.

В последующих работах как германисты, так и индоевропеисты в более широком смысле, вынуждены были все более и более считаться с наличием в индоевропейских языках, помимо общеизвестной группы терминов родства, еще каких-то других терминов, более примитивных по форме и при этом общих не одним индоевропейским языкам. Дельбрюк в работе «*Die indogermanischen Verwandtschaftsnamen*» специально выделил эти вторые, сходные по своей структуре: в основном редупликация одного слога типа санскритского *tata*, немецких диалектальных *deda*, *nena*, *muhme*, иногда с усечением первого согласного *ata*, *ama*, *ane*, и т. д. Исследователей поражали два обстоятельства: 1) чрезвычайная распространенность этих комплексов на всем земном шаре, наличие их в абсолютно, казалось бы,

¹ J. Grimm. Geschichte der deutschen Sprache. Urverwandtschaft, S. 190.

Сб. памяти Н. Л. Марра

чуждых и несхожих языках; 2) расплывчатость семантики каждого комплекса, обозначающего сплошь да рядом в одном, или в близко соседящих языках 'отец', 'мать'; 'отец', 'дед'; 'мать', 'тетка по матери' и т. д.

С другой стороны, все более накапливающийся материал показал, что в отношении германских языков отнюдь не приходится ограничиваться теми случаями, которые приводил еще Гримм. Диалектальные словари вскрыли наличие этих комплексов почти во всех диалектах немецкого языка как южных, так и северных; тем самым все настоятельнее сказывалась необходимость объяснить соотношение этих терминов родства с группой *vater, mutter* и т. д.

Разрешение всех недоумений было найдено очень быстро и весьма упрощенным путем:

Интересующие нас термины были квалифицированы как *Lallformen*, присущие в равной мере языку детей и языкам тех народов, которые переживают еще «период детства в истории человечества».

«В отношении обозначений отца и матери», писал Шуф,¹ автор работы о немецких терминах родства, «следует строго различать между выражениями детского языка, т. е. такими, которые первоначально употреблялись только в детском языке, либо самими детьми, либо в разговоре с детьми (*Lallformen*) и такими, которые принадлежат официальному языку, т. е. языку права и литературы».²

Так как вместе с тем термины 'отец' и 'мать' возникают согласно традиционным буржуазным концепциям одновременно с образованием семьи на самых ранних ступенях развития человечества («im Urzustand der Menschheit»), то эти слова из области языка детей («*Sprache der Kindheit*») автоматически переносились в период детства языка («*Kindheit der Sprache*»), «ибо каждый человек повторяет в своем развитии историю всего человечества».³

Таким образом, отбрасывая всю тенденциозную шелуху рассуждений автора, классовая природа которых выступает во всей неприкрытой наготе, можно отметить, что по Шуфу наличие данных комплексов в том или ином языке оценивается как пережиток каких-то древних стадий. Шуф в этом отношении не был пионером: еще в работе Бетлинга и Рота, на которую ссылался Дельбрюк, отмечалось, что *tata* и *papa* являются наиболее древними типами терминов родства, которые предшествовали появлению известных «праиндоевропейских» *pitar* и *matar*. В связи с этим сами *pitar* и

¹ W. Schoof. Die deutschen Verwandtschaftsnamen. Z. f. d. M., 1899.

² Schoof. Op. cit., S. 208.

³ Schoof. Op. cit., S. 217.

matar, ранее объясняемые как производные от корня ра 'охранять' и та 'кормить', генетически возводятся к Lallformen — ра, та 'отец', 'мать'.¹

Резюмируем: рассматриваемые нами комплексы квалифицируются всеми² буржуазными учеными как Lallformen, присущие в равной мере языку «примитивных» народов и языку детей, постоянно воссоздающему их; этим объясняется как широкое распространение, так и расплывчатость их семантики;³ по мнению большинства они древнее праиндоевропейских образований, причем последние являются их дальнейшим структурным развитием, их осложнением определенным показателем или детерминативом (*tar).

Примитивность формы этих «доиндоевропейских» терминов родства (преобладающая редупликация одного слога) объяснялась спецификой Lallformen или Naturlaute, происхождением их из бессознательного лепета, присущего в равной мере языку детей и «примитивных» народов. Все построения в конечном счете приводили к принятию доминирующей роли Lallformen, если не в создании человеческой речи вообще, то по крайней мере в создании терминов родства, причем как-то выходило, что и источником речи «примитивных» народов оказывалась все та же детская речь: Lallformen изначально связывались с детским языком и понятиями, прежде всего возникающими в сознании ребенка.

Теория эта обнаруживает полную несостоятельность в свете тех положений о происхождении и развитии речи, в частности и терминов родства, которые дал в своем учении академик Н. Я. Марр. Как известно, Н. Я. Марр, исходя из материалистического учения о развитии человеческого общества, учения, созданного основоположниками марксизма, объяснял происхождение и дальнейшее развитие речи из трудовой практики человека: «Человечество сотворило свой язык в процессе труда в определенных общественных условиях»,⁴ писал он. Тем самым сводилась на-нет роль произвольных «натуральных» комплексов в создании человеческой речи, ибо «каждое слово звуковой человеческой речи есть в источнике акт осознанного, а не аффекционального произвольного действия». ⁵ В этом существенное качественное отличие человеческой речи от звуков животных.

¹ Этой же точки зрения придерживается Дельбрюк и большинство позднейших составителей этимологических словарей индоевропейских языков.

² S. Feist. Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache, 1923. J. Grimm. Deutsches Wörterbuch, 1854 и дальше; Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 1920; Delbrück в указанной работе и т. д.

³ Шуф связывает это явление с полисемантизмом детского языка.

⁴ Н. Я. Марр. Яфетическая теория, стр. 19, 1928.

⁵ Н. Я. Марр. О происхождении языка. ПЭРЯТ, стр. 319.

Даже в начальные периоды истории человечества, в ту эпоху, когда зарождалось будущее сознание человека, когда последнее было еще по терминологии Энгельса «стадным сознанием», и тогда появление этого еще стадного сознания означало прежде всего выход человека из животного состояния. Качественное отличие человека тех древнейших эпох от животного выражалось в том, что «сознание заменяет ему инстинкт или же, что инстинкт его осознан».¹

Теория же, приписывающая доминирующую роль на начальных стадиях существования человеческой речи *Lallformen* и *Naturlauten*, стирала грань между человеком и животным в силу того, что происхождение речевых комплексов возводилось к бессознательному моменту, сами же комплексы квалифицировались как «непроизвольные действия». Положения Н. Я. Марра относительно специфики человеческой речи получают дальнейшее развитие в его учении о двух, стадийно разных, речевых средствах, ручном и звуковом языке. Создание последнего знаменует уже относительно высокую ступень развития человеческого общества, а следовательно и все большее преобладание сознания над инстинктом, общественного человека над животным. Тем самым еще сильнее опровергается типичность *Lallformen* и *Naturlaute* даже для наиболее ранних этапов существования звуковой речи.

В отношении специально терминов родства сторонники теории *Lallformen* находили подкрепляющие аргументы в мнимо-очевидной связи этих терминов с детским языком. Однако сами понятия, к которым генетически восходят наши термины родства, выходили далеко за пределы узко-интимных отношений ребенка и родителей внутри моногамной семьи.

В противоположность тем буржуазным ученым, которые считали моногамную семью с характерной для нее системой терминов родства вечными, надисторическими категориями, известно, что данная форма семьи была лишь поздним звеном в истории развития последней. Форма семьи менялась, менялась, хотя и с большим отставанием, система терминов родства, сохраняя отношения пройденного этапа, вместе с тем менялась и значимость самих терминов родства, их «удельный вес», поскольку в различные периоды истории и «удельный вес» самих кровно-родственных отношений был неодинаков. В начальные периоды истории человеческого общества кровно-родственные связи были господствующей или, вернее, единственной формой общественных отношений; термины родства тогда не продукт «творчества» лепечущего ребенка, бессознательно произнося-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Немецкая идеология*, стр. 21.

щего некие звуковые комплексы, являющиеся обозначениями ближайших понятий его узкого детского мирка, но первые названия основных общественных группировок, воплощение половозрастного деления первобытного общества. К ним в конечном итоге восходят и ранние термины власти, не случайно имеющие весьма часто общую основу с терминами родства.¹

Из всего сказанного следует, что теория *Lallformen* в силу своей общей несостоятельности, не может удовлетворительно объяснить ни специфики интересующих нас терминов, ни их отношения к общиндоевропейскому типу терминов родства; буржуазная лингвистика не дает никакого иного разрешения данной проблемы. В связи с этим настоящая статья ставит своей задачей наметить новую постановку данного вопроса, специально в отношении германских языков.

II

Литературные памятники древнегерманских языков в равной мере, как и живые диалекты, обнаруживают наличие большого количества простых редуцирующих комплексов, часто с усечением первого согласного, функционирующих в качестве обозначения в большинстве случаев 'отец' — 'мать', но и часто 'дядя по отцу', 'тетка по матери', 'дедушка' — 'бабушка'. Приведем материалы.

1. *tata, tate, dade, atta, ette, eide, azo* ('отец', 'дядя по отцу', 'дед').

В «Чудесной правдивой истории Филиандра фон Зиттевальда» XVII в. читаем: «старый король *Teut, Teuto*, по которому наши честные крестьяне до сих пор зовутся своими детьми *ätto, teuto, teuti, teute*, что значит 'отец'». Упомянутые термины с вариантами *dade, dāde, eide*, наиболее распространенные названия отца в германских диалектах.

В готском *atta* почти совсем «вытесняет» *fadar*. *Atta* здесь означает в равной степени и отца «небесного» и «отца земного»: *atta unsih pu in himinam* «отче наш, ты на небеси», или *wait auk atta izwar pizei jus raurbur* «знает и отец ваш, в чем вы нуждаетесь». С другим значением: *jah afletandans attan seinana Zaibaidain* «и оставив отца своего Зеведея»... и т. д. *Fadar* же встречается только один раз в послании к Галатеецам в следующем контексте: *insandida gup ahman sunaus seinis in hairtona izwara, hropjandan abba, fadar*: «послал бог в сердца ваши дух сына своего, зовущий отец, отец!».

¹ См. материалы индоевропейских языков.

Fadar выступает здесь в качестве глоссы к арамейскому abba в греческом подлиннике готскому abba, fadar соответствует $\alpha\beta\beta\alpha$, πατήρ. Таким образом для готского языка эпохи известных нам текстов общиндоевропейское fadar не являлось обычным наименованием отца, о чем говорит и редкость его употребления и характер того текста, где оно встречается. Интересной параллелью к положению термина atta 'отец' в готском может служить полная замена индоевропейского термина mater, отсутствующего в готских текстах, термином aīrei, о чем подробнее ниже.

В период древненемецкого языка, поскольку об этом можно судить на основании дошедших памятников, существуют оба термина: atto, azo, и fater, в каком соотношении пока не ясно; то же самое наблюдается и в средненемецкий период. В конце XV в. Гейлер возмущается по поводу употребления крестьянами ett вместо vater. В рукописях XVI в. читаем: «hiess dennoch der heilig *Atti* Kūng Ludwig von Frankreich» или «verfluchet sygist du aller ketzer *ätti* Zwingli». ¹ Повидимому и позже употребление этих комплексов было обычным для языка крестьян, о чем свидетельствует приведенная выше цитата из автора XVII в. Еще в прошлом столетии, в швейцарских диалектах, atti было настолько общепринятым термином, что появление иного наименования, vater, в языке детей одной крестьянской семьи было заклеено как проявление величайшего высокомерия, желания быть «wie s'Here chinde» («как дети пастора»). ²

По материалам диалектологических словарей, в XIX и XX вв. данные термины засвидетельствованы были в следующих диалектах: Швейцария — att, etle, ätti, tatti, dätti, atter; Типоль — atti, ätte, tatte; Австрия — tattel, datti; Швабия — atte, date, dati; Тюрингия — dade; Саксония — atje, taeter; Гессен — aida; Ганау — eide; Ганновер — taite, teite; Пруссия — teite, atte; в фризском — atte, ette; Гронинген — oate.

Таким образом наблюдается наличие этого термина как в южных, так и в северных диалектах, т. е. одинаково в верхне- и нижненемецком. Конечно, одновременно во всех этих диалектах в нашу эпоху имеется и обычное vater. В ряде диалектов рассматриваемый комплекс с небольшими фонетическими изменениями использовался и для наименования дяди по отцу или деда. Так, с первым значением в тексте XVI в. читаем: «keine freund als *etter* und basinnen» «нет лучших друзей, чем дяди и тетки по отцу». В верхненемецких диалектах aetta, ätte — 'дед'. У Фишарта ett — 'дед'. Несомненно все с этими же терминами должны быть связаны и древнегерманские имена: с atta — готское имя гунского вождя Attila, с taite и т. д.

¹ Schweizer Idiotikon, Bd. I.

² Op. cit., Bd. I.

готское же Totila (последний остроготский король) и древненемецкое Teuto; связь эта, однако, должна быть объяснена в противоположность приведенному выше наивному объяснению автора XVII в. не в плане происхождения нарицательного значения термина от имени того или иного великого вождя, или короля, а наоборот, как использование термина с нарицательным значением для наименования выделившегося вождя, своеобразная кличка, выделяющая его качества *par excellence*.

Мы уже отмечали, что именно эти обозначения отца и близкого по семантике 'дяди по отцу' были наиболее распространенными в германских языках. Даем несколько параллелей из других индоевропейских языков, а также из языков иных систем: санскр. *tata* 'отец', греческое *ἄττα* (у Гомера обращение младшего к старшему, напр. Ахилла к Фениксу), *τεττα* (то же самое); латинское *atta*, *tatta*, исключительно в эпиграфике; кельтское *tat*, конкурировавшее с *athir*; ирландское *aite*, литовское *tetis*; русское 'отец', образованное от того же комплекса с обычным суффиксом *poimen agentis* — *ец* (см. *самец*, *делец* и т. д.), русское 'тятя' 'отец', сюда же примыкают и звонкие разновидности 'дед', 'дядя'; вне европейской системы: турецкое *ata*, баскское *aïta*, марийское *ada*, латышское *tate*, наконец, грузинское *deda*, но в значении 'мать', у чукчей *atta* — 'отец'. Таким образом не только в германских, но и в других индоевропейских языках имеются два варианта этого комплекса: полностью редуцирующий — *tata* и с усечением первого согласного — *atta*, причем оба варианта в большинстве случаев наличествуют в одном и том же диалекте или языке.

Неоднократно делались попытки уяснить соотношение между формами *at* и *tata* или *dada*. По поводу германского материала некоторыми учеными высказывались предположения, что полная редуцирующая форма образуется путем прибавления усеченного члена *der*: *d'at* или *d'ad*, причем форма *tat* получалась в результате аналогизации двух сходных звуков. Предположение это абсолютно неверно, что видно не только на примере других индоевропейских параллелей, но и на материале германских языков.

Сложнее обстоит дело с объяснением отсутствия перебора в верхненемецких вариантах. В самом деле готское *atta* должно было закономерно дать в верхненемецком *atzo*, подобно тому, как готское имя гунского вождя, *Attila*, имеет верхненемецкое отражение, *Etzel*; в нижненемецких же говорах это *t* должно было сохраниться неперебойным. Между тем за исключением баварского примера, приводимого еще Гриммом, все материалы диалектических словарей дают только неперебойные формы, с которыми в некоторых диалектах конкурируют звонкие варианты. Обычно это явление объяснялось как следствие особенностей языка детей (ведь

сами термины считались происходящими из *Kindersprache*), не подчиняющегося мод никаким перебоям,¹ в таком освещении оно служило одним из подтверждений той теории происхождения так называемых «доиндоевропейских» терминов родства, из *Lallformen*, которая была изложена выше. Нам кажется, что объяснение должно быть найдено иным путем, и здесь некоторую помощь могут оказать звонкие варианты. Конечно, *dāde* или *dade* ниже- и средненемецких диалектов не может никоим образом служить эквивалентом готскому *atta*, поскольку немецкое *d* может быть эквивалентом либо готскому *ḍ*, нижненемецкие диалекты, либо готскому *ṛ*, явление общенемецкое. Так, в готском существовала форма *aiṛei*, но в значении 'мать', которая, например, имеет закономерные соответствия в *eidi* немецких диалектов, о чем ниже. Повидимому и звонкие формы со значением 'отец', имеющиеся в немецких диалектах, должны были бы иметь готский эквивалент типа **ara*, но никак не *atta*; это значит, что данная немецкая форма, имеющаяся в диалектах, не может быть сопоставлена как прямое фонетическое соответствие с известной нам готской. Аналогичное явление, возможно, наблюдается и в отношении немецких глухих вариантов типа *atta*, *teta*, т. е. кажется вероятным предположение, что и они не являются фонетически эквивалентами готского *atta*, а лишь сходными с ним однотипными формами, чем объясняется отсутствие перебоя. Несостоятельность ссылки на особенности детского языка, не знающего никаких перебоев, выступает с очевидностью на примере готского же *aiṛei*, обычно точно так же определяемого как *Kinderlallwort*;² несмотря на это немецкий эквивалент готского *aiṛei* — *eide* (средне-верхненемецкий) полностью подчиняется основным фонетическим закономерностям, в частности и «перебою» готского *ṛ* в немецкое *d*. Этот факт кажется нам лишним подтверждением высказанного выше предположения, относительно природы *t* в немецких мнимо-неперебойных формах.

2. *aiṛei*, *eidi*, *eide* ('мать', 'бабушка').

Теснейшим образом примыкают к только что рассмотренным терминам некоторые наименования матери, правда, не имеющие такого широкого распространения, как первые.

Уже отмечалось, что в готском для обозначения матери имелся только один термин — *aiṛei*, являющийся, повидимому, женской параллелью к гот-

¹ Так в *Schweizer Idiotikon* читаем: «ein durch alle Sprachen gehender Naturlaut aus Kindermund, darum ohne Lautverschiebung».

² Uhlenbeck, P. B. B. 27, S. 115. На него ссылается в своем словаре и Фейст (Feist, op. cit., S. 20).

скому же *atta*; из древнегерманских языков этот же термин имеется в древнеисландском — *eida*, тогда как за другим фонетическим вариантом *edda* закрепляется значение 'бабушка'; в древне-верхненемецком имеется *eidi*, в средне-верхненемецком *eide*. Что касается современных немецких диалектов, то согласно материалам диалектологических словарей, наличие этих терминов засвидетельствовано в следующих диалектах: баварский — *aide*, *eide*; гессенские, ниже- и верхнегессенский, *eide*, *aida*. В значении 'бабушка' *oide* — гессенский диалект. Таким образом в современных немецких диалектах этот термин представлен очень бедно, повидимому отступив перед другой диалектальной группой терминов, *ama*, *muhme* и т. д. (подробнее ниже). Вне германских языков встречается в финском *äiti*, эстонское *eit*; из индоевропейских с ним же может быть сопоставлено санскритское *atta* с тем же значением.

Уже отмечалось, что Уленбек квалифицировал и этот термин как *Kinderlallwort*. Шуф в упомянутой статье пытался сопоставить готское *airēi* с крымско-готским *ada* 'яйцо', достигая своими рассуждениями на эту тему апогея наивности, на которую только способно индоевропейское этимологизирование. Сославшись на пресловутый полисемантизм детского языка, автор полагает, что «ласкательное» слово (*Kosewort*) *ei*, *eia*, *eida*, являющееся для ребенка воплощением «всего приятного», используется для обозначения матери и первой (?) пищи 'яйцо', поскольку и то и другое являлось источником чувства удовольствия. Фейст,¹ не удовлетворенный в данном случае применением теории *Lallformen*, пытался найти в иллирийском субстрате источник этого неиндоевропейского термина, заменяющего в таком представителе германской группы, как готский, обычный индоевропейский термин.

С нашей точки зрения *airēi* в структурном отношении ничем не выделяется из целого ряда других терминов, к рассмотрению которых и переходим.

3. *muhme*, *meme*, *ama*, *amme* ('мать', 'сестра по матери').

Для современных немецких диалектов эта группа терминов является женской параллелью к терминам *tata*, *atta*. В швабском словаре читаем об *ama*: «Раньше это слово было еще более распространено и господствовало, как и *aette* — „отец“, по отношению к которому является последовательной параллелью». Примеры: «*Mein Etta und Amma sind nit darwider*» — «отец и мать не имеют ничего против этого», или «*so hat's mein*

¹ Р. В. В., 53, и J. F. 47.

Aette und mein Amma g'macht, so mach ich's auch» — «так делали мой отец и моя мать, так буду делать и я».

В древнегерманских диалектах ама со значением 'бабушка' засвидетельствовано в древнеисландском; со значением 'мать', по преимуществу 'кормящая мать' (отсюда современное осмысление этого термина в литературном языке 'кормилица') — в древне-верхненемецком и средне-верхненемецком языках. В новый период комплекс ама по преимуществу закрепляется за верхненемецкими диалектами — Швабия, Тироль, Бавария, — тогда как в нижненемецких сохраняется *mōme*, *mōme*, *met*, в современном голландском *māeme*. Первоначально же, повидимому, оба варианта встречались в верхне- и нижненемецких диалектах без различия со значением 'мать' или 'тетка по матери'.¹ Так в древне-верхненемецком, на ряду с отмеченным уже вариантом ама, имеем *mōma*, *muoma*, *muama*, *muia*; в средне-верхненемецкий период — *muome*; в XVIII и XIX вв. этот термин воспринимается уже как грубо крестьянский (*grob-bäurisch*).² Лауремберг противопоставлял его как «свой» нижненемецкий термин верхненемецкому «*mutter*» и отстаивал его право на существование «*is nicht unse mōme so goet als ewre mutter*»;³ «разве наша *mōme* не так же хороша, как ваша *mutter*», при этом *mutter* воспринималась как *hochdeutsch*, поскольку последний термин олицетворял норму литературного языка.

В дальнейшем, теснимый все более термином *mutter*, термин *muhme* теряет значение 'мать', за ним закрепляется значение 'тетки по матери', позже родственницы вообще.

Вне германских языков термин в форме ама встречается в испанском, баскском, в финском — *ёма*, в тибетском — ама, в ряде африканских языков — ам, ума, в удмуртском — *муше*; в грузинском — *мама* 'отец'.

IV. *pahne*, *panne*, *pännä*, ап, ен, апо ('отец', 'мать', 'бабушка', 'дедушка').

В современном литературном языке *ahn* 'предок'. В древних диалектах 'дедушка', 'бабушка', современные *grossmutter* и *grossvater* относительно позднее образование: Клуге⁴ относит их к XI—XII вв. и предполагает, что первоначально они появились в рейнских провинциях, как калька французских *grand père* и *grand'mère*. Гораздо архаичнее, судя по памятникам, термины, примыкающие к рассматриваемой нами группе, ап,

¹ J. Grim m. Deutsches Wörterbuch, Bd. VI, SS. 2644—2645, 1885.

² Там же, стр. 2645.

³ Там же.

⁴ F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, S. 153, 1898.

en, nanne, причем один и тот же вариант в разных диалектах обозначает и 'отца' и 'дедушку', как это было показано на примере ата.

Следует при этом отметить еще одну особенность, которая впрочем наблюдалась и в отношении терминов I и II группы, — это совпадение основ для обозначения родственника и родственницы; меняются либо огласовка, либо суффикс: так в древне-верхненемецком апо 'дедушка', ана 'бабушка'; в баварском диалекте en 'отец', an 'мать' или enke 'дедушка', anka 'бабушка' (Каринтия).

Повторяю, что термины данной группы встречаются еще в период древне-верхненемецкого со значением 'дедушка' апо и 'бабушка' ана; то же самое наблюдается и в средне-верхненемецком, так, ane, an, en — 'дедушка', ane — 'бабушка'. На ряду с этим встречаются и формы с уменьшительным суффиксом, в древне-верхненемецком anihho, aneho 'дедушка', в старогессенском anicho. Аналогична семантика и в большинстве современных диалектов: так, в верхненемецких ана, епо, еппе и уменьшительное enke — 'дедушка'; ane, ана, an — 'бабушка'. То же самое можно сказать и относительно полной редулицирующей формы: в баварском pöne 'дедушка', в швабском nänle (с уменьшительным суффиксом) 'дедушка'. Характерным является преимущественное распространение этих терминов в верхненемецких диалектах, тогда как в нижненемецких в современную нам эпоху они, повидимому, вытеснены окончательно терминами, являющимися, по мнению Клуге, калькой с французских аналогичных образований, тем самым как бы подтверждается и намеченный Клуге путь распространения последних в немецких диалектах.

Лишь в очень немногих диалектах рассматриваемые термины означают 'отец', 'мать': так, в баварском en означает 'отец', an 'мать', в Шлезвиге nanne — 'отец', в Зибенбюргене nann, nänn — 'мать'. Сам факт совпадения наименований 'дед' и 'отец', 'мать' и 'бабушка' характерен для всех рассматриваемых нами терминов, и попытка объяснения его в отношении ко всему материалу будет дана ниже.

Типологически эта группа терминов ничем не отличается от уже рассмотренных нами выше, однако обычно исследователи не относят ее к категории Lallformen. Клуге¹ сопоставляет немецкое ahn и его варианты с латинским anus 'старая женщина' и греческим ἀνις 'бабушка'. Из неиндоевропейских языков, имеющих эти термины, со сходной семантикой можно отметить тюркский — ана 'мать', венгерский — anya с тем же значением, грузинский (гурийский) — nena 'мать'.

¹ F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, S. 7.

III

Приведенный германский материал показывает чрезвычайную распространенность в древних германских языках и современных диалектах тех терминов родства, которые мы условно назвали «доиндоевропейскими». В современных немецких диалектах наблюдается постепенное вытеснение их терминами «общеиндоевропейскими», олицетворяющими норму литературного языка. В период проникновения литературной нормы в тот или иной диалект происходила борьба сторонников местной диалектической формы с формой, ставшей в силу тех или иных исторических причин общенациональной.

Относительная архаичность диалектов, сохранивших в лексике и синтаксисе множество пережитков, исчезающих в литературном языке, вынуждает отнестись особенно внимательно к тем терминам, которые в них господствовали до распространения *vater*, *mutter* и т. д.

При известном разнообразии комплексов, обозначающих тот или иной термины родства (даже в одном и том же диалекте, но, конечно, в разных пунктах встречается несколько обозначений одного и того же понятия), типологически они все идентичны в отношении системы обозначения родственных связей. Эта однотипность не может быть результатом случайного подбора: она может быть объяснена только как следствие принадлежности всех терминов к одной и той же стадии языкового развития, причем определенные особенности этой системы, например совпадение наименований 'отец', 'дед' и 'брат отца', отражают в пережиточных терминах специфику системы родства, обусловленной известным этапом в истории развития человеческого общества.

Сначала несколько слов о формальной стороне: примитивность структуры рассматриваемых терминов, по преимуществу редупликация одного слога, иногда с усечением первого согласного, как уже упоминалось, служила одним из основных доказательств их отнесения к категории *Lallformen*. Независимо от критики самой теории *Lallformen* следует отметить, что редупликация является одним из наиболее ранних приемов речетворчества. Потт в специальном исследовании, посвященном этой проблеме, отмечал чрезвычайно широкое распространение редупликации среди языков всего земного шара в качестве универсального для ранних языковых стадий приема словообразования и словоизменения. Подобно тому, как внутренняя флексия, более архаичный способ словообразования и словоизменения, чем префиксация или суффиксация, оказывается в тех языках, которые некогда широко ею пользовались (германские языки), мертвой катего-

рией, вытесняемой более новыми языковыми средствами, точно так же и редупликация, лишь пережиточно сохранившаяся в индоевропейских языках, была некогда одним из наиболее ходких языковых средств.

Повидимому этим обстоятельством может быть объяснено столь распространенное использование редупликации, в частности для образования терминов родства, представляющих часто весьма архаичный языковый слой и притом в совершенно несхожих языках.

Вопрос о природе второй формы рассматриваемых нами терминов, с усечением первого согласного, несколько сложнее. Формы эти могут рассматриваться двояко: либо как дальнейшее развитие полной редуплицирующей формы, утеравшей начальный согласный, либо, что кажется вероятнее, как иное оформление путем префикса-детерминатива того же коренного слога, который лежит и в основе редуплицирующего комплекса.

Однако с нашей точки зрения формальная сторона не дает еще ничего определенного для характеристики изучаемых терминов.

Наиболее показательной особенностью этих терминов является то, что предыдущие исследователи часто называли полисемантизмом. Речь идет о появлении одного и того же комплекса, иногда с незначительными изменениями, при обозначении различных терминов родства: один и тот же комплекс лишь с изменением показателя рода означал 'деда' и 'бабку' или 'мать' и 'отца',¹ с другой стороны, один и тот же термин служил наименованием 'матери', 'сестры матери', и 'бабки'; 'отца', 'брата отца' и 'деда'.²

Обычно эти различные категории полисемантизма рассматривались недифференцированно, причем сам «полисемантизм» объяснялся природой все того же детского языка. Между тем здесь имеются явления совершенно несхожие по своей сущности и притом разного происхождения. Остановимся на первой группе фактов.

Во многих языках термины 'отец', 'мать', 'дед', 'бабка', материально различны, представлены различными комплексами: так *ata* 'отец', *ama* 'мать' (немецкие диалекты), *matā* 'отец', *deda* 'мать' (грузинский). Но в ряде языков, и в этом отношении немецкие диалекты не представляют исключения, дифференциация между терминами 'отец', 'мать', 'дед', 'бабка' достигается изменением огласовки или суффикса, показателя рода.³ Остгоф в своей работе о супплетивах доказывал, что первые соотношения, основанные на

¹ См. германские примеры на стр. 107.

² См. примеры на стр. 103.

³ См. германские примеры на стр. 107.

лексическом расхождении, а не на грамматической детерминации, архаичнее.¹ На первый взгляд справедливость утверждений Остгофа кажется очевидной, поскольку выражение грамматических отношений появляется относительно поздно. Однако второй способ отнюдь еще не предполагает, повидимому, появление настоящей грамматической абстракции; то, что представляется как грамматическая детерминация, в действительности оказывается дифференциацией по своего рода классовым показателям, выражающим принадлежность данного понятия к мужскому или женскому коллективу.

Здесь, конечно, показательным является наличие этого приема в ряде языков, обладающих „малайской“, по терминологии Моргана,² системой терминов родства, т. е. наиболее архаичной из известных нам систем родства. Так, в гавайском ³ ‘мой отец’ mā-kū/-ā kā/-na, ‘моя мать’ mā-kū/-a wā-hee/-na; причем kā/-na и wā-hee/-na собственно показатели пола, принадлежности к женскому или к мужскому коллективу; сравни kāi-kee-kā/-na ‘мой сын’, kāi-kee-wā-hee/-na ‘моя дочь’ и т. д. Точно так же в ротуманском⁴ при наличии все той же системы родства — oi-fā ‘мой отец’, oi-hon-ī ‘моя мать’; здесь, как и в гавайских примерах, собственно термин oi повторяется одинаково в обозначениях отца и матери; fā показатель принадлежности к группе мужчин, hon-ī — женщин: так lē/-e-fā ‘мое дитя мужского пола’, lē-e-hon-ī ‘мое дитя женского пола’. Как видно из уже приведенных примеров, в этих языках общая основа для терминов ‘мать’ и ‘отец’ отнюдь не является исключением; совершенно аналогична структура (общая основа, дифференциация помощью специальных показателей) и других терминов, а именно ‘сестра’ и ‘брат’, ‘сын’ и ‘дочь’, ‘дед’ и ‘бабка’.⁵ Таким образом этот принцип оказывается общим для всей системы терминов родства упомянутых языков. Недостаточность материала не позволяет сделать вывода обратного утверждению Остгофа, т. е. что в языках, сохранивших наиболее архаичную систему терминов родства (малайская), соответствующую первой форме семьи (кровнородственная семья), термины, обозначающие одинаковую степень родства, имеют общую основу как для мужчин, так и для женщин, различествуют лишь специфические показатели пола. Однако приведенные примеры позволяют оспаривать во всяком случае общеобязательность утверждения Остгофа; с другой стороны, они показывают, что данный принцип дифференциации распространен в терминах родства, по-

¹ У Остгофа это утверждение обосновывалось всей его концепцией о супплетивах. (См. Н. Osthoff, Vom Suppletivwesen der idg. Sprachen, 1900).

² М о р г а н. Древнее общество. Л. Изд. Института народов Севера, 1934.

³ Там же, таблица системы родства гавайцев и ротуманцев.

⁴ Там же.

⁵ Указанная таблица.

сложности своей формы отнюдь не похожих на *Lallformen*, а следовательно наличие его не может служить одним из доказательств происхождения рассматриваемых нами терминов из детского языка.

Второй особенностью интересующей нас системы является совпадение терминов 'отец' и 'дед', 'мать' и 'бабушка'. Совпадение это наводит на мысль, что в системе родства, выраженной в данных терминах, некогда отсутствовало вообще обозначение 'деда' и 'бабки'. Положение это кажется странным, поскольку деление «по поколениям» наличествует во всех системах родства, начиная от самой архаичной, малайской, и кончая арийской (по терминологии) Морганов.

Однако интересно отметить, что германские языки и в частности немецкие диалекты отнюдь не одиноки в отсутствии специальных наименований 'деда' и 'бабки'. Судя по материалам марийского языка, любезно предоставленным мне тов. Чхайдзе, там термины 'дед' и 'бабка' являются вторичными образованиями и теснейшим образом связаны с наименованием 'отец', 'мать'.

Аналогичную картину дают и другие индоевропейские языки: так в русском — 'дед' повидимому вариант 'тятя', во французском обозначении 'деда' и 'бабки' — описательные термины и в основе своей имеют наименования отца и матери, в гавайском языке, материалы которого даются Морганом, 'дед', 'отец', 'внук', а следовательно и 'бабка', 'мать', 'внучка' оказываются связанными общими элементами, причем в терминах 'деда', 'бабки' имеются элементы 'внука' и 'отца', 'внучки' и 'матери'. Так, 'отец' *mā-ku*-а *kāna*, 'внук' *moo-rū*-на *kāna*, 'дед' же *kū-rū*-на *kāna*, то же самое соотношение имеется и в женских терминах. В ротуманском термин 'дед' и 'внук' один и тот же, *mā-rī-ga fā*. Явление это встречается в различных системах родства, и оно еще не дает достаточно материала для определения той системы, в которой оно наличествует. Повидимому в центре систем родства стояло отношение родителей к детям, с одной стороны, и вступивших в брак, с другой. Отсюда шло все развитие. Описательный характер терминов 'дед', 'бабка' в ряде языков как будто говорит в пользу данного предположения.

Все рассмотренные факты при сопоставлении с особенностями так наз. «доиндоевропейских» терминов позволяют уточнить лишь отрицательные определения последних, т. е. подчеркнуть то обстоятельство, что обычные аргументы их принадлежности к категории *Lallformen* оказываются несостоятельными при сопоставлении с материалом других языков. Лишь последняя особенность, к рассмотрению которой мы переходим, бросает яркий свет на специфику системы этих терминов и дает возможность уточнить их отношение к системе индоевропейских терминов родства.

Выше упоминалось, что в некоторых диалектах одни и те же термины обозначали 'отца' и 'брата отца', 'мать' и 'сестру по матери'.¹ Эта черта данной группы терминов получает должное осмысление в свете истории различных систем родства.

Согласно Моргану, в системе родства, отражающей отношения семьи пуналуа² (так наз. „туранская“ система родства), сестра матери является одновременно матерью и брат отца отцом, тогда как брат матери считается дядей и сестра отца тетей. При этой системе родства впервые в истории семьи возникает понятие „дядя“ и „тетя“. В отличие от более поздней системы, эти термины существуют вначале только для *брата матери* и для *сестры отца*, поскольку сестра матери при форме семьи пуналуа являлась матерью и брат отца — отцом. Поэтому не случайно в тех немецких диалектах, где *muhme* и ее варианты обозначали 'мать' и 'сестра матери' т. е. где 'мать' и 'сестра матери' не дифференцировались, имеется вместе с тем специальный термин для *тетки по отцу*: *base*, нидерландское — *wase*; в древне-верхненемецком *basa* 'сестра отца', средне-верхненемецкое — *base* имеет то же значение. Термин этот исключительно германский, т. е. не имеет этимологических связей в других индоевропейских языках.³ Совершенно закономерно имеется в немецких диалектах и специальный термин для *брата матери*: *oheim*, древне-верхненем. *ôheim*, средне-верхненем. *oheim*, древнефризское *êtm*, по существу говоря точно так же не имеющее индоевропейских связей. Обычно этот термин, как известно, сопоставляется с латинским *avunculus*, однако натяжка настолько очевидна, что большинство составителей этимологических словарей не настаивают на этом предположении.

Таким образом диалектические *base* 'сестра отца' и *oheim* 'брат матери' фактически выпадают из обычной индоевропейской системы терминов родства, не обнаруживая четких этимологических связей с соответствующими терминами этой системы. Первые из них в этимологических словарях получают штамп «диалектизмы». Тем самым они примыкают к интересующей нас группе терминов.

Отмеченное выше, в качестве характерного признака, совпадение обозначения 'матери' и 'сестры матери', 'отца' и 'брата отца' при наличии

¹ Так, группа терминов *et*, *at* 'отец' и 'брат отца'. О *muhme* и ее вариантах Гримм писал в немецком словаре, что первоначально эти термины обозначали 'мать' и 'сестру матери'.

² См. Морган, цит. соч.

³ Бугге (Beitr. 13, стр. 175) рассматривал и этот термин как *Kinderwort*, искаженное *badar* (?) *-fadar-swesro*. Той же точки зрения придерживается и Клуге.

специальных терминов для 'сестры отца' и 'брата матери',¹ позволяет более определенно квалифицировать данную систему родства в противоположность общиндоевропейской, в равной степени как и наметить их историческое соотношение.

Морган, в уже не раз упомянутом труде, определял индоевропейскую систему родства как систему, соответствующую моногамной семье. Существование предшествующей ей туранской системы, выражающей пуналуальную форму родственных отношений, было обусловлено существованием родовой организации в ее более чистой форме. Материнский род — вот та общественная форма, которая создала туранскую систему родства. Однако формы семьи меняются гораздо быстрее, нежели системы родства; туранская система продолжает существовать и в период разложения кровно-родственных отношений, сохраняясь и на средней ступени варварства. «Потребовалось... столь влиятельное учреждение, как собственность с ее правами владения и наследования вместе с созданной ею моногамной семьей, чтобы устранить туранскую систему и сменить ее арийской.² Таким образом появление «арийской системы» должно быть отнесено к самому позднему периоду разложения родового общества; высшая ступень варварства была той почвой, на которой могла вырасти эта система родства. Морган прямо говорит о периоде, примыкающем уже к цивилизации.

В истории германских племен, к языкам которых генетически восходят современные диалекты, эпоха Тацита, т. е. I век, был периодом высшей ступени варварства с типичными чертами моногамной семьи. Однако, как отмечал Энгельс, сообщаемые римским историком данные свидетельствуют о том, что у германцев материнское право не было еще окончательно вытеснено. В пользу этого предположения говорит: 1) совокупность отношений между племянником и дядей с материнской стороны, который считался ближе родного отца;³ 2) допущение к наследству братьев по матери⁴ и 3) почетное общественное положение, занимаемое женщиной.⁵ Все это указывает на недавнее введение отцовского права, а вместе с тем подтверждает и предположение, что моногамия у германцев тацитовской эпохи

¹ Дифференциация в терминах между «матерью» и «сестрой матери» достигается впоследствии тем, что для первой используется термин из иной системы — *mutter*, тогда только *muhme* означает специально 'сестра матери'; для 'брата отца' термин взят из индоевропейской системы *vetter*.

² Морган, *цит. соч.*, стр. 219.

³ См. Ф. Энгельс, *Происхождение семьи...* К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 114.

⁴ Энгельс, там же, стр. 115.

⁵ Там же, стр. 116.

не успела еще вполне обособиться из парного брака.¹ Так обстояло дело у племен, наиболее сильно соприкасавшихся с римлянами. Более отдаленные племена, повидимому, отставали в своем развитии, поскольку сношения с римлянами и близость рабовладельческого общества были катализаторами процессов разложения родового строя у германских племен. В этот период имеются еще все условия для существования пережиточно туранской системы терминов родства.² Появление индоевропейской терминологии для германских языков может быть в связи со всем этим отнесено уже к кануну образования германских феодальных государств. Оно знаменует закрепление моногамной семьи и окончательное торжество цивилизации над варварством, т. е. крах родовых институтов. Возникает ли новая терминология самостоятельно, или же римская система родства, оказавшая по словам Моргана воздействие на ряд индоевропейских языков, была тем прообразом, по которому создавалась новая терминология, этот сложный вопрос невозможно разрешить в рамках данной статьи. Против простого заимствования, скажем такого типа как заимствование французского *oncle* и *tante*, в немецком *onkel*, *tante*, вытеснивших в XVI в. немецкие *base*, *muhme*, *oheim*, *vetter*, говорят фонетические закономерности.³ Доказанными, однако, кажутся следующие положения.

Имеющиеся в германских языках две системы терминов родства, так называемая «доиндоевропейская» и индоевропейская, раскрываются как выразительницы двух систем терминов родства, обусловленных двумя этапами в истории семьи: пуналуа и моногамная семья. В пользу этого говорит: 1) наличие в так наз. «доиндоевропейской» системе терминов „дядя“ и „тетя“ только для брата матери и сестры отца; 2) совпадение в этой же системе терминов „отец“ и „брат отца“, „мать“ и „сестра матери“; 3) наконец тот факт, что появление терминов для обозначения „брат отца“ *vetter* и использование *muhme* как специального наименования „сестра матери“, т. е. возникновение категории „дяди по отцу“ и „тети по матери“, характерных для моногамной формы семьи, было связано с появлением индоевропейских терминов *vater* и *mutter*. Немецкие диалекты, «прямые наследники» германских племенных языков, сохранили «старую» терминологию. Новая же система терминов не связывается

¹ Ф. Энгельс, там же, стр. 116.

² См. данные об прокезах у Моргана.

³ Заимствованные латинские слова дают соответствия: лат. *p.* = герм. *p.*, здесь же лат. *pater* = готск. *faðar*. Однако и в последнем случае наблюдается процесс вытеснения старых терминов, отражавших несуществующие уже отношения, новыми терминами, не проводящими в данном случае дифференциации между дядей или теткой со стороны отца и матери (ср. *base* и *muhme*).

с каким-либо определенным диалектом: при своем появлении в германских языках они были связаны, повидимому, с правовыми нормами, фиксирующими новый строй, а потому с языком письменности. И здесь особенно вероятной представляется определяющая роль римской системы терминов родства. В связи с этим «новые» термины изначально являются терминами письменного языка, впоследствии выступая как представители общенациональной нормы. Быть может этим объясняется поразительно долгое сосуществование обеих систем: одной, старой, сохранившейся в качестве пережитка в частной жизни, что обычно подчеркивается диалектологами, и другой, фиксирующей официальные правовые отношения, но воспринимаемой массами как чужая.

В связи со всем изложенным, доказанной кажется и относительная «молодость» в германских языках тех терминов родства, которые в качестве общиндоевропейских считались наследием праязыка и служили одним из доказательств справедливости праязыковой схемы развития языков. История образования этих индоевропейских терминов на германской почве в действительности оказывается гораздо сложнее и требует дальнейших специальных исследований.

Точно так же открытым остается и весьма интересный вопрос об истории «доиндоевропейских» терминов родства в других индоевропейских и неиндоевропейских языках, как и скрывающиеся за этой историей реальные схождения и расхождения многих, в настоящее время далеко друг от друга стоящих, языков.

Ш. В. ДЗИДЗИГУРИ

К характеристике нижеимерского говора грузинского языка¹

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ИМЕРСКОГО ДИАЛЕКТА²

В 1834 г. акад. М. Броссе на страницах «Nouveau Journal Asiatique»,³ в статье «De la langue géorgienne», выделяет среди грузинских диалектов имерский как самостоятельную диалектальную единицу. «Nous pouvons donc établir cinq dialectes dans la langue géorgienne, — говорит Броссе, — ceux de Caktheth, d'Iméreth, de Mingrélie, de Gouria et du Kartli central» (стр. 373). В последующих грузиноведческих работах имерская речь фигурирует как один из главных диалектов грузинского языка. Так, например, в труде R. Erckert'a «Die Sprachen des Kaukasischen Stammes» (1895) диалектами грузинского языка⁴ названы: «грузинский — в узком смысле» (Grusinisch im engeren Sinne), имерский, ингилойский и хевсурский. Следует отметить, что в некоторых местах Erckert упоминает рядом с имерским также и гурийский, надо полагать, как подговор имерского диалекта, так как таким же образом по отношению к хевсурскому автор говорит о тушском и пшавском. По Erckert'у, имерский примыкает к карталинскому, который автор называет «грузинским в узком смысле»: «Das Imerisch... bildet mit seinen Unterschieden von Grusinischen im engeren Sinne, nur Nüance desselben» (стр. 321—322). Географическая зона распространения имерского диалекта установлена в работе известного романиста и грузиноведа Hugo Schuchardt'a «Zur Geographie und

¹ Доложено на заседаниях Лингвистического общества Грузии в 1929 г. и Кабинета языческих языков Кавказа при Институте языка и мышления в 1936 г.

² Термины «диалект», «говор» по отношению к имерской речи употребляются ниже крайне условно.

³ Nouveau Journal Asiatique ou Recueil de Mémoires, d'Extraits et de Notices relatifs à l'histoire, à la philosophie, aux langues et à la littérature des peuples orientaux, t. XIV, MDCCCXXXIV, Paris.

⁴ Вернее грузинского «Hauptdialect'a». По автору, картвельский язык (Die Kharthwel Sprache, resp. Georgische Sprache) делится на три Hauptdialecte: грузинский, мингрельский, сванский.

Statistik der Kharthwelischen (Südkaukasischen) Sprachen (= Petermann's Geogr. Mitteilungen, Н. III, 1897). Проф. А. Хаханов (Хаханашвили) в труде «Очерки по истории грузинской словесности» (I, 2, 1895, Москва) в своей классификации грузинских диалектов самостоятельно выделяет «гурийско-имеретинское» наречие. В 1912 г. в серии «Материалы по Яфетическому языкознанию» (№ 6) выходит в свет «Грузинский (картский) глоссарий по имерскому и рачинскому говорам» სოცუვის კანს იმერულ და რაჭულ თქმას, глоссарий охватывает лексику Хонского района. В работе проф. И. Кипшидзе «Грамматика мингрельского (иверского) языка» (МЯЯ, VII, 1914) говорится о топонимических и синтаксических мегрелизмах (по автору — иверизмах) Имерии. Так, например, автор показывает, что такие топонимические термины, как ჯიხაბი ქიქაში, ლეჩხიბი okiba, ლეჩხუბი იფიქვედი и др., явно мегрельского происхождения. А этот лингвистический факт, в свою очередь, показывает, что в древности мегрелы занимали гораздо более обширное пространство, чем в настоящее время. Также, по предположению проф. Кипшидзе, одна из синтаксических особенностей имерского диалекта, а именно — «постановка подлежащего в дательном местоименном (геср. «активный падеж») მათხრებით. III. Дз.) при аористе средних и страдательных глаголов» объясняется влиянием мегрельского языка (стр. XV). Надо отметить, что этот тезис покойного грузиноведа впоследствии не оправдался. В специальном исследовании проф. А. Шанидзе, $S_2 - O_3$ ქართულ ზმებში (« $S_2 - O_3$ в грузинских глаголах». Изд. Тифл. университета, 1920) охарактеризован имерский диалект с точки зрения субъективного префикса 2 л. и объективного префикса 3 л. (стр. 178). В фонетическое исследование проф. Г. Ахвледиани, მკვობი ხმული ქართულში («Взрывные смычные в грузинском», Bulletin de l'Université de Tiflis, II, 1922—1923) вовлечены лексические факты имерского диалекта. Автор на диалектологических материалах определяет природу грузинских согласных კ-ტ-პ k-t-p. Проф. В. Топуриа в исследовании სინტაქსური ანალოგიის ერთი შემთხვევა ქართულში დიალექტების მიხედვით («Один случай синтаксической аналогии в грузинском по данным диалектов». Журн. «ზეპნი მეცნიერება», № I, 1923) показал неправильность мнения Кипшидзе по поводу генезиса той синтаксической особенности имерского говора, о которой говорилось выше. Опыт характеристики некоторых фонетических особенностей имерского диалекта принадлежит С. Л. Быховской: «Некоторые фонетические особенности нижеимерского говора грузинского языка [к вопросу о скрещении языков]» (ЯС, VI, 1930). Автор задался целью «на нескольких примерах показать влияние, которое оказывают друг на друга языки, носители которых

находятся в постоянном общении». Ценность этой работы заключается в том, что в ней дается первый опыт характеристики, хотя далеко не полной, с незначительными фактическими ошибками некоторых фонетических особенностей, засвидетельствованных в имерском говоре. Однако, так как анализируемые автором фонетические признаки являются далеко не только достоянием имерского диалекта, а характеризуют в той или иной степени и говоры восточной Грузии, то, следовательно, если выдвигается вопрос о влиянии, естественно, следует его ставить в масштабе всего грузинского языка.

В области разработки фактов имерской лексики особенно важно отметить многочисленные труды академика Н. Я. Марра. Он выдвинул тезис о слое языков шипящей ветви в говорах западной Грузии, в частности в имерском. Лексические материалы имерского диалекта представлены также в различных специальных словарях.

В этом отношении заслуживают внимание словари Р. Эристави, ქართულ-რუსულ-ლათინური ლექსიკონი მცნაბრით, ცხველთა და ლათინთა სპეციალური (1884), И. Чкония სიტყვის კონს... «Грузинский глоссарий. Слова не вошедшие в словари Савы-Сулхана Орбелиани и Давида Чубинова» (МЯЯ, I, 1910) и др.

Многие имерские формы приведены также в книге Арсена Ониана მეგრულ ი ბაღსაჲ უსულე სოფს, «Сборник сванских названий деревьев и растений (на лашском наречии)» (МЯЯ, VIII, 1917), как «лечхумские».

Особое значение в лексикологическом отношении имеют 1 и 2 части труда проф. И. Джавахишвили, საქართველოს კონომიური ისტორიის «Экономическая история Грузии» (I, 1930, II, 1935, Тифлис).

Наконец, в нашем «Опыте классификации диалектов грузинского языка» (Тезисы диссертации на степень кандидата наук, 1935) имерский разделен на две группы: верхнеимерский и нижнеимерский, которые, по классификации автора, вместе с нижнерачинским образуют одну самостоятельную группу грузинских говоров. Что касается соотношения имерского говора и литературного языка, по этому вопросу имеется ряд работ, из которых можно назвать следующие: Силована Хундадзе, სავიტრატურო ქართული («Грузинский литературный язык», Кутаис, 1907), его же, ქართული მართლწერისა და სწორების ძირითადი საფუძვლები («Основы грузинской орфографии и орфоэпии», Кутаис, 1927); А. Хаханов (Хаханашвили), იმერული თუ ქართული ენა («Имерский говор или грузинский язык», Иверия, 1902, № 263), его же, სავიტრატურო ქართული. ს. ხუნდაძის გამოკვლევა («Грузинский литературный язык». Рецензия на исследование О. Хундадзе. Газ. «Квали», 1902, № 18); Гр. Кипшидзе, ქართ-

დუბი თუ აქრუღი? («Карталинский или имерский?», журн. «Ганатлеба», 1913); С. Горгадзе, სალიტერატურო ჯანთუღის სადაო საკითხები («Спорные вопросы грузинского литературного языка», журн. «Картული Мперлоба», 1927). Из грамматик школьного типа с точки зрения нашей темы обращает на себя внимание известная ჯანთუღი გრამატიკა («Грузинская грамматика». Перв. изд. 1907, посл. изд. 1923) Силована Хუნдадзе.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Имеретины или имеры занимают обширную территорию западной Грузии. С востока и северо-востока они соседят с карталинцами, нижнерачинцами и лечхумцами, с запада и юго-запада — с гурийцами и мегрелами. Это соседство, естественно, находит свое отражение и в языке. Действительно, верхнеимерский говор отличается от нижнеимерского и имеет много общего с карталинским и рачинским.

Необходимо отметить, что нижеследующие наблюдения отнюдь не охватывают всего нижнеимерского, так как я пользовался главным образом частичными данными хонского района.

По моим наблюдениям, для нижнеимерского специфическими, т. е. не повторяющимися в других говорах особенностями, являются: а) образование результативного времени по формуле: преф. на + суфф. а [$\leftarrow$ ars], б) следы «формы возможности» по формуле результативного времени: причастие с на- [преф.] -ар [суфф.] плюс энклитика -а [$\leftarrow$ ars] с приставкой ga-, ta- и т. д., т. е. ga, ta...+на-... [Part. Pass.] -ар+а[rs], в) использование частицы -ken для оформления Locativus exterior (ср. литературную дезаспированную разновидность -ken), г) так наз. «вопросительная частица» и.

А. ФОНЕТИКА

1. Звуковой состав

а. φ слышен главным образом в междометиях: $\varphi o d j$ $\varphi i m e$, $\varphi \eta o \parallel \varphi \eta o d j$, $\varphi u \parallel \varphi u m e$ 'ой'.

b. $\hat{\eta} - w$:

თქუა dɔwa 'он сказал'
ძეულო dʷeli 'старый'
მწეულო mtweli 'сжигатель'

𑌕𑌃𑌔𑌃 𑌃𑌔𑌃 𑌃𑌔𑌃 'крест'
 𑌃𑌔𑌃 𑌃𑌔𑌃 'наш'
 𑌕𑌃𑌔𑌃 𑌃𑌔𑌃 'тело'

с. ъ у: следует за словом, оканчивающимся на гласный:

ԳՐԵՊ droy 'время'
 ԿՐԵՊ ktey 'скала'
 ԴԻԼԵՊ diley 'утро'

ႵႵႵ kruu 'глухой'
 ႵႵႵ ႵႵႵ dmay 'брат'
 ႵႵႵ day 'сестра'

а также в таких случаях, как:

დეჩ საათი იყ საათი 'в один час'

ერთი კაცის სამი ორი ყუარა სამი 'не два, а три'

d. В некоторых случаях слышен глухой d (глухой «mediae»):

გაფუჭდა/თა გაფუჭდა 'он испортился'

გაწუჭდა/თა გაწუჭდა 'лоннул'¹

e. Палатализованный l (подобно мегрельскому языку):²

ძალა ძალა 'сила'

გლახა glaxa 'плохой'

მალე male 'скоро'

დალე დალე 'пей'.

2. Фонетические явления

ა) Ассимиляция

Особенно сильно ассимилируют себя гласные е, i в противовес говорам восточной Грузии, в которых этой особенностью отличаются о, u.

Формулы: ai → ei, ai → ii, ae ← ee, au → ou, ou → uu.

ai → ei

გეიღო geiḡo 'отворился'

ეიწია eitia 'он поднялся'

გეისარდოს geisardos 'пусть по-

ეიღო eiḡo 'он взял'

заботится'

გევიდეს gevides 'пусть выйдет'

ეიტანა eitana 'он поднял'

ai → ii

დიმიტეძე dimiḡeta 'пристал,

გიიფიქტა giḡiqta 'он подумал'

уговаривал меня'

წიიღო ḡiḡo 'он взял'

შიიძლება ḡiḡdleba 'можно'³

ae → ee

დეეწია deetia 'он догнал'

ეეიღა eeiḡa 'у него открылись (глаза)'

დეეთანება deetanēba 'он согла-

ეებნა eebna 'он запутался'

сился'

¹ Ср. Г. Ахведиаши, ურუ mediae ქართულში («Глухой mediae в грузинском», «Ганатлеба», № I, 1920, Тифлис).

² Ср. И. Кипшидзе, Грамматика мингрельского (иверского) языка, стр. 05; С. Быховская, Некоторые фонетические особенности ..., ЯС, VI, стр. 162.

³ oi — ii характерно для Самтредийского района.

ა u → o u

გოუფუტდა *gouputda* 'у него испортился' დოუბოჭა *douḃoqa* 'он стал на колени'
გოუშვა *goušva* 'он пустил' გოუწვრა *goutkra* 'он рассердился'.

o u → u u

გუგუზანა *guugzana* 'он послал' შუგუანაძე *šuguanqme* 'согласуй'
შუგუშვა *šugušva* 'он пустил' დუგუბე *duugbe* 'раздай'.

b) *Диссимиляция*

აგალი *agali* 'нет' ნაკრული *nakruli* 'недостающий'
მონათრული *monatruḷi* 'крещеный' კალონი *kaloni* 'закон'
იმელატორი *ipelatori* 'император' სოლომონი *soloman* Соломон.

c) *Метатез*

სიგოლე *sirgile* 'прохлада' სასერინოდ *saserinod* 'на прогулку'
ღრისი *grisi* 'достойный' ღურბელი *gurbeli* 'облако'
დამახვერდებ *damaqverdeb* 'встретись'
მარკატელი *markateli* 'ножницы' წიგრა *šivga* 'церковная служба'
დახარგული *daḃarguli* 'угнетенный' დაპლა *dapla* 'сгнил'.

d) *Нарастание звука*

m:

დამწესებულება *damtesebuloba* გამამცხადა *gamoamḃqada* 'он объявил'.
'учреждение'
უმჯავრდება *umdavrdeba* 'он сердится'

r:

ურწეება *urtkeba* 'новестка' ფართოფოლი *forḃoli* 'лист дерева'
დარდგენილობა *dardgeniloba* 'постановление' უმარწვილი *kmarṭvili* 'юноша'.

v:

პოვეტი *poveti* 'поэт' ვორი *vori* 'два'
მავინი *mašvin* 'тогда' ვოთხი *voḃi* 'четыре'.¹

¹ Между прочим: в имерской форме ლესკური 'сабля', по утверждению акад. Н. Я. Марра, s не является наращенным (*leski* < *lasku* || *laski*. См. ქართველ ერის კულტურული უბელი ენათმცნელების მიხედვით «Культурный фронт грузинской нации с точки зрения лингвистики». «Мნათობი», № 5—6, 1926, стр. 326).

e) *Выпадение звука*

ბილი <i>bil</i> 'мягкий'	ვიშონე <i>višone</i> 'я достал'
ბძანება <i>bdaneba</i> 'приказ'	ვიკილე <i>vikile</i> 'я кричал'
გაზდილი <i>gazdili</i> 'воспитанный'	ულაში <i>ulashi</i> 'усы'
არდილი <i>ardili</i> 'место'	იმპერია <i>iperia</i> 'империя'.
საილი <i>saili</i> 'обед'	

Исчезает префикс *nomen actoris*:

გლოვიარე <i>gloviare</i> 'траурный'	დუგარე <i>duḡare</i> 'кипяченный'
სუნაგო <i>sunagi</i> 'прожорливый'	თავრობა <i>ṭavroba</i> 'правительство'.

f) *Субституция*

$b \searrow m$:

სამჭო <i>samṭo</i> 'совет'	ემა <i>kma</i> 'челюсть'
ჩმო <i>qmo</i> 'теленос'	ტკმილი <i>tkmili</i> 'сладкий'.

$m \nearrow b$

გიბზერ <i>gibzer</i> 'я смотрю'	ბზე <i>bzey</i> 'солнце'.
სიბღერა <i>sibḡera</i> 'песня'	

$m \longleftrightarrow n$

მენკვიდრე <i>menkvidre</i> 'наследник'	დავანტკიფე <i>davantkife</i> 'я доказал'
ანბავი <i>anbavi</i> 'известия, рассказ'	ტენწიფე <i>qentiṭe</i> 'царь'.

$v \nearrow b$

თებზი <i>ṭebzi</i> 'рыба'	მიბზერ <i>mibzer</i> 'смотришь'.
---------------------------	----------------------------------

$v \longleftrightarrow m$

მარსკვლავი <i>marskvavi</i> 'звезда'	დღემანდელი <i>dḡemandeli</i> 'сегодняшний'.
--------------------------------------	---

$b \longleftrightarrow \varphi$

გავაკეთებ <i>gavakeṭep</i> 'я сделаю'	ხლოფოტოფ <i>qlafoṭoṭoṭ</i> 'ты хлопчечень'
ვამბოფ <i>vamboṭ</i> 'я говорю'	დაადოფს <i>daadoṭs</i> 'он положит'.

$v a \rightarrow o$

სეოგან <i>sqogan</i> 'в другом месте'	ოჟო <i>ojo</i> 'о, парень!'.
---------------------------------------	------------------------------

$v e \rightarrow o$

ქუანა qokana 'мир, страна'
ჩუღობა čouloba 'привычка'
შობა šoba 'он делает'

ვაჭვ vačov 'обвертываю'
შუგობა šokoba 'идет вместе'
ნუ აკობი nu akobi 'не следуй его
(примеру)'.
შეგობა šegoba 'он меня приучит'.

$e v \rightarrow o$

კიდო kido 'еще'¹
მიწმინა mišmina 'я предпо-
читаю'

მიმწმინა mišmina 'он меня приучит'.

$o \rightarrow v e$

მარტვე martve 'одинок'.

$o v a \rightarrow u a$

გაათხა gaathqa 'он выдал ее замуж'
შამუარდა šamuarda 'он взорвался'

შათხა šathqa 'он одолжил'
გადმუარდა gadmuarda 'он сва-
лился'.

$v i \rightarrow u$

წუმბ tuma 'дождь'
საკურველი sakurveši 'удивительный'

კათხული kačouli 'замужняя'.

გ) Редукция

Как уже указывалось,² в «восточных говорах» редукция имеет место чаще, чем в «западных говорах». Действительно: в нижнеимерском нет редукции в тех случаях, где мы бы ожидали ее, судя по нормам других диалектов и литературного языка.

კედელის kedelis Род. пад. от 'стена'
წყელის tkelis » » » 'вода'

ხელს qeys 'дерева'
ქვას qvaus 'камня'.

h) Из сложных фонетических образований отмечу: ავანტეოზი avantkofi 'больной' ← avamtkofi ← avamtkofi ← avadmkoši; ტკეე tkey 'скала' ← ktey ← kdey ← kldey; რაჭინდა račinda 'на что тебе надо': ← ragšinda ← raš ginda ← rad ginda (ср. რამინდა ramšinda ← raš minda ← rad minda 'на что мне надо?').

¹ Акад. Н. Марр конечному «о» дает морфологическое объяснение. (Ср. «Грамматика древнелитературного грузинского языка», стр. 31.)

² Проф. А. Шанидзе, წელიწადის ეტიმოლოგიისთვის («К этимологии letitadi — год», Jahrbuch der Georgisch. Sprachwiss. Gesellschaft, I—II, 1923—1924, Тифлис, стр. 11).

Б. МОРФОЛОГИЯ

1. Подобно древнегрузинскому литературному языку, имя существительное с гласным исходом оформляется в именительном падеже соответствующим формантом $o \rightarrow a$ $i \rightarrow y$:

ტკეო/ა tkei/y 'скала' ძმაო/ა dma/y 'брат'
 ტყეო/ა tkei/y 'лес' დამწესებულობაო/ა damtesebuloba/y 'учреждение'
 ხმეო/ა qmo/y 'теленос' ერეო/ა keri/y 'глухой'.

Следует отметить, что в стихах преимущественно показатель именительного падежа составляет слог, следовательно, имеем $o \rightarrow i$:

ჩემი დღეა დამწევლა, უბრალო მამუნი თვალი,
 ერთი მანგრაი შეუბღვირე — მუხლმა დოუწყო კანკალი.

qem i dge i damitkevla, ubriale mamvni tvali,
 eri mangrai sheubgvire — muqlma doutko kankali.

2. Комплекс $ao \rightarrow ai$, получивший от конечного коренного гласного $a \rightarrow a$ илис номинативный $o \rightarrow i$, превращается в $y \rightarrow e$, что, в свою очередь, вторично оформляется в именительном падеже:

tomara $\rightarrow$ tomaray $\rightarrow$ tomare $\rightarrow$ tomare/y 'мешок'

ტომარა $\rightarrow$ ტომარაი $\rightarrow$ ტომარე $\rightarrow$ ტომარე/ე

dana $\rightarrow$ danay $\rightarrow$ dane $\rightarrow$ dane/y 'нос'

დანა $\rightarrow$ დანაი $\rightarrow$ დანე $\rightarrow$ დანე/ე

babua $\rightarrow$ babuay $\rightarrow$ babue $\rightarrow$ babue/y 'дед'

ბაბუა $\rightarrow$ ბაბუაი $\rightarrow$ ბაბუე $\rightarrow$ ბაბუე/ე

buzara $\rightarrow$ buzaray $\rightarrow$ buzare $\rightarrow$ buzare/y 'овод'

ბუზარა $\rightarrow$ ბუზარაი $\rightarrow$ ბუზარე $\rightarrow$ ბუზარე/ე

kvira $\rightarrow$ kviray $\rightarrow$ kvire $\rightarrow$ kvire/y 'воскресенье'

კვირა $\rightarrow$ კვირაი $\rightarrow$ კვირე $\rightarrow$ კვირე/ე

amisdana $\rightarrow$ amisdanay $\rightarrow$ amisdane $\rightarrow$ amisdane/y 'такой'

ამისთანა $\rightarrow$ ამისთანაი $\rightarrow$ ამისთანე $\rightarrow$ ამისთანე/ე.

В «активном», дательном и напавительном падежах $a \rightarrow a$ восстанавливается:

დანამ, დანას, დანათ danam, danas, danaθ.

В родительном и творительном падежах имеем:

დანეის daneys, დანეთ, daneuθ.

3. Звательный падеж иногда образуется посредством *o* — *o* [с согласным исходом]:

ბესარიონი *besariono* 'О, Виссарион!'

დავითი *davido* 'О, Давид!'

მიხეილ *miqeilo* 'О, Михаил!'

4. Так наз. «ласкательная, уменьшительная форма» образуется преимущественно суффиксом *ia* — *ia*. Образовательный элемент прибавляется как к слову с согласным исходом:

დავითი *davidia* Давид

თამარი *tamaria* Тамара

ლარმენტო *larmentia* Лаврентий,

так равно и с гласным исходом:

დედაი *dedaia* 'мама'

სოსოი *sosoa* Сосо

უთუი *uua* Уту

თედი *tedoa* Тедо.

Иногда суффикс *ia* — *ia* редуцирует конечный гласный:

პავლი *pavlia* [← *pavleia*] Павел

პეტრი *petria* [← *petreia*] Петр

სავლი *savlia* [← *savleia*] Савл.

Параллельно встречается образование, получившееся вследствие ассимиляции:

დომენტიე || დომენტი *domentie* || *domentu* Дементий

სოსოიე || სოსოი *sosoie* || *sosou* Сосо

პეტრიე || პეტრი *petrie* || *petru* Петр

პაშიე || პაში *pašie* || *pašan* Паша.

Ряд имен с согласным исходом «ласкательную форму» образует суффиксом *a* — *a*:

მელტონი *meltona* Мелитон

ლონგინოზი *longinoza* Лонгиноз

ნესტორი *nestora* Нестор

სოლომონი *solomana* Соломон

კოსანტინი *kosantila* Константин.

5. Из превербов обращает на себя внимание образование архаической приставки $\text{გაზ} \parallel \text{გაზა} [\leftarrow \text{გაზდა}] + \text{გაგ} \parallel \text{გაგა} [\leftarrow \text{გაგდა}]$:

გაზაბრუნდა *garabrunda* 'он перевернулся'

გაზააგდა *garaagda* 'он выбросил'

გაგაუშვა *garoušva* 'он перепустил'

გარგუარდა *garmuarda* 'он свалился'

გარგევიდა *garmevida* 'он перешел'.

6. Послелogi: а) локативное содержание слова в некоторых случаях достигается посредством послелога -ბო -ბი:

საათი *saati* 'в час'

ამაში *imaši* 'в том'

მიდგეში *midgēši* [$\leftarrow \text{midgēši}$]

ამაში *amaši* 'в этом'.

'никогда'

б) Послелог исходного падежа -დაბ -dan встречается в виде -დინ $-\text{din} \parallel \leftarrow \text{დგინ} -\text{dgin} \leftarrow \text{დგინ} -\text{dgan} \leftarrow \text{ით} + \text{გან} -\text{ი} + \text{gan}$:

საღლინ *saqlidin* 'из дома'

ტყიდან *tkidgin* 'из леса'

ქუთაისდან *quṭeizdgin* 'из Ку-

თაიდან *mṭidgin* 'из горы'.

таиса'

в) Перед послелогом -თან -dan падежное окончание (-ს = дат. пад.) не исчезает:

დებთან *debsdan* 'у сестер'

ქმრებთან *qmrebsdan* 'у мужей'

ბატონებთან *batonebsdan* 'у князей'

მამებთან *mamebsdan* 'у отцов'.

д) При добавлении послелога -მდე -mde 'до' удваивается предыдущий гласный:

საგამომდო *sağamomdi* 'до ве-
чера'

შენახამდო *šenaqvaamdi* 'пока
спрянут'

დელოწიკამდო *dğeitoraamdi* 'до
следующей недели'

გაკეთებამდო *gakeṭebaamdi* 'пока
сделают'.

е) -კენ -ken 'к', 'по направлению' встречается в форме -კენ -ken, причем предыдущий согласный элемент суффикса родительного падежа სს по ассимиляции превращается в $\text{წ} \text{ } \dot{\text{t}} \text{ } (\text{s} \nearrow \dot{\text{t}})$:

საღიწკენ *saqlitken* 'по на-
правлению дома'

სიწკენ *qonitken* 'по на-
правлению Хони'

ტეიწეკ tkitken 'по направлению
леса' გორდიწეკ gorditken 'по направ-
лению Горди'
მთიწეკ mθitken 'по направлению ქალაქიწეკ qalaqitken 'по направ-
лению города'.¹

f) Древнегрузинская форма ისდა isda 'для' встречается в виде იზა iza:
გულიზა guliza 'для сердца' გაუწებულიზა gaπtebuliza 'для
испорченного'
ძმაიზა dmiza 'для брата' ვიზა viza 'для кого'.

g) Вместо -ზე ze 'на', 'над' имеем -ზენ zen [← zena; ср. qvena]:
ფარზენ fparzen 'на плечо' დღაზენ dilaZen 'утром'.
გვერძენ gverden [← gverzen] სტოლზენ stolzen 'на столе'.
'с боку', букв. 'на боку'

7. Из словообразования следует отметить: а) в отглагольных именах суффикс -ება -eba заменен суффиксом -ობა -oba:

თქმულობა tqmuloba 'сказание'
დამწესებულობა damtesebuloba 'учреждение'
დარდგენილობა dardgeniloba 'постановление'.

b) Для образования причастия страдательного залога используется суффикс -ული -ul вместо -ილ -il:

მოტანილი motanul 'принесенный' მოგრეხილი mogreql 'скру-
ченный'.
გამოგზავნილი gamogzanul 'посланный'

Встречается и обратное образование (т. е. вместо ожидаемого -ულ -ul имеем -ილ -il):

კითხილობს kiθqilobs 'читает'

с) В ряде случаев «суффикс принадлежности» -იან -ian заменяется суффиксом -იერ -ier:²

ტყვიერი tvimeri 'умный' ჭკვიერი || ჭკვერი tkvieri || tkveri 'умный'
თავიერი θavieri 'умный' სახიერი saqieri 'благообразный, видный'
ადამიერი adamieri 'человек' ჯიშიერი qisneri 'породистый'.

¹ Ср. ингл. აკათეკ აკადკენ 'на нашу сторону'. Джанашвили, საინგილო (Сайнгил), Древняя Грузия, II, стр. 201, 239.

² По этому вопросу см. Арн. Чикобава: ობ სუფიქსი მეგრულში (Суффикс op в мегрельском), ფფ. უნივ. მოამბე, VI.

d) Отрицательное причастие образуется двойными отрицательными формантами:

უდოუდგომელი *udoudgomeli* 'не поставленный'

უდოუკავებელი *udoukavebeli* 'не задержанный'

უგოუდებელი *ugoudebeli* 'неопытный'

უდოუწერელი *udoutereli* 'не написанный'.¹

e) Смешенные суффиксы прилагательных, обозначающих происхождение по месту: -ელ *-el*, -ურ *-ur*.

სიდურია ე კველი? — ლეხუმელი

sidouria e kveli? — *leḡumeli*, букв. 'откудышный сыр?' — *лечхумский*.

სიდურია ე ღვინო? — სვინელი

sidouria e ḡvino? — *svireli*, букв. 'откудышное вино?' — *свирское*.

სამტრედიელი ქათამი *samtredeli qaṭam* 'самтрედийская курица'

ხონელი ფაიტონი *ḡoneli faiton* 'хонский фаэтон'.²

8. Образование фамильного названия, когда носителем его выступает женщина, характеризуется прибавлением к основе фамильного названия частицы -ზე *-ḡe* (← мегр. -ḡe 'женщина'). Напр. ჭავჭავნი *ṭavṭan*ზე, რუსები *ruṣe*ზე, მელები *mele*ზე (ср. ჭავჭავნი *ṭavṭani*ძე, რუსები *ruṣa*ძე, მელები *mele*ძე; ср. ниже, статью И. В. Мегрелидзе, стр. 159).

9. Образование множественного числа. Из двух грузинских показателей множественности ($P1^b$, $P1^n$) используется $P1^b$. $P1^n$ имеем в окаменелых формах ბარაბაძენი *barabaḡeni* — 'район села, которое населяют представители фамилии Барабадзе', с одной стороны, в образовании двойного множественного числа, с другой. Вообще множественность фамильного названия,³ как правило, образуется сугубым показателем мн. числа:

ფირცხალავები *ḡirṭṭalavnebi* 'Пирцхалаваевы'

მელაძები *meladnebi* 'Меладзевы'

ხუროძები *ḡuroḡnebi* 'Хуродзевы'

წულუკიძები *ṭulukidnebi* 'Цулукидзевы'.

¹ Ср. ингл.: უდოუღოლი, უდოუზნელი etc. М. Джанашвили, ук. соч., стр. 231. Ср. также мегрельское образование отрицательных прилагательных — И. Кипшидзе, Грамм. мингр. яз.

² См. по этому вопросу А. Шанидзе, Два чано-мингрельских суффикса в грузинском и армянском яз. ЗВО, XXIII, вып. III, IV, 1916.

³ Имеются в виду обычные имерские фамилии, образованные посредством ḡe.

Достоин внимания образование мн. числа с помощью -en в таких случаях, как სხვანაცვნი *saxlkaṣeni*. Аналогичное явление удостоверяется в гурийском.¹

Из других образований двойного множественного числа следует отметить:

ძმანბი *dmanebi* 'братья'

მამიდასნი *mamidanebi* 'тетки'

დასნი *danebi* 'сестры'

კიდასნი *kidanebi* 'бока'

ბიძასნი *bidanebi* 'дяди'

ანგელოზსნი *angeloznebi* 'ангелы'.²

10. Глагол. а) Если говоры восточной Грузии показывают определенную закономерность в образовании S_2 — O_3 (= субъективный префикс 2 л. и объектный префикс 3 л.), то говоры западной Грузии вообще и нижнеимерский в частности упрощают дело и характеризуются нулевым образованием. Субъект 2 л. и объект 3 л. не имеют «вербальной формы», т. е. не выражены в глаголе соответствующим формантом.³

б) Надо полагать, что по аналогии 1-е результативное время III серии спряжения образуется суффиксом -as -ia, вместо ожидаемого в соответствующих случаях суффикса -as || -as || -avs || -ams:

შევიდას *shediḡdia* 'оказывается, ты увидел'

დაგინჯდას *dagiḡardia* 'оказывается, ты истратил'

წოუკრიას *toukria* 'оказывается, он повязал [голову]'

დამიხატია *damiḡatia* 'оказывается я нарисовал'

მთუწამდას *moutamia* 'оказывается, он отравил его'

მიხვამდას *misvamia* 'оказывается, я выпил'.

с) Когда говорящий рассказывает о событии, которого не видел, соответствующая форма (= результ.) образуется так: причастие с префиксом па- плюс энклитика вспомогательного глагола:

საჭამა *paṭama* (от инфинитива ṭama 'кушать')

საშენება *paṣeneba* (от инфинитива ṣeneba 'строить')

სახატავა *paḡatava* (от инфинитива ḡatva 'рисовать').

¹ Ср. А. Глonti, *ოჩხიკი მრავლობითობის შემთხვევები გურულში*. (Случаи двойной множественности в гурийском). Труды Тифлисского университета, I, 1936. Ср. также горно-рачинский სურჯულოები *saugduloebi*.

² Ср. проф. К. Дондуа, О двух суффиксах множественности в грузинском. Язык и мышление, II.

³ Ср. проф. А. Шанидзе, S_2 და O_3 ქართ. ზნებში.

d) Обращают на себя внимание следы образования «формы возможности».¹ Соответствующая форма передается посредством образования глагола по типу результативного времени: причастие с на- (= преф.) и -ar (= суфф.) [плюс энклитическая частица -s -a [← ags 'есть'] с приставкой ga-, т. е. формула ga+na-... [Part. Pass.] -ar+a[rs].

- 1) განაკეთებლას ga+na-keḇebl-ar+a[rs] (от keḇeba 'делать').
- 2) განაძლებას ga+na-ḍleb+ar+a[rs] (от ḍleba 'выдерживать', 'переносить *мшენია*').
- 3) განატეხლას ga+na-teql-ar+a[rs] (от teqva 'ломать').

Приблизительно приведенные формы можно перевести таким образом: 1) оказывается, он мог сделать (= ganakeḇelara); 2) оказывается, он мог выдержать (= ganadlebara); 3) оказывается, он мог поломать (= ganateqlara).

В контексте:

- 1) ე ბაგანე ქე განაკეთებლას და რას ერძოდი თუკულით?
e baḡane qe ganakeḇelara da ras erḑodi tkuliḑe?
- 2) ე მოსებული ქე განაძლებას ამ სიტყვეში.
e mosebuli qe ganadlebara am siṭiveṣi.
- 3) ამისანე ძაღონე ქონებია კლავებში, რომე ქე განატეხლას.
imisane ḍalḡone qonebia klaveḇṣi, rome qe ganateqlara.

Любопытно следующее образование архаичной формы результативного времени: причастие плюс вспомогательный глагол [в совершенном виде] плюс формант мн. ч.

მოსულარიენ mosularien 'оказывается они пришли',
გაჩერებულარიენ gaḡerebularien 'оказывается они остановились'.

Спорадически также образуется множ. ч. настоящего времени:

უკვილარიენ ukvilarien 'они удивляются',
მოდილარიენ modilarien 'они идут'.

¹ Наблюдение это принадлежит А. Чикобава; см. его «Грамматический анализ чанского диалекта», Тбилиси, 1936.

Сюда же примыкают формы:

წევლარიენ tevlaŋien 'они лежат',
დგანარიენ dgaŋarien 'они стоят'.

Ср. литерат. წვანს ivanap, დგანს dganap.

Что показывают в данном случае -п и -ap? По проф. А. Чикобава, здесь -п = 3 л., -ap = Pl.¹ Это последнее не вызывает сомнения, но объяснение -п, как показателя 3 л. — не убедительно хотя бы потому, что в том же нижнеимерском -п появляется и в 1 и 2 л.:

ვდგან-ვარ vdga-n-var 'стою'; დგან-ხარ dga-n-qaŋ 'стоишь'.

f) Согласный элемент каузативной формы -п утерян:

დამაღევი damalevi 'дай мне пить'
გაკეთებე gaakeɖebe 'дай ему сделать'
დავაწერე davaterie 'я заставил (дал) ему написать'

g) Множественность 3 л. как переходного, так же и непереходного глаголов образуется суффиксом -en:

იმღერენ imġeren 'они пекут'; მოკლენ moklen 'они убили'
ჭამენ ċamen 'они кушали'; მიცენ miɖen 'они дали'

Тот же самый суффикс -en заменяет суфф. -აძ:

1. გეხერენ geġeren 'было надето на вас'; გეჭამენ geċamen 'вы ели [бы]';
გეძინენ geɖinen 'вы спали'

2. გოუკეთებენ goukeɖebien 'оказыв. они сделали' დანიშნენ daniɖɪnien 'оказывается они назначили' შეგძლებენ shegɖlebian 'оказыв. вы могли'

3. გაქვენ gaqven 'вы имеете'; ქცევენ qɪviɪen 'вам холодно'; გახერენ gaġeren 'вы покрыты'

4. გეყოფენ geqoɸien 'вам хватает' შემოგაკლდებიენ shemogaklɖebien 'вам нехватит'

Ср. литерат.: გეძინათ geɖinaɖ, შეგძლებათ shegɖlebiaɖ, გცევათ gɪvaɖ, გეყოფათ geqoɸaɖ и т. д.

¹ См. მარგო წინადადების პრობლემა ქართულში, I. Проблема простого предложения в грузинском, I. Тифлис, 1928, стр. 263.

В. СИНТАКСИС

1. Логический субъект глаголов переходных, так и непереходных, стоит в «активном» (так наз. *narrativus*) падеже, когда глагол стоит в настоящем времени, не говоря о том, что такое же образование имеем и в аористе при непереходных глаголах.

კაცმა ჭაუჯა *kaṣma daḡda* 'человек съел'

ავანტკოფმა ადგა *avantkoḡma adga* 'больной встал'

მაძღვარმა გარმევარდა *maḡḡvarma garmovarda* 'нищий свалился'.

Проф. И. Кипшидзе по этому вопросу говорит следующее: «В нижней Имерии встречаются и синтаксические иверизмы [т. е. мегрелизмы. III. Дз.], как, напр., постановка подлежащего в дат. местоименном [т. е. «активном падеже» или «повествовательном» (*Narrativus*). III. Дз.] при аористе средних и страдательных глаголов».¹ Но объяснение этой особенности влиянием мегрельского языка нас сейчас не удовлетворяет, так как известно, что такая конструкция встречается далеко не только в «говорах Западной Грузии», следовательно, в зоне, где действительно могло быть такое влияние, но она свойственна почти всем диалектам грузинского языка, в том числе и говорам географически отдаленных от Мегрелии местностей.²

2. Если субъект стоит во множественном числе, глагол не согласован с ним в числе:

კაცები დეესა *kaḡebi deesa* 'мужчины набросились'

ქალებმა შემყდა *qalebma šemqeda* 'женщины посмотрели на меня'

წამოვარდა ქალებმა *ṭamovarda qalebma* 'женщины вскочили';

если слово имеет собирательное значение, то глагол стоит во множественном числе:

კომისია გარწყვეტენ *komisia garatkveten* 'комиссия решит'

საზოგადოება თხოულობენ *sazogadooba ḡḡouloben* 'общество требует'

ყველამ გავარდენ *kvelam gavarden* 'все убежали'.

¹ Грамматика мингрельского (иверского) языка, стр. XV (Предисловие).

² Ср. В. Топурия, სინტაქსური ანალოგიის ერთი შემთხვევა... (= Случай синтаксической аналогии в грузинском по данным диалектов). «Чвени Мецნიერება», I, 1923.

3. Нарушено согласование в падеже: если определяемое стоит в дательном и «активном», определение ставится в именительном:

Dat.: შენი მეზობელს sheni mezobels 'твоему соседу'

ჩემი ძმის დამი dmas 'моему брату'

Narr.: კაი შვილებმა kai shvilebma 'хорошие сыновья'

თელე ტანმა deli tanma 'весь корпус'.¹

4. «Вопросительная форма» образуется элементом и [$\leftarrow$ o]:

სად? sadu? 'где, куда?'

სეითკენ? seitkenu? 'в какую сторону?'

ხანსუ? qonsu? 'в Хони?'

ჭამსუ? tamsu? 'кушает ли он?'

აქსუ? aqsu? 'имеет ли он?'

Такое образование «вопросительной формы» связывается с мегрельским о.²

5. Удостоверяем также: а) «утвердительные формы» ქე qe, დასტურ dastur [ср. мегр. dasuro] б) «форму удивления» ბეზა beḑa [$\leftarrow$ bedshavi] (характерно для речи женщин), с) «форму обращения» ბოშო boḡo! (ср. мегр. ბაშო boḡi 'дитя').

¹ Нет ли тут влияния мегрельского языка? Но такое же образование имеем даже в ферейданском. Ср. А. Чикобава, ფერეიდანის მთავარი თავისებურებანი (= Главные особенности ферейданского говора). Bulletin de l'Univ. de Tiflis, VII.

² И. Кипшидзе. Ук. соч., стр. 092

К. ДОНДУА

Категория инклюзива-эксклюзива в сванском и ее следы в древнегрузинском

§ 1. Грамматическая категория инклюзива и эксклюзива принадлежит к числу тех форм языка, которые более или менее адекватно выражают способ восприятия действительности, обусловленный, разумеется, соответствующим развитием хозяйства и общества. Отсюда, между прочим, и живой интерес, проявляемый к данной грамматической категории со стороны социологов в широком смысле слова, в частности со стороны специалистов-этнографов. Так, аргентинский этнограф и языковед Lafone Quevedo (Boletino del Instituto Geográfico de Argentina, XVI, 1895, S. 57) пытается происхождение этих дифференцированных форм множественного числа связать с различием двух социальных слоев внутри одного племени: господствующих и подчиненных, победителей и побежденных; именно, он допускает возможность объяснения эксклюзива как выражения гордости победителя (мы = я || мы и он || они), в отличие от инклюзива, которым, следовательно, должен был выражать мн. число побежденный или угнетенный (мы = я || мы и ты || вы): «El exclusivo sea de arrogancia ergo del conquistador, el otro queda para el conquistado o depreciado».¹

Фактическую справку против этой слишком упрощенной теории Lafone Quevedo выдвигает W. Schmidt.

Он указывает на отсутствие категории инклюзива-эксклюзива в языке скотоводов-номадов, которые, после победы над земледельческими и охотничьими племенами, занимали по отношению к ним положение аристократов и династов.²

¹ Цит. по работе W. Schmidt'a «Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde», Heidelberg, 1926, S. 333.

² Diese Erklärung (т. е. объяснение Quevedo) kann jedenfalls keine durchgängige sein, denn sie fehlt gerade bei den Viehzüchternomaden, die nach der Eroberung und Besiegung der Ackerbauer und höheren Jäger sich über diese setzten als Aristokraten und Dynasten». W. Schmidt, op. cit., ibid.

Неприемлемым является объяснение Lafone Quevedo также и в применении к первобытным культурам, в которых вообще отсутствует социальная и политическая дифференциация.¹

Свое отношение к объяснению аргентинского ученого W. Schmidt выражает и в положительной форме; он допускает, что категория инклюзива-эксклюзива могла зародиться в эпоху материнского права, когда общество было разделено на два брачных класса и когда один из этих классов считал себя выше и знатнее другого.²

Еще конкретнее высказывается автор о значении инклюзива и эксклюзива в первобытных языках, именно о связи этой грамматической категории с институтом экзогамии.³

С большей или меньшей вероятностью мы могли бы сказать вообще, что инклюзив и эксклюзив первоначально должны были выражать особое понимание взаимоотношений между отдельными, замкнутыми в тех или иных пределах, коллективами, построенными на определенных хозяйственных и правовых началах. Но установить более конкретно условия возникновения инклюзивно-эксклюзивных форм коммуникации в настоящее время не представляется возможным, именно потому, что соответствующие материалы (речь идет не только о языковых материалах) еще не в достаточной мере хорошо изучены. В высказываниях же Lafone Quevedo и W. Schmidt'a мы хотели обратить внимание читателя лишь на самую попытку осмысления интересующей нас грамматической категории с точки зрения истории развития общества.

В решении вопроса не последнее место должны занять данные кавказских языков, далеко не полностью представленные в наличной литературе.

§ 2. Общее представление о типе инклюзива и эксклюзива в кавказских языках можно получить по работе A. Dirr'a: *Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen* (Leipzig, 1930). Более или менее точные, хотя и неполные, сведения находим также в ряде старых работ. Так, в известном труде Fr. Müller'a «Grundriss der Sprachwissenschaft» (III, 2,

¹ «Sie (scil.: diese Erklärung) passt jedenfalls auch nicht für die Urkulturen, in denen dieser soziale und politische Unterschied überhaupt fehlt» (цит. соч., стр. 333—334).

² «Sie könnte aber (продолжает автор) bei demjenigen älteren Mutterrecht, wo der Stamm in zwei Heiratsklassen geteilt ist, und eine derselben sich höher stellt und vornehmer dünkt, als die andere» (цит. соч., стр. 334).

³ «In dem Sprachenkreise der Ursprachen, in dem sie (die Bildung des Inklusiv-Exklusiv) entstand, mag sie mit der lokalen Exogamie in Zusammenhang stehen, die bei diesen Stämmen herrscht, infolge deren die Frauen immer von auswärts, aus einem fremden Stamm geholt werden müssen. Das exklusive «wir» würde dann zuerst die eigenen Stammesangehörigen, das inklusive «wir» dazu auch noch die im eigenen Stamme lebenden Fremden, die eigenen Frauen, umfasst haben» (там же, стр. 505—506).

Wien, 1887) приводятся данные об инклюзиве и эксклюзиве в аварском, чеченском (вместе с цова-тушинским) и сванском. W. Schmidt, знакомый с этим трудом, повидимому решил, что кавказские материалы в книге Fr. Müller'a представлены с исчерпывающей полнотой. Поэтому он пишет, что из кавказских языков инклюзив-эксклюзив «налицо лишь в двух северокавказских языках, в аварском и чеченском, и в одном южнокавказском, именно в сванском» (цит. соч., 329).

Между тем, район распространения инклюзивно-эксклюзивных форм мн. числа в кавказских языках значительно шире, как об этом можно судить хотя бы по тем справочным материалам, которые собраны у Дирра.

Обычно инклюзив-эксклюзив в кавказских языках налицо в местоимениях: личном, возвратном и притяжательном. Приведем примеры из ингушского:

І. Личная форма

инкл. *væj* 'мы', т. е. 'я и ты', 'я и вы' («употребляется тогда, когда говорящие имеют в виду всех без исключения»¹), экскл. *tɬo* 'мы', т. е. 'я и он', 'я и они' («если дело идет о противополжении одних другим»²): *væj ɣalɣhaj də* 'мы (все) ингуши'; *tɬo ʒhæjɾæxoj də, ʃu fäppi də* 'мы джераховцы, а вы кистины'; *tɬo ɣhorgdəc ʃucæ* 'мы не пойдем с вами'; *tɬogæx̣ dulae* 'приходите к нам'; *oxæ ännæd ʃugæ* 'мы сказали вам'.³

ІІ. Возвратная форма

инкл. *voaʃ: væj voaʃ* 'мы (т. е. я и ты, я и вы) сами'; экскл. *tɬoaʃ: tɬo tɬoaʃ* 'мы (т. е. я и он, я и они) сами'.⁴

ІІІ. Притяжательная форма

инкл. *væj* (Род. пад. от инкл. *væj* 'мы') 'наш' (т. е. мой и твой, мой и ваш); экскл. *tɬu* (род. пад. от экскл. *tɬo* 'мы') 'наш' (т. е. мой и его, мой и их).⁵

§ 3. Из кавказских языков сванский необычайно ярко и действительно дифференцирует инклюзив и эксклюзив также в глаголах, причем одни диалекты (верхнесванские) сохранили эту категорию и в субъектных, и в объектных формах спряжения, другие (нижнесванские) только лишь в глаголах субъектного спряжения.

¹ Э. К. Мальсагов. Ингушская грамматика. Владикавказ, 1925, стр. 53.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., стр. 54.

Примеры инклюзива-эксклюзива в сванском:

I. В местоимении (только в притяжательном)

инкл. ႱႱ- ႱႱႱႱႱႱ 'наш' (= мой и твой, мой и ваш)

экскл. Ⴑ-ႱႱႱႱႱႱ 'наш' (= мой и его, мой и их).

II. В глаголах

А) Субъектного спряжения

Инкл. (я и ты || я и вы)

Экскл. (я и он || я и они)

Ⴑ- ႱႱႱ 'есмы'

ႱႱ- ႱႱႱ

Ⴑ- ႱႱႱႱႱ 'готовим'

ႱႱ- ႱႱႱႱႱ

Ⴑ- ႱႱႱႱ 'привязываем'

ႱႱ- ႱႱႱႱ

Ⴑ- ႱႱႱႱ 'берем'

ႱႱ- ႱႱႱႱ

Ⴑ- ႱႱႱႱႱ 'зовем его'

ႱႱ- ႱႱႱႱႱ

Ⴑ- ႱႱႱႱ 'едим', 'кушаем'

ႱႱ- ႱႱႱႱ

Ⴑ- ႱႱႱႱႱ 'плачем'

ႱႱ- ႱႱႱႱႱ и т. п.

В) Объектного спряжения

Инкл. (я и ты || я и вы)

Экскл. (я и он || я и они)

ႱႱ- ႱႱႱ 'хотим'

Ⴑ- ႱႱႱ

ႱႱ- ႱႱႱႱ 'любим'

Ⴑ- ႱႱႱႱ

ႱႱ- ႱႱႱႱ 'пить хочется нам'

Ⴑ- ႱႱႱႱ

ႱႱ- ႱႱႱႱ 'знаем'

Ⴑ- ႱႱႱႱ

ႱႱ- ႱႱႱႱ/Ⴑ (←*ႱႱ- ႱႱႱႱ/Ⴑ) 'имеем'; 'есть у нас'

Ⴑ- ႱႱႱႱ/Ⴑ

ႱႱ- ႱႱႱႱႱ 'будем иметь', 'будет у нас'

Ⴑ- ႱႱႱႱႱ

Ⴑ- ႱႱ- ႱႱ 'мы положили' (заочн. I)

Ⴑ- Ⴑ- ႱႱ

Ⴑ- ႱႱ- ႱႱႱ 'мы посеяли' (заочн. II)

Ⴑ- Ⴑ- ႱႱႱ и т. п.

Таким образом инклюзивным префиксом в глаголах субъектного спряжения является Ⴑ- I-, в глаголах объектного спряжения — ႱႱ- gw-; эксклюзивным префиксом в глаголах субъектного спряжения является ႱႱ- hw-, в глаголах объектного спряжения — Ⴑ- n-.

Неоднократно ставился вопрос о генезисе этих префиксов и об их взаимоотношениях. Обращено уже внимание на тот бесспорный, повидимому, факт, что эксклюзивный объектный префикс Ⴑ- n- одного происхождения

с личным местоимением б̂э п̂әу 'мы',¹ что в свою очередь обуславливает форму притяжательного местоимения б̂э̂з̂з̂ (э) 'наш'.²

Более спорным представляется мнение, по которому инклюзивный субъектный префикс Ɂ-1- и эксклюзивный объектный префикс б-п- являются всего лишь фонетическими вариантами одного и того же морфологического явления:³ дело в том, что в отношении функций эти префиксы представляют диаметрально противоположность.

Совершенно естественно было поставить вопрос и относительно генезиса другой пары префиксов: б̂з̂-х̂w- и з̂з̂-г̂w-. Исходя из того, что грамматическое 1-е лицо мн. числа 'мы' не есть, в сущности говоря, 1-е лицо в том самом смысле, как 'я', что 'мы' не есть множественное число личного местоимения 'я', а заключает в себе одновременно с понятием первого лица понятия то второго, то третьего лица (откуда и формальное различие инклюзива и эксклюзива),⁴ исследователи стали рассматривать б̂з̂-х̂w- и з̂з̂-г̂w-, как составные префиксы.

Г. Шухардт предполагал, что сванск. б̂з̂-х̂w- состоит из субъектного префикса 1-го л. з̂-w- и объектного префикса 3-го л. б̂-х̂-, иначе: б̂з̂-х̂w- он возводил к *з̂-б̂- *w-х̂-.⁵ Но при таком толковании б̂з̂-х̂w- никакими аналогиями и случайностями нельзя было бы объяснить тот факт, что этот же самый префикс налицо и в ед. числе. В самом деле, мы имеем не только б̂з̂-э̂о-э̂ 'мы есть', 'есмы', но также б̂з̂-э̂о 'я есть', 'есмы'; не только б̂з̂-э̂з̂з̂ 'привязываем', но также б̂з̂-э̂з̂з̂ 'привязываю'; не только б̂з̂-э̂з̂з̂-э̂ 'готовим'; но и б̂з̂-э̂з̂з̂ 'готовлю' и т. д. во всех случаях без исключения. В этом отношении сванский префикс б̂з̂-х̂w- вполне соответствует субъектному префиксу 1-го л. в грузинском и мегрело-чанском языках: и тут

¹ Н. Марр. Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей и т. д. (ЗВО, т. XXII, Пгр., 1915, стр. 53): «Самостоятельно, в значении *мы* сванский пользуется тою же, как в глаголах, основой в виде *п̂ә*». См. также: G. Deeters. Das kharthwelische Verbum, Lpz., 1930, S. 43 и з. ოპუჯრას (В. Топуриа), ზებზენ ჯბა, I, 335-336, 1931, 27, 1.

² Н. Марр. Ibid. Правильный анализ притяжательных местоимений дает В. Топуриа. Цит. соч., ibid.

³ «Во множественном числе сванский располагает еще для местоимения 1-го лица корнем *п*, что появляется в 1-м лице мн. ч. ... сванского спряжения, преимущественно (следовало бы сказать «исключительно». К. Д.) в качестве объективного местоименного префикса»... (опуская некоторые неточности. К. Д.). «Тот же корень в виде позднейшего его заместителя *l* (< *п*) есть обычный префикс 1-го лица мн. ч. («ед. ч.» — опечатка; см. Указатель, стр. 104, ст. 2-й, 1. 1-) и в субъективном строе» (Н. Марр, цит. соч., стр. 53 и первое к ней примечание).

⁴ Otto Jespersen. The System of Grammar. Linguistica. Selected papers. Copenhagen — London, 1933, p. 328. — W. Schmidt, op. cit., S. 333. — L. Bloomfield. Language, New York [1933], p. 255—256.

⁵ H. Schuchardt. Über den passiven Charakter des Transits in den kaukasischen Sprachen. Wien, 1895, S. 48. Cp. Fr. Müller, op. cit., стр. 200, прим. 1.

там субъектный префикс 1-го л. является общим как для единственного, так и для множественного чисел.

При решении вопросов генетического порядка важнейшее значение имеет выяснение того, в какой мере действительным является генетически устанавливаемый отдельный факт, как ингредиент сложного целого. В области грамматики анализ генетического порядка только в том случае может дать положительные результаты, если он более или менее точно указывает место искомого лингвистического явления в языке, конкретно — в той или иной грамматической категории данного языка. В нашем случае, именно при анализе сванского префикса $\text{b}^{\text{h}}\text{-xw-}$, вполне законным представляется предположение, что $-\text{h}^{\text{h}}\text{-w-}$ данного префикса генетически совпадает с самостоятельным существующим в грузинском языке субъектным префиксом 1-го л. z- v- (возможно также с его фонетическим вариантом в глаголах объектного строя z- m-), ибо этот элемент несомненно обнаруживает свою морфологическую природу, выступая в качестве компонента анализируемого субъектного префикса 1-го л.

Но не так обстоит дело с другим компонентом данного префикса, именно с b- x- . Его мы имеем в качестве самостоятельного префикса во 2-м лице в сванском же языке, и, следовательно, не было бы формальных препятствий рассматривать префикс $\text{b}^{\text{h}}\text{-xw-}$, как состоящий из субъектного префикса 2-го л. b- x- и субъектного префикса 1-го л. $-\text{h}^{\text{h}}\text{-w-}$.¹

И если, тем не менее, приходится отказаться от такого формального анализа, так это потому, что b- x- в префиксе $\text{b}^{\text{h}}\text{-xw-}$ лишен реальной функции субъектного префикса 2-го л., ибо по смыслу своему эксклюзивный субъектный префикс должен заключать в себе понятия 1-го и 3-го (а не 2-го) лиц (ср. $\text{z. } \text{მომზადის}$, *ibid.*). Но есть препятствие и другого порядка, именно: при таком анализе эксклюзивного префикса точно так же никакими аналогиями и случайностями нельзя было бы объяснить тот факт, что этот же самый префикс налицо и в ед. числе (см. выше, стр. 139).

В частности, вопрос об аналогии абсолютно отпадает, когда речь идет о b- x- , как компоненте префикса $\text{b}^{\text{h}}\text{-xw-}$. Некоторых исследователей смущает то обстоятельство, что, в отличие от грузинского и мегрело-чанского языков, сванский субъектный префикс 1-го л. имеет сложное образование, т. е. что он включает в себе элемент, общий с субъектным префиксом 2-го л. b- x- (в мегрельском и чанском 2-е л. субъекта не имеет вовсе префиксального выражения). Поэтому, считая грузинский (собственно древнегрузинский) язык наиболее точным выражением

¹ $\text{z. } \text{მომზადის}$, *op. cit.*, 29.

древнейшего морфологического состояния всей группы картвельских языков, находят возможным объяснить наличие *б- х-* в сванском префиксе 1-го л. *б̂ḡ- хw-* влиянием аналогии; именно, данную составную часть субъектного префикса 1-го л. они считают возникшей по аналогии со вторым лицом¹ (ср. *б̂ḡ-ḡḡḡ х-w-aḡ* 'я есть', 'есмь', *б̂-ḡḡḡ х-aḡ* 'ты есть', 'еси'). Между тем, не говоря об общей принципиальной несостоятельности теории «анalogии», во всяком случае, в применении к существенным («ведущим») сторонам морфологии данного определенного языка, анализ сванского префикса *б̂ḡ- хw-* методом аналогии представляется ошибочным и по соображениям более конкретного характера: 1) префикс *б̂ḡ- хw-* является единственным префиксом 1-го л. во всех глаголах субъектного строя с начальным гласным в основе (в основах с начальным согласным мы имеем *-ḡ- ← б̂ḡ- [← *ḡḡ-]*²), — поэтому есть основание утверждать, что эта единственная и весьма стойкая форма префикса сложилась не по аналогии, что обе ее составные части несомненно являются «первичными», а каждая из них имеет значение определенного форманта; 2) но если компонент *б̂- х-* в префиксе *б̂ḡ- хw-* является «первичным», а префикс *б̂ḡ- хw-*, в свою очередь, выражает лишь одно лицо как в единственном (*б̂ḡ-ḡḡḡ* 'я есть', 'есмь'), так и во мн. числе (*б̂ḡ-ḡḡḡ-ḡ* 'мы есть', 'есмы', где категория множественности выражена суффиксом *-ḡ -d*), то есть основание полагать, что компонент *б̂- х-* в этом префиксе вообще не префикс лица (второго или третьего), а имеет какое-то особое морфологическое назначение, которое и подлежит выяснению прежде всего на материалах сванского и родственных с ним языков; 3) этот еще не разъясненный формант *б̂- х-* является, правда, общим для 1-го и 2-го лиц, но мы знаем вообще, что нередко (в картвельских же языках как правило) 1-е и 2-е лица морфологически противопоставляются 3-му, у них есть особенности, объединяющие их между собой и отличающие их от 3-го лица. Приведем некоторые из соответствующих примеров: а) 1-е и 2-е лл. личных местоимений, в отличие от 3-го лица (собственно, от указательного местоимения), не изменяются в падежах; б) суффикс мн. числа является общим в 1-м и во 2-м лицах (так, в грузинском — *ḡ*, в сванском — *-ḡ*); с) один и тот же префикс направления выражает движение как в сторону 1-го, так и в сторону 2-го лица; д) для выраже-

¹ О связи *б̂ḡ-* с *б̂-* см. также А. Шанидзе. უძლუტი სვანურში. არილი. ტფ. 1925, გვ. 182, უბ. 1 («მეორე პირის სუბ. პრეფიქსი პირველ სუბიექტურ პირშია გადასული ანალოგიის წყალობით»).

² Нам кажется вполне обоснованным положение проф. А. Шанидзе, гласящее, что первичным видом объектного префикса 3-го л. и субъектного префикса 2-го л. в сванском является *ḡ h* (А. Шанидзе. უძლუტი სვანურში, ibid. См. также ვ. თაფურია, op. cit., გვ. 6—7).

ния наличного в глаголе прямого дополнения 1-е и 2-е лл., в отличие от 3-го, всегда неизменно снабжены соответствующими объектными префиксами, причем не только в презентной, но и в аористной группе времен (ср. 1-е л. მ-კლა *m-kla* 'убил меня', 2-е л. გ-კლა *g-kla* 'убил тебя', 3-е л. კლა *kla* 'убил его') и т. д. Поэтому наличие общего морфологического элемента в первых двух лицах само по себе еще вовсе не говорит в пользу какой бы то ни было аналогии; напротив, такая общность формального порядка, можно сказать, постулируется¹ тем обстоятельством, что 1-е и 2-е лица (представляющие всегда и прежде всего социально-активные существа) являются лицами в настоящем смысле слова, общающимися между собой и противопоставляющими самих себя и друг друга остальному миру, третьим «лицам». Вот, следовательно, как можно было бы отвести все возражения против первичности компонента *ბ-х-* в сванском префиксе *ბჟ-ხვ-*, опирающиеся на тот факт, что данный компонент выступает в качестве префикса также и во 2-м лице.

В духе крайнего филологизма решает вопрос G. Deeters, автор обстоятельной работы о картвельском глаголе. Из самого сванского не видно, говорит он, что форма *ხვ-* не исконна, но так как в древнейшем грузинском в качестве префикса 1-го л. имеем только *ვ-*, то скорее можно принять, что сванск. *ხვ-* форма позднего происхождения (*Neuerung*). Вот его слова: «... aus dem Swanischen selbst lässt es sich somit nicht nachweisen, dass die Form *xw-* nicht ursprünglich ist; da aber das vorklassische Georgische nur *v-* hat, wird man es trotzdem gern als *Neuerung* deuten wollen.»² Но при таком решении вопроса мы не видим серьезного основания, почему сванскому субъектному префиксу следует непременно равняться по субъектному префиксу хотя бы даже древнейшего грузинского языка, чтобы за ним признать право на изначальность. Правда, сванский язык, как и мегрело-чанский, не представлен на пергаменте, но это не мешает ни ему, ни мегрельскому с чанским сохранить древнейшие черты, некогда, возможно, общие всем представителям данной группы, но не нашедшие вовсе выражения в письменном грузинском языке. Субъектный эксклюзивный префикс является в такой мере постоянной и прочной нормой для сванского языка, что наличие в нем компонента *ბ-х-* если и вызывает какой-либо спор, так это относительно точного морфологического его значения, именно, относительно субъектности префикса *ბ-х-* во 2-м лице, поскольку последний, являясь составной частью сложного префикса 1-го лица, не делает его тем самым двусубъектным (см. выше). Но вопрос этот требует специального

¹ Имеем в виду конкретную систему языков на определенной ступени развития.

² G. Deeters. *Op. cit.*, S. 26.

обсуждения, ибо в связи с ним встают другие столь же серьезные вопросы, касающиеся некоторых существенных моментов префиксации вообще так наз. картвельского глагола. При специальном обсуждении необходимо будет учесть следующие факты: а) внешнее тождество префикса субъектного спряжения во 2-м лице¹ с объектным префиксом 3-го л.; б) сильное колебание в употреблении этих префиксов в древнегрузинском; в) сильное колебание в употреблении префикса субъектного спряжения во 2-м л. в говорах грузинского языка, д) полное отсутствие этого префикса во многих говорах грузинского; е) сохранение префикса субъектного спряжения во 2-м л. (b- x-) абсолютно во всех говорах грузинского языка в глаголах 'быть' (b-s⁶ x-ag) и 'ходить' (b-³s⁶ x-wal); ф) полное отсутствие в мегрельском и чанском префиксации во 2-м лице в глаголах субъектного спряжения; г) наличие в мегрельском языке в 1-м и 2-м лицах субъектного спряжения особого суффикса (-j -q), который без достаточного основания рассматривается как «перемещенный грузинский префикс 2-го лица b || ³, в мингрельском ставший и суффиксом 1-го лица по аналогии с 2-м лицом».²

§ 4. Переходя к инклюзивному объектному префиксу в сванском (ǰǰ- gw-), необходимо заметить, что он полностью совпадает с одним из объектных префиксов 1-го л. мн. числа в древнегрузинском, именно с ǰǰ- gu-, resp. ǰǰ- gw-. Данный объектный префикс является общим для обоих языков, и нет основания думать, что он проник в сванский из грузинского.³ По внешнему своему виду инклюзивный объектный префикс ǰǰ- gw- напоминает эксклюзивный субъектный префикс bǰ- xw-: он также двуфонемный, причем общим для обоих этих префиксов является -ǰ- -w-, представляющий собой, возможно, фонетический вариант объектного префикса 1-го л. ед. числа ǰ- m- (см. выше). Поэтому, можно было бы допустить, что сванский объектный префикс ǰǰ- gw- составной, т. е. включает в себе объектный префикс 2-го л. ǰ- g- (его действительно мы имеем в объектных спряжениях) и объектный префикс 1-го л. -ǰ- -w- (если согласиться с тем, что -ǰ- -w- здесь и в самом деле является фонетическим вариантом объектного префикса 1-го л. ǰ- m-).⁴ Правда, при таком допущении мы не находим

¹ Мы намеренно не называем его здесь субъектным префиксом 2-го л.

² И. Кипишидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1914, стр. 056. Аналогичное с мегрельским, хотя не столь резко выраженное, явление имеется и в чанском языке.

³ Подробнее см. ǰ. ო ო ო ო ო ო. Op. cit., ǰǰ. 26—27. Обращает на себя внимание осторожность, с какой автор цитируемой нами содержательной монографии о сванском глаголе исследует соответствующие языковые факты в порядке постановки вопросов генезиса сванских инклюзивных и эксклюзивных префиксов.

⁴ ǰ. ო ო ო ო ო ო. Ibid.

полной параллели между субъектным и объектным спряжением (а такая параллель в аналогичных случаях всегда внушает большую уверенность в правильности общих выводов), ибо нельзя, например, сказать, что субъектный инклюзивный префикс æ- 1- так относится к субъектному префиксу 1-го л. ед. числа $\text{b}^{\text{h}}\text{-}$ xw- , как инклюзивный объектный префикс $\text{ɔ}^{\text{h}}\text{-}$ gw- относится к объектному преф. 1-го л. ед. числа ɔ- m- (против такой формулы имеется препятствие морфологического порядка, о чем см. выше) и т. п.

С другой стороны, в связи с вопросом о составном характере сванских инклюзивных и эксклюзивных префиксов можно было бы выдвинуть следующее общее положение: необязательно, чтобы понятия инклюзивности и эксклюзивности имели свое полное морфологическое выражение в языке, т. е. чтобы инклюзивные и эксклюзивные префиксы были всегда составными, заключающими в себе соответствующие морфологические показатели для 1-го и 2-го лл. (в инклюзиве) или для 1-го и 3-го лл. (в эксклюзиве). Говоря так, мы исходим из того предположения, что инклюзивные или эксклюзивные показатели, до того, как им стать морфологическими частицами в строгом смысле слова, выражали определенные социальные отношения и, следовательно, выполняли прежде всего функции классификаторов *suī generis*. Во всяком случае, наличные формы инклюзива и эксклюзива в некоторых языках в общем как будто поддерживают это положение. Так, в алгонкинских языках инклюзив и эксклюзив в личных местоимениях представлены в следующем виде:

kenah 'ты' — kəpaʔ 'мы' (инкл.)

penah 'я' — pəpaʔ 'мы' (экскл.).

Таким образом, «начальный элемент *ke-* появляется в тех формах, которые включают слушателя; если же слушатель не включен, тогда не указывает на говорящего».¹ Следовательно, ни *kəpaʔ*, ни *pəpaʔ* не являются сами по себе двусубъектными (resp. двуобъектными) формами; в каждой из них мы имеем по одному лицу и, в частности, форму *kəpaʔ*, означающую 'я и он', resp. 'я и они', в сущности следовало бы перевести, как 'много я', 'я во множестве'. В качестве опять-таки поясняющего материала мы могли бы привести соответствующие факты также из некоторых хамитических языков. Так, в языке Somali имеем следующие местоимения 1-го и 2-го лиц:

āna 'я', ānna-a 'мы' (экскл.), inn-a 'мы' (инкл.);

āda (ādi) 'ты', āydin (ādin) 'вы'.

¹ L. Bloomfield. Op. cit., p. 256.

По словам Meinhof'a, *adi* 'ты' и *adin* 'вы' указывают на то, что мн. число здесь образуется при помощи -п. Таким образом, — заключает Meinhof, — *appa* 'мы', повидимому, не что иное, как форма, полученная из **an-in-a*, что значит 'я во множественном числе', 'я и мои люди'; что же касается формы *inna*, она, напротив, является составной, именно, она получена из **adin-an* 'вы и я'.¹ В некоторых языках то же явление налицо и в глаголах, где префигируются формы, аналогичные личным местоимениям (так, напр., в языке Ful, Nama и др.).

Эти и аналогичные им примеры, с другой стороны, опять-таки говорят в пользу того конкретного положения, по которому в сванских формах инклюзива и эксклюзива не следует искать всегда и непременно составных префиксов. Заметим еще, что инклюзивный объектный префикс *gu-* налицо также в приглагольном местоимении: ᄁᄡ-ᄁᄡᄡᄡᄡ 'наш' (т. е. 'мой и твой', 'мой и ваш'; ср. ᄁᄡᄡᄡᄡ 'мой и его', 'мой и их'), — явление неизвестное в других картвельских языках. Подобно тому как ᄁᄡᄡᄡᄡ является производной формой от ᄁᄡ *päy* (см. выше), для ᄁᄡ-ᄁᄡᄡᄡᄡ мы бы ожидали форму * ᄁᄡᄡᄡᄡ **gwäy*, вторую (инклюзивную) форму мн. числа без формальных признаков двусубъектности, resp. двубъектности. Во всяком случае, факт префигирования в сванских глаголах форм, аналогичных в одном случае форме личного местоимения (ᄁᄡ : *ᄁ- p-*), в другом случае — форме приглагольного местоимения (ᄁᄡ-ᄁᄡᄡᄡᄡ : *ᄁᄡ-gu-*), представит значительный интерес при разработке всей суммы вопросов, связанных с категорией инклюзива-эксклюзива в картвельской группе языков.

§ 5. В отличие от живого литературного грузинского языка, в древне-грузинском несомненно сохранились некоторые следы морфологического различения инклюзива и эксклюзива.² Однако различение это налицо лишь в глаголе, притом в части одного только объектного спряжения. В древне-грузинском языке, как известно, у этой части глаголов аффигирующие элементы являются общими для единственного и множественного чисел.

¹ C. Meinhof. Die Sprachen der Hamiten. Hamburg, 1912, SS. 176, 177.

² Что касается живого литературного грузинского языка, равно мегрельского и чанского, то в настоящее время лишь с большой натяжкой можно было бы говорить о наличии в них даже столь бледного отражения функций этой грамматической категории, какое находим, напр., в английском, французском и других языках. Имею в виду случаи, приводимые Jespersen'ом: *let us go* значит 'set us free', 'permettez-nous d'aller' (в значении, следовательно, эксклюзива), но при произношении *let us* в виде *let's* (т. е., без гласного *u*) выражение *let's go* приобретает уже значение побуждения к общему, совместному действию: 'allons-nous-en', 'gehen wir' (т. е. значение инклюзива). Неясный (dubious) «личный» характер «*we*» (мы), — по словам Jespersen'a, — находит отражение в колебании значений между «*most of us lost our heads*» и «*lost their heads*» (Otto Jespersen. Linguistica, p. 32s). О таком же слабом отражении функций инклюзива и эксклюзива говорят случаи вроде французского «*nous-autres*» и др.

Исключение составляет 1-е лицо, которое во мн. числе имеет два разных префикса: ∂ - m- (как в ед. числе) и $\partial\eta$ - gu-, resp. $\partial\hat{\eta}$ - gw:

Глагол $\partial\text{ɔ}\eta\text{ɔ}^{\text{b}}$ maqus 'есть у меня'

Ед. число.

Мн. число.

1 л. $\partial\text{ɔ}\eta\text{ɔ}^{\text{b}}$	m-aqu-s	$\partial\text{ɔ}\eta\text{ɔ}^{\text{b}}$	m-aqu-s, resp. $\partial\eta\text{ɔ}\eta\text{ɔ}^{\text{b}}$ gu-aqu-s
2 л. $\partial\text{ɔ}\eta\text{ɔ}^{\text{b}}$	g-aqu-s	$\partial\text{ɔ}\eta\text{ɔ}^{\text{b}}$	g-aqu-s
3 л. $\text{ɔ}^{\text{b}}\text{ɔ}\eta\text{ɔ}^{\text{b}}$	$\text{ɔ}^{\text{b}}\text{ɔ}\eta\text{ɔ}^{\text{b}}$	$\text{ɔ}^{\text{b}}\text{ɔ}\eta\text{ɔ}^{\text{b}}$	$\text{ɔ}^{\text{b}}\text{ɔ}\eta\text{ɔ}^{\text{b}}$

Второй из префиксов, именно $\partial\eta$ - gu- встречаем довольно часто еще в сравнительно более древних текстах. Что же касается текстов позднего происхождения, то в них префикс $\partial\eta$ - gu- занимает господствующее положение. Это обстоятельство давало основание утверждать, что объектный префикс 1-го л. мн. числа ∂ - m- является вообще более древней формой объектного префикса в грузинском, чем $\partial\eta$ - gu-. Последнюю форму Н. Я. Марр называл «вульгарным эквивалентом» префикса m-.¹ Во французской редакции своей грамматики древнелитературного грузинского языка он лишь констатирует тот факт, что разница между объектными префиксами единственного и множественного чисел выступает только в первом лице, где рядом с m- имеем также gu.² Говоря о взаимоотношениях между этими двумя видами объектных префиксов, проф. А. Шанидзе указывает, что в ранних памятниках грузинской письменности чаще всего встречается лишь один вид объектного префикса, именно m-.³ Уместно будет заметить, что обилие примеров с m- в тех или иных памятниках или, напротив, сравнительная их скудость зависит, главным образом, от характера (содержания) этих памятников, почему количественная разница в употреблении означенных префиксов может носить совершенно случайный характер.

Так или иначе, наличие двух форм объектного префикса 1-го л. в древнегрузинском уже само по себе могло навести и на другое понимание этого явления, именно, мог возникнуть вопрос о следах инклюзива-эксклюзива в древнегрузинском. Несколько лет тому назад мы тоже имели случай мельком коснуться этого вопроса.⁴ Поводом послужило слово ქეპეუზბნ из «Жития Григория Хандзтийского», которое Р. Peeters неправильно

¹ Н. Марр. Деяния трех святых близнецов мучеников Спевсипа, Еласипа и Меласипа (Зап. Вост. отд. Русского археол. общества, т. XVII, вып. 2, 3, стр. 295).

² N. Marr et M. Brière. La langue géorgienne. Paris, 1931, pp. 114, 159.

³ ა. შანიძე, აღ. ზნაძე, ილ. აბულაძე. პველი ქართული ენა და ლიტერატურა (2-ე изд.), ტფილისი, 1935, გვ. 024.

⁴ На одном из заседаний семинария по армяно-грузинской филологии (в Ленинграде). См. памяти Н. Я. Марра

перевел 'me adduxit' вм. 'nos adduxit'.¹ С презумпцией в пользу толкования двух форм объектного префикса, как переживания инклюзивно-эксклюзивной категории в древнегрузинском, подходит к вопросу также G. Deeters, который по этому поводу пишет следующее: «Da das Altgeorgische zwei Formen für O₁ [= объектн. преф. 1-го л.]. besitzt, die in der Bedeutung allerdings nicht mehr unterschieden werden, so ist anzunehmen, dass die Scheidung zwischen inklusiven und exklusiven Präfixen alt ist und allein im Swanischen erhalten ist». ² На фоне сванских материалов особенно убедительными представляются доводы проф. В. Топуриа в пользу положения о переживаниях инклюзива и эксклюзива в древнегрузинском. Он совершенно правильно предполагает, что между *gu-* и *m-* в грузинском роли могли быть распределены так же, как в настоящее время они распределены между *gw-* и *n-* в сванском. ³ Но если *gw-*, resp. *gu-* является общим для обоих этих языков, зато префиксы *m-* (груз.) и *n-* (сванск.) имеют, повидимому, различные источники происхождения. Относительно префикса *ǰ-* *m-* еще проф. А. Цагарели писал, что он происходит от самостоятельного личного местоимения *ǰǰ* *me* 'я'; отсюда понятно, почему данный префикс (впрочем, как и остальные префиксы 1-го и 2-го лиц) покойный грузиновед называл «местоименным элементом». ⁴ Любопытно отметить, что объектный префикс *ǰ-* *m-* проф. А. Цагарели рассматривал как фонетический вариант субъектного префикса *ǰ-* *v-*. Вот его слова: «...*w* [= *v-*. К. Д.] и *m* суть мест. [местоименные элементы? К. Д.] 1-го л. и, без сомнения, они одного происхождения, хотя функции их различны». ⁵ В том же духе неоднократно высказывался и Н. Я. Марр. Особенно ясно формулирует он эту мысль во французской редакции «Грамматики грузинского языка», где субъектный и объектный префиксы *ǰ-* *v-* и *ǰ-* *m-* рассматриваются им как варианты одного и того же морфологического элемента; Н. Я. Марр думает даже, что префикс *ǰ-* *v-* вначале был наделен функцией объектной местоименной частицы (*ǰ-* *m-*). ⁶

Так или иначе, генетическая связь объектного префикса *ǰ-* *m-* с личным местоимением *ǰǰ* *me* 'я' кажется весьма вероятной. Необходимо иметь в виду, что как самостоятельное местоимение 1-го л. ед. числа, так

¹ К. Дондуа. Творение Мерчула в латинском переводе etc. Тексты и разыскания по кавказской филологии. Л., 1925, т. I, стр. 19.

² G. Deeters. Op. cit., SS. 27—28.

³ ვ. თოპური. Op. cit., 26.

⁴ А. Цагарели. О грамматической литературе грузинского языка. Критический очерк. СПб., 1873, стр. 95.

⁵ А. Цагарели. Ibid.

⁶ N. Marr et M. Brière. Op. cit., p. 134.

и соответствующий местоименный элемент (объектный префикс) являются общими для всей картвельской группы языков:

Местоим. 1-го л. Объектный преф.
1-го л.

Груз.	მე	{	მ- m-
Мегр.	მა		
Чанск.	მა		
Сванск.	მი		

Глагол объектного спряжения 'иметь'

Ед. число

Груз.	მ-აქუბ	{	'то есть у меня' (მ-, მ-), 'имею'
Мегр.	მ-აღუ		
Чанск.	მ-აღუბ		
Сванск.	მ-ჟღჟი		

Мн. число

Груз.	მ-აქუბ (resp. გუ-აქუბ)	{	'то есть у нас' (მ- მ-, გუ- გუ-, св. n- ნ, გუ- გუ-), 'имеем'.
Мегр.	მ-აღუბა 'ნ'		
Чанск.	მ-აღუბა		
[Сванск.	ნ-ჟღჟი (эскл.)		

გ-ჟღჟი ← *გჟ-ჟღჟი
(инкл.)]

Таким образом во всех языках рассматриваемой группы, за исключением сванского, объектный префикс მ- m- налицо также и во мн. числе. Это обстоятельство, а в особенности тот факт, что мегрельский и чанский языки в глаголах объектного строя имеют специальный суффикс для обозначения мн. числа (-აბ -an), делают спорным мнение, по которому древнегрузинский объектный префикс мн. числа является составным, двуобъектным, именно, заключающим в себе префиксы: объекта 3-го л. ჰ- h- и объекта 1-го л. მ- m- (მ- ← *hm-).¹

¹ Ср. ზ. თაყაიშვილი. Op. cit. გვ. 27. См. также выше, стр. 143.

При желании — в известной мере законном — видеть единообразие и в системе местоимений в картвельских языках, можно было бы допустить (с существенными оговорками), что сванское местоимение ნა ნაу (лашхск. ნა ნაу) имеет этимологическую связь с местоимением 1-го л. ед. числа მე mi, которое, с своей стороны, находится в этимологической связи с груз. მე მე, мегр. მა მა, чанск. მა მა, resp. მბ მაп. Дело в том, что сванское личное местоимение ნა ნაу есть основание возвести к *მბა *mпа. Нас в данном случае могли бы поддерживать: груз. диал. მბა შეპა, чанск. მბ მაп, двойник чанского же (и мегр.) მა მა [← *мапа? *мапо? Ср. ნბა სიო 'ты'; на ряду с обычным ნა ნა, resp. ნბ სიპ в этой форме данное местоимение зарегистрировано Н. Марром. См. «Грам-

Древнегрузинский и сванский языки с несомненностью свидетельствуют о том, что ზუ- gu-, гесп. ზუ- gw- является весьма древней формой префикса в этих языках, в такой же мере древней, как и сама категория инклюзива-эксклюзива в сванском. С течением времени, при ослаблении функции этой грамматической категории, последовавшем в связи с рождением новых форм восприятия действительности, префикс ზუ- gu- начинает все больше и больше вытеснять свою эксклюзивную разновидность и, наконец, становится единственным объектным префиксом мн. числа в современном грузинском с его говорами, равно в нижнесванских диалектах, испытывающих вообще сильное влияние грузинского языка.

Вполне возможно, что возобладанию данного префикса над ღ- m- способствовало желание дифференцировать формы единственного и множественного чисел. Во всяком случае, при выяснении причины такого безраздельного впоследствии господства преф. ზუ- gu- в указанных языках, не следовало бы упускать из виду, что в мегрельском и чанском в данном отношении имеем существенно иную картину: в них объектный префикс 1-го л. ღ- m- является общим и для единственного и для множественного чисел (см. стр. 147).

Дошедшие до нас древнегрузинские тексты говорят о том, что следы формального различия инклюзива и эксклюзива в нем не истерлись окончательно, но это уже не реально существующая грамматическая категория, имеющая значение в жизни и практике языка, а лишь слабые ее переживания. В частности, из этих текстов становится ясным, что инклюзивный некогда префикс ზუ- gu- уже взял на себя функции эксклюзивного некогда префикса ღ- m-. Приведем несколько примеров.

А. Инклюзивное значение ზუ- gu-

1. ზაღას ზუგმბ მარჰმბო? 'На что еще нам (= мне и вам) свидетели?' (Мр., XIV, 63).¹

2. უკუთუ ვთქუთ: «კაცთა ზბ», უკუთბობს ჯბობს 'если скажем: «от человек», то боимся (= я и вы) народа' (Мр., XI, 31).

матика чанского (лазского) языка», СПб., 1910, с. v. №], аналогичные образования 2-го лица и др. Опираясь на эти материалы, можно было бы предложить следующую, нуждающуюся в уточнении, формулу: ზა ← *ზაზა პაუ ← *თპაუ. Однако такая этимология встретила бы серьезные препятствия, -- и самое серьезное из них было бы отсутствие веских данных, говорящих в пользу реальной связи вообще между ზა პაუ — самостоятельным личным местоимением мнж. числа, и ზა პაუ, — частью восстанавливаемого личного местоимения ед. числа *ზაზა *თპაუ. Следовательно, вопрос требует более тщательного и углубленного изучения соответствующих языковых фактов.

¹ Примеры из евангельских текстов привожу по «Четвероевангелию в древнем грузинском переводе» (изд. Академии Наук, СПб., 1909).

3. უკუეთუ ვთქუათ: «ზეცით იუა», გუბქუას ჩუენ... 'если скажем: «с небес», то он скажет нам' (= мне и вам)... (Mr., XI, 30).

4. გარდამეკედინ აჲ ჯუარით, რა ვიხილოთ, და გუბქუენეს იგი 'пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели, и уверуем' (= я и вы) (Mr., XV, 32).

5. და იტყუადეს ურთი ერთას: «ვინ გარდაგზგორგოს ჩუენ ლოდი იგი?» 'И говорили друг другу: «Кто отвалит нам (= мне и вам) камень?»' (Mr., XVI, 3).

В. Эксклюзивное значение გუ- gu-

1. განგუშორე ჩუენ გან 'удались от нас' (= от меня и от них) (Плен. Иер., ლე 18).¹

2. ჩუენ უოვედინ შეგვწყადენ 'помилуй нас (= меня и их) всех' (ibid., 36, 31).

3. მოგუხედენ... ქმნული კელთა ჩუენთაჲ წარგუმართე 'воззри на нас (= на меня и на них)... делам рук наших (= моих и их) дай успех' (Gr. Хандзт., VII, 30—33).²

4. კსენებულ გუჟენით უფალი ჩემი გაბრიელ და მე, მკვეალი შენი, და შეიღნი ჩუენნი 'поминайте нас, (именно) господина моего Гавриила, меня, рабу твою, и наших детей' (ibid., IX, 19—21).

Однако чаще всего мы имеем колебания в употреблении данного префикса в значении эксклюзива. Так, в одном и том же пассаже из «Жития Григория Хандзтийского» встречаем одновременно и გუ- gu-, и მ- m- для выражения именно эксклюзивности:

1. დაღაცათუ არა გვხილავ კორცილად, ნუ დამოვიწყებ ჩუენ 'хотя ты не видишь нас [= меня и их (gu-!)] телесно, не забывай нас [= меня и их (m-)]' (Gr. Хандзт., LXXXII, 10—11).

2. სამცხეს რაჲ მოვიწიენით მახლობელად ადგილს მირეან აზნაურისას, ... გვხილნეს ჩუენ კაცთა მისთა... და მსწრაფელ ხოლო მოვიდა მირეან თვთ და მოგუკითხნა სიმდაბლით და წარგუგვანნა ტაძრად თვსად და განგვსუენნა კეთილად. და ვითარცა განთენს, შემოევანნა წინაშე მეუღლის თვსის... 'И когда мы (рассказывают Феодор и Христофор Григорию Хандзтийскому) в Самцхе приблизились к владениям азнаура Миреана, увидели нас [= меня и его (gu-!)] его люди..., он сам поспешно пришел к нам, приветствовал нас [= меня и его (gu-!)] и повел нас [= меня и его (gu-!)] в свой дворец, где предо-

¹ Антиох Стратиг. Пленение Иерусалима персами в 614 г. Изд. Н. Марра (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, IX).

² Георгий Мерчул. Житие Григория Хандзтийского. Изд. Н. Марра. (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, VII.).

ставил нам [=мне и ему (gu-!)] приятный отдых (=განგუგუნს). С рас-
светом Миреан повел нас [=меня и его (NB: m-)] к своей супруге...'
(Гр. Хандэт., XXIII, 3—7). В «Пленении Иерусалима» рядом с განგუგუნს
რეგ გან 'удались от нас' [=от меня и от них (gu-!), см. выше] или გუგუნობის
'знаем мы' [=я и они (gu-!)] имеем: ღმერთმა რეგ ღმერთისა და უმჯობეს
რეგს მეგს 'бог избрал нас [=меня и их (m-)] и сделал нас [=меня и их
(m-)] лучшими, чем ты' (ღე, 23—24).

Колебания имеем в разных списках одного и того же текста:

1. შიმავლინ რეგ ღორებს იმს 'пошли нас [=меня и их (m-)] в свиней'
(Mr., V, 12). В Адышском списке вместо შიმავლინ ჩიამ შიგუვლინ
(с გუ- gu- вм. მ- m-).

2. მოსე ესე დამწერა რეგ 'Моисей так написал нам' [=мне и им
(m-)] (Mr., XII, 19). В Адышском списке вместо დამწერა имеем დავწერა
(т. е. опять-таки с преф. გუ- gu- вм. მ- m-).

3. შემეწაღე რეგ 'помилуй нас' [=меня и их (m-)] (Mф., XX, 31).
В Адышском списке вместо შემეწაღე имеем გვწაღე (с преф. გუ- gu-!).
хотя там же (Mф., XX, 30) читаем მიწაღე (m-) и т. п.

Значительно последовательнее употребление объектного преф. მ- m-
с эксклюзивным значением. Функции его более ограничены. За весьма
редкими исключениями, данный префикс почти всегда выражает только
эксклюзивность:

1. შითხარ რეგ 'скажи нам' (Mr., XIII, 4).

2. ნუ დამივიწყებ რეგ, ... მომიკსენს სამწყსონი შენნი 'не забывай
нас, ... помяни нас, твою паству' (Гр. Хандэт., LXXVIII, 34—36).

3. არა შემეშინოს რეგ 'не убоимся мы' (=я и они) (ibid., VII, 1—2).

4. მაცხოვრებ რეგ 'спаси нас' (ibid., VII, 21).

5. შემაყენეს რეგ 'загнали нас' (=меня и их) (Плен. Иер., მე 4);
შამიყვანეს რეგ 'повели нас' (ibid., მე 30); შამცნეს რეგ 'дали (или: предо-
ставили) нам', (ibid., მე 32); შემთხინეს რეგ 'вогнали нас' (ibid.); წარმად-
გინეს რეგ 'представили нас' (ibid., მე 33—მე 34) и т. п.

Из редких отступлений от этой нормы можно указать на следующее:
და იგინი ხიტეოდეს ურთი ერთს: ანუ არა გულა რეგნი განგურვებულ ხეო-
რეგ შოვრის გრ იგი შეტეოდა რს გზას ზედა და ვრ იგი განგურვო-
რგ მანებდა 'и они сказали (букв. «говорили») друг другу: не горело ли
в нас сердце наше, когда он говорил нам [=შეტეოდა (=m!)] в пути и когда
он толковал нам (gu-) писание' (Лк., XXIV, 32).¹ В Адышском евангелии
вместо «შეტეოდა» имеем გუტეოდეს, т. е. префикс გუ- gu- с инклюзивным
значением.

¹ ა. შანიძე. ქართული სელნაწერები. გრცში. ცფილ. უნივ. მოამბე, IX, გვ. 334.

Сравнительно большая последовательность в употреблении объектного префикса *ǵ- m-* в древнегрузинских текстах — одно из косвенных доказательств существования грамматической категории инклюзива и эксклюзива в древнегрузинском языке.

Остается выяснить причины такого распределения сфер влияния между субъектными и объектными формами спряжения. Мы уже знаем, что сванский язык и в данном случае занимает особое положение: в верхнесванских говорах различие инклюзива и эксклюзива налицо как в субъектных, так и в объектных формах спряжения; в нижнесванских говорах инклюзив и эксклюзив различаются лишь в субъектном спряжении. И чтобы более или менее убедительно разрешить вопрос о сферах влияния, необходимо глубже изучить историю возникновения и развития самих этих важнейших форм спряжения, не ограничиваясь данными грузинского, мегрело-чанского и сванского языков.

Май 1936 г.

И. В. МЕГРЕЛИДЗЕ

Женские фамильные окончания в южнокавказских яфетических языках и фольклоре¹

I

Южнокавказские яфетические языки не знают категории грамматического рода. «Различие полов в грузинском (также мингрельском [мегрельском], чанском, сванском) осуществляется исключительно средствами лексики: разными словами обозначаются особо мужской, особо женский пол людей, гесп. животных».² Однако в грузинском литературном языке иногда встречается искусственная форма для выражения грамматического женского рода, именно женского пола людей. «Она заключается в том, что к основе слова, полной или усеченной, прибавляется гласный элемент (-а), долженствующий представлять собою родовое (женское) окончание».³

В связи с изучением лазского (чанского) и мегрельского языковых слоев в грузинском, в частности в его гурийском говоре,⁴ наше внимание обратил на себя тот факт, что западные говоры грузинского языка: ачарский, гурийский, имерский (в частности имерский хонского района) и языки: мегрельский, лазский (в последнем sporadически), в одном случае и сванский, пользуются для образования женских фамилий, в отличие от мужских, в определенных условиях частицами -*əbɔ* -*qɔ* и -*bɔ* -*qɔ*.

Эти фамильные окончания прибавляются только к девичьей фамилии женщин. В обиходной речи женщин зовут по девичьей фамилии. Замужних для придания оттенка особой вежливости называют по фамилии мужа; также пишут в деловых бумагах, да и то при этом часто отмечают сначала девичью фамилию, а затем уже ставят фами-

¹ Доложено на заседании Кавказского кабинета Института языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра АН СССР (ИЯМ) 19 III 1936 г.

² К. Д. Дондуа. Феминизирующий гласный в грузинском. — Язык и мышление; М.—Л., 1935, кн. III—IV, стр. 245.

³ Ibid., стр. 247.

⁴ И. В. Мегрелидзе. Лазский и мегрельский слои в гурийском. — Труды ИЯМ, кн. XII, серия Caucas., № 1, М.—Л., 1938, стр. 133—138.

лию мужа. Для примера возьмем фамилию დოღიძე Dohīde Долидзе. Мужчину так и называют — Долидзе; женщину тоже можно так называть, но обычно предпочитают к концу фамилии прибавить ასული asul-i или ქალიშვილი qal-i 'дочь' и сама фамилия ставится в родительном падеже. Получается Dohīd-is-asul-i или Dohīd-is-qal-i 'дочь Долидзе'. Допустим, что 'дочь Долидзе' является женой ბერიძე Berīde Беридзе, тогда ее называют Dohīd-is-asul-i-Berīde. В литературном грузинском слово asul-i или qal-i прибавляется чаще не к самой девичьей фамилии, а к отчеству. Девичья фамилия занимает первое место без изменения, а за ней следует фамилия мужа. Напр. — Анна Михайловна Долидзе (жена) Беридзе будет Ana Mīqel-is-asul-i Dohīde-Berīde 'Анна Михайловна Долидзе-Беридзе'.

В западных говорах грузинского языка отчество обычно не называют, и если назовут, напр. в гური́йском, то к отчеству прибавляют не asul-i или qal-i, а გოგო gogo или გოგონა/ი შიშ+აი/e 'дочь' resp. 'девочка': Mīqel+ais/es-gogo или Mīqel+ais/es-შიშ+აი/e 'Михайловна'.

В настоящее время чаще всего замужних женщин называют только по фамилии мужа, но выяснилось, что не так давно в тех районах, где иногда еще пользуются женским фамильным окончанием -ფე или -ყე, женщин называли только по их девичьей фамилии, и эти фамилии всегда бывали снабжены женским фамильным окончанием -ფე или -ყე, которое никогда не прибавляется к фамилии мужчин; другими словами, фамилии, оканчивающиеся на -ფე или -ყე, никогда не являются фамилиями мужчин.

Теперь это явление наблюдается только в случаях обращения или беседы с наиболее близкими родственниками. Это происходит оттого, что в настоящее время прибавление к фамилии окончания -ფე или -ყе приобрело несколько унижительный оттенок, и лишь желая обидеть какую-либо женщину или обращаясь к ней в шуточной форме, ее называют по девичьей фамилии с прибавлением к концу -ფე или -ყე.

Прежде чем перейти к разъяснению способа употребления этих частиц и их объяснению, отметим, что хотя вопрос этот никем еще специально не изучен, тем не менее он не был совершенно упущен из виду исследователями грузинского языка. Так, в 1912 г. акад. Н. Я. Марр, в связи с другим вопросом, между прочим отметил, что в нижнеимерском говоре встречаются слова ბჟ ჟე и ფჟჟ ფჟე в значении 'девушки', 'женщины'.¹

¹ Н. Я. Марр. Яфетическое происхождение абхазских терминов родства. ИАН, 1912, стр. 432.

Впоследствии другими отмечалось, что: «ბჟ, ფჟე (მგ.) სსუღი, ქაღი» [ფჟე, ჟე- (мегр.) 'дочь', 'женщина'].¹ Следует заметить, что -ფჟე и -ჟე как самостоятельные слова не имеются в имерском; их нет и в мегрельском. В соответствии с этим И. А. Кипшидзе в словаре мегрельского языка писал, что: «ბჟ [ჟე] 'дочь, женщина' прибавляется к концу фамильных названий».²

В 1920 г. Н. Я. Марр, в связи с объяснением термина ჟერა, встречающегося в митанских женских именах, еще раз останавливает свое внимание на частицах -ფჟე и -ჟე и указывает на sporadическое наличие -ჟე в сванском языке.³ Пользуясь указанной статьей Н. Я. Марра, другие это -ჟე сопоставляли с ликийским ჟა.⁴

П. Е. Ингорюк в гурийском говоре отмечает также -ფჟე и -ჟე.⁵ Относительно распространения этих частиц в южнокавказских яфетических языках, согласно данным проведенного нами обследования, можно сказать, что их параллельное употребление не наблюдается ни в одном из говоров грузинского языка, ни в языках мегрельском и лазском. В мегрельском языке, а также в имерском говоре грузинского языка и пережиточно в сванском мы встречаем частицу -ჟე, а в лазском (атинский, вице-архавский и хопский говоры) и в говорах грузинского: в гурийском (по всей Гурии) и ачарском (чаще в кобул⁷ет¹ском и sporadически в других районах АССР Аджарии) -ფჟე; т. е. в данном случае, с одной стороны, мы имеем: мегрельский, имерский и сванский, а с другой — лазский, гурийский и ачарский. Имеются и другие языковые факты, по данным которых имерский ближе стоит к мегрельскому, чем к лазскому, а гурийский, наоборот, ближе к лазскому, чем мегрельскому, но здесь о них говорить не будем.⁶

Частицы -ფჟე и -ჟე для образования женских фамилий не прибавляются просто механически к концу мужских фамилий. Ачарские, гурийские

¹ См. Грузинский (картский) глоссарий по имерскому и рачинскому говорам. — МЯЯ, VI, СПб., 1912, с. v.

² И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. МЯЯ, VII, СПб., 1914, с. v.

³ Н. Я. Марр. Наричательное значение термина «ჟერა» в «митанских» женских именах (по яфетическим данным). — ИАН, 1920, стр. 121—127.

⁴ ДАН, 1924, стр. 190—192. Ср. R. Bleichsteiner. Die Subaräer des alten Orients im Lichte der Japhetitenforschung. Festschrift, P. W. Schmidt, Wien, 1928, стр. 1—19.

⁵ ზ. იბგონიძე. ქართული წარმართული კალენდარი მე 5—8 საუკუნის პეგლეზში. Der altgeorgische Kalender nach den Denkmälern von V—VIII Jhd. — საქართველოს მეცნიერების Bulletin du Musée de Géorgie, t. VII. Tiflis, 1933, p. 182.

⁶ И. Мегрелидзе. Лазский и мегрельский слои в гурийском, Л., 1928. Труды ИЯМ, кн. XII, Caucasica № 1.

и имерские фамилии по своему образованию не отличаются от общегрузинских. Они чаще всего оканчиваются на -dj -ďe или შვილი shvil-i, причем эти окончания существуют как самостоятельные слова и означают 'сын', 'дитя'. В ачарском, в некоторых случаях вместо груз. -ďe, -shvil-i, 'сын', фамилии оканчиваются на ოგლი ḡl-i 'сын'; слово это заимствовано из турецкого языка. В мегрельском наиболее распространенными фамильными окончаниями являются: -as -ia, -sɔs -ava (→ -ss -aa →) -s -a,¹ -ɔs -ua, в которых последний гласный а ← *an означал 'солнышко'² → 'дитя' resp. 'сын' ↔ 'дочь'. Это указание Н. Я. Марра еще раз подтверждается наблюдением над образованием женских фамилий, в которых -ɔďe или -ďe занимает место означенного «а» и предыдущего i, u сохраняется перед этими частицами. В том же мегрельском мы имеем также фамилии, оканчивающиеся на -sɔɔ -sɔua, реже на -sɔɔ -skuia и -sɔɔ -sqil-i, реже sɔɔ skir-i,³ из которых первые существуют как самостоятельные слова в значении 'дитя' → 'сын', а вторые употребляются в том же значении: 'дитя' → 'сын' в редких случаях самостоятельно, а чаще в сложных словах;⁴ в лазском же sɔɔ skir-i самостоятельно означает 'дитя' → 'сын', и используется в качестве фамильного окончания.

Правда, турецкие лазы чаще всего образуют свои фамилии по-турецки,⁵ но если лаз носит лазскую фамилию, то его фамилия оканчивается обычно упомянутым уже словом skir-i resp. skur-i (вицкий и архавский говоры), или же, что еще более характерно для лазских фамилий, в особенности для лазов, проживающих на территории Советского Союза, — частицей -ɔ -sh.⁶

Это -sh (усеченная форма -ш) в лазском и мегрельском является морфологической частицей: во-первых, окончанием родительного падежа,

¹ Список мегрельских фамилий, см. И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского языка, стр. 423—424.

² Н. Я. Марр. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык. М., 1931, стр. 28—29; его же. Избранные работы, т. V, М.—Л., 1935, стр. 467—468.

³ И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского языка, стр. 323а.

⁴ Ibid.

⁵ Напр. фамилии турецких лазов, осведомителей Н. Я. Марра по лазскому языку, образованы по-турецки путем прибавления к имени отца тур. bey اوغلى ḡl-i 'сын', а к имени собственному — тур. beɔ (вице-архавский) 'господин' (в лазск. beɔ). См. Н. Я. Марр. «Из поездки в турецкий Лазистан (Впечатления и наблюдения)». I—II. — ИАН, 1910, стр. 447—507 и стр. 607—632. Также отмечены фамилии всех осведомителей А. Чикобава. ჭანური ჭეჭეჭეზი. I. ხოფური კალკუკი. 'Чанские тексты. Хопский подговор', Тбилиси, 1929.

⁶ Напр. в одной статье, помещенной в лазской газете Мыда myďɔďi ('Красная звезда'), № 2, декабрь, 1929, орган Абхазского областкома КП(б) и аб. ЦИКа, перечисляются 23 лазских фамилии, и все они оканчиваются на -sh.

а во-вторых — суффиксом для образования прилагательных от имен и наречий,¹ что, согласно Н. Я. Марру, палеонтологически на стадии родового строя означало 'дитя'.²

Как мы видим, все вышеприведенные фамильные окончания означают 'дитя', 'сын', и большинство из них существуют как самостоятельные слова в том же значении. Очевидно и -фде или -де в этих же языках были когда-то самостоятельными словами (в других и теперь встречаются: см. ниже, стр. 167—168) в значении: 'дитя' → 'сын' ↔ 'дочь' и позже превратились в служебные частицы, в женские фамильные окончания; они отражают ту стадию развития мышления, когда 'сын' и 'дочь' выполняли социально разные функции, когда эти два понятия уже дифференцировались и фде или де самостоятельно означали 'дочь' ← 'женщина'; женщина сама по себе играла социально значительную роль, что соответствует стадии матриархата в развитии общества.

Грузинские мужские фамилии, оканчивающиеся на -де или на -шви-ი, и ачарские — на اوغلي oğlı, при образовании женских фамилий теряют эти окончания. Мегрельские фамильные окончания — -и+а, -и+а — в таких случаях теряют конечный а, а а+ва теряет -ва; squa resp. skua отпадает, и в конце фамилии перед -де появляется s, что возможно и является остатком squa (напр. фамилия გუგუჭკუ Gugu-squa Гугускуа, груз. Гугушвили), — женщина этой фамилии Gugu+s-де и т. д. (см. ниже, стр. 159); что касается окончания — sqir-ი resp. skir-ი, то это окончание сохраняется.

В лазском, как видно, ни окончание -ши, ни skir-и не сохранялись.

Грузинские фамилии, образованные путем прибавления других частиц, как, напр., — ელი -el-и, — ური -ur-и, — ნადი -nad-и и др., при образовании фамилий женщин путем добавления -фде или -де не теряют их, а просто к концу полной фамилии прибавляется женское фамильное окончание. Правда, изредка встречаются случаи, когда отбрасываются и эти окончания. Напр. гурийская княжеская фамилия გურიელი Gurī-el-и Гуриели обычно употреблялась в Гурии в форме: გურიელიძე Gurī-el-и-фде Гуриелипхе, но иногда встречается также и форма გურიძე Gurī-фде Гурипхе; однако фамилия გუბელიძე Gub-el-и-де Губелидзе дает всегда женскую форму გუბელიძე Gub-el-и-фде Губелипхе, а ჯაკელი Dak-el-и Джакели — Dak-el-и-фде Джакелипхе. В ачарском: ნოგაიდელი Noğaid-el-и Ногаидели, — женская форма Noğaid-el-и-фде → Noğaidi-и-фде Ногаиделипхе →

¹ Н. Я. Марр. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматиею и словарем. — МЯЯ, II, СПб., 1910, стр. 74, § 117а; И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского языка, стр. 020, § 16а, и стр. 1127, § 127 и 1, 2.

² Н. Я. Марр. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык. М., 1931, стр. 31 (= Избранные работы, т. V, стр. 470).

Ногаидлихе, а в имерском ჩიქვანთი *Čiqvan-i* Чиковани, *Čiqvan* *Če*-*če* Чикван¹е¹ихе. В говорах грузинского языка фамилии лазско-мегрельского происхождения — ჯაშო *Daši* Джаши, ტუღუში *Tuḡuši* Тугуши — в женской форме сохраняют окончания -*ში*, и получаются в ачар.-гур. ჯაშოებე *Daši-č'e* Джашипхе, ტუღუშოებე *Tuḡuši-č'e* Тугушипхе; имерск. ჯაშოებე *Daši-č'e* Джашипхе, ტუღუშოებე *Tuḡuši-č'e* Тугушипхе; в мегрельском ჯაშა *Daša* Джашиа сохраняет окончание -*ში*; так образуется мегр. ჯაშოებე *Daši-č'e* Джашипхе; от ტუღუშა *Tuḡuša* Тугушиа 'женщина' будет: ტუღუშოებე *Tuḡuši-č'e* Тугушипхе и т. д.

Значит, в том случае, когда мужская фамилия теряет фамильное окончание, в женской фамилии его место занимает частица -*ჩე* или -*ე*, а когда не теряет, тогда -*ჩე* или -*ე* прибавляется прямо к концу мужской фамилии.

Приводим дополнительные примеры сначала мужских, а рядом с ними женских форм, образованных от той же фамилии, т. е. сначала фамилию типа мужского, а рядом с нею — типа женского фамильного образования.

Ачарские: ქათამი *Qaṭam-i* Катамидзе,¹ женщина той же фамилии — ქათამოებე *Qaṭam-i-č'e* Катамипхе; კახი *Kaḡi* Кахидзе, — კახოებე *Kaḡi-č'e* Кахипхе; ხინიკაძე *Qinika-ḡe* Хиникадзе, — ხინიკაძოებე *Qinika-č'e*; კვესიეშვილი *Kvesiei-švil-i* Квесиейшвили, — კვესიოებე *Kvesia-č'e* Квесиапхе; ხალვაში *Qalvaši* Халваши, — ხალვაშოებე *Qalvaši-č'e* Халвашипхе; მარტალი *Marṭal-i* Мартали, — მარტალოებე *Marṭal-i-č'e* Марталипхе; კალანდარი *Kalandar-i* Каландари, — კალანდარ¹იოებე *Kaland'ar-i-č'e* Каландар¹и¹пхе; ხაბაზი *Qabaz-i* Хабази, — ხაბაზოებე *Qabaz-i-č'e* Хабазипхе; დადიანოღი *Dadian-oḡh* Даддианоги, — დადიანოებე *Dadian-i-č'e* Даддианипхе [с. Кобулет; ср. мегр. დადა *Dadia* (← *Dadi-an-i* Даддани), დადი *Dadi-č'e* Даддихе; см. И. Кипшидзе. Грамм. мингр. языка, стр. 135²⁵ и 400⁷]. ოკრობელოღი *Oqrob'el-oḡh* Окробелогли, — ოკრობელ¹იოებე *Oqrob'e¹-i-č'e* Окробелипхе; საფრელიოღი *Safr'el-oḡh* Саприелогли, — საფრელი¹ოებე *Safr'el-i-č'e* Саприелипхе; სტამპოლოღი *Stampol-oḡh* Стамполлогли, — სტამპოლოებე *Stampol-i-č'e* Стамполипхе и т. д. (Последние 3 примера сообщил нам аспирант химик Ах. И. Ногаидели). Ачарские фамилии, оканчивающиеся на *ოღი* *oḡh*, встречаются лишь в разговорной речи. В письменной речи они оканчиваются на *შვილი* *-i*, напр. — Окробелогли пишется — Окробе¹лишвили и т. д.

Гурийские: წულაძე *Tula-ḡe* Цуладзе, — წულაძე *Tula-č'e* Цулапхе; კუკულაძე *Kukula-ḡe* Кукуладзе, — კუკულაძე *Kukula-č'e* Кукулапхе;

¹ Это — народная форма; литературная — ქათამი *Qaṭama-ḡe* Катамадзе.

ჭელძე Teli-de Челидзе, — ჭელძე Teli-ძე Челипхе; ნაკაშიძე Nakashi-de Накашидзе, — ნაკაშიძე Nakashi-ძე Накашипхе;¹ რამიშვილი Rami-shvili-1 Рамишвили, — რამიშვილი Rami-ძე Рамипхе; შავიშვილი Shavi-shvili-1 Шавишвили, — შავიშვილი Shavi-ძე Шавიპхе; ჭანიშვილი Tani-shvili-1 Чанишвили, — ჭანიშვილი Tani-ძე Чанипхе; წილოსანი Tilosani Цилосани, — წილოსანიშვილი Tilosani-ძე Цилосанипхе; ჯენტო Jgenti Жгенти, — ჯენტოშვილი Jgenti-ძე Жгентиპхе и т. д.

В *лазском* это явление можно проследить в промежуточном виде. Лазы, представители хопского говора, М. А. Кахидзе, Х. Х. Хелемиши, Н. Селимиши и др., вспоминают слово კეტოზე ketiძე, обычно употреблявшееся до некоторой степени в ругательном смысле по отношению к высокому и худому человеку (= гур. აკლადუა/ე akkladu(e)). М. Кахидзе говорит, что его две сестры дразнили друг друга, называя при этом одна другую прозвищем ketiძე. При этом он оговаривается, что иногда и его самого называли этим прозвищем, но что означало это ketiძე, он не осмысляет. Х. Хелемиши приводит слово კატოზე katuძე resp. კატოზე katiძე, которым называют ребенка или взрослого, промокнувшего под дождем. Все это указывает на то, что прозвища, оканчивающиеся на -ძე, употребляются в применении к людям женского пола, но во многих случаях они применительны также и к мужчинам. В *лазском* -ძე, как видно, давно утратило свое прямое значение. Очевидно Кетипхе была женская фамилия, букв. 'дочь стрелы' (лазск. keti 'стрела', 'стебель'), образованная от существующей мужской фамилии Ket-i-shi Кетиши (ср. груз. სარიშვილი Sani-shvili-1 Саришвили и отсюда სარიშვილი Sani-ძე Саришхе). От Ket-i-shi образовалось Ket-i-ძე, причем интересно то, что от последнего образована мужская фамилия — კეტოზეში Ket-i-ძე-ში Кетипхеши. (Встречается также *лазская* фамилия კეტოღი Ket-oghli Кетогли.)

Вышеприведенное — Катупхе კატოზე Katu-ძე (от *лазск.* katu/1 — кошка) означает 'дочь кошки' = русск. «Кошкина». Кроме того, в *лазск.* имеется გოკეტოზე go-kete-ძე, означающее голый, и კატახია Kata-ძე-ია Катахиа — местечко между Сарпи и Гонио.

О существовании в *лазском* частицы -ძე более показательной является *лазск.* фамилия წულუში Tulu-shi Цулуши resp. წულუღი Tul-oghli Цулогли, и от этого наличное წულუზე Tulu-ძე Цулупхе. Далее, вновь образованная отсюда мужская фамилия წულუზეში Tulu-ძე-ში Цулуп-

¹ П. Ингороква параллельно ნაკაშიძე Nakashi-ძე приводит и ნაკაშიძე Nakashi-ძე (цит. в «Bulletin du Musée de Géorgie», т. VII, стр. 182), но в Гурии женских фамилий, оканчивающихся на -ძე, мы не встречали.

хеши. Также ქუთუში Quḡu-ში Кутуши, — ქუთუფზე Quḡu-ზე, и от последнего мужская фамилия ქუთუფზეში Quḡu-ზე-ში Кутунхеши.

Имерские: ლაიდაძე Laiḡa-ḡe Лаитадзе, — ლაიდაძე Laiḡa-ḡe Лаитахе; მელაძე Mela-ḡe Меладзе, — მელაძე Melei-ḡe¹ Мелейхе; სანაძე Sana-ḡe Санадзе, — სანაძე Sane+ḡe Санейхе; ტაბიძე Tabi-ḡe Табидзе, — ტაბიძე Tabē+ḡe Табейхе; ვაჩეიშვილი Vaḡei-švil-ი Вачеишвили, — ვაჩეიშვილი Vaḡei-ḡe Вачейхе; ცაგარეიშვილი Ḫagarei-švil-ი Цагареишвили, — ცაგარეიშვილი Ḫagarei-ḡe Цагарейхе; რატიანი Ratian-ი Ратиани, — რატიანზე Ratian-ი-ზე Ратиянйхе и т. д. (ср. выше, статью Ш. В. Дзидзигури, стр. 128).

Большинство имерских фамилий, принимающих частицу -ḡe, имеют перед этим окончанием -ი (Sana-ḡe, — Sane+ḡe), которое со своей стороны влияет на предыдущий гласный звук, в результате чего и происходит фонетическое изменение, но в этом случае фамильным окончанием является -ḡe, а не -ი+ḡe. Появление этого «и» подтверждают как ранее напечатанные материалы, так и нами собранные, но, мы видим, это и появляется не всегда (напр. Laiḡa-ḡe).

Мегрельские: თუნთია Ḫunḡi-а Тунтия, — თუნთიზე Ḫunḡi-ზე Тунтихе; ² კორქია Qorqḡi-а Коркия, — კორქიზე Qorqḡi-ზე Коркихе; ³ ალანია Alan-а Алания, — ალანიზე Alan-ḡe Аланийхе; თურქია Ḫurqḡi-а Туркия, — თურქიზე Ḫurqḡi-ზე Туркихе; გაბუნია Gabunḡi-а Габунья, — გაბუნიზე Gabunḡi-ზე Габунйхе; ჩიჩუა Ḫiḡu-а Чичуа, — ჩიჩუიზე Ḫiḡu-ზე Чичухе; კოტუა Kot-u+а Котуа, — კოტუიზე Kotu-ზე Котухе; ლოლუა Lolu-а Лолуа, — ლოლუიზე Lolu-ზე Молухе; ჩილაჩა Ḫilaḡa-va Чилачава, — ჩილაჩიზე Ḫilaḡi-ზე Чилачйхе; ⁴ კოიავა Qoia-va Койава, — კოიაზე Qoia-ზე Койахе; ლეჩავა Leḡa-va Лечава, — ლეჩაიზე Leḡa-ზე Лечахе; კაპარავა Qaḡara-va Капаравა, — კაპარაიზე Qaḡara-ზე Капарайхе; მიმინოსკუა Mimino-squa Миминоскуа (ср. груз. მიმი-ნოშვილი Miminošvili Миминошвили), — მიმინოსკუა Mimino+s-ზე Миминосхе; უჩანესკუა Uḡane-squa Учанескуа, — უჩანესკუა Uḡane+s-ზე Учанесхе; ასაბასკუა Asaba-squa Асабаскуа, — ასაბასკუა Asaba+s-ზე Асабасхе; წულეისკი-
ლი Tulei-sqil-ი Цулеискили, ⁵ — წულეისკილიზე Tulei-sqil-ზე Цулейски-

¹ Ср. цит. «Грузинский глоссарий». МЯЯ, VI, стр. 68⁶, снизу.

² Фамилия женщины из романа А. Пурцеладзе. მაცი ზვიტია. II изд., Тифлис, 1895, стр. 35—41; повторяется часто. Имя этой женщины было — ფაქაქია Faḡaḡia Пачакия (см. там же, стр. 39, прим. 1 и стр. 40—41).

³ Ibid., стр. 61², ეკა ჩილაჩიზე Eka Ḫilaḡi-ზე Эка Чилачйхе.

⁴ Ср. И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского языка, стр. 134⁶₁₇.

⁵ В грузинской литературе встречаем форму წულეისკირი Tulei-skir-ი; такого же типа: გვანაში ჩოგალოსკირი Gvania-ში Ḫogalo-skir-ი (sic!) и ბერასუა ჩოგალოსკირი Berasua Ḫogalo-skir-ი (см. M. Brosset. Voyage archéologique. Rapp. VIII, p. 106, снизу 1-я строка, p. 107 — сверху 2-я).

лихе; встречается и წულეი-ყე *Tulei-qe* Цулеихе, образованная от фамилии წულაია *Tulaa* Цулайа; также პაპასკი-ი *Papa-sqi-i* Папаскили,¹ — პაპასკი-ლი *Papa-sqi-li* Папаскилихе; встречается и პაპეი-ყე *Papei-qe* Папеихе, образованная от фамилии პაპავა *Papava* Папава, არქოდია-ი *Arqodian-i* Арходиани (груз. Ахвледиаани), — არქოდია-ნი *Arqodian-ni* Арходианихе (пример С. С. Джикиа) и т. д.

II

В письменных источниках древнегрузинского литературного языка женское фамильное окончание не встречается, но факт этот не говорит еще о том, что его не было вообще в языках той системы, к которой относится грузинский. Большое значение имеет то обстоятельство, что женское фамильное окончание засвидетельствовано фольклором. А памятники материальной культуры и фольклора являются не менее надежными источниками, чем памятники письменной литературы. Плодотворная деятельность Н. Я. Марра показала, что правильно поставленные языковедческие изыскания не могут ограничиваться только материалами языка.

Прослеживаемые нами женские фамильные окончания представлены в фольклоре настолько хорошо, что, например, в одном только мегрельском стихотворении, состоящем всего из семи строк, в каких-нибудь 53 слогах *-qe* повторяется десять раз (см. ниже, стр. 161), а в одном гурийском четверостишии, состоящем всего из 29 слогов, *-qfe* повторяется 6 раз (см. ниже, стр. 163). Уже только эти два стихотворения, даже если бы не было массы других примеров, представляют такие наглядные материалы употребления женских фамилий, оканчивающихся на *-qfe* и *-qe*, что только на основании их анализа мы были бы в праве взяться за рассмотрение данного вопроса.

Частица *-qe* встречается и в сванском фольклоре, где, как говорит Н. Я. Марр, *-qe* использовано в значении 'женщины', так, от заимствованного у грузин сванск. слова *qeltif* 'царь' (др.-лит. гр. *qelmtife* 'властитель', 'правитель', ново-гр. *qelmtife* resp. *qentife* 'царь') образовано придачею *qe* в виде суффикса наличное в сванских сказках слово *qeltif-qe*

¹ Встречается в форме პაპასკი-ი *Papaski-i* Папаскири, букв. 'сын попа'. Но в Гурии, а иногда и в Мегрелии (см. И. Чкония. «Грузинский глоссарий», МЯЯ, I, СПб., 1910, стр. 40), это слово (*rapaskiri*) является термином, означающим болезнь мочевого пузыря. *Sqi-i* resp. *Ski-i* в форме სკური *Skur-i*, подобно ласк. *Ski-i* resp. *skur-i*, встречается в мегрельской топонимике — *Skur-i* 'Скури' — местность, известная по своей минеральной воде (Цаленджихский район).

‘царица’ (букв. ‘царь-женщина’)),¹ resp. *qelti-qe* id. Теперь, благодаря более детальному выяснению служебной роли частицы *-qe*, оказывается, что слово *qelti-qe* ‘царица’ означает собственно ‘царевна’, но данный конкретный пример интересен для нас в том отношении, что он взят из сванских сказок. А сванская сказочная *Qelti-qe* ‘царевна’ дает нам право предполагать, что эта *Qelti-qe* и есть женская фамилия, противоположная аналогичной мужской фамилии технологического образования, точно так же, как в грузинских сказках მეფეშვილი *Meṭi-švili*-1 и в быту ბატონიშვილი *Batoni-švili*-1 в русском переводе означают буквально ‘царевич’ (→ ‘сын князя’). Отсюда ясно, что если мы имеем *Meṭi-švili*-1 и также *Batoni-švili*-1 в значении ‘царевич’, то на ряду с этим могло существовать и такое же женское образование ‘царевна’. Тем более, что, как мы указали выше, *-qde* или *-qe* в женской фамилии занимают именно место мужского фамильного окончания грузинского *de* или *švili*-1.

Наличие *-qe* в сванских сказках интересно в том отношении, что сама форма *-qe* идет по спирантной ветви яфетических языков, к которым и относится сванский язык.

Приводим материалы из мегрельского и гурийского фольклора. Они, кроме чисто лингвистического интереса, имеют также большое значение и для фольклористических изысканий. В мегрельском записаны вместе с грузинским переводом следующие стихи:

აღი-ბე, მაღი-ბე,
მაღი მაღაღური-ბე.
ზიკი-ბე, ზიკი ჭილა-ბე,
მოროდონი მორცია-ბე,
ცოკა-ბე დო კვამილა-ბე,
უკულაში ლეზა-ბე
დო გინმოჭინი ზინწარა-ბე!²

Ali-qe, Mali-qe,
Mali Malağuri-qe,
Zıki-qe, Zıki Tıla-qe,
Morodonı Mođika-qe,
Öıka-qe do Kvamıla-qe,
Ukulamı Leşa-qe,
Do gimmoṭını Zintara-qe!

¹ Н. Я. Марр. Наричательное значение термина «qera» в «митанских» женских именах. (По яфетическим данным). — ИАН, 1920, стр. 124; ср. его же. Орудивный и исходный падежи в кабардинском и абхазском. — Избранные работы, т. II, М. — Л., 1936, стр. 239.

² Ал. Цагарели. Мингрельские этюды. Вып. I, СПб., 1880, стр. 79. В примечании Ал. Цагарели дает варианты на следующие фамилии: აღი-ბე *Ali-qe*, вар. ელი-ბე *Eli-qe* Елихе; მაღი-ბე *Mali-qe* Малихе, вар. მეღი-ბე *Meṭi-qe* Мелихе и вместо ზინწარა-ბე *Zintara-qe* Зинцарахе в варианте совершенно другая фамилия — გვასალი-ბე *Gvasali-qe* Гвасалихе (стр. 79, прим. 1, 2 и 3). Эти же стихи, но без выделения *-qe*, перепечатаны в книге И. Кишидзе. Грамматика мингрельского языка, стр. 134, текст 8-й.

Грузинский перевод, в виду того, что мегр. -q̄e равняется грузинскому -asul-1 'дочь', получает следующий вид:

აღის ასულა, მაღის ასულა,	Ahis asulo Mahis asulo
მაღი მალაგურის ასულა,	Mali Malağuris asulo
ზიკის ასულა, ზიკი ჭილაძის ასულა,	Zikis asulo, Ziki Tilađis asulo,
მოროდინი მოციკას ასულა,	Morodini Moćikas asulo,
ციკას ასულა, კვაშილავას ასულა,	Öikas asulo, Kvamlavas asulo,
უმფროსა ლეჩავას ასულა	Umproso Lečavas asulo
და გადმომყდე ზინწარავას ასულა!	Da gadmomqede Zintaravas asulo!

Если учесть то положение, что по смыслу мегр. -q̄e, груз. asul-1 в русских фамилиях равняется русск. частице -ob+a (-ov+a), тогда стихи эти по-русски будут гласить так:

Алова, Малова,	Цикова и Квашилова,
Мали Малагурова,	Старшая Лечова
Зикова, Зики Чилова,	И взгляни (на меня) Зинцарова!
Мородини, Моцикова,	

Удачно получилось сопоставление этих стихов с подобными же стихами в гурийском, в которых вместо -q̄e мы имеем -q̄q̄e. Притом в Гурии эти стихи связываются с одним легендарным сказанием. По словам гурийца Афиногена Ивановича Цуладзе (წულაძე Tuladē, жит. сел. Чанчати ჭანჭათი Tantađi, род. в 1875 г.), как-то утром, в день праздника пасхи, лезгины убили священника Чкониа (ჭეონია Tkonja) в алтаре церкви, построенной будто бы некогда в этом же селении — Чанчати, на небольшой горе Гвинела (გვინელა Gvinela). Затем лезгины (ლევებმა lek-eb-ma) разрушили эту церковь и взяли в плен братьев убитого священника, по имени: Атман (ათმან Ađman), Татман (თათმან Thađman), Бежан, Така (თაკა Ōaka) и Улваша Чкониа (ულვაშა ჭეონია Ulvaša Tkonja — в русском переводе 'Усатый Чкониа').

В стихах, приводимых ниже, упоминаются все эти имена, затем перечисляются их жены, опять по фамилиям, оканчивающимся на -q̄q̄e, а в конце сказано: «Плачет Мария Кордзапхе» (კორძაფხე Korđa-q̄q̄e), о которой говорят, что она была матерью вышеперечисленных братьев Чкониа, попавшихся в плен:—

ათმან, თათმან,	Ađman, Thađman
ბეჟან, თაკა,	Bejan, Ōaka,
ულვაშა ჭეონია;	Ulvaša Tkonja;

მათ-მათი ცოლია:

ელეფე, მელეფე,

მელი მაღაღური-ფე,

სკვინჩა-ფე, სკვინჩიჩილა-ფე,

ტირის მარიამ კორძა-ფე.¹

Maθ-maθi šolia:

Eli-ფე, Meli-ფე,

Meli Malağuri-ფე,

Skvinça-ფე, Skvinçičila-ფე,

Tiris Mariam Kordā-ფე.

Как видно, по первой огласовке женских фамилий в этих стихах вместо «а» (Ali-ფე), которое было в вышеприведенном мегрельском примере, имеется «е» (Eli-ფე), но там же в примечании, упомянутом в варианте, как раз стояло «е» (Eli-ფე). Первые две строки мегрельских стихов целиком совпадают и с гурийскими (стр. 161), и разница имеется лишь ниже как в фамилиях, так и в содержании; кроме того, мегрельское стихотворение оканчивалось на «Гляди (на меня) Зинцарахе», здесь же мы имеем «Плачет Мария Кордзапхе».

В Гурии, в сел. Кончкати (კონჭკათი Kontkadi), Маматского сельсовета, записан другой вариант, стоящий ближе к мегрельскому, чем чанчатский вариант. А именно:²

ალი-ფე, მალი-ფე,

მელი მაღაღური-ფე,

ბზიკი-ფე, ბზიკი ტილა-ფე,³მოლოზონი მოძიკა-ფე.⁴

Ali-ფე, Mali-ფე,

Meli Malağuri-ფე,

Bziki-ფე, Bziki Tila-ფე,

Molozoni Mođika-ფე.

Этот вариант отличается от мегрельского тем, что, во-первых, он короче, и, во-вторых, в мегрельском во 2-й строке стоит Ziki-ფე, Ziki-Tila-ფე, а здесь Bziki-ფე, Bziki Tila-ფე; в мегрельском в 4-й строке сказано Morodoni Mođika-ფე, здесь же стоит malazoni-Mođika-ფე — 'монашенка Моцикапхе'. В гурийском такого слова (Morodoni Мородони) нет; в мегрельском мы тоже его не знаем, хотя в своем словаре И. Кипшидзе и отмечает его как имя и потом, в исправлениях, уточняет — «Morodoni — женское имя». (Грамматика мингрельского языка, стр. X). Во время записи данных вариантов со слов Феодосии Чхаидзе присутствовал М. П. Чхаидзе, который напомнил ей, что раньше она иначе произносила эти стихи; тогда Ф. Чхаидзе вспомнила еще один вариант, в кото-

¹ Записано нами со слов упомянутого Афин. И. Цуладзе 9 VIII 1934 г.

² Записано нами со слов Феодосии Ивановны Чхаидзе (жит. Кончкати, род. 1864 г.) 15 VIII 1934 г.

³ В одном варианте, который мы слышали в с. Квабге, вместо ტილა-ფე Tila-ფე Тилапхе было сказано ტილა-ფე Tila-ფე Тилапхе.

⁴ В варианте მოთიღანე mođilaფე — 'косопланный'.

ром уже перечисляются по фамилиям упомянутые выше женщины и мужчины. Вот этот вариант:

ანაი, მანაი,
თინათინ და თამარაი;
ათმან, თათმან,
თაჟა ჭკონია,
ბეჟან ლულია...
ელი-ფე, მელი-ფე,
მარიამ მოტურგულა-ფე!

Anai, Manai,
Θinaθin da Θamarai;
Aθman, Θaθman,
Θaka Tkonia,
Bejan Lulia...
Eli-φe Meli-φe,
Mariam Moturgula-φe!

Данный вариант отличается от чанчатского тем, что, во-первых, здесь упомянуты имена женщин, но нет фамилий двух последних; далее — Бежан Бежан здесь не Ткonia Чкониа, а Lulia Лулиа; не упоминается также о плаче Марии, и фамилия ее — Kordā-φe Кордзапхе — заменена фамилией Moturgula-φe Моичургулапхе.

Эти варианты гурийских стихов очевидно лазско-мегрельского происхождения; на это указывают упомянутые в них фамилии, относящиеся тоже к лазско-мегрельскому слою в гурийском: напр. гур. Eli-φe, мегр. Eli-φe (← мегр. Eli+a¹va¹ Елиава — имеется и в имерском; = гур. Elia-ðe Елиадзе); Meli-φe, мегр. Meli-φe (← мегр. Meli+a¹va¹ Мелиава, имер. Mela-ðe Меладзе); гур. Kordā-φe, мегр. Korza-φe (← Kordā-1+a Кордзая resp. Korza-1+a Корзая, имер. Korza-ðe Корзадзе); Tila-φe, мегр. Tila-φe (← Tila-1+a Чилая, гур.-имер. Tila-ðe Чиладзе); также в гурийских вариантах мужчины Бежан и Така имеют мегрельские фамилии Lulia и Ткonia, и все это говорит о мегрельском происхождении этих стихов. Но само φe приближает ачарский и гурийский к лазскому и -φe имерский к мегрельскому.

А. Цагарели тогда же указывал на приведенные мегрельские стихи и писал, что эта песня, являясь одной из старинных песен, содержит в себе «обращение к девушкам и женщинам разных фамилий, частью и теперь еще существующее в Мингрелии», с приглашением выйти, посмотреть на пришедшего. Далее, А. Цагарели добавляет: «По словам мингрельцев, это остаток того времени, когда в Мингрелии существовал обычай умыкания девушек».¹

Приведенные гурийские и мегрельские фольклорные материалы относятся в основном к поэтическому фольклору, и они также и поются. В частности, в Гурии, где поэтический фольклор является одновременно и музы-

¹ Мингрельские этюды, вып. I, стр. 79—80.

кальным фольклором, где музыкальный фольклор занимает первое место среди видов народного творчества, — почти все стихи поются одnogлосно, под аккомпанемент какого-нибудь музыкального инструмента или же хором, на два и три голоса без всякого аккомпанемента.

В грузинском музыкальном фольклоре имеется одна из распространенных песен, — это песня о Февронии. Она начинается словами:

თებრანე მიდის წყალზედა,	Θebrone midis tkalzeda,
კოკა უდგია მხარზედა.	Koka udgia mǵarzeda.

‘Феврония идет за водой
С кувшином на плече’.

(букв. ‘кувшин стоит [у нее] на плече’).

Далее следует припев:

კოტა გოგოვ, გენაწვალე	Koḡta gogov genaḡvale,
ხევ-ხე თებრანელ!	Ḥev-qe Θebroneo

‘Девочка милая, красавица
«Хев-хе» Феврония’.

Этот припев повторяется через каждое двустипие. При этом в Гурии и Имерии вторая строка припева некоторыми произносится следующим образом: ხევ-ხევ თებრანელ qev-qev Θebroneo или ხევ-ხევ თებრანელ qev-qev Θebroneo. В разных уголках Грузии и Мегрелии эта песня поется по-разному. Приведенный нами вариант, который мы даем без напева,¹ является гурийским, но песня эта по своей мелодии не гурийская. Часто припев qev-qe Θebroneo заменяется словами ქალ თებრანელ qalo Θebroneo. Замена припева qev-qe Θebroneo припевом qalo Θebroneo вносит в песню разнообразие.

Если qev-qe- связано с грузинским ხევ-რე-1 ‘речка’, ‘поток’, ‘ущелье’, тогда qev-qe означает ‘дочь реки’ (а не ‘[Феврония идет] по воду’, ‘в ущелье’). Это же qev-qe или qev-qevo есть форма звательного падежа и согласуется с именем ‘Феврония’, употребленным также в звательном падеже (им. падеж Θebrone, зв. Θebroneo). Само -qev-qe (произносимое иногда и qe-qe) заменяется, как мы указали выше, словом, стоящим опять-таки в звательном падеже qalo (им. пад. qal-1 ‘женщина’, ‘дочь’), что, со своей стороны, подтверждает, что в qev-qe мы имеем ‘дочь’, ‘женщина’.

¹ Вариант карталинского напева песни о Февронии, переложенный на ноты, см. ქართული სახალხო სიმღერები ნოტებზე გადაღებული ი. გ. კარგარეთელის მიერ ‘Грузинские народные песни, переложенные на ноты И. Г. Каргаретели’, Тифлис, 1899, стр. 84, № 40. Ср. F. Nadel. Georgische Gesänge, Berlin, 1933, S. 11, № 8.

Само слово qew-1 , независимо от qe , означает 'речка', 'река', 'ущелье', 'лощина', но палеонтологически оно восходит в семантический ряд 'вода+женщина+рука' и могло означать и 'женщину'. Доказательством этого, кроме приводимого нами ниже, служит тот факт, что qew выступает прямо в значении 'женщина' (ср. сванск. qew ; см. ниже, стр. 168), что является для нас существенным, так как установленный Н. Я. Марром семантический пучок 'вода+женщина+рука', прослежен им несколько раз в самых различных трудах.

На материалах различных языков, в связи с другими проблемами, это же положение Н. Я. Марра вновь доказали, углубили и объяснили в своих работах проф. И. Г. Франк-Каменецкий, акад. В. В. Струве, проф. О. М. Фрейденберг и др.¹

Не только Исоolda, но и другие мифические героини осмыслялись то как 'вода', то как 'преисподняя', но встречались также и такие, которые осмыслялись как 'дочь воды' (напр. Афродита). То же осмысление получает и qew-qe $\Theta\epsilon\beta\rho\omicron\pi\epsilon$ — 'дочь воды — Феврония'. Она также, поскольку гр. qew-1 означает 'речка' ← 'река' ← 'вода', 'ущелье', 'лощина', может быть истолкована как 'дочь преисподней'. В частности, между словами 'ущелье' и 'преисподняя' имеется непосредственная семантическая связь. Не останавливаясь здесь специально на песне о Февронии и не углубляя дальше этот вопрос, мы не можем, однако, умолчать о том факте, на который обратила наше внимание А. И. Амиранашвили, — что известная в русском фольклоре Феврония также имеет связь с водой.

III

Для расшифровки составных частей q-w-qe и понимания qe является первостепенно важным тот факт, на котором подробно остановился еще в 1912 г. Н. Я. Марр. А именно то, что абх. $\text{a-}\phi\grave{\alpha}$ значит 'сын', а $\text{a-}\phi\grave{\eta}\grave{\alpha}$ 'дочь', букв. 'дитя-женщина';² последний термин по технике своего построения тождествен с груз. ქალი-შვილი 'дочь', букв. 'женщина-дитя', мегр. მეზობელი-შვილი 'дочь', букв. 'женщина-дитя', арм. օրհորդ աղբիւրդ ($\leftarrow \text{aw}^{\text{h}}\text{r}^{\text{g}} \parallel \text{urhi-ordi}$)³ 'девушка', букв. 'женщина-дитя', абх. $\text{a-}\phi\grave{\eta}\grave{\alpha}\text{-}\phi\grave{\eta}\grave{\alpha}$ 'внучка', букв. 'дочь дочери', $\text{a-}\phi\text{au-}\phi\grave{\eta}\grave{\alpha}$ 'дочка', букв. 'дочь сына'. Абх. $\text{a-}\phi\grave{\eta}\grave{\delta}\text{s}$ 'женщина', 'жена' слито «из двух слов $\text{a-}\phi\grave{\eta}$ ($\leftarrow \text{a-}\phi\grave{\eta}\grave{\alpha}$) 'дочь' и əs 'человек'»;⁴ аналогичное явление наблюдается в груз. ქალი-მამა

¹ См. Тристан и Исоolda. Труды ИЯМ, II, Л., 1930.

² Н. Я. Марр. Яфетическое происхождение абхазских терминов родства, стр. 431.

³ Н. Я. Марр. Нарисательное значение термина «qera»..., стр. 123.

⁴ Н. Я. Марр. Яфетическое происхождение абхазских терминов родства, стр. 431.

deda-kaḥ-1 'женщина', букв. 'женщина' (deda, др.-груз. 'женщина', 'мать', соврем. 'мать') + 'человек' (kaḥ-1).

Следовательно, фде является составным словом, вполне закономерно образованным, и в приведенных абхазских примерах все различие вносится согласным h, что в форме hā означало 'женщина', 'дочь', и его закономерная разновидность де означает 'женщина', 'дочь'. А само абх. а-фа, собственно слово фа resp. ba, как указывали Услар и Н. Я. Марр, значит 'сын' ¹ ← 'дитя'. Элемент фа ← ba с перебоем а в е представляет в полном виде лазск. ბერ-ე ber-e resp. ბე-1 be-1 'дитя', 'сын', 'мальчик', груз. ბელ-1 bel-1 'медвежонок' ← 'дитя' и также ф, от ф-де 'дитя', 'мальчик', в полном виде — ba → фа, bal → fal.²

Это же -ba resp. -фа нельзя не видеть в груз.-мегр. ბავ-ა ba-ḡan-a 'ребенок' (← дитя), 'лесок',³ от которого элемент ḡan представляет цезск. (дидойск.) ḡan-a+bi 'женщина'. Слово это, имея окаменелую форму множ. числа (a+bi), в живом обиходе в именит. падеже формы единств. числа (ḡan-a), встречается редко. Точно так же и удинск. ḡiḡa 'дочь'; собственно ḡiḡ 'дочь'⁴ (← 'дитя'), -āḡ (← -ar) же служит показателем множ. числа в ряде яфетических и неяфетических языков.

От цезск. ḡan- усеченная форма ḡa → qa в значении де 'дочь', 'женщина', по огласовке сибилантной нормы qa уловлена в ликийском⁵ и в абхазском qa resp. qa 'жена', в составных словах an-qa resp. an-qa 'мать жены', 'теща', ab-qa resp. ab-qa 'отец жены', 'тесть',⁶ и в соответствии с qa, qa, абх. ha в составном слове а-фha 'женщина', 'дочь', абх. а-фс-ha || а-фс-ha 'царь', букв. 'владыка абхазов',⁷ — ha 'женщина' → 'царь', и т. д., и означает 'дитя', 'сын', служа окончанием племенных названий.⁸ В халдском qī 'девушка', 'женщина', что считается усеченным от qim resp. qene 'сын', и имеют другие значения, семантически связанные с первыми.⁹

Как указывает И. И. Мещанинов, существующая небольшая разница заключается в том, что в южнокавказских яфетических языках -де

¹ Н. Я. Марр. Яфетическое происхождение абхазских терминов родства, стр. 431.

² Ср. Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 514—515.

³ Д. Чубинов. Грузино-русско-французский словарь. СПб., 1840, с. v.

⁴ Язык и мышление (орган ИЯМ), кн. III—IV, М. — Л., 1935, стр. 272₂₂.

⁵ ДАН, 1924, стр. 190—192.

⁶ Ср. Н. Я. Марр. Абхазско-русский словарь. Л., 1926, стр. 139.

⁷ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 129.

⁸ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. I, стр. 319, 332, 335, прим., и 342; его же. Карфаген и Рим, fas и jus. — Сообщение ГАИМК, т. II, стр. 390; его же. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, 99; также L'origine japhétique de la langue Basque. — Язык и литература, т. I, вып. 1—2, Л., 1926, стр. 238; ср. И. И. Мещанинов. Язык ванской клинописи (Die Van-Sprache), II, Л., 1935, стр. 183.

⁹ И. И. Мещанинов. Язык ванских клинописных надписей, Л., 1932, стр. 141.

мы имеем в окончаниях фамилий, а в халдском $\text{qene} \leftrightarrow \text{qin}$ прослеживается в именах отчества,¹ — Menua-qin ‘сын Менуи’.¹

В этом различии значений нет такого противоречия, которое заставляло бы считать эти элементы различными по своему происхождению.

В усеченном виде $\text{qe} \leftrightarrow \text{qi}$, в полном — $\text{qen-e} \leftrightarrow \text{qin-i}$ — элемент С; это и доказано в упомянутых трудах Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова, и поэтому мы считаем ненужным более проводить параллелей.

То положение, что в полном виде $\text{qin} \leftrightarrow \text{qen}$ означает в халдском ‘сын’, а не ‘дочь’, не дает повода к тому, чтобы приведенные $-\text{qde}$ и $-\text{qe}$, означающие ‘дочь’, рассматривать вне связи с ними. Во-первых, новым учением о языке, путем палеонтологического исследования речи, установлено существование такой стадии в истории развития языка, когда ‘дочь’ и ‘сын’ обозначались одним словом. Дифференциация этих понятий — явление позднейшего порядка. Во-вторых, для нас имеет решающее значение тот факт, что в ряде самих яфетических языков q-qen , $\text{qen} \leftrightarrow \text{qin} \rightarrow \text{qe} \leftrightarrow \text{qi}$ в своих многочисленных разновидностях имеет, как мы видели, значение ‘дочь’ ← ‘женщина’. Можно указать также и на то, что в кабардинском и черкесском двухэлементное слово (как и гур.-лазск. q-qe) в форме q-qe означает ‘дочь’. С этим Н. Ф. Яковлев сопоставляет и осетинск. qwāg-a , ир. qo ‘сестра’ (фамильная и семейная), с арабск. ḡa-qaw-āḡ ‘сестры’, азербайджанск.-тюркск. qız kəz , тюркск. kız ‘девушка’, ‘дочь’.²

Формы qo и qw , напоминающие сванск. $\text{qe-qw} \parallel \text{ye-qw}$ ‘женщина, жена’, сванск. $\text{qe-}^{\text{f}}\text{w}^{\text{f}}$ ‘женщина’, приводит Н. Я. Марр, рассматривая³ в связи с $-\text{qe}$ и $-\text{qde}$ митанское слово qera и сопоставляя с этим последним абх. q-hà , убыхск. $\text{pqa} \sim \text{rpe}$ в словах de-pqa ‘сестра’, букв. ‘брат-девушка’; а- pqe-tku resp. а- pqe-dəku ‘женщина, жена’, адыг.-черкесск. pqi ‘дочь’, шэр q^{f} ‘сестра’, ‘свояченица’⁴ и т. д., и на основании этих сопоставлений заключает, что упоминаемая в богаз-кейских клинописных памятниках богиня Qera , о которой Messerschmidt выдвигал догадку, что Qera есть название бога или богини и представляет собою составное слово qe-ra , $-\text{qe}$ ‘дочь’, ‘женщина’, $\text{ra} \rightarrow \text{qa}$ ‘сын’. В обратном сложении — то же самое: $\text{q-qe} \leftarrow \text{p-qa} \parallel \text{p-qa} \parallel \text{p-qi}$ и др.⁵

¹ И. И. Мещанинов. Язык ванской клинописи (*Die Van-Sprache*), Л., 1935, стр. 21, 171.

² Н. Яковлев. Термины «мать» — «отец», «сестра» — «брат», «дочь» — «сын» в северо-кавказских яфетических и некоторых других языках. — Ученые записки, I, М., 1930, стр. 160.

³ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 468.

⁴ Н. Я. Марр. Нарипательное значение термина «qera» ..., стр. 124.

⁵ Ibid.

Значит, $p\text{-}q\acute{e} \rightarrow q\text{-}q\acute{e}$ дает значение 'женщина ($q\acute{e}$) + дитя' ($p \rightarrow q$) (см. выше, стр. 167). Ряд слов того же состава, аналогичных упомянутым выше, можно дополнить арм. աղա-խիւն $a\acute{q}\text{-}q\acute{u}\text{-n}$ 'служанка', 'девушка', букв. 'женщина-дитя',¹ баскск. $al\text{-}h^1a\text{-}ba$ 'девушка', букв. 'женщина-дитя',² также груз. მე-ვალი $m\acute{e}\text{-}val\text{-}i$ resp. ფე-ვალი $q\text{-}q\acute{e}\text{-}val\text{-}i$ (др.-груз. მე-ვალი $m\acute{e}\text{-}val\text{-}i$) 'служанка', 'девушка', букв. 'дитя-женщина', слово, образованное уже на той стадии развития грузинского языка, когда $m\text{-}q\acute{e} \nearrow q\text{-}q\acute{e}$ означали в нем 'дочь, женщина', а val — 'дитя'. Кроме разобранных уже $q\acute{e} \searrow he$ в языках ванской клинописи IX—VIII вв. до н. э., Н. Я. Марр отмечает $q\acute{u}\text{-n}$ в дезаспированном виде ($q \leftarrow k \rightarrow q \leftarrow k$)³ и улавливает в армянском слове տիկին $ti\text{-}k\acute{u}\text{-n}$ 'государыня', 'госпожа', а также отдельно арм. կին $k\acute{u}\text{-n}$ 'женщина', 'жена'.

$Al\text{-}a\text{-}q\acute{u}\text{-n}$, $al \leftarrow hal$ 'женщина' (ср. баскск. $al\text{-}h^1a\text{-}ba$ 'девушка') было прослежено Н. Я. Марром в связи с баскским $al\text{-}ag\text{-}gun$ 'вдова', тогда⁴ когда палеонтология речи еще не была разработана.

Теперь же мы можем еще добавить, что лазск. ფეხი $q\acute{e}\text{-}x\text{-}i$ 'веретено' имеет связь с частицей $-q\acute{e}$, так как гр. ῥῆγος $\text{r}\acute{e}\text{-}g\text{-}i\text{-}a$ 'веретено', ῥῆγ палеонтологически связано с 'кругом', 'небом'⁵ и 'небо' $\rightarrow$ 'светило', 'звезда' семантически означает 'дитя' и позже 'дитя-сын', 'дитя-дочь' ('дитя-женщина').

Подобно тому как лазск. Κετιση Кетиши, 'мужская фамилия', использована для образования женской фамилии Κετι-φε и затем от нее вновь образована мужская фамилия Κετι-φε-ση Кетипхеси, мы имеем княжескую фамилию в Цхенис-цхальской Свании გალფან $Gal\text{-}q\acute{a}\text{-n}$ Галпхан, груз. გარდაფაძე $Gar\text{-}da\text{-}q\text{-}q\acute{a}\text{-}d\acute{e}$ Гардапхадзе, букв. 'сын' ($-an$, $-d\acute{e}$) 'волчицы'⁶ (ср. груз. გალაძე $Gal\text{-}a\text{-}d\acute{e}$ Галадзе, მანჯგალაძე $Mand\text{-}gal\text{-}a\text{-}d\acute{e}$ Мандж-галадзе, კალაძე $Kal\text{-}a\text{-}d\acute{e}$ Каладзе, имерск. კალენიძე $Kal\text{-}e\text{-}n\text{-}q\acute{e}$ Каленихе).

Весьма возможно, что аналогично вышеприведенному $\text{Ket-i-q\acute{e}-shi}$ Кетипхеси образовано также от женской фамилии и мегр. კორძაია $Kor\text{-}d\acute{a}\text{-}q\acute{u}\text{-}a$ Кордзахиа (ср. мегр. კორძაია $Kor\text{-}d\acute{a}\text{-}i\text{-}a$ Кордзая resp. კორზაია $Kor\text{-}za\text{-}i\text{-}a$ Корзая и კორძაე $Kor\text{-}d\acute{a}\text{-}q\acute{e}$ Кордзахе), а также и мегр. ძინძიხია $D\acute{u}\text{-}n\acute{d}\text{-}q\acute{u}\text{-}a$ Джинджихиа ($\rightarrow D\acute{u}\text{-}n\acute{d}\text{-}q\acute{e}$; ср. мегр. ძინდი 'корень', 'дно') и др.

¹ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 131.

² Ibid., стр. 511.

³ Ibid.

⁴ Наричательное значение термина «фера»..., стр. 124; ср. его же. Избранные работы, т. V, стр. 511.

⁵ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 468—470.

⁶ Н. Я. Марр. Наричательное значение термина «фера»..., стр. 125; его же. Избранные работы, т. V, стр. 385 и 510. Ср. его же. В тупике ли история материальной культуры? Изв. ГАИМК, Л., 1933, стр. 110.

На основании вышеизложенного можно заключить, что $\check{q}e$ без первого элемента φ ($\varphi\text{-}\check{q}e$) означало 'дочь', 'женщина'. Сама форма $\check{q}e$ является спирантной, и груз. $\check{d}e$ 'сын' ← 'дитя' ($\check{q}e \sim \check{d}e$)¹ представляет собою его сибилантную разновидность; в полном виде $\check{q}e \leftarrow \check{q}ep \leftrightarrow \check{q}ip$, а, $\check{d}e \leftarrow \check{d}ep \leftrightarrow \check{d}ip$ (ср. груз. $den\text{-}a$ 'приобретать', 'рожать';² аорист $she\text{-}i\text{-}\check{d}ip\text{-}a$ 'он приобрел'); $\check{d}ep$, а ~ е, $\check{d} \parallel \check{q} \rightarrow \check{q}$, лазск. $\check{q}ap$ в глаголе $o\text{-}\check{q}ap\text{-}u$ 'уродиться'; $\check{q}e$ 'дочь' ← 'дитя', 'рожденный'; вместо «е» или «и», $\check{q}e \leftrightarrow \check{q}i$ «слово должно бы иметь огласовку „а“, и это также налицо в виде основы $\check{q}a$ в абх. глаголе $a\text{-}\check{q}aga$ 'рожать', мегр. $\check{q}a\text{-}la \parallel \check{q}a\text{-}\varphi a$ 'рожать'».³

Приведенное же $\check{d}ep \leftrightarrow \check{d}ip$ Н. Я. Марр отмечает в составе «социального термина, названия дворян, в форме составного слова $zipo\text{-}squa \parallel jiposqua$, а также $\check{d}iposqua$: оно буквально означает 'сын [племени] джип'».⁴

Сам элемент сибилантной нормы $\check{d}ep \leftrightarrow \check{d}ip$ и его спирантная разновидность $\check{q}ep \leftrightarrow \check{q}ip$ (с), в их различных разновидностях, по прослеживаемой нами семантике охватывает столь обширный материал, что мы не можем задерживать на нем внимание читателя. Здесь же нами приведено в основном все, имеющее непосредственное отношение к затронутой нами теме. Об остальных вопросах, так или иначе связанных с данной темой, заинтересованный читатель может найти материал в указанных выше работах.

Интересно было бы выяснить семантику одной из частиц в русском языке, имеющих феминизирующее значение. Мы имеем в виду русскую частицу $i + \check{q}\text{-}a$ («-и х а»), применяемую в русских женских фамилиях; напр. главное действующее лицо в драме Островского «Гроза» — женщина Кабанова зовется Кабанихой; в разговорной речи вл. Толстова говорят иногда Толстиха, Карпова — Карпиха, Иванова — Иваниха и т. д. Так же в русских словах женского рода, в отличие от мужского, — напр.: волк — волчиха, слон — слониха, заяц — зайчиха, ткач — ткачиха, купец — купчиха, повар — повариха, баба — бабариха, у Пушкина в «Сказке о царе Салтане»:

«А ткачиха с поварихой	или же	«А ткачиха с поварихой
С сватьей бабой Бабарихой,		С сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотят» . . . ⁵		Оборвать его велят» . . . ⁶

¹ Ср. И. И. Мещанинов. Язык ванской клинописи, Л., 1935, II, стр. 183.

² Ibid. Также Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 452.

³ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 131.

⁴ Ibid., стр. 63.

⁵ Сочинения А. Пушкина, изд. VI, СПб., 1902, стр. 147^а₂, снизу.

⁶ Ibid., стр. 147^б₁₉. — Библиотека великих писателей. Пушкин, т. III, 1909; под ред. Венгеров (изд. Брокгауз и Ефрон), стр. 187.

Здесь напрашивается предположение, что самый факт принятия русск. «баба» (← «бабар») и «мать» (← «матер») феминизирующего элемента м. б. говорит о том, что когда-то это были слова, означавшие понятия мужского пола (ср. *baḃa* с русск. «папа» — 'отец', тур.-лазск.-мегр. и т. д. *baḃa* 'отец' и др.).

В виду того, что история этой русской частицы — «-иха» еще неизвестна, мы здесь воздерживаемся от обобщения, хотя несомненно, что формально и семантически эта *-iḃa* (русск. «-иха») и прослеживаемое нами *-ḃe* resp. *-ḃe* стоят близко друг к другу.

Для нашей темы нам важнее указать на тот факт, что *ḃe*, восстанавливаемое в форме *ḃep* (элемент С), подтверждает прослеживаемую нами семантику и по линии элемента А; а именно, *ḃe* в форме *ḃel* в грузинском значит 'рука', что в семантическом пучке — 'вода + женщина + рука' — могло означать и 'женщину'. Кроме того, *ḃel* 'рука' в дезаспированном виде со свистящей огласовкой груз. *qal* значит 'женщина', 'дочь'. То же самое *ḃe* в сванском, в форме *ue-ḃ + w* resp. *ḃe-ḃ + w*, *ḃe + w* — 'жена', 'женщина';¹ а груз. *ḃe-v-i* — 'речка' ← 'река', 'лощина'. Далее, *ḃe* с закономерным изменением *ḃ* ← *ḡ*, в полном виде груз. *ḡel-e* 'речка' ← 'река', семантически и 'женщина' и 'рука'.

В этих двух семантически однозначных элементах *ḃep* и *ḃel* следует усматривать не простое чередование *n* и *l*, а разносоциальное и разностадиальное оформление одного и того же понятия.

¹ Ср. Н. Я. Марр. Яфетическое происхождение абхазских терминов родства, стр. 432; ср. его же. Избранные работы, т. V, стр. 486, где Н. Я. Марр сванск. *ḃw* отмечает в форме *ḃeḡw¹* и делит *ḃeḡw¹*. В частности, о восстановлении *ḃa* (← *ḃe*) в форме элемента А (*ḃar*) 'солнце', 'дитя', отсюда а ~ е, *ḃel*, см. Н. Я. Марр. О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье. — Изв. ГАИМК, вып. 89, М.-Л., 1934, стр. 45. Тот же Н. Я. Марр с помощью палеонтологии речи сопоставлял сванск. *ḃe* \ абх. *ḡ* resp. *ḡ*, 'женщина' со сванским *ḃe-w* 'вода'. См. его. В тупике ли история материальной культуры? — Известия ГАИМК, вып. 67, Ленинград, 1933, стр. 7.

ДОПОЛНЕНИЯ¹

Вышеизложенное исследование — «Женские фамильные окончания в южнокавказских яфетических языках и фольклоре» — еще в марте 1936 г. было сдано в издательство Института языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра АН СССР. В связи с опозданием выпуска сборника задержалось и появление в печати нашего исследования. С тех пор были изданы некоторые новые книги, затрагивающие этот интересующий нас вопрос, и за это же время нам удалось собрать новые материалы по лазскому языку, позволяющие сделать некоторые уточнения и новые выводы. Влить все это в вышеприведенную работу нам не удалось. Поэтому мы даем нижеизложенные дополнения.

I

Доцент С. М. Жгенти в своей диссертационной работе — გურულის ჟღერა 'Гурийский говор грузинского языка' (Исследование, тексты и словарь),² останавливаясь на суффиксе -ფე, правильно замечает: '-ფე образует женские фамилии и указывает на девичью (წამლაშობით³) фамилию'.⁴

Автор не останавливается на вопросе о том, каков способ употребления этого суффикса и не указывает на те изменения, которые происходят в слове, в данном случае в фамилии, при применении женского фамильного окончания -ფე. Он лишь приводит 8 соответствующих примеров, из которых четыре: ღლont-ფე Glonti-ფე Глонтинхе, უჯმაჯურ-ფე Ujmaduri-ფე Уджмаджурипхе, ღბუტი-ფე Dibuti-ფე Джибутинхе и ასათიანი-ფე Asatiani-ფე Асатианипхе не вызывают никакого сомнения, т. е. являются характерными для гурийского и переданы правильно; остальные же четыре: ცინცა-ფე Cinca-ფე Цинцапхе, წანტლა-ფე Tantla-ფე Чантлапхе, იმნა-ფე Imna-ფე Имнапхе и ღბლა-ფე Dibla-ფე Джиблапхе нельзя считать характерными для гурийского. Последние, благодаря тому, что образованы от гурийских фамилий, а также и тому, что они оканчиваются на -ფე, а не на -ფე, являются гурийскими, но по тому признаку, что между основой фамилии, оканчивающейся на гласный звук а, и перед

¹ Доложено на заседании Кабинета кавказских языков Института языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра АН СССР 8 IV 1938 г.

² Издание Грузинского филиала АН СССР, Тбилиси, 1936, стр. 64.

³ У автора — წამლაშობით იატმოხობი, стр. 64.

⁴ Там же. То же объяснение дается в этой книге в приложенном словаре; см. стр. 248, s. v.

суффиксом -q̄e вклинивается гласный звук *i*, они не могут считаться общегурийскими. Последнее явление характерно для имерского говора грузинского языка и отчасти для примыкающих к нему по речи гурийцев, проживающих в селах Тхилагани, Сачамиа-Сери и Нога (ნოგა Noğa).

В имерском, как об этом сказано выше (стр. 158—159) и уточнено здесь, в основах фамилий, оканчивающихся на гласные звуки, т. е. в тех случаях, когда после отброса от фамилий окончаний -d̄e, mvl-i или др. остается основа, оканчивающаяся на гласный звук, как, напр., სანადე Sana-d̄e Санадзе без фамильного окончания -d̄e будет Sana, — то, прибавив к ней суффикс -q̄e, между суффиксом и самой основой (Sana-q̄e) появляется звук *i* (напр. Sana-d̄e Санадзе → Sana-i-q̄e Санаихе), но это не во всех случаях; на это указывает приведенный выше пример ლაიდა-d̄e Лаитадзе и образованная от этой же фамилии женская фамилия ლაიდა-q̄e Лаитахе, а не ლაიდა-i-q̄e (хотя для имерского будет нормальной последняя форма). В подтверждение того, что указанный гласный звук *i* в имерском появляется не всегда, может служить запись П. Умикашвили, (сделанная им в 1897 г. со слов жителя сел. Пути (ფუჴ-ი), Шоропанского уезда,¹ но опубликованная лишь в 1937 г. П. Умикашвили (или издатель его материалов проф. Ф. Гогичайшвили) видимо не понял значения суффикса -q̄e, и двустипие, в котором встречаются подобные примеры, он считал за скороговорки (ქნის-გასტყბი); по этой же причине он (или его редактор Ф. Гогичайшвили) пишет в первых двух случаях -q̄e отдельно от тех слов, к которым они относятся, в остальных же этого суффикса -q̄e вообще не выделяет. Вот это двустипие:

ალიბე, მალიბე,² სიკიმილიბე,
 ხე-ვასეზი, ვარვალბე, მარამბე, კვატარბე³
 Ali-q̄e, Mali-q̄e, Sikimili-q̄e,
 Q̄e-vusuri, Varvala-q̄e, Kvatar-a-q̄e.

Из всех семи примеров, содержащихся в этом двустипии, в данный момент нас интересуют лишь две формы: ვარვალბე Varvala-q̄e Варвалахе и კვატარბე Kvatar-a-q̄e Квацарахе. Они привлекают к себе внимание тем, что в них не появляется тот гласный звук *i*, о котором мы говорили выше, так как в двустипии даны формы: Varvala-q̄e Варвалахе и Kvatar-a-q̄e Квацарахе а не Varvala-i-q̄e Варвалаихе и Kvatar-a-i-q̄e Квацараихе.

¹ П. Умикашвили. ხალხური სიტყვიერება 'Народная словесность', часть первая, под ред. Ф. Гогичайшвили. Издание «Федерация», Тбилиси, 1937, стр. 614.

² Там же, стр. 497₄, в оригинале: ალი ხე, მალი ხე [Ali q̄e, Mah q̄e].

³ Там же, стр. 497₅.

1. ჟურდანიძე Jurdani-ძე	Журданидзе, ¹
2. თლათურიძე Tlaturi-ძე	Тлатуридзе,
3. კონტიძე Konti-ძე	Контидзе, ²
4. პოტურიძე Poturi-ძე	Потуридзе и
5. პოტურიძე Poturi-ძე	Потуридзе.

Эти и тому подобные фамилии принадлежат лазскому привилегированному сословию. Однако в лазском языке фамилии, образованные с частицей -ძე, являются фамилиями для обоих полов. В прямом обращении, главным образом представителей этих родов, проживающих в Турции называют их турецким словом Бей beу, в лазском произношении beуl 'господин', beуan 'госпожа'.

Из всего вышесказанного мы можем констатировать тот факт, что в употреблении частицы -ძე в южнокавказских яфетических языках на одной стороне стоят говоры грузинского языка: ачарский и гурийский (употребляющие частицу -ძე), имерский говор того же грузинского языка, а также мегрельский язык (употребляющий частицу -ძე); в каждом из них частицы эти применяются в качестве женского фамильного окончания; что же касается лазского языка, то он занимает несколько иную позицию. В нем прозвища с окончанием -ძე применяются преимущественно по отношению к женщинам, а родовые имена-фамилии, с окончанием -ძე, являются по существу фамилиями вообще, т. е. фамилиями обоих полов как мужчин, так и женщин.

Здесь возникает вполне естественный вопрос — чем обусловлена эта разница в значении частицы -ძე; почему -ძე и -ძე в одних языках или их говорах имеют значение женского фамильного окончания, а в других — конкретно в лазском — мужского? Вопрос этот требует своего объяснения. Для его решения имеет значение то обстоятельство, что, как это указано выше, -ძე resp. -ძე и их разновидности в некоторых кавказских яфетических языках сохранились как самостоятельные слова и имеют значение 'женщина', 'дочь', или, как это устанавливается путем палеонтологического анализа, эти же частицы, будучи некогда самостоятельными словами, имели значение опять-таки 'женщина', 'дочь' (см. выше, стр. 166—169; ср. стр. 179), причем в данном случае -ძე является двухэлементным

¹ Впрочем род Журданидзе, с первой огласовкой о вм. и, с мегрельским родовым окончанием -ა, ჟურდანიძე Jurdania ჯორდანი, существует в Мегрелии, и эта же фамилия имеется в Гурии (г. Ланчхути); представители этого рода были дворянами.

² В Архавском районе под названием კონტიძე Kontiv-ი Контиви известно селение; наличие слова Kontiv-ი в лазской топонимике имеет значение для объяснения родового имени Контидзе.

словом *ф-де*, из которого каждый элемент в отдельности, в полном или усеченном виде, означал вначале, еще без дифференциации пола, 'дитя', 'дочь' ↔ 'сын', а позднее, с дифференциацией, — 'дитя', 'дочь'. На последующей стадии развития языка каждый из этих элементов, которые когда-то были самостоятельными словами, очевидно имел значение 'женщина' с ее семантическими дериватами. В частности, можно предположить, что это было возможно при матриархате, т. е. тогда, когда женщина имела ведущее значение в общественной жизни.

Наличие у кавказских яфетических народов сперва стадии матриархата, а потом патриархата подтверждается фактами языка и яркими пережитками в быту. Стадия материнского рода пройдена этими народами уже давно, но факты, говорящие о ее существовании, не позволяют утверждать первенство и изначальное существование отцовского, т. е. мужского рода. В эпоху матриархата происхождение индивидуума определялось материнским родом, и допустимо, что фамильным окончанием служило слово, означающее 'женщина' ← 'дитя' → 'дочь', утерявшее впоследствии самостоятельное значение и превратившееся в служебную частицу фамильного окончания вообще. Нужно полагать, что при матриархате не было дифференциации между женскими и мужскими родовыми именами.

В известный период этой эпохи, судя главным образом по специфике групповой семьи, когда «неизвестно, кто является отцом ребенка, но известно, кто его мать... происхождение может быть установлено лишь с материнской стороны, а потому признается только женская линия».¹ Позднее, благодаря развитию семьи, которая, по утверждению Моргана и признанию Энгельса, «никогда не стоит на месте, а движется от низшей формы к высшей, по мере того, как общество развивается от низшей ступени к высшей»,² когда мужчина постепенно связывается с родом, в частности с семьей, как это подчеркивается К. Марксом и Ф. Энгельсом, он начинает выполнять в хозяйстве ту руководящую роль, которую при матриархате выполняла женщина; общество изменяет свой облик, матриархат сменяется патриархатом, становится известно, кто отец ребенка, признается уже отцовская линия, и происхождение ребенка определяется отцовским родом,³ изменяется и форма родовых имен.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Москва, 1932, стр. 41; разрядка Ф. Энгельса.

² Ф. Энгельс. Цит. соч., стр. 30.

³ Нормы общественных прав матриархата настолько внедрились в быт, что на первых порах существования патриархата «в силу матриархального права... дети умершего мужчины принадлежали не к его роду, а к роду своей матери». См. Ф. Энгельс. Цит. соч., стр. 55

Но то обстоятельство, что матриархат предшествовал патриархату, находит свое отражение в языке как в эпоху патриархата, так и позже; благодаря этому родовые имена с женским фамильным окончанием в некоторых языках или говорах сохраняют еще свое существование в виде пережитка. В пределах нашей темы примером этого служат мегрельский язык и говоры грузинского языка: ачарский, гурийский и имерский.

Фамильные окончания *-ḡe* resp. *-ḡe*, будучи некогда самостоятельными словами, означавшими 'дитя', 'дочь' ↔ 'сын' и служившие фамильными окончаниями без дифференциации женщин и мужчин, позднее претерпевают сужение значения; они означают уже 'дитя', 'дочь' ← 'женщина' и служат женским фамильным окончанием. В мужских же родовых именах вместо этих слов, превратившихся уже в частицы, появляется слово, означающее 'дитя', 'сын'. Это превращение иллюстрируется с особою наглядностью на материалах грузинского и мегрельского языков. В частности это показывает грузинский язык, который, правда, стоит на такой степени развития, когда, с одной стороны, в нем существуют общие родовые имена-фамилии для мужчин и женщин, оканчивающиеся преимущественно на слова: *ḡvīl*-i 'дитя' или *ḡe* 'дитя', 'мальчик', а с другой стороны, пережиточные женские родовые имена не имеют этого окончания. При образовании женских родовых имен с частицей *-ḡe* или *-ḡe*, как об этом было указано выше, отбрасываются мужские фамильные окончания, и их место занимает частица *-ḡe* или *-ḡe*.

В лазском языке, наоборот, бывшее женское фамильное окончание *-ḡe* на последующих стадиях развития лазской общественной формации было использовано функционально в значении, тождественном с древним. Оно, как слово, обратившееся в служебную частицу, сперва использовалось для образования женских родовых имен, а потом стало окончанием мужских фамилий. Поэтому при просмотре вышеприведенных фактических материалов лазского языка видно, что прозвища с окончанием *-ḡe* сохраняют более древнее значение и применяются преимущественно по отношению к женщинам, а фамилии с окончанием *-ḡe* являются мужскими родовыми именами привилегированного лазского сословия «чеби». В первом случае предполагаем, что имеем дело с пережитком матриархата, а во втором — с пережитком патриархата мужского родового строя.

О том, что здесь имеется пережиток, свидетельствует тот факт, что в некоторых лазских фамилиях уже забыто, что имеющееся в них *-ḡe* — фамильное окончание; произошло как бы окаменение родовых имен, причем их составные части не осмысливаются. В силу этого, напр., упомянутые выше лазские фамилии: *Tulu-ḡe* Цулунхе, *Qidḡi-ḡe* Кутунхе и т. п.,

по своему образованию и составу совершенно нормальные, применяют другое, тоже лазское, фамильное окончание -ш1, и таким образом получаются родовые имена с двойными фамильными окончаниями: Tulu-фђе-ш1 Цулупхеши, Qudu-фђе-ш1 Кутупхеши и т. д.

В развитии значения окончания -фђе в лазском языке и его применении в качестве служебной частицы для образования родовых имен различаются два момента: вначале частица эта служила окончанием вообще и указывала на материнскую линию происхождения индивидуума; такая частица вклинивалась в материнские родовые имена, и фамилии эти применялись к обоим полам лазов. Затем, с развитием лазских общественных отношений, когда мужчина занял руководящую роль в обществе, в данном конкретном случае, — согласно функциональной семантике, — женские фамилии становятся мужскими, а потому и общими, указывающими на отцовскую линию происхождения сына или дочери. Очевидно, на ряду с родовыми именами с окончанием -фђе, были и другие роды, наименование которых оканчивалось не на -фђе, а на другие частицы. Очевидно и то, что роды, носящие фамилии, оканчивающиеся на -фђе, завоевали себе в лазской общественной жизни определенные права, дававшие им некоторые привилегии перед другими родами; и роды с фамилиями, оканчивавшимися на -фђе, стали фамилиями «чеби», т. е. привилегированного сословия в лазской общности.

Из всего сказанного можно заключить, что в значении фамильного окончания -фђе в лазском языке произошло изменение: вначале оно служило общим фамильным окончанием, указывающим на материнскую линию происхождения; позднее оно применялось в качестве окончания мужских родовых имен.

В мегрельском языке и в говорах грузинского языка — ачарском, гурийском и имерском — этого не случилось; в них окончание в немного более узком значении, чем раньше, осталось женским фамильным окончанием, а для образования мужских родовых имен, как указывалось выше, были использованы новые слова: шv1-1 'дитя', дѐ 'сын' и другие слова, превратившиеся позже в служебные частицы.

РЕЗЮМЕ

I. Пережиточно сохранившиеся частицы -фђе в грузинских говорах ачарском и гурийском, гесп. -ђе в мегрельском и сванском (в последнем в одном случае) языках и в говоре грузинского — имерском, теперь являются женским фамильным окончанием, указывающим на отцовскую линию про-

исхождения; следовательно, -*q̄q̄e* resp. *q̄e* служат окончанием девичьей фамилии женщины. В лазском (чанском) языке употребляемая форма -*q̄q̄e* имеет несколько иное значение. Лазские прозвища с этим окончанием применяются преимущественно по отношению к женщинам, фамилии же с этим окончанием являются лазскими мужскими родовыми именами привилегированного лазского сословия «чеби».

II. В тех случаях, когда женская фамилия образуется с применением упомянутых частиц от мужской фамилии, окончания мужских родовых имен отпадают, и -*q̄q̄e* resp. -*q̄e* занимают именно их место. Если слово, от которого образуется фамилия, оканчивается на гласные звуки (напр. *Sana-ḡe* Санадзе, без фамильного окончания *Sana*), то в мегрельском языке и в имерском говоре грузинского языка очень часто между окончанием слова и фамильным окончанием -*q̄e* появляется гласный звук *i* (*Sana-i-q̄e* Санаихе); в ачарском и гурийском говорах и в лазском языке это не наблюдается. В лазском в некоторых случаях произошло как бы окаменение родовых имен с окончанием -*q̄q̄e*; поэтому совершенно нормальная по своему составу лазская фамилия, напр. *Q̄uḡi-q̄q̄e* Кутупхе, а также и др., принимает другое, тоже лазское, фамильное окончание -*shi*, благодаря чему получают родовые имена с двумя фамильными окончаниями: *Q̄uḡi-q̄q̄e-shi* Кутупхехи и др. Это, со своей стороны, указывает на пережиточное состояние частицы -*q̄q̄e* в лазском языке.

III. Фамилии, образованные с помощью суффиксов -*q̄q̄e* resp. -*q̄e*, в упомянутых грузинских говорах и мегрельском языке не бывают фамилиями мужчин, в лазском же языке это налицо. В развитии значения фамильного окончания -*q̄q̄e* в лазском различаются 2 этапа: вначале оно служило общим фамильным окончанием, указывающим на материнскую линию происхождения; другими словами, оно служило окончанием женских родовых имен. Позднее оно стало применяться в качестве окончания мужских родовых имен, но, очевидно, были и другие подобные окончания. Носители лазских родовых имен, оканчивавшихся на -*q̄q̄e*, завоевали себе определенные права, дававшие им ряд преимуществ перед другими родами, и родовые имена с окончанием -*q̄q̄e* стали фамилиями «чеби» — привилегированного сословия лазской общественности.

IV. Использование окончания женских родовых имен в качестве окончания мужских, думается, обусловлено теми социальными изменениями, которые имели место в развитии лазской общественности; это — замена матриархата патриархатом. Использование старого словарного запаса для обозначения нового понятия, функционально тождественного со старым, объясняется законом функциональной семантики, проиллюстрированным

на конкретных языковых материалах К. Марксом и Ф. Энгельсом и доработанным основоположником нового учения о языке — акад. Н. Я. Марром.

В упомянутых грузинских говорах и мегрельском языке изменение значения фамильных окончаний *-фѣ resp. -ѣ* получило иное направление. В них произошло сужение их значения. Было время, когда они служили фамильным окончанием вообще, указывавшим на материнскую линию происхождения, позднее, на последних этапах развития, они сохранились лишь в значении женского фамильного окончания, а для образования мужских родовых имен применялись слова, — в полном или усеченном виде — превратившиеся затем в служебную частицу. Впоследствии для фамилий, указывающих на отцовскую линию происхождения, было использовано не *-фѣ resp. -ѣ*, а иные слова: *шv1-1* 'дитя' (→ 'сын' ↔ 'дочь'), *de* 'дитя', 'сын' и некоторые другие.

V. *-фѣ resp. -ѣ* и их разновидности в некоторых кавказских яфетических языках в качестве самостоятельных слов сохранились в значении 'женщина', 'дочь', или, как это устанавливается путем палеонтологического анализа, эти частицы *-фѣ resp. -ѣ*, будучи некогда самостоятельными словами, имели то же самое значение — 'женщина', 'дочь'.

По своему составу *-фѣ* является двухэлементным словом *ф + ѣ*, из которых каждый элемент в отдельности (в полной или усеченной форме) означал вначале, еще без дифференциации пола, 'дитя', 'дочь' ↔ 'сын', а позже, с дифференциацией пола, — 'дитя', 'дочь', также 'дочь' ← 'женщина' и их семантические дериваты.

VI. По использованию формы фамильных окончаний *-фѣ resp. -ѣ* с одной стороны стоят: лазский язык и грузинские говоры: ачарский и гурийский, употреблявшие форму *-фѣ*, с другой: мегрельский язык и имерский говор грузинского языка, употреблявшие форму *-ѣ*. Имеются и другие данные, на основании которых выяснилось, что имерский стоит ближе к мегрельскому, чем к лазскому, а ачарский, и гурийский, — наоборот, ближе к лазскому, чем к мегрельскому.

И. И. Мещанинов

К вопросу о генезисе пассивного строя переходного глагола

«Третьего лица нет, третье лицо это тотем-действие... Субъект выходит из своей противоположности не только качественной — объекта, но и количественной... Итак, субъект-индивидуум выходит из коллектива, коллективного объекта, и оба они — и субъект и объект — из коллективного действия...»

Так резюмирует Н. Я. Марр в 1934 г. свои длительные предшествовавшие работы, вернувшись из «Лингвистической поездки в Восточное Средиземноморье».¹

Действительно, если мы возьмем пережиточно сохраняющееся в палео-азиатских языках инкорпорирование типа *korie-d-ilen-bunil*, буквально означающее «волко-оленное убийство»,² то в нем, вместо выделения действующего лица, мы находим само действие с его логическими определителями. Мы имеем здесь действие убийства, характеризованное определителем-объектом (оленное направленное на оленя) и определителем, означающим орудие-субъект, но не просто субъект (волком, т. е. совершаемое волком, через посредство или посредством волка). Действующее лицо в данных построениях еще самостоятельно не оформлено, оно выступает лишь в русском переводе приведенного нами инкорпорированного примера «волк убил оленя». В самом инкорпорировании оно остается слитым с обозначенным действием, являющимся, с этой точки зрения, одновременно и именем и глаголом, вернее ни тем, ни другим в их еще нерасщепленном состоянии.

Все же наличие инкорпорированных частей требует формального определения их взаимосвязи, что и выполняется путем синтаксиса, скрытого в самом составном комплексе при отсутствии грамматической морфологии. Этим, в свою очередь, подтверждается еще одно высказывание Н. Я. Марра,

¹ О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье. ГАИМК, 1934, стр. 128.

² Пример берется из тундренного диалекта юкагирского языка.

неоднократно повторенное им на лекциях, а именно, что синтаксис, как таковой, предшествует морфологии.

При выделении во фразе логического субъекта (действующего лица) мы имеем в гилацком языке другой тип инкорпорирования, повидимому, типологически последующий. В гилацком языке получаются два комплекса, из которых один группируется вокруг действующего лица, а другой объединяется с предикатом при строгом соблюдении синтаксиса, т. е. определитель предшествует определяемому, а так как прямое дополнение еще сохраняется в этом языке в качестве определителя при сказуемом, то оно предшествует ему со своим определителем. Например:

t-vila-gan eoḡa-ḡiz-ḡiḡ 'твоя-большая-собака коровье-мясо-ест'.

Развитие производственной деятельности и осложнение социальной группировки ведет к осознанию индивидуальности предмета, в связи с чем последующая разбивка инкорпорирования выдвигает на ряду с синтаксисом и морфологическое оформление грамматических категорий. Именно поэтому сохраняется в полной силе утверждение Н. Я. Марра о том, что синтаксис и грамматика, в их взаимосвязи, должны изучаться одновременно. Без учета синтаксиса остаются непонятными излагаемые грамматические правила. Это ясное для нас положение все же заслуживает того, чтобы вновь на нем остановиться, хотя бы потому, что даже лингвисты нашего советского окружения не вполне следуют ему. Сошлемся хотя бы на вышедшую в 1934 г. третью часть сборника «Языки и письменность народов Севера», где синтаксису почти не уделяется внимания, вследствие чего все изложение получило односторонний формально-грамматический характер без возможности истолкования и понимания самой формы. В результате, все помещенные в этом сборнике статьи по системе своего изложения ничем не отличаются от тут же приведенных выдержек из работ В. И. Иохельсона 1912 и 1919 гг.

Распад инкорпорирования сопровождается выделением местоимений как показателей выделяющегося осознания лица в процессе растущего восприятия коллективной, а затем и индивидуальной частной собственности. Но индивид вне коллектива немыслим, поэтому лицо, в противоположность коллективу, получает количественный показатель, и в то же время оформляется особый притяжательный показатель, отмечающий принадлежность уже осознанному лицу. Эти два качественно различные форматива определяются в грамматиках как древнейшие виды падежей, а именно: количественный показатель — прямой падеж и притяжательный показатель — относительный падеж. Оба эти падежа в своем активно-пассивном значении

устанавливаются только синтаксисом. Их мы находим в эскимосских языках, в частности в алеутском, и в индейских языках, например в немецу, сахалинской группы колумбийских языков Северной Америки.

Алеутск.: ada-h 'один отец'; ada-h 'два отца', ada-n 'отцы', adu-m 'отца'.¹

В первой строке мы имеем количественный показатель (прямой падеж); во второй строке относительный падеж оформлен притяжательной частицей.

В том же алеутском языке выделяются личные местоимения только первых двух лиц: tin 'я', thin 'ты'. Третьего лица как такового нет. Взамен его имеется ряд показателей, характеризующих восприятие другого лица говорящим: gwan 'он возле рядом', iĉan 'он вблизи напротив', iĉun 'он далекий видимый', ušan 'он близкий невидимый', amap 'он далекий невидимый', akan 'он на вершине', sakan 'он у подошвы внизу'.²

Не менее ярко отличие первых двух лиц от третьего выступает в африканских языках. В языке зулу представлены первые два лица местоимений: ngi 'я', и 'ты'. Показатели же 3-го лица в глаголе совпадают с соответствующими классовыми показателями имен. И. Л. Снегирев, различая единственное и множественное числа, устанавливает в этом языке 13 классов. Лишь для удобства иллюстрации приводимых ниже примеров я объединяю числовые показатели, возвращаясь тем самым к восьмиклассовому делению:

Классовые показатели

3-е лицо в глаголе

- 1. umu мн. число aba
- 2. umu » » imi
- 3. i (li) » » ama
- 4. u (lu) » » izim
- 5. im » » izim
- 6. isi » » izi
- 7. ubu
- 8. uku

- и мн. число ba
- и » » i
- li » » a
- lu » » zi
- i » » i
- si » » zi
- bu
- ku

Примеры

ngi-nikile 'я дал'

u-lingile 'ты пытался'

umu-ntu u-hambile 'человек он-пришел'.

¹ В. И. Иохельсон. Заметки о фонетических и структурных основах алеутского языка. Изв. Акад. Наук, 1912, стр. 1035.

² Там же, стр. 1038.

Примеры

aba-fazi ba-fundile 'женщины они-научились'
 izi-seben zi-hlanga-nile 'рабочие они-соединились'
 ubu-suku bu-balekile 'ночь она-пролетела'
 uku-dhla ku-lingene 'пища она-достаточна'.¹

Местоимения 3-го лица, как такового, здесь нет. Его нет и в алеутском оформлении глагола личного местоименного спряжения. 3-е лицо глагола в алеутском совпадает с именем, снабженным количественным показателем. От этого имени (с количественным показателем) образуются первые два лица присоединением соответствующих местоимений. Обратимся к примерам:

Местоимения: 1) *tiŋ* 'я'

2) *thìn* 'ты', *thidih* 'вы двое', *thiŋi* 'вы многие'.

Местоименный строй спряжения. От основы *su* брать (*su-h* 'взятие одно', *su-h* 'взятие два', *su-n* 'взятия многие', см. выше примеры с *ada-h* 'отец' и т. д.):

1. *su-qin* ← *su-h-tiŋ* 'я беру' (взятие-я)
2. *su-h-thin* 'ты берешь' (взятие-ты)
su-h-thidih 'вы двое берете' (взятие-вы двое)
su-h-thiŋi 'вы берете' (взятие-вы многие)
3. *su-h* 'он берет' (взятие-одно)
su-h 'они двое берут' (взятие-два)
su-n 'они берут' (взятия-многие).

Первое лицо в двойственном и множественном числах отсутствует, так как «я» не в единственном числе соответствует 3-му лицу во множественном числе (*su-n* «мы двое берем», «мы многие берем», «они берут»).²

Здесь можно повторить приведенное выше положение Н. Я. Марра: третьего лица нет, третье лицо представляет собою само действие, оно же — имя. Поэтому во фразе с 3-м лицом глагола мы имеем не что иное как сочетание имен, различаемых в своем взаимоотношении синтаксисом. Возьмем примеры из того же алеутского языка:

qa-h 'рыба (одна)', она же 'еда', так как рыба служит основным средством питания. Имя, по утверждению В. И. Иохельсона, может получать и временный показатель: *qa-h* 'еда', *qa-qa-h* 'прежняя еда' и т. д.

¹ И. Л. Снегирев. К вопросу о происхождении местоимений. ИАН, 1933, стр. 637—643.

² См. Иохельсон. Цит. соч., стр. 1041.

Таким образом временный показатель не является показателем одного только глагола.¹

anḡaḡi-h qa-h qa-ku-h 'человек-один рыба-одна еда-сегодняшняя-одна' (в русском переводе: 'человек рыбу ест').

anḡaḡi-h qa-h qa-ku-h 'человек-два рыба-одна еда-сегодняшняя-две' ('два человека рыбу едят').

anḡaḡi-n qa-h qa-ku-n 'люди рыба-две еда-сегодняшняя-многих' ('люди две рыбы едят').

Глагол в данных примерах согласуется с действующим лицом, следовательно он безобъектен в этом своем оформлении, хотя объект может наличествовать во фразе. Отсюда придется прийти к выводу о том, что семантика переходности и непереходности глагола не имеет значения в данной структуре речи. Тут перед нами только формальная сторона глагола, т. е. форма синтаксического порядка, типа наших залогов.

Во всех таких безобъектных формах глагола мы имеем по существу местоименный строй спряжения, причем местоимениями оформлены только первые два лица глагола. Другими словами — глаголом являются только 1-е и 2-е лица, 3-е же лицо хотя и воспринимается по аналогии с первыми двумя, но по форме остается еще именем:

qa-h qa-ku-qin 'рыбу-одну ем-я'

qa-h qa-ku-qin 'рыбы-две ем-я'

qa-h qa-ku-h-thin 'рыбу-одну ешь-ты'

qa-h qa-ku-h 'рыбу-одну ест-он' ('рыба-одна еда-сегодняшняя-одна').

Таковы безобъектные (непереходные) формы алеутского глагола. Параллельно им существуют в том же языке притяжательные формы глагола, являющиеся не чем иным как именными притяжательными формами спряжения. Для ясности сопоставим примеры притяжательного оформления имен с притяжательным спряжением:

ada-ŋ 'мой отец'

ada-ki-ŋ 'мои два отца'

ada-ni-ŋ 'мои отцы'

ada-n 'твой отец'

ada-ki-n 'твои два отца'

suku-ŋ 'мое взятие' → 'я беру его'

suku-ki-ŋ 'мои два взятия' → 'я беру двоих'

suku-ni-ŋ 'мои взятия' → 'я беру их'

suku-n 'твое взятие' → 'ты берешь его'

suku-ki-n 'твои два взятия' → 'ты берешь двоих'

ada-thi-n 'твои отцы' suku-thi-n 'твои взятия' → 'ты берешь их'
 adā 'его отец' suk-ū 'его взятие' → 'он берет его'.¹

Притяжение лица к предметам дает в глагольной форме выражение и субъекта и объекта, т. е. субъектно-объектный (переходный) строй спряжения. Эти переходные формы, по существу еще именные притяжательные, воспринимаются говорящим алеутом как глагол. «Стало быть, — говорит В. И. Иохельсон, — мы тут имеем дело с действительным включением объекта в предикат».²

Притяжательное оформление глагола обуславливает притяжательное же оформление действующего лица, например:

Алеутск.: anḡaḡi-m qa-ḥ sukū 'человек рыбу ест', буквально: 'человека рыбу еда-его'.

Такой строй речи определяет и падежное в нем использование. Прямой падеж с его количественным показателем активно-пассивен в своем выражении и субъекта и объекта. Он не передает действующего лица только в именном притяжательном спряжении, где субъект ставится в относительном (притяжательном) падеже. Прямой падеж, при таких условиях, не является еще абсолютным падежом, если за таковой признать падеж северокавказских языков, т. е. активный падеж семантически непереходных глаголов, он же пассивный при семантически переходных. В прямом падеже ставится также и объект во фразах с непереходной (безобъектной) глагольной формой, что недопустимо для абсолютного. Тем менее можно прямой падеж назвать именительным, т. е. падежом синтаксического подлежащего. Поэтому нельзя признать правильной ту характеристику прямого падежа, каковая дается в существующей литературе, не исключая и сборника «Языки и письменность народов Севера», в особенности в описании строя алеутского языка:³ «Предикату с первым, т. е. неинкорпоративным, окончанием (глагола) непосредственно предшествует дополнение... и подлежащее ставится в абсолютном (или именительном) падеже». Абсолютный падеж не тождествен именительному и не является в то же время прямым падежом алеутской речи.

Роль прямого падежа и его расхождение с абсолютным и именительным еще более ясно выступает в тех языках, в которых притяжательные формы сохранились только в 3-м лице переходных глагольных форм. Так, в языке немепу прямой падеж выражает субъект и объект как и при без-

¹ См. Иохельсон, Цит. соч., стр. 1035, 1043.

² Там же, стр. 1044.

³ Там же, стр. 142 и др.

объектных, так и при субъектно-объектных построениях глагола, в последнем случае за исключением 3-го лица:

in akätsa sikämna 'я вижу лошадь (какую-то)'

(im) ä akätsa sikämna 'ты видишь лошадь (какую-то)'

ipnim pähtsa sikämna 'он видит лошадь (какую-то)'.

Объект во всех трех случаях стоит в прямом падеже с прибавлением частицы *na*, характеризующей неопределенную его принадлежность. В прямом падеже стоит и субъект в первых двух лицах. Только в 3-м лице использован относительный падеж *ipnim*, а не прямой падеж того же местоимения *ipī*.

Итог всего кратко просмотренного материала приводит к тому, что говорить об активности непереходных форм и пассивности переходных еще не приходится. В основе мы имеем тут местоименный субъектный и притяжательный субъектно-объектный строи спряжения при активно-пассивном прямом падеже даже в первом случае, поскольку наличие объекта во фразе не зависит от глагольного оформления. Если глагол снабжен местоименною приставкою, то получается безобъектное его построение, хотя бы объект и наличествовал во фразе. Если же глагол выражает принадлежность предмета лицу, то притяжательный суффикс придает ему субъектно-объектное содержание и при отсутствии объекта в той же фразе. И далее, поскольку притяжательное спряжение есть не что иное как имя в притяжательном построении и поскольку 3-е лицо местоименного спряжения отсутствует как глагольная форма (3-е лицо-имя), то собственно глагольными формами оказываются лишь первые два лица местоименного спряжения.

Сходное взаимоотношение субъективных (безобъектных) и субъектно-объектных форм глагола получается также и при распадении инкорпорирования с орудийным значением логического субъекта. Примеры этому дает чукотский язык, имеющий развитую падежную номенклатуру, типологически близкую к северокавказским языкам, с абсолютным и творительным (орудийным) падежами:

qora-npšə-rkən 'олене-убийство-делание' ('он убивает оленя')

tə-qora-nmə-rkən 'мое (мною)-олене-убийство-делание' ('я убиваю оленя').

При наличии в чукотском на ряду с инкорпорированною фразою также и разбитых в ее составных частях, получается косвенное оформление действующего лица при субъектно-объектном строе глагола:

gəmpaŋ qoŋa-(ŋə) tə-nmə-rkəŋ 'мною олень мною-убийство-делание' ('я убиваю оленя').

В основе попрежнему лежит 3-е лицо: nmə-rkəŋ 'убийство-делание'. При нем орудийным определителем является -tə 'мною'. Поэтому и субъект ставится в орудийном (творительном падеже).

При последующей ломке языкового строя, когда проводится семантическое разделение глаголов на переходные и непереходные, прежний безобъектный строй остается за активным непереходным глаголом, а субъектно-объектный дает пассивное построение активно воспринимаемого переходного глагола (ср. северокавказские яфетические языки).

Затронутый мною вопрос генезиса пассивности переходного глагола нуждается еще в значительном углублении своего анализа, но кажется мне, что путь этого анализа, с опорой на стадильную взрывчатость движения, может быть и сейчас уже намечен привлечением сравнительного материала для уяснения диалектического хода перестройки речевого оформления.

В. МИЛЛЕР

Показатель множественности «ān» в иранских языках

Одним из наиболее распространенных показателей множественности имен в иранских языках и наречиях является суффикс «ān». Мы его встречаем в новоперсидском языке уже в древнейших источниках¹ для обозначения множественности не только одних одушевленных имен, но и имен неодушевленных, и абстрактных понятий. В новоперсидский язык он перешел из среднеперсидского, в котором он был древнее другого показателя множественности «ēhā» (новоперс. «hā»),² получившего, как известно, затем в новоперсидском языке почти универсальное употребление. В разных вариантах показатель «ān» мы видим и в других иранских языках и наречиях: в языке таджикском в форме «ōn», в разных говорах татского языка в формах «un», «ān», «ān» и, с отпадением конечного «n», в формах «u», «ū», причем он служит для образования множ. числа некоторых имен одушевленных и некоторых имен родства и других сходных по значению слов.³ В форме «on» суффикс «ān» является единственным показателем множ. ч. имен в языке талышском, в котором он, таким образом, обслуживает все категории имен существительных.⁴ Единственным показателем множественности является он и в балучи.⁵ Весьма распространен он, наряду с другими суффиксами, в ряде курдских диалектов: мукри,⁶ сулейманийе,⁷ джезирезахо,⁸ бахдинан⁹ и в языке советских курдов.¹⁰ Встречается он в наречиях

¹ P. Horn. Grundriss der iranischen Philologie. Neupersische Schriftsprache, § 50.

² K. Salemann. Gr. ir. Ph. Mittelpersisch, § 54.

³ В.с. Миллер. Морфология еврейско-татского наречия, § 59; его же. Татские этюды, ч. II, § 54; В. Миллер. Таты, их расселение и говоры, стр. 34.

⁴ См. мои «Талышские тексты».

⁵ См. Grierson. Sketch of Balōchi Grammar, Ling. Survey of India, p. 341; И. Запрудин. Белуджские сказки и Vāntānej Ketab, изд. в Амхабаде в 1934 г.

⁶ См. O. Mann. Die Mundarten der Mukri-Kurden. Teil I, S. LVI. Kurd.-Pers. Forsch. Abt. IV, Bd. III.

⁷ См. Soane. Grammar of the Kurmanji or Kurdish Language, p. 10.

⁸ В усеченной форме 'a'. P. Beidar. Grammaire Kurde, p. 11.

⁹ R. F. Jardine. Bahdinan Kurmanji, p. 3.

¹⁰ Обычно также в усеченной форме 'a'.

гуранских¹ и в заза.² Не будем перечислять других многочисленных говоров и наречий на территории современного Ирана и Афганистана,³ в которых он употребляется. В афганском языке, среди других показателей множественности, мы встречаем для живых существ суффикс «ān» («gan», «uan»), который считается заимствованным из персидского языка,⁴ а также суффикс «ūna», объясняемый иранистами различно, но некоторыми из них также сближаемый в своем происхождении с «ān».

Принятое в иранистике объяснение происхождения этого суффикса, ведущее свое начало от Fr. Müller'a,⁵ сводится к тому, что он восходит к «anām» — суффиксу родит. падежа множ. числа основ с исходом на «a» древнеперсидского языка. Такое мнение принимает James Darmesteter,⁶ который видит его подтверждение и в том, что аналогичное явление, именно использование родит. падежа в значении именительного, представляют в персидском языке и формы личных местоимений, являющиеся собственными именами;⁷ далее, того же мнения держатся Hübschmann,⁸ F. Justi,⁹ K. Salemann,¹⁰ P. Horn,¹¹ A. Meillet,¹² O. Mann¹³ и другие. При особом мнении остается только W. Geiger,¹⁴ который возводит н.-перс. «ān» и афг. «ūna» к др.-пр. (ар.) «*anas», NPl. основ на «an». Его склонен поддержать

¹ См. K. Hadank. *Mundarten der Gûrân*, S. 104. K. P. F.

² См. его же, *Mundarten der Zâzâ*, SS. 60 и 228. K. P. F.

³ В парачи мн. ч. образуется почти исключительно через суфф. «an». См. G. Morgenstierne, *Indo-iranian frontier languages*, vol. I, p. 50.

⁴ W. Geiger. *Die Sprache der Afghānen*, § 15. Gr. ir. Ph.

⁵ S. W. A. W. 66, 364/5.

⁶ *Études iraniennes*, t. I, § 98, p. 124. «Origine de la désinence de pluriel 'ān': elle derive exclusivement du génitif en 'anām' des thèmes en 'a'».

⁷ Ibidem, §§ 127—128. «... le thème des pronoms en persan est d'une façon indubitable formé de l'ancien génitif perse».

⁸ Indo-germ. Forsch., VI. Anzeiger, S. 38.

⁹ *Kurdische Grammatik*, § 61, S. 122. «(курдское) ān entsprechend dem np. ān... welches ursprünglich der Flexion der in 'a' ausgehenden Stämme als Endung des Genitivus Pluralis angehörig, aus ānām contrahirt ist».

¹⁰ *Mittelpersisch*, § 54. «Zum selbständigen Pluralzeichen wurde der Rest der alten Gen. Plur.-Endung 'anām'... und zwar so selbständig, dass in einzelnen Fällen das Suffix an den Stamm des Cas. obl. tritt: māhīyān... sāliyān. Dieselbe Bildung zeigt der auf den indo-skythischen Münzen erscheinende Titel Šāhīnāš šah, np. šāhīnšah und nach Andreas die Endung der armenischen Familiennamen, '-ean', '-eanč'».

¹¹ «Die Endung ān ist aus dem Gen. Plur. entstanden wie np. Šāhanšah statt *Šāhānšah (arm. Lw. Šahanšah) -ap. *xšāyađiyānām xšāyađiyā — der Könige König beweist (die Aussprache šāhīnšah ist türkisch). Neupers. Schriftspr., § 50. Как мы видим, Horn расходится с Salemann'ом в объяснении первой части сложения, 'Šāhīnšah'.

¹² *Grammaire du vieux perse*, p. 157: «c'est ce ānām qui a fourni le pluriel pehlevi et persan en 'ān'».

¹³ *Die Mundarten der Mukri Kurden*, S. LVI.

¹⁴ K. Z., 33, 251/2.

и Chr. Bartholomae,¹ но этимология, предлагаемая этими иранистами, не укрепились в науке.

Итак, преобладающее большинство крупнейших иранистов убеждено, что показатель множественности имен «an» происходит от древнего окончания Genit. Plur. Как же эти ученые объясняют это явление? Они ограничиваются лишь констатированием факта, а если пытаются его объяснить, то их объяснение носит формальный и механистический характер. J. Darmsteter подозревает, правда, тут какую-то «логическую причину» (*raison logique*),² но не делает никакой попытки ее вскрыть. K. Salemann³ как будто нащупывает функциональную значимость формы genitiv'a вообще в среднеперс. языке, но все же никакого осмысления интересующего нас факта, именно того, почему именно форма Genit. Plur. оказалась одновременно формой множественности имен, мы у него не находим. Он только констатирует этот факт, а также тот, что личными местоимениями также усвоена генитивная форма, и подчеркивает широкое употребление в среднеперс. языке genitiv'a благодаря также наличию в нем так наз. пассивной конструкции переходных глаголов, при которой логический субъект ставился, по его мнению, именно в родит. падеже, кумулировавшем также функции дательного и инструментального. Благодаря всему этому он находит вполне понятным (*klar*), что форма genitiv'a, вследствие своего «bestandigen Vorkommen», вытеснила во множ. числе остальные падежные формы и присвоила себе совершенно, казалось бы, необычную функцию выражения множественности вместо падежного отношения. Одним словом, никакой проблемы K. Salemann не усматривает. Его «объяснение» вполне удовлетворяет и других иранистов. O. Mann, напр., в отношении курдского говора mukri, со ссылкой на K. Salemann'a, находит вполне естественным (*natürlich*), что форма Genit. Plur. «ān» вытеснила все другие падежные формы множ. числа, включая именительный, и употребляется сейчас безразлично как для прямого падежа (*Casus rectus*), так и для косвенного (*Casus obliquus*).⁴

Между тем эта проблема, несмотря на то, что ее игнорируют, продолжает существовать и может быть сформулирована следующим образом: в очень большом, если не преобладающем, числе иранских наречий, исполь-

¹ Vorgeschichte der iranischen Sprachen, § 188. (Gr. ir. Phil. I Bd. S. 102). «Es ist nicht so unwahrscheinlich, dass Geiger Recht hat, wenn er den Pluralausgang n. p. -ān, afg. -ūna überall auf ar. *-ānas NP. der an-Stämme zurückführt».

² Op. cit., p. 124, § 98; «Qu'elle que soit la raison logique qui a pu faire choisir le génitif du pronom pour forme unique et générale du pronom, comme cette raison doit et peut avoir existé pour le substantif aussi bien que pour le pronom...»

³ Op. cit., § 48.

⁴ Op. cit., § 25, S. LVI.

зующих показатель множественности «ān», не сохранились многочисленные «древние», известные из древнеперсидского и авестийского языков падежные формы, — а вышеупомянутый суффикс «ān» представляет собою как раз какое-то странное переживание якобы формы одного только древнего родит. падежа множ. числа. Чем это можно объяснить?

Несомненно, что средствами и методами индоевропеистики мы никакого объяснения получить не сможем. Свидетельства письменных языков, на которых воздвигнуто здание индоевропеистики с ее праязыками, хронологически слишком юны, слишком близки к нам, относясь уже к новейшей, исторической стадии, переживаемой человечеством, с ее соответствующей формой мышления. Лишь находимые нами в этих свидетельствах переживания прежних эпох и стадий мышления позволяют нам бросить взгляд в седую глубь времен, в те эпохи, когда в языке начали выявляться те еще диффузные формы мышления, которые впоследствии постепенно дифференцировались в современные грамматические понятия и категории спряжения, склонения, единичности, множественности, рода и т. д. Только положения нового языкознания, исследующего своими новыми методами лингвистические survivals, могут помочь нам пролить свет на поставленную проблему. Припомним некоторые из этих положений: формы множественного числа древнее форм единственного числа. Во множественном же числе, как показывают яфетические языки, с которыми во многих отношениях сближаются и иранские языки,¹ было всего два основных падежа — активный (косвенный) и пассивный (прямой). Эти падежные окончания были, однако, не падежами, а показателями множественности, причем окончания активного падежа были показателями множественности социально-активных существ, а показатели пассивного падежа — показателями множественности социально-пассивных существ. Таким образом показатели множественности были вместе с тем и «классовыми» показателями. В ту отдаленную эпоху, когда только оформлялось склонение, оперировавшее указанными двумя падежными формами, из которых затем (и специально из активной) произошли остальные наращенные формы, — оно сводилось пока только к указанию субъекта и объекта действия и было «делением по классам».²

¹ См. мою статью «О полистадиальности иранских языков» в Сборнике Академии Наук в честь Н. Я. Марра, Л., 1935.

² Дальнейшую разработку на материалах языков баскского, абхазского и грузинского эти основные положения получили в исследованиях С. Л. Быховской, «К вопросу о происхождении склонения» (ИАН № 4, 1930), «Показатели множественности как классовые показатели в грузинском и баскском языках» (Сборник Академии Наук в честь Н. Я. Марра) и других.

В свете этих положений наша проблема получает, нам думается, достаточное освещение. В суффиксе «ān» мы видим показателя одного из двух первоначальных основных падежей множ. числа, именно падежа активного, падежа субъекта переходного глагола. Так как в первобытную эпоху субъектом действия, т. е. социально-активным, мог быть только коллектив, то этот суффикс является одновременно и показателем коллектива, т. е. множественности, еще не дифференцировавшейся от единичности, ей пока не противопоставляемой. Этот активный падеж гораздо шире по значению того, который в последующую, уже историческую стадию развития склонения оказался «родительным» и кумулирует функции ряда других косвенных падежей — дательного и инструментального, отложительного и даже местного. Несомненно, что только этим и объясняются те явления синкретизма и смешений, которые мы находим в языке Авесты и в древнеперсидском. В последнем, как известно, якобы «утрачена» форма дательного падежа, являющаяся общей с формой родительного падежа. В авестийском же языке мы встречаем якобы унаследованное от «индоевропейской эпохи» смешение функций Genit. Sing. и Ablat. и общие формы Dat. -Ablat. Plur. и Dat. -Ablat. -Instr. Dualis, а также в дальнейшей эволюции самого авестийского языка смешение Locat. Sing. и Instrum. Sing., Locat. Sing. и Dat. Sing., Genit. и Dat., Genit. и Locat. и т. д.¹ Возможно, что проработка индоевропейских падежей не методами индоевропейцев (вроде исследования Hübschmann'a «Zur Casuslehre»), а в освещении нового языкознания, позволит среди канонизированных восьми индоевропейских падежей выделить основные и уже от них производные, наращенные.

Что наша активно-плюральная форма «ān», выражающая социально-активный коллектив, является именно косвенной формой, Casus obliquus в широком смысле, подтверждается также следующим обстоятельством. Когда индивид, выделившись из коллектива, стал восприниматься как социально активный субъект действия, то он как таковой получил соответствующую форму активного падежа. В ряде иранских языков он выражается гласным окончанием (Casus obliquus иранистов). Этот признак косвенного падежа естественно может присоединяться к форме номинатива имени только в единств. числе, но отнюдь не во множ. числе, так как мы видели, что форма множественности уже сама по себе косвенная. Так обстоит дело, напр., в талышском языке, где косвенный падеж множественного числа ничем не отмечается: надо сказать Zumseni dīlada — 'внутри арбуза', — с суффиксом 'i' Cas. obl., имеющего здесь значение

¹ См. Н. Reichelt. Awestisches Elementarbuch, §§ 425—428.

Genitiv'a, но Kinon dīlada (ед. ч. -kina), а не Kinonī dīlada 'среди девушек', ибо суффикс «on» — наш знакомый «ān», т. е. по происхождению активный падеж, совпавший в современном употреблении с Nomin. Plur. То же самое мы видим и в ряде других иранских наречий: в азербайджанско-курдском форма на «ān» множ. числа также в косвенном падеже не ставится — же proletaran от пролетариев (при наличии Casus obliquus на «ā»). В курдском говоре Бахдинана тоже there is no Case termination in the plural forms.¹ — В некоторых же языках показатель Cas. obl. распространился и на множ. число. Так, напр., в балучи, в котором, по Geiger'у, der Plural bleibt in der Regel unverändert, но бывают и присоединения к нему суффикса косв. падежа, что, как убежден Гейгер, является natürlich eine Neubildung nach dem Muster des Singulars.² В курдском говоре Соуджбулака тоже имеется такая Neubildung.³ По нашему мнению также это явление — позднейшее новообразование.⁴

Май 1936 г.

¹ См. Jardine. Op. cit., p. 5.

² Но эта Neubildung получила в балучи, повидимому, значительное распространение.

³ См. L. O. Fossum, § 123, p. 46.

⁴ Настоящая статья была написана нами и сдана в печать еще до выхода в свет «Нового учения о языке» акад. И. И. Мещанинова, и потому мы не могли, к сожалению, отразить в ней в применении к нашей теме тех новейших достижений в разработке проблемы стадияльной эволюции падежей, которые мы находим в этом выдающемся труде.

М. Я. НЕМИРОВСКИЙ

Способы обозначения пола в языках мира

«Язык такое же создание человека, как все прочие части, входящие в состав культуры, с тем отличием, что язык в то же время отражает в себе все этапы творчества и эволюции в развитии человечества и отражает в точных формулах, словах, как они сложены и как они используются в том или ином смысле».

Н. Я. Марр. Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении. Краеведение, 1927, т. IV, вып. I, стр. 8.

I

Вопрос о том, какими способами получает языковое выражение различие пола живых существ, возбуждал большой интерес еще у античных грамматиков. Этот интерес к данному вопросу, тесно связанному с более широкой проблемой взаимоотношения рода и пола,¹ станет нам вполне понятным, если мы вспомним, что учение о роде стояло в центре внимания античной грамматики как один из основных ее разделов.

В учении древнегреческих грамматистов, или, как их принято называть, грамматиков, совершенно правильно был установлен прежде всего тот факт, что различие пола живых существ не всегда обозначается в языке и что некоторые обозначения получают сексуально точный смысл лишь при посредстве особых дополнительных показателей.

Оказалось таким образом необходимым к старому делению имен на три рода прибавить два новых. Мы имеем об этом ясное свидетельство известного грамматика Дионисия Фракийского,² который сообщает: «Γένη μὲν οὖν εἰσὶ τρία, ἀρσενικόν, θηλυκόν καὶ οὐδέτερον, ἔτι δὲ προστιθεῖσι τοῦτοις καὶ ἕτερα δύο, κοῖνον τε καὶ ἐπίκοινον, κοῖνον μὲν οἷον ἄνθρωπος, ἵππος ἐπίκοινον δὲ οἷον χελιδών, ἀετός».

¹ См. об этом в моей работе «Род и пол. Из истории античной грамматики и ее влияния» (печатается в очередном томе «Известий Северо-Кавказского Педагог. института»).

² Ed. G. Uhlig, 24.

Дионисий не разъясняет терминов *κοινόν* и *ἐπίκοινον*, но приводимые им примеры дают нам ключ к их пониманию. Оба «рода» или разряда имен сходны между собой в том, что относящиеся к ним существительные представляют собой названия, общие для особей обоих полов, — поэтому и термины, подчеркивающие общность. Но между обоими «родами» имеется и различие: *κοινόν* (sc. *γένος*) или во множественном числе *κοινά* (sc. *ὀνόματα*) — это имена «общие», но при помощи особых показателей, «артиклей» (*ὁ, ἡ*), соответственно обозначающие особи определенного пола (при *ὁ* — мужского, при *ἡ* — женского); *ἐπίκοινον* или *ἐπίκοινα* тоже «общие» названия, но не обладающие такой способностью к дифференциации значения и всегда употребляемые в языке только с одним артиклем. Так, слово *ἄνθρωπος* «человек», которое в греческом языке может означать также «мужчина» (*ὁ ἄνθρωπος* с артиклем мужского рода) и «женщина» (*ἡ ἄνθρωπος* с артиклем женского рода), или слово *ἵππος* «лошадь», означающее также «конь», «жеребец» (*ὁ ἵππος*) и «кобыла» (*ἡ ἵππος*), — относятся к *κοινά*.

Но *ἡ χελιδών* «ласточка» и *ὁ ἀετός* «орел», всегда имеющие при себе артикль одного какого-либо рода и тем не менее не указывающие определенного пола, представляют собой *ἐπίκοινα*, «общие» имена, точнее «безразличные», безразлично обозначающие и самца и самку. Семантика слова — название вида — делает обозначение пола излишним, и артикль, несмотря на свою «родовую» форму, не обозначает никакого пола.

Таким образом, если *κοινά* приводят род и пол в соответствие, то в *ἐπίκοινα* род не имеет «реального» значения, а лишь «грамматическое».

Указанные разряды имен — *κοινά* и *ἐπίκοινα* — могли в греческом языке обозначать различные по полу особи еще и другим способом — посредством атрибутивных лексем (прилагательных) *ἄρσην*, *ἄρσην* «мужской» и *θῆλυς* «женский». Так, напр., мы читаем в «Илиаде» Гомера (Θ, 7) «μήτε τις οὖν θῆλεια θεός. . . . μήτε τις ἄρσην», где *θῆλεια θεός* «женский бог» и *ἄρσην θεός* «мужеский бог» означают «богиня» и «бог». Точно так же *ἐπίκοινα* могли превращаться этим путем в названия особей того или иного пола. Так, напр., слово (*ἡ*) *ἁλώπηξ* «лиса», обозначение и самца и самки безразлично, при помощи дополнительной лексики *ἡ ἄρσην* (т. е. сочетание *ἁλώπηξ ἡ ἄρσην*) получало значение «лиса-самец», «лис», а сочетание *λαγώς ὁ θῆλυς* — «заяц-самка», «зайчиха».

Латинская грамматика нашла соответствующие факты в латинском языке. Термин *κοινόν* или *κοινά* римляне перевели через *commune* (sc. *genus*) или *communia* (sc. *nomina*). Труднее было передать на латинском языке второй термин *ἐπίκοινον* или *ἐπίκοινα*. Римские грамматики передавали его поэтому преимущественно в оригинальной греческой форме,

фонетически латинизированной: *epicoenon* или *epicoena*, хотя встречаются и латинские эквивалентные термины *promiscuum genus* и *subcommune genus*.¹

Признаком *communia* латинские грамматики выставляли применение при них двух родовых форм местоимения («артикля») *hic* || *haec* (как в греческом артикле *ὁ, ἡ*). Классический пример, часто приводимый латинскими грамматиками: *hic* || *haec canis* 'кобель' || 'сука'.² Можно найти в латыни ряд *communia* и среди названий лиц: *comes, civis, coniunx, parens, sacerdos,dux, auctor* и др. Как примеры *epicoena* приведем (*haec*) *vulpes* 'лиса', *fellis* 'кошка', *hirundo* 'ласточка', *aquila* 'орел', (*hic*) *passer* 'воробей', *turdus* 'дрозд', которые употреблялись лишь в одном каком-либо роде (примеры, перед которыми поставлено местоимение *haec*, — всегда женского рода, а перед которыми *hic*, — всегда мужского рода), но обозначали безразлично и самца и самку.³ В доклассической латыни нередко для обозначения пола добавляли к *communia* и *epicoena* слова: *femina* 'женщина', 'самка' и *mas* 'самец'. Так, в языке сакральных предписаний употребляли выражения: *agnus mas* и *agnus femina* 'агнец' и 'агница', а знаменитая волчица, вскормившая, согласно легенде, Ромула и Рема, названа Энием *lupus femina*. Как архаизм встречаем мы выражение *agnus mas idemque femina* и у Тита Ливия, а Тацит говорит *bubus feminis* (*Germania*, 40).

Слово *femina* в качестве сексуального дистинктива (различительного признака) присоединялось и к названиям лиц, напр. Плавт (*Persa*, 475) говорит *civis femina* 'гражданка'. И позднее встречаются, напр., сочетания *Ligus mulier* (у Саллюстия), *Ligus femina* (у Тацита) 'лигурийка'.

Однако такой способ обозначения пола был неудобен своей громоздкостью и перифрастичностью. Чувствовалась потребность проще и легче выразить в языке различие пола. И для удовлетворения этой потребности нашлись в языке соответствующие средства, существовавшие в греческом языке уже в довольно раннее время. Такими удобными средствами были: 1) изменение окончания имени существительного и 2) удлинение основы суффиксацией с одновременным изменением и окончания.

Так, у Гомера мы находим нередко на ряду со словом *θεός* 'бог' *θεά* 'богиня', образованное изменением окончания *-ος* (муж. рода) на *-α* (женск. р.), и даже *θέαίνα* с суффиксом *-αίνα*.

¹ Donatus. *Grammatici Latini* ed. H. Keil (сокращенно G. L.), IV, 353, 375. *Subcommune genus* у Диомеда (G. L., I, 327).

² Sergius (G. L., IV, 492—494); Pompeius (G. L., V, 160).

³ См., напр., Varro. *De lingua latina*, IX, 55, и цитированные места Сергия и Помпея.

В дальнейшем развитии греческого языка этот способ образования названий для различения пола живых существ получает широкое распространение, особенно второй вариант (с суффиксами). Из чрезвычайного множества образований этого типа приведем следующие примеры:

I. (Без суффиксов) σύνευνος || σύνευνα 'супруг' || супруга', ἀδελφός || ἀδελφή 'брат' || 'сестра', θεῖος || θεῖα 'дядя' || 'тетя', χοῖρος || χοῖρα 'поросенок-самец' || 'поросенок-самка'.

II. (Суффиксальные) θεράπων || θεράπινα 'служитель' || 'служительница', λέων || λέαινα 'лев' || 'львица', βασιλεύς || βασιλεία, βασίλισσα 'царь' || 'царица', αὐλητής || αὐλητρίς 'флейтист' || 'флейтистка', λύκος || λύκαινα 'волк' || 'волчица', γενέτωρ || γενέτειρα 'родитель' || 'родительница' и др.

Римские грамматисты называли существительные этого типа «подвижными» (*nomina mobilia*), т. е. изменяющимися по родам в отличие от «неподвижных» (*nomina fixa*), неизменяемых по родам. Как примеры последних, они приводили существительные *frater* 'брат', *pater* 'отец', от которых нельзя образовать парных имен женского рода как названий особой женского пола.

«Подвижные» имена они подразделяли еще на два подразряда: 1) «подвижные» в собственном смысле, под которыми они разумели бессуффиксные образования того же типа, что греческие θεός || θεά и т. п., напр. *deus* || *dea* 'бог' || 'богиня', *dominus* || *domina* 'господин' || 'госпожа', *Gaius* || *Gaia* 'Гай' || 'Гая', (собств. имена муж. и женск.), *agnus* || *agna* 'агнец' || 'агница', *lupus* || *lupa* 'волк' || 'волчица' и т. п.; 2) «не вполне неподвижные» (*neque penitus fixa neque mobilia*), которые мы называли суффиксальными, как, напр., *gallus* || *gallina* 'петух', 'кур' || 'курица', *rex* || *regina*, 'царь' || 'царица', *victor* || *victrix*, 'победитель' || 'победительница', *haedus* || *haedilia* (Horatius. *Carmina* I, 17, 9), 'козел' || 'козочка', *leo* || *leaena* (Катулл и т. д.)¹ 'лев' || 'львица'.

Наконец, античные грамматикоты отметили еще один способ языкового обозначения пола живых существ, способ, который они называли гетеронимией. Под этим термином разумели обозначение различия полов при помощи названий, образованных от различных основ. В греческом языке мы нахо-

¹ Pompeius (G. L., V, 163 sq.): «Fixa sunt quae non possunt flecti ad aliud genus, ut si dicas *frater*. Numquid facit *fratra*?... Mobilia autem duo genera faciunt, id est si propria fuerint, duo faciunt *Gaius*: *Gaia*..., sunt aliqua quae neque penitus fixa neque mobilia, ut sunt illa *draco*: *dracaena*, *leo*: *leaena*, *gallus*: *gallina*, *rex*: *regina*. Si mobile esset, diceretur *draca*, si immobile esset, diceretur *draco* tantum. Sed modice flectitur et habet quod est *draco*, inde fit *dracaena*». Cf. Cleto (G. L., V, II, 39) приводит в качестве примера *fixa* слово *pater*, образцом *mobilia* выставляет *dominus*:*domina*, а затем приводит как *ex parte fixa* слова *draco*:*dracaena*, *leo*:*leaena*.

дим такие гетеронимические парные названия, как: πατήρ 'отец' || μήτηρ 'мать', ἀνὴρ 'мужчина' || γυνή 'женщина', τράχος 'козел' || αἴξ 'коза', κάπρος 'кабан' || σὺς, ὕς 'свинья'.

Из латинского языка можно указать, напр.: pater 'отец' || mater 'мать', frater 'брат' || soror 'сестра', gener 'зять' || nurus 'невестка', mas 'мужчина', 'самец' || femina 'женщина', 'самка', vir 'мужчина' || mulier 'женщина' (только о людях), senex 'старик' || anus 'старуха', servus 'раб', 'слуга' || ancilla 'рабыня', 'служанка', taurus 'бык' || vacca 'корова', aries 'баран', 'овен' || ovīs 'овца' и т. д.

II

Перечисленные способы обозначения пола живых существ не представляют особенности одних только классических древнеписьменных языков античного мира — греческого и латинского. В различных вариациях они существуют и в прочих языках прометеидской (индоевропейской) системы, а некоторые из этих способов являются универсальными в мировом масштабе. При этом наблюдается, что одни из этих способов распространены в одних языках названной системы, другие — в других, что один какой-нибудь способ является в данном языке излюбленным, что выбор средств обозначения пола весьма различен в разных языках — в одном языке богаче, в другом беднее, наконец, что некоторые из этих способов — универсальны. В рамках предлагаемой статьи мы принуждены ограничиться указанием наиболее характерных фактов, иллюстрирующих отмеченное многообразие языкового выражения пола живых существ, минуя все детали.

Мы начнем поэтому свой обзор способов языкового обозначения пола с наиболее распространенных, универсальных.

1. Таким является, прежде всего, указанная выше гетеронимия, которая распространена по всему миру. Мы можем найти примеры ее в прометеидских языках (ср., напр., *русск.*: отец || мать, сын || дочь, брат || сестра, зять || невестка, муж || жена, мужчина || женщина, мальчик || девочка, бык || корова, кобель || сука, жеребец || кобыла, селезень || утка; *нем.* Vater || Mutter, Sohn || Tochter, Bruder || Schwester, Mann || Weib, Herr || Frau, Knabe || Mädchen, Ochs || Kuh, Hengst || Stute; *англ.* father || mother, brother || sister, son || daughter; *франц.* père || mère, frère || sœur, mari || épouse, homme || femme, garçon || fille, boeuf, taureau || vache, étalon || jument, bouc || chèvre, coq || poule, mouton, bélier || brebis, cerf || biche; *итальянск.* padre || madre, fratello || sorella, marito || moglie, uomo || donna, femmina, bove, toro || vacca; *бретон.* tâd || mamm,

breur || c'hoar; *др.-ирланд.* athir || mathir, brathir || siur; *армян.* hayr || mayr, elbayr || khoyr; *персид.* pidār || mādār, birādār || hāhār, pisār || duhtār, mārđ || zān; *осетин.* mād (mādā) || fīd (fīdā), ārwad || xvārā; *санскрит.* pitar || mātār, bhrātār || svasar, sunuh || duhitar, ukṣan || gauh; *тохар.*¹ pāsar || māsar (A), pāser || mācer (B), Obl. pātār || mātār, prasar || sar из * śāsar (A), se || ckāsar (A), soyā || tkācer (B); *литов.* sunus || dukter и т. д.); в яфетических (ср. *баскск.*² gizon 'мужчина' || emazle 'женщина', aīta 'отец' || ama 'мать', zaldi, zamari 'конь' || behor 'кобыла', ahalzarlz 'баран' || ardi 'овца'; *чеченск.*³ qhōnax 'мужчина' || zuda 'женщина', hajghar 'жеребец' || qela 'кобыла', stu 'бык', 'вол' || jet 'корова', bož 'козел' || gaza 'коза', ka 'баран' || ži 'овца'; *ингуш.*⁴ ust 'бык' || jat 'корова', ust ghā 'баран' || žij 'овца', boč 'козел' || gaza 'коза'; *тюринск.* šiw 'жеребец' || xwar 'кобыла', jas 'бык' || kal 'корова', her 'баран' || šek 'овца', kek 'петух' || weič 'курица'; *даргин.* (хюржил.) kiwa 'баран' || maza 'овца', unc 'бык' || qwal 'корова'; *табассаран.* ajghur 'жеребец' || xar 'кобыла', jas 'бык' || xini 'корова'; *лакск.* ars 'сын' || duš 'дочь', nic 'бык' || hol 'корова', ku 'баран' || tta 'овца'; *цахур.* jas 'бык' || zār 'корова', harg 'баран' || woga 'овца'; gadā 'мальчик' || iči 'девочка'; *рутул.* jas 'бык' || zār 'корова', ajghər 'жеребец' || xwar 'кобыла', wuhər, čhabal 'баран' || theh 'овца'; *агулск.* ajghur 'жеребец' || xwar 'кобыла', wes 'бык' || hani 'корова'; *арчин.* āga 'жеребец' || gwasi 'кобыла', ans, xili 'вол' || xon 'корова', bak 'баран' || čhan 'овца'; *анд.* unso, *ботл., карат., иодобер.* unsa, *ахвахск.* unča 'бык' || *анд.* zivū, *ботл., иодобер., карат.* zini, *ахвах.* zivun 'корова'; *дидо* is 'бык' || zia 'корова'; *анд.* hajman 'баран' || dan 'овца'); *турсек.* er 'мужчина' || kadin 'женщина', erkek 'самец' || dişi 'самка', oghlan 'сын', 'мальчик' || kuz 'дочь', 'девушка'; *якут.* oghuz 'бык' || anax 'корова', atyr 'жеребец' || biā 'кобыла'; *монгольск.* (халхаском)⁵ adžärgä 'жеребец' || gū 'кобыла', buxā 'бык' || unjē 'корова', būrā 'верблюд' || iŋgē 'верблюдица'; *тунгусск.* (эвенкийском)⁶ bəjə 'мужчина' || ast 'женщина'; *маньчжурск.* guča 'баран' || xonin, buča 'овца', ačžirgañ 'жеребец',

¹ Tocharische Grammatik bearbeitet in Gemeinschaft mit Wilhelm Schulze von Emil Sieg und Wilhelm Siegling, Göttingen 1931, стр. 65 и прим. 2. A. Meillet Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes, 6-е изд., Paris, 1924, стр. 349 сл.

² H. Gavel. Grammaire basque, t. I, Bayonne, 1929, стр. 41.

³ Услар: П. Чеченский язык (Этнография Кавказа, Языкознание, II, Тифлис, 1888), стр. 40.

⁴ З. Мальсагов. Ингушская грамматика. Владикавказ, 1925, Сборник слов.

⁵ Н. Н. Поппе. Практический учебник монгольского разговорного языка (халхаское наречие). Л., 1931, стр. 35.

⁶ Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. Л. 1934. Е. И. Титов. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926.

‘кобель’ || гео ‘кобыла’; японск. otoko ‘мужчина’ || onna ‘женщина’, titi ‘отец’, хаха ‘мать’; китайск. па́н ‘мужчина’ || пу́ ‘женщина’, џу ‘свинья’ || цзун ‘боров’, гу́н ‘самец’ || му ‘самка’ (животных), сүн ‘самец’ || зу ‘самка’ (птиц); арабск.¹ ħimār ‘осел’ || ‘atān ‘ослица’, ħisān ‘жеребец’ || faḡas ‘кобыла’; др.-евр. ‘aḏil ‘баран’ || ḡāḥēl ‘овца’; в за-падно-суданских² языках ba, ba-ba, o-ba, m-ba, a-ba³ ‘отец’ || ma, ma-ma, a-ma, m-ma, u-ma ‘мать’, также na, no, e-nā, o-na, n-na, i-na, u-ne, u-na ‘мать’, ni, o-ni, o-ni, e-ni, u-ni, e-nu, ni-na, a-num, a-ni ‘мать’; в языке кунама⁴ wa ‘отец’, nā ‘мать’; бари⁵ ba-ba ‘отец’ || ḥōte ‘мать’; динка⁶ гап ‘мужчина’ || tik ‘женщина’; волоф bāye ‘отец’ || mdei ‘мать’; эфик⁷ ēte ‘отец’ || ēka ‘мать’; в языках американских индейцев тлингит ꞑс отец || Ла ‘мать’, хох ‘муж’ || cat ‘жена’, yit ‘сын’ || sī ‘дочь’; маиду te ‘сын’ || ро ‘дочь’; дакота-тетон ate ‘отец’ || hu ‘мать’, hih⁸ na ‘муж’ || wī⁸ ‘жена’ и т. д. и т. д.⁸

2. Во всех языках мира для обозначения живых существ имеется, однако, неисчислимое множество названий, общих для особей и того и другого пола.

Но и эти названия могут получать значение наименования особей то одного, то другого пола, если это оказывается нужным.

Термины этого типа в языках, обладающих грамматическим родом, могут быть разделены на два разряда, для которых, как мы уже отмечали, еще древние грамматики изобрели особые названия — 1) κοῖνᾱ, κοῖνῆ и 2) ἐπίκοινα, ерісоена.

Рассмотрим сперва κοῖνᾱ, κοῖνῆ.

Они, обозначая особи то одного, то другого пола, сигнализируют об этом через «родовые» формы согласуемых слов.

В греческом языке показателями рода и пола служили, прежде всего, родовые формы артикля: ὁ ἵππος ‘жеребец’ || ἡ ἵππος ‘кобыла’ и т. п.

¹ C. Brockelmann. Semitische Sprachwissenschaft. Berlin—Leipzig, 1916, стр. 106.

² D. Westermann. Die westlichen Sudansprachen, Berlin, 1927. См. Stammwörterbuch, стр. 204, 254, 265 сл.

³ Встречается в некоторых языках этой группы и основа -ka (с вариантами ke, ga и пр.). См. указ. соч., стр. 229 и Aginsky, Grammar of the Mende Language, стр. 14—15 (Language Dissertations. Philadelphia, 1935, № 20).

⁴ Friedrich Müller. Grundriss der Sprachwissenschaft. III. Bd., I. Abt., Wien, 1887, стр. 58.

⁵ Op. cit., Bd. I, Abt. 2, стр. 70.

⁶ Op. cit., Bd. I, Abt. 2, стр. 52, 93.

⁷ Op. cit., стр. 138.

⁸ Franz Boas. Handbook of American Indian Languages, Part I, Washington, 1911, стр. 195, 719, 953.

В латинском языке такую же роль выполняли указательные местоимения: *hic* || *haec canis* 'пес' || 'сука'.

В испанском языке: *el testigo* || *la testigo* 'свидетель' || 'свидетельница', *el reo* || *la reo* 'преступник' || 'преступница', *el, la compatriota* 'земляк' || 'землячка', *el, la indigena* 'туземец' || 'туземка', *el, la homicida* 'убийца' и т. д.

Точно так же и прочие слова, изменяемые по родам и, следовательно, способные согласовываться, служат подобного типа экспонентами (показателями) рода существительного, к которому они относятся, и таким образом являются и дистинктивами (различительными показателями) пола особи, обозначаемой этим существительным. Так, напр., в русском языке мы имеем такие *communia*, как сирота, умница, пьяница, убийца, ханжа, плакса; из собственных имен — Шура, Тоня, которые могут обозначать то мужчину, то женщину.

Выясняется это из контекста (из словосочетания или предложения), из форм согласования, сигнализирующих семантику таких *communia*. Ср., напр., «Шура остался круглым сиротой», «Она — большая плакса», «Тоня — большая умница», «Этот ханжа — разоблачен», «Убийца арестован», «Шура пришел», «Шура пришла», «Тоня уже большая» и т. п. Сюда же следует отнести такие существительные, как, напр., староста, судья, врач, товарищ, некоторые заимствованные слова, как доктор, профессор, доцент, инженер и др. Ср., напр., такие предложения: «Староста первого курса товарищ Сергеев заявил...», «Доцент Лифшиц назначена главврачом клиники...», «Инженер Кравцова сделала доклад...», «Она — прекрасный архитектор», «Профессор Кравченко удостоена ученого звания: она получила звание доктора химии» и т. п.

Наконец, из контекста определяется (родовыми формами согласования) пол и в таких фразах, как: «Я готов, — сказал Кравченко», — «Я готова, — произнесла она», «Ты сегодня какой-то озабоченный», «Ты напрасно так огорчена», и т. п. («я» и «ты» — *communia*).

Таким образом *communia*, меняя значение, одновременно меняют и свой род, что тотчас отражается в согласуемых словах, указывая этим пол обозначаемой существительным особи.

Ерисоепа такой способности изменения своего рода не имеют. Но это не значит, что и они не могут в случае надобности употребляться в качестве названий особей то одного, то другого пола.

Прежде чем перейти к обозрению способов этого «перевоплощения», нужно отметить, что ерисоепа большей частью встречаются в номенклатуре животного мира.

Какой бы язык мы ни изучали, везде мы найдем немало названий, общих для самца и для самки.

Пол как признак, общий всем видам и породам животного мира, не является, следовательно, существенным в наименованиях отдельных видов и пород, а потому в языке и не выражается, пока не окажется необходимым подчеркнуть, что речь идет об экземпляре определенного пола — мужского или женского.

Так, напр., в русском языке мы встречаем такие ерисоепа, как носорог, бегемот, крокодил, кит, белка, обезьяна, ласточка, кукушка, синица, сорока, коршун, глухарь, рябчик, крот, акула и т. д. Все они принадлежат, как имена существительные, к определенному грамматическому роду («мужескому», как, напр., носорог, бегемот... или «женскому», как белка, обезьяна...), но никакого определенного пола не обозначают.

Такие же названия животных, общие для обоих полов, но грамматически принадлежащие к определенному роду, существуют и в прочих примитивных языках. Напомним, напр., *немецкие* der Fuchs 'лиса', der Maulwurf 'крот', der Hase 'заяц', der Adler 'орел', die Nachtigall 'соловей', die Taube 'голубь', die Gans 'гусь'; *французские* le cheval 'лошадь', le lièvre 'заяц', l'aigle (м.) 'орел', l'hirondelle (ж.) 'ласточка'; *испанские* el caballo 'лошадь', la liebre 'заяц' и т. п.

Заслуживает внимания, что в языках с тремя грамматическими родами названия животных, обозначающие безразлично особи обоих полов, относятся иногда к так наз. «среднему» роду. В особенности германские языки изобилуют такими названиями, как показывают следующие примеры: *нем.* das Ross 'конь'; *голланд.* het ros 'конь'; *нем.* das Pferd; *голл.* het paard; *датск.* Øg; *нем.* das Rind 'вол', 'бык'; *голл.* het rund; *швед.* nöt; *дат.* Nød; *нем.* das Schaf 'овца'; *голл.* het schaap; *швед.* far.; *дат.* Faar; *нем.* das Schwein 'свинья'; *голл.* het zwijn; *швед.* svin; *дат.* Svin и т. д. В датском к среднему роду относятся еще, напр., Asen, Æsel 'осел', Egern 'белка', Høved 'рогатый скот', Kanin 'кролик', Kamel 'верблюд', а в шведском — lejon 'лев', bi 'пчела', sto 'кобыла' и др.

В германских и славянских языках такие же сексуально недифференцированные названия среднего рода служат обозначениями молодых, не достигших половой зрелости, животных. Таковы в германских языках, напр., *нем.* das Follen; *голл.* het veulen; *швед.* föl; *дат.* Føl 'жеребенок'; *нем.* das Kalb; *голл.* het kalf; *швед.* kalv; *дат.* Kalv 'теленка'; *нем.* das Lamm; *голл.* het lam; *швед.* lamm; *дат.* Lam 'ягненок', в славянских, напр., *сербохорв.* теле, tele; *словин.* tele, prase; *болгар.* теле; *ягнэ*; *ст.-слав.* телл,

жребя; *русск.* (диалект.) теля; *чешск.* kotě, tele, jehně; *польск.* źrebię, cielę и др.

В указанных группах языков среднего рода также слово 'дитя', обозначающее безразлично и мальчика и девочку (ср. *др.-верх.-нем.*, *готск.*, *др.-сканд.*, *др.-сакс.* barn; *швед.* barn; *англо-сакс.* bearn; *др.-фриз.* bern; *др.-нижн.-франк.* kint (kind); *др.-верх.-нем.*, *др.-сакс.*, *др.-фриз.*; *норвеж.* kind; *нем.* das Kind; *ст.-слав.* дѣта; *болгар.* дете; *серб.-хорв.* дете, dete (dijete); *словин.* dēte; *чешск.* dítě; *польск.* dziecko и т. д.¹

Еписоена в номенклатуре животного мира распространены по всему миру. Мы найдем их, напр. в афетических языках Кавказа (ср., напр., *чеч.* ciçig; *ингуш.* cisk 'кошка'; *чеч.-ингуш.* boz 'волк'; *чеч.* qoqi 'голубь'; *ингуш.* qoq; *чеч.* ghaz 'гусь'; *даргин.* (хюркилин.) gata; *индийск.*, *ботлих.*, *годобер.* gedu; *тинд.* gidu; *кануч.* gedo; *арчин.* gatu; *путул.* get 'кошка'; *табассар.* gatu 'кошка'; *табас.*, *арчин.* sol; *авул.* sūl; *удин.* šul, *индийск.* sor 'лиса'; *путул.* si, *цах.* sōj; *будух.* sor; *даргин.* sinka; *индийск.* sej, *куан.*, *кануч.* sin 'медведь'; *путул.* ubul; *цахур.*, *джек.*, *будух.* džanawar; *табас.* džanuwar; *кубуч.* džanawur; *удин.* ul; *арчин.* jam; *анд.* boc'o; *хварш.*, *кануч.* boc'o; *ботлих.*, *годоб.*, *карат.*, *куан.*, *чамал.* bac'a; *тинд.* басса; *дидо* boc'i; *ахвах.* baça 'волк'; *даргин.* xwi 'собака' и т. д.), в тюркских языках [ср., напр., *азербайдж.* balina 'кит', qurt, çanavar (džanavar) 'волк', şir 'лев'; *турецк.-осман.* tilki 'лиса', at 'лошадь', aslan, şir 'лев' и т. д.]; в языках Банту (*суахили* mgami 'кит', mjuzi 'ящерица'; *дуала* tombe 'крокодил', musa 'рак', mueme 'летучая мышь'; *хереро* ombua 'собака'; *келе* mbia 'собака' и т. д.) и т. д.

Указанное явление настолько универсально, что дальнейшие примеры излишни.

В номенклатуре животных на ряду с такими общими названиями видов существуют нередко и сексуально дифференцированные специальные термины для обозначения особей разного пола. В первую очередь такие сексуально специфицированные наименования создаются для так называемых домашних животных, затем и для наиболее известных из диких животных, о чем будет сказано ниже.

¹ В германских языках даже названия взрослых человеческих существ бывают иногда среднего рода. Достаточно указать известный пример: слово 'женщина' — *нем.* das Weib; *др.-верх.-нем.* wip *англо-сакс.* wif, *др.-сакс.* wif, *др.-сканд.* víf. В древнескандинавском встречаются как neutra fljod 'женщина', skars 'великанша', skald 'поэт', в древнесаксонском fri 'женщина' и др. В современных германских языках имеется также ряд примеров, как *датск.* et Menneske 'человек' (*нем.* ein Mensch), et 'Vidne 'свидетель', et Bud 'вестник', *швед.* troll 'призрак' (ср. *русское* привидение), vittne 'свидетель', víf 'женщина', fruntimmer 'женщина'; *голл.* het wijf 'женщина', het mens 'человек', het heer 'господин', het personage, het mans persoon 'личность', 'персона' (с уничижительным оттенком).

Так, кроме общего названия породы, мы встречаем особые наименования для самца и для самки, напр., для таких животных, как 'лошадь' — 'жеребец' и 'кобыла', 'собака' — 'кобель', 'пес' и 'сука', (ср. *нем.* общее das Pferd и рядом Hengst и Stute; *голл.* ros, paard и специальные hengst, merrie; hond и спец. reu, rekel и teef, *голл.* rund — общее название вола и коровы и спец. термины stier, bul 'бык', 'вол', кое 'корова', schaap 'овца' и спец. термины: ram 'баран', ooi 'овца', zwijn, varken 'свинья' и спец. термины: beer 'боров', zeug 'супоросая свинья' и т. д. Часто различаются лишь особи разного пола, причем одно из двух названий является и общим для породы, как, напр., *русск.* баран и овца, боров и свинья, селезень и утка, петух и курица; *нем.* Ziege 'коза', Geiss 'коза' и Bock 'козел'; *голл.* geit || bok (sik — молодая коза), eend 'утка' и woerd 'селезень'.¹

III

Но если таких особых терминов для экземпляров того или другого пола нет, а подчеркнуть пол все-таки нужно, прибегают к помощи добавочных лексем, уточняющих значение общего названия. Лексемы эти могут иметь форму существительных, реже прилагательных, еще реже местоимений, но своей семантикой они одинаково сигнализируют определенный пол обозначаемой особи. Из существительных, применяемых в качестве таких сексуальных дистинктивов (различителей), чаще всего мы встречаем слова 'мужчина', 'самец' для обозначения мужского пола и 'женщина', 'самка' для женских особей.

Вот несколько десятков примеров, взятых наудачу из самых различных языков: *испан.* la lievre macho 'заяц', 'заяц-самец', la lievre hembra 'заяц-самка', 'зайчиха'; *др.-ирланд.* ban-dea 'женщина-бог', 'богиня' (dea 'бог'), ban-pat 'женщина-враг', ban-si 'сука', 'женщина-собака' (si 'собака', si 'пес'); *кимрск.* bwch gafr 'козел', 'козел-коза', 'самец-козы' (gafr 'коза'), ceiliagwydd 'гусь', 'петух-гусь', eyrw gwrgrw 'орел-самец', 'орел мужской', eyrw benyw 'орлица', 'орел женский', colomen wrgrw 'голубь' и colomen fenyw 'голубка', priod fab (из priod mab) 'жених', 'женатый сын', priod

¹ Ср. также *аварск.* cu 'лошадь', barti 'жеребец', hala 'кобыла', bugha 'бык' и hoika 'корова'; kuj 'баран' и lemag 'овца'; hoj 'собака', 'кобель' и guaži 'сука'; *лакск.* cu 'лошадь', ajghur 'жеребец', kas 'кобыла'; pis 'бык' и hol 'корова'; kas 'собака' и 'кобель', tula 'сука'; *туркмен.* okuz 'бык' и sьodьr 'корова'; it 'собака', korek 'пес, кобель', qanьr 'сука'; qojьn 'баран' и saojьr 'овца', teke 'козел', geci 'коза'; *маньчжур.* taxī 'лошадь', asžirgan 'жеребец', geo 'кобыла'; guša 'баран', xonin 'овца', muxašan, ešze 'вол', unien 'корова'; *монгол.* adžirga, adžirga 'жеребец', gu, geu 'кобыла'; хуса 'баран', хони 'овца'; ūker, šir 'бык', šar, sar 'вол', ūnie, ūnen, une 'корова'.

ferch (из priod merch) 'невеста', 'замужняя дочь'; нем. ein männlicher Hase 'заяц', 'мужской заяц', ein weiblicher Hase 'зайчиха', 'женский заяц', ein männlicher Adler 'орел', ein weiblicher Adler 'орлица', eine männliche Gans (Gänserich 'гусь-самец', 'гусак'), 'гусак', 'мужской гусь', der Rehbock 'изюбрь-козел', 'изюбрь-самец', die Rehkuh 'изюбрь-корова', 'изюбрь-самка', der Hirschbock 'олень-козел', 'олень-самец', die Hirschkuh 'олень-корова', 'олень-самка', 'лань', der Pfauhahn 'павлин-петух', 'павлин-самец', die Pfauhenne 'павлин-курица', 'павлин-самка', 'пава'; англ. he-cat 'кот', 'он-кот'; she-cat 'кошка', 'она-кот', he-dove 'голубь', she-dove 'голубка', даже she-man 'мужеподобная женщина', 'бойбаба', 'гермафродит'; персидск.¹ šāh-i-zān 'царица' ('царя женщина', 'жена'); rīgi-mard 'старик' ('старый мужчина'), zān-i rīg 'старуха' ('женщина старая'), māda-gāv 'корова' ('матка-бык'), nar-gāv 'бык' ('самец-бык'); татск. maraga 'корова'; талыш. nīgo (из nīr-go) 'бык'; мазандеран. nāre-buz 'козел', 'самец-коз', mōde-bamši 'кошка', 'самка-кот' (илян. rīčā-made);² осетин.³ nālfiš, nalfus 'баран', 'самец-овца', silfiš, śilāfus 'овца', 'самка-овца', nālxi 'вепрь', 'кабан', nālsäg 'козел', 'самец-коза', silsäg 'самка-коза', patcaxus 'царица', 'царь-женщина', idājläg 'вдовец', 'вдов-мужчина', idäjus, idäjösä 'вдова', 'вдов-женщина'; азербайдж. dişi tylky 'лиса', dişi şir 'львица', erkek qeci 'козел', dişi keci 'коза', erkək at 'жеребец' (где dişi 'самка', erkək 'самец'); турецк. (осман.) kuz oghlan 'дочь девушка', 'женщина-молодка', er oghlan 'сын', мужчина 'молодой'; абхаз.⁴ azabaghj 'заяц-самец', akudzamalar's 'волчица', 'волк-самка' (alap's 'сука', 'самка'), ačap 'кобыла', ('лошадь-матка' ачу, 'лошадь'+аап 'мать', 'матка'), аčаб 'мерин' (ачу+ааб 'отец', 'самец'); чечен.⁵ stieŋ borz, zud borz 'волчица', 'самка-волк', buoršan ciçig 'кот', 'самец-кошка', buoršan bad 'селезень', 'самец-утка', stieŋ bād 'утка', 'самка-утка'; ингуш.⁶ mālḥäsäg 'мужчина', 'мужской человек' qalsäg, 'женщина', 'кобыла-человек', 'самка-человек', borša hasä 'теленка', 'мужской теленок', se hasä 'телушка', 'женская-телка'; аварск.⁷ bihin, bihinab tsi 'медведь', со саҗаб tsi 'медведица', bihinab nuka 'ворон', соҗаб 'ворона'; лакск.⁸ burhnittuku 'осел-самец',

¹ Wilh. Geiger und Ernst Kuhn. Grundriss der iranischen Philologie, Bd. I, Abt. 2, Strassburg, 1898—1901, стр. 100, 356.

² Op. cit. p. 356.

³ Wsewolod Miller. Die Sprache der Osseten. Grundriss der iranischen Philologie, Bd. I, Anhang, Strassburg, 1903, стр. 40.

⁴ П. К. Услар. Абхазский язык.

⁵ П. К. Услар. Чеченский язык.

⁶ З. К. Мальсагов. Ингушская грамматика, стр. 23.

⁷ П. К. Услар. Аварский язык, стр. 84.

⁸ П. К. Услар. Лакский язык, стр. 47 сл.

cuttuku 'ослица', 'самка-осел', cussa cuša 'медведица', kurč'uč 'вдовец', 'вдов-мужчина', kurčušar 'вдова', 'вдов-женщина', hjoluoŋč 'сирота', 'сирота-мальчик', hjolū duš 'сирота-девочка'; *даргин.* (*хюркилин.*)¹ mur'ul adam'ili 'мужчина', 'мужчина-человек', hunul adam'ili 'женщина', 'женщина-человек', margha sinka 'медведь', 'самец-медведь', gwaha sinka 'медведица', 'самка-медведь'; *лезин.*² (*кюрин.*) ašuq ttim 'любовник', 'песельник-мужчина', 'веселый мужчина', ašuq ttim 'любовница', 'веселая женщина', jetim gada 'сирота-мальчик', jetim rus 'сирота-девочка', erkek sew 'медведь', 'самец-медведь', diši sew 'медведица', 'самка-медведь', kicdi džanawur 'кобель-волк', kačdi džanawur 'сука-волк', mirg 'олень', jacdi mirg 'бык-олень', kaldi mirg 'корова-олень', kur 'заяц', jacdi kur 'бык-заяц', diši kur 'зайчиха', 'самка-заяц', ačkardi kek 'фазан-петух', ačkardi werč 'фазан-курица' (ačkar 'фазан'); *агульск.*³ ille bagniš 'медведь', 'самец-медведь', xambe bagniš 'медведица', 'самка-медведь'; *цахур.*⁴ wughynna (из wughylna), balkan['самец-лошадь', huwunna džanawar 'волчица', 'самка-волк'; wughəldə džimiš 'самец-верблюд', hədəldə džimis 'верблюдица', 'самка-верблюд'; *грузин.*⁵ važ-katsi 'мужчина', 'мужчина-человек', deda-katsi 'женщина', 'мать-человек', važi-švili 'сын', 'мужчина-сын', k'ali-švili 'женщина-дочь' (собственно 'женщина-сын'), dat'vidzu 'медведица', 'медведь-матка'; *монгольск.* (*халхас.*)⁶ eŋə taxia 'мужчина-курица' 'самец-курица', emə taxia 'женщина-курица'; *китайск.* ko-та 'кобыла', 'самка-лошадь', (та 'лошадь'), er-та 'жеребец', 'самец-лошадь', gun-gou 'самец-собака', 'кобель', mu-gou 'матка-собака', 'сука', lan-тао 'мужчина-кошка', 'кот', nǚ-тао 'женщина-кошка', 'кошка', nai-žei 'мужчина', 'мужчина-человек', nǚ-zei 'женщина', 'женщина-человек', nai-haiŋ 'мальчик', nǚ-haiŋ 'девочка'; *японск.* inu-no mesu 'собака-самка' (mesu 'самка'), inu-no osu 'собака-самец' (osu 'самец'), neko-no mesu 'кошка-самка', neko-no osu 'кот', 'кошка-самец'; *тибето-бирман.* (группа *куки-чин*): нурум sa-nāi-ра 'сын' (pā = 'отец', 'самец'), sa-nāi-nū 'дочь' (-nu = 'мать', 'самка'); *лаи* pa-še 'мальчик', nū-še 'девочка', mī-ра 'мужчина', mī-nū 'женщина', vā-gāŋ-ра 'гусак', vā-gāŋ-nu 'гусыня', sūk-kī-sal 'олень', sūk-kī pī 'лань' (pī 'бабка'); *тибето-ималайск.* *Ленча*⁷ hik bu (ā-bu 'самец') 'петух', hik mot

1 П. К. Услар. Хюркилинский язык, стр. 40 сл.; Л. Жирков. Грамматика даргинского языка, М. 1926, стр. 15.

2 П. К. Услар. Кюринский язык, стр. 52—55.

3 А. Дирр. Агульский язык.

4 А. Дирр. Цахурский язык.

5 A. Dirr. Theoretisch-praktische Grammatik der modernen georgischen (grusinischen) Sprache, стр. 11.

6 Н. Н. Поппе. Указ. соч., стр. 35.

7 Grierson. G. A. Linguistic Survey of India, III, p. 236, 59.

‘курица’ (a-mot ‘самка’), mon su ‘вепрь’ (ā-su ‘самец’), mon mot ‘свинья’, ‘супоросая матка’; *аннам*.¹ kon-traí ‘ребенок-сын’, ‘сын’, kon-gai ‘ребенок-дочь’, ‘дочь’, kon-bo-dik ‘вол’, kon-bo-kai ‘корова’, kon-nia-dik ‘жеребец’, kon-nia-kai ‘кобыла’, kon-ga-trōn ‘петух’, kon-ga-mai ‘курица’ (dik ‘самец’ животных, trōn ‘самец’ птиц, kai ‘самка’ животных, mai — птиц); *енисейско-остяк*.² fig-dil ‘мальчик’, xim-dil ‘девочка’ (где fig ‘мужчина’, xim ‘женщина’); *венгерск. (мадьярск.)*.³ molnárné ‘мельничиха’, mosóné ‘прачка’, varrópó ‘ткачиха’, barátné ‘подруга’, szakácsné ‘повариха’, királynő ‘королева’, himoroszlan ‘лев’, [nöstényoroszlan ‘львица’ (где him ‘самец’, nöstény ‘самка’); *банту (дуала)*.⁴ mudun ma moto ‘старик’, ‘старый человек’, mudun ma muto ‘старуха’, ‘старая женщина’ (где moto ‘мужчина’, muto ‘женщина’), mom na náka ‘бык’, mōdi ma náka ‘корова’ (mom ‘самец’, modí ‘самка’); *западно-судан. (эве)*.⁵ povińutsu ‘брат’, povińonu ‘сестра’, vinutsu ‘сын’, vinonu ‘дочь’, (где nutsu ‘мужчина’, ŋonu ‘женщина’), ŋitsu ‘бык’, ŋino ‘корова’, avũtsu ‘кобель’, avũno ‘сука’, agotso, agono ‘мужской’, ‘женский экземпляр опахалообразной пальмы’ (где tsu, no — конечные слоги слов nutsu, ŋonu); *волоф*.⁶ dom и gor ‘дитя — которое самец’, ‘сын’, ‘мальчик’, dom и dhigen ‘дитя — которое самка’, ‘дочь’, ‘девочка’; pag wu gōr ‘бык’, pag wu dhigen ‘корова’; *кпезе*.⁷ nene-duo, nen-duo ‘девочка’, собственно ‘женщина-мальчик’ (duo ‘мальчик’, nene ‘женщина’) по-nene ‘дочь’, ‘сын-женщина’ (poi ‘сын’), pina-size ‘бык’, ‘корова-самец’, bađa-sa ‘овца’, ‘овечья матка’, ba-sire ‘баран’; *аватиме* onémi-ńimé ‘брат’, onemi-dze ‘сестра’ (ńimé вм. ońimé ‘мужчина’, ‘самец’, ođze, dze ‘женщина’); *чи*.⁸ atā (из атава, где wa ‘дитя’ является дистинктивом женского пола) ‘двойничная сестра’, okařa ‘рабыня’ (okařa ‘раб’); *динка*.⁹ fińe džonkor ‘кобыла’, ‘женщина, самка, лошадь’, uton adžed ‘самец-курица’, ‘бык-курица’, ‘петух’; *нубийск.*¹⁰ id-én ‘мужа женщина’, ‘жена’, fił-in ondi ‘слона самец’, ‘слон’ fił-in karre ‘слона самка’, ‘слониха’, eged-in ondi ‘овцы самец’, ‘баран’, eged-in karre ‘овцы-самка’, ‘овцы’, ‘овечья матка’. *Черноногих индей-*

¹ Fr. Müller. Grundriss, II, Bd. 2. Abt., S. 392.

² Fr. Müller. Op. cit. II, 1, p. 106.

³ J. Szinnyei. Ungarische Sprachlehre, Berlin-Leipzig, 1912, стр. 40; J. Szinnyei. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Berlin-Leipzig, 1922, стр. 76.

⁴ Seidel. Die Duala-Sprache in Kamerun. Heidelberg, 1904, S. 69 sq.

⁵ Westermann. Grammatik der Ewe-Sprache. Berlin, 1907, SS. 48—50.

⁶ Fr. Müller. Op. cit., I, 2, S. 92.

⁷ Westermann. Mitt. d. Seminars f. Oriental. Sprachen, XIII, Abt. 3, S. 62.

⁸ Westermann. Die Sudansprachen. Eine sprachvergleichende Studie, Hamburg, 1911, S. 41.

⁹ Fr. Müller. Op. cit., I, 2, S. 52.

¹⁰ Fr. Müller. Op. cit., III, 1, S. 31.

*цес*¹ (один из алгонкинских языков) *pinàke* 'предводительница' (*chief-woman*), 'предводитель-женщина' (*pinau* 'предводитель'); *полинез.*² *маори* *tamahine* (из *tama* 'дитя' и *wahine* 'женщина'), 'дитя-женщина', 'дочь', *tamariki* 'дитя-вождь', 'сын'; *меланез.*³ *вити* а *toa taiane* 'петух', а *toa alewa* 'курица' (где *toaiane* 'мужчина', 'самец', *alewa* 'женщина', 'самка').

IV

Как в античных языках, так и в прочих прометеидских языках, обладающих грамматическим родом, распространенное явление представляют так наз. *mobilia* «подвижные» имена, имеющие формы двух родов — мужского и женского, соответственно обозначающие особи мужского и женского пола.

Эти формы могут образовываться различно. Так, мы встречаем парные имена, в которых имя женского рода образуется от имени мужского рода прибавлением феминизирующего окончания. Примеры этого типа образований дают нам славянские и романские языки: *русск.* супруг || супруга, раб || раб-а, гость || гостыя; *франц.* l'habitant 'житель' || l'habitante 'жительница', le souverain 'государь' || la souverain-e 'государыня', le berger 'пастух' || la bergère 'пастушка', l'ours 'медведь' || l'ourse 'медведица', le loup 'волк' || la louve 'волчица'; *испан.* huesped 'гость', 'хозяин' || huespeda 'гостыя', 'хозяйка', marqués 'маркиз' || marquesa 'маркиза', bailarín 'танцор' || bailarina 'танцовщица', señor 'господин' || señora 'госпожа', varón 'мужчина' || varona 'женщина', león 'лев' || leona 'львица', pastor 'пастух' || pastora 'пастушка'; *португ.* senhor 'господин' || senhora 'госпожа', cantor 'певец' || cantora 'певица', deus 'бог' || deusa 'богиня' и т. д.

Второй тип *mobilia* — образующие женский род от имен мужского рода изменением окончания: *итал.* figlio 'сын' || figlia 'дочь', lupo 'волк' || lupa 'волчица', cavallo 'конь' || cavalla 'кобыла', pastore 'пастух' || pastora 'пастушка', professore || professoressa; *испан.* vecino 'сосед' || vecina 'соседка', hijo 'сын' || hija 'дочь', sastre 'портной' || sastra 'портниха', asistente || asistenta; *португ.* irmão 'брат' || irmã 'сестра', leão 'лев' || leoa 'львица', lobo 'волк' || loba 'волчица'; filho 'сын' || filha 'дочь' и т. д.; *хин-*

¹ An English-Blackfoot Vocabulary based on material from the southern Peigans by C. C. Uhlenbeck and R. H. van Gulik. Amsterdam, 1930. Verhandlingen d. k. Akademie v. Wett. Afd. Letterkunde, N. R. Doel XXIX, № 4, S. 46 (под словами chief, chief-woman).

² Fr. Müller. Op. cit., II, 2, S. 15.

³ Fr. Müller. Op. cit., II, 2, S. 56.

дустани (хинди) laṛkā 'мальчик' || laṛkī 'девочка', beṭā 'сын' || beṭī 'дочь', ghoṛā 'конь' || ghoṛī 'кобыла', kuttā 'пес' || kuttī 'сука' и т. д.

Третий тип *mobilia* составляют имена, образующие женский род от мужского посредством особых суффиксов, причем возможны 3 случая: а) суффикс жен. рода прибавляется к бессуффиксному имени муж. рода¹; б) суффикс жен. рода заменяет суффикс муж. рода и с) к суффиксальному образованию муж. рода присоединяется еще суффикс жен. рода.

Вот несколько примеров: а) *русск.* волк || волчица, медведь || медведица, тигр || тигрица, раб || рабыня, бог || богиня, чорт || чертовка, плут || плутовка, грек || гречанка; *франц.* duc 'герцог' || duchesse 'герцогиня', le tigre || la tigresse; *итал.* duca || duchessa, poeta || poetessa, leone 'лев' || leonessa 'львица', re 'король' || reina 'королева', eroe 'герой' || eroina 'героиня', gallo 'петух' || gallina 'курица'; *испан.* duque || duquesa, poeta || poetisa, rey || reina, héroe || heroína, gallo || gallina; *португ.* duque || duqueza, poeta || poetiza, rei || rainha, heroe || heroína, gallo || gallinha; *хиндустани* (хинди) yār 'друг' || yārñī 'подруга', lohar 'кузнец' || lohāran, loharīh 'кузнечиха', seṭh 'банкир' || siṭhānī 'банкирша', 'жена банкира', šer 'лев' || šernī 'львица'; *имр.* dyn 'мужчина' || dynes 'женщина', brenin 'король' || brenhines 'королева', llew 'лев' || llewes 'львица'; *нем.* Freund 'друг' || Freundin 'подруга', Wolf 'волк' || Wölfin 'волчица', Löwe 'лев' || Löwin 'львица', Gatte 'супруг' || Gattin 'супруга', Stenograph || Stenographin; *англ.* lion 'лев' || lioness 'львица', doctor 'врач' || doctress 'докторша', duke 'герцог' || duchess 'герцогиня', poet || poetess (заимствованные романские слова); б) *русск.* комсомолец || комсомолка, ударник || ударница, беглец || беглянка, крестьянин || крестьянка, гусак || гусыня, царевич || царевна, старик || старуха, старикашка || старушонка, Иванович || Ивановна, Ильич || Ильинишна; *франц.* le paysan 'крестьянин' || la paysanne 'крестьянка', l'empereur 'император' || l'empératrice 'императрица', directeur 'директор' || directrice 'директриса', gouverneur 'гувернер' || gouvernante 'гувернантка', veuf 'вдовец' || veuve 'вдова'; *итал.* imperadore || imperatrice, direttore || direttrice, attore 'актер' || attrice 'актриса', dottore || dottoressa; *испан.* emperador 'император' || emperatriz 'императрица', cantor 'певец' || cantatriz 'певица', canónigo 'каноник' || canonesa 'канонеса'; *португ.* imperador || imperatriz, actor 'актер' || atriz 'актриса'; *англ.* Mister || Mistress 'господин' || 'госпожа'; с) *русск.* учитель || учительница, знахарь || знахарка, батрак ||

¹ Обратный случай — образование от бессуффиксного имени жен. рода существительного муж. рода с особым суффиксом бывает редко. Ср., напр., *нем.* Gans || Gänserich, Ente || Enterich, Taube || Täuberich, *голланд.* kat || kater, gans || ganzerich, duif || doffer и т. д.

батрачка, ткач || ткачиха, купец || купчиха, плясун || плясунья, в заимствованных словах — доктор || докторша, фабрикант || фабрикантша, актер || актриса, пианист || пианистка, гувернер || гувернантка, директор || директриса, эмигрант || эмигрантка, студент || студентка, мастер || мастерица; *немец.* Inspektor || Inspektorin, Apotheker || Apothekerin, Bibliothekar || Bibliothekarin, Advokat || Advokatin и т. д.; *финск.* opettaja 'учитель' || opettajatar 'учительница', laulaja 'певец' || laulajatar 'певица'; *румынск.* lucrător 'рабочий' || lucrătoare 'работница'; *баск.* laborari 'крестьянин' || laborarisa 'крестьянка', koziner || kozinetsa 'повар' || 'повариха'.

Поскольку грамматический род существует и вне прометеидской системы, мы встречаем «подвижные» имена и в ряде других языков мира, прежде всего в семито-хамитических языках.¹

Женский род характеризуется в этих языках чаще всего окончанием -t.

Так, мы встречаем это окончание в *древнеарабском* (ср., напр., malik-un 'царь' || malik-at-un 'царица', sāriq-un 'вор' || sāriq-at-un 'воровка'); *эфиопском* (ср., напр., 'ans 'мужчина' || 'ans-t 'женщина'); *ассирийском* (mal(i)ku 'царь' || malkatu 'царица', šarru || šarratu тоже); *новоарабском* (ibn [из *bin] 'сын' || bint 'дочь', 'aḥ 'брат' || 'uḥt 'сестра'); *древнеегипетском* (son 'брат' || son-t 'сестра', nofer 'юноша' || nofer-t 'девушка'). В виде префикса это t обнаруживается в языке *билин*, напр., anšīn 'тесть' || t-ānšīnī 'теща'. В некоторых случаях t применяется одновременно и в виде префикса и в виде суффикса; напр. (в языке *тамашек*): amghar 'старик' || t-amghar-t 'старуха', anhil 'страус' || t-anhil-t 'страус-самка', elu 'слон' || t-elu-t 'слониха'; (в языке *шимба*) atbir 'голубь' || t-atbir-t 'голубка', askur || t-askur-t 'куропатка' (самец || самка).

На ряду с согласными и гласные часто служат в семито-хамитических языках показателями жен. рода. Таковы, напр., следующие парные образования: *билин*² žān (plur. от dān 'брат') || žan-ī 'сестра', giding 'пес' || giding-ī 'сука', gor 'сосед' || gor-ī 'соседка'; *сомали*³ wog 'мужчина' || ōr-ī 'женщина'; *кафа*⁴ ugo 'мужчина' || uge 'женщина', bušo 'мальчик' || buše 'девочка', mano 'брат' || mane 'сестра', kuro 'осел' || kure 'ослица'; *конт*.⁵ ugo 'король' || ugō 'королева', šbhēr 'друг' || šbhēr-ī 'подруга' и т. д.

¹ Fr. Müller. Op. cit., III, Abt. II, 2, SS. 235—237, 337—338.

² Fr. Müller. Op. cit., III, Abt. II, Häft 2, S. 237.

³ Meinhof. Die Sprachen der Hamiten, S. 236; Trombetti. Elementi di glottologia, p. 668.

⁴ Trombetti. Op. cit., S. 668.

⁵ Fr. Müller. Op. cit., III, Abt. II, 2, S. 236.

В языке *хауса*¹ от существительных муж. рода образуются имена жен. рода посредством следующих окончаний: -а, -wa, -iya, -ya, -niya, -на, -ана, -ina; напр.: abōki 'друг' || abūkiya 'подруга', uago 'мальчик' || uaginya 'девочка', zakī 'лев' || zakanya 'львица' и т. д.

В одном из языков группы канури — музук (муцук, музгу)² имена жен. рода образуются от основ муж. рода при помощи окончания i; напр., yugur 'петух' || yugur-ī 'курица', piliš 'жеребец' || piliš-i 'кобыла', bel 'раб' || bul-ī 'рабыня', kurek 'осел' || kurk-ī 'ослица'.

«Подвижность» имен существительных для обозначения пола применяется и во многих других языках в различных частях света. Так, в Австралии,³ в языке *наррингери* мы встречаем tarte 'брат' (младший) || tarti 'сестра' (младшая); в языке *авакабал* unti-kal 'туземец' || unti-kal-in 'туземка'; в языке *ябим* kate 'кузен' || kateo 'кузина', lasi 'младший брат' || lasio 'младшая сестра' (ср. сомали: dawa' || dawa'-o 'шакал-самец' и 'шакал-самка'). В дравидских языках (в Индии) можно указать также подобные «mobilia»; напр.: в языке *курук* (Ораон) āl 'мужчина' || āl-ī 'женщина', kuko-s 'мальчик' || kuko-i 'девочка'; в языке *малто* maqe 'мальчик' и maqi 'девочка', baɣa 'брат' и bāu-i-th 'сестра'; *куи* bā-i 'старшая сестра'.⁴ В языках *мунда*⁵ -а показатель муж. и -i показатель жен. рода имен существительных; напр.: в языке *мундари* da-da 'старший брат' || da-i 'старшая сестра', koɣa 'мужчина' || kuɣ-i 'женщина'; в языке *сантали* kōgā 'мальчик' || kuɣ-i 'девочка' и т. п.⁶

В тибето-китайских языках (индо-китайских)⁷ мы встречаем такие примеры «мобильности», как в языке *лушени* thien-ā 'о друг!' и thien-i 'о подруга!', в группе *нага* имя 'мать' производится от имени отца посредством суффикса i; в языке *кабуи* āro, āri 'отец' || aro-i, ari-i 'мать' в языке *тенза* ari — 'отец' || ar-ū (из ari-i) 'мать'.

Подобного рода мобильность мы находим и в языке *енисейских остяков*,⁸ где, напр., «мужескому» роду baghat 'старик' соответствует женского

¹ Meinhof. Op. cit., S. 72; Trombetti, loc. cit.

² Fr. Müller. Op. cit., IV, Abt. 1, S. 111; Trombetti, loc. cit.; см. также мою работу «Род и класс...», стр. 213.

³ Trombetti. Op. cit., p. 669.

⁴ Fr. Müller. Op. cit., III, Abt. I, S. 184; A. Trombetti. Op. cit., S. 669.

⁵ Называются еще колярскими языками, входят в «австро-азиатскую» группу.

⁶ A. Trombetti. Op. cit., p. 669. Ср. Fr. Müller, Op. cit., III, Abt. I, стр. III, который считает такие mobilia, как и согласование атрибутивного прилагательного с определяемым существительным, несвойственными этим языкам явлениями в виду отсутствия в них грамматического рода, образовавшимися, следовательно, под влиянием ново-индийских языков.

⁷ A. Trombetti. Op. cit., p. 670.

⁸ Fr. Müller. Op. cit., II, Abt. 1, S. 106.

рода bagham 'старуха', fur 'сын' || fun 'дочь', dal 'мальчик' || daleä 'девочка'.

В Америке в языках индейцев мы можем указать такие примеры, как в языке *чимук*¹ ikaba 'мужчина' || ö'ö kuil 'женщина', ikāsk's 'мальчик' || ökōsk's 'девочка'; в *аровакском*² языке basabanti 'мальчик' || basabanti 'девочка', kansiti 'возлюбленный' || kansitu 'возлюбленная'; в языке *Таенса*³ nuhor 'мужчина' || nuhoga 'женщина', konswar 'жеребец' || konswar-ā 'кобыла', isüal 'бык' || isual-ā 'корова'; в языке *коконо*⁴ quapuko 'мальчик' || quapuka 'девочка'; в языке *мбайя*⁵ yonigi 'сын' || yonaga 'дочь'; *мотако*⁶ yasa 'сын' || yase 'дочь' и т. д.

Особую разновидность «подвижных» имен представляют собой образованные при помощи классных показателей. Мы находим этот тип «подвижных имен» в яфетических языках Северного Кавказа, и то в очень ограниченном числе и как пережиток давно пройденного этапа развития. В виде таких реликтовых отложений, как омертвевшие, вскрываемые лишь лингвистическим анализом формы, выступают пред нами такие парные, образованные классными префиксами от общей основы, имена как:⁷

чечен.	va-ša 'брат' ji-ša 'сестра'	voу (voh) 'сын' jo-y (joh) 'дочь'
чеч. (майст.)	vo-ša » » » » » »	
ингуш.	vo-ša » jə-ša » vo-h » jo-h »	
бац.	va-šo » ja-šo » vo-x » jö-x »	
авар.	va-c » ja-c » va-s » ja-s »	
андийск.	vo-ci » jo-ci » vo-šo » jo-ši »	
ботлих.	va-ci » ja-ci » va-ša » ja-ši »	
годоб.	va-ci 'брат' ja-ci 'сестра'	va-ša 'сын' ja-ši »
карат.	va-ci » ja-ci » va-ša » ja-ši »	
ахвах.	va-ci » ja-ci » va-ša » ja-ši »	
куан.	va-š » ja-š » va-š » ja-š »	

¹ Franz Boas. Handbook of American Indian Languages, I, p. 597.

² Fr. Müller. Op. cit., II, Abt. I, S. 324.

³ Fr. Müller. Op. cit., IV, Abt. I, S. 154.

⁴ Trombetti. Op. cit., p. 670.

⁵ Loc. cit.

⁶ Loc. cit.

⁷ Ср. также авар. се-ве-қап 'предводитель' || се-је-қап 'предводительница' (с классными показателями пола — в- мужского, j- женского), даргин. (горкилин.) (-)ignава 'любовник' || d-ignава 'любовница', (-)uqna 'старик' || d-uqna 'старуха' (где муж. пол не обозначен особым префиксом, а женский — показателем d), арчинск. hallu-v || hallu-r 'владелец' || 'владительница' (с классными показателями -v для муж. р. и -r для жен. р., присоединенными в конце слов).

чамал.	va-c	»	ja-c	»	va-hi	»	ja-hi	‘дочь’
тинд.	wa-ci	»	ja-ci	»	vo-ha	»	ja-ha	»
агул.	-čü	»	-čī	»		»	ru-š	»
табас.	-čī	»	-čī	»		»	ri-š	»
кюрин.				»		»	ru-š	»
рутул.	šu	»	ri-ši	»		»	rə-š	»
цахур.		»	ji-či	»		»	ji-š	»
хиналуг.	cə	»	ri-cə	»	-ši	»	ri-ši	»
джек.				»		»	ri-š	»
будух.				»		»	ri-ž	»
даргин.	(w-)u-dzi	»	ru-dzi	»	ur-ši	»	ru-r-si	»
(хюркилин)								
лакск.	u-ssu	»	ssu	»	-	»	du-š	»

Различие пола обозначается в некоторых языках изменением огласовки существительных, служащих названиями особей того или иного пола. Таковы, напр., следующие парные имена:¹ манчжур. хаха ‘мужчина’ || хехе ‘женщина’, ама ‘отец’ || еме ‘мать’, ahun ‘старший брат’ || eiun ‘старшая сестра’; тунгус. акму || екмү; телеут. aga || ege; финск. ukko ‘старик’ || akka ‘старуха’; венгер. ak ‘старший брат’ || uk ‘бабушка’, ‘старуха’; дакота šhinski ‘сын’ || šhunski ‘дочь’, šhin ‘старший брат’ || šhun ‘старшая сестра’, heran ‘второй сын’ || haran ‘вторая дочь’; нубийск. aw ‘бабка’ || ūv ‘дед’, ‘дедушка’; люксийск. рара ‘бабка’ || рупи ‘дед’; маба min, tin ‘мать’ || mun, tun ‘отец’; маршалск. (Маршалск. острова) leo ‘супруг’ || lio ‘супруга’, lā-drik ‘мальчик’ || le-drik ‘девочка’; анка a-nrengu-a ‘брат’ || e-nrengu-e ‘сестра’; ваикурру² e-that-á ‘отец’ || a-thet-é ‘мать’; микир³ рō ‘отец’ || рē ‘мать’, рhu ‘дед’ || рhi ‘бабушка’, пу ‘дядя’ || ‘ni ‘тетя’ (по отцу), sō-рō ‘мальчик’ || sō-рi ‘девочка’ и т. д.; сингалез.⁴ kukul-a ‘петух’ || kiki-l-i ‘курица’, ballā ‘пес’ || bellī ‘сука’, ugā ‘кабан’ || īrī ‘супоросая свинья’;⁵ тувано⁶ zibae ‘мальчик’ || zibao ‘девочка’; чинук⁷ īkala ‘мужчина’ || ō’ōkuil ‘женщина’, ik’āsks ‘мальчик’ || ōk’osks ‘девочка’, ерт’au ‘вдовец’ || ōрт’au ‘вдова’, ēlaētioe ‘раб’ || ōlaētōe ‘рабыня’; кимр. asyn ‘осел’ || asen, ‘ослица’, hogyn ‘юноша’ || hogen ‘девушка’, samyll ‘верблюд’ || samell

¹ Trombetti. Op. cit., p. 242.

² Loc. cit., p. 242 sq.

³ Loc. cit., p. 670.

⁴ Loc. cit., p. 242.

⁵ Fr. Müller. Op. cit., III, Abt. I, S. 142.

⁶ Trombetti. Op. cit., p. 670.

⁷ Fr. Boas. Op. cit., I, p. 597.

‘верблюдица’; *кашмир*.¹ *host* ‘слон’ || *hastin* ‘слониха’, *wothu* ‘баран’ || *wathar* ‘овца’; *лахуда*.¹ *kukkur* ‘петух’ || *kukkijr* ‘курица’, *čhōhur* ‘мальчик’ || *čhōhir* ‘девочка’, *raṇḍu* ‘вдовец’ || *raṇḍi* ‘вдова’; *шини*.² *put* ‘сын’ || *pit* ‘дочь’, *čuš* ‘петух’ || *čaš* ‘курица’, *pebās* ‘внук’ || *pebēs* ‘внучка’.

В иных случаях различие пола обозначается изменением количества гласного, так, напр., в *албанском*.³ *plak* ‘старик’ || *plāk* ‘старуха’, *arī* ‘медведь’ || *aruš* ‘медведица’, *haydut* ‘грабитель’ || *haydutr* ‘грабительница’, но *gomār* ‘осел’ || *gomare* ‘ослица’; в *сомали*.⁴ *addon* ‘раб’ || *addōn* ‘рабыня’, *dāyer* ‘павиан’ (самец) || *dayér* ‘павиан-самка’, *nērig* ‘верблюдо-жеребенок’ || *nerig* ‘верблюдо-кобылица’.

V

«Первобытное человечество полом, как полом, при сложении своего мировоззрения не интересовалось».

Н. Я. Марр. Родная речь—могучий рычаг культурного подъема. Л., 1930, стр. 42.

Мы рассмотрели различные способы обозначения пола живых существ, применяемые в языках мира, и первый вывод, который должен быть сделан из нашего обзора, — тот, что нет в мире ни одного языка, где обозначение пола не могло бы получить того или иного языкового выражения. Во-вторых, заслуживает внимания, что наличие в языке какой-либо номинальной классификации или отсутствие таковой не имеет никакого влияния на способность этого языка обозначать пол живых существ, и языки, не обладающие никакой номинальной классификацией, как, напр., тюркские, монгольские и множество других, могут выражать различие пола не хуже любого из прометеидских языков с тремя или двумя родами, или языков банту с их многочисленными номинальными классами. Это положение обусловлено уже фактом существования таких универсальных способов обозначения пола, как гетеронимия или присоединение лексем-дистинктивов к общему для обоих полов названию. Кроме того, номинальная классификация может основываться не на сексуальном критерии, а на принципах совсем иного характера. Поэтому, напр., языки банту не обозначают различия пола классными показателями, между тем как в языках афетических (северо-кавказских) такое обозначение применяется, хотя

¹ Grierson. Op. cit., VIII, II; S. 269 sq.

² W. Geiger. Grundr. d. iran. Phil., 1, 2, S. 313.

³ G. Weigand. Albanesische Grammatik, Leipzig, 1913, p. 41 sq.

⁴ C. Meinhof. Die Sprachen d. Hamiten, S. 174.

и в ограниченном числе имен существительных «мужского» и «женского» классов.

Третий пункт, на котором необходимо здесь остановиться, это вопрос, зависит ли выбор языковых средств для выражения пола от структуры языка, от его грамматического строя.

Казалось бы, что ответ может быть только утвердительным, в действительности же положение оказывается гораздо более сложным, чем можно было бы ожидать.

В некоторых случаях зависимость эта не подлежит никакому сомнению. Так, языки аморфно-синтетического типа, вроде, напр., китайского, лишены возможности образовывать «подвижные» имена, какие имеются, напр., в греческом, латинском, русском языках, за отсутствием необходимых для этого морфем (суффиксов, окончаний).

«Подвижные» имена эти языки заменяют большей частью прибавлением к общему для обоих полов названию особых лексем, являющихся сексуальными дистинктивами. Там, где русский язык имеет парные «подвижные» названия для обозначения, напр., пары одного вида, но разного пола животных, как «кот» || «кошка», в китайском прибегают к дополнительным лексемам, прибавляемым к общему названию животного, так что получаются сложные термины: *lan-тао* 'мужчина-кот', *gun-тао* 'самец-кот' || *mu-тао* 'мать-кошка', *nju-тао* 'женщина-кошка' (где *тао*, общее название вида, обозначает безразлично и самца и самку, соответствуя русскому видовому термину 'кошка').

Однако этот способ обозначения пола не является вовсе специфической принадлежностью языков только указанного типа, а — как мы уже показали в предыдущем изложении — универсален, применим во всех языках мира, независимо от их структуры. К нему охотно обращается любой язык, как только обнаруживается затруднение в изменении основы при помощи аффиксации.

Поэтому мы встречаем его и в языках агглютинативных, хотя и располагающих некоторым количеством суффиксов, но не имеющих суффиксов для различения особей мужского и женского пола, как, напр., в тюркских (ср., напр., *турец.* *er oghlan* || *kuz oghlan*, *erqəq qəçi* || *dişi qəçi*), монгольских (ср. *монг.* *халхас.* *ere taxia* || *eme taxia*) и др. В венгерском языке мы можем наблюдать, как самостоятельное слово *nő* 'женщина', применяемое в качестве сексуального дистинктива, срастаясь с именем существительным, к которому оно служит атрибутом, превращается в суффикс — *né* (ср., напр., *királynő* 'король-женщина', 'королева' и *molárné* 'мельничиха').

Даже языки флективные с целью обозначить пол прибегают к такого рода образованиям, как *русск.* женщина-врач, женщина-шофер, *франц.* la femme médecin, la femme professeur, *немец.* Hirschbock || Hirschkuh 'олень-козел' || 'олень-корова', *импр.* priodfab 'жених', 'новобрачный сын' || priodferch 'невеста', 'новобрачная дочь', *др.-ирланд.* ban-dea 'богиня' и т. п. Такие образования вызываются и здесь разнообразными затруднениями при создании обозначений для особей того или иного пола, особенно женского.

Если в немецком языке для образования названий особей женского пола имеется лишь один суффикс -in, являющийся продуктивным (ср., напр., образующиеся от masculina epicoena: Wolf || Wölfin, Hund || Hündin, реже Hase || Häsin, Fuchs || Füchsin, Affe || Äffin; далее образования от feminina: Katze || Kätzin, даже Maus || Mäusin — все с Umlaut'ом основы; также Postbeamtin, Stenographistin, Zahnärztin и т. д.), а для особей мужского пола — также не более одной пары суффиксов -er, -rich (ср., напр., Kater, Ganser, Tauber, Gänserich, Täuberich, также Witwer рядом с epicoena fem. Katze, Gans, Taube и femininum Witwe), то существование таких терминов, как Hirschbock и Hirschkuh, становится понятным, тем более что своей структурой эти слова выдают древность своего образования. Французский язык, более богатый суффиксами, казалось бы, не должен испытывать подобных затруднений при обозначении пола. Но и в нем наблюдается то же явление.

Выбор суффиксов не разрешает вопроса во многих случаях. Хотя бы взять образование названий для лиц женского пола в параллель мужским le médecin, le professeur. Прибавить к médecin немое «е» и образовать слово la médecine невозможно, так как в языке уже существует такое же точно слово со значением «медицина». Для второго слова теоретически возможное образование fem. la professeuse (по аналогии таких пар, как danseur || danseuse 'танцор' || 'танцовщица') во французском языке, однако, не существует.

Несмотря на наличие во французском языке артикля с формами мужского и женского рода, создание таких *хон'а*, как le médecin || la médecin и le professeur || la professeur, не входит в речевую практику, между тем как испанский язык в ряде слов использовал этот прием обозначения пола (ср., напр., el testigo || la testigo, el indigena || la indigena). В русском языке существует целый ряд суффиксов для обозначения лиц женского пола в отличие от названий лиц мужского пола (очень продуктивный суффикс -ка: знахарка, рыбачка, торговка, гимназистка, студентка, машинистка; более новые — большевичка, комсомолка, пионерка, техничка, трактори-

стка, затем -ша: знахарша, докторша, билетерша, фабрикантша, музыкантша; -иха: дворничиха, сторожиха, купчиха; -ица, -чица, щица, -ница, в иностранных словах -иса). И тем не менее затруднений в образовании названий лиц женского пола немало. Так, для названий множества профессий, должностей, званий, которые прежде были для женщин недоступны, имеются термины, обозначающие только лиц мужского пола, и образование соответствующих обозначений лиц женского пола оказывается затруднительным или даже невозможным. От слова врач образуется соответствующее название лица женского пола врач-иха, которое в просторечии употребительно, но литературный язык этого образования избегает из-за его двусмысленности, так как врачиха может обозначать и часто обозначает «жена врача», а не «специалистка врачебного дела». Вот почему создан термин «женщина-врач», как во французском *la femme médecin*. В разговорно-бытовой речи суффикс -ша, также двусмысленный (докторша — «жена доктора» и «женщина-доктор»), применяется нередко к различным специалистам, как докторша, секретарша, кондукторша. А имеются случаи, когда в параллель названию лица мужского пола так и не существует соответствующего названия лица женского пола, особенно в литературном употреблении, как, напр., имена жен. рода к существительным муж. рода пловец, борец, враг, товарищ?¹

Наконец, мы должны отметить, что почти в каждом языке применяется не один только способ обозначения пола живых существ, а два или несколько. Некоторые языки особенно богаты этими способами. Таков, напр., из протоеидских кимрский язык (один из кельтских), в котором существуют: 1) гетеронимия, 2) *mobilia*, образованные суффиксами, 3) прибавление добавочных лексем-дистинктивов, 4) изменение огласовки, 5) образование *communia*.²

Третий способ еще имеет две разновидности: а) указанные лексем-дистинктивы могут представлять собою прилагательные, и тогда они ставятся после определяемого (напр. *egug gwrguw* 'орел мужской' и *egug bēnuw* 'орел женский') и б) лексемы в виде существительных, которые ставятся впереди определяемого, (напр. *bwch gafr* 'козел', собственно

¹ Врагиня как женский род к слову «враг» является собственно устарелым и областным, хотя встречается и в литературе (у Чехова, у Бальмонта), в народном языке имеются врагуша, ворогуша. К прочим существительным женского рода нет.

² Примеры гетеронимии: *bachgen* 'мальчик' || *geneth* 'девочка'; *celiog* 'петух' || *iâr* 'курица'; примеры суффиксации: *dyn* 'мужчина' || *dynes* 'женщина', *llew* 'лев' || *llewes* 'львица'; примеры изменения огласовки: *hogun* 'юноша' || *hogen* 'девушка', *cwrtyn* || *croten* 'маленький мальчик', 'маленькая девочка'; примеры *communia*: у *mudan* 'глухонемой' || у *fudan* 'глухонемая' (*eriscoenon mudan* с артиклем у делается *commune*, причем после артикля женского рода изменяется начальный согласный слова *mudan*).

‘козел-коза’, ‘самец-коза’). Вместе с тем, это обилие способов обозначения пола поучительно и в другом отношении: составляя принадлежность языка с сильно развитой морфологией, типологически представляющего одну из позднейших стадий языковой трансформации, но с явными пережитками пройденных этапов, это многообразие указанных способов может быть истолковано как образец сосуществования в языке разностадиальных отложений, различной древности пластов.

Этот факт делает необходимой попытку восстановить указанный процесс в его исторической последовательности, попытку определить древность указанных пластов, сохранившихся в виде пережитков и сосуществующих рядом с более новыми, живыми формами. Понятно, такая реконструкция может быть произведена большей частью гипотетически, поскольку приходится иметь дело с фактами, относящимися к древнейшим эпохам развития человеческого общества, его языка и мышления.

В этой области палеонтологии в широком смысле слова существенную помощь оказывают нам многие положения, добытые с удивительной проницательностью покойным акад. Н. Я. Марром, и прежде всего то, что «первобытное человечество полом, как полом, при сложении своего мировоззрения не интересовалось».¹ Доказывается правильность этого утверждения, во-первых, тем замечательным фактом, что в номинальных классификациях языков, стадиально более ранних, напр. языков банту, сексуальный критерий (различие пола) отсутствует совершенно,² во-вторых, еще более показательным обстоятельством, что первоначально названия живых существ создавались без учета различия полов, как это можно заключить из целого ряда таких названий, как термины родства, как названия различных животных, обозначающих безразлично особи и того и иного пола. Особенно обращают на себя внимание асексуальные названия родства. Примеры таких асексуальных терминов можно привести из многих языков, как стадиально более ранних, так и стадиально позднейших, в которых эти термины являются очевидно реликтовыми, пережиточно сохранившимися рядом с более новыми сексуально дифференцированными. Так, напр., в языке бареа³ (одном из кушитских языков) слово *abta* означает и ‘супруг’ и ‘супруга’, а *selebi*

¹ Н. Я. Марр. Родная речь — могучий рычаг культурного подъема. Изд. ЛВИ, Л., 1930, стр. 42.

² См. об этом мои работы: 1) *Japhetica-Africana*. Несколько параллельных явлений в яфетических (кавказских) и африканских языках (Изв. СКПИ, т. XII). Орджоникидзе 1935, стр. 21—26; 2) Род и класс. К вопросу о генезисе номинальных классификаций (Ингушский научно-исследов. инст. краеведения, т. IV, 2, Орджоникидзе — Грозный, 1935), стр. 242—248.

³ Fr. Müller. Op. cit., III, Abt. I, стр. 68.

‘жених’ и ‘невеста’; в мордовском языке (эрз.) *pat* ‘старшая сестра’, ‘тетя’, а также (мокш.) ‘старший брат’, ‘дядя’; в турецком (осман.) *karadaş* ‘брат’ и ‘сестра’, в гиляцком *akı* ‘старший брат’ и ‘старшая сестра’, в тунгусском в одних диалектах — ‘отец’, в других — ‘мать’, в др.-греческом *χάσις* ‘брат’ и ‘сестра’, в древнейшем латинском *puer* ‘сын’ и ‘дочь’, *parens* ‘отец’ и ‘мать’, ‘родитель’, ‘родительница’, в голландском *ouder* ‘отец’ и ‘мать’, в немецком *Geschwister* ‘братья-сестры’ и т. д. Во многих случаях такие термины родства и прочие *epicœna*, созданные без учета различия полов, уже на глазах истории теряют свою прежнюю асексуальность, превращаясь в *communia*, или дифференцируя свое общее значение иными способами, как, напр., при помощи дополнительных лексем, «подвижности», изменения огласовки и т. д. Показательным в этом отношении примером является древне-греческое слово *θεός*, которое лишь в более позднее время получило значение ‘божество мужского пола’, ‘бог’, а в древнейшее время имело значение более общее и асексуальное — ‘божество’, как это ясно из древнейшего употребления этого слова. Если нужно было указать, о каком божете идет речь, мужского или женского пола, древние греки уточняли термин *θεός* посредством артикля муж. или жен. рода (*ὁ θεός* ‘бог’ || *ἡ θεός* ‘богиня’) или прибавляли дополнительные лексемы (*ἄρρην*, *ἄρσην* || *ἄηλος*). Лишь после того, как были созданы слова *θεά*, *θείαινα* ‘богиня’, слово *θεός* стало обозначать ‘бог’. Точно так же слова *σύνευος* ‘один из супругов’ и ряд других *epicœna*, очевидно, такого же происхождения от асексуальных терминов, обозначавших безразлично и мужчину и женщину. Позднее господствует в греческом языке «подвижность» имен, как показывают парные образования: *ἑταῖρος* ‘друг’ || *ἑταῖρα* || ‘подруга’, *θεράπων* ‘слуга’ || *θεράπεινα* ‘служанка’, *ἄναξ* ‘повелитель’ || *ἄνασσα* ‘повелительница’ и т. д.

С каждым веком число *mobilia* умножается и к концу древнегреческого периода язык насчитывает ряд новых образований женского рода с новыми суффиксами: -ισσα, напр. *ἀγγέλισσα*, *ἀρχόντισσα*, *γειτόνισσα*; -εσσα, напр. *βαθέσσα*, *παχέσσα*; -ουσσα, напр. *εὐλαβοῦσσα*; -αινα, напр. *φίλαινα*, *γεítaйна* и пр.

Та же картина открывается нам в истории латинского языка. В одной из статей *lex Servi Tulli* мы читаем: «*si parentem puer verberassit, ast olle plorassit, puer divis parentum sacer esto*». Из контекста ясно, что *parentem* означает безразлично ‘отца’ или ‘мать’, а *puer* ‘сын’ или ‘дочь’. Позже, в классической латыни *puer* || *puella* получили значение ‘мальчик’ || ‘девочка’, а *parens* как *commune* мог обозначать то отца, то мать, в зависимости от согласуемых слов (ср., напр., из речи Цицерона против Катилины, 1, 17 sq.: «*muns te patria, quae communis est parens omnium nostrum, odit ac*

metuit...», причем в предыдущей фразе сказано: «Si te parentes timerent atque odissent tui...»; из писем ad Att. IX, 9, 2, и т. п.; у Вергилия, Aeneis IX, 84: «tua cara parens», а также как обычное поэтическое выражение, начиная от эпохи Августа).

Все большее распространение получают mobilia, и, на ряду с более употребительными типами: deus || dea, filius || filia, victor || victrix; создаются такие, как: avus || avia, rex || regina, к *feminina* cora и lena — *masculina* caupo и leno, а позже hospes || hospita, cliens || clienta, sacerdos || sacerda, sacerdotā, sacerdotia, sacerdotissa, eques || equitissa, frater || fratria, fratrissa 'жена брата'.¹

Epicoena, особенно многочисленные в номенклатуре животных, также, повидимому, унаследованы от той стадии развития языка и мышления, когда «первобытное человечество полом, как полом... не интересовалось».²

И в этой категории имен можно проследить точно такой же ход развития от первоначально асексуальных названий вида животных к дифференцированным сексуально терминам. Античные языки дают классические примеры этого развития. Изучение номенклатуры животных в этих языках показывает, что в древнейшее время здесь существовали только epicoena, затем стали присоединять дополнительные лексемы или создавать communia, наконец, появились так наз. «подвижные» имена (mobilia). Древне-греческие κοῖνᾱ: ὁ, ἡ ἄρκτος 'медведь', 'медведица', ὁ, ἡ ἵππος 'конь', 'кобыла', очевидно, более поздние, сексуально дифференцированные термины, артиклями показывающие мужеский или женский пол животного, название которого первоначально было асексуальным.

Некоторые κοῖνᾱ превратились затем в «подвижные» имена, причем большей частью к мужского рода слову создавалось от той же основы слово женского рода. Таковы, напр., χοῖρος || χοῖρα, λέων || λέαινα, ἀλετριών || ἀλετριάνα и т. д. Образование masculinum к femininum, как περιστερός || περιστερά 'голубка', явление редкое.

И в латинском языке более древнего периода господствуют в номенклатуре животных epicoena, для дифференциации же названий особой различия по полу применяются или дистинктивы-лексемы mas и femina³ или

¹ Греческий суффикс -ισσα, который мы находим в трех последних словах, получил широкое распространение в европейских языках, напр. испан. la poetisa, la sacerdotisa и др.

² Н. Я. Марр. Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, стр. 42.

³ В старинных римских сакральных предписаниях: «tertia spolia Janui Quirino agnum marem caedito; si tangit (sc. paelex aedem Junonis), Junoni... agnum feminam caedito».

при помощи согласуемых слов придают им нужное в контексте значение (hic || haec lupus, lupus feta [Ennius, Annales 68], haec agnus и т. д.).

Но уже у Плавта мы встречаем *mobilia*: gallus || gallina, у Катутла leaena (греч. λέαινα), у Лукреция lea 'львица' к leo 'лев', у Горация haec || haedilia. Появляются многочисленные *feminina* на -ā к *masculina* на -us: agnus || agna, porcus || porca, ursus || ursa и т. п. И наоборот, прежние *epicoena feminina* получают в параллель *masculina*, рядом с которыми первые превращаются в настоящие названия особей женского пола. Таковы пары: carpa || caper, colubra || coluber, columba || columbus и т. д.

Нередко первоначальная асексуальность термина, обозначающего живые существа, скрывается под новыми, в той или иной форме дифференцированными названиями особей того или иного пола.

Так, афетические языки Кавказа имеют парные имена, образованные от общей основы при помощи классных показателей «мужского» и «женского» классов, имена, которые представляют в сущности разновидность «подвижных» имен, какие существуют в языках с грамматическим родом. Главное различие в том, что последние изменяют конец слова, а афетические языки — начало. Отделяя классные префиксы, являющиеся показателями пола обозначаемых человеческих существ, мы получаем общую основу, представляющую собой асексуальные названия лиц, некогда в эпоху родового общества применявшиеся в языке. Таковы, напр., выше приведенные термины: *чечен.* vā-šā 'брат' || ji-šā 'сестра', *ингуш.* vo-šā || jəšā, легко обнаруживающие общую основу -šā и ряд других (см. стр. 214). Также и те названия живых существ, которые различие пола обозначают различием огласовки, как, напр., *мачжур.* хаха 'мужчина' || хехе 'женщина', ама 'отец' || еме 'мать' и т. п., некогда были, нужно думать, такими же *epicoena*.

Даже некоторые гетеронимические слова, имеющие ныне совершенно определенное сексуальное значение, произошли, надо думать, из терминов, первоначально асексуальных. Так, напр., некоторые термины родства, как 'отец-мать' или 'дед-бабка', повидимому применялись некогда как названия старшего поколения коллектива без различия пола. Это предположение находит опору в том факте, что один и тот же термин в одних языках применяется как обозначение лиц мужского пола, а в других — как название женщин. Так, напр., *прометеид.* 'мать' (*русск.* мама, мать, *фран.* maman и т. д.) соответствуют *яф.* *грузин.* тама 'отец', *авар.* емен, а *прометеид.* *русск.* 'дед', 'дядя', *чечен.* dēdā, *ингуш.* dā 'отец', *кабард.* dade, *чечен.* dādā 'отец' соответствуют *грузин.* deda, *лезгин.* хиналуг. dede 'мать'; далее,

русс. ба-б-ка, ба-ба, *авар.* e-bel 'мать', *чечен.* bā-bā 'бабушка', *ав.* ba-ba 'мама', соответствуют *азерб.-тюрк.* ba-ba 'отец', *лезг.* ba-ba, *грузин.* ba-ba 'папа' и т. д.

Таким образом мы имеем основания предположить, что первоначально, в дородовую эпоху, пол живых существ в языке не выражался и потому все сексуальные термины первоначально были асексуальными. Эта асексуальность и доныне сохранилась в так наз. ерисоена. На следующем этапе языка и мышления, когда в коллективе появились половые подразделения, когда различие пола было осознано и понадобилось выразить его в языке, стали применять различные способы его обозначения. Пока язык переживал стадию аморфности, для этого применялись дополнительные лексемно-дистинктивы, как это и сейчас имеет место в языках, подобных китайскому, или прибегали к гетеронимическим образованиям. Когда же в языке стала развиваться морфология, получили широкое распространение такие способы обозначения пола, как «подвижность» (при помощи пре- или суффиксации), как изменение огласовки, как согласование (в том числе артикля).

Появление новых способов обозначения пола не влекло за собой обязательно исчезновения более старых. Последние сохранялись то как живые формы языка, то как пережитки пройденных этапов развития. Эти «омертвевшие» формы иногда оживали, когда в языке не оказывалось нужных средств обозначения пола: так, в русском языке создали старым, архаическим способом новые термины «женщина-врач», «женщина-архитектор», «женщина-шофер» и т. п.

Замечательно, что прежнее угнетенное положение женщины, ее бесправие, отразилось и в языке отсутствием целого ряда терминов для обозначения женщины-специалистки, женщины, занимающей тот или иной административно-государственный или общественный пост, и т. п. А когда раскрепощение женщины стало совершившимся фактом, в языке нехватило средств для создания новых терминов, необходимых для обозначения женщины в новых выпавших на ее долю ролях в общественной жизни, в производстве, в технике, науке и т. д.

Пришлось приспособлять старые, созданные для обозначения мужчин, названия различных должностей, профессий, специальностей к новым функциям в качестве обозначений лиц женского пола, и это дело нередко наталкивалось на серьезные затруднения из-за отсутствия соответствующих языковых средств. Язык отстал от общественного развития и в старые формы он пытается вместить новое содержание.

И тем не менее «язык во всем своем составе есть создание человеческого коллектива, отображение не только его мышления, но и его обще-

ственного строя и хозяйства — отображение в технике и строе речи, равно и в ее семантике».¹

Мы рассматривали язык лишь на маленьком участке его — в способах обозначения пола живых существ. И здесь, как в микрокосме, обнаруживается отражение человеческого мышления, обусловленного общественным бытием.

г. Орджоникидзе

Апрель 1935 г.

¹ Н. Я. Марр. Яфетическая теория. Программа общего курса учения об языке. АзГИЗ, Баку, 1928, стр. 79.

С. П. ОБНОРСКИЙ

Префикс «без» в русском языке

Подобно многим иным предлогам предлог без выступает в русском языке, как и в иных славянских языках, также в роли префикса. Предложное употребление без не вызывает особых замечаний: функция без как предлога четка и относительно ограничена; предлог без в прямом своем значении, вне употребления в известных рядах фразеологических сочетаний, одинаково известен и в литературном языке и в диалектической речи. Префиксальное употребление без- более сложно. Мы сталкиваемся с особенностями морфологического характера в группах производных образований с без-. Так, например, легко можно наблюдать преобладание производных образований с без- в группе имен прилагательных, поредение их у имен существительных (если не считать производных на -ость и др. от осложненных уже префиксом прилагательных) и бедность их среди глаголов, особенно же среди наречий. Кроме того, обращает на себя внимание принадлежность значительного числа производных образований с без- книжному, литературному языку. Действительно, очень небольшие сравнительно слои лексики с без- можно было бы отметить как органические элементы диалектической речи. Отсюда напрашивается теоретическое предположение — объяснение вообще группы наших производных образований с без- как болгарского по происхождению лексического слоя в нашем языке.¹ Ср. широкое употребление без- как префикса и в старом и в современном болгарском языке. Однако формулировка положения в таком безусловном виде была бы неправильна. Принятию такого утверждения препятствует фактическая наличность, помимо литературного языка, также в диалектах известного комплекса образований с без-. Нельзя, кроме того, не обратить внимания на то, что всем славянским языкам свойствен тип производных образований с без-. Этот тип сложений должен поэтому признаваться старшим вообще по своему образованию в языке. Сложившись в старшей стадии на почве всех славянских языков, в частности и в русском

¹ См., напр., Преображенский, Этим. словарь, I, 22.

языке, самый тип данных сложений естественно в дальнейшем здесь и там мог в том или другом отношении видоизменяться, расширяться в тех или иных разновидностях и т. д. Здесь, т. е. в конечном итоге — в истории сложений с без-, и следует искать объяснения факта неодинакового распространения производных образований с без- — с одной стороны, в литературном языке, с другой стороны, в диалектах.

Обозрение производных с без- удобнее всего начать с рассмотрения категории прилагательных, как сказано выше, наиболее насыщенной данным типом сложений. Можно думать, старшую здесь по происхождению группу составляют бессуффиксные прилагательные. По значению они представляют адъективацию сочетания из предлога без и имени существительного, обычно конкретного. Таковы, например, прилагательные — *безрукий, безрогий, беззубый, бесхвостый, безносый, безногий, безлапый, бескрылый, безрудый (рудь), безорбый, безглазый, безволосый, безбровый, безбородый, беззубый, беззобый, безлобый, безмозгий, безбрюхий, безосый (ось), безостый (ость), беспольный, бескорый, беспорый*, и под. Этот тип прилагательных одинаково свойствен и литературному языку и диалектам. Но в современном языке данный тип сложений не составляет уже живого образующего типа. Об этом свидетельствует наличие ряда образований данного типа, вообще представляемых лишь старшею стадией языка и в настоящее время в нем отсутствующих, с другой стороны — наличие многих данного типа образований, варьирующихся, однако, с параллельными формами — прилагательными суффиксального типа (с осложнением суффиксом -н-). Таковы, с одной стороны, прилагательные — др.-рус. *бесирдыи, бесмлыг*¹ (ἀνήλιος), *бестоудъ*² (ἀναιδής), *безоумъ*.³

Из приведенных форм первые две архаичны по своей морфологической структуре: они предполагают образование от соответственных отправных именных тем, без осложнения их уменьшительным суффиксом -ьц-; как

¹ По Словарю Срезневского в форме *бесмлыг* (из слова Епифания), с отражением явления второго полногласия. Форма *бесмлыгити*, известная по Супрасльской рукописи (464,7, по изданию Северьянова), должна считаться позднейшим образованием, с осложнением отправной формы суффиксом -и-.

² Срезневский определяет слово как имя существительное, но цитаты (из слова Ипполита об Антихристе, XII в., и из жития Нифонта, нач. XIII в.) указывают на двойственное употребление слова — и как существительного и как прилагательного. Очевидно, перед нами по происхождению прилагательное, подвергшееся субстантивированию.

³ Срезневский приводит слово как существительное с значением «dementia» и с ссылкой на единственный источник — поучение Константина Болгарского (по рукописи XII в.). В этом значении слово известно в украинском языке (*бѣзум*, по Гринченко), также диалектически в русском (*безум* Смол. у., см. Добровольский, Словарь). Однако слово имело и значение *potius agentis*, т. е. являлось прямым субстантивированием формы прилагательного; об этом говорят такие производные образования, как *безумец, безумок* (Даль) и др.

архаические формы они сменились позднейшими, по суффиксальному типу, адъективными образованиями, притом от вторичных, с осложнением суффиксом -ьц-, именных тем: *бессердечный*, *бессолнечный*. Формы *бестоудъ*, *безоумъ*, как адъективные образования, позднее субстантивировавшиеся (ср. др.-рус. *бестоудьѣ*, *безоумьѣ*), сами утратились в языке. Но ср. *бесстыдный*, *безумный* (др.-рус. *бестоудьныи*, *безоумьныи*) как соответственные позднейшие, по суффиксальному типу, образования. Сюда же, видимо, следует отнести образование *бесплода* (Даль), муж. и женск. рода. Это существительное могло по происхождению быть субстантивацией соответственного прилагательного, утраченного языком; ср. позднейшую по образованию форму прилагательного *бесплодный*. Значительную, с другой стороны, группу прилагательных рассматриваемого типа можно наблюдать как неустойчивую в языке, имеющую рядом параллельные формы с суффиксом -н-. Ср. *бесшерстый* и *бесшерстный*, *бесхвостый* и *бесхвостный*, *безрукав(н)ый*, *безост(н)ый*, *безлес(н)ый*, *безлист(н)ый*, *бескрылый* и *бескрыльный*, *бесколос(н)ый*, *бесколес(н)ый*, *безлолос(н)ый*, *безмезд(н)ый*, *безлав(н)ый*, *безверст(н)ый* и др. В этих данных колеблющихся форм перед нами очевидное свидетельство выбывания из языка как омертвевшего типа старших по образованию прилагательных бессуффиксного ряда путем замены их новым типом соответственных прилагательных, слагавшихся именно помощью суффикса -н-. Любопытно в этом отношении показание украинского языка. В украинском языке формы старшего бессуффиксного типа являются и в настоящее время живым морфологическим типом сложения прилагательных. Об этом свидетельствует наличие подобного типа прилагательных из сочетаний без и имен существительных позднейшего в языке заимствования. Таковы, например, прилагательные *безбарвий*, *безирунтий*, *безпарий* (от *пара*). По этой же причине в украинском языке вообще наблюдается большее количество бессуффиксных прилагательных рассматриваемого типа сравнительно с наличием их в русском языке; ср. укр. *безберігий*, *бездѣхий*, *безкѣстий*, *безмѣстий*, *безмѣвий*, *безкраїй* и др., также сохранение старших по сложению форм *безсѣрдий*, *безсѣлий*, которым соответствуют в русском вторичные, как указано выше, *бессердечный*, *бессолнечный*.¹

Морфологическую особенность всего рассматриваемого типа бессуффиксных прилагательных составляет общая их принадлежность к основам

¹ Из иных славянских языков в чешском и польском языке также имеется относительно большое количество именно бессуффиксных прилагательных рассматриваемого типа. Ср. в чешском языке *bezdechý* и *bezduchý*, *bezdomý*, *bezslzý*, *bezedný* и др., даже *bezfoušý* и под.; в польском языке — *bezdomy*, *bezduchy*, *bezgwiazdy*, *bezkrwi* и т. д.

на о. Поэтому и при *кость, ось* и под. соответственные производные прилагательные звучат в виде *безосый, бескостый*, укр. *безостий, безкостий* и т. д. Не составляют отклонений др.-рус. *безмистви*, как производное от *мистви* (не от *миства*), также др.-рус. *безмъздъ*,¹ которое подобно прочим «несклоняемым прилагательным» в роде *размъчъ, правъ, свободъ*, (не) *оудобъ*² и под. первично было наречным образованием, в дальнейшем функционально разветвившимся и получившим помимо прямой наречной также адъективную функцию.³ Особой оговорки требуют формы типа др.-рус. *безоумъ* и др. Согласно со сказанным выше следует предполагать существование исконно в русском языке формы *безоумъ* как прилагательного. Рядом существовала ее субстантивированная форма, ср. отмеченные выше производные от нее образования — др.-рус. *безоумьць* и др. От этой субстантивированной формы *безоумъ* как нормальная притяжательная форма имени существительного получилось образование (помощью суффикса -jo-) — *безоумль*, которое, с утратой в языке формы *безоумъ* как прилагательного, расширилось в своем значении, выйдя за пределы собственно притяжательного прилагательного. Сходные образования, видимо, содержатся в формах ц.-сл. *бестоуждъ*, др.-рус. *бестоужь* (ср. современное *бесстыжий*), также — др.-рус. *бесержа*:⁴ эти формы можно считать по происхождению теми же притяжательными прилагательными от субстантивированных форм *бестоудъ, бесърдъ*, позднее с утратой собственно прилагательных *бестоудъ, бесърдъ* соответственно расширившимися в своем значении. Не вся наличность бессуффиксных прилагательных рассматриваемого типа исконного русского происхождения. Таково большинство. Есть, однако, незначительное количество форм внешне подходящего типа, об исконном сложении которых на русской почве думать не приходится. Это прилагательные, семантически не представляющие адъективации сочетания без и имени существительного, а имеющие значение отрицания признака, выраженного формой смежного собственно прилагательного. Как видно, это типологически и семантически совершенно другая сравнительно с рассмотренной выше категория образований. Фактический, сюда относящийся, материал очень незначительный. Таковы — др.-болг. *безбогъ* (ἄθεος), др.-болг. и др.-рус. *безмътъи, бескърътъи*

¹ Срезневский, Материалы (со ссылкой на единственный источник — Октоих XIII в.); у Даля — *безмездый*.

² Meillet, *Études*, 266; Vondrák, *Vgl. slav. Grammatik*, I, 641 (2-е изд.).

³ Др.-болг. *безрати*, по свидетельству Супрасльской ркп. (= греч. ἀπολέμητος), есть особого типа образование при помощи -jo- непосредственно от сочетания предлога и именной формы. Ср. этого типа формы по указанию Миклошича — *безоумай, бештинаи, беспорокаи, бесконцаи* и др.

⁴ Содержится в сб. Святослава 1076 г.: не прѣбоудеть в ней бесерджа (в значении греч. ἀχάρδος).

(*бескврѣнныи*), рус. *беззубой* (Даль). Все эти прилагательные известны в вариантах с префиксом *не-* (*небогъ, нескврѣнныи* и т. д.); для всех них (с одним исключением — *безбогъ*) имеются сохраняющиеся в языке лежащие в их основе простые прилагательные (*мѣнныи, скврѣнныи*). В отношении отмеченного исключения — слова *безбогъ*, которое в не осложненном префиксом виде неизвестно в языке как прилагательное, можно заметить, что ничто не препятствует признавать существование в исконном прошлом слова *богъ* не только как существительного, но и как прилагательного, ср. помимо *небогъ* также современное *убойнѣи*. Таким образом отмеченные прилагательные и по своей морфологической структуре и по своему значению выделяются из всей прочей наличности рассматриваемого типа прилагательных. Они — позднейшего в языке происхождения, притом происхождения на почве книжного языка. Это именно для лексики старшей поры происхождения (*безбогъ, бескврѣнныи, безмѣнныи*) — явные болгаризмы, в самом болгарском языке явившиеся плодом искусственного перевода с греческого языка (передача греч. префикса $\alpha(\nu)$ через славянское *без*); форма *беззубой*, известная из Даля, представляет вообще искусственное сложение.

Вторую, основную по численности, группу прилагательных, осложненных префиксом *без-*, составляют прилагательные, образованные помощью суффикса *-нѣи*. Эта группа по составу своему сложная. И здесь большинство прилагательных аналогично рассмотренной беспрефиксной группе представляет собою адъективацию сочетания из предлога *без* и имени существительного. Различие здесь в том, что в сочетании предлога и существительного последнее обычно является абстрактным именем по своему значению. Ср., например, прилагательные *бессоннѣи, бесшумнѣи, безупречнѣи, безумолчнѣи, безудержнѣи, бессчетнѣи, бесстрашнѣи, бесспорнѣи, беспросветнѣи, безпризорнѣи, беспокойнѣи, бесконечнѣи, безответнѣи* и т. д. Эти прилагательные вообще представляют принадлежность литературного языка. Отсюда естественно предположение о происхождении их при посредстве болгарского языка. Если, действительно, посмотреть на древнеболгарский и древнерусский словарь, мы найдем там большое число этого типа прилагательных. Многие из них на протяжении истории исчезли из оборота нашего литературного языка, но очень многие сохраняются в нем до настоящего времени, в отдельных случаях осложнившись известными оттенками в значении. Таковы, например, прилагательные *безболѣзньнѣи, безбогазньнѣи, безбрачнѣи, безвиннѣи* ($\alpha\nu\alpha\iota\tau\iota\omicron\varsigma$), *безвластнѣи, безврѣмьнѣи, безласнѣи* ($\alpha\phi\omega\nu\omicron\varsigma$), *безинѣи, безирѣи, бездѣи* ($\alpha\lambda\gamma\alpha\iota\omicron\varsigma$), *бездарнѣи* ($\alpha\delta\omega\rho\omicron\varsigma$), *безаконнѣи, безлюбнѣи, безмѣрнѣи*

(ἀμείρος), безмзвными, безматежными, безнадеж(д)ными, безобразными (ἀσχημον), безопасными, безотзвтными, беспаматными, беспечальными, беспольными, беспомощными, беспорочными, беспрѣстанными, бездрадостными, безродными (ἀγενής), беславными, безмртными, бестрастными (ἀπαθής), беструдными, безоуспшными, безоутшными, бесцнными, бесчнными (ἀτακτος), бесчислыми, бесчюувствными и т. д. Этими и многими подобными экземплярами лексики пестрят старшие памятники древнеболгарского, а за ним и древнерусского языка, памятники в большинстве своем переводные, возникшие почти исключительно на базе греческой письменности. Вполне понятно, что русский язык в старшую пору литературного своего развития крайне нуждался в этой отвлеченной литературной лексике и соответственно впитал ее в себя из доставшегося в готовом виде богатого источника в широчайшей степени. Но большое количество вошедших таким путем в язык новых слов привело к тому, что на их основе морфологически обобщился самый тип данного рода сложений, получивший живое образующее для языка значение: сложения нового типа, именно помощью суффикса -н-, явились вообще в нашем литературном языке новым словообразовательным принципом для всяких сложений с без-, входили ли в них сочетания с существительными абстрактными, или конкретными.

Так в языке начинают слагаться ряды прилагательных с конкретным именем существительным в основе, но по новому морфологическому типу, с суффиксом -н-, например прилагательные бездомными, безводными, безвздыными, беспоутными, безоружными, бестплесными, безлавными (ἀνέφαλος) и под., или в соответствии с имеющимися в языке старыми образованиями прилагательных бессуффиксного типа возникают варианты форм, с осложнением их суффиксом -н-, например безд(ь)нными (ср. др.-болг. безднъ, чеш. *bezdný* и др.), безроучными (ср. др.-болг. безржжъ), безмичными (ср. *безмичий*) и т. д. В современном языке имеется естественно значительное количество этих нового типа образований, с суффиксом -н-, для сочетаний без- с конкретными именами существительными; немало в нем, как сказано об этом выше, и новых вариантных форм прилагательных, с суффиксом -н-, созданных к старшей соответственно наличности бессуффиксных образований. Живою морфологической нормой современного языка, можно сказать, уже служат образования интересующего типа сложений именно помощью суффикса -н-. Ср. в этом отношении наиболее показательные данные с прилагательными, базу которых составляют иноязычные заимствования, например прилагательные беспринципный, бестактный, беспардонный, бесконтрольный, бесцеремонный и под., или прилагательные с име-

нами конкретного значения в основе, вроде *беспаспортный, безамбразурный, беспарусный* и т. д.¹

Большое количество кальк прилагательных, возникших на базе греческого языка в древне-болгарском и в старом русском языке, элементом без- передавали $\acute{\alpha}(\nu)$ греческого оригинала. Но этот префикс обычно в болгарско-русском переводился через не-. Передача греческого $\acute{\alpha}(\nu)$ privativum через славянское без- объясняется близостью значения этого префикса с значением не- в производных образованиях. И действительно, в древнем языке можно найти немало подходящей лексики с колебанием в ней префикса без- и не- при общей одинаковости значения соответственных слов. Ср., например, *безболъзньнъ* и *неболъзньнъ* ($\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\delta\upsilon\nu\omicron\varsigma$), *без-* и *небогазньнъ* ($\acute{\alpha}\theta\omicron\beta\omicron\varsigma$), *беззлюбивъ* и *незлюбивъ* ($\acute{\alpha}\lambda\alpha\kappa\omicron\varsigma$), *без-* и *немън(ост)ънъ* ($\acute{\alpha}\omicron\kappa\omicron\varsigma$), *без-* и *немиловичъ* ($\acute{\alpha}\nu\epsilon\lambda\epsilon\eta\mu\omicron\nu$), *без-* и *ненадеж(д)ънъ* ($\acute{\alpha}\nu\epsilon\lambda\pi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$), *без-* и *нечестънага*, *без-* и *неплодънъ* ($\acute{\alpha}\mu\alpha\rho\tau\omicron\varsigma$), *бес-* и *неправдънъ* ($\acute{\alpha}\delta\iota\kappa\omicron\varsigma$), *бес-* и *неприкладънъ* ($\acute{\alpha}\nu\epsilon\lambda\alpha\sigma\tau\omicron\varsigma$), *бес-* и *несквърньнъ* ($\acute{\alpha}\mu\iota\alpha\nu\tau\omicron\varsigma$), *беславънъ* и *неславънъ* ($\acute{\alpha}\delta\omicron\varsigma\omicron\varsigma$), *бестыдънъ* и *нестыдънъ* ($\acute{\alpha}\nu\alpha\iota\sigma\chi\upsilon\nu\tau\omicron\varsigma$), *бечъстънъ* и *нечъстънъ* ($\acute{\alpha}\tau\iota\mu\omicron\varsigma$), *бечоувъствънъ* и *нечоувъствънъ* ($\acute{\alpha}\nu\alpha\iota\sigma\theta\eta\tau\omicron\varsigma$) и др. Однако в русском языке префиксы без- и не- не адекватны: без- имеет значение «лишенный» известного признака, содержащегося во второй части сложения, не- обозначает лишь «не обладающий» признаком, выраженным второю частью сложения; сложения с без- имеют безусловное, абсолютное значение лишительности в отношении к основному признаку, входящему в состав сложения, в сложениях с не- лишь обозначается непричастность к данному признаку. На материале некоторых параллельных сложений с без- и не- из современного языка можно отчетливо видеть различие оттенков в значении одного и другого ряда сложений. Ср., например, отношение *бесчестный* = без чести и *нечестный* = не обладающий известным признаком (честности), *безумный* и *неумный*, *безубыточный* и *неубыточный*, *безвкусный* и *невкусный*, *беззаконный* и *незаконный*, *бесхозяйственный* и *нехозяйственный*, *бессмысленный* и *несмысленный*, *бессознательный* и *несознательный*, *безопасный* и *неопасный*, *безграмотный* и *неграмотный* и другие под. Эта дифференцированность в значении сложений с без- и не- в русском языке содействовала, с одной стороны, сохранению в языке доставшихся из старины дублетных форм прилагательных с без- и не-, с другой стороны дальнейшему их росту на почве русского языка. Ср. в современном нашем

¹ Следует заметить, что в сложениях с одушевленными именами исконно в основе наличествовал суффикс -н- как суффикс притяжательный. Ср. современное *безотный* или *безадвокатный*, *безагентный* и под., др.-болг. и др.-рус. *безматерънъ*, или *бездрожжънъ*, *безмоужънъ*, *бесопружжънъ*, *безжителънъ*, *бесцарьнъ* и др.

литературном языке такие дублетные формы прилагательных, как *безумолчный* (ср. *без умолку*), но и *неумолчный*, *безугомонный* и *неугомонный*, *бессчетный* и *несчетный*, *безвозвратный* и *невозвратный*, *беспрестанный* и *непрестанный*, *безвинный* и *невинный*, *бессомненный* и *несомненный*, *бесщастный* и *несчастный*, *безынтересный* и *неинтересный*, *безраздельный* и *нераздельный*, *беспричастный* и *непричастный*, *беспроглядный* и *непроглядный*, *беспробудный* и *непробудный*, *беспрерывный* и *непрерывный*, *безотложный* и *неотложный*, *беспрерывно* (просторечная форма) и *непрерывно* и др. В этом материале в большинстве случаев к первичным формам прилагательных с *без-* языком оказались воссозданы параллельные образования с *не-* по причине и общей семантической близости сложений с *без-* и *не-* фактической в языке наличности доставшихся из старины аналогичных дублетных образований. Все это в совокупности привело к новому морфологическому явлению в образовании интересующего типа сложений. Если основным типом сложений с *без-* было образование их на основе сочетания предлога и родит. падежа имени существительного, то теперь с усилением образующей функции префикса, как такового, стало возможным образование сложений путем сочетаний *без-* с именем прилагательным. Трудно хронологизовать это морфологическое новшество нашего языка. Можно во всяком случае сказать, что греческий язык, представляя для перевода многие ряды своих сложений из $\alpha(v)$ - именно с прилагательными (ср. в приведенном выше материале $\alpha\chi\alpha\chi\omicron\varsigma$ — *безлюбивъ*, $\alpha\nu\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\mu\omega\nu$ — *безмилостивъ* и под.), стимулировал развитие нового типа сложений и в болгарском и в русском языке. Должно кроме того отметить, что данный тип сложений получил широкое распространение в русском языке и в полной мере живое свое значение сохраняет до настоящего времени. Не всегда ясно, что перед нами — старший или позднейший по происхождению тип сложения. Так, например, *бесшумный* и под. могло сложиться и на основе «*без+шума*» и как «*без+шумный*» и т. д., но *безызвестный*, *бесчеловечный*, *безыскусственный*, *безнравственный*, *бесхозяйственный*, *безжизненный*, *безграмотный*, *бездеятельный*, *безотносительный*, *бестолковый*, *беззастенчивый*, *безразборчивый*, *безрасчетливый*, *беззаботливый* и под., *бесцветковый*, *безусиковый*, *безлепестковый* и мн. под. прилагательные, — вся этого рода лексика, вообще книжного происхождения, явилась путем сложения *без-* с соответственными прилагательными. Насколько этот тип сложения имеет живое значение для современного языка, может служить, например, прилагательное *бесхозный*, элемент лексики недавнего в языке образования, слово, принадлежащее к рассматриваемому типу сложений: хотя прилагательного «*хозный*», как такового, и нет в языке, но при наличности прочно

вошедшего в язык сокращения «хоз» (= хозяйство), ср. *колхоз*, *совхоз* и под., оно обладает потенциальным существованием, обеспечившим возможность нормального образования интересующего сложения именно по типу *без + хозный*.

Среди имен существительных, осложненных префиксом *без-*, можно опустить разновидности их образований, возникших на основе рассмотренных выше прилагательных. Таковы, например, многообразные образования на *-ость* (*безубыточность*, *бездеятельность*, *бестактность* и т. д.), или на *-ик* (*безбожник* и под.), *-ок* (*безголовок*, *бездомок*, *безумок*, др.-рус. *бездомъкъ*), *-ка* (*беззубка*, *бесколеска*), *-щина* (*бестолковщина*) и др. Значительную долю прочих сложений составляют обязавные тому же болгарскому языку имена на *-ик* или *-ьство* (*-ьствиѣ*), в нем образовавшиеся на основе греческого языка. Подобно рассмотренным выше аналогичного происхождения прилагательным и здесь греческие оригиналы слов дают те же сложения с *ἀ(ν)- privativum*. По своему значению все эти слова представляют отвлеченные имена существительные. Из имен на *-ик* и *-ьство* главенствуют образования на *-ик*, но встречаются дублетные формы одних и тех же имен существительных и на *-ик* и на *-ьство*, например *бесчиник* и *бесчиньство*, *бесъмртиѣ* и *бесъмрътьство*, *бестоу(ы)дик* и *бестоудьство*, *бестрашиѣ* и *бестрашьство* и т. д. В русском языке в сохранившемся наследстве этой лексики главенствуют имена существительные на *-ик* (*-ье*), но прижились в нем и некоторые слова на *-ьство* (*-ьствиѣ*), ср. *бесчинство* (при *бесчиние*), *безумство* (при *безумие*), *бесстыдство*, *безрассудство*, *беспутство* (ср. с иным значением *беспутье*), *беспокойство*, *беспамятство*, ср. еще *бездействие*, *бесцарствие*. Эта лексика в значительной мере удержалась в языке благодаря поддержке со стороны глагольных соответственных образований на *-ствовать*. Однако есть в русском языке интересующие сложения на *-ье* конкретного значения, с конкретными именами в основе, например *безрыбье*, *беспутье*, *беспортье* (др.-рус., в Новг. лет.), *бесплодье*, *безмодье*, *бездождие*, *безголовие*, *безводье*, *безветрие*, *безведрие*, *безрибье*, *безлесье*, *бесполье*, *безденежье*, др.-рус. *бездъниѣ* (*бездъниѣ*) и др. Многие из этих слов, по реальному своему содержанию красочно характеризую прошлую жизнь, для современности являются уже элементами собственно изжитой лексики, как и выражаемых ею понятий, ср., напр., *беспортье* (от др.-рус. *порт* = одежда), или *бездорожье* и под. Наличие этой лексики возбуждает вопрос об ее прошлом: можно ли в ней усматривать лексику русского органического происхождения? Следует обратить внимание на то, что почти все приведенные экземпляры слов имеются в языке в вариантных формах, как имена

существительные на -ица: *безрыбница, беспутница, бесплодница, безлюдница, безземельница, бездождница, безводица, безветрица, безлесьица* и под., ср. еще диалектическое *беззубница* (от *зуба = гриб*). Очевидно, при наличии этой последней лексики, вообще достаточно численной в языке, параллельные их формы на -ье не могут быть рассматриваемы как те же русские образования: трудно было бы оправдать появление в языке двух морфологических рядов слов с одинаковым значением. Считая поэтому тип образований на -ица сложившимся на непосредственно русской почве, параллельные приведенные экземпляры слов на -ье мы не имеем оснований отделять от указанного выше общего слоя наших сложений на -ие, как болгарского по происхождению. Ср., действительно, наличие ряда из числа приведенных слов на -ие в старших, переводного происхождения, памятниках др.-болгарского или старо-русского языка, как общее указание на книжное их происхождение. Таковы: *беспоутник* (*ἀνοδία*), *бесплодик* (*ἀκαρπία*), *бездъждик* (*ἀβροχία*), *безводик* (*ἀνυδρία*), *бездъ(ь)ник* (*ἀβυσσος*). Этот пришлый слой лексики был достаточно большой, на почве литературного нашего языка он несомненно морфологически был обобщен, поддержанный употреблением соответственной лексики в официальном, канцелярском стиле речи. Это объясняет нам и закрепление в нашем (литературном) языке многих соответственных элементов лексики старшего болгарского происхождения на -ие (при наличности в живом русском языке параллельных слов на -ица) и дальнейший на собственной его почве рост этого типа образований; ср. такие существительные, как *бездорожье, безведрие, беззирье, безденежье*, др.-рус. *безголовик, беспортье* и под. Что касается собственно русского приведенного типа сложений на -ица, его объяснение представляет трудности. Дело в том, что слишком пестра группа соответственных имен существительных: рядом с *бесхлебница* и под. здесь стоят в линии такие имена, как *бесмыслица* (ср. др.-рус. *безмътица*, в поучении Владимира Мономаха), или *безработица*, или *бесприданница* и др. Можно исходить из предположения, что данный тип сложения имен существительных первоначально возник на основе имен прилагательных с без- старшего, *бессуффиксного* типа, субстантивированные формы которых вообще явились источником ряда дальнейших производных образований. И подобно тому, как от *безголовый, беззубый, безрукавый* и под. сложились производные в роде *беззубка, безголовок, безрукавка, бездонныш* (сосуд), *бесколоска* и т. д., так в другой линии от них же пошел ряд производных на -ица: *бесколосица, безволосяица, безлесьица, безрозица* и под., или *беспутница* (ср. др.-рус. *беспута* в значении «бездорожье»; ср. современное прилагательное *беспутный* при *беспутный*), или *безленица, беззрелица* и т. д. В дальнейшем

оставалось в языке лишь обобщиться данному типу сложений и морфологически и семантически: ср. *бессмыслица*, *безладница* и под., или *безработица*, или *бездельница* и т. д. Со стороны морфологической структуры интересны остающиеся бессуффиксного типа сложения имен существительных с без-. Их вообще немного. Это тип аналогичный сложениям с без- прилагательных из сочетания префикса и отправной формы собственно прилагательного. Таким образом, это тип, параллельный типу сложений с не-. Так, ряду слов, как *недруг*, *непогода*, *несчастье* и под., соответствуют сложения с без-, — *бессчастье*, *безмилость*, *безбоязнь*, диалектические и просторечные *бездоровье* (Добровольский, Смол. словарь, 75), *безласка*, *безмихва*, *беспека* (беспечный), *бэззо(ы)ва* (размолвка), *бэстолочь*, *бэссудь*, *бэздожь* (= бездожде), *бэстужь* (стыд), *бэзружь* (от руда) и под., ср. в украинском *бэзсуд*, *бэзчесть*; можно указать на пример этого типа сложения из старого книжного языка: таково др.-болг. и др.-рус. *бестыма* (греч. τὸ ἄφθαρτον; слово известно из «Богословия» Иоанна, экзарха болгарского).

Глаголы, осложненные префиксом без-, вообще немногочисленные, в большинстве представляют собою образования, возникшие на основе иных сложений (прилагательных, существительных) с без-; ср. *безмолвствовать*, *безумствовать*, *бесчинствовать*, *беспутствовать*, *бездельничать*, *беспутничать*, *бездействовать* и под. Все эти образования книжного происхождения и составляют принадлежность литературного языка. Особую группу в русском языке составляет тип глагольных образований на *-i, идущий от сочетания предлога и родит. падежа существительного. Обычно эти глаголы, употребляясь в совершенном виде, являются еще с осложнением помощью префикса о-. Ср. глаголы *обессудить*, *обессмертить*, *обесславить*, *обеспокоить*, *обезопасить*, *обезобразить*, *обезнадежить*, *обезлюдить*, *обездолить*, *обезденежить*, *обесцветить*, *обескровить*, *обеспечить*, *обезмилить*, *обезвредить* и под. При некоторых из этих глаголов, составляющих вообще группу переходных глаголов, возникли параллельные формы на -е (-*ѣ) со значением состояния, например *обессилен*, *обезденежен*, *обезмоден* и др. Можно видеть, что почти все эти глаголы отвлеченного значения. Если обратиться к памятникам древне-болгарского и старо-русского языка, мы найдем их и там, особенно в источниках старой болгарской письменности, т. е. в тех же источниках переводного, с греческого языка, происхождения. Ср. др.-болг. *обезаконити* (ἀνομεῖν), *обезобразити*, *обесзмрѣтити*, *обесрамитиса* и др., или в др.-болг. и др.-рус. *обестрашитиса*, *обесчстити*, *обезочитиса* (ἀνασχυντεῖν) и др. Таким образом и этот тип глагольных образований, получивший позднее на русской почве значительное распространение (ср. глаголы в роде *обезденежить*, *обезлюдить*

и под.), должен быть рассматриваем как болгарский, книжный по своему происхождению. Недаром этот тип глаголов ограничивается в современном употреблении лишь пределами распространения в литературном языке.

Наречия, содержащие префиксальное без-, насчитываются скучными единицами. Это др.-болг. и др.-рус. *безмъздъ*, *бездобъ* (*ἀνὰρως*), *бецнь* (*δωρεάν*), современные, свойственные более просторечию, *бесперечь*, *бесперемешь*, *безуломонь*, *бэзручь*; ср. еще в украинском *бэзмаль*. Незначительность этого материала затрудняет дать ему обобщающую характеристику.

Резюмируя все изложенное, можно прийти к следующим положениям.

Сложения с без- первоначально охватывали лишь именные и более того — лишь адъективные образования. Из категории собственно имен существительных сложения с без- в подавляющем своем большинстве, если не считать лексического слоя прямого заимствования из болгарского языка, являются производными от соответственных сложений с без- имен прилагательных. Что касается немногочисленной группы имен существительных типа *бессчастие*, *безлихва*, *бестолочь*, то эти сложения, структурно являясь позднейшим по образованию типом, очевидно, должны считаться вообще новым в языке образованием, сложившимся на почве литературного языка.

Значительное большинство сложений с без- в русском языке болгарского или старого книжного в широком смысле происхождения и обязаны в конечной стадии греческому языку. Но тип сложений с без- был известен и собственно русскому языку. Таковыми были прилагательные бессуффиксного типа, по значению представлявшие адъективацию предлога без и родит. падежа имени существительного (конкретного). В позднейшей стадии, притом на почве лишь литературного языка, под общим воздействием книжного болгарского языка, обозначился рост типов сложений с без-. Таковыми явились: а) прилагательные того же характера, что и бессуффиксный тип, но с осложнением их суффиксом -н-, притом с именем существительным в основе и отвлеченным и конкретным; б) нового типа прилагательные (в значительном числе также существительные), представляющие сложение без- с собственно прилагательным (или существительным в отпавной его форме именит. падежа); в) глагольные образования по типу II класса (основы на *-i) из сочетаний предлога без и имени существительного, обычно с осложнением еще префиксом о- для означения перфективности действия.

Типологически в общей истории сложений с без- следует расчленять а) старшую их разновидность — сложения, получившиеся на базе сочетаний

предлога без и родит. падежа имени существительного, и б) позднейший тип сложений из без- как префикса и отправной формы существительного или прилагательного. Первый тип сложений органического русского происхождения (он известен и в иных славянских языках), второй тип сложений, получивший широкое распространение в современном нашем языке, обязан старому болгарскому воздействию на русский язык; в самом болгарском языке в данной черте сказалось в свою очередь влияние греческого языка.

17 сентября 1936 г.

Н. Н. ПОПШЕ

Поправка к чтению одного места эдикта вдовы Дармабала

Изучая тексты монгольских императорских эдиктов, писанных знаками так называемого квадратного письма, введенного при императоре Хубилае в шестидесятых годах XIII ст., нельзя не установить множества неправильно понятых прежними исследователями мест соответствующих памятников. Намереваясь со временем издать памятники монгольского квадратного письма заново и снабдить издание их новым, более совершенным переводом, мы в настоящей краткой статье попытаемся исправить перевод лишь одного места эдикта вдовы Дармабала, изданного в свое время Бобровниковым.¹

Бобровников переводит текст этого эдикта, данного, как установил Позднеев, в 1321 г.,² следующим образом:

«Высокой императрицы грамота.

Ханским величеством

Императрица, грамота наша.

Войсковым князьям, войсковым людям, городов даругам и князьям, всех отделений (*аймак*)

Старшинам, путешествующим и ходящим послам, и народу (*иргэн*) провозглашаемая

Грамота.

По ханскому ярлыку: Доиды, Эркэуды и Сеншиуды, никаких податей и повинностей не видя,

Небу молясь и благожелания давая да будут: рекшему

Ярлыку согласно, никаких податей и повинностей не видя,

¹ А. А. Бобровников. Грамоты вдовы Дарма-баловой и Буянту-хана, писанные квадратным письмом. Тр. Вост. отд. Арх. общества, ч. XVI, СПб., 1872.

² А. М. Позднеев. Лекции по истории монгольской литературы. СПб., 1897, стр. 119.

Небу молясь и благожелания давая да будут рекше, в Бау-динг-ч'ол-кэ-ин-йи-джеу находящиеся в Лунг-шин-кон-тун-өн-кюн-г-жэн-я-кон-өн-кон'е существующие Ди-дэм-онг-фин-шин-занг-өн-дзи-сун-доу-чун-онг-кэй и прочие у Сеншиудов во владении пусть остаются

Грамоту даем. (В) их на Кун-ко-н'е монастырях посланники да не спускаются (не останавливаются), подвод и продовольствия да не берут, обычную тамгу да не дают; Кунг-кон'у принадлежащие земли, воды, сады, мельницы, житницы, лавки, холодные а также и горячие воды, людей, животных и что бы ни было ихнее, кто бы ни был, отнимая и таща да не берут, силу да не налагают: так приказавши сказать когда мы решились, других городов люди ужели не будут бояться? А эти Сеншиуды,

Грамоту имеем-де говоря, если беспорядочные дела будут делать, также ужели не будут бояться?

Грамоту нашу куриного года зимней средней луны в десятый новый, когда находились на Ядуре, писали».¹

Более совершенный характер носит перевод Позднеева. Позднеев этот эдикт переводит следующим образом (цит. соч., стр. 128—129):

«Высокой императрицы указ.

Ханским могуществом императрица указ наш.

Войсковым князьям, войсковым людям, даругам и князьям городов, старшинам всех аймаков, находящимся на пути послам и народу провозглашаемый указ.

По ханскому ярлыку: Дойды, Иркэуды и Сянь-шэны [буддийское, христианское и даосское духовенство. Н. П.], не подвергаясь никаким податям и повинностям, пусть молятся Небу и дают благожелания.

Согласно упомянутому ярлыку мы, говоря: «не подвергаясь никаким податям и повинностям, пусть молятся Небу и дают благословения», издали указ для вручения (в пользу) Ти(ди)-дянь-ван-цзинь-шань-чжан-юань-чжи-сун-тао-чун-ван-тао-ги (цзи) и прочим сянь-шэнам, живущим в монастыре Лун-син-гуань, в кумирне Хун-юань-гун, в монастырях Ян-ся-гуань и Юй-цзюань-гуань, которые находятся в округе И-чжоу дороги (провинции) Бао-дин, (следующего содержания):

В зданиях (принадлежащих) к их кумирням и монастырям послы да не останавливаются, подвод и довольствия да не берут и ц'ан также

¹ Бобровников, цит. соч., таблица к стр. 16.

да не дают. Все подвластные кумирням и монастырям земли, воды, сады, мельницы, гостиницы, лавки, хранилища бумаг, бани, люди, животные и всякие вещи их (всего этого) кто бы то ни был, отнимая и таща да не берет, силою да не отымает; так приказавши, ужели других городов люди не будут бояться? А эти Сянь-шэны, говоря, что имеем указ (силою указа), если будут производить беспорядочные дела, ужели также не будут бояться!

Наш указ написали в год курицы (1321), в десятый день среднего зимнего месяца во время пребывания в Дай-ду (Пекине)».

При чтении этого перевода — весьма неточного перевода Бобровникова, не понявшего большинства китайских слов, встречающихся в монгольском тексте, и более удовлетворительного перевода Позднеева — возникает недоумение по поводу фразы «ужели других городов люди не будут бояться». В предыдущем контексте о городах речи не было, и непонятно, почему только люди других городов, а не данного города, должны избегать насильственных действий по отношению к духовенству. Казалось-бы, императорский эдикт должен был оградить духовенство от беззаконий не только жителей других городов, но и той местности, где находились храмы, при которых проживали упомянутые в эдикте лица. В чем здесь дело? И совершенно неизбежно возникает ряд сомнений насчет правильности этого места перевода.

Соответствующее место монгольского текста и Бобровников и Позднеев читают: буши болгадун аран үлү-гү аюхун (транскрипция Бобровникова), что в современной латинской транскрипции можно представить следующим образом: *buši bolqadun haran ülü'ü ayuqun*, где *buši* 'другой', *bolqadun* 'городов', *haran* 'люди', *ülü'ü* 'не ли', *ayuqun* 'бояться'.

Место это обоими исследователям понято неправильно. Дело в том, что никто из них не обратил внимания на странную форму *bolqadun* 'городов'.

В третьей строке этого же эдикта, содержащей обращение к даругам городов, слово 'городов' дается в форме *balagadun*, а здесь *bolqadun*. Форма *balagadun* в точности соответствует письменно-монгольскому *balγad-un* — генитив от *balγad*, множественного числа от *balγasun* 'город'. Как же, спрашивается, объяснить странную огласовку *bolqadun* и выпадение *a* второго слога, которое мы имеем в *balagadun* в третьей строке? Имеем ли мы здесь дело с опиской?

На эту форму обратил свое внимание Б. Я. Владимирцов, установивший на основании этого и других примеров чередование *a ~ o* в монголь-

ских языках¹ Но и он прошел мимо того факта, что в третьей строке этого же эдикта слово „городов“ дается в его обычной форме с вокализмом *a*, а не *o*.

На самом деле все обстоит совсем иначе. При внимательном чтении эстампажа со стэлы, на которой вырезан эдикт, можно установить, что слово, прочтенное Бобровниковым, а вслед за ним и Позднеевым, как *bolqadun*, читается как *bolqaqun*: знак для *q* вышел на эстампаже не достаточно отчетливо и приобрел некоторое сходство со знаком для *d*. Форма *bolqaqun* представляет собою *nomen futuri* на *-qun* от глагола *bolqa-* = письм. монг. *bolqa-* ‘делать’ и значит ‘такой, который будет делать’. Вся фраза приобретает поэтому совсем иное значение, а именно: «люди, которые будут поступать иначе (дословно ‘делать другое’) неужели же не побоятся?»

Теперь все ясно. Эдикт вовсе не предостерегает только людей других городов, но всех, кто будет поступать иначе, не считаясь с правами духовенства.

На этом небольшом примере нам удалось показать, насколько неточны переводы памятников квадратного письма.

В заключение даем полный перевод эдикта вдовы Дармабала, комментарий к которому мы предполагаем дать в нашем полном издании памятников.

«Силою вечного тэнгри, величием императора наш императрицын указ. Указ, обращаемый к военным командирам, войсковым людям, даругам городов, нойонам, старшинам каждого аймака, едущим и идущим посланцам и народу.

В указе императора [было сказано], чтобы буддийские, христианские и даосские духовные лица, не видя никаких повинностей и податей, молились тэнгри и возносили благопожелания.

Чтобы согласно указу, в котором [это] сказано, они, не видя никаких повинностей и податей, молились тэнгри и возносили благопожелания, дали указ, которого должно придерживаться и согласно которому должно поступать, ти-дянь Ван Цзинь-шэнь, Чжан Юань-чжи, Сун Дао-чунь, Ван Дао-цзи и прочим даосам, находящимся в Лун син гуане, Хун юань гуне, Янь ся гуане и Юй цзя гуане, находящихся в И-чжоу округа Бао-дин.

Пусть в их храмах и жилищах посланцы не останавливаются. Пусть подвод и продовольствия не дают. Пусть они земельных и торговых сборов не дают. Подведомственных же храмам земель и вод, садов, мельниц, гостиниц, лавок, библиотек, бань, людей, животных и чего бы то ни было им при-

¹ Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 146.

надлежащего пусть никто не отнимает и не отчуждает. Насилий пусть не совершают.

Разве люди, которые будут в отношении таким образом сказанного поступать иначе, не убоятся?

Разве эти даосы точно так же не убоятся, если они со ссылками на обладание указом будут совершать незаконные действия?

Наш указ написан десятого числа новолунья среднего зимнего месяца года курицы в бытность в Тай-ду».

Наконец, укажем, что в подлинном эстампаже с надписи сохранилось также начало вступительной формулы, отсутствующее в копии, которой располагал Бобровников.

Г. П. СЕРДЮЧЕНКО

Об абазинских диалектах

К вопросам абазинского языка Н. Я. Марр обращался не раз. В работе, посвященной истории термина «абхаз»,¹ он останавливается и на характеристике термина «a-baz-in». В 1929 г., будучи в Теберде, он внимательно занимается наблюдениями над фактами карачаевского и абазинского языков.² Осенью 1932 г. Н. Я. Марр принимает участие в происходившем в Москве при ВЦК НА обсуждении вопроса о создании для абазин письменности. В целом ряде его исследований мы можем встретить замечания об абазинах и их языке.

К глубокому сожалению, Николай Яковлевич не успел обработать для печати свои наблюдения над абазинской речью.

Посвящая свою работу памяти гениального исследователя языков Кавказа, мы в дальнейшем остановимся на ряде диалектных особенностей абазинского языка.

Абазинский язык характеризуется большой диалектной дробностью. При наличии четырнадцати поселений,³ в которых абазины живут компактной массой, в абазинском языке различаются два, значительно отличаю-

¹ Н. Я. Марр. История термина «абхаз». Изв. Акад. Наук, 1912, II.

² См. В. А. Миханкова. Николай Яковлевич Марр, СОЦЭКГИЗ, 1936 г., стр. 311.

³ Основная масса абазин живет в двенадцати аулах Черкесской и в двух аулах Карачаевской Автономной области. В Черкесии аулы — Псыж, б. Дударуковский — 2010 чел. (2281), Кубина, б. Лоовско-Кубанский, — 1963 чел. (2009), Карапагва — 308 чел. (316), Инджикчун, б. Лоовско-Зеленчукский, с выселком — 1457 чел. (1524), Эльбурган, б. Биберовский, — 1268 чел. (1382), Абазахабль — 249 чел. (259), Псавуча-Даха, б. клыч, — 644 чел. (1360), Абазакыт, б. Егибоковский, — 404 чел. (604), Апсуа, б. Шагиреевский, — 1006 чел. (1116), Кувинский — 1707 чел. (1897). Это — данные переписи 1926 г. В 1928 г. из аула Эльбурган часть населения выселилась и образовала новый аул — Тапанта; Кувинский разделился на Старо-Кувинский и Ново-Кувинский. В Карачае — аул Красно-Восточный, Кумско-Лоовский, — 2351 чел. (2580), и Квайдан (бывший Абазинка) — 248 чел. (249). Значительное количество абазин разбросано по кабардинским, карачаевским, ногайским и адыгейским аулам. В Хумаринском ауле Карачая — 111 чел., в Адыгее в ауле Джамбоги 302 чел., в ауле Кошехабль 284 чел., в ауле Джиджихабль 160 чел., в ауле Тауйхабль — 141 чел., в ауле Шаган-Черпа-хабль — 121 чел. и т. д. (Цифры в скобках показывают число всех жителей данного аула, независимо от национальности).

щиеся друг от друга диалекта — таpанда и ашqарава — и несколько
говоров с подговорами, наблюдающимися иногда даже в пределах
одного аула.

Как и в абхазском языке, в абазинском слабо развит вокализм и богато представлена система консонантизма. Основными гласными фонемами в абазинском языке являются — а — типа краткого — а в кабардинских говорах и — э — (ь), звук более переднего образования и более краткий и неопределенный по своему звучанию по сравнению с русским — ы. Сочетаясь с слогаобразующими согласными, звук — э — в произношении часто исчезает совсем и иногда не обозначается в принятой системе орфографии.

Для фонемы — а — характерно произношение ее в словах аг 'армия' 'войско', арба 'петух', ашуа 'путь', 'дорога', сага 'я', вага 'ты', һага 'мы', прага 'вы', анҗага 'работа', уэтаб 'имеет' и др.

Иррациональность фонемы — ə — иллюстрируется следующими примерами: amz-aməz-mzək 'месяц', mɯʃ-amɯʃ-mɯʃək 'день', məʃkə 'какой-то день' (неопределенный); bɯ-bəɯ 'голос', 'звук', bəɯ-bɯemʔa-ɯaləp 'состоит из звуков'; mʔ-amʔ-məʔ-aməʔ, 'сила', aqɯ-qɯʃ-qəʃ 'молоко', aqəʃa 'масло', səqɯɯ-sqɯɯ 'год', ansəkɯʃa 'ежегодно' и др. Употребление гласного — ə — обычно для закрытых слогов, независимо от ударения, и для открытых слогов под ударением — məta 'мать', atə 'Филин', aɬə 'вода', zaɬə 'кизил', parə 'рука', abəz 'язык', aməz 'месяц', wandəɯ 'телега', 'арба', kəɬ 'фасоль', aɬəmɯʃə 'лук' и др.

Включение в широкий языковой обиход большого количества слов, рассматривавшихся до этого как иноязычные, с более богато развитой системой вокализма, чем в абазинском языке, повело к образованию в абазинском и ряда других гласных. Дифтонги ау-, аw-, уә-, әу-, wә-, әw- массой абазинского населения стали рассматриваться как соответствия русским гласным в словах — quḏuḡa, boḏševiq, fronḏ и др. Этот процесс нашел свое яркое отражение в письме. В учебной и другой литературе на абазинском языке мы очень часто находим передачу -ау через -е, аw через -о; уә, әу через -і; uә, әи через -и.

Примеры: ау → е: һешфа 'братья', аҟефага 'народ', геша 'прямой', беҟ 'лопата', ҟефа 'черный', һеда 'голый' и др.

aw → o: bora 'конюшня', 'сарай', wasabora 'овчарня', җапфода 'найда', 'приобретая', җоба 'холм', tola 'глубокий', lodan 'шарф'.

уә → 1: 1ба 'сирота', 1қ 'род кукурузной крупы', 1ндәг 'Инджик' ('Зеленчук'), 1тап, 1тап 'имел, имеет', аһаһ геҗә 1фсәләп 1дур, 'эти коровы сытые, большие'.

əu → i: sabi 'дети', ɣga 'кузница', aɣi 'кузнец', qɣna 'качели', aɣi 'этот', bzi 'хорошо', nəɣɣi ɣaɣɣi 'на одной (с одной), на другой (с другой) стороне (-ы)' и др.

wə → u: ɣɣələl 'вступай', 'войди', aɣnaɣa 'правила', 'совет', ɣam 'улица', ɣɣə 'теперь', 'сейчас', ɣəɣɣa ɣɣɣɣa 'ты твои (свои) зубы чистишь ли'?

əw → u: tɣna 'погреб', ɣɣɣ 'еврей', du 'большой', ɣiɣəp 'табак', paɣi 'почет', uɣɣmi 'он имеющий', и др.

Твердой орфографической нормы в передаче дифтонгов на письме все же еще нет. Рядом с формой ɣɣələl дается wəɣələl, форма ɣaɣɣəɣa чередуется с ɣaɣɣawɣa, aɣnaɣa — aɣənaɣa, ɣam — uɣam, qɣɣa — qɣuɣa — qɣuɣa и т. д.

На наших глазах происходят преобразование абазинского вокализма и обогащение его новыми гласными фонемами. Не так давно наблюдалось полное подчинение вводимых в язык иноязычных слов фонематической системе абазинского языка, примеры: asɣalba 'столб', aɣsɣalbak 'два столба', aqɣsɣalbak 'три столба', ɣaɣɣəɣ, samɣar и др.

Система согласных псыж-эльбурганского говора, положенного в основу современного абазинского литературного языка, показана в помещенной ниже таблице (см. таблицу на стр. 247).

Таблица наглядно иллюстрирует особенности абазинской фонетики. В отличие от ряда других яфетических языков, в абазинских говорах передне- и заднеязычные представлены тремя рядами образований: простыми, палатализованными и лабиализованными фонемами. Всего палатализованных одиннадцать: ɣ, ɣɣ, ɣɣ, q, k, ɣ, q, k, ɣ, ɣ, t, [ɣ]; лабиализованных — 15: ɣ, ɣɣ, ɣɣ, q, k, ɣ, ɣ, t, ɣ, q, q, k, w, h, f. Рядом с смычногортанными взрывными и аффрикатами имеется, как и в кабардинском, два смычногортанных спиранта — f (в кабардинском — ф) —, h (в кабардинском — л'). Губной смычногортанный спирант встречается лишь в слове — fau 'грязный'. В абазинских говорах, кроме этого примера, зарегистрирован еще один случай употребления смычногортанного спиранта в диалекте ашкарауа — fa 'тонкий'. Латеральный спирант h употребляется также в незначительном количестве слов, являющихся в абазинских говорах общим фондом с кабардинским. Примеры: hɣuɣaba 'вдовец' (в кабардинском hɣɣaba), hɣka 'представитель' (в кабард. hɣka), hɣaɣaɣa 'крестьянин' и немногие другие. Латеральных фонем всего четыре: плавная — l, две щелиных (длительных) — звонкий — l- и глухой — l- и один указанный уже смычногортанный — h. Среднеязычных — три: полугласный сонорный — u, простой и соответствующий ему лабиализованный. Глухие спиранты t- и -f.

[illegible]

Сравнительно редкие в абазинском, среднеязычные фонемы употребляются в немногих словах, одного с кабардинской лексикой происхождения. *Примеры:* ʔakʔa 'жеребец', ʔabza 'обычай', ʔaʔ 'страна', ʔama 'чужой', naʔəʔ 'кукуруза', ʔaʔa 'шаль', ʔəʔa 'женское имя', ʔəpa 'женское имя', ʔaməʔ 'ленивый', ʔəʔʔa 'свобода', wəʔaʔa 'организовывание', 'налаживание'. Для псыж-эльбурганского, как и для других говоров диалекта тапанта, характерно богатое наличие в них гортанных звонких и глухих спирантов: простых — ɣ, ʔ- и лабиализованных — ɣʷ, ʔʷ -и гортанного взрывного — ʔ. *Примеры:* aɣa 'ремешок', amɣa 'чувяк', aɣzaʔa 'воспитание', aɣba 'восемь', abɣadaʔa 'сырость', aʷʔa 'писание', ← 'письмо', ʷba 'два', aʷada 'подъем', uəʷəʔ 'бегут', ʷza 'спутник', auɣa 'люди', ʔaʔa 'мы', ʔqəʔ 'наш аул', saʔaʔ 'часы', ʔa 'груша', ləʔʔa 'ухо', ʔəs 'теленок', aʔʔa 'травы', aʔəʔ 'голубь', aʔəʔ 'моль', aʔəʔəʔ 'грязь', ʔa 'где', aʔəʔa 'здесь' и др.

В абазинском языке не менее 12 геминированных согласных, имеющих фонематическое значение. Примеры:

aʔa 'поход'	aʔʔa 'резать'
aʔʔa 'блестеть'	aʔəʔʔa 'крупноизготовление'
aʔʔa 'парать'	aʔʔa 'гладить'
aʔa 'сало'	aʔəʔʔa 'сверлить, буравить'
aʔʔa 'лошадь'	aʔʔa 'раздроблять'
aʔʔaʔa 'кричать'	aʔʔa 'греметь'

Кроме того, можно отметить фонематичность геминат в случаях: ʔa 'мелкий', aʔʔaʔa 'стругать', ʔa 'свистеть' и нек. др. Такова система согласных псыж-эльбурганского говора. В подговоре аула Псыж можно наблюдать замену звонкого гортанного спиранта и соответствующего ему лабиализованного звонким заднеязычным и соответственно звонким заднеязычным лабиализованным спирантом. Сопоставляя подговор аула Псыж с говором аула Кубина, можно установить следующие соответствия:

<i>Аул Кубина</i>	<i>Аул Псыж</i>
aɣba 'восемь'	aʔba
aɣa 'ремень'	aʔa
anaɣalaga 'мириться'	anʔalaga
aɣaʔa 'приходить'	aʔaʔa
waʔə 'человек'	waʔə
ʷba 'два'	ʔba
ʷəʔa 'писать'	ʔəʔa
ʷʔa 'бежать'	ʔʔa
ʷnə 'сакля'	ʔnə

Наши наблюдения говорят о несомненном наличии в типичном для аула Псыж говоре гортанных спирантов. В приводимых примерах нашли свое отражение особенности произношения отдельных групп населения (подговоров) внутри абазинских аулов. Можно предположить, что в некоторых тапантовских говорах наблюдается тот же процесс, который в абхазских говорах привел к полному исчезновению звонких гортанных спирантов и замене сочетания -уа — долгим гласным -ā.

Кубино-инджикчкунский говор, в общем, имеет ту же фонематическую систему, что и псыж-эльбурганский говор. Основной отличительной чертой его является наличие рядом с характерными для псыж-эльбурганского говора альвеолярными лабиализованными парной им группы лабиализованных, образуемой у верхних зубов. Кроме того, в кубино-инджикчкунском говоре характер звучания звонких гортанных более отчетлив и не дает возможности смешивать их с заднеязычными, как в псыж-эльбурганском говоре.

Специфичной особенностью говора аулов Красновосточного и Квай-дана является утрата ими лабиализованных переднеязычных спирантов — *ɟ*, *ɲ* — и аффрикат — *ɟʃ*, *ɲʃ*, *ʃ* — и замена их простыми переднеязычными — *j*, *ɲ*, *ʃ*.

<i>Псыж-эльбурганский</i> говор	<i>Красновосточный</i> говор
аɟ 'корова'	аj
аɟлага 'народ'	аjлага
аɲ 'дверь'	аш
ɲага 'вы'	шага
заɟə 'первый'	заɟə
ʃəla 'земля'	ʃəla
ʃa 'яблоко'	ʃa
аɟ 'бык'	аɟ
амаɟ 'палец' (на руке)	амаɟ.

Утрата лабиализованных наблюдается частично и в ауле Псыж.

<i>Аул Кубина</i>	<i>Подговор аула Псыж</i>
аfага 'сидеть'	аtага
аfа 'сено'	аtа
аfəɟлага 'отправляться'	аtəɟлага
аfə 'один человек'	аtə.

Здесь, видимо, также находят свое отражение опять-таки особенности произношения в пределах одного аула. Вообще, для живой речи отдельных абазин характерно иногда скрадывание лабиального оттенка лабиализованных согласных.

Отдельные говоры тапантовского диалекта отличаются друг от друга лишь в области фонетики. Более значительное отличие от псыж-эльбурганского и других тапантовских говоров имеют говоры диалекта ашкарауа. При сопоставлении фонематических особенностей говора аула Апсуа с говорами диалекта тапанта, прежде всего следует отметить наличие в говоре аула Апсуа трех губнозубных лабиализованных аффрикат — ɸ , t , ʃ . Эта исключительная фонетическая особенность говора аула Апсуа сближает его с абхазскими и адыгейскими (кяхскими) говорами. Используемые в ауле Апсуа в небольшом лексическом составе данные фонемы в кувинском говоре того же диалекта последовательно заменяются обычными взрывными — d , t , ʃ .

В тапантовских говорах губнозубным лабиализованным аффрикатам говора аула Апсуа обычно соответствуют альвеолярные лабиализованные аффрикаты — ɸ , t , ʃ .

Примеры:

<i>Псыж-эльбурганский и Кубино-Инджик- чунский</i>	<i>Красно- восточн.</i>	<i>Апсуа</i>	<i>Кувинский</i>
'двор', 'поле' ɸnə	ɸnə	aɸne	adnə
'выходить' aɸəlɔ̃ra (наружу)	aɸəlɔ̃ra	aɸəlɔ̃ra	adəlɔ̃ra
'садись' wɸa	wɸa	wɸa	wɛta
'принадлежит' yɸɛb	yɸɛb	yɸawp	yɛtawp
'сено' aɸa	aɸa	aɸa	aɛa
'клещи' agɸa	agɸa	agɸa	agɛa и нек. др.

Отличие говора Апсуа так же, как и кувинского, от говоров тапантовских заключается, кроме того, в отсутствии в пшкаровских говорах гортанных звонких спирантов — ɣ , w и взрывного смычногортанного — ɣ . Обычно гортанный взрывной заменяется в пшкаровских говорах соответственным ему заднеязычным — k .

ɣ — k

awɸa — awaka 'там'

agɸa — arəka 'здесь'

dɸan — dəkan 'он был' и др.

Отсутствие в шкаровских говорах гортанных звонких отражается на системе вокализма. Сочетание — *γа* — обычно заменяется долгим гласным — *ā*, произносимым с некоторым гортанным придыханием. Примеры: *аγа-аā* 'ремешок', *амγа-амā* 'чувяк', *аbγадaга-аbāдaга* 'сырость' и др.

Из других фонетических различий следует отметить закономерность соответствия конечным звонким согласным тапантовских говоров — *b, d* — смычногортанных в шкаровских говорах — *p, t*. Примеры: *уəтаb-уəтаwр*; *таb-таwр*; *уəđəyud-уəđəyut*; *гəγəzəyud-гəγəzəyut*.

Из морфологических особенностей, отличающих говор ашкарауа от тапантовского диалекта, следует отметить сохранение, подобно абхазскому, наречных и деепричастных форм на *шда, щда*: *пəбаjшда* 'очень', 'сильно'; *баğащда* 'крепко', и др.; в тапантовских говорах обычна форма на *-да*: *пəбjда, баğада*.

Из наречно-местоименных форм различаются: а) наречия места: в тапантовских говорах — *ға* 'где' и производные: *агаға, анаға, аwаға*; в говорах ашкарауа — *ка, акака, анака, аwака*; б) вопросительные местоимения: тапантовским — *dzaғəya, zaғəya* 'кто такой', 'что такое' — соответствуют формы: *zakəda, zakəy* — диалекта ашкарауа; в) указательному местоимению третьего лица множественного числа *-аwаđ* (тапанта) соответствует *-wəđ-* (ашкарауа).

Соответствия глагольных форм настоящего времени в диалектах тапанта и ашкарауа даются по типу тапанта — *sđəyud*, говора апсуа — *sđuyt*, кувинский говор — *sđət* 'я иду'. Как основное расхождение в глагольных формах тапанта и ашкарауа следует отметить выражение посредством одной формы — *sđəb, tab* и др. — в тапантовских говорах значения и настоящего и будущего совершенного и наличие в говорах ашкарауа соответственных двух форм — *sřawр и sřap; таwр и tap* и др.

Вопросительные формы глагола на *-та* в говоре ашкарауа имеют ударение на окончании, в то время как в диалекте тапанта ударение стоит обычно на корневой гласной — *sđəwma-sđəwmá, sđáma-sđamá, dđáma-dđamá* и т. д.

Значительные различия между диалектами тапанта и ашкарауа имеются в образовании глагольных форм вида и залога. В деталях эти расхождения мною еще твердо не прослежены. Вообще, точное установление морфологических различий между говорами тапанта и ашкарауа требует дополнительного изучения.

Для иллюстрации словарных расхождений между диалектом тапанта и ашкарауа приводим записанные нами примеры.

taṣanda	aṣqarawa	
1. aydra	akaṭra	‘морщина’
2. aba	ḡəḡḡəḡa	‘мужчина’
3. abakra	ḡquṣara	‘борьба, драка’
4. aṣəḡga	amaḡa	‘дышло’
5. aṣsa	bzəḡḡəḡa	‘женщина’
6. algər	ḡasaga	‘нож перочинный’
7. aṣsara	aṣsaara	‘отволаживать’
8. artəḡ	abaṭ	‘клеп’
9. arḡara	akaḡara	‘увести’, ‘погнать’
10. arway	aṣsaka	‘комар’
11. atra	artra	‘отварить’
12. aḡaguya-laba	abḡa	‘тесть’
13. aḡaguya-lan	anḡa	‘теща’
14. aḡ	af	‘молния’
15. ada	adaḡ	‘лягушка’
16. adaḡ	adakaḡd	‘икринка лягушки’
17. aganə	aḡnə	‘двор’
18. aḡḡra	akəkra	‘кудахтать’
19. wapuap	apup	‘удод’
20. wanderma	wandermaḡa	‘ремень длинный’ (для воза)
21. wanderḡ	geda	‘спица’
22. wasabawra (bora)	abawra	‘овчарня’
23. waya	adadal	‘клин’ (при колке дров)
24. wəma	wəma	‘молот деревянный’
25. man	aməṣḡa	‘ток’
26. maymə	ḡaḡkaṣ	‘жук’, одна из пород
27. maḡḡara	maḡara	‘наперсток’
28. meḡəyudə	ḡəṣatəḡ	‘сколотина’
29. mətkaḡaz	mətḡḡarḡa	‘балалайка’
30. meḡrəḡa	ḡarḡəna	‘малина лесная’
31. mḡə	anḡara	‘просо некошенное’
32. bawra	ḡḡara	‘хлев’, ‘конюшня’
33. baḡa-ḡkəḡa	agaṣ	‘топор’
34. baḡəw	akala	‘войё’
35. baḡatəḡa	wam	‘мышей-брыца’ (трава)
36. baḡara	gagara	‘шалить’, ‘капризничать’

taɸanda	ащqaraɰa	
37. blaɟ	amħasða	'лопатка' (для размешивания мамалыги)
38. ɸsəɣara	bərɾa	'летать'
39. ɸtargəla	jaɰaɖ	'рыба — «усач» (?)'
40. ɸəslaɸa	ɸsəz	'рыба'
41. ɸəslaɸa-kəga	ɸsəz-kəga	'удочка'
42. ɸəslaħa	ɬnɪr	'шнур'
43. ɸəza	aɸaɸa	'первая пара быков при пахоте'
44. ɸəɣbana	aɸəz	'ёж'
45. ɸəta	fabza	'закон', 'правило'
46. ɸsa, aɸsa	ɸsaɟra, otriad	'смена', 'отряд'
47. ɸsaɟa-frə	aɟta	'тополь пирамидальный'
48. ɸsərgəla	ɸsəngara	'наковальня'
49. ɸsətka	ɸɣara	'влага'
50. ɸɬta	amtaka	'двор'
51. ɸɟaɟa	aħsa	'песок'
52. naɬana	sərga	'цель' (при стрельбе)
53. nazəɟ	ləmħaɟətəsəɾta	'висок'
54. nk.aqura	ayɟləbra	'состязаться'
55. lamħarta	k.atan-ɟaɸaləɾta	'огрех'
56. lagəɾfəməɟ	laħuɟəməɟ	'шиповник'
57. laɰəɟ	maɰa-ɬəga	'фиалка'
58. laħa	kuraɣ-wabɟa	'ворона'
59. lewɟara	anɟara	'корыто'
60. laɪ	latta	'весенняя распускающаяся почка'
61. haɰa	amɰaɬ	'тропинка'
62. heɣra	jaɟaɟara	'ржавчина'
63. ramɖ, kɪramɖ	aɾəɖ	'моча'
64. rasɸə	ɟaɟɾalət	'овощи'
65. rəɖda	atarag	'скамья'
66. sawzan-ɣabəz	ɣabəz	'навоз разжиженный'
67. sərɟ	gəɟə	'площадка (лужайка?) на горе'
68. srəɖ	səɾɖ	'вода от таянья снега'
69. srəɸħa	asəɣ aɸɬəɣ abaɰara	'метель', 'вьюга'

taɸanda	anɸaraɰa	
70. maɰdan-kəka	maɰdan-məḡ	‘молочай’
71. mamka	aɣaḡəḡmaɸa	‘ремень небольшой для воза’
72. məhɰara, ḡəhɰara	dəḡdɸara	‘место у печи для топлива’
73. maɰda	adamɸ	‘корень’
74. maɸlaɸ	maɸhasɰa	‘ремень без пояса’
75. maɰanɸə	amaɰ	‘змея’
76. maɸa	ḡaɸa	‘пчела’
77. maɸaɸs	safə	‘олово’
78. məwkaəd (məokəəd)	maḡəḡ	‘смородина’
79. məḡətara	atamɸəra	‘сорный угол в доме’
80. mənaɸa-tkən, mənaɸa-ɸaɣa	naɸa-mama	‘дыня небольшая’ (мест- ной породы)
81. məndrəɰa	məndəra	‘бочка’
82. məkəḡ	anɸtəḡ	‘рама двери’
83. məɰay	məḡrəb	‘крыжовник’
84. jakad	aɸsəz kəga iadɰaləw ayɸa ɸəḡə	‘крючок к удочке’
85. jaɰra	atəɰa	‘ковыль’
86. ɸaga	barana	‘борона’
87. ɸagaɸəḡ	baranaɰra	‘бороны зуб’
88. təma	masa tawla (tola)	‘яма’ (глубокая)
89. tsa	tasa	‘свинец’
90. tkəa	atəɰa	‘крокодил’
91. təh	taɣta	‘береза’
92. təys (tis)	təra	‘воробей’
93. tənkra	qantra	‘бородавка’
94. təḡ	latəḡ	‘рысь’ (?)
95. fara	ɰanəkə-tara	‘диван’
96. da	awara	‘ребро’ (одна кость)
97. dambər	ḡəɰaməd	‘ось’
98. danəza	wanəza	‘селезенка’
99. datəs	wartəs	‘ребро’
100. dəḡəḡ	aɸmɰa	‘хорек’
101. dbəlga	dgaləmba	‘кормысло’
102. dɰas	aɸsqaw	‘цанля’

tapana	ашqarawa	
103. d̥k̥əy	aʃəd	'колодезь'
104. d̥yəqra	aðə aʷəqərə	'овраг'
105. d̥h̥ənʃə	adb̥ya	'лужа'
106. d̥har	ʔəsəh̥aʃ-ʃk̥ak̥a	'облако светлое'
107. d̥ʃə	d̥ʃəʃak̥e	'слюна'
108. d̥anaq-maqa	d̥anaq-ʃap	'полозья у саней'
109. d̥əmʃd̥əga-ʃəga	adərgan	'сковорода'
110. ʃabanʃə	tapənʃə	'револьвер, пистолет'
111. ʃawba (ʃoba)	k̥am̥ha	'холм'
112. ʃam̥ha	adaqa	'коренники' (первая пара в упряжи)
113. ʃaḥana	nəʃe-dədə	особый тип постройки из камня и самана
114. ʃeʔ	aqala	'шалаш'
115. ʃəʃmara	aḥka	'поляна'
116. ʃəd̥hag	aʃəq̥ta	'пол'
117. ʃğənʃara	k̥alʃara	'мошонка'
118. ʃaranʃə	arq-samərʃəʃə	'щавель'
119. ʃəwʃa	qagag	'страна, область'
120. ʃba	fba	'шесть'
121. ʃwə	fwə	'шестой'
122. ʃarq-maka	aʃqə	'точило'
123. ʃadəq̥	ʃada	'молозиво'
124. ʃiʃara	ʃiʃəq̥aʃara	'ясли'
125. ʃəmtə	k̥əbəz	'муха'
126. ʃarʃag̥ə	atara	'кровать'
127. ʃaḡra	kanaʔsa	'конопатый'
128. ʃəḥʃə	damak̥	'заноза' (у ярма)
129. kəjkəj	sarpəna	'дудка металлическая' (музык.)
130. kəndə	kənda-kat̥kam	'кукла'
131. kaʃa	kakəʃ	'цветок'
132. kərʃəw	kərəjgal	'прибор для очистки плуга от земли'
133. krəm̥h̥asa, ḥasa waj	atama	'абрикос'
134. k̥abəz	ʔq̥arʃa	'гармонь' (музык.)
135. k̥əməl	sərʃ	'лед с гор в реках'

taɕanda	apɕarawa	
136. kəndəwz	aɕsla	‘выдра’
137. kəd	kaɭəya	‘фасоль’
138. ǵəɖkərə	ǵəɖklams	‘вор’
139. ǵada	ǵarda	‘жгут’
140. qərbəɖɣas	akər	‘известь’
141. qəðəmdak	qəðɣəda	‘окраина аула’
142. qamana	ħaɕ-ðəðə	‘старинная крепость у горцев’
143. qəba	ɖɕaħa	‘маслобойка’
144. qəɖ	kara-qara	
	kara wəra	‘труд’, тяжесть’
145. qan	qaqan	‘пила’
146. qataɕaga	ðəaɕaga	‘воронка’
147. qakəɖ	kırka	‘кирка’
148. qəɲkəɖ	qəɲtət	‘рама окна’
149. qatata	laðəqga	‘гусеница’
150. qəmbərtak	aɖklams	‘муравей’
151. qəmbələ	qəblə	‘матка’
152. qənfə	qɾəwəntə	‘вилы’
153. qəlamɕaɕɕ	qəlamɲa	‘пищеvod’
154. qkə	ɖada	‘сливки’
155. qəħħaga	teyħafa	‘волокуша’
156. ɣayəra	ɕɣara	‘жир’
157. ɣəda	ǵəɾəɖa	‘межа’
158. wəmsara	kəmsara	‘сор’
159. ħamaɖ	aɾɖara	‘баз’ (для скота)
160. ħərmed	markaɕe	‘кора (верхн. слой) дерева’
161. ħərza	aǵba zɭark.a ayɖa dəw	‘якорь’
162. ħən	aɖa	‘моль’.

Различия в словаре говоров аулов Апсуа и Кувинского, замеченные нами, следующие:

<i>Аул Апсуа</i>	<i>Аул Кувинский</i>	
1. abaɕ	abad	‘клевц’
2. awamɕara	aɕarta	‘тюфяк’
3. aməɲɖa	anəɲɖa	‘ток’

4. aɸsqaw	aðəɸa	‘цапля’
5. arq̣-samərɬəɬə	arq̣a-ɬamərɬəɬə	‘щавель’
6. aðə aɸəqərɬa	ðəðɬra	‘овраг’
7. aɬɬara	aɬgaga	‘баз’ (для скота)
8. adamq̣	aðaɬa	‘корень’
9. atarag	asakə	‘скамья’
10. ah̥ka	ɬara	‘поляна’
11. wəma	h̥aɬa	‘молот деревянный’
12. bærra	pərta	‘летать’
13. ɸsəḡ	aɸsləɬ	‘клен’
14. rayɬ	ðkə	‘верхнее женское платье’
15. ɬəðralət	ayða-mayða	‘овощи’
16. ɬɬəg-wardəɬ	qalɬas	‘кольцо у косы’
17. teyɬafa	ɸq̣aɬaɬəna	‘волокуша’
18. karma	karma	‘калина’
19. kəaq̣	qarq̣əsga	‘дурман’ (растение)
20. katan-q̣aɸaləɬta	balakəj	‘огрех’
21. gəɬaməɬ	zazbən	‘ось’
22. qəzə	waɸər	‘сыворотка’
23. q̣əɬatəɬ	ɬɬatəɬ	‘сколотина’
24. h̥aɸs	ɸəsgəɬə	‘штык’.

В. И. ЧЕРНЫШЕВ

О нарушении согласования в русском языке

Нарушения согласования рассматривались и объяснялись выдающимися исследователями русского синтаксиса: Буслаевым, Потебней, Шахматовым и другими, обращавшими, впрочем, главное внимание на явления этого рода в языке литературном и старом книжном. Автор настоящей статьи старался собрать, систематизировать и, сколько возможно, объяснить дополняющий эти исследования фактический материал преимущественно из областных русских говоров. Он не ставил себе целью охватить вопросы нарушения согласования в границах провинциальной речи более или менее систематически и достаточно широко. Настоящее сообщение представляет лишь собрание отдельных наблюдений и замечок, относящихся к тем синтаксическим явлениям, которые или мало выяснены или не привлекали к себе достаточного внимания. Соответствующие явления современного русского литературного языка устраняются из круга настоящих замечаний. Читатели найдут их объяснение, иллюстрированное богатым и прекрасным собранием примеров, в классическом труде А. А. Шахматова, «Синтаксис русского языка». Самый термин «нарушение согласования» употребляется здесь условно, так как в известной части исследуемых нами явлений имеем особые виды согласования, и «нарушения» его представляются существующими лишь при сопоставлении таких явлений с общепринятыми нами теперь литературными синтаксическими употреблениями. Раскрытие действительного синтаксического значения затронутых здесь явлений языка и было, в большинстве случаев, главной целью настоящих замечок.

I. *Грех слѣдко*. В пословицах XVII в., а частью и позднейших, мы находим странные случаи соединения подлежащих-существительных мужского и женского рода с сказуемыми-прилагательными среднего рода. Вот примеры из замечательного по точности текста издания П. К. Симони.¹

¹Павел Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899.

Привожу их по современной орфографии: Бег не красен да здорово (стр. 83). Грех сладко, а человек падко (90). Двор добро с ушами, а храмина с очами (95). Еловой пень не отродчиво, а смердей сын не покорчиво (99). Завидно в поле горох да репа (105). Лев страшно, обезьяно (так!) смешно (118). Мед сладко, а муха падко (120). Не добродом без ушей, а храм без очей (128). Крестьянин серо, да збойливо (211).

Ф. И. Буслаев, довольно неудачно, создает на основании подобных примеров общее правило согласования: «Если сказуемое относится вообще к понятию, выражаемому существительным в подлежащем, то ставится в среднем роде ед. числа, как в форме, наиболее соответствующей отвлеченному понятию; напр. в пословицах XVII в.: «грех сладко, а человек падко», «мед сладко, а муха падко», «лев страшно — обезьяна смешно».¹

Это объяснение натянуто и темно до непонятности. Во-первых, общие логические понятия не всегда связаны с грамматическими родами слов; во-вторых, согласование мужеского или женского рода со средним трудно оправдать какою бы то ни было логикой.² Если бы такое правило, которое составил Буслаев, существовало в русском языке, то мы говорили бы: воздух необходимо, табак вредно, наука полезно.

В примечании к приведенному правилу согласования Буслаев оправдывает его еще следующими соображениями: «Такое сочетание слов можно объяснить или опущением, как, напр., в пословице: „ум хорошо, а два лучше того“, т. е. иметь ум — хорошо; или, еще скорее — тем, что здесь заменяется прилагательным средн. рода существительное: ум хорошо — ум хорошая вещь, хорошее дело».

В параллель к приведенным синтаксическим типам предложений Буслаев приводит пример из песни XVII в.: зимовая служба — молодцам кручинно, да сердцу надсадно...; весновaя служба — молодцам веселье, сердцу утехa. Этот пример мы отклоняем от сравнения: здесь отношения между синтаксическими частями имеют характер условности, при которой эти части могут быть истолкованы как отдельные неполные предложения, составляющие сложное синтаксическое целое такого типа: Когда бывает зима, то жить нам скучно. Вторая часть периода: Весновaя служба — молодцам веселье..., конечно, не имеет ничего общего с типом: грех сладко.

¹ Историческая грамматика русского языка, Синтаксис. М., 1881, стр. 236, § 236.

² Ср. по этому поводу замечания А. А. Потебни (Из записок по русской грамматике, изд. 2-е. Харьков, 1888, стр. 108—109).

Для выяснения нашего вопроса обратимся к «Синтаксису» А. А. Шахматова. Здесь, в § 136 главы «О двусоставных несогласованных предложениях» находится 28 цитат с предложениями сходного типа. Из этого собрания примеров выделяем лишь первые пять, как более или менее аналогичные нашим. Отличительными признаками нашего типа считаем: 1) сказуемое в нем — наречие (по определению А. А. Шахматова¹) качественное, изменяемое по степеням сравнения, которое в данном случае не согласовано с подлежащим, но в сочетаниях иных типов может с ним согласоваться; 2) в нашем типе невозможна связка прошедшего или будущего времени: был, будет. Так как в примере втором: Хорошо кресло старому, колыбель малому, согласование находится налицо, то этот пример тоже исключаем. Остается 4 примера: Ум — хорошо, а два еще лучше. Добро везде свой глаз. Мед сладко, а муха падко. Слон добро к слову, а ладья к перевозу.

Если принять указание Ф. И. Буслаева о возможности в первом примере опущения, то придется исключить и его из нашей группы. Действительно, пословицы: ум хорошо, а два еще лучше; правда хорошо, а счастье лучше, не совпадают с нашими по значению сказуемого. Оно здесь не приписывает уму или правде постоянного качества, но присоединяется к сказуемому условно, при известных обстоятельствах: когда (один) ум, т. е. один человек, то хорошо, когда два (ума), т. е. два человека, то лучше; когда правда (сопровождает жизнь человека), то хорошо, а когда счастье, то лучше. Между тем в примере: грех сладко, а человек падко нет никакой условности: грех сладок, а человек падок всегда.

За исключением последних двух примеров, об уме и правде, у нас остается для исследования данного синтаксического типа небольшое число пословиц, всего 11. Число их, вероятно, возможно несколько увеличить, но оно будет все-таки весьма ограничено.

Теперь обратим внимание, насколько синтаксические сочетания в этих пословицах сродны нашему языку, насколько они естественны для нашего употребления. Кто из нас может сказать что-либо подобное таким синтаксическим оборотом, как: лев страшнб, обезьяна смешнб; мед сладко, а муха падко? Думаю, что никто.

В народе эти пословицы не встречаются. Их источник — старые рукописные сборники; из них они перешли в печатные собрания пословиц Курганова, Княжевича, Снегирева, Даля и другие. Но в более поздних из этих со-

¹ Чему, в данном случае, противоречит перевод: грех сладок.

браний они переделываются на обыкновенный для нас синтаксический тип, если это не расстраивает метра и рифмы. Так, в сборнике Княжевича 1822 г. находим: Бег не честен, да здоров (стр. 12, № 227). Грех сладок, а человек падок (стр. 48, № 928). В такой же исправленной форме обе эти пословицы и в сборнике Снегирева 1848 г., где, кроме того: Завидной в поле горох, да репа (стр. 13, № 19); здесь согласование восстановлено. Между тем, все не введенные в наш тип синтаксические сочетания из примеров А. А. Шахматова, главным образом с наречиями близко, далеко, ощущаются нами как вполне естественные, всеми употребляемые: вода близко, гроза далеко, аттестат не нужно, дура (невеста) тоже хорошо (Гоголь) и т. п. Ключ к раскрытию исследуемого нами синтаксического типа дает указание, находящееся в грамматике, которой начинается известная популярная книга XVIII в., «Письмовник» Николая Курганова. Здесь, на стр. 89, читаем: «Еллинизм есть сочинение по свойству Еллинского языка, когда мужескому или женскому существительному следует прилагательное среднего: друг верен утешно есть и полезно; любовь и добродетель и в неверных честно есть и похвально» (Изд. 5-е, СПб., 1793; 1-е изд. 1769 г., под заглавием: «Российская универсальная грамматика»..., стр. 85). Решаюсь признать это указание вполне разъясняющим синтаксические формы приведенных мною пословиц. XVIII век был еще веком классической школы. Деятели и воспитанники этой школы хорошо знали греческий язык и, что еще важнее, непосредственно ощущали силу греческого воздействия на русскую письменную речь своего времени.

Николай Гаврилович Курганов (1725—1793 гг.), сам получивший светское и специальное образование (в школе навигационных наук и морской академии), обладал разносторонними знаниями¹ и несомненно использовал в своей книге научное наследство старой школы, сохранявшееся в его время в печатных источниках. Один из таких старых источников указал ему и данное замечание о синтаксическом еллинизме.

В славянской грамматике Мелетия Смотрицкого, изд. 1619 г., есть глава: Ѡ сѣнтази ѡбразной (л. сѣ, об.). В ней определяются случаи, имеющие «образы глаголанія противу правилѹмъ Сѣнтазѣѹбъ, искѹсныхъ писателей оупотреблѣнѣмъ оутвержѣный». В числе этих «образов глагола-

¹ А. И. Кириичников, автор лучшей биографии Курганова, заметив, что последний знал языки французский, немецкий, английский и латинский, обращает внимание на его способности к языковедению: «реалист по воспитанию и по природным склонностям, он приобрел филологическую сноровку и вкус к филологическим занятиям, как это показывает его универсальная грамматика» (А. И. Кириичников. Очерки по истории новой русской литературы, т. I. М., 1903, стр. 50).

ния», т. е. оборотов речи, дана статья «Ὠ ἑλληνισμῶς» в следующей редакции: «Ἑλληνισμῶς / ἔστι сочиненіе ὡς образомъ своῦства ἑλληνισμοῦ діалέκτα бывающее / мъжескомъ илѣ жѣнскомъ существітѣльномъ / ἐλλείπει, илѣ / лишѣніемъ имене / стажаніе, прилагателнῶ средню припражѣмῶ. ἴκω, Дрῶγъ вѣренъ / оутѣшно ἔστι и полѣзно: сѣрѣчь, стажаніе: Любѣ добродѣтель и в неврѣныхъ / чѣстно ἔστι и похвѣлно: и прѡчаа таκωνῶα» (л. сѣз). То же правило о еллинизме из грамматики Ивана Иконника, по рукописи начала XVIII в., см. в «Исторической христоматии» Буслаева, М., 1861, стр. 1296.

Согласно с этими указаниями, повторяем, что синтаксические формы сказуемых в данных пословичных примерах — не русские по своему происхождению. Это, действительно, еллинизмы, заимствованные в путях воздействия на русский язык оборотов языка греческого. Примеры однородных синтаксических сочетаний, известных в памятниках древней письменности, приведенные у А. А. Потебни,¹ дают достаточный материал для подтверждения нашего заключения о происхождении указанного типа из греческого языка.

II. *Каждая пять.* М. В. Ломоносов допускал синтаксические употребления: каждую пять лет, каждую двадцать лет, всякую полгода: «А в сочиняющемся новом статѣ и регламентѣ положить, чтобы на академической суммѣ всегда содержать природныхъ российскихъ студентовъ за моремъ не меньше десяти человекъ, которое число в каждую пять летъ из академического университета производить можно будетъ удобно» (Биларский, «Материалы для биографии Ломоносова», СПб., 1865, стр. 641: Представление в Канцелярію АН 2 июня 1764 г.). «Для надежнейшего исправления Российскаго атласа должна Академія отправлять каждую двадцать лет... географическія экспедиціи для описанія и для астрономическихъ опредѣленій мѣст знатныхъ и нужныхъ» (Там же, стр. 658: Новый регламент Академіи, § 26, сентябрь 1764 г.). «Каждой академикъ ординарной долженъ всякую полгода объявлять и в собраніи к запискѣ отдавать таковыя свои предпріятія» (Там же, стр. 656, § 17).

Для современнаго представленія русскаго языка словоупотребленія Ломоносова даютъ очевидное нарушеніе согласованія, хотя числительные пять, двадцать мы склоняемъ какъ существительные женскаго рода на ѣ. Ср. пять, пяти, пятью и худая сеть, худую сеть, небольшая часть жителей, небольшую часть жителей и т. п. Факты древне-болгарскаго, а также древне- и средне-русскаго языковъ вполне оправдываютъ

¹ Из записок по русской грамматикѣ, изд. 2-е. Харьков, 1888, стр. 109.

«синтаксические формы М. В. Ломоносова, и они являются несомненными архаизмами. Ф. И. Буслаев в «Исторической грамматике русского языка» говорит: «Начало этимологическое господствует в древнем и частью народном языке, логическое — в новейшем. Потому в старину говорили: та десять описана, в ту десять, другая пять шла и т. д., т. е. эти количественные согласовались в женском роде ед. числа» (Синтаксис, М., 1881, стр. 220, § 230). В примечании к § 230 высказанное положение оправдывается многими хорошо подобранными примерами. Весьма замечательно, что подобное согласование, неизвестное нам в современных русских говорах, до самого недавнего времени сохранялось на родине М. В. Ломоносова, где показаны словоупотребления: вся пять, вся десять,¹ пришла вся пятьдесят мужиков.² См. также в Двинских грамотах: а изюде та пать лет.³

Согласование числительных, сложенных с пол с определениями по женскому роду — тоже старинное. Ср. в актах XVI в.: полдвора моя, на чужую полдвора.⁴ В литературных произведениях Ломоносова, насколько нам известно, подобные сочетания не встречаются. См. «Словарь к сочинениям М. В. Ломоносова» Белоруссова (Рукопись Слов. Отд. Института языка и мышления им. акад. Марра).

III. *Свежий молоко, молоко прокис, этот молоко.* В. И. Даль в статье «О наречиях великорусского языка» говорит, что в Воронежской губ. к словам среднего рода «идут прилагательные в роде женском: куриная яйцо, чистая лицо, а нередко и окончание *о* изменяется на *а*: ета сена зеленая, проса крупна, пшена желтая такая, масла горькая; ружье добрая, да и дорогая, мой паштенье; словом, здесь средн. рода нет: платье, седло, зеркало — все женского».⁵

В другом месте, несколько раньше, Даль сообщает: «всего замечательнее, что в Боровском уезде, как уверяют, яблоч гнилой, сено хорош, яйцо свежий, полотенце бел, т. е. среднего рода нет, а уровнен он с мужеским (в Воронежской с женским)».⁶

Эти сообщения Даля вызвали замечания А. А. Потебни, который, говоря об обращении конечного *е* в *я* в акающих говорах (стада гусиная

¹ Сборник ОРЯС, т. LXXXIII, № 5, стр. 69.

² Материалы для изучения великорусских говоров, вып. VIII, стр. 398.

³ А. А. Шахматов. Исследование о Двинских грамотах XV в. СПб., 1903, стр. 128.

⁴ Буслаев. Синтаксис, § 234, Примечание 3-е.

⁵ Толковый словарь, т. I, стр. LXIV—LXV, изд. 1880 г. Первоначально в «Вестнике Р. Географического Общества», 1852, кн. V. См. для данной и следующих ссылок стр. 29—30, 47—48, 50.

⁶ Там же, стр. LXIII.

и под.), в особом примечании дал следующий критический разбор сообщений Даля: «Такие же изменения в Ворон. губ. — куриная яйцо, чистая лицо, сена зелёная — повели Даля к заключению, что здесь к существит. среднего рода идут прилагательные в женском роде. Это ошибка. Существ. сѣна (им. пад.) не становится женским оттого, что окончание его произносится как *а*; от такой фонетической причины не станет женским и прилаг. зеленая, согласуемое с сено. Кажется, ошибочны у Даля примеры: пшена желтая такая, вм. пшено такба и т. д. Не менее ошибочно и другое мнение Даля: „в Боровском у. Калужской губ., — говорит он, — как уверяют, яблок гнилой, яйцо свежий, полотенце бел, т. е. среднего рода нет, а уравнен он с мужеским“. Здесь в яблок *э* есть сокращение из *о*, в гнилой *й* сокращение из *е*, но при всем этом полное сознание различия родов».¹

Эти замечания Потебни для нас поучительны: с одной стороны, мы можем исправить слишком широкое обобщение Даля, что в указанных им говорах «среднего рода нет»; с другой стороны, мы никак не можем идти вслед за приемом Потебни — заподозривания и отрицания фактов языка, которые не укладываются в обычные грамматические категории. Потебня до такой степени игнорирует противоречащие факты, что просто опускает их в своих цитатах из Даля, а между тем у Даля нет ни одного неверного сообщения, и все данные из его показаний можно подтвердить многими примерами из разных говоров.

Вопросы языка, затронутые в настоящем случае, не однородны. Они могут быть сведены к явлениям трех различных разрядов:

1. Существование по диалектам одних и тех же слов в вариантах разного грамматического рода: пшена при пшено, яблок при яблоко и т. п.

2. Переход окончания прилагательных среднего рода в женский без ударения и под ударением, существующий в акающих говорах: куриная яйцо, чистая лицо, зелёная сена; проса крупна, ружье дорогая.

3. Указанное Далем в Боровске соединение существительных среднего рода с прилагательными мужеского: яйцо свежий, сено хорош, полотенце бел.

Рассмотрим все эти разряды явлений в отношении к поставленному нами вопросу о нарушении согласования в русском языке.

1. В русских крестьянских диалектах довольно распространены употребления слов: мышь, яблок, крылёц, коромысел, облак и др. по мужескому роду, слов: стуло, ботвинье, фамилие и др. по среднему, слов: пшенá, вредá, перепуга, тигра и др. по женскому. Ясно, что при таких словоупо-

¹ А. Потебня. Два исследования о звуках русского языка. Воронеж, 1866, стр. 64—65, подстрочное примечание (= Филол. зап., 1865, вып. I, стр. 60—61).

треблениях сочетания: гнилой яблок, высокий крылец, дубовый коромысел, большое стуло, мое фамилие, желтая пшена, лютая тигра — являются в данных диалектах вполне правильными и никакого нарушения согласования в роде не содержат.

2. Можно признать правильным утверждение Потевни, что при произношениях: *зелёная сена*, *куриная яйцо* и под. фонетическая причина не разрушает представления рода, но только в нашей образованной речи, где данная категория является непреодолимо стойкой. Иное дело в диалектах, где средний род существительных и прилагательных не удерживается при сильном аканье. Раз возникают при ударяемом окончании переходы прилагательных-местоимений среднего рода в женский: *ружьё дорога́я*, *ма́я паште́ня*, *одна́ на́речия*, *худа́я вино́*, *парна́я малако* и т. п., то их нельзя объяснить иначе, как влиянием неударяемых форм: *зе́лёная сена*, *кури́ная яйцо*, *чи́стая лицо*. Очевидно, эти последние формы прилагательных осознаются как формы женского рода, без чего невозможны были бы и такие новообразования, как *худа́я вино*, *парна́я малако*, *дешевá жалованья*, возникшие под влиянием первых. Здесь мы видим разрушение старого согласования в пользу нового, имеющего фонетическое происхождение. В некоторых южных диалектах, например, в мешовском, этот переход слов среднего рода в женский в части слов распространяется на все склонение: из *казначейсвы*, из *желе́зы*, по *лавошной де́ле*, в *большо́й сомне́нии*, *ото вся́кой дере́вы* и т. п.¹

В последнем случае, очевидно, нет нарушения согласования. Нарушение несомненно лишь в таких случаях, весьма распространенных в сильно акающих говорах, как *ма́я сяло́*, *худа́я вядро́*, *больша́я акно́* и под., где прилагательные женского рода соединяются с существительными среднего.² В склонении слов обычно согласование восстанавливается. Говорят: *маево́ сяла́*, *худова́ вядра́*, *большова́ окна́*. Лишь из одного говора нам известно сообщение о нарушении согласования и в косвенных падежах: от *мочёной яблока*, из *худой ведра*, из *гнилой бревна*.³ Такой редкий факт прежде своего признания требовал бы проверки на месте или подтверждения подобных явлений в других сильно акающих говорах.

3. Случаи соединения прилагательных определений и глагольных сказуемых прошедшего времени в форме мужеского рода при существи-

¹ Материалы для изучения великорусских говоров, V, 251 (б. Мешовск. у.), XI, 78 (б. Елецкий у.), IX, 245 (б. Акмолинская обл.).

² А. И. Соболевский. Опыт русской диалектологии. СПб., 1897, стр. 14, 19 (б. Зарайск. у.); Материалы, V, 252 (б. Мешовск. у.), VII, 333 (б. Касимовск. у.), 555 (б. Льговский у.), XI, 50 (б. Медынский у.), 84 (б. Мценск. у.) и др.

³ Материалы, VIII, 555 (с. Паньково, б. Новосильского у., б. Тульской губ.).

тельных среднего рода известны во многих акающих говорах. Многочисленные примеры такого нарушенного согласования я наблюдал именно в Боровске, в 1897 и 1898 гг., от учеников уездного училища и от других жителей этого города: этот сено, мой перо, мой масло, вино свой пили, весь поле, один поленце, весь семейство кормит, стекло, который вставили, имение этот попал дешево (т. е. удалось купить), молоко весь вышел, был утро, стекло разбился и т. п.

Рядом я наблюдал определения и сказуемые в мужеском роде при словах женского: чернинькай сабáчка, махинькай мұхта (муфта), свечка гарéл и т. п. Наблюдая говоры по дороге от Боровска до Москвы,¹ я тоже иногда отмечал подобные словоупотребления: вядрб — он паменьши упата, адін акóшчтя (б. Боровский у., стр. 10 отдельного оттиска), предписание дáден (там же, стр. 13), óзира — он зарос (20), тот акнó, малакó халоднай (б. Верейский у., 25), балóтца — он почти зарос (там же, 39). Ближе к Москве, где говоры более культурны, это явление исчезает. Собственно с городом Боровском или его уездом это явление не связано и встречается во многих местах с акающими говорами. Так, в Мещовске я мог отметить как довольно постоянное явление употребление определений и сказуемых мужеского рода при подлежащих и дополнениях среднего: «При словах кольцо, молоко, мясо, платье и т. п. говорят он, один, большой, хорош, вкусен, прокис, вывернулся и т. п.»² Даже в б. Московском у. указаны произношения: адін (яйцо), весь (вино), жито — он любит землю хорошаю, малачко — он ни изгáдитца.³ В б. Медынском у. б. Калужской г. показаны сочетания: весь лето, весь лицо, етот окно, один болото, новай перо, свежий сено, молоко холодён, прокíс, разлíлся.⁴ В б. Дмитриевском у. б. Курской губ. известны сочетания: чистый полотенце, хороший жито.⁵ В б. Красноуфимском у. (Михайловский завод, с акающим населением) знаем: окно маленькай, ружье добрай, золото светлай, пива крепкай, такой горя.⁶

Во всех указанных случаях мы видим явное нарушение согласования.

Объяснить его происхождение можно путем следующих изменений. Для части примеров, в которых несогласованное прилагательное или местоиме-

¹ Известия ОРЯС, т. XIII, 1908, кн. 1 и 3.

² Материалы, V, 251. См. также Н. Дурново. Описание говора д. Парфенов, стр. 244.

³ Сборник ОРЯС, т. LXVIII, № 3, стр. 29, 36.

⁴ Материалы, XI, 50.

⁵ Материалы, IX, 163.

⁶ Там же, 222.

ние должно стоять в членной форме и оканчиваться на неударяемый гласный, мы могли бы принять фонетическое объяснение Потебни: конечный гласный отпал, остался *j*, признак мужеского рода. Так, из молоко холодное, свежее сено, чистое полотенце, светлое золото, такое горе и т. п. получились: халбднай малако, свѣжай сено, чѣстай палатенце, свѣтлай золото, такбѣй горя. Ср. распространенное в акающих говорах обращение местоимения кое в кой: кой-как, кой-куда, кой-чего и под. Также объясняются и сочетания: чѣрнинькай сабѣчка, ма́хинькай му́хта.

Формы прошедшего времени: свечка горел, стекло разбился, тоже можно объяснять отпадением конечного гласного, ослабленного в акающем говоре.

Дальше при многочисленных формах на а и мужеского рода: добрай человек, маленькай мальчик, светлай день и т. п. сокращенные прилагательные в сочетаниях: маленькай акно, добрай ружье, крепкай пива и т. п. стали осознаваться как слова мужеского рода. Это должно было вызвать сочетания: этот акно, весь поле, один поленце и т. п. За ними по аналогии пошли формы слов, в которых конечная гласная стояла под ударением: мой перо, свой вино. Они необходимо должны были возникнуть, если говорили: этот перо, весь вино. Такие формы как: молоко вышел или молоко прокис, конечно, являются не первичными, а производными: они возникли в силу влияния сочетаний: халоднай малако, весь малако.

Само собою разумеется, что в этом процессе фонетических и морфологических изменений одни явления должны были содействовать возникновению и укреплению других. Так, фонетическое явление в виде: свечка горел, малако разлился из горела, разлилась поддерживалось фонетическими и нефонетическими формами сочетаний: сальнай свечка, этот свечка, халоднай малако, весь малако.

Таким образом в разных акающих говорах форма и представление среднего рода действительно утратились, если не вполне, то все-таки для многих слов и в отношении значительной части говорящих, и получилась новая система сочетания определений и сказуемых мужеского рода с словами среднего и частью женского рода, обычно лишь для именительного падежа.

Необходимо однако признать, что подобные нарушения согласования слов не ограничиваются областью южно-великорусских акающих говоров; они, как редкое явление, встречаются и в северных акающих говорах. Так, в б. Красноуфимском у. показано сочетание: окно маленькой¹ (Про-

¹ Возможно, что от акающего заводского населения.

грамма № 209);¹ в «Великорусских сказках Пермской губ.» Д. К. Зеленина находим: один перо (стр. 325, у сказочника из Верхнего Кыштымского завода, б. Екатеринбургского у., иногда акающего); в «Северных сказках» Н. Е. Ончукова читаем: Он (чернокнижник) и давай дерево грызть, и дерево стаѹ упадать, он за друго поймався мужык, дерево упаѹ (стр. 233, у сказочницы б. Петрозаводского у.); камень через чисто поле перелетело (266, от сказочника Петрозаводского у.; оба примера из записей А. А. Шахматова. Возможно, что в последнем форма перелетело обязана механическому влиянию предыдущих слов: «чисто поле»). От одного старика из б. Олонечкой губ. я слышал фразу: если он вам мешает (о белье). Для выяснения подобных случаев мы имеем лишь случайный и крайне скудный материал, который не дает пока возможности сделать какие-либо заключения. При том часть этого материала, как мы уже указали, относится или может относиться к говорам акающим, где она более или менее известна и ясна.

IV. *Моё жеребёнок*. Мы имеем некоторые указания, что в великорусских говорах при именах существительных муж. р., означающих имена детей и молодых животных, сказуемое и определение ставится в среднем роде. Младенец слабо (АГГО,² б. Псковская губ., б. Великолуцкий у., рукопись № 37, 1855 г.). Моё жеребенок, одно ягненок (АГГО, б. Тверская губ., б. Кашинский у., с. Васьянское, рукопись № 31). В Кашине и Калязине, по указанию Даля, говорят: «это моё пыпленок».³ Очевидно, что только к мальчикам (младшего возраста) относится и следующее словопотребление: како ты недогадливо Гашкб, Пашкб, Ванькб (Материалы для изучения великорусских говоров, VIII, 389—390: б. Архангельская губ., б. Холмогорский у., села Емецкое и Курострово). Там же «о детях и молодых животных безотносительно к их полу изредка говорят в среднем роде... Петрушка-то, глень! Он о плачет о собаченки! Велика ли жучка, наша собака, а смотри и онб лает по большому!» (Сборник ОРЯС, т. LXXXIII, № 5, стр. 67). Ах, Яшка, и чернб-то ты, и грязнб, и соплѣво (о ребенке) (Сб. ОРЯС, 1901, т. LXXI, 20: б. Суздальский у.). Подѣ, моё мѣненько! (ребенку) (там же, 26). Здесь же отмечено, что в Суздальском у. о ребенке говорят: онб плачет, о щенке: какбе онб тёплое (там же, 33).

Такое согласование встречается и в северных, окающих говорах, и в более архаичных из числа акающих. Так, в записанной мною в Пуш-

¹ Т. е. рукописный ответ на Программу для изучения великорусских говоров.

² Архив Государственного Географического Общества.

³ О наречиях русского языка, стр. XLVIII.

кинском районе Псковского округа сказке (1927 г.) имеем: «Вазьми маево львененачка: анб тебе пригадится!»

На согласование по среднему роду первоначальных робя, теля, щения и под. (замененных потом формами робенок, теленок, щенок) и на распространение первоначальных форм и сочетаний таких слов по среднему роду в языках сербском и украинском, а частью и в русских областных говорах, указал уже Буслаев.¹ Скудные остатки старых образований и согласования по среднему роду остались у нас в пословицах: Свиное порося такое ж княжа. Краденое порося в ушах визжит. Теля умерло — хлеба прибыло (Даль, Словарь, под сл. порося, теля).

Нарушение согласования видим мы лишь в первых трех сообщениях о говорах. Оно возникло, очевидно, вследствие сохранения старого синтаксиса при подлежащих нового образования. Переход от мое теля, слабое робя к мое теленок, слабое робенок можно считать вполне возможным. Однако является некоторое сомнение в точности подобных сообщений. Возможно, что в народе собственно не говорят: младенец слабо или одно ягненок, а говорят о младенце, ягненке: слабо, одно, не употребляя существительных. Данное синтаксическое оформление: младенец слабо и под. могло составиться неосторожными авторами сообщений с мест. Само собою разумеется, что старое согласование данных слов по среднему роду поддерживалось также употреблением уменьшительно-ласкательных форм, согласованных таким же образом: моё дитятко, моё телятко и т. п.

V. *Корбѡа задави́лосе*. В «Печорских былинах» Н. Е. Ончукова (СПб., 1904) отмечено много случаев, когда сказуемое прошедшего времени стоит при подлежащем женского рода: корова задави́лосе (96), собака волочи́лосе (96), смерть случи́лосе (99, 132, 192), накати́лосе вдруг тут туча темная, навали́лося бы тут орда неверная (136), старушка раскати́лосе (160), Марина спуга́лосе (194), княгиня разгорё́лосе (200) и т. п. (Заметка о языке Печорских былин, стр. XLIV).

Часть данных оборотов легко объясняется подстановкой первоначальных образований: корова, собака на место старых увеличительных или уничижительных: корбѡище, корбѡишко, собѡчище, собѡчишко, согласовавшихся по среднему роду. Так, в «Онежских былинах» Гильфердинга находим: Да у нашего князя у Владимира Да й было коровищѡ обжорищѡ (т. III, стр. 8, изд. 1900 г.). В «Песнях» Рыбникова: А мое-то есть конишечко дорожное, Дорожное конишечко заезжено (I, 291, изд. 1861 г.).² Однако часть примеров остается с несомненным нарушением

¹ Историческая грамматика, изд. 1881 г., §§ 62, 218.

² Ср. Ф. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, Синтаксис. М., 1881, стр. 194—195.

согласования, так как сказуемые прошедшего времени среднего рода соединены с подлежащими женского рода. Поэтому, может быть, вернее все эти примеры отнести к типу безличных несогласованных предложений: *загорелось свеча*, о чем имеем указания у Потебни и Шахматова с примерами.¹

Не исключена возможность и фонетического объяснения всех приведенных примеров. Так как слог *ло* мы видим почти исключительно перед окончанием *се*, то можно предполагать, что первоначальное *ла* заменилось *ло* под влиянием этого окончания.

VI. *Брат взято на службу. Хрен горьки*. Н. М. Каринский в Псковской Палее 1494 г. отметил «безличный» оборот «пущено рана».² Наблюдения над современными псковскими говорами показывают, что им вообще свойственно употребление сказуемого среднего рода в форме прошедшего на *л* (изредка) или страдательного причастия (довольно часто) при именах существительных мужского рода единств. и множеств. числа. Вот несколько примеров из наблюдений над разными говорами б. Псковского у. по статье, напечатанной в «Трудах Комиссии по русскому языку» 1931 г., т. I: Иван укрáла (стр. 162; *а* вместо *о* здесь и дальше вследствие аканья); ён был на службы да атпущена; палец был срéзана (166); паддонак патэрыяна (169); Париш был взята (174); сын убита (175).

Довольно много примеров такого согласования отмечено мною и в Пушкинском районе Псковского округа (записи 1927 г.): *Двор был разлáмана*; на палинке клевер пасéяна; я взята (на военную службу) в 20-м году; афсы атсéяна.

Н. П. Гринкова указала такие обороты в разных говорах западной части б. Лужского у.: першатки на руках надéто, ноги в потпол кинúто, рукаф отбóрвано.³ Также в говорах северо-восточной части б. Моложского у. при существительных женского рода: если бы самогонка разрешбó было, рука дáдено.⁴

Мы видим, что синтаксические явления этого рода не ограничиваются областью древнего Пскова. Они показаны также и в области б. губерний Пермской и Вятской,⁵ и в памятниках московской письмен-

¹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, III. Харьков, 1899, стр. 441—443; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1925, вып. I, стр. 125, § 134.

² Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909, стр. 12.

³ Очерки по русской диалектологии, Известия ОРЯС, т. XXX, 1925, стр. 267.

⁴ Там же, стр. 253.

⁵ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, § 135: Ему билет белый дато (чердыпское). Денёк у него наг ружено полны карманы (вятское).

ности.¹ Такие явления синтаксиса известны и в белорусских говорах и в западныхрусских памятниках.²

Данные из этих памятников и говоров, приведенные у акад. Е. Ф. Карского, мы считаем возможным разделить на 3 группы:

Первая группа типа: бог взнано, закон розметано, поднялось огонь, ўкрадено грошы — однородна с нашей настоящей группой шестой.

Вторая группа, представленная одним примером: жене́ськ по́ скжпо бѣдетъ — относится к нашей первой группе.

Третья группа типа: ко́нецъ влѣ́ его че́мѣно — может быть истолкована как отпадение *j* в конце прилагательных членного окончания. Ср. обычные белорусские формы этих прилагательных на *ы*, *i*: зялёны, малады, расійскі, сіні, пі (2 л. пов. накл. от піць).

Отпадение *j* в данном положении изредка встречается и в памятниках псковской письменности.³ Таким отпадением, очевидно, объясняются и показанные в одном из псковских говоров сочетания: хрен го́рьки, пирог сла́дки.⁴ То же с единственным примером: «лѣ́кки (вм. легок)» показано в другом псковском говоре.⁵

Однако своеобразные синтаксические сочетания первого псковского говора не ограничиваются указанными примерами, которые объясняются легко и просто. В говоре того же прихода Мари́пчелки показаны еще совсем необыкновенные синтаксические употребления: лен волокни́сти (лен волокнист), собой чи́сти (собой чист). В песнях, записанных на местном говоре, находим те же и другие, неизвестные в русских говорах синтаксические сочетания: Урад́ися, бе́лый лён! Бел, вылакни́сти, Сабой гылав́исти. — Напо́й маё коня Сяре́д с́иня мо́ря. — Ё́та до́брый ко́нь Ма́во ба́тющки, Зылато́ узда́ Бра́цпа со́была (стр. 210—211). Столь же необычны и следующие сочетания, которые мы находим в сказках б. Псковской губ. (без точного обозначения места), записанных Н. Г. Козыревым: Девка-то была толсти́.⁶ А упра-вляющ́ий все с ним иде, в порядовку, да пыхт́ить, толсте дюже был.⁷ (Здесь толсте, может быть, вместо: толстѣ́й?).

Факты этого рода мы не можем пока удовлетворительно объяснить ни синтаксически, ни фонетически, ни в порядке словообразования. Чередова-

¹ Там же, § 130, Домострой: А солома потому же бы была в кровле и прикладено, а обрано, и очищено, и не разволачено бы, и подметено.

² Е. Ф. Карский. Белоруссы, т. II, 3, Очерки синтаксиса белорусского племени. Варшава, 1912, стр. 73.

³ См. Н. Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке, стр. 36, 72, 118.

⁴ Живая старина, 1891, III, 209 (погост Мари́пчелки, б. Великолуцкого у.).

⁵ Материалы, V, 152: д. Будаево, б. Островского у.

⁶ Живая старина, 1912, стр. 300.

⁷ Там же, стр. 303.

ние твердых и мягких окончаний прилагательных членной формы нередко в русских говорах, в том числе и в псковских, но они наблюдаются главным образом после предыдущего *и*.¹ Таких случаев немало отмечено Н. М. Каринским и в памятниках псковской письменности,² но и здесь нет ни одного примера мягкого окончания после звуков *ст*. С некоторой смелостью примеры с прилагательными на *сти* при существительных мужеского рода можно было бы свести к типу: хрен гбрьки, где, при необычном окончании, согласование вполне правильно; сочетания: маё коня (вин. пад.), зылато узда можно бы считать возникшими под влиянием оборотов: моё коняшко, коняшечко, зылато уздечко, но сочетание девка тблсти решительно необъяснимо.

VII. *Я сдѣлат*. В. И. Даль в статье «О наречиях русского языка», сообщая об особенностях говора г. Верхотурья, между прочим, говорит: «Уверяют — чего я сам не слышал — будто там же ставят третье лицо глагола вместо первого: я сдѣлат вместо сделаю».³ Даль, очевидно, заимствовал свое сообщение из рукописи АГГО (б. Пермская губ., б. Верхотурский у., с. Мурзинское, сообщение Луки Попова 1848 г., № 13). По извлечению из этого документа, находящемуся в известном «Описании рукописей» названного общества, составленном Д. К. Зелениным, мы знаем, что в говоре села Мурзинского показаны формы: сдѣлат вм. сделаю, сходит вм. схожу.⁴

Даль отнесся к данному сообщению с некоторым сомнением, но факт употребления 3-го лица глагола вместо 1-го был ему известен и в Шадринске (т. е. в Шадринском у. или в окрестностях Шадринска), где, по его указанию, «язык чище прочих мест Перми...», но говорят: ...я это сдѣлает, я дойдет».⁵ Сведение, повидимому, опять взято из рукописи АГГО, Пермская губ., № 12, сообщение Смирнова: Этнографические сведения о селе Песчанском, Шадринского у., в 1850-х годах, где, по извлечению в «Описании» Д. К. Зеленина указано: «вм. 1-го лица говорят 3-ье: сдѣлает вм. сделаю» (стр. 993). Кроме этих двух сообщений Даля, употребление 3-го лица глаголов вместо 1-го, а также и 2-го, показано в нескольких северных русских говорах. Так, в сообщении Ст. Пругавина, учителя Пинежского уездного училища, 1850 г., о говоре г. Пинеги приводятся такие примеры местных словоупотреблений: «Не ходи, завтра сходит вм. сходишь; не буду сегодня мыть, завтра вымоет; как

¹ Труды Комиссии по русскому языку, т. I, стр. 180: *позное, утришное*.

² Язык Пскова, стр. 25, 27, 52, 82, 92, 103.

³ Словарь, изд. 1880 г., стр. LI.

⁴ Описание рукописей ученого архива Русск. Геогр. Общества, стр. 995.

⁵ О наречиях, стр. LI.

хочет, не пойду, как хочет не буду вм. как хочешь». Автор сообщения замечает: «Иногда спросишь: Кто же вымоет? Отвечают: я».¹ В ответах на Программу для изучения особенностей великорусских говоров из села Черемисский Малмыж, б. Вятской губ., б. Малмыжского у. находим: «Здесь крестьяне вм. не знаю говорят: а знают» (так!).² В деревнях б. Боровской волости: Шоборово, Верхний Двор, Заирап, б. Белозерского у., «вместо 1 лица ед. ч. часто употребляют 3 лицо; напр.: складет усьё у печки, а потом и затоплю (так!); срубит березу, да топориче и сделает вм. срублю, сделаю».³ В деревне Махнёве, б. Верхотурского у., «вместо я поеду иногда говорят: поедет, вм. я сделаю — сделает, сделает».⁴ В станице Арык-Балыкской, б. Акмолинской области, где население смешанное из акающих казаков и окающей мордвы, говорят: «Руки ж поморозя, т. е. руки-то поморозишь».⁵ Наблюдатель отмечает здесь взаимное влияние говоров: «Мордовка усваивает обороты речи сибиряка, а сибиряк (т. е. казак) — мордовки» (241).

Из большинства, собственно из всех сообщений, кроме тех, которые редактированы В. И. Далем, видно, что, употребляя 3-е лицо глаголов вм. 1-го или 2-го, не соединяют с формой 3-го лица личных местоимений. Надо думать, что сочетание: *я* *сделат* в двух сообщениях Даля — ретушровка автора статьи о наречиях. Таким образом «нарушения» согласования, если применять этот термин буквально, на лицо не имеется. Собственно: неправильно употребляется 3-е лицо вм. 1-го и 2-го. Данные о таком употреблении имеем из г. Пинеги и бывших уездов Верхотурского (2 сообщения), Шадринского, Малмыжского, Белозерского и б. Акмолинской области. В населении Верхотурского у. до сих пор есть небольшая примесь вогулов. В Шадринском у. часть населения составляют башкиры. В других местах не русское население теперь не показано, но оно несомненно было в прежние и еще недавние времена. Так, в сообщении Луки Попова из с. Мурзинского есть предание о гибели чуди в земляных ямах.⁶ В ответе из с. Черемисский Малмыж дано указание, что население его состоит на три четверти из русских и на одну четверть из черемисов (стр. 186). Смешанность населения в станице Арык-Балыкской нами уже указана.

Итак, почти несомненно, что данную неправильность в употреблении лиц глагола следует признать особенностью тех немногих русских северных

¹ АГГО, б. Архангельская губ., № 10.

² Материалы, V, стр. 190.

³ Материалы, IX, стр. 177.

⁴ Там же, стр. 211.

⁵ Там же, стр. 244.

⁶ Зеленин. Описание, стр. 996.

говоров, в которых русское население тесно соприкасалось с обрусевшими финно-угорскими народностями, не вполне овладевшими употреблением личных форм русского глагола и передавшими показанные неправильности их употребления и русскому населению.

Данная особенность могла быть получена из прибалтийско-финских языков, в которых, на ряду с личными формами глагола, существуют особые неопределенно-личные формы: одна форма, относящаяся ко всем трем лицам и обоим числам, при которой личное местоимение не употребляется. Русское население северо-восточных районов могло получить данную особенность до переселения на северо-восток, т. е. принести ее в готовом виде.

VIII. *Я* *знам*. В северных русских говорах, которым свойственно стяжение гласных в глаголах 1-го спряжения настоящего времени, вполне обычны такие формы, как: мы *знам*, мы *читам*, мы *сбегам*. Следует выяснить их отношение к таким редким формам, как: я *знам*, я *читам*, я *сбегам*, которые показаны в деревнях, окружающих г. Слободской.¹ Последние возбуждают мысль о нарушении согласования в том смысле, что единственное число местоимения соединяется со множественным числом глагола. Вопрос здесь осложняется тем, что в русской крестьянской и мещанской среде широко распространен обычай говорить о себе во множественном числе. Например, на вопросы: *знаешь?* *сделаешь?* *умеешь?* — часто отвечают с достоинством: *знаем!* *сделаем!* *умеем!* и т. п. Это множественное, означающее уверенность, самоуважение. В говорах того типа, о котором мы говорим, эти ответы нередко имеют формы: *знам!* *сделаам!* и т. п. Личное местоимение в этих случаях обычно опускается, но в выражениях уверенного ответа оно нередко стоит на лицо и всегда в ожидаемой форме множественного числа: *мы знаем!* *мы сделаем!*

Таким образом указанные выше формы: я *знам*, я *читам* никак нельзя сблизить с формами множественного с значением уверенности. Очевидно крестьянские словосочетания окрестностей г. Слободского: я *знам*, я *читам*, я *сбегам* представляют синтаксически правильное соединение лиц и чисел. Форма *знам*, вероятно, архаизм, известный и в других говорах (Сам *знам*, што ты *мина* учишь — угличское, по указанию Н. В. Шлякова),² и в памятниках древнеболгарского языка, а также и в современном болгарском. Формы *читам*, *сбегам*, повидимому, новообразования по образцам: *знам*, *ем*, *дам*.

¹ Материалы, IX, стр. 116.

² Словарь русского языка, т. II, стр. 2777.

М. П. ЧХАИДЗЕ

О междометиях в марийском языке

(По поводу звукоподражательной теории Н. И. Ашмарина)

При разработке междометий марийского языка мы не можем пройти мимо того языковедческого наследства, которое оставил нам проф. Н. И. Ашмарин, — специалист по поволжским языкам, автор ряда работ по вопросам звукоподражания.

Необходимость использования этого наследства вызывается тремя соображениями:

Во-первых, говоря о звукоподражательных словах, автор по существу трактует междометия. Термин автора «звукоподражательные слова» или «мимемы» целиком покрывает обычное понятие «междометий». Ашмарин понимает мимему несколько шире, чем междометие. Таким образом Н. И. Ашмарин оказывается предшественником в деле разработки нашей темы о междометиях.

Во-вторых, Н. И. Ашмарин в своих звукоподражательных штудиях выступает и как специалист по марийскому языку; на ряду с междометиями других языков Поволжья он трактует десятки марийских слов-междометий.

В-третьих, кроме Н. И. Ашмарина марийские междометия никем существенно не затрагивались в своих исследованиях. Стало быть, Ашмарин и в этом смысле является нашим прямым и достойным исключительного внимания предшественником.

Следует указать, что специальные мариеведческие экскурсы Н. И. Ашмарина могут быть лучше поняты именно в связи с общей звукоподражательной теорией автора.

Поэтому мы и начинаем эту статью с изложения общих установок Ашмарина, иллюстрируя отдельные положения материалами самого автора.

I

По вопросу о звукоподражании Н. И. Ашмарин издал ряд объемистых работ.¹ Из них наиболее насыщенной теоретическими высказываниями является работа под заглавием «Подражания в языках среднего Поволжья», изданная в Баку. В ней подводится итог всей исследовательской работе по данному вопросу. Работа эта не закончена изданием; вышли две брошюры под этим заглавием, и предполагалось, что продолжение (повидимому, заключительная часть) будет издано позднее. Но, несмотря на незаконченность работы, из уже изданных выпусков несомненно можно судить о всей системе взглядов автора.

В этой работе автор ведет исследование по двум направлениям: по линии классификации материала и по линии изложения или обоснования теории звукоподражания. Мы попытаемся дать их краткое изложение в указанной последовательности.

Прежде всего следует сделать общее замечание по вопросу о звукоподражании вообще, в частности о том, как его понимает автор.

Что такое звукоподражание?

Звукоподражание в обычном смысле слова есть воспроизведение в органе речи человека звуков, слышимых в объективной природе (звуков, издаваемых птицами, животными, движущимися предметами и т. д.). Сообразно с этим, «подражательные слова» следует понимать как слова, возникшие путем нашего подражания звукам объективной природы.

У Ашмарина это понятие употребляется в более широком значении. Он замечает: «говоря о подражательных словах, я употребляю это выражение в очень обширном значении, включая в эту категорию не только подражания звукам, но также и подражания явлениям движения (в общепринятом значении этого слова), а равно и явлениям световым, которые одинаково находят себе выражение в подражательных словах».²

Автор вместо «подражательных слов» часто употребляет термин мимема.

Мимема, это прежде всего — подражательная частица, слово (чаще всего немногосложное) без какого-либо грамматиче-

¹ Назову наиболее важные из них: «О морфологических категориях подражаний в чувашском языке». Изд. Акад. Центра Т. Н. К. П., Казань, 1928, стр. 1—160, цена 2 р. 50 к.; «Подражания в языках среднего Поволжья». Изд. Азерб. Госунта, Баку, 1925, 5 выпусков в 2-х книгах: I—II и III—V; «Немецкое Schlange в свете урало-алтайских подражательных образований».

² Проф. Н. И. Ашмарин. Подражания в языках среднего Поволжья, I—II, стр. 143 (1).

ского оформления, и в таком виде мимема имеет большей частью эмоциональную окраску, выражает тот или иной чувственный аффект или протрацию.¹

Но мимема может иметь и грамматическое оформление — суффиксы, префиксы и т. д. Тогда мимема выступает «словом, утратившим свой чисто аффективный характер и выражающим уже более рассудочное отношение говорящего к воспринимаемой им действительности».²

А. КЛАССИФИКАЦИЯ МАТЕРИАЛА

Согласно автору имеется пять категорий мимем. Вот эти категории или группы.

1. Звукоподражания в собственном смысле слова

Сюда относятся все слова, возникшие путем подражания звукам объективной природы, как то подражания пению птиц, различным звукам, издаваемым животными, также и звукам, издаваемым от трения предметов и т. д., словом, — всем звукам, воспринимаемым нашим слухом извне. «Во многих случаях звукоподражательный характер слова настолько ясен, что едва ли может быть подвергнут сомнению; к многочисленным словам этого рода могут быть, напр., отнесены названия некоторых птиц и др. животных, названных по свойственному им крику».³

Примеры.

Название «кукушка» возникло из подражания крику кукушки — «куку». И потому сама кукушка называется: по-чуваши «кукку», по-марийски «куку», по-удмуртски «кукы», по-мордовски «куку», по-аварски «гугу» и т. д.

«Сюда же относятся и мимемы, передающие самые крики»: ⁴ петуху подражают: русские «кукуреку», азербайджане «куккулугу», чуваша «кикирики», мордвина «кукурьюку», мари «кэкрэкрэ» и т. д.

Чувашское «тан» — подражание звону колокола, «чънкър-чънкър» — подражание звону ведер; и др.

¹ Н. И. Ашмарин. Подражания в языках Среднего Поволжья, I—II, стр. 143(1).

² Там же.

³ Там же, стр. 146.

⁴ Там же.

2. Светоподражания

Сюда относятся звуковые символы, передающие световые явления природы, или «выражение световых ощущений в виде звуков (слов)»¹ и подражания явлениям движения определенного предмета в плане тех же световых ощущений.

Примеры.

Мар. «йыл-йыл-йыл» — подражание движению языка пламени и движению языка во рту. Горномар. «цыл-цол» — подражание блистанию молнии. Чув. «йыл» — подражание улыбке.

3. Отпечаточные слова

Сюда относятся подражания звуковым явлениям, источником которых являются части речевого аппарата. Иначе говоря, отпечаточное слово представляет собой воспроизведение в слове тех произвольных звуков, которые мы слышим в нашем же речевом аппарате при совершении различных эмоциональных действий. Автор говорит: «Как рефлекторные, так и сопутствующие звуки, издаваемые голосовыми органами человека при различных настроениях и биологических процессах, напр. удивлении, горе, плаче, питье, смехе, икании, еде, нюхании, засыпании и пр. и пр., послужили к образованию особых мимем, которые я называю отпечаточными словами».²

Автор проводит дальнейшую классификацию внутри отпечаточных слов: «Сообразно с тем, где возникают сопровождающие звуки, т. е. в полости рта, или в полости носа, или в гортани, или в области губ, — получившиеся из этих звуков отпечаточные слова могут быть разделены на несколько рядов».³

а) Отпечаточные слова гортанного ряда

Примеры.

Османское «ыкыл-ыкыл» подражание стесненному дыханию.

Чув. «харр» подражание храпению.

Мар. «крок» подражание кашлянию.

Морд. «гыж-гажж» подражание тяжелому дыханию больного.

¹ Н. И. Ашмарин. Подражания в языках среднего Поволжья, I—II, стр. 155.

² Там же, III—V, стр. 79.

³ Там же, III—V, стр. 80.

*б) Отпечаточные слова носового ряда**Примеры.*

Чув. «мърт-март» — мимема недовольствия.

Мар. «муго-мого» подражание заплетающемуся языку.

Осм. «мыр-мыр» подражание бормотанию.

с) Отпечаточные слова ротового ряда

Азерб. «гурт» подражание звучному глотанию.

Мар. «сроп-сроп» подражание звучному хлебанию.

Чув. «хаххахах» подражание хохоту.

Каз.-тат. «чимирдä» — ныть.

Удм. «шолт» подражание щелканью языком.

*д) Отпечаточные слова губного ряда**Примеры.*

Мар. «аптрусьй» подражание чиханию.

Морд. «пух» подражание пусканию дыма изо рта.

Удм. «бульт» подражание прысканию водой изо рта.

Каз.-тат. «пышык-пышык» подражание тихому плачу.

*е) Отпечаточные слова смешанного типа**Примеры.*

Каз.-тат. «чыш-пыш» подражание шопоту.

Чув. «нъчк-нъчк» подражание звучному сосанию.

Мар. «шыш» мимема утихания.

Морд. «шльор» подражание втягиванию в себя жидкости.

Переходим к изложению четвертой категории мимем.

4. Подражания явлениям незвукового порядка, имеющим место в человеческом организме

Сюда относятся слова, возникшие из подражания к таким явлениям нашего организма, как сердцебиение, биение крови в жиле и др.

Примеры.

Мар. «пылт» подражание биению жилы.

Чув. «лѣп-лѣп» подражание миганию.

Морд. «ток-ток» подражание биению сердца.

5. Детские слова отпечаточного типа

Эти мимемы образуются следующим образом: ребенок сопровождает свои несложные действия (сосание, еда, причмокивание и т. д.) произвольными звуками, не имеющими, конечно, определенного значения. Взрослые же берут эти звуко сочетания и придают им определенный смысл. Таким образом создается ряд таких слов, как обозначения родителей, родственников, приятных и отвратительных предметов и некоторых физиологических отправлениях.¹

Примеры.

Русск. «мама», «тятя», «баба», «дядя», «тётя».

Чув. «мемме», «мамма», «ненне» ржаной хлеб.

» «түттү» напиток (чай, молоко, вода).

Осм. «нинни» бай-бай, баю.

Мар. «нъанъа» хлеб(-ушко).

Морд. «мамá» пить, питье.

Б. ТЕОРИЯ ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ

(в изложении Ашмарина)

В части теории звукоподражания автор пытался дать ответ на ряд существенных вопросов.

По поводу удельного веса звукоподражательных слов в речи автор придерживался того мнения, высказанного еще Вундтом,² что раньше в речи преобладали звукоподражательные слова. С течением времени подражательные слова или мимемы (геср. междометия) преобразовались в различные другие категории грамматики. Тем самым они утратили «свой чисто аффективный характер» и стали подчиняться сухому рассудку.³

«Мне кажется, — говорит автор, — что... преобладание сухого, рассудочного отношения к действительности — могло содействовать и исчезновению подражательных междометий».⁴

По вопросу о значении мимем для истории языка автор подчеркивает, что мимемы в деле исследования языка имеют громадное значение. Он говорит, что подражательные слова «и должны дать исследователю материал для суждения о более ранней эпохе интересующих нас языков».⁵

¹ Н. И. Ашмарин. Подражания в языках среднего Поволжья, III—V, стр. 97.

² W. Wundt. Die Sprache, I, 303.

³ Н. И. Ашмарин. Подражания в языках среднего Поволжья, I—II, стр. 143.

⁴ Там же, стр. 145.

⁵ Там же.

Мимемы проливают свет на происхождение языка потому, что, во-первых, они всегда произносятся с заметной интенсивностью, и «этим самым обеспечивается и сохранение в языке их более ранних форм»;¹ во-вторых, многие неясные до сих пор слова объясняются именно звукоподражательной теорией, как, например, индоевропейское слово *mens* 'память'. Последнее, по мнению автора, произошло «из первичной носовой мимемы, как бы мычания, которым человек выражал... обдумывание, сомнение или желание припомнить позабытую вещь».²

У автора находим попытку объяснения и такого немаловажного факта, как наличие различных мимем для выражения подражания одному и тому же явлению объективной природы. Чем объяснить, что один и тот же звук, слышимый в объективной природе, в разных языках передается разными мимемами (междометиями)? Ведь лошадь одинаково ржет как, допустим, на Кавказе, так и в центральной части России, но, однако, грузину кажется, что лошадь издает *qıvıvıvı*, а русским кажется, что лошадь издает «ржжж» (отсюда, мол, и глагол «ржать») или «игогб»!³

Кроме того, чем объяснить и обратный случай, когда, например, «вур-вур-вур» в восточном наречии марийского языка означает подражание звуку, получающемуся при горении материи, а в луговом наречии того же языка — подражание грохоту катящихся колес?

По Ашмарину эти явления вызываются следующими пятью обстоятельствами. Во-первых, наши подражания природе субъективны, а потому и неточны. Отсюда и получаются вариации одних и тех же мимем в пределах даже одного языка, а иногда и говора. Человек, особенно в наши дни, «выражает в уже готовых словах звуки внешней природы или крики птиц и животных, вкладывая в эти звуки свое собственное воображаемое содержание. Такая передача, конечно, может быть у различных народов различной».⁴

Во-вторых, указанные явления зависят «от характера средств, которыми располагает каждый язык» или «от особенностей народного быта и мировоззрения».⁵

В-третьих, они зависят «от индивидуальных особенностей отдельного случая или от сопутствующих ему явлений». Так, напр., лицо, видевшее в лесу падение дерева, могло обратить особое внимание или на треск пере-

¹ Цит. соч., I—II, стр. 145.

² Там же, III—V, стр. 78.

³ Подробнее по этому вопросу см. Н. Я. Марр, Избранные работы, т. II, стр. 199, а также т. IV, стр. 167—168.

⁴ Разрядка наша; цит. соч., I—II, стр. 152, и III—V, стр. 86.

⁵ Там же, III—V, стр. 86.

ломившегося ствола, или на стук или треск ветвей..., или на глухой шум, вызванный трением о воздух падающего дерева, или на глухой стук ствола, хлопнувшего на землю».¹ И в зависимости от того, на какой из этих звуковых моментов одного явления обращали мы внимание, у нас могут возникнуть различные по звучанию мимемы.

В-четвертых, различия восприятий зависят также «от степени напряженности нашего внимания» при восприятии того или иного звука. Здесь, по мнению автора, важную роль играет психо-физиологическое состояние человека в момент восприятия.² Для примера автор ссылается на одну чувашскую сказку, в которой, по словам сказочника, испугавшейся лисице показалось, что петух кричит «шар-шар», тогда как в чув. языке пение петуха обычно передается звукоподражанием «киккирик».

В-пятых, «Все многообразие окружающей природы первоначально выразилось у человека лишь в немногочисленных мимемах; вот почему одно и то же подражание часто имеет различные значения и отражает в себе целый ряд явлений, иногда имеющих между собою лишь довольно отдаленное сходство».³

Однако на ряду с указанными явлениями, говорящими о различии мимем в разных языках, автор находит одни и те же мимемы, сходные, по его мнению, в различных языках (индоевропейских, тюркских, финских). Автор приводит большое количество таких сходных мимем, указывая, что «объяснение сходства слов этого рода в столь различных между собою языках я нахожу в одинаковости естественных движений органов произношения, которая проистекает из общности организации, свойственной всем расам и племенам, составляющим человечество».⁴

Рассуждения Ашмарина по вопросу о происхождении человеческой речи представляют собой явное убожество. У него, строго говоря, никакого определенного взгляда на происхождение речи нет. Он все предполагает. Однако беда не в том, что у него нет определенного мнения по этому вопросу, что он все предполагает. Беда в том, что из всех убогих предположений на эту тему, существующих у индоевропейцев, он соглашается именно с самым худшим и не выдерживающим никакой критики предположением. Он предполагает, что язык, подобно ребенку, вырабатывался человеком, руководствуясь впечатлениями от звуков окружающей природы.⁵ Он

¹ Н. И. Ашмарин. Подражания в языках среднего Поволжья, III—V, стр. 87.

² Там же, стр. 89.

³ Там же, I—II, стр. 154.

⁴ Н. И. Ашмарин. Немецкое Schlange в свете урало-алтайских подражательных образований, стр. 24/1.

⁵ Н. И. Ашмарин. Подражания в языках среднего Поволжья, I—II, стр. 153.

предполагает, что, подобно ребенку, человек пережил период «гуления», — бессмысленного лепетания.¹ Он также предполагает, что, подобно детям, сперва у людей возникли слова подражания симпатические, т. е. подражания, вызванные симпатизированием подражаемого, простодушным переразвиванием его.²

Как ни досадно, но этими тремя положениями исчерпывается вся концепция Ашмарина по вопросу о происхождении речи.

Для нас самым важным является взгляд автора на само подражание как таковое, на его достоверность. Есть ли оно на самом деле, или это какой-нибудь обман чувств, необоснованное традиционное представление?

Для решения этого вопроса Ашмарин, естественно, обращается к Вундту, который подходил к этому вопросу философски, исходя из своей психологической теории. Ашмарин, заимствуя у Вундта ряд положений, подводящих психологическую базу под звукоподражания, однако, не соглашается с Вундтом в вопросе о достоверности наших подражаний.

Основной смысл рассуждений Вундта сводится к тому, чтобы доказать, что наши звуки в звукоподражательных словах не отражают (не являются адекватными) объективно реальных звуков или движений, а являются лишь символической их. Движения, происходящие во вне, по Вундту, могут быть точно воспроизведены только в движениях речевого органа человека (тогда они будут называться звуковыми жестами), а звуки, произносимые при этих движениях речевого аппарата, возникают потом, дополнительно.

Ашмарин вынужден отвергнуть это положение Вундта,³ ибо оно расшатывает почву под его ногами. В самом деле, если наши звуки в мимемах являются побочными продуктами в отношении всего внешнего процесса воспринимаемого, тогда невозможно доказать существование звукоподражания вообще.

Отвергая положение Вундта, Ашмарин обращается за помощью к Дельбрюку, давшему критику положения Вундта в своем сочинении «Grundfragen der Sprachforschung mit Rücksicht auf W. Wundts „Sprachpsychologie“» (Штрассбург, 1901). Но Дельбрюк не может сказать автору ничего утешительного по этому вопросу, кроме как указать на факты... «совпадения многих названий птиц с их криком или пением» (стр. 80). Смотрите, мол, по-немецки «филин» называется Uhu, Huhu, Buhu, а крик филина — это слышимое на далекое расстояние buhu! Но ведь доказательства требует именно то, в самом ли деле филин кричит buhu, или

¹ Цит. соч., I—II, стр. 153.

² Там же.

³ Там же, I—II, стр. 148.

edore, как это представляется грузинам-кахетинцам, или это навязанная нами какая-то условная символика?

Ашмарин, в свою очередь, тоже лишь тычет пальцем на факты поволжских языков.

Оттолкнувшись от Вундта, Ашмарин в дальнейшем строит свои теоретические суждения, опираясь на концепции Дарвина. В результате получилось то, что закономерности развития биологических видов, столь блестяще вскрытые Дарвином в этой области, Ашмарин переносит на почву языка, этой сугубо надстроечной категории, и пытается таким механическим применением закономерностей отдаленной от языка области (биологии) объяснить языковые явления. Именно здесь и начинается коренное расхождение между установками Ашмарина и марксистскими установками в языкознании.

В. ВЫВОДЫ

Говоря об общих установках Ашмарина, мы должны прежде всего отметить, что в лице Ашмарина мы имеем одного из ярых защитников физиолого-биологической теории происхождения и развития речи. Недаром он подчеркивал «важность изучения языка животных для выяснения состава человеческой речи»,¹ важность записывания звуков животных «при помощи приборов». Это предложение привлечь коров, баранов и др. животных в фонетические кабинеты основано на непонимании принципиальной качественной разницы между звуками животных и словами человека.

Недаром автор классифицирует звукоподражательные слова по месту их произношения в речевом аппарате, т. е. на основе одних физиологических данных.

Наконец, недаром автор находит последнюю и прочную, по его мнению, опору для своих лингвистических изысканий в установках биолога Дарвина, хотя и крупнейшего и великого исследователя, но биолога, а не языковеда.

Концепция Ашмарина несвободна и от установок психологической школы в языкознании. Не стоит долго останавливаться на его рассуждениях о роли чувства в созидании мимем, о звуковых ассоциациях, которые, по его мнению, возникают при произнесении и слуховом восприятии мимем, и т. д.

Теория Ашмарина представляет собой эклектическое соединение биологического и психологического направлений в языкознании, с преобладанием первого.

Теория Ашмарина появилась у нас в период кризиса на языковедческом фронте (1925—1928 гг.). Она и могла появиться только в тот период,

¹ Цит. соч., III—V, стр. 86, прим. 2.

когда выставление различных, на словах новых, но на деле индоевропейских буржуазных, теорий под маркой марксизма было в моде.

Однако, кроме богатого фактического материала, и в теоретических суждениях Ашмарина мы находим отдельные весьма ценные мысли. В этой связи необходимо указать на такой факт: никто иной, как Ашмарин, считал, что способность четкой артикуляции простых звуков выработалась не сразу. «Надо думать, — говорил он, — что мимемы представляли собою раньше нечто более хаотическое, что потом расчленилось на отдельные артикулированные звуки».¹ Нетрудно видеть здесь зачатки той мысли, которая у Н. Я. Марра развита в учении о первоначальном диффузном состоянии человеческой речи (элементов — звуков) и о позднейшем происхождении односложных звуков.

Далее: «Кроме того, — говорит Ашмарин, — постепенно развившаяся способность к улавливанию тонких оттенков в явлениях и стремление передать их в более точных подражаниях — должны были способствовать дифференцированию первоначальных мимем и распаданию их на целый ряд схожих звукообразований, родственных между собою по происхождению, но различавшихся в тех или других частностях своего звукового облика».²

Здесь также нетрудно видеть зачатки тех мыслей, которые у Н. Я. Марра развиты в учении о семантических дериватах слов, о движении языка от полисемантизма (многозначности) к моносемантизму (однозначности) слов, об использовании звуковых разновидностей одного и того же слова для наречения вновь возникших понятий и т. п.

Само собою разумеется, что нахождением этих ценных мыслей Ашмарин обязан вовсе не своей физиолого-биологической теории, а живым фактам поволжских языков, фактам совершенно новым, никем не учитывавшимся, но весьма ценным.

В этой связи мы вполне можем ставить вопрос о необходимости использования лингвистического наследства Ашмарина.

II

Биологизм в языкознании, в частности биологические установки Ашмарина, можно до конца преодолеть лишь с позиции нового учения о языке, опирающегося на последовательный материализм, на марксистско-ленинское понимание языка как надстройки.

¹ Цит. соч., III—V, стр. 78.

² Там же.

Никакими мелкими поправками частного порядка нельзя выправить систему неверных суждений Ашмарина, ибо все эти суждения у автора взаимно увязаны и базируются в конце концов на идеализме. Стало быть, нужно подвергнуть критике всю систему в целом и, разрушив ее как неправильную, строить новые суждения об истории подражательных слов, опираясь на материализм, марксизм.

Весь вопрос в данном случае — именно в этой принципиальной постановке вопроса: отбросить биологизм и стать на точку зрения социально-классовую, на точку зрения стадийно-историческую.

Таков подход нового учения о языке, связанного с именем акад. Н. Я. Марра. Потому и выводы Н. Я. Марра по вопросам звукоподражаний в корне отличаются от выводов буржуазной идеалистической лингвистики.

Понять взгляды Н. Я. Марра о междометиях возможно только при изучении их в неразрывной связи с его общим учением, взятым в целом. Мы же ограничимся здесь указанием на непосредственно связанные с междометиями суждения Н. Я. Марра.

Марр утверждает, что существование в речи так наз. эмоциональных слов, звукоподражательных слов не подлежит никакому сомнению. Но они стали вырабатываться в речи, начиная с определенной эпохи. И вырабатывались они из уже созданного языкового материала, в свою очередь возникшего на базе трудового процесса производства. Марр подчеркивает, что междометия возникали отнюдь не из первоначальных нечленораздельных и произвольных выкриков человека, а из уже созданных человеком слов, имеющих уже тогда определенное значение, обозначающих определенный предмет или явление.

При этом Марр опирается на то положение, что эмоциональные чувства, столь разнообразные у современного человека, являются не исконными, а историческими стяжаниями в процессе развития и усложнения общественной жизни. На ранних ступенях развития этих разнообразных эмоциональных чувств у человека не было. Да и те несложные эмоциональные чувства, которые были тогда у человека, — совершенно не осознавались. А речь-то создавалась на базе осознания, производственного осознания.

И естественно, что раз у людей долгое время не было самих эмоциональных чувств, то не могло быть и слов, выражающих эти чувства.

Марр утверждает, что в речи нет ничего произвольно-природного, выступающего как готовый дар этой природы. Язык есть результат осознанного — в пределах возможности для каждой ступени развития — творчества коллектива. Язык есть продукт общественности, надстройка. Стало-

быть, по Марру, не может быть и междометий, получившихся как готовый, произвольный акт природы, каковыми считаются у всех индоевропейцев, напр., междометия «ах», «ох» и т. д. Стало быть, они тоже являются результатом осознанного творчества, продуктом общественности, надстройкой. Таков смысл высказываний Н. Я. Марра.

Вполне естественно, поэтому, что Н. Я. Марр в одной из своих работ отвергает мнение А. А. Богданова, утверждавшего звукоподражательное происхождение известной части языкового материала.

Богданов утверждал,¹ что все слова делятся на две группы. Одна группа (более многочисленная) имеет трудовое происхождение: они созданы в процессе труда. Корни этих слов он называл «трудовыми корнями». Другая группа слов имеет произвольно-эмоциональное происхождение. Они исконно являются эмоциональными междометиями. Так разрывал Богданов единый монистический процесс творчества речи. Н. Я. Марр писал по этому поводу: «Никто не может оспаривать, что арм. *avağ*, немецк. *wehe*, груз. *vuu*, *glaj* или *vaglaj*, фр. *hélas* и т. д. и т. д. эмоциональные междометия, но нет никакой возможности считать их так же, как „ах“, „ой“ и т. п., происшедшими в порядке эмоционального творчества, а не трудового производства, без которого немислима человеческая звуковая речь, обязательно членораздельная, а „ах“ и „ой“ совершенно членораздельны и имеют свою генетическую историю, тождественную с палеонтологией трудовых корней».²

Кстати сказать, при всех прочих расхождениях среди индоевропейцев существует полное единодушие на счет истории таких междометий, как «ах» или «ой». Все единодушно признают их звукоподражательное происхождение. Между тем Н. Я. Марр последовательно опровергает, как видим, и это мнение.

Доводы противников Марра таковы: эти междометия настолько просты и непосредственны, что они могут быть вполне отождествимы с первоначальными животными выкриками человека. Но они забывают, как справедливо указывает Н. Я. Марр, что животные выкрики были нечленораздельными, а современные нам междометия в большей или меньшей степени все членораздельны. Значит, последние входят уже в инвентарь языка как надстройки. Здесь допустимо только типологическое сходство между первоначальными выкриками и некоторыми современными междометиями, но, однако, качественно современные междометия совершенно особые явления:

¹ Вестн. Комм. Акад., 1926, кн. XVI, стр. 133—139.

² Н. Я. Марр. Избранные работы, т. III, стр. 80. (Разрядка моя. Ч.). См. также Н. Я. Марр, Избранные работы, т. IV, стр. 199; его же, Избранные работы, т. IV, стр. 167.

они, эти животные выкрики, все пропущены через камеру развитой звуковой речи как идеологической надстройки, как продукта производственно-осознанного творчества. Речь идет, конечно, не о статическом «пробывании» междометий среди другого языкового материала; речь идет о том, что эти нынешние междометия вместе со всеми другими словами произошли на трудовой основе и прошли многократные стадияльные смены значений в процессе исторического развития речи. Эти смены, как известно по новому учению о языке, обуславливали возникновение новых значений слов, иногда противоположных предыдущему их значению. Стало быть, нельзя устанавливать непосредственную историческую связь между древними нечленораздельными, асемантичными выкриками и современными междометиями.

Н. Я. Марр многочисленными фактами в руках доказывал, что в основе современных междометий лежат самостоятельные и полноценные имена, названия тех предметов или явлений, якобы подражаниями которых являются эти междометия. Например груз. *kpa-vil* 'мяукание', которое, предполагается, произошло от подражания звуку кошки, на самом деле означало раньше название самой 'кошки'.¹

И когда мы опускаемся до этих ранних значений нынешних междометий, то там, оказывается, никакого следа их подражательного (междометийного) значения нет. Об этом говорит Н. Я. Марр в работе «Происхождение терминов 'книга' и 'письмо'». Разбирая русский глагол «журчать», в котором индоевропейцы видели звукоподражательное слово, Марр говорил: «И мы теперь знаем, что простая основа этого глагола, имя, от которого он произошел, это *jug*, что в соответственных закономерных звуковых разновидностях означает ту же 'воду', а где одновременно и 'реку', 'ручей', 'родник', по всей евразийской территории от Пиренеев до Китая (конечно, и за этими пределами, но нам достаточно сейчас и указанного территориального протяжения). Нигде и помину нет о звукоподражательности. Ибо звукоподражательность есть свойство, благоприобретенное в определенную, понятно, позднейшую эпоху известной социальной, т. е. племенной средой, в ней нет ничего наследственного от начал».²

Естественно, поэтому, что Н. Я. Марр с полной иронией отзывался на попытку индоевропейцев усматривать в русском слове «шум» звуко-

¹ Н. Я. Марр. К семантической палеонтологии в языках не-яфетических систем. ГАИМК, вып. 7—8, 1931, стр. 57.

² Н. Я. Марр. Сборник «Книга о книге», изд. Научно-исслед. Инст. Книговедения при Гос. Публ. библиотеке. Л., 1927, стр. 50—51. (Подчеркнуто везде мною. Ч.)

подражательный корень «шу». «Слово „шум“ возводят к нулю, как к источнику своего возникновения без всякого учета семантики, т. е. без всякого учета добытой в жестокой борьбе человечеством культуры... „шум“ возводят к звукоподражательной основе ши, т. е. звуковому комплексу, ничем не осмысленному фонематическому явлению, неизвестно как возникшему, если не довольствоваться чисто механической стороной дела и искать его происхождения в физиологии».¹

Исходя из этого суждения Н. Я. Марра, нетрудно уяснить себе неполноценное научное значение звукоподражательных исследований проф. Ашмарина. Он именно систематически пытался находить происхождение мимем в физиологии. Вспомнить хотя бы его деление мимем по месту их произношения в речевом аппарате или соответствующие комментарии к мимемам отпечаточного типа. Но, делая это, Ашмарин вряд ли понимал, что он занимается лишь чисто механической стороной дела и только. В самом деле, значение и история слова требует объяснения не во рту, а там, где это слово приобретает значимость, т. е. в обществе, в истории общества.

Однако Ашмарин, как и всякий другой ползучий эмпирик, несвободен от теории. Это теория созерцательного восприятия и наречения предметов. Свалилось, мол, дерево! — А наблюдающие смотрят и думают, как бы это явление назвать! И т. д. и т. п. Стоит ли утверждать, что созерцательная теория и созерцательная философия чужды марксизму. Марксизм, лично Маркс, говорил всегда о производственном осознании предметов.

Отбрасывая, таким образом, физиологический принцип классификации мимем, предложенный Ашмариным, мы можем теперь заменить его новым принципом, исходя из установок Н. Я. Марра.

Этим новым принципом должен быть принцип стадияльно-семантический, прослеживающий историю стадияльно-скачкообразного развития междометий наравне и в единстве со всеми остальными категориями речи. И тогда марийские междометия получают совершенно иное освещение.

Ашмариным взят на учет многочисленный фактический материал марийского и других поволжских языков. Этим облегчена моя задача, ибо при наличии этой предварительной работы по учету фактического состояния марийских междометий, их типов, станут значительно более понятными мои последующие небольшие исторические экскурсы по ним.

¹ Н. Я. Марр. К семантической палеонтологии..., стр. 25—26.

В свете нового учения о языке мы можем теперь по-новому трактовать индоевропейское слово *menps* 'память', объясняемый Ашмариным как подражание мычанию. Память есть слово+понятие и ничего звукоподражательного не содержит. Но откуда происходит слово 'память', с чем оно связано генетически? Марр говорит, что 'память', как и 'ум', происходит от названия 'руки'. Этим в свою очередь иллюстрируется наличие в звуковой речи пережитков ручного мышления эпох линейной (ручной) речи. Марр устанавливает, что груз. *gon*, основа слова 'память', 'разум' (*gon-e+ba*), связан со словом *gone* — груз. 'сила', 'мощь'. 'Сила' же происходит от названия 'руки'.¹ Такое же единство происхождения вскрывал он в русских словах «ум» и «им-еть» (*и+м* ↘ *ы+м*, *ымет*; *и+м* ~ *и+м*, *-и+м-ет*); 'иметь' также происходит от названия 'руки', как это видно из груз. слова *m-gon-da* 'имел я' (основа *gon* отождествляется с только что разобранными *gon* и *gone* 'память', 'сила' 'рука').²

При учете этих фактов не остается никакого сомнения, что индоевропейский *menps* 'память' происходит также от 'руки', что можно иллюстрировать материалами этих же языков. Так, 'рука': лат. *manus*, фр. *main*, и др.

Данное слово увязывается, как видим, с семантическими рядами слов, означавших 'руку'. А что касается марийских звукоподражательных слов, то они в большинстве случаев увязываются с космическими терминами и тем самым указывают на космическую стадию своего происхождения. Этот факт в свою очередь наталкивает нас на один общий вывод: эпоха наивысшего расцвета звукоподражаний относится к стадии космического мышления. Поэтому, по всей видимости, междометия носят яркий образный характер, каковым являлось, по словам Н. Я. Марра, и космическое мышление.

Мар. *уылдыг-уылдыг* — подражание звяканью [серебряных украшений] женщин. Одного с ним происхождения мар. *уылдыг-уолдыг* подражание звучанию проточной воды (Васильев), а также и форма без удвоения — *уылдыг* — подражание звуку челнока. В первом случае данное слово должно было означать 'серебряную монету', вообще 'серебро', во втором случае — 'воду', в третьем — 'челнок', а также другие ткацкие инструменты. Единство происхождения этих слов выявляется на стадии космического мышления: 'серебро', как разъяснено Н. Я. Марром, происходит от названия 'неба' и небесных светил ('солнца', 'звезд'). 'Вода' также

¹ Н. Я. Марр. Языковая политика афетической теории и удмуртский язык. Москва, Центроиздат, 1931, стр. 78.

² Н. Я. Марр. К семантической палеонтологии..., стр. 43.

понималась как 'небо', но как 'небо третье', по терминологии Марра (в эпоху еще нерасчлененного восприятия трех небес: 'неба', 'земли', 'воды+преисподни'). А 'челнок' и вообще ткацкие инструменты, в связи с применением ткацкого дела в весьма раннюю эпоху общественного развития, получили также тотемно-космическое осмысление.¹

Именно по этим причинам слово уылдыг получает семантическую поддержку в словах непосредственно космического значения и в их ближайших дериватах. Так, уылдыг как спирантизованная форма, предполагает наличие его сибилантного эквивалента (по закону спирантизации сибилантов), т. е. шылдыг (шылдыг ~ уылдыг, ш ~ у). При восстановлении первоначального гласного «и» вместо нынешнего «ы», мы получим шулдыг, что в мар. означает 'крыло'. А 'крыло', как показывает Марр, происходит от названия 'неба'.² Кроме того, само небесное светило, именно 'звезда', по-марийски названо этим словом: шӱдыг. Фонетически мы здесь имеем: выпадение конечного плавного элемента l (шуl → шу) и продвижение гласного и в сторону палатализации (и → ӱ) шуlдыг → шӱдыг. Слово шӱдыг одновременно значит и 'веретено', что представляется естественным явлением по установленной нами семантике. Кстати, в луговом марийском уылдыг-уылдыг означает подражание звуку веретена.

Выражение виг-виг-виг в лугово-марийском языке означает подражание звуку катящихся колес. В нем, стало быть, мы имеем название самого 'колеса'. А 'колесо' также увязывается с понятиями, в первую очередь, космического порядка. Это положение наглядно показано Н. Я. Марром на материалах яфетических языков. Таково происхождение, по Марру, грузинского бог-bal 'колесо'.³ Марийское же слово находит поддержку в названии 'головы', а, стало быть, и 'неба', — по семантическому пучку: 'небо → гора → голова'. Мар. голова вуу (виг ↘ вуу).

Мар. рыл-рыл — подражание звуку при смехе. Начиная от космической стадии, это слово прошло ряд ступеней переосмысления: 'небо', 'солнце' → 'свет' → 'смех', 'улыбка'.⁴ И это совсем нетрудно понять на марийской же почве, ибо по-марийски рыл так прямо и означает 'небо'.

Список мимем космического по происхождению порядка можно было бы увеличить до сотен.

¹ Н. Я. Марр. Языковая политика..., стр. 27 и далее.

² Н. Я. Марр. Из Пиренейской Гурии. Тифлис, 1927, стр. 19. Автор указывает на груз. ф-да 'крыло' и м-да 'гора' (герс. 'небо').

³ Там же, стр. 21.

⁴ См. Н. Я. Марр. В тупике ли история материальной культуры? ГАИМК, 1933, стр. 14.

Большое количество звукоподражательных слов с их образными содержаниями налагает свой отпечаток на современный марийский язык в целом, делая его вполне приспособленным для передачи мельчайших оттенков эмоциональных чувств.

Марийские междометия интересны и со стороны фонетико-морфологической, а особенно — синтаксической.

По линии синтаксической — необходимо указать на одно обстоятельство: в марийском языке бывают целые предложения, состоящие исключительно из звукоподражательных слов.¹ При этом слова даны без всякого оформления какими-либо грамматическими суффиксами или вообще флексией. Такие предложения в настоящее время встречаются почти исключительно в догадках. Но можно смело предположить, что на определенной ранней ступени, когда еще загадки, как особая категория, не существовали, — такие аморфные предложения составляли практическую живую речь. Такая аморфная стадия звукового языка существовала, согласно новому учению о языке, на самой первой ступени развития звуковой речи. Самый факт существования таких предложений говорит о наличии больших пережитков древних стадий развития в современном марийском языке.

К указанным типам предложений относятся:

Өылдыгым-фалдыгым máksim tatar — плач. Turıy-turıy kızıylıy, ıya-mıya, vıfa yupsa-yuvıylıy — подражание процессу ткачества холста. Шштты-фык, муззы-выг — подражание отлетанию щепок при рубке дерева.²

Үыдык-vudıy, тыма-dıñ — процесс вышивания.

Үгымаф-кугымаф, шшатыг — работа челнока в ткацком станке. Кылдыгым-кылдыгым saemray, кылдыгык-кылдыгык тык-фыñ еуекре, тыñ-фыñ еуекре — процесс катания на лодке. Өыҗ-выҗ anı, opını, yamdak ындап — подражание шмелю.

Характерно, что во всех подобных выражениях каждой составной частью предложения передается соответствующий составной элемент всего изображаемого процесса.

¹ Н. И. Апшмарин указывает на анекдоты, связанные с использованием таких предложений в быту у чуваш и мариев при общении с людьми, не знающими марийского или чувашского. См. «Подражания в языках среднего Поволжья», I—II, стр. 152».

² Приведенные выше примеры записаны мной в Сернуре во время командировки летом 1935 г.

К анализу лезгинского числительного yaqtur 'сорок'

В лезгинском языке двадцатеричная система числительных. Исключение составляют числительные yaqtur 'сорок' и wiш 'сто', сюда же относится числительное aǰzur (гильск. д. a"zur) 'тысяча', которая является очевидно разновидностью персидского hazār. Хотя упомянутые числительные трудно поддаются анализу, но все же они явно сложены по десятиричной системе.

В лезгинском 'четыре' kud, а 'десять' tud, поэтому 'сорок' должно было бы звучать не yaqtur, а *kutud ← *kudtud. Числительные языков лезгинской группы дают возможность проанализировать наличную в лезгинском форму yaqtur.

Числительное 'четыре' kud в лезгинском является усеченной формой yakud ~ yukud, а 'десять' tud в свою очередь — усеченной разновидностью yitud ↘ yitəd, что подтверждается наличными формами соответствующих числительных в следующих языках лезгинской группы:

	'четыре'	'десять'	'сорок'
лезгинск.	kud	tud	yaqtur
агульск.	yakud	itud	yaǧtur
табасар.	yaku-r (β)	yitu-r (β)	yaǧeɸu-r (β)
рутульск.	yuku-d	yitu-d	yugtur
будугск.	yuku-d (r, b)	yitə-d (r, b)	kuqa-d (r, b)
крызск.	yuku-d (r, b)	yitə-d (r, b)	kəqa-d (r, b). ¹

Конечные согласные *d*, *r*, *b* (β) в числительных табасаранского, рутульского, будугского и крызского языков являются классными элементами; что же касается тех же согласных в лезгинском и агульском, то они с исчезновением категории класса в этих языках сохранились в качестве

¹ Примеры по табасаранскому и рутульскому языкам привожу из следующих работ А. Дирра: «Грамматический очерк табасаранского языка», СМОМПК, т. XXXV, Тифлис, 1905, стр. 42—43, и «Рутульский язык», СМОМПК, т. XLII, Тифлис, 1912, стр. 48.

окаменелых формантов, игравших прежде роль классных элементов. Агульский язык с изжитием категории класса сохранил один из этих элементов — г в буршагском говоре кошанского диалекта: *saḡ* 'один', *yaḡur* 'четыре', *iḡur* 'десять' и т. д. Таким образом и конечный согласный — *ɣ* в лезгинском числительном *yaḡiḡur* (агульск. *yaḡtḡur*) 'сорок' мы вправе рассматривать как окаменелую форму, родственную с формами вышеуказанных языков лезгинской группы, именно так, что первая часть, т. е. *yaḡ* → *yaḡ*, является усеченной формой *yaḡu-d* (г), а вторая, т. е. *tḡur*, — усеченной формой *uḡiḡu-d* (г), в которой — *ɣ* является окаменелым показателем.

Таким образом, при десятиричной системе счисления в ряде языков лезгинской группы, как в арчинском, агульском, табасаранском, рутульском и цахурском, остальные языки, как лезгинский, удинский, будугский, крызский и в частности керенский диалект агульского языка, — имеют двадцатеричную систему. В лезгинском же языке и упомянутом диалекте агульского языка числительное 'сорок' как по своему сложению, так и звучанию как бы является разновидностью соответствующих числительных в табасаранском, рутульском и цахурском языках. Остается лишь выяснить, каким образом произошел распад системы числительных в упомянутых языках, т. е. какие причины могли привести языки к смешению различных систем счисления и к окончательному переходу двадцатеричной системы счисления к десятиричной.

Ленинград

29 октября 1936 г.

Н. В. ЮПИМАНОВ

Сингармонизм урмийского наречия

1. Предпосылки. Урмийское наречие новосирийского языка отличается от других наречий этого языка между прочим ясно выраженным сингармонизмом, т. е. гармонией звуков в слове. Покойный Н. Я. Марр, который в молодости занимался новосирийским языком и с которым я не раз беседовал об этом языке, всегда удивлялся как сингармонизму урмийского наречия, так и тому странному обстоятельству, что это замечательное явление совершенно не затронуто в семитологической литературе — не только в историческом аспекте, но даже в описательном. Упомянутое явление удивляло Н. Я. Марра в том отношении, что принято считать сингармонизм особенностью агглютинативных языков (финно-угорских, тюркских, монгольских, манчжуро-тунгусских), а новосирийский язык является флективным семитским языком. Невнимание же семитологов к сингармонизму урмийского наречия поражает тем, что большинство работ по новосирийскому языку опирается как раз на урмийское наречие. Таким образом перед нами задача описать явление, которое представляет большой интерес и для общего и для семитского языкознания.

Нельзя сказать, что печатные источники для изучения интересующего нас явления отсутствуют. Напротив, их вполне достаточно, но они до сих пор не учтены и не использованы. Кроме того, значительная часть сирийцев (айсоров) находится в эмиграции по всему свету; среди них можно найти и урмийцев. Поэтому в любом более или менее важном городе Европы нередко представляется случай послушать живую урмийскую речь и прорепетировать записи тех печатных источников, которые отражают сингармонизм в письме.

Прежде всего упомянем интересное наблюдение¹ известного семитолога Мерх'а, изучавшего новосирийское произношение урмийца *Odischu bar Arsânîs*: «Невозможно передать специфическую окраску, которую согласные

¹ Neusyrisches Lesebuch. Texte im Dialecte von Urmia gesammelt, übersetzt und erläutert von A. Merx. Breslau und Tübingen, 1873, стр. 57.

٢, ٣, ٤, ٥¹ придают всему слову. Но ошибочно было бы думать, что можно не писать ٢ там, где оно больше не слышится как согласный, так как даже такое исчезнувшее ٢ дает знать о своем былом существовании окраской, придаваемой своему соседиству. Подобное ٢² является как раз единственным средством выразить эту окраску». Кроме того, Мерх в той же работе воспроизводит безграмотное письмо слуги хозяину, где буква ٢ независимо от этимологии указывает упомянутую специфическую окраску, являясь своего рода басовым ключом (речь идет о звуках низкого тембра); этим приемом пользуются теперь и образованные сирийцы, чтобы передать низкий тембр в иностранном слове, где этимологические соображения естественно отпадают, напр. *каучук* = *خشب*. Мерх правильно заметил, что окраска дается всему слову (в этом-то и суть сингармонизма), но не описал явления во всей его сложности.

Любопытно, что все печатные источники, отражающие сингармонизм в своей транскрипции, принадлежат сирийцам, жившим и работавшим в России.³

Это лишний раз показывает, какие огромные возможности для надлежащей разработки восточных языков имеются в нашей стране и как мы не умеем пользоваться этими возможностями: мне приходится описывать в 1936 г. явление, которое стало вполне доступным любому нашему востоковеду или языковеду уже в 1894 г.; больше сорока лет дело лежало без движения.

Калашев изображает урмийскую речь академической транскрипцией, различая гласные низкого тембра *ы, а, у, о* и гласные высокого тембра *и, э, ю, ё* при якобы нейтральных гласных *ы, е, э*; кроме того, *л* низкого тембра и *л* высокого тембра. Сингармонизм в записях Калашева выдержан более или менее систематически. Отклонения от системы заметны в области промежуточных оттенков, в обозначении коих автор иногда колеблется, и в области грамматических приставок, где автор подменяет фонетическую запись живого произношения диктовочной схематизацией.

Лазарев пишет новосирийские слова и фразы тоже русскими буквами, различая гласные заднего ряда *ы, а* и переднего ряда *и, э*, но оставляя непарными гласные *е, у, о*. Относительно двух последних автор сообщает:

¹ Сирийские буквы 'e, tēt, sadā, qōp = евр. *ו, ת, ס, פ* = арб. *ع, ط, ص, ق*.

² Значок (*tālqānā* 'разрушитель') показывает непронизносимость буквы.

³ А. Калашев. Айсорские тексты. Русско-айсорский и айсорско-русский словарь (Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 20, Тифлис, 1894); Опыт первоначального учебника русского языка для сиро-халдейцев. Составлен Г. Лазаревым, Казань, 1901; S. O s i r o f f. Syriac («Le maître phonétique», 1913, 79—80.)

«у, о, находясь в словах с узкими гласными¹ (а иногда и в словах односложных), принимают некоторый нёбный оттенок, т. е. подвергаются заметному сужению». Ясно, что автор сознает принцип сингармонизма, но еще яснее это из слов автора относительно л: «В словах с широкими гласными эта буква выражает звук, подобный твердому русскому л (напр. в русск. слове *кол*), а в словах узкозвучных означает смягченный звук, соответствующий франц. *l* (напр. в словах *lampe, lire*)». Любопытен термин «узкозвучное слово» (и его легко образуемая противоположность «широкозвучное слово»). Осознанный автором принцип деления слов на узко- и широкозвучные логически приводит к заключению, что автор знает и двойственность *E*, хотя ничего о ней не говорит. Метод неполного обозначения сингармонизма, применяемый автором, применяется в настоящее время и в латинице советских сирийцев, известной под названием нового ассирийского алфавита. Здесь различаются низкий тембр (*ɛ, a*), высокий (*i, ə*) и якобы нейтральный (*e, u, o*). Наличие в слове хотя бы одного из контрастных гласных *ɛ, a, i, ə* является ключом ко всем остальным гласным слова,² напр. *marduta* 'культура' и *mərdutə* 'мужество' с различными *u*, *beta* 'любовь' и *betə* 'дом' с различными *e*. Напротив, отсутствие контрастного гласного в слове делает произношение гадательным и зависимым от контекста, напр. *dur* 'вернись' (= *dur*) или 'закрой' (= *dür*).

Осипов пользуется знаками Международной фонетической ассоциации и строго различает пять гласных низкого тембра *u, ɛ, a, ə, u* и пять гласных высокого тембра *i, e, ɔ, ɔ̃, ü*; в известных условиях вместо *u, i* употребляются *ü, ɨ*. Работа Осипова — самая точная фонетическая запись живого урмийского произношения, но к сожалению, осталась без внимания со стороны семитологов, хотя и появилась в западноевропейском издании...

Применяемая в этой моей работе семитологическая транскрипция пользуется следующими диакритическими значками: точкой для напряженных согласных *č, ḍ, ḥ, p̣, ṛ, ṣ, ṭ* (но *q* вместо *ḳ*) и для звонкого язычкового щелевого *g̣*; двумя точками для пополнения рядов гласных — заднего или «твердого» *a, ɛ̃, ɨ̃, o, u* и переднего или «мягкого» *ä, e, i, ɔ̃, ü*; чертой для долгих гласных *ā, ē, ī, ō, ū* и для щелевых согласных *ḅ, ḍ, g̣, ḳ, p̣, ṭ*; птичкой для шипящих *č, ġ, š, ž* (= *ч, дж, ш, ж*), тогда как *s = ɬ*; острым акцентом для среднеязычных *ǝ, ǝ̃, ǝ̄* (как в областных *андел, тиртич* вместо *ангел,*

¹ Термины «узкий» и «широкий» применительно к раствору рта при образовании гласных подходят лишь к урмийским гласным среднего раствора: *E, O* при низком тембре широки (у Осипова: *ɛ, ə*), при высоком же узки (у Осипова: *e, o*).

² Пока не касаемся слов с нарушением сингармонизма, о чем см. § 7. Знаки *ɛ, ə* можно рассматривать как левые части нормальных знаков *ɛ̃, ə̃*; в научных транскрипциях знаки *ɛ, ə* передают совсем другие звуки («ерь» и «шва»).

киртич); крышей для сверхдолгих или двухвершинных гласных *á, ê*; дугой для неслоговых гласных *î, ù* и для глухого язычкового щелевого *h*; кружком для слоговых согласных, напр. *ŋ*, и для *â* (между *a* и *o*). Кроме того, *u, ə, ʔ* — беглые гласные; ' — гортанный взрыв, ° — сдавленный голос.

Прочие вспомогательные знаки: → производит, ← происходит из, || чередуется с , ° означает, * предполагается.

2. Сущность явления. Большинство слов урмийского наречия однородно по тембру своих гласных: одни слова содержат гласные только низкого тембра (акустически «твердые»), другие слова содержат гласные только высокого тембра (акустически «мягкие»). При этом, так как принадлежность к тому или иному тембру зарождается в основе, все грамматические придатки — префиксы и суффиксы — принимают тембр основы. Ради большей показательности приведем примеры наиболее длинных слов — глаголов и имен со связкой: *k-sarîi-va-la* 'они бранили ее'; *masîitantîva* 'она была послушной'; *k-mâjib-vâ-lâ* 'он любил ее'; *šüršitevân* 'я устала' (из записей С. В. Осипова).

Гласные урмийского наречия представляют в сущности пять фонем, исполняемых физически с двумя укладами: либо с движением языка назад, либо с движением языка вперед. Таким образом получается уже десять гласных, но движение языка назад или вперед бывает в одних случаях сильнее, в других же случаях слабее, а это обстоятельство, зависящее от разных условий, приводит к появлению промежуточных оттенков, непомерно затрудняющих точную фонетическую транскрипцию урмийского наречия. Следует отметить, что в языках с сингармонизмом уклад гласного принадлежит постольку же самому гласному, поскольку всему слову в целом; поэтому неправильно считать фонемой каждый различимый нами гласный, а нужно рассматривать каждый гласный двояко: как член фонемы и как член уклада, понимая и фонему и уклад собирательно.

Вот примерная схема урмийских гласных:

$$\left\{ \begin{array}{l} \text{Фонемы: } A \quad E \quad I \quad O \quad U \\ \text{Звуки: } a, \check{a} \quad \check{e}, e \quad \check{i}, i \quad o, \check{o} \quad u, \check{u} \end{array} \right\}$$

Урмийское *a* — глубокий гласный заднего ряда с некоторой лабиализацией; на непривычное ухо легко производит впечатление *o*.¹ Урмийские *ê, î* тоже глубокие гласные заднего ряда, чем заметно отличаются от ближайших к ним русских гласных (*в этом* = *vêtm*, *выгон* = *vîgn*); глубокие *ê, î*

¹ Так, *drônâ* 'рыба', *çomrâ* 'вино' (вместо *drana*, *çamra*) у Fr. Müller, *Kurdisches und syrisches Wörterverzeichnis* («Orient und Occident», 1894, 104—107).

можно определить как делабиализованные *о*, *и*.¹ Как мы уже говорили, урмийские *ё*, *о* являются широкими (открытыми) гласными, тогда как *е*, *ё* напротив — узкими (закрытыми). Урмийские *ä*, *ö*, *ü* — гласные переднего ряда, но после губных и заднеязычных согласных произносятся *ō*, *ū* среднего ряда, т. е. чуть продвинутые вперед *о*, *и* (Калашев пишет *bylä* 'колос', *motä* 'смерть', *noäa* 'ветер', *kolä* 'условие', *xüwä* 'змея', не решаясь написать *ÿ*, *ö* для оттенков *ü*, *ō*).

Вопрос о происхождении сингармонизма урмийского наречия еще не мог серьезно ставиться, так как и сам сингармонизм не привлек к себе надлежащего внимания со стороны исследователей. Калашев сводил все фонетические черты урмийского наречия к заимствованию из других восточных языков и пишет по этому поводу в предисловии к своему словарю: «Урмийское наречие в большей степени, чем другие, подверглось влиянию тюркского языка, что выразилось не только в обилии заимствованных слов, но и в самом произношении: гласные *ä*, *ö*, *ÿ*, несомненно, заимствованы из азербейджанского наречия этого языка; армянское влияние заметно по придыхательным согласным *ñ*, *ñ̇*, *ḵ*, которые соответствуют вполне *ψ*, *ρ*, *ρ̇*. Такого же мнения придерживался и Л. Г. Лопатинский, который в редакционной заметке к текстам Калашева пишет: «*ö* — тождественный с азербейджанским и оттуда же перешедший в айсорский язык». Приведенные мнения несколько не освещают вопроса и прежде всего нуждаются в поправках и дополнениях. Армянское влияние, которое Калашев усматривает в наличии придыхательных согласных *p*, *t*, *k*, отпадает, так как эти согласные придыхательны во всех семитских языках (в арабском и эфиопском **p* → *f*, но это только подтверждает придыхательность бывшего **p*). Если допустить, что *ä*, *ö*, *ÿ* переняты урмийцами из тюркского языка, который является для них как бы вторым родным языком, то для сингармонизма нехватает еще *ë*, *ï*; но, насколько *ï* обычно для тюркского языка, настолько *ë* необычно. Далее неясно, каким образом произошло проникновение тюркских гласных в семитские и европейские слова новосирийского языка, а это и есть главное.

Подобие сингармонизма наблюдается в арабском языке. Там согласные делятся на низко- и высокотембровые; гласные принимают тембр соседних согласных; при встрече обоих тембров низкий тембр побеждает и передает свое влияние дальше, стремясь наполнить собой все слово. Так, например, слова صنم *ṣanam* 'идол', مطر *maṭar* 'дождь', مرض *marad* 'болезнь' звучат фактически *ṣanām*, *māṭār*, *mārād* (..... согласные низкого тембра), тогда

¹ Любопытна запись *ōtsā* '9', *soppa* 'палец' (вместо *ōṣṣā*, *sippa* с редукцией гласного в закрытом слоге) в названном словаре Fr. Müller'a.

как слова *جمال ġamal* 'верблюд', *كسل kasal* 'лень', *سمك samak* 'рыба' звучат *ġāmāl, kāsāl, sāmək* или близко к этой транскрипции. Но это лишь подобие сингармонизма, показуемое на специально подобранных примерах из коротких слов; подобрать же длинное слово сплошь низкого тембра (вроде приведенного уже урмийского *masītantēva*) по-арабски едва ли возможно. Тем не менее самый принцип явления несомненно тот же, что и в урмийском наречии новосирийского языка. В других новосирийских наречиях, насколько нам известно, сингармонизма нет, и это обстоятельство вносит беспросветную путаницу в латинизованную печать советских сирийцев: авторы-горцы, не имея сингармонизма в родном наречии, гармонизируют как попало (на одной и той же строке можно найти *şula* и *şulā* 'дело', *ţusa* и *ţusā* 'пример', *sol̄* и *solī* 'сапоги'). Впрочем, если в других новосирийских наречиях нет сингармонизма, то подобие его несомненно кое-где наблюдается. Так, в мосульском наречии¹ записаны случаи вроде *zykka* 'бурдюк', *plyt* 'выходи', *Möşylnājā* 'мосулец', где знак *y* выражает гласный типа *y*, вызванный соседством низкотембровых согласных (сравните приведенное выше наблюдение Мерх'а над влиянием ع, ق, ج, ح).

Итак, в семитских языках есть источник сингармонизма; это — наличие согласных с резко противоположным тембром. В арабском языке можно распределить согласные по их влиянию на гласные таким образом:

низкий тембр	{	сильная окраска: ط <i>t</i> , ض <i>d</i> , ص <i>s</i> , ظ <i>z</i>
		слабая окраска: ق <i>q</i> , غ <i>h</i> , غ <i>g</i> , ر <i>r</i>
средний тембр	—	разная окраска: ع (сильнее), ح <i>h</i> (слабее)
высокий тембр	{	слабая окраска: ب <i>b</i> , م <i>m</i> , ف <i>f</i> , و <i>u</i> ; أ, ه <i>h</i>
		сильная окраска: остальные согласные.

Уже в этой схеме, которая по необходимости упрощает действительность (как вообще всякая схема), видна неравномерность развития. При изучении самого арабского языка без сравнения с другими семитскими языками вполне хватает деления надвое: низкотембровые или «эмфатические» согласные غ, ض, ط, ق и высокотембровые или «простые» — остальные (сомнение возбуждают و, ع — здесь авторы несогласны и факты слишком пестры: для турак ع, ح низкотембровые, а ر высокотембровое;² для

¹ E. Sachau. Skizze des Fellichi-Dialekts von Mosul. Berlin, 1895.

² Обычное турецкое (османское) чтение арабских слов переводит сингармонические моменты арабского произношения на турецкий сингармонизм, и как правило получается: ح *ha*, ح *hā*, ح *ho* || *hu*; ع *a*, ع *ī*, ع *o* || *u*; ر *re*, ر *rī*, ر *rū*.

самых арабов ع , ع высокотембровые, а ج низкотембровое, если рядом с ним нет гласного I ; европейцы колеблются между обеими концепциями). При сравнении арабского языка с другими семитскими языками встречается немало трудностей; так, в абиссинской ветви, где «эмфатические» противоплагаются «простым» не по тембру, а по расходу воздуха (как в кушитских языках), именно при «эмфатических» голосовая щель закрыта, а при «простых» открыта, — арабским низкотембровым согласным не всегда соответствуют согласные с закрытием голосовой щели, напр. $\text{ق} = \Phi k^2$, но $\text{ح} = \text{h}$, а не $*\chi$.

Остальные семитские языки — аккадский, еврейский, арамейский — дают лишь одно показание: «эмфатические» согласные являются напряженными и непридыхательными, а «простые» согласные — ненапряженными, причем глухие смычные p, t, k придыхательны. Так, в древнегреческой передаче семитские t, q изображаются посредством τ, κ (*tenues*), а семитские p, t, k посредством φ, θ, χ (*aspiratae*); в арамейском¹ неударенные p, t, k, b, d, g произносятся после гласных как щелевые $\bar{p}, \bar{t}, \bar{k}, \bar{b}, \bar{d}, \bar{g}$ (или $f, \bar{p}, ch, \bar{t}, \bar{d}, z$ по транскрипции Brockelmann'a), тогда как t, q остаются смычными и в этих условиях, а это показывает их напряженную, крепкую смычку; новосирийское произношение различает старые t, q и t, k как непридыхательные и придыхательные, причем q более заднего образования, чем k .² Но в упомянутых языках есть еще s ; чем оно отличалось от z ? Древнегреческая передача одинакова для обеих фонем — σ ; новосирийские наречия утратили различие этих фонем. Многочисленные передачи s через $c, \check{s}$ и наоборот, которые принимаются многими семитологами за чистую монету, свидетельствует лишь о напряженности s (откуда и выбор этого знака для условной передачи переднеязычных слитных $c, \check{s} = \text{t}s, \text{t}\check{s}$, напр. у арамейцев для персидского, китайского, и т. д. $\check{s}$, у евреев для немецкого z , славянского $и$, турецкого $\text{ع} = \check{s}$). Но разница между придыхательным и непридыхательным щелевым столь незначительна, что она не могла бы поддерживать разницу в напряжении без помощи еще какой-нибудь более резкой модификации основного уклада. Многие семитологи, среди них такие крупные, как Brockelmann и Bergsträsser, полагают, что древнейшее произношение «эмфатических» — абиссинское (с закрытием голосовой щели) и что арабское их произношение (с низким тембром) является более поздним,

¹ Также в масоретских редакциях древнееврейского языка, но родным языком масоретов был арамейский. Древнегреческая передача еврейских собственных имен имеет всегда безразлично $\varphi, \theta, \chi, \beta, \delta, \gamma$ для $\text{ב}, \text{ל}, \text{ז}, \text{ב}, \text{ז}, \text{ז}$ и для $\text{ב}, \text{ל}, \text{ז}, \text{ב}, \text{ז}, \text{ז}$, т. е. для щелевых и смычных масоретского произношения.

² В урмийском наречии q обычное заднеязычное k , а k — среднеязычное $k\bar{y}$ || *тв*.

вторичным. Однако никто из сторонников этого мнения не объяснил, каким образом закрытие голосовой щели может дать низкий тембр и как быть с кушитской подпочвой семитских языков Абиссинии (согласные с закрытием голосовой щели — самые обычные в Африке, от кушитских языков до бушменских). Между тем уже древние семиты запечатлели в своем письме точный анализ «эмфатических» согласных: древнейшее начертание буквы *t* является лигатурой из древнейших же *t* и *ʿ*, именно: $\oplus t$, $\times t$, $\odot$.¹ Иными словами, древнейшие «эмфатические» согласные сопровождалась сужением полости зева, т. е. работой, производящей характерный эффект звуков *ʿ* и *h*. Эта мысль высказывалась в семитологической литературе уже давно,² и доступное нам арабское произношение подтверждает эту мысль. Дело в том, что поднятие задней части языка к мягкому нёбу (*velum palati*) или веляризация — работа, которая обычно считается отличием «эмфатических» согласных от «простых», свойственна также русским и тюркским «твердым» согласным, каковые, однако, не тождественны арабским.³ Чтобы превратить веляризованные согласные в «эмфатические», нужно прибавить дополнительную работу в виде сужения полости зева (*pharynx*), или фарингализацию. Веляризация же является в данном случае таким же необходимым спутником фарингализации, каким она является у лабиализации,⁴ и обеспечивает низкий тембр. Находятся и исторические примеры, подтверждающие сказанное. Так, в новоарабских числительных второго десятка наблюдается мена *t* → *t̤* под влиянием соседнего *ʿ*: 12 *tnaʿš*, 13 *tlattaʿš*, 14 *arbataʿš*, 15 *hamšaʿš*, 16 *sittaʿš*, 17 *saba-taʿš*, 18 *tmin-taʿš*, 19 *tisataʿš*.⁵ В сирийской письменности наблюдается мена ܬܝܢܝܝܐ *purta'nā* → ܬܝܢܝܝܐ *purta'nā* 'блоха'. В современных южно-арабских наречиях имеем *tād* 'один' из *dā hād*.⁵

Таким образом подходим к сущности интересующего нас явления. Сингармонизм урмийского наречия разъясняется как следствие разного тембра древнесирийских согласных: низкий тембр вызван меньшинством согласных, высокий тембр — большинством согласных; встреча низко- и высокотембровых согласных в одном слове приводила к борьбе, победителем из которой выходил низкий тембр. Теперь остается очень важный

¹ M. Schultze. *Grammatik der aramäischen Muttersprache Jesu*. Berlin, 1899, стр. 6.

² А. Хашаб. *Грамматика арабского языка*. СПб., 1910. Автор слышит арабские ض, ط, ظ в русских сыр, дым, тыква, зыбь. Сходство есть, но тождества нет.

³ D. Westermann & I. C. Ward. *Practical phonetics for students of African languages*. London, 1933, стр. 101.

⁴ M. Hartmann. *Arabischer Sprachführer*². Leipzig & Wien (без года), стр. 18.

⁵ M. Bittner. *Studien zur Laut- und Formenlehre der Mehri-Sprache in Südarabien*, III, Wien, 1913, стр. 82.

вопрос: какие именно согласные придавали низкий тембр слову. Из сравнения с арабским можно ожидать, что низкотембровое влияние в урмийском наречии проистекает от древнесирийских ܐ *t*, ܢ *s*, ܩ *q*, ܚ *h*,¹ ܥ и в известной мере от ܐ *r*. Действительно в подавляющем большинстве случаев наличие ܐ *t*, ܢ *s* или ܥ в составе древнесирийского слова обеспечивает низкий тембр в урмийском слове, напр.:

ܐܬܢܐ <i>tīnā</i> 'грязь' → <i>tīina</i>	} влияющий согласный в Anlaut'e
ܥܬܕܐ <i>šaidā</i> 'охота' <i>sēda</i>	
ܥܝܢܐ <i>ʿainā</i> 'глаз' <i>aīna</i>	
ܒܬܢܐ <i>batnā</i> 'стельная' <i>bītna</i>	} влияющий согласный в Inlaut'e
ܒܝܬܐ <i>bešlā</i> 'лук' (раст.) <i>bīsla</i>	
ܢܠܐ <i>na'lā</i> 'подкова' <i>nala</i>	
ܫܒܬܐ <i>šabtā</i> 'племя' <i>šoṭa</i>	} влияющий согласный в Auslaut'e
ܢܦܥܝܢ <i>nāpēš</i> 'встряхнуть' <i>napīs</i>	
ܝܐܕܐ <i>iāde</i> 'знать' <i>iattī</i>	

Что касается согласных *q*, *h*, которые в арабском принадлежат к слабоокрашивающим, они в урмийском наречии могут считаться в лучшем случае нейтральными: большинство слов, содержащих эти согласные, имеют высокий тембр, напр. ܠܗܩܠܐ *haqlā* 'поле' → *hāqlā*. Если в словах низкого тембра находится также *q* или *h*, то низкий тембр зависит не от них.² Нужно еще заметить, что в новосирийском имеются свои новые *h*, *g* из древних ܚ *h*, ܓ *g*; но и эти согласные не вносят низкого тембра. Почему же ܥ получило такое мощное низкотембровое влияние, какого не имеют прочие глубокие («гортанные») артикуляции? Во-первых, уже в арабском языке звук ܥ, как мы указывали выше, обнаруживает более сильное влияние, чем ܚ *h*; во-вторых, в арамейских наречиях звук ܥ является эквивалентом трех арабских звуков — ܥ, ܓ *g*, ܕ *d*, следовательно, встречается относительно чаще и играет еще более важную роль, чем в арабском языке;

¹ Являясь эквивалентом двух арабских звуков (ܚ *h* & ܟ *h*), этот звук произносится как *h* в западносирийском, но *h̄* в восточносирийском, включая урмийское наречие.

² Не касаемся здесь иноязычных слов, в частности тюркских, где ܚ *h*, ܓ *g* понизили тембр слова еще до их заимствования сирийцами.

в-третьих, звук ʕ является сонорным,¹ а сонорные согласные благодаря своей принципиальной близости к гласным имеют свойство легко проникать в гласные, придавая им свой уклад (но зато и сами сонорные легко принимают уклад соседних гласных), напр. гласные при m, n, η назализуются (фр. *champignon* = [ʃāpɪ̃ɔ̃]), гласные при r апикализуются (англ. *part* = [paːɾt]), а гласные при ʕ фарингализуются (мальт. *xogħol*² 'дело' = [ɟoːl]). Правда, фарингализованные гласные обычно принадлежат к среднему ряду (centralized vowels, бывшие mixed) — так в курдском, удинском, нилотских и др. языках; но нынешние урмийские гласные низкого тембра принадлежат к заднему ряду, представляя таким образом путь развития, противоположный аккадскому языку, где фарингализованные гласные развились в передние, напр. $*ba^{\text{ʕ}}lu \rightarrow bēlu$ 'господин', $*haqlu \rightarrow eqlu$ 'поле'.³

Относительно влияния r вопрос чрезвычайно сложен; требуется специальное исследование, как, впрочем, и по другим разделам сингармонизма урмийского наречия. Пока ограничимся указанием на то, что в сирийском приходится считаться приблизительно с таким же раздвоением r , как в арабском. Древнеарабские филологи установили, что r вообще низкого тембра (= r), но по соседству с гласными $\bar{e}, i, \bar{i}$ оно высокого тембра. В сирийском придется, повидимому, несколько расширить гамму гласных, повышающих тембр r , включив также $\bar{o}, u, \bar{u}$; но и этого еще недостаточно, так как заметно, что играет роль позиция r в слове и некоторые другие факторы. Примерами низкого тембра могут служить случаи $rāmā$ 'высокий' $\rightarrow rama$, $garbā$ 'север' $\rightarrow gārbā$, $paḡra$ 'тело' $\rightarrow paḡra$; примерами высокого тембра могут служить случаи $rēšā$ 'голова' $\rightarrow rišā$, $taurā$ 'бык' $\rightarrow törā$,⁴ $nūrā$ 'огонь' $\rightarrow nūrā$. Заметим, что есть случаи низкотембрового влияния l (ℓ), но условия требуют еще исследования; напр. $hablā$ 'канат' $\rightarrow hola$, $ʾakel$ 'кушать' $\rightarrow ahl$.

3. Смысловая разница. В урмийском наречии имеются случаи, когда слова, отличающиеся между собою только тембром, выражают раз-

¹ Это обстоятельство обычно игнорируется исследователями, считающими пару $\text{ʕ}/\text{ع}$ такой же симметрией, как пара $\text{خ}/\text{غ}$, а между тем уже древнеарабские филологи причисляли ع к сонорным (vox meotogae لحم نزع , т. е. $l, m, n, r, \text{ʕ}$).

² В мальтийском пары $\text{خ}/\text{ح}$ и $\text{غ}/\text{ع}$ совпали в $ħ$ и ʕ (пишутся: $ħ, għ$).

³ Это неудивительно, если учесть, что $\bar{a}$ развивается в одних языках по линии палатализации $\bar{a} \rightarrow \bar{ä} \rightarrow e$ (английский, часть греческих и арабских диалектов), в других языках по линии лабио-веляризации $\bar{a} \rightarrow \bar{ä} \rightarrow o$ (скандинавские, хананейская ветвь семитских языков).

⁴ В современном арабском это слово чаще звучит $tūr$ (вместо прежнего $taur$; низкий тембр от r подчинял себе всё слово).

личные понятия. Здесь тембр выступает в качестве коллективной фонемы. Примеры из записей Калашева:

<i>aria</i> 'праздник'	<i>äriä</i> 'лев'	<i>ïda</i> 'праздник'	<i>ïdä</i> 'рука'
<i>bizza</i> 'дыра'	<i>bizzä</i> 'сосок'	<i>kurra</i> 'тина'	<i>kürrä</i> 'осленок'
<i>dana</i> 'время'	<i>dänä</i> 'штука'	<i>lala</i> 'немой'	<i>lälä</i> 'нянька'
<i>ğangür</i> 'мучить'	<i>ğängir</i> 'молотить'	<i>mara</i> 'лопата'	<i>märä</i> 'владелец'
<i>ğora</i> 'супруг'	<i>ğörä</i> 'сообразно'	<i>mata</i> 'прыщ'	<i>mätä</i> 'деревня'
<i>hal</i> 'состояние'	<i>hāl</i> 'до'	<i>nora</i> 'сияние'	<i>nörä</i> 'зеркало'
<i>ham</i> 'неопытный'	<i>hām</i> 'скорбь'	<i>zarra</i> 'потомок'	<i>zärrä</i> 'мало'.

Число примеров можно значительно умножить, если брать различные грамматические вариации, напр. *daban* 'каблук' — *däbä(n)* '(наш) зверь'. Среди приведенных примеров имеются явные случаи дифференциации того же слова посредством разных тембров (*ğangür* — *ğängir*, *nora* — *nörä*); имеются случаи, где низкий тембр продолжает былое ʕ, а высокий тембр — былое ʔ (*aria* — *äriä*, *ïda* — *ïdä*); чаще всего, однако, встречаем слова из разных языков (*dana* из сир. ܕܢܐ *ēdānā*, а *dänä* из перс. دانه *dānē*; *ğora* из сир. ܓܘܪܐ *gabrā*, а *ğörä* из тюрк. ګۆر *göre*).

4. Колебания. Так как не каждое слово имеет себе контраст по тембру, вполне естественно, что в урмийском наречии много дублетов, колеблющихся между обоими тембрами. Здесь колебания напоминают русское ударение, которое устойчиво только в смысловых контрастах, как *му́ка* — *мука́*, *ру́ки* — *рукá*, иначе колеблется по местностям и группам населения, как, напр., *и́наче* — *ина́че*, *кла́дбище* — *кладби́ще*, *мага́зин* — *магазин*; особо сложные колебания в предложных речениях, как *на́ гору* — *на го́ру* — *на горóу*. Каждый говорящий считает правильным свое произношение, а чужое неправильным, но живая речь вся в борьбе вариантов: или один отмирает, а другой остается, или оба дифференцируются и сохраняются как общественнополезные речевые средства. Вот такая же картина и у сингармонизма урмийского наречия, если только не сложнее: ведь урмийское наречие положено в основу новосирийского литературного языка и в силу этого постепенно становится достоянием многочисленных горцев, не имеющих сингармонизма в родных наречиях; отсюда поразительный рост колебаний.

Приведем примеры из записей Калашева:

а) Итеративы	б) Сирийские имена	в) Иноязычные имена
<i>balbíl, bálbíl</i> 'лепетать'	<i>arḥa, ärḥä</i> 'гость'	<i>adat, ädät</i> 'обычай'
<i>čančíl, čänčíl</i> 'теребить'	<i>dahla, dāhlä</i> 'урожай'	<i>ahval, ähväl</i> 'состояние'.

а) Итеративы	б) Сирийские имена	в) Иноязычные имена
<i>gazgüz, gāzgiz</i> 'свистеть'	<i>hūzda, hizdā</i> 'жатва'	<i>darvaza, dārvazū</i> 'ворота'
<i>halkil, hālkil</i> 'размывать'	<i>īama, īamā</i> 'море'	<i>lūina, liṇā</i> 'кувшин'
<i>hashīs, hāshis</i> 'сипеть'	<i>urha, ūrhā</i> 'дорога'	<i>paīda, pāidā</i> 'польза'
<i>ḥashīs, ḥāshis</i> 'шелестеть'	<i>vada, vādā</i> 'срок'	<i>raīat, rāiāt</i> 'подданный'.

Итеративы могут колебаться в тембре как одна из наиболее живописных категорий словаря. Тут богатый выбор возможностей, и, кроме тембровых оттенков, есть еще в запасе мена глухих и звонких согласных, напр. *pārpiš* и *bārbiz* 'разбрасывать' (как у нас *прыскать* и *брызгать*). В сирийских именах наблюдается тембровая борьба различных согласных (главные спорщики — *r*, *h*). В иноязычных именах наблюдается гармонизация то по первому, то по второму гласному: мусульманские соседи сирийцев говорят: *adāt, āhval, dārvazā, lina, faīdā, raīāt* = عَادَة, أَحْوَال, دَرَوَازَه, رَعَايَة, فَائِدَة, لِينَا.

5. Раздвоение. Как общее правило все слова одного корня должны иметь один тембр. Это особенно четко выражено в категориях словоизменения, напр. в спряжении:

<i>kātiv</i> 'пусть он пишет'	<i>qaṭil</i> 'пусть он убьет'
<i>bi-ktāve-li</i> 'он пишет'	<i>bī-ḡṭalē-lī</i> 'он убивает'
<i>ktiv-li</i> 'он написал'	<i>ḡṭil-lī</i> 'он убил'
<i>ktiv</i> 'пиши'	<i>ḡṭul</i> 'убей'
<i>ktivā</i> 'написанный'	<i>ḡṭīla</i> 'убитый'
<i>ktivtā</i> 'писание'	<i>ḡṭalta</i> 'убиение'.

или, напр., в образовании множественного числа и женского рода имен:

<i>kātāvā</i> 'писарь'	<i>qaṭala</i> 'убийца'
<i>kātāvi</i> 'писаря'	<i>qaṭalī</i> 'убийцы'
<i>ktivtā</i> 'написанная'	<i>ḡṭilta</i> 'убитая'.

В словообразовании наблюдается та же картина, напр.: *rusnaīa* 'русский' — *ārimnāīa* 'армянин', *rvī'aīa* 'четвертый' — *tlitāīa* 'третий', *qaṭlana* 'убийца' — *māḡbānā* 'любящий', *azaduta* 'свобода' — *sūrgūnūtā* 'неволя' (все окончания, как видим, гармонизуются по основе).

Однако имеются случаи раздвоения тембра в производных того же корня. Часто здесь играет роль разница между живой речью и книжной ученостью, которые расходятся в произношении, кажется, у всех народов.

Нередко причиной раздвоения является вмешательство $\bar{i}$, повышающего тембр и не поддающегося воздействию низкотембровых согласных. Так, напр., без вмешательства $\bar{i}$ имеем: *bar* и *brünä* 'сын',¹ *dağala* 'плут' и *dāgil* 'лгать',² *taḥana* 'мельник' и *tāḥin* 'молот', *ğora* 'супруг' и *ğävır* 'жениться', *avuda* 'деятель' и *ävid* 'делать'. С явным вмешательством $\bar{i}$ имеем, напр., *arpa* 'четыре' и *ärpiḡ* 'сорок', *ṭla* 'три' и *tläḡ* 'тридцать', *raḥim* 'жалеть' и *rāḥmi* 'жалость', *šupra* 'красота' и *šäpürä* 'красивый'. Любопытен случай *lata* 'узда' и *lağğim* || *läğğim* 'обуздывать'; здесь в основе старое لَاغَم *lağāmā* 'узда' (соответствует араб. لَاغَم *liğām*^{un}, эфиоп. ላገሙ *lağ'am*), но имя утратило *g*, а глагол сохранил.

6. Отклонения. Есть категории случаев, где урмийское наречие допускает отклонения от сингармонизма. Не говоря пока о сложных словах (§ 7), остановимся на двух явлениях. Во-первых, огласовка $i...a$ (преимущественно в иноязычных словах, но иногда и в сирийских) сопротивляется гармонизации; сюда относятся прежде всего многочисленные арабизмы, особенно — инфинитивы пород IV, VII, VIII и X, напр. *ikram* 'почтение', *iğara* 'аренда', *išarat* 'намеки', *iḥtiyar* 'власть', *intira* 'рост, %'. Сюда же относятся много персидских и европейских слов, напр. *dīvan* 'суд', *piḡala* 'чарка', *kristiḡana* 'христианин', *vošpiṭal* 'госпиталь'. Привычка к огласовке $i...a$ влияет и на сирийские слова, напр. *īda* 'праздник' → *iḡda*. Во-вторых, окончания *-qiḡ* (греч. *-κη*) и *-it* (сир. ܐܝܬ в образовании наречий) обычно сохраняют высокий тембр или образуют постепенный переход от низкого тембра к высокому, если основа низкого тембра, напр. *aritmāḡiḡiḡ* 'арифметика', *rusnaḡit* 'по-русски'.

Попутно скажем и об отклонениях в другом смысле. Мы уже говорили, что исторические ܐ ܐ , ܐ ܐ , ܐ ܐ вызывают низкий тембр слова в подавляющем большинстве случаев. Имеются, однако, редкие случаи, где исторические сильноокрашивающие согласные не вызвали низкого тембра (или по крайней мере этот тембр не удержался до наших дней). Приведем замеченные нами отклонения с посильными объяснениями причин нарушения общего правила. Из случаев с историческим ܐ нам известны: 1) *äqübrä* 'мышь', 2) *ävid* 'делать', 3) *biḡtä* 'яйцо', 4) *Iäqü* 'Яков', 5) *sürä* 'малый'. Все случаи, повидимому, весьма различного характера. Высокий тембр слов 'мышь' и 'малый' было бы весьма соблазнительно объяснить фоносим-

¹ *Bar* в отчествах и сложных словах (*Pölüs bar Patrus* 'Павел Петрович', *bar-dimmä* 'сын крови' = 'убийца'); *brünä* самостоятельно в смысле 'сын'.

² Тип огласовки, правда, содержит $\bar{i}$, но оно непостоянно и во всех других формах спряжения исчезает: *däḡlä*, *däḡlit*, *däḡlät*, *däḡlän*, *däḡlän...*

воликой: языки с сингармонизмом могут использовать низкий тембр для характеристики класса больших, сильных, социальноактивных существ, а высокий тембр для характеристики противоположного класса — малых, слабых, социальнопассивных существ;¹ вообще же из старых ܝܩܒܪܐ **uqbārā* ‘мышь’ и ܝܫܬܐܪܐ **šōrā* ‘малый’ нужно было ожидать **uqbāra*² и **sura*. Глагол ‘делать’ является в новосирийском языке несомненно вспомогательным, так как под влиянием соседних языков — курдского, персидского, тюркского — новосирийский широко пользуется сложными глаголами вроде ‘пьяным делать’ = ‘пьянить’; соответствующее состояние выражается сложными глаголами вроде ‘пьяным делаться’ = ‘пьянеть’, причем глаголы ‘делать’ и ‘делаться’ первоначально совсем разного корня (первый ܥܕܐ **ābed*, последний же ܠܥܬܐܝܠܐ **lāṭā*), но теперь звучат очень близко, напр. *vidli* ‘он сделал’, *viṭli* ‘он сделался’, так как гортанный без гласного отпадает, звуки ܥ *ē* и ܠ *l* совпали в одно и то же *v*, а тембр одинаков. Нет ли воздействия одного соотносящегося глагола на другой? Слово ‘яйцо’ пережило сильное сокращение, будучи именем единичности **baṣat* (как араб. بَيْضَة *bayḍa*^{sup}, евр. בֵּיטָא *bēṣā*), status emphaticus которого должен был пройти стадии развития: **baṣatā* → **baṣatā* → **bēṭā*, откуда наконец ܒܝܬܐ *beṭā*; стяжение предполагаемой группы звуков **aṣ* должно было дать свёрхдлгое **ē*, обеспечившее перевес высокого тембра. Не исключается, конечно, и фоносимволическое объяснение, какое мы предложили для *äqūbrā* и *sūrā*, но злоупотреблять этим объяснением не следует: если ‘яйцо’ действительно малый предмет (имеем в виду куриное, а не страусовое), то этого не скажешь про ‘реку’, которая звучит *nārā* вместо ожидаемого **nara* из ܢܗܪܐ *nahrā* (тогда как ܒܗܪܐ *bahrā* ‘свет’ → *bara*, ܫܗܪܐ *sahrā* ‘луна’ → *sara*, ܕܗܪܐ *zahrā* ‘заря’ → *zarā*). Что касается *Iäqū* или *Iäqūb* ‘Яков’, его сирийское написание ܝܥܩܘܒ *Ia'qōb* не должно нас смущать: мы знаем, что оно этимологическое и копирует евр. יַעֲקֹב *Ia'äqōb*, араб. يَعْقُوب *Ia'qūb*ⁿ, тогда как произношение передает гр. *Iáκωβ* или тюрк. *Iäqur*. Из отклонений, содержащих историческое ܣ *s*, назовем *siprā* ‘воробей’ из ܣܦܪܐ *šepṛā*; здесь применимо фоносимволическое объяснение, так как воробей птица малая, но едва ли уместно объяснение влиянием *e* || *i*, если учтем низко-

¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 133.

² Калашев приводит три урмийских варианта: *äqūbrā*, *äbüqrā*, *öqūbrā*.

тембровое влияние *r* в данной позиции (נִדְרָא *nedrā* 'обет' → *nüdra*, נִמְרָא *nemrā* 'тигр' → *nümra*, מִדְרָא *medrā* 'земля' → *müdra* и т. д.). О *tāhin* вместо **tāhīn* см. § 5.

Несколько выше мы коснулись сверхдолгих гласных, которые возникают при слиянии двух гласных в один, напр. **aīd* → **ē*. Известное представление о таких гласных дает нам русское областное произношение вроде *бываѣт* вместо *бывает*. Сверхдолгое *ā*, повидимому, вызывает низкий тембр; например: תְּלָא *telātā* 'три' → *ṭla* (даже с меной начального согласного); לָמָא *lāgāmā* 'узды' → *lama*, שֶׁגְּדָא *šegdā* || **šāgdā* 'миндаль' → *šada*, נֶרְגָּא *nargā* || **narrāgā* 'топор' → *narra*. Этим формам, вероятно, предшествовали **tlā*, **lāma*, **šāda*, **narā* с двухвершинными или сверхдолгими гласными. Что случаи со звуком *ḡ* здесь привлечены вполне уместно, можно думать на основании еврейско-айсорских форм,¹ как *ṭlaḡa* || *ṭlaha* 'три'; появление здесь *ḡ* в качестве противозвония (*dirimens*) показывает тембровое родство *ḡ* с *ā*.

7. Сложные слова. Новосирийский язык пользуется множеством сложных слов, как своих, так и заимствованных. Сложные слова в урмийском наречии как правило сохраняют тембр каждого слагаемого без изменения, напр. *qīštīimaran* 'радуга', *šimšīisara* 'лунный свет', *bazzaqesi* 'дятел' из сир. *qīštā* 'лук (оружие)' + *mara-n* 'господь наш', *šimšā* 'солнце' + *sara* 'луна', *bazza* 'пусть она долбит' + *qesi* 'деревья'; или, напр., *bāḡgada* 'дворянин', *hārāmḡana* 'гарем', *abdāst* 'нужник' = перс. بَگ زاده (*bāḡ* 'князь' + *zādē* 'дитя'), حرم خانه (*hārām* 'запрет' + *hānē* 'дом'), آب دست (*āb* 'вода' + *dāst* 'рука'). Сложные слова, однако, подвергаются процессу опрощения: границы слагаемых стираются, и тембр унифицируется в пользу какого-нибудь слагаемого; напр. *barnāšā* 'сын человеческий, человек' часто произносится как *barnaša*, хотя слово *nāšā* 'человек' отдельно существует и всегда с высоким тембром. Особую категорию, чрезвычайно интересную для изучения сингармонизма, представляют сложные числительные; здесь много колебаний, и Калашев не сходится с Лазаревым:

{	Калашев	<i>ārbāsār</i>	<i>hāmšasar</i>	<i>tmānīssar</i>	<i>iččāsār</i>	}
		14	15	18	19	
{	Лазарев	<i>arbasar</i>	<i>hamšasar</i>	<i>tmanisar</i>	<i>ičāsār</i>	}

¹ Л. Лопатинский. Еврейско-арамейские тексты (Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XX, отдел II). Сказки записаны со слов уроженцев Урмии рабби Едигии бен-Ины и Измаила Сулейман-оглы. Форма *ṭlaḡa* на стр. 1 и 2; форма *ṭlaha* на стр. 5, 7, 18 и 21.

Дело в том, что числительное 'десять' звучит с низким тембром — *īsrā*, в чем согласны оба автора и что имеет два основания — عَشْرَة *ʿesrā* имеет не только *ʿ*, но и *r* в сильнодействующей позиции (§ 6); однако сложение пары низкотембровых числительных¹ вдруг дает результат с высоким тембром — *ārbāsār* '14' у Калашева и *īččāsār* '19' у него и Лазарева. Конечно, подобные курьезы можно рассматривать лишь как колебания при быстром счете (откуда затем и в медленном счете или в разбивку). Подобным же курьезом является *tmanīḡ* '80' у Лазарева (правильно *tmānīḡ* у Калашева): хотя это исторически множественное число от *tmānīā* 'восемь', но сразу же после закономерно низкотембрового *šavvīḡ* '70' (от *šavva* 'семь') Лазарев механически гармонизирует '80'.

8. Служебные элементы. Как правило аффиксы в урмийском наречии принимают тембр основы, которую обслуживают; напр. *bī-qtālē-vīn* 'убиваю', но *bī-ktāve-vīn* 'пишу'; *qtīḡl-o-vaḡ-va* 'мы уже давно ее убили', но *ktīḡv-ō-vāḡ-vā* 'мы уже давно ее написали'. Однако аффикс до известной степени является посторонним телом в слове и поэтому гармонизируется с ним не абсолютно, оставляя место для промежуточных оттенков (§ 6). Можно принять за правило, что аффиксы от природы имеют высокий тембр, так как исторически свободны от сильноокрашивающих низкотембровых согласных. И вот на этой почве живая речь изобилует колебаниями: если в быстром произношении урмиец скажет, напр., *bī-tlaba* 'прося', то в медленном и аккуратном произношении скажет *bī-tlaba* или точнее *bī-tlaba* (и — среднее между *ī* и *i*). Точно так же звук *l* в аффиксах не всегда становится настоящим *l* (русское *лз*) при словах низкого тембра, но может иметь промежуточный тембр по гамме $l^i \rightarrow l^e \rightarrow l^h$. Вот почему у Калашева мы встретим систематически написания *nlmḡl* и *šudyppḡ*, а у Лазарева *nlmḡl* и *шудырры* для глаголов *plīt-lī* 'он вышел' и *šudīr-rī* (из *šudīr-lī*) 'он послал'. Гармонизация может простирается также на некоторые частицы, находящиеся в своей собственной функции, напр. أَمْ *am* 'со, с' $\rightarrow am \parallel \dot{a}m$. Всегда гармонизируется определенный член: муж. *o* $\parallel \ddot{o}$, жен. *ē* $\parallel e$, напр. *ē gūrta* 'большая', но *e sūrta* 'маленькая'.

9. Иноязычные слова. Мы уже видели, что иноязычные слова гармонизируются так же, как сирийские (§ 4), лишь изредка допуская небольшие отклонения от нормы (§ 6). В одних случаях тембр дается уже

¹ 'Четыре' звучит *arpa* (из أَرْبَعَة *arba'ā*); 'девять' звучит *īčča* (из تِسْعَة *tes'ā*, откуда сначала **īšša*, а затем, с оглушением *-ī-* между глухими согласными и с передачей слоговой функции началу гемината *-šš-*, **tšša*; наконец, со слиянием *tšš* $\rightarrow$ *čč* и облегчительным гласным начала: *īčča*).

в источнике заимствования, напр. *tarlan* 'сокол', *kömäg* 'помощь' (тюркские слова с тем же звучанием), в других случаях источник содержит противоречие в тембре и дает урмийцам повод к гармонизации в пользу того или иного тембра, напр. перс. *سرباز* *särbāz* 'солдат' → *sarbaz*, но перс. *ارزان* *ärzān* 'дешевый' → *ärzän*. Остановимся особо на заимствованиях из европейских языков. Самые старые европеизмы новосирийского языка — древнегреческие слова, принятые сирийцами вместе с христианством; они все полностью гармонизованы (кроме некоторых элементов, уже упомянутых в § 6), напр. *Πέτρος* → *Patrus* 'Петр', *τιμὴ* → *tīma* 'цена', *ὑπόψ* → *tusa* 'задача, пример'; *Ἀλέξανδρος* → *Ālihsāndrūs* 'Александр', *ἐντα* → *iñtä* 'тогда', *τύφος* → *tīpūs* 'насморк'. Поздние европеизмы идут с двух сторон — из английского языка (но от американских миссионеров, отчего акающее произношение, напр. *college* [kəlidʒ] → *qalığ*, *dollar* [dɒlə] → *dalar*, *New York* [nju:jɔ:k] → *Niü Iarq*) и из русского языка (до Октябрьской революции почти исключительно в простонародном произношении — от русской казачьей бригады, стоявшей в Урмии, и от русских купцов, подрядчиков и т. п. в Закавказье; напр. *ġaralan* 'генерал', *ġirant* 'кран', *patretēi* 'живописец' ← *янарал*, *крант*, *патреть* — тюрк. -*çi*). Гармонизация этого материала подчас неполная, но в большинстве случаев поражает своей неиссякаемой силой. Относительно гармонизации дооктябрьского русского вклада следует заметить одну любопытную черту: русские слова, имеющие — как нам кажется — низкий тембр, иной раз оказываются в урмийском наречии с высоким тембром, напр. *дышло* → *dışlā*, *дуга* → *dūğā*, *лампа* → *lāmpā*, *лодка* → *lötqā*, *самовар* → *siġmavar* (§ 6). Возможно, что русские слова этой категории попали к сирийцам через посредство каких-нибудь других народностей: ведь сирийцы всюду живут во многоязычной среде... Разве лишь *siġmavar* объяснимо из русского произношения *səmvár*. Не следует только думать, что замена русских заднеязычных *к*, *г* урмийскими среднеязычными *ġ*, *ğ* обязательно приводит к высокому тембру также огласовку; последняя может остаться низкотембровой, напр. *пробка* → *prorqā*, *закуска* → *zaġusqā*, *рюмка* → *rumqā*.

В речь советских сирийцев поступает много русских и международных слов. Среди авторов, пишущих латиницей, находятся любители полной гармонизации, непомерно искажающие новые слова и собственные имена. Однако ВЦКНА проводил твердый принцип орфографии для новой революционной лексики: писать как можно ближе к подлинной форме слова, напр. *Stalin*, а не *Stāln* или *Stālin*, как у любителей полной гармонизации.

10. Губное притяжение. Известно, что противоположение по тембру еще не есть абсолютный сингармонизм. Для последнего требуется

еще противоположение по губной работе — округленности и неокругленности, т. е., с одной стороны, *o, u, ö, ü*, с другой стороны — *a, i, ä, ê*. Так, в тюркском языке противоплагаются *ïol-u* ‘путь его’, *ğöz-ü* ‘глаз его’, *baş-ı* ‘голова его’, *ğām-i* ‘сумма его’. Урмийское наречие далеко от такого абсолютного сингармонизма, но тенденцию к нему обнаруживает. Приведем примеры грамматического и лексического характера. В текстах Калашева находим *qtïl-u-vun* ‘убил его я’ (стр. 54) вместо обычного *qtïl-u-vîn*; *muqtullun* ‘они заставили убить’ (стр. 78) вместо *muqtillun*. В словарях Калашева находим случаи, как *Orušlum* ‘Иерусалим’, *qūçur* ‘кучер’, *butul* ‘бутыль’, и кроме того несколько арабских причастий IV породы с огублением неударенных *-i-, -ä-*, напр. *mühqum* ‘прочный’, *münkün* ‘средство’, *müšqül* ‘трудный’ (مُحْكَم *muhkam*, مُمَكِّن *tumkin*, مُشَقِّل *mušqil*). Упомянем еще *üsqülläjä* ‘ученик’ (у Калашева, тогда как у Лазарева *isqülläjä*); это производное от гр. *σχολή* → *ܥܫܩܠܐ* ‘eskolā.

11. Связь тембра с придыханием. Как мы уже говорили в § 2, «эмфатические» согласные семитских языков непридыхательны, а простые *p, t, k* придыхательны; первые связаны с низким тембром, последние же с высоким тембром. Получается перекрестная связь, которая приводит урмийское наречие к серьезным менам согласных; подобные мены отнюдь не чужды и арабскому языку, где, напр., *صَوْت* *ṣawt* ‘голос’ и *سَوْب* *sawt* ‘бич’ совпадают в произношении *ṣōt*. В урмийском наречии заметна определенная тенденция к связи низкого тембра с непридыхательными согласными *p, t, ċ, q* и высокого тембра с придыхательными согласными *p, t, ċ, k*; непридыхательный же согласный *q* не имеет себе пары. Так, имеем переходы *tala* → *ṭala* ‘лиса’, *tarpa* → *ṭarpa* ‘лист’, *tarīs* → *ṭarīs* ‘делать’; только *tla* ‘три’ при *tllä* ‘30’. С другой стороны, при *ṭahana* ‘мельник’ (исконное *t*) мы видели *tāhin* ‘молоть’ (§ 5). Однако эта тенденция не может развернуться во всю ширь, так как наталкивается на смысловые преграды: ведь до сих пор строго различаются случаи, как *tama* ‘там’ и *ṭama* ‘вкус’, *natir* ‘опадать’ и *naṭir* ‘защищать’. Любопытно, что древнегреческое непридыхательное *π*, для которого древнесирийские авторы изобретали новый знак и которое, следовательно, отличалось в произношении сирийцев от обычного придыхательного семитского *ṣ p*, в настоящее время оказывается забытым (вернее — недоставленным по линии тех говоров, из которых развилась новосирийская речь). Так, гр. *πρόσωπον* ‘лицо’ → *ܦܪܫܦܐ* *paršōpā* теперь звучит просто *parsupa* (оба *p* придыхательны).

Одно из направлений сингармонизма, особо важное для семитских языков, это — гармонизация ступеней озвончения (так, чтобы в одном слове были только придыхательные согласные или только непридыхательные или, наконец, только звонкие). Тенденция в этом смысле может наблюдаться и в урмийском наречии, но опять-таки она сдерживается смысловыми преградами. Примеры гармонизации в пользу непридыхательного согласного: *tīpra* 'ноготь', *p̄tūha* 'плоский', *tqūltā* 'вес', *p̄q̄hā* 'цветок' из *t̄ip̄ra*, *p̄t̄ūhā*, *t̄q̄ūltā*, *p̄q̄hā*. Как видим, связь с низким тембром необязательна. Оно и понятно, так как непридыхательные согласные *p*, *t*, *č*, *q* возникают в известных условиях независимо от тембра слова, именно: придыхательные *p*, *t*, *č*, *k* становятся непридыхательными после щелевых¹ *s*, *š*, *h* (или *z*, *ž*, *g*, которые в таких случаях оглушаются в *s*, *š*, *h*), напр. *sp̄iṣā* 'гнилой', *iṣtā* 'шесть', *bāḥčā* 'сад', *sq̄inā* 'нож' (где *sp*, *št*, *gč*, *sk* → *sp*, *št*, *hč*, *sq*, сравни написания: *سپيشا*, *استا*, *باغچه*, *سقين*). Такая же дезаспирация может появляться на расстоянии одного гласного, напр. *siprā* 'воробей', *šāp̄irā* 'красивый'. Но есть условие для возникновения непридыхательного согласного, связанное с низким тембром, это — контакт звонкого смычного с последующим историческим *ʕ*. Вообще исчезновение *ʕ* в урмийском наречии прошло через стадию гортанного взрыва — глухого звука, перед которым звонкий согласный оглушался (напр. *ṣāʕrā* 'малый' → *sūrā* в урмийском наречии, но *zora* в мосульском). Так как при *ʕ* слово получало низкий тембр, оглушение звонких смычных совпадало именно с этим тембром; интервокальное «согласный + ʕ» дает геминат, напр. *ʕarʕā* 'земля' → *arra*. Вот примеры непридыхательных глухих, возникших только что описанным путем: *bāʕrē* 'навоз' → *p̄iṣrē*, *ʕarbā* 'четыре' → *arpa*, *ʕadʕānā* 'знаток' → *ʕattana*. О происхождении формы *iččā* 'девять' см. § 7, сноска. Повышение тембра в таких случаях не делает непридыхательный согласный придыхательным, напр. *ārp̄iṣ* '40', *ičč̄iṣ* '90'.

12. Рифма. Новосирийские стихи рифмуются. В старой (неевропейской) поэзии рифма одна и та же на целый куплет или четверостишие, в новой же поэзии под европейским влиянием принято разнообразное расположение рифм. Обследование рифмы в урмийских стихах показывает,

¹ Дезаспирация после щелевых согласных наблюдается также во многих других языках, особенно в германских и яфетических. (См. J. C. Роест ion. *Lehrbuch der dänischen Sprache*,³ стр. 21; В. И. Абаев. Четыре ряда смычных согласных в осетинском. Изв. Осет. инст. краев., 1926, т. II, стр. 475—480.)

что разница в тембре не мешает рифмовать; так, в приводимой Калашевым «Песне школьника» (тексты, стр. 92—95) рифмуются, например: *biññä*, *šññä*, *qaññä*, *viññä*; *qäšä*, *šaša*, *näšä*, *šämäšä*; *mätä*, *brätä*, *sluta*, *mötä* и т. д. Это обстоятельство объясняется тем, что в огромном большинстве случаев сингармонизм не связан со смысловыми различиями, а меньшинство случаев обратного характера (§ 3) не может являться ведущим для организации стихосложения. Впрочем, конечный гласный урмийского стиха может нейтрализоваться в тембре — это явление не чуждо и урмийской прозе, напр. Калашев пишет *mätä* и *clütä* независимо от сингармонизма.

II

ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

и

ФОЛЬКЛОР

Опыт сравнительного анализа легенд о происхождении нартов и римлян

У царя Проки было два сына, Нумитор и Амулий. Старший, Нумитор, должен был, по смерти отца, наследовать ему на престоле. Но честолюбивый Амулий силой овладел царством, изгнал своего брата и, кроме того, чтобы обезопасить себя на будущее, умертвил его сына, а дочь, Рею Сильвию, сделал жрицей богини Весты, обрекши ее тем самым на вечную девственность. Но боги судили иначе. Однажды Рея Сильвия отправилась к реке за водой. На дороге ей встретился волк. Испуганная весталка укрылась в пещере. Здесь ей явился бог Марс. Обет целомудрия был нарушен. Когда исполнились сроки, у Реи Сильвии родились два мальчика-близнеца. Смертью каралось нарушение весталкой девственности, и Рея Сильвия была умерщвлена. Дети ее были брошены в Тибр.

Но они не погибли. Корзину с близнецами вынесло на берег. Здесь их заметила волчица, которая их облизала и стала их кормить своим молоком. Однажды царский пастух Фаустул забрел в эти места и подсмотрел близнецов с их необычной кормилицей. Он отнес мальчиков к своей жене Акке Ларенции. Добрые люди стали их воспитывать как своих детей. Дали им имена, одному Ромул (Romulus), другому Рем (Remus). Незаметно пронеслись годы. Близнецы возмужали и стали славными воинами. Тайна их происхождения была ими узнана. Они низвергли насильника Амулия и вернули своему деду, Нумитору, отнятое у него царство. Сами же решили основать новый город. На берегу Тибра было облюбовано место, и новый город получил название Рома (Рим). Когда были возведены городские стены, между братьями возникла ссора. Рем пал от руки брата, и Ромул стал единолично царствовать над новым городом, которому суждено было такое славное будущее.

Такова знакомая всем легенда о происхождении Рима и римского народа.¹

¹ Liv. I, 4.

Тотемистический характер легенды выступает довольно прозрачно. В основе подобного рода легенд лежат хорошо известные в этнографии представления о происхождении племени от того или иного животного (в данном случае — волка).

В дошедшем до нас виде легенда носит уже явственные следы позднейшей рационализаторской обработки. Волк, который в первоначальной версии был, очевидно, сам отцом близнецов, довольствуется теперь скромной эпизодической ролью: он лишь встречается случайно с Реей Сильвией и пугает ее. Реальным отцом оказывается уже антропоморфный Марс. Ему предназначена роль двойника или заместителя тотема-волка. Волчица, которая первоначально была матерью, теперь оказывается кормилицей.¹ На известной ступени мышление не мирится уже с возможностью происхождения людей непосредственно от животных, и антропоморфный тотем является тогда на смену своему четвероногому предшественнику. Но старый тотемический субстрат явственно выступает на сцену уже в образе волчицы-кормилицы: родиться от волка — кажется уже немислимым, но быть вскормленным волчицей — это еще куда ни шло. Таков наивный компромисс между примитивными воззрениями и требованиями новой, более реалистической мысли. Проследившая позднейшую судьбу легенды, мы видим, что рационализация тотемического мифа идет еще дальше. Волчица-кормилица кажется уже неправдоподобной. Однако вычеркнуть ее из легенды не так легко. Реалистический ум находит выход из затруднения: не есть ли *Лира* (Волчица) просто собственное имя (или прозвище) той пастушки, которая воспитала близнецов? Такую именно интерпретацию легенды мы находим у позднейших латинских писателей (с указанием, что прозвище *Лира* (не только 'волчица', но и 'блудница') указывает на старую профессию воспитательницы Ромула и Рема).²

В таком же точно рационализованном виде дошла до нас, в передаче Геродота, легенда о рождении персидского царя Кира. У мидийского царя Астиага была дочь Мандана. Царю приснились необычные сны, которые были ему истолкованы в том смысле, что у Манданы родится сын, который покорит всю Азию. Не желая иметь такого опасного внука, царь велел его умертвить, как только тот появился на свет. Однако жизнь мальчика, будущего царя Кира, была спасена пастухом Митридатом и его женой.

¹ «Волчица, кормящая близнецов грудью, была первоначально настоящая их мать и соответствовала волчипе Лято. Волк, считавшийся животным Марса, был сам бог в зверином образе» (Всев. Миллер. Очерки арийской мифологии, т. I: Асвины-Диоскуры. 1876, стр. 222).

² Licinius Macer. *op. liv.* I, 4 (см. также Энциклопедию Pauly-Wissowa, s. v. Romulus).

Последняя и заменила мальчику мать. Звали ее Σπαῖς, что по-мидийски, поясняет Геродот, значит 'собака'. (Геродот, I, 107—122). Впоследствии, рассказывает дальше Геродот, желая придать чудесный характер спасению Кира, воспользовались именем Σπαῖς и пустили молву, что Кира вскормила собака. Этот слух широко распространился в народе (I, 122). В действительности имело место, очевидно, обратное тому, что говорит Геродот: первоначальная легенда говорила о происхождении Кира непосредственно от тотема-собаки; и лишь впоследствии предание было рационализировано в том направлении, что слово «собака» (Σπαῖς) было истолковано как собственное имя воспитавшей Кира пастушки.

Перенесемся теперь с берегов Тибра на берега Терека и познакомимся с легендой, которую рассказывают в Осетии о происхождении полумифического, когда-то могущественного, а ныне исчезнувшего народа нарттов. Родоначалником нарттов, по этой легенде, был некий почтенный муж, имя которого я позволю себе до поры до времени утаить от читателя. У этого мужа было два сына-близнеца, 'Xsar и 'Xsærtæg. Преследуя чудесную птицу, которая похищала яблоки из принадлежавшего их отцу сада, они пришли к берегам отдаленного моря. Чудесная птица оказалась красавицей, дочерью морского царя, и один из братьев, именно 'Xsærtæg, взял ее себе в жены. Здесь между братьями, на почве ревности, произошла ссора, и 'Xsærtæg убил 'Xsar'a, а потом в порыве раскаяния покончил и с собой. Беременная жена 'Xsærtæg'a вернулась в отчий дом и родила двух близнецов (опять близнецы!), Wyryzmæg'a и Xæmuc'a. Так было положено начало могущественнейшему из нарттовских родов, который по имени ближайшего предка и называл себя 'Xsærtægkatæ, т. е. Хсартаговы.¹

¹ Изложенная здесь версия легенды представляет результат сопоставления и критического анализа четырех известных мне вариантов: 1) запись Кайтиазова (СМОМПК, VII, отд. II, стр. 3 сл. = Dumézil, Lég. sur les Nartes, 20 сл.), 2) Памятники нар. творч. ос. II, 5 сл. = Dumézil 23, 3) Пам. Юго-осет. нар. творчества I, 5 сл. и 4) моя запись летом 1934 г. в сел. Тли Южной Осетии от сказителя Илико Маргиева (готовится к опубликованию). Сравнительный анализ этих четырех вариантов, а также связанных с ними других фактов и сюжетов нарттовского эпоса, позволяет легко устранить противоречия и путаницу, возникшую на почве обычной в фольклоре позднейшей контаминации и перекрещивания различных сюжетных линий. В варианте 4-м отец близнецов называется Bora — явная несуразность, так как фамилия Boratæ со своим эпонимом Bore или Bura-Færnyg во всем эпосе четко противопоставляется фамилии Xsærtægkatæ, происходящей от одного из наших близнецов. В варианте 3, на красавице женится и убивает брата не Xsærtæg, а Xsar, следовательно Xsar оказывается отцом Wyryzmæg'a и Xæmuc'a и родоначалником фамилии — опять очевидное недоразумение, так как в этом случае фамилия называлась бы Xsaratæ ('Хсаровы'), а не Xsærtægkatæ ('Хсартаговы'); напомним, что и в балкарском варианте отцом Uryzmek'a считается Saurtuk = осет. Xsærtæg. С устранением этих противоречий и неувязок мы и получаем изложенную нами версию, которую можно рассматривать как первоначальную.

Отметив пока наличие в обеих легендах, италийской и осетинской, некоторых общих черт, именно мотива близнецов и мотива братоубийства, мы оставим на время в покое и римлян и нартов и займемся именами некоторых хищных животных в индо-иранских языках.

Индо-иранский мир в древности знал трех крупных хищников: волка, лисицу и медведя. Из них в осетинском удержались иранские названия для двух последних:

ос. *rivas*, *robas* 'лисица' = санскр. *lōpāśa-*, н.-перс. *rōbāh*, гр. ὄλωπιζ.

ос. *ars* 'медведь' = ав. *arša-*, санскр. *ṛkṣa-*, гр. ἄρκτος, лат. *ursus*.

Что касается иранского названия волка, то считается, что оно бесследно исчезло в осетинском, вытесненное словом *birāh*, *berāh*, усвоенным будто бы из турецкого (сев.-тур. *bōri*, *bürü*, *bürü*, ср. русск. *бурюк*).¹ Попробуем, однако, установить, как должно было бы звучать в осетинском общеарийское (и общеиндоевропейское) название волка, если бы оно сохранилось. Такая задача не представляет особых трудностей при наличии древнеарийских форм и при знакомстве с исторической фонетикой осетинского языка. Имеем следующий хорошо известный ряд: с. *vṛka-*, ав. *vəhrka-*, согд. *wyrk-*, нам. *urk*, др.-болг. *вѣлкѣ*, русск. *волк*, лит. *wilkas*, нем. *Wolf*, гр. λύκος, лат. *lupus* (под сомнением) и др.

Исходя из древнеарийского *vṛka-*, можно построить осетинскую форму почти безошибочно.

Начальное *v* дает в осетинском *w* (с. *vāta-* = ос. *wad* 'ветер').

Древнеарийское слоговое *r* также не представляет в данном случае затруднений. В отличие от других иранских языков, где этот звук дает весьма пестрые и разнообразные рефлексy: *ar*, *arə*, *ər*, *ərə*, *ir*, *ur* и др., в осетинском его судьба весьма устойчива и однообразна: он отражается в осетинском (в зависимости от утраты или сохранения последующего гласного) либо как *ar* (с. *rtā-*, др.-перс. *arta-* = ос. *ard* 'клятва'), либо как *ər* (*är*) (с. *prcch-* = ос. *fərs-* 'спрашивать').²

¹ С тех пор как нам стали доступны памятники новооткрытого восточно-иранского языка, так наз. хотанского или сакского, приходится с осторожностью относиться к возможности усвоения осетинского *birāh* из турецкого. Дело в том, что в сакском волк зовется *birgga* (= арийск. **vṛka-*), что гораздо приемлемее в качестве источника осетинского *birāh*, чем турецкие формы, которые не могут объяснить конечного *h* в осетинском. Наличие сакского слова в осетинском не должно нас удивлять, так как иранский слой осетинского и иранский слой сакского оба восходят к так наз. скифским, т. е. когда-то смежным древнеиранским диалектам.

² Иначе говоря «древнеосетинскую» форму названия волка следует восстанавливать в виде **varka-*, ср. др.-перс. *varkāna* — название страны Гиркании (при авестийском *vəhrka-*).

Наконец, арийское *k* дает в осетинском либо *g* (в Auslaut'e: с. *śōka* 'пламя' = ос. *sug* 'дрова'), либо *x* (в Inlaut'e: с. *asmākam*, *yusmākam* = ос. *tax*, *smax* 'мы', 'вы').

Таким образом на базе др.-арийского *vrka-*, древнеосетинского **varka-* мы должны были бы получить в осетинском для названия волка *warg* или *wærx-*. Присоединив к последней форме излюбленный осетинский именной суффикс — *-æg* (ср., напр., авест. *xara-* = осет. *xærag* 'осел' и др.), мы получим: *wærxæg*. Вот это самое *Wærxæg* и оказывается собственным именем родоначальника нарттов, отца близнецов 'Xsar'a и 'Xsærtæg'a, именем, которое было нами выше «засекречено».¹

Мы имеем здесь один из тех случаев, которые способны, хотя бы на короткое время, вселить в нас отрадное убеждение, что лингвистика есть точная наука. Подобно тому, как химик на основании периодической системы устанавливает свойства какого-либо еще неизвестного элемента, и впоследствии этот элемент бывает обнаружен со всеми теми признаками, которые были предсказаны; подобно тому, как астроном путем математических выкладок «предсказывает» существование планеты, которую потом обнаруживает глаз телескопа, — так мы на основе исторической грамматики установили закономерную форму якобы несохранившегося слова, а затем нашли и самое слово в предсказанной форме, правда, в не совсем обычном месте, но из дальнейшего будет видно, почему оно туда попало.

Коль скоро *Wærxæg* оказывается «Волком», параллель между римской и нарттовской легендой приобретает вдруг неожиданную эффектность и яркость:

- а) тут и там мы имеем один и тот же в конечном счете тотемический миф о происхождении племени от волка;
- б) в обеих легендах наличен мотив близнецов;
- в) в обеих легендах близнецы связываются с водной стихией;
- г) имена близнецов в каждой из легенд представляют вариации одной и той же основы: в латинском *rem-* || *rom-* — в осетинском *xsart-* || *xsært-*;
- е) в обеих легендах имя одного из близнецов образуется с помощью присоединения к переогласованной основе другого «уменьшительного» суффикса: в латинском *-ulus* (*Rem-us* — *Rom-ulus*), в осетинском *-æg* ('Xsar(t) — 'Xsærtæg);

¹ В. Абаев. О собственных именах нарттовского эпоса (Язык и Мышление, V, стр. 74). Нарращение *-æg* могло быть свойственно уже нарицательному употреблению слова *wærxæg* в значении «волк» (как в *xærag* 'осел'), но могло также характеризовать именно собственное имя в отличие от нарицательного; ср. осет. *Kudæg* — мужское собственное имя, рядом с нарицательным *kudæg* 'собака'.

f) наконец — даже такая деталь: в обеих легендах именно «уменьшительный» брат (*Romulus*, *'Xsærtæg*) убивает другого и полагает начало роду (*Romani*, *Xsærtægkatae*).

Столь поразительные черты сходства между двумя географически весьма удаленными друг от друга легендами способны в первую минуту привести в смущение. Считать их простой случайностью было бы в высшей степени неправдоподобно. Но, признав их не случайными, мы тем самым берем на себя задачу раскрыть их реальный смысл, а это является делом далеко не легким, хотя и не безнадежным.

Оставляя пока в стороне тотемическое ядро легенды, мы остановимся на некоторых других моментах.

Мотив близнецов имеет широкое распространение в мировом фольклоре, в частности в фольклоре индоевропейских народов.¹ Обычно видят в этом мотиве отражение космических мифов: о созвездии близнецов, об утренней и вечерней звезде, о солнце и луне, дне и ночи, молодой и старой луне и т. п. Так ли это или не так, но, принимая во внимание широкую распространенность близнецного мотива, естественно, казалось бы, легенду о Ромуле и Реме рассматривать в общей связи с другими аналогичными легендами и искать для их возникновения каких-то общих оснований и предпосылок в примитивной культуре и мышлении.

Однако не по этому пути пошли некоторые авторитетнейшие исследователи. Считая, что для основания города «достаточно» и одного человека (как будто легенды строятся по закону достаточного основания!), они стремятся наличие второго брата объяснить вмешательством случайных, чисто местных моментов, которые «осложнили» первоначальную версию с одним основателем.

Так, историк Т. Mommsen (*Gesammelte Schriften*, IV Bd. «Die Remus-Legende») не сомневается, что первоначально речь шла об одном основателе, Ромуле, и лишь позднее, в эпоху консульства, оформился миф о двух братьях как дань политической системе... двух консулов. Р. Kretschmer (*Remus und Romulus. Glotta*, I, 1909, стр. 288—303)

¹ Наиболее известны греческие Диоскуры и индийские Асвины; см. Gruppe. *Griechische Mythologie* I, 162, II, 727 сл.; Н. Oldenberg. *Religion des Veda*, 1894, стр. 207—215; А. Hillebrandt. *Vedische Mythologie*. Gruppe допускает, что миф об Асвинах-Диоскурах доиндоевропейского происхождения (op. cit., II, стр. 728). Из работ, посвященных специально культу близнецов, можем указать: Все в. Миллер. *Очерки арийской мифологии*, I. Асвины-Диоскуры; S. Eitrem. *Die göttlichen Zwillinge bei den Griechen*, Christiania, 1902; Bethe. Статья о Диоскурах в энциклопедии Pauli-Wissowa; Л. Я. Штернберг. *Античный культ близнецов при свете этнографии*. Сборник Музея антропологии и этнографии, III, стр. 133—189.

справедливо отвергает объяснение Mommsen'a как искусственное и «психологически неправдоподобное», тем более, что убийство одного брата другим в самом начале их градостроительной карьеры сводит на нет «консульский» смысл легенды.

Однако, что предлагает взамен сам Kretschmer? Я не могу отказать себе в удовольствии привести здесь вкратце ход его рассуждений как классический образец пресловутого «филологического метода». Прежде всего, Kretschmer убежден, что легенду о своем происхождении римляне слышали впервые... от греков. Почему? Ну конечно же потому, что у греческих авторов она засвидетельствована раньше, чем у латинских. Не естественнее ли однако объяснить это просто тем, что греки научились писать раньше римлян, а этруски вообще не додумались до того, чтобы записать свои сказки и легенды? Kretschmer рисует такую картину. Примерно в V веке до н. э. греки, придя в соприкосновение с Римом, сочинили по своему обыкновению легенду об эпониме, мужском (Ῥῶμος) или женском (Ῥῶμη). Услышав эту легенду, римляне переделали Ῥῶμος'a в *Remus'a*. Почему? Оказывается потому, что на расстоянии мили от Рима имеется холм *Remoria*, и у творцов легенды явилась непостижимая потребность увязать своего эпонима именно с этим холмом, а не с названием своего города *Roma*, для чего так прекрасно подходило бы имя *Romus* (= Ῥῶμος).

Вначале, следовательно, речь шла, по Kretschmer'у, только об одном основателе. Но этим основателем считался не Ромул, как думал Mommsen, а Рем.

Что же заставило, по мнению Kretschmer'a, присочинить Рему второго брата? Дело, видите ли, в том, что римляне скоро спохватились, что имя *Remus* по своей огласовке совершенно не подходит к названию *Roma* (а где они были раньше?) и тогда-то появился на сцену другой брат, *Romulus*...

Натянутость и беспомощность этих рассуждений таковы, что, подойдя к вопросу как «свежий» человек, я был просто изумлен: неужели это и есть тот хваленый метод, который нам превозносят как высшее достижение филологической науки?!

По аналогии с парными собственными именами в осетинском фольклоре (см. ниже), я считал имена *Remus* и *Romulus* вариациями одного и того же комплекса, наивной попыткой сделать из одного — два, и был рад, узнав, что такова же точка зрения Mommsen'a (op. cit.), Niese, (Hist. Zeitschrift, 59, 495) и Pais (Storia d'Italia, II, I, 1, стр. 214). Однако моя радость оказалась преждевременной, так как выяснилось, что

такое толкование имен *Remus* и *Romulus* опорочено W. Schulze и P. Kretschmer'ом, как противоречащее... звуковым законам: «Von *ō* zu *ē* kann nur die Willkür eine Brücke schlagen und ich begreife nicht, wie man solche Willkür in dem Prozesse der Sagenbildung und -umbildung an irgend einer Stelle psychologisch verständlich machen will».¹ Суждение это столь же категорично, сколь и неосновательно. В действительности образование парных собственных имен путем подобных вариаций представляет не только возможный, но самый обычный, можно сказать излюбленный прием народного творчества. При этом те, кто эти парные имена создают, меньше всего заботятся о том, чтобы их звуковые отношения отвечали в точности правилам, установленным в индоевропейской или латинской грамматике.

Я приведу ряд примеров из ближе мне знакомого осетинского фольклора:

'*Xsar* и '*Xsærtæg* — два близнеца;

Terk и *Turk* (дигор. *Tork*) — названия якобы двух народов, выступающих, однако, в эпосе всегда как один народ.²

Allon-Billon — название народа (из двух названий двух народов?).³

Argan-Aurgen — название народа (двух народов?).⁴

Burtæ и *Borætæ* — якобы две фамилии, в действительности два варианта названия одной фамилии.⁵

Tula и *Tulabeg* — имена двух привратников, охраняющих коня фамилии *Astæ*.⁶

Qajtar и *Bitar* — сыновья *Sozyrygo*.⁷

Acæ и *Acætæz* — отец и сын, герои нартовского эпоса.⁸

Tojtt и *Totyr*

Xusina и *Xasana* } воины *Nasran-Ældar'a*.⁹

Qajt и *Bajt*

Ærzæmajxæ и *Zimajxæ* — отец и сын (в нартовском эпосе).¹⁰

¹ W. Schulze. Zur Geschichte lateinischer Eigennamen, 219.

² Памятники юго-осетин. нар. творчества (в дальнейшем цитируется сокращенно — ПЮОс), I, стр. 135 сл.

³ См. Яфетич. Сборник, V, 107.

⁴ Памятники народного творчества осетин (в дальнейшем цитируется сокращенно — ПОс), II, стр. 26 сл.

⁵ «*Burtæ æmæ jyl Borætæ maryny vænd skodtoj*», «*Burtæ* и *Borætæ* задумали его убить», ПЮОс, I, стр. 62.

⁶ ПОс, II, стр. 73 сл.

⁷ ПОс., I, стр. 49.

⁸ ПОс., I, стр. 7 сл., II, стр. 56 и др.

⁹ ПОс., I, стр. 7.

¹⁰ ПОс., II, стр. 48.

<i>Dzendzet</i> и <i>Dzeranzet</i>	} существа подземного царства. ¹
<i>Mæxæmæt</i> и <i>Mæsæmæt</i>	
<i>Hæzdug</i> и <i>Færnug</i>	
<i>Xæmætqan</i> и <i>Sæmætqan</i>	

Сюда же можно отнести вариации в наименовании одного и того же лица. Так, отец хитрого *Syrdon*'а в нарттовском эпосе называется то *Bætæg*,² то *Gætæg*.³

Один из героев нарттовского эпоса зовется то *Bedzenæg*,⁴ то *Dedenæg*.⁵ Сын бога *Fælværa* носит имя то *Budzumar*,⁶ то *Dzudzumar*.⁷

Совершенно очевидно, что в каждой из приведенных пар одно имя варьирует другое. Попробуйте, однако, все эти вариации подвести под какие-либо звуковые законы! Только чередование гласных в именах *'Xsar* и *'Xsærtæg* и *Buræ* и *Borætæ* согласуется со звуковыми законами осетинского языка. О всех остальных парах W. Schulze мог бы сказать то же, что он говорит о *Remus* и *Romulus*, что между ними «nur die Willkür eine Brücke schlagen kann». Правда ли, однако, что образование их основано на полном произволе? Конечно нет. Для каждой из приведенных вариаций имеются несомненно реальные основания, но этих оснований надо искать не в звуковых законах, которые как раз в сфере культа, мифа и фольклора пасуют часто самым позорным образом, а во всей совокупности реальных условий формирования данного фольклорного продукта.

Общим условием возникновения подобных парных имен я считаю ту тенденцию примитивного мышления, по которой тот или иной предмет, явление или личность может диффузно мыслиться одновременно и как один и как два.⁸ Следуя этой потребности, народное творчество дает подобным парам имена, которые одновременно и похожи и различны. При этом оно идет неодинаковыми путями. В одних случаях одно имя представляет более или менее закономерную модификацию другого. Так, имя *'Xsærtæg* образовано от имени *'Xsar(t)* с помощью употребительного суффикса *-æg* и с закономерным ослаблением гласного основы: *a* → *æ*.

В других случаях оба имени представляют две диалектальные разновидности одного и того же имени. Так, имена *Burtæ* и *Borætæ* представляют

¹ Из «Посвящения коня мертвому», записанного Вс. Миллером, Ос. Эт., I, стр. 109.

² Напр. ПЮОс., I, стр. 168.

³ Напр. ПОс., I, стр. 47.

⁴ Напр. ПОс., I, стр. 52.

⁵ Напр. ПОс., II, стр. 32 сл.

⁶ Напр. ПЮОс., II, стр. 98.

⁷ В рукописных материалах Юго-Осетин. института краеведения.

⁸ Типичным персонажем этого рода является двуликий Янус в Риме.

две разновидности названия известной нартовской фамилии: первая форма, *Burtæ*, идет по норме иронского (вост.-осетинского) диалекта, вторая, *Borætæ*, по норме дигорского (зап.-осетинского).

В такой паре, как *Tula* и *Tulabeg*, второе имя образовано от первого с помощью часто встречающегося в осетинских собственных именах элемента *beg* = тур.-монг. *beg* (титул).

Однако возможны и такие случаи, когда задача — составить пару сходных имен для обозначения чего-то, что является одновременно и одним и двумя — разрешается путем скрепления в одну пару двух сходных имен, из которых каждое имело до этого свое самостоятельное и независимое от другого существование. Такова, повидимому, пара *Terk* и *Turk*, где в первом имени мы опознаем название реки Терека, а во втором — название народа турок.

Таковы же имена *Xusinae* и *Xæsanæ*, отражающие арабскую пару Гусейн и Гасан.

Какой из указанных путей привел к образованию пары имен *Rēmus* и *Rōmulus* — трудно судить, так как имена эти, как убедительно показал тот же Schulze, идут из этрусского языка, о котором мы так мало знаем. Возможна как вариация одного и того же имени, так и объединение двух первоначально независимых имен по признаку их внешнего сходства.

Schulze и Kretschmer не допускают чередования *ō* и *ē* для латинского. Но спрашивается, почему этрусские имена должны подчиняться латинским звуковым законам? Не потому ли, что легенда дошла до нас в латинской редакции? Одной из больших заслуг Н. Я. Марра является то, что он ясно и неотразимо показал ненаучность и абсурдность датировки языковых и фольклорных фактов на основании письменных памятников. Для нас просто смехотворна датировка легенды о Реме и Ромуле IV веком до н. э. на том основании, что она дошла до нас в памятниках этого времени (Kretschmer, op. cit., стр. 296). Что сказали бы об ученом, который датировал бы создание русских былин XIX веком на том основании, что они записаны в этот период! Но классическая филология, которая пользуется репутацией лучшей и передовой в методологическом отношении филологии, с бесконечной наивностью принимает сплошь и рядом даты письменных памятников за даты содержащихся в них фактов и материалов.

Если имена *Roma*, *Romulus*, *Remus* восходят к этрусскому, если мотив волчицы-кормилицы засвидетельствован в этрусских памятниках материальной культуры,¹ если, наконец, основные мотивы легенды имеют

¹ Pauly-Wissowa, Realencycl. d. class. Alt., II, 1, стр. 1081.

широчайшее распространение за пределами Италии, то какие у нас основания считать легенду латинским или греческим продуктом и датировать ее IV или V веком? Если исключить элементы позднейшей рационализации, то весь характер легенды свидетельствует об ее глубокой древности. В ней нет ни одной черты, которая не шла бы по испытанным путям первобытного мифотворчества. Такие легенды не создаются путем нагромождения случайностей. И задачей науки как раз и является вскрыть закономерное и общее там, где с первого взгляда можно усмотреть лишь случайное и местное.¹ В свете палеонтологии мифа и сравнительного мифологического и этнографического исследования итальянская легенда разясняется как типичный, можно сказать классический, фольклорный продукт определенной и весьма древней стадии.

Мотив близнецов, как мы уже отмечали, уводит нас к тем примитивным формам сознания, когда нет еще четкой дифференциации одного и двух, когда один и тот же объект может мыслиться одновременно и как единое и как двойное. Космические представления об утренней и вечерней звезде,

¹ Мы, работники нового учения о языке, держимся того убеждения, что вся так наз. «доисторическая» культура человечества развивалась в строгой закономерности, переходя от одной стадии к другой, соответственно смене хозяйственных и общественных форм. Эту закономерность мы стремимся вскрывать в развитии идеологических надстроек раннего человечества, его мышления, его речи, его мифов, его «религиозных» воззрений. Мы считаем, что наука, которая только описывает и констатирует, которая не устанавливает закономерностей, не есть наука, безразлично идет ли речь об естественных или общественных явлениях. Наша точка зрения в этом вопросе диаметрально противоположна, следовательно, точке зрения тех неокантианских философов (Rickert'a, Windelband'a и др.), которые проводят непреходимую границу между науками о культуре и естественными науками, считая, что лишь последние занимаются общим, тогда как первые — индивидуальным. (См. Н. Rickert: *Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung*, 2 части, 5 изд. 1929; его же, *Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft*, 7 изд. 1926 г.; W. Windelband, *Geschichte und Naturwissenschaft*, 3 изд. 1904 г.). Если бы общественные науки и в самом деле не обобщали, не «генерализировали», они не имели бы никакого права называться науками. Без обобщения нет науки. Правда, мы знаем, что у всякой науки бывает свой младенческий период, когда она в силу своей незрелости только описывает и «индивидуализирует», что никакое вообще «генерализирование» невозможно, пока почва для него не подготовлена рядом «индивидуализирующих» описаний. Но мы знаем и то, что, когда в этом ряду описаний оказываются хотя бы два факта таких, которые открывают «окошечко» для сравнения и обобщения, ум наш неизбежно и бесповоротно устремляется в него, и не только писания Рикерта и Виндельбанда, но никакие вообще силы не способны удержать его от этого естественного пути. Мысль любит находить повсюду общее и закономерное, ибо в этом и заключается радость познания. Любовь к общему и любовь к индивидуальному не противоречат друг другу, ибо представляют лишь два выражения любви к действительности, в которой общее так же реально, как и единичное...

Белика и пока с этой стороны недостаточно оценена заслуга Н. Я. Марра, который ввел железную идею закономерности в кажущийся хаос идеологических надстроек человечества на громаднейшем, во многих отношениях решающем периоде его развития, в так называемой доистории.

о солнце и луне и пр., не будучи источником близнечного мотива, могли несомненно давать пищу для его мифологического оформления. Убеждение в чудесном, сверхъестественном характере самого факта рождения близнецов, отмечаемое Л. Я. Штернбергом у многих примитивных народов (см. его в высокой степени интересную и поучительную работу «Античный культ близнецов»), могло способствовать тому, что близнецы охотно возводились в роль родоначальников племени или даже человечества (Озирис и Изиды, Яма и Ями).

Мотив превосходства одного близнеца над другим и убийства одним из братьев другого можно также вслед за Л. Я. Штернбергом связать с теми первобытными представлениями, согласно которым рождение близнецов имеет место при «оплодотворении матери двумя участниками, из которых один — настоящий отец близнецов, другой — тот или другой дух, то или другое божество; при этом чаще всего принимается, что ребенок, вышедший первым из утробы матери — происхождения человеческого, а второй — «божественного» (Античный культ близнецов, 177). Это последнее обстоятельство и находит, повидимому, отражение в той особенности интересующих нас легенд, что в них именно на долю «уменьшительного», т. е. младшего брата (*Romulus*, *'Xsartæg*) выпадает преимущество остаться в живых и положить начало городу и племени.¹

Мы видим, таким образом, что не только общая близость осетинской и итальянской легенды, но даже разительные на первый взгляд совпадения в деталях не дают никакого основания говорить о заимствовании осетинами у римлян или обратно, или об унаследовании легенды из какой-то общей прародины. Мотив близнецов вместе со всеми частностями не связан с какой-либо ограниченной, индоевропейской или иной, средой. Это — фольклорный мотив общечеловеческого значения, в котором этногоническая легенда скрывает черты весьма древних идеологических представлений (недифференцированность понятий «единого» и «двух») и социальных отношений (групповой брак).²

Вернемся теперь к тотемическому субстрату интересующих нас легенд. Если итальянское предание о Ромуле и Реме сохраняет даже в дошедшей до нас рационализованной форме тотемические черты, весьма яркие

¹ Уместно напомнить, что вообще в фольклоре, в сказках младший брат всегда имеет превосходство над старшими. Для мотива братоубийства ср. также библейский рассказ о Каине и Авеле.

² Диаметрально противоположная точка зрения Всева Миллера может быть теперь воспринята лишь как курьез: «Очевидно, что тип божественных братьев-близнецов не был создан независимо греками, итальянцами, индусами, а восходит в глубокую древность, к периоду общей жизни индоевропейских народов» (Асвины-Диоскуры, стр. 243).

и прозрачные, то в осетинской легенде эти черты вскрываются лишь в результате лингвистического анализа собственного имени родоначальника нартского племени *Wærægæg*. В связи с этим уместно поставить вопрос, имеются ли у осетин какие-либо другие пережитки тотемизма вообще и тотемического культа волка в частности. Не имея в виду углубляться здесь в проблему тотемизма у осетин, что могло бы быть предметом особой работы, я обращаю внимание только на несколько характерных фактов:

1. В Даргавском ущелье Осетии уже давно отмечен культ барана (*Fyry džuar*).¹

2. Существование культа быка (*Galy džuar*) также засвидетельствовано в Осетии.

3. В культе грозового божества *Wacilla* настолько большую роль играет козел, что возникает мысль, не является ли тотемический культ козла древнейшей формой этого культа.

4. В осетинских фамильных преданиях встречаются мотивы, связывающие происхождение рода с каким-нибудь животным; так, род Хугаевых в Южной Осетии считал своим родоначальником медведя.

Переходя специально к культу волка, следует указать, во-первых, что одно из самых почитаемых в прошлом «христианизованных» божеств, именно *Tutyr* (диг. *Totur*), считалось покровителем волков.² В фольклоре осетин волк является яркой и весьма активной фигурой. В одной любопытной песне, записанной в Южной Осетии, волк рисуется как существо светлого мира и гроза темных сил и в этом отношении приравнивается самому *Wacilla*, громовому божеству.³ В нартских сказаниях кони, возвращенные чертями в подземном мире, не выносят вида волка и даже волчьей шкуры, что опять-таки рисует волка как врага бесовских сил. Купанью в волчьем молоке приписывается особая магическая сила: оно делает человека неуязвимым.⁴

В одном нартском сказании герой, *Sæwaj*, подобно римским близнецам выкармливается волками.⁵

В обычном праве осетин переступание через горящую волчью жилу применялось как одно из наиболее сильных средств для обнаружения преступника (так наз. ордалия). Если обвиняемый не решался переступить, то это рассматривалось как доказательство его виновности.

¹ В. Миллер. Осетинские этюды, II, стр. 252.

² Там же, стр. 243.

³ «*Хæрæдžыты зарæг*» («Песня чертей»), Памятники юго-осет. нар. творчества, II, стр. 115.

⁴ Dumézil. Légendes sur les Nartes, p. 111.

⁵ ПОО, I, стр. 27 сл.

Дальнейшие разыскания могли бы пополнить перечень подобных фактов. Но вряд ли в этом имеется надобность. Хорошо известно, что волк являлся вообще излюбленным тотемным животным у народов северных и средних широт. Анатолийские турки связывают свое происхождение с волчицей, почему на турецком знамени и изображена волчица. В «Сокровенном сказанье» монголов, представляющем по существу монгольский национальный эпос, говорится, что начало роду, к которому принадлежал Чингис-хан, положили «пегий волк» и «прекрасная маралуха».¹

У ительменов (камчадалов) волк не только является предметом тотемического культа, но считается, как и в легенде о Ромуле и Реме, отцом божественных близнецов.² Вряд ли этот мотив вынесен ими из какой-то общей с римлянами прародины.

Популярнейшим тотемным животным является волк и у североамериканских индейцев, как можно убедиться, просматривая хотя бы списки тотемических групп в «Древнем обществе» Моргана.

О большой тотемно-культовой роли волка говорит несомненно и обилие собственных и фамильных имен, содержащих его название, в частности в индоевропейских языках.³ Одной из весьма немногих «зоофорных» фамилий, какую мы встречаем в Осетии, является фамилия *Biræhtæ* «Волковы».

На Кавказе явственные следы тотемической роли волка отмечает Н. Я. Марр у мегрелов,⁴ стоявших, повидимому, в прошлом в особо близких отношениях к осетинам.⁵ В качестве эпонимного героя выступает у мегрелов *Geria*, имя которого представляет точный эквивалент осетинского *Wærxæg: geræ* 'волк', плюс «уменьшительный» суффикс *-a*, соответствующий осетинскому суффиксу *-æg* в слове *Wærxæg*.

Популярнейшим из зверей является волк также в фольклоре восточных соседей осетин — чеченцев. В одной чеченской песне поется: «Волк щетинится в ту ночь, когда мать рождает чеченца» (Услар II, 2, стр. 82). Эти слова являются несомненно отзвуком какого-то тотемического мифа.

Все сказанное дает нам, думается, право предполагать, что, даже независимо от вскрытого лингвистическим анализом тотемического ха-

¹ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, 1934, стр. 5.

² Л. Я. Штернберг, *op. cit.* стр. 168.

³ См. O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, 2-е изд. под ред. A. Nehring'a, II, стр. 667—668. В «Словаре древне-русских личных собственных имен» Н. М. Тупикова, мы находим около сорока «Волков». *Λύκος* и производные от него имена и эпитеты в большом числе встречаются и в греческой мифологии (см. G Gruppe, Griechische Mythologie, т. II, стр. 1810—1811).

⁴ Термин «скиф». Избранные работы, V, стр. 41—42.

⁵ См. В. И. Абаев, *Alanica*, Изв. Акад. Наук, 1935, № 9, стр. 883.

рактера легенды о происхождении нартвов, допущение для осетин тотемического культа волка в прошлом не заключает в себе ничего произвольного или неправдоподобного. Анализ же имени *Wærxæg* делает такое допущение в высокой степени обоснованным. Позднейшая рационализация мифа превратила волка-*wærxæg*'а в человека, носящего имя *Wærxæg*. Совершенно так же в греческом мифе об Антиопе муж последней и отец близнецов Амфиона и Зетоса носит имя Λύκος т. е. «Волк»; в мифе о рождении Кира вскормившая его женщина зовется Σπαχα, т. е. «Собака», а в легенде о Ромуле и Реме Акка Ларенция носит прозвище *Lupa* 'Волчица'.

Остается еще выяснить один вопрос: почему в осетинском слово *wærxæg* совершенно не сохранилось в нарицательном значении «волка»? Обстоятельство это не может нас несколько удивить, если мы вспомним, что неразлучным спутником тотема является табу. Наричательное *wærxæg* 'волк' было изгнано из обихода именно потому, что оно было названием тотема и потому попало под запрет, под табу.

Известно, что в славянских, балтийских и германских языках не сохранилось общеиндоевропейское название медведя. Известно, что в кельтских языках не сохранилось общеиндоевропейское название волка. Объяснение этому факту справедливо ищут в словесных запретах, налагаемых на названия некоторых животных у примитивных народов.¹ Такими животными были несомненно в первую голову тотемные животные, игравшие особую роль в примитивно-религиозных представлениях. Существовало убеждение в таинственной связи между племенем и данным животным. Названию животного приписывалась особая магическая сила, название этого животного подпадало под табу, под запрет, частичный или полный, и с течением времени могло совершенно исчезнуть из обихода и быть забытым. Однако, поскольку с данным животным приходилось иметь дело в практике жизни, нужно было какое-то слово для его обозначения. В таких случаях животное обозначалось либо иносказательно по какому-нибудь своему характерному свойству или признаку, либо заимствовалось его название из другого языка. По первому пути пошли, например, славянские, балтийские и германские языки в обозначении «медведя». Русское *медведь* с его соответствиями в других славянских языках значит «медо-ед», «любитель меда». Балтийские названия «медведя» (лит. *lökys*, латыш. *lācis*) связываются

¹ O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, 2-е изд., под словом «Bär» (I, стр. 81) и под словом «Wolf» (II, стр. 668); см. также A. Meillet, Quelques hypothèses sur des interdictions du vocabulaire dans les langues indo-européennes (Linguistique historique et linguistique générale, 1921, стр. 281—291).

с значением «лизать». Наконец германские названия «медведя» (нем. *Bär*, англ. *bear*, др.-в.-нем. *bēro*) разъясняются как 'коричневый', 'бурый'.¹

В некоторых русских диалектах вместо общерусского (и общиндоевропейского) названия волка, употребляют «бирюк», из сев.-тур. *bürü*, что следует несомненно объяснять запретом на слово «волк», так как трудно допустить, чтобы слово «волк» было вообще искони неизвестно в этих местах.

По этому пути усвоения чужого термина вместо попавшего под запрет своего пошел, очевидно, и осетинский, заменив старое название волка **wærg*, **wærx-*, **wærxæg* усвоенным у соседнего иранского («сакского») племени *biræh* (см. выше, стр. 320). В этом факте мы вправе видеть, следовательно, еще лишнее подтверждение тотемной роли волка в прошлом у осетин.

Выводы, к которым мы пришли в осетинском, весьма поучительны для нас с точки зрения важности и плодотворности сочетания лингвистического анализа с фольклорным и культурно-историческим. Мы видим на судьбе термина *wærxæg*, что табуированное, вытесненное из обихода слово вовсе не обязательно исчезает бесследно из языка. Оно может в известных случаях сохраняться как бы в законсервированном виде. Но где? Конечно там, в той области, где жизнь слов протекает в особых, специфических условиях, в области культа, мифа и фольклора. Подобно тому как некоторые древние предметы обихода, орудия и пр., вытесненные из употребления новыми предметами и орудиями, становятся нередко предметами культа, и в этой роли переживают столетия, так табуированные слова находят себе прибежище в культе и фольклоре, превращаясь из нарицательных в собственные, становясь именами богов, мифических героев, эпонимов и пр. Было бы любопытно пересмотреть религиозный и мифологический ономастикон различных народов под этим углом зрения. Было бы любопытно в частности проанализировать, не скрываются ли в неразъясненных собственных именах культа и фольклора старые названия животных, вытесненные из обихода под воздействием табу, но уцелевшие в самой консервативной надстроечной области, в области религии и мифологии. Подобных попыток в широком масштабе, насколько нам известно, не делалось. А между тем, по нашему убеждению, некоторая часть темных и загадочных имен и терминов получила бы разъяснение на этой основе.² Ведь

¹ O. Schrader, op. cit., I, стр. 81.

² Характерно, что такой ученый, как Н. Usener в своей обширной монографии «Götternamen», 1896, совершенно не ставит вопроса о происхождении имен богов из названий животных как общей проблемы. Больше того, не допуская, очевидно, и мысли о тотемистическом субстрате в античных культах и мифах, он рассматривает толкование мифологического имени *Διός* в смысле «волк» как «Gaukelspiel der Volksetymologie» и в категорической

имеем же мы ряд бесспорных случаев, когда в именах божеств и героев скрываются названия животных. Укажу, помимо приведенных выше примеров с «волком», на библейские имена *Zeʿeb* 'Волк' — имя мидианитского племенного вождя (Кн. Судей 7, 25; 8, 3), *ʿōreb* 'Ворон' — собств. имя (там же), *Baʿal Zebūb* Вельзевул, букв. 'бог-муха'; в Египте — *b(a)ʿ* () 'баран', эпитет бога, *nm-wtt* ( )', где *wtt* — 'змея', название богини плодородия и др.¹

В виде опыта истолкования культовых собственных имен, как табуированных названий тотемных животных, я позволю себе предложить здесь еще несколько разъяснений этого порядка.

В разъяснении легенды о Ромуле и Реме мы исходили из бесспорного для нас положения, что эта легенда имеет тотемистический характер и что волк в какую-то эпоху играл на итальянской почве роль тотемного животного. В связи с этим, старое латинское название волка могло быть, как в осетинском, табуировано и изгнано из обихода. Так оно в действительности и есть. Латинское название волка *lupus* хотя и связывается с общиндоевропейским, но имеет форму не характерную для латинского языка, а усвоенную из другого итальянского диалекта (сабинского).² [Иначе говоря мы имеем точно такую же картину как в осетинском. Как здесь вместо табуированного слова усвоено название волка из соседнего иранского же языка (условно говоря «сакского»), так и в латинском вместо ожидаемой закономерно латинской формы находим форму соседнего итальянского же говора.] Закономерная латинская форма названия волка должна была звучать **volq^{us}*, **vulq^{us}* (если исходить из арийских, славяно-балтийских и германских форм этого слова) или **luq^{us}* (если исходить из греческого λύκος). Не сохранилась ли эта чисто-латинская форма названия волка где-либо в религиозном или мифологическом ономастиконе римлян?

Форме, но без серьезных доказательств, утверждает, что в этом имени отражена не индоевропейская основа *wluk-* 'волк', а основа *luk-* 'свет', хотя последняя прекрасно сохранилась в греческом в форме λευκ-, λευκός. С забавной претенциозностью он заявляет: «Es ist kaum glaublich, wie viele Thorheiten auch von neueren Gelehrten durch Verkennung dieser Radikalmetapher von *luk-* und *wluk-* begangen worden sind» (стр. 198 сл.). Если понимание λύκος как 'волк' есть народная этимология, то придется признать, что в народных этимологиях бывает часто больше здравого смысла и чувства действительности, чем в этимологиях, вышедших из ученых кабинетов.

Отметим попутно, что спор о том, имеем ли мы в данном случае дело с «волком» или «светом» имеет только лингвистический интерес. В плане мифологическом противопоставление «волка» «свету» лишено смысла, так как волк, как и всякое тотемное животное, мог мыслиться и действительно мыслился как олицетворение солнца, неба, света и пр.

¹ Приведенными семитическими и египетскими примерами я обязан любезному осведомлению ныне покойного проф. И. Г. Франк-Каменецкого.

² A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch; A. Ernout et A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine, 1932.

Нам не придется долго искать. Такое имя существует и оно всем хорошо известно. Это имя бога-кузнеца *Volcanus*, *Vulcanus*, в котором мы легко опознаем теоретически добытое **volc-us*, **vulc-us* 'волк', осложненное хорошо известным латинским суффиксом *-an-*. (К. Brugmann и В. Delbrück. Grundriss d. vergl. Gramm. d. i.-g. Schpr., 1906, т. II, ч. 1, стр. 280).¹

С точки зрения генезиса религиозных представлений римского народа смысл предлагаемого нами разъяснения имени *Vulcanus* заключается в том, что культ бога-кузнеца у римлян был преемственно связан с тотемическим культом волка, приведшим к исчезновению из языка чисто латинской формы названия этого хищника.

Возвращаясь теперь к осетинскому, мы и здесь находим культ бога-кузнеца, имя которого, как и имя латинского Вулкана, не имеет удовлетворительного разъяснения. Обычная форма его — *Kurdalægon*, где осмысливается только элемент *kurd* 'кузнец'. Однако на ряду с этой формой находим *Kurdalæugon* и далее *Kurd-Alæ-Wærgon*.² Считая последнюю форму, как наиболее полную, первоначальной, мы из нее и исходим в разъяснении этого термина. Не нужно особо глубокого анализа, чтобы увидеть, что элемент *Wærgon* в осетинском представляет и по форме и по содержанию безупречный, можно сказать идеальный эквивалент латинского *Vulcan-us*. *Wærg-* представляет закономерный вариант староосетинского названия волка (см. выше стр. 321), а *-on* — живой, адъективный суффикс, точно отвечающий латинскому суффиксу *-an*. Из остальных элементов, входящих в имя осетинского бога-кузнеца, *kurd* значит 'кузнец', а *alæ* возможно — *arya*, т. е. «аланский».³

Поразительная близость лат. *Vulcan-* и осет. *Wærgon* и вероятная связь этих имен с названием волка могут, как нам представляется, войти как существенное звено в наши осетино-италийские параллели.⁴

¹ Мы не касаемся здесь имеющихся попыток разъяснения лат. *Volcanus*, так как несостоятельность этих попыток признается специалистами (см., напр., А. Ernout et А. Meillet, Dict. étym. de la langue latine, 1932, стр. 1086). Трудно, в самом деле, считать разъяснением сопоставление латинского слова с названием критского божества *Γελάνας*, которое само оказывается еще более темным, чем *Volcanus*.

² Памятники народного творчества, II, 42, 10.

³ См. В. Абаев. Осетинские термины *iron*, *allon*, Яфет. Сб., V, стр. 106.

⁴ Если антропоморфные боги выступают часто как преемники тотемных животных, то естественно предполагать, что в этой преемственности не все случайно, что есть какая-то закономерность, в силу которой данный «бог» имеет своим тотемным предком именно данное животное, а не другое. С этой точки зрения показательно, что бог-кузнец и в латинском и в осетинском связан повидимому с тотемом-волком. В нартовском эпосе эта преемственность получает яркое реальное подтверждение. В одном сказании купанью в волчьем молоке приписывается сила делать человека неуязвимым (*Dumézil*, стр. 111); иначе говоря такое купанье заменяет закалку, т. е. то, что впоследствии (в тех же нартовских сказаниях) выполняется богом-кузнецом. Преемственность между богом-кузнецом и волком оказывается, таким образом, не только формальной, по названию, но и реальной, по функции.

Исходя из нашей гипотезы о происхождении некоторых культовых и мифологических имен из названий тотемных животных, попробуем еще подойти к разъяснению одного темного имени, уже из области славянских языков. Я имею в виду имя древнерусского божества *Хорс*.

Выше мы отмечали, что славянские языки не сохранили общеиндоевропейского названия медведя и что этот факт справедливо объясняется действием табу. Попробуем установить, как должно было звучать в славянском общеиндоевропейское название медведя, если бы оно сохранилось. Задача не представляет особых трудностей. Исходя из санскр. *ṛkṣa-*, авест. *arša*, осет. *ars*, лат. *ursus*, мы можем построить славянскую форму в виде **orsŭ*.

Со всей осторожностью, какая подобает в данном случае неспециалисту, я решаюсь сблизить это теоретически восстанавливаемое славянское название медведя с именем древнерусского бога *Хорса*. Трудности, которые ставит такому сближению начальное *x* в *Хорс*, не кажутся мне непреодолимыми. Известно, что в ряде славянских языков, украинском, словинском, наращение в начале спiranта *h* (г) является довольно обычным; ср. укр. *горих* (рядом с *орих*) 'орех', укр. и русск. *уж* (рядом с *уж*) 'гул', 'веревка', укр. и русск. *усеница* (из *усеница*), словин. *hykaš* 'икать', словин. *hugor* 'угорь', словин. *hudra* 'выдра', словин. *hrž* 'рожь', укр. *часнед* 'аспид', укр. и русск. *церб* (из **ерб* нем. *Erbe*), укр. *гармата* 'армада' и др.

Если к этому прибавить, что звонкий spirant может чередоваться с глухим (ср. укр. *гарный* и *харный*, *гайло* и *хайло* и др.), то можно, как нам представляется, перекинуть мост от **ors'a* к *Хорс'у*. Приходится также учесть, что фонетическая жизнь культовых терминов бывает очень часто подвержена явлениям, выходящим за рамки обычных закономерностей.

С точки зрения мифологической природы *Хорса* нельзя возразить ничего против предлагаемого нами толкования по той простой причине, что об этой природе почти ничего не известно.¹

В «Слове о полку Игореве», где *Хорс* однажды упоминается, он выступает в обществе волка,² что во всяком случае не препятствует тому,

¹ С. П. Обнорский в «Языке и литературе», III, стр. 253—254. Некоторые склонны видеть в нем солнечное божество, что не исключается и нашей интерпретацией, так как в качестве тотемного божества-медведя *Хорс* мог олицетворять небо, солнце, грозу и пр. О роли медведя в славянской мифологии интересные сведения находим у А. Афанасьева, «Поэтические воззрения славян на природу», I, стр. 386 сл.: «Животное это... попало в путаницу (sic! В. А.) мифических представлений и принято за символический образ богатого грома. Крестьяне говорят, что в день солнцеворота (12 декабря) медведь поворачивается в своей берлоге с одного бока на другой... Как представитель грома, медведь играет видную роль в народном эпосе... В народных сказках Перун выступает иногда в виде богатыря Ивана Медведка...» и т. д.

² «Всеславъ... самъ въ ночь вълкомъ рыскаше, изъ Києва дорискаше до куръ Тмутороканя; великому Хрѣсови, вълкомъ путь прерыскаше».

чтобы видеть в нем — в тотемистическо-мифологическом аспекте — медведя.¹

Предложенные нами в виде опыта разъяснения осет. *Wærxæg*, *Wærgon*, лат. *Vulcanus*, русск. *Хорс* имеют целью иллюстрировать нашу гипотезу о сохранении табуированных названий тотемных животных в мифе и фольклоре. Мы уверены, что на этом пути могут быть достигнуты существенные результаты и могут быть вскрыты факты более яркие и разительные, чем приведенные нами.

Основные выводы нашего исследования могут быть резюмированы следующим образом:

1. Между итальянской легендой о происхождении римлян и осетинской легендой о происхождении нартов (фамилии *'Xsærtægkatæ*) имеются весьма далеко идущие черты сходства.

2. Анализ сюжета итальянской легенды и анализ собственного имени (эпонима) *Wærxæg* осетинской вскрывают тотемический характер обеих легенд, причем в роли тотемного животного и там и тут выступает волк.

3. Мотив близнецов не является случайным ни для итальянской, ни для осетинской легенды, он имеет широчайшее распространение в мировом фольклоре и связан в конечном счете с недифференцированным восприятием единого и двух, единого и множества в мышлении ранних стадий.

4. Не являются случайными и изолированными также все отдельные частности и детали, столь разительным образом совпадающие в обеих легендах: способ образования собственных имен близнецов, мотив бегства матери, связь близнецов с водой, мотив братоубийства и пр.

5. Объяснения параллелизма между осетинской и итальянской легендой следует искать не в заимствовании из Италии на Кавказ или обратно, а также не в поисках какой-то осетинско-этруско-латинской прародины,

¹ Из предложенных до сих пор объяснений имени *Хорс* ни одно не получило общего признания (С. П. Обнорский, цит. раб., стр. 251 сл.). Последнее известное мне толкование (С. П. Обнорского в статье «Прилагательное *хороший* и его производные в русском языке», «Язык и Литература», III, стр. 241—258) связывает имя *Хорс* с осетинским *xorz*, (в статье ошибочно — *chors*) 'хороший'. Независимо от правильности нашего разъяснения все, что мы знаем о генезисе культовых и мифологических имен, заставляет нас отвергнуть этимологию С. П. Обнорского: так имена богов не возникают. Можно допустить, что отвлеченное понятие «хороший» образовалось от имени конкретного божества. Но обратно, — чтобы абстрактное понятие хорошего было усвоено в другом языке как конкретное мифологическое собственное имя, — для такого перехода нельзя вероятно найти ни одной аналогии в истории культов и религий всего мира. Отметим попутно, что в семантике осетинского *xorz* (более старое *xwarz*) нет ничего, что давало бы основание прямо или косвенно связывать его с культом и культовыми терминами.

а в путях единства и закономерности развития идеологических надстроек в примитивном обществе, в частности единства процесса формирования и развития мифологических сюжетов и мотивов.

Наша попытка анализа легенды о 'Xsar'e и 'Xsærtæg'e является первым опытом применения палеонтологического анализа к такому крупному по объему и интересу эпосу, как нартовский. Будучи палеонтологическим, наш анализ является вместе с тем сравнительным. Мы считаем, что противопоставление палеонтологического анализа сравнительному лишено всякого смысла. Палеонтологический метод противопоставит не «сравнительному методу» а формализму, безразлично выступает ли последний как «сравнительный» формализм или как чисто описательный и «индивидуализирующий».

Нартовские сказания уже были объектом сравнений с другими мифами и легендами: иранскими, русскими и др.¹ Но целью этих сравнений было либо установление влияний одних культур на другие, либо получение иллюстраций к космическо-мифологическим (солярной и метеорологической) теориям.

Наш анализ римской и осетинской легенд имел другую цель: показать, что не только в области социальных отношений, но и в сфере надстроечных, религиозно-мифологических построений из-за римлянина «выглядывает ирокез», т. е. что в формировании духовной культуры исторических народов участвовали повсюду одни и те же «доисторические» элементы.

В этом и заключается вообще одна из основных задач палеонтологического анализа, как он разрабатывается в новом учении о языке. На основе сравнительного анализа древнеримских социальных институтов с североамериканскими Ф. Энгельс приходит к выводу, что прообразом древнеримского общества служит общество ирокезов. Новое учение о языке, идя по этому же пути, показывает, что и в религии и мифологии римлян, если пройти к ее истокам, выступают черты ирокезского тотемизма, как в языке латинском скрываются в пережиточном виде некоторые структурные особенности ирокезского. Короче, — процесс развития идеологических надстроек на всем протяжении истории человечества в основных своих чертах един и закономерен.

¹ См. В с е в. М и л л е р, Экскурсы в область русского народного эпоса, 1892; G. Du-mézil. Légendes sur les nartes. 1930, стр. 151—209.

А. Я. БОРИСОВ

Новые данные о редакторе „Дивана“ Иехуды Галеви

Светская поэзия средневековых евреев, несмотря на ее несомненное историко-культурное значение и высокие эстетические достоинства, к сожалению, мало привлекает к себе внимание исследователей. Правда, до наших дней не прекращается начавшаяся еще в первой половине прошлого столетия работа по изданию наиболее крупных памятников ее, — работа, далеко не всегда выполняемая с достаточной степенью полноты и тщательности; однако до настоящего времени совершенно отсутствуют действительно-научные исследования, основывающиеся хотя бы лишь на изданном материале. Можно прямо сказать, что от нас сейчас бесконечно далека завершающая стадия изучения этой области, мыслимая как строго обоснованный исторически обзор общего развития средневековой еврейской поэзии; ведь, собственно, еще не начиналась и самая первая, предварительная и, так сказать, черновая стадия этого изучения — исследование языка и стиля того или другого поэта, предшествующее попытке построения хронологической схемы его стилистической эволюции и критическому овладению его литературным наследием, заключающемуся в умении, прежде всего, отличить подлинный памятник от псевдоэпиграфа.

При таком положении вещей несомненно, что каждый конкретный факт, — будет ли он касаться жизни и творчества того или иного поэта или только обстоятельств создания литературной традиции, сохранившей нам сборник его стихотворений, — заслуживает серьезного внимания. Моя настоящая заметка посвящена нескольким новым данным, относящимся к выяснению личности редактора сборников стихотворений двух крупнейших еврейских поэтов испанского периода — Иехуды Галеви и Авраама Ибн Эзры.

Среди еврейских рукописей II собрания А. Фирковича несколько лет тому назад мною были обнаружены два фрагмента неизвестного до сих пор сборника анакреонтических и панегирических стихотворений.¹ Бегло просмотрев материал этих фрагментов, я смог отметить наличие в них целого

ряда пьес из «*Taḥkemoni*» Иехуды ал-Харизи (напр., דורי שתה עמי בצל ננה — *Taḥk.* изд. А. Каминка, стр. 427; יין כאור עין אשר תמיד — *ibid.*, стр. 386; ובן שורק חשבתיו נאמן לי — *ibid.*, стр. 401; בת הנפנים יקרו דמיה — *ibid.*, стр. 239; וכל חדש מאד יערב וינעם — *ibid.*, стр. 401; אני חבר אחבר שיר — *ibid.*, стр. 109; עופר יפה מראה יפה עינים — *ibid.*, стр. 98; צבי החן אשר שכן בלבי — *ibid.*, стр. 408), одной пьесы из «*Divāna*» Соломона Ибн Габироля (ישרוני ועפעפיו כחולדה — изд. Бялика и Равницкого, III, стр. 48) и написанного рифмованной прозой «Спора воды с вином» некоего Иехуды бен Элии,² причем все эти пьесы включены в сборник анонимно, будучи снабжены лишь лаконичными заголовками: מחרך (= מַחֲרֵק), נשיר (= נָשִׁיר), ענק, שבח.³ Авторы остальных стихотворений (за исключением одного, о чем будет речь ниже) мне установить пока не удалось.⁴

Имя составителя этой антологии мы находим на первом листе ее, к счастью, вполне сохранившемся; здесь мы читаем следующее: פהרסן רחמים ממה עני בתצניפהא (sic!) אל מולא אל אנל הדרת רבי ישועה החזן השם אבתדי באשנאל רחמים יהיה בעזרו ויחבוש את שברו אוֹיֵר תצניף אל מולא אל אנל היצתמוֹ ישועה אל חזן הנצרך לרחמי צורו יהיה תצניף אל מולא אל אנל היצתמוֹ ישועה אל חזן הנצרך לרחמי צורו יהיה [ת]מִיד בעזרו רחמים לש וישב; составителем⁵ нашего сборника, следовательно, является Иешуа (ישועה) ха-Хаззан (или ал-Хаззан).

Имя это уже давно известно исследователям еврейской поэзии средневековья. Иешуа Хаззан — автор одного литургического гимна, вошедшего в состав триполийского махзора שפתי רננות (editio princeps — Венеция, 1648) и начинающегося словами: אמוני לבב הבינו; имя автора содержится здесь в акrostихе: אני ישועה חזן. Этому же лицу приписывают, обыкновенно, и составление другой литургической пьесы из того же махзора, начинающейся словами: יערב שיחי לפני קדוש и имеющей в акrostихе: ישועה [הלוי].⁶

Еще М. Sachs⁷ высказал предположение, что этот Иешуа Хазан триполийского махзора тождествен с последним редактором «*Divāna*» Иехуды Галеви, имя которого известно нам в форме Иешуа бен Элия Галеви (ישועה בן אליהו הלוי).⁸ Из принадлежащего этому лицу арабского предисловия к названному «*Divānu*» мы узнаём, что, помимо сборника стихотворений Иехуды Галеви, им же был составлен свод стихотворений Авраама Ибн Эзры (повидимому, тот самый «*Divān*» этого поэта, который дошел до наших дней и издан J. Egers'ом⁹). Кроме того, мы имеем основания, как это отметил М. Steinschneider,¹⁰ предположительно приписать ему же окончательное редактирование изданного А. Я. Гаркави «*Divāna*» Самуила Нагида.¹¹ Таким образом вполне определенно выясняется роль

Иешуи бен Элии Галеви как собирателя и знатока литературного наследства величайших еврейских поэтов Испании. Однако в пользу тождества этого лица с вышеназванным литургическим поэтом триполийского махзора до настоящего времени нельзя было привести ни одного довода, кроме общности имени Иешуа — יֵשׁוּעָ. Вот почему, вероятно, догадка М. Sachs'a, отмеченная в The Jewish Encyclopedia (XII, 600), пройдена молчанием в новейшей заметке об Иешуе бен Элии в Encyclopaedia Judaica (IX, 42).¹²

Найденные мною фрагменты придают предположению М. Sachs'a большую вероятность, так как они являются как бы посредствующим звеном между триполийским махзором и «Див'янами» Иехуды Галеви, Авраама Ибн Эзры и Самуила Нагида. С одной стороны, эти фрагменты содержат часть неизвестного доньине компилятивного сборника, составленного преимущественно из стихотворений крупнейших еврейских поэтов Испании (Соломон Ибн Габироль, Иехуда ал-Харизи), т. е. сборника, по существу, одного рода с названными «Див'янами»; с другой стороны, составитель нашего сборника носит прозвище «Хаззан», что дает нам право безоговорочно отождествить его с автором по крайней мере одной из двух отмеченных выше пьес триполийского махзора. Имея в руках несомненный продукт компиляторской деятельности Иешуи Хаззана, мы уже без колебаний можем приписать этому лицу и составление названных «Див'янов».

Следующий факт, как мне кажется, также подтверждает это заключение. В наш сборник, содержащий, как уже было сказано, анакреонтические и панегирические стихотворения, совершенно не входили, повидимому, соответствующие пьесы Иехуды Галеви и Авраама Ибн Эзры. Это обстоятельство, необъяснимое на первый взгляд, вполне понятно, если допустить, что составитель, средактировавший перед этим два вышеназванных «Див'яна», сознательно избегал вводить этот уже проработанный и систематизированный им материал в свои позднейшие компиляции.

Одно из анакреонтических стихотворений, содержащихся в обнаруженных мною фрагментах, несомненно принадлежит перу самого Иешуи Хаззана; это — строфическая пьеса (מִכְרָךְ), начинающаяся словами: עוֹרֶךָ מִדֶּר וּמִלֵּא בִּוּסִי = 'Друг мой, воспрянь, поспеши и наполни мой кубок'. Одна из строк этого стихотворения представляет особенный интерес; вот эта строка: שְׁמָעוּ שִׁירִי אֲנִי יֵשׁוּעָ הָזֶן בְּקֶחֱל צוּעֵן שִׁיר נְחֻמָּד וּמְאֵן = 'Внемлите песни моей (я — Иешуа, хаззан в общине Цо'ана), песни приятной и размеренной'. Здесь мы находим не только имя автора данной пьесы, но и вполне определенное указание местности, в которой этот автор действо-

вал. Последнее для нас особенно важно, так как до настоящего времени совершенно не было известно место жизни как творца двух(?) гимнов трипольского махзора, Иешуи Хаззана, так и редактора «Дивъанов» крупнейших поэтов Испании, Иешуи бен Элии Галеви.¹³ Наши фрагменты, таким образом, не только дают возможность с очень большой степенью вероятности слить эти два лица в одно лицо, но и содержат прямое указание на место жизни этого лица, а тем самым — и на место редактирования сводов стихотворений Иехуды Галеви и Авраама Ибн Эзры, что не может не представлять интереса для историков еврейской литературы средних веков. Как известно, именем библейского Цо'ана (צוֹאֵן מִצְרַיִם) восточные евреи обычно называли Старый Каир (Фостат);¹⁴ мы узнаём, следовательно, что наследие еврейских поэтов Испании ревностно собиралось и редактировалось одним из официальных представителей синагоги в столице мусульманского Египта.

Что касается времени жизни Иешуи бен Элии Галеви (он же — Иешуа Хаззан), то М. Steinschneider, не приводя никаких доводов, указывает — впрочем, под знаком вопроса — 1360 год.¹⁵ Мне эта дата представляется слишком поздней, так как среди еврейско-арабских рукописей II собрания А. Фирковича имеется несколько фрагментов «Дивъана» Иехуды Галеви, относящихся, судя по внешним палеографическим данным, на мой взгляд, к концу XIII века, или, самое позднее, к началу XIV (фрагменты эти происходят, вероятнее всего, из Фостата). Однако мы не можем отнести время жизни Иешуи Хаззана и ранее, чем к концу первой половины XIII века, так как ему были уже знакомы макамы «Тажкемони» Иехуды ал-Харизи,¹⁶ опубликованные, как обычно считают, около 1230 года.

Итак, резюмирую вкратце выводы из всего вышесказанного.

1) Повидимому, около рубежа XIII и XIV столетий¹⁷ в должности хаззана еврейской общины старого Каира (Фостата) состоял Иешуа бен Элия Галеви, получивший прозвище по своей синагогальной профессии; 2) он был не чужд поэтической деятельности — ему принадлежат по крайней мере один литургический гимн¹⁸ и одно строфическое стихотворение анакреонтического оттенка; 3) но особенной его заслугой перед еврейской литературой является собрание и редактирование поэтического наследия великих еврейских поэтов Испании. Им были составлены: а) окончательная редакция «Дивъана» Иехуды Галеви; б) «Дивъан» Авраама Ибн Эзры; в) окончательная редакция (или лишь примечания к существовавшей редакции?) «Дивъана» Самуила Нагида; г) компилятивный сборник анакреонтических и панегирических стихотворений, в состав которого вошли, между прочим, соответствующие пьесы из «Тажкемони» Иехуды ал-Харизи.

Что же касается дальнейших сведений об обнаруженных мною фрагментах этого последнего сборника, то я позволяю себе воздержаться здесь от их сообщения, надеясь, что в недалеком времени интересующиеся смогут ознакомиться с материалом фрагментов в полном издании.

15 IV 1936.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фрагменты эти были найдены мною в пачках незарегистрированных еврейских отрывков из II собрания рукописей А. Фирковича; в составленном мною (зимой 1931/32 г.) кратком предварительном (черновом) перечне этих отрывков названные фрагменты помещены под №№ 348 (6 листов) и 523 (12 листов). В этих же пачках, кроме того, мне удалось обнаружить также несколько листов «Дивāна» Моисея Ибн Эзры, рукописи которого, как известно, чрезвычайно редки.

² Никаких сведений о личности этого поэта я не имею. О названной его пьесе, начинающейся словами: *יום עמרו לריב לפני עם סולה* — см. Israel Davidson, *Thesaurus of Mediaeval Hebrew Poetry* (New York, 1924—1933), — 1877, а также M. Steinschneider, *Rangstreit-Literatur* (1908), стр. 70—71.

³ Эти заголовки представляют собою термины, которыми здесь обозначены различные типы стихотворений; первые два из этих терминов — арабские, вторые два — еврейские. Термином *מחזור* обозначаются строфические пьесы (обычно называемые по арабски *мувашихат*); *שבב* = панегирическое стихотворение. Термины *נשיח* ('песнь') и *רגז* ('ожерелье') — более общего характера.

⁴ Намереваясь предоставить работу по изучению и опубликованию этих фрагментов другому лицу, интересы которого лежат специально в области средневековой еврейской поэзии (К. Б. Старковой), я ограничился лишь самым беглым ознакомлением с содержащимся в них материалом.

⁵ Арабский термин *تصنيف* может, как кажется, в равной степени означать и 'компилятивный сборник' и 'оригинальное сочинение'.

⁶ Zunz. *Literaturgeschichte der synagogalen Poesie* (Berlin, 1865), стр. 567—568; I. Davidson, *op. cit.*, s. — 5606 и ' — 3284.

⁷ Sachs, *Die religiöse Poesie der Juden in Spanien* (Berlin, 1845), стр. 290, примеч. 2.

⁸ Sachs'у это имя было известно из изданного незадолго перед тем сборника стихотворений Иехуды Галеви — S. D. Luzzatto *בתולת בת יהודה* (Prag, 1840), стр. 9.

⁹ *Diwan des Abraham Ibn Ezra mit seiner Allegorie Hai ben Mekiz. Zum ersten Male...* herausgegeben von Dr. Jacob Egers (Berlin, 1886); арабское предисловие к этому «Дивāну» сохранилось лишь отчасти, и его уцелевшие фрагменты имени составителя в себе не содержат. Арабское предисловие к «Дивāну» Иехуды Галеви издано в подлиннике и переведено на немецкий язык А. Geiger'ом в его *Diwan des Castiliers Abu l-Hassan Juda ha-Levi* (Breslau, 1851), стр. 167—175.

¹⁰ M. Steinschneider. *Die arabische Literatur der Juden* (Fr. a/M. 1903), стр. 130 и 247.

¹¹ Арабские пояснения в начале каждого стихотворения этого «Дивāна» не оставляют никаких сомнений в том, что основным редактором сборника был сын Самуила Нагида, Иосиф. Причастность Иешуи Галеви к редакционной работе над этим «Дивāном» может быть допущена на основании несомненно принадлежащего этому лицу арабского примечания, сохранившегося в конце одного из ленинградских фрагментов «Дивāна» (А. Harkavy, *Studien und Mitteilungen*. I (St.-Petersb. 1879), стр. 114). Возможно, впрочем, что Иешуа бен Элия Галеви ограничился лишь составлением подобных примечаний, оставив «Дивāн» Самуила Нагида в том виде, в каком он был составлен Иосифом, без внесения в него каких бы то ни было изменений редакционного порядка.

¹² Заметка эта принадлежит перу J. Schirman n'a.

¹³ В отмеченной выше заметке J. Schirman n'a вопрос о месте жизни этого последнего не затронут совершенно.

¹⁴ См. Ad. Neubauer, *Mediaeval Jewish Chronicles* (Oxford, 1887), vol. I. p. 118; J. Mann, *The Jews in Egypt and in Palestine under the Fatimid Caliphs* (Oxford, 1922), vol. II, *Hebrew Index and Glossary*, s. v. יחזקאל. ал-Харизи, Тахкемони, изд. Каминка, стр. 352.

¹⁵ M. Steinschneider, *Die arab. Literatur*, стр. 130.

¹⁶ Знакомство его с трудом ал-Харизи вполне подтверждается также тем обстоятельством, что до нас дошла рукопись Тахкемони, переписанная по его личному заказу — см. M. Steinschneider, *Hebräische Bibliographie*, XII, стр. 88 примеч.

¹⁷ Если два последние слова вышеприведенных заглавных строк на первом листе ленинградских фрагментов — לשנת וישוב — могут быть расшифрованы как дата (וישוב וישוב = 318, т. е. 5318 = 1558 г. н. э.), то эта дата относится, несомненно, не к составителю сборника, несмотря на прижизненный характер сопровождающих его имя эволюгий, а лишь к написанию данной рукописи, что подтверждается и палеографическими данными.

¹⁸ Впрочем, если признать, что Иешуа Хаззан и Иешуа бен Элия Галеви — одно лицо, то и второй из двух названных выше гимнов триполийского махзора, содержащий в акростихе имя [הלוי] לוי, вполне свободно может быть отнесен к этому же автору.

Е. Г. КАГАРОВ

Несколько слов о происхождении древнегерманских рун

Энгельс в VII главе «Происхождения семьи, частной собственности и государства» замечает, что «рунические письмена (подражание греческим или латинским буквам) были известны лишь как тайное письмо и служили только для религиозного колдовства».¹ Интересно в методологическом отношении сопоставить это утверждение Энгельса с теми высказываниями, которые мы находим в специальной литературе, появившейся после 1884 г., — года выхода в свет 1-го издания труда Энгельса.

Как известно, за эти пятьдесят лет было найдено много новых рунических памятников и выставлен целый ряд гипотез о происхождении рун. Но прежде всего, несколько слов о самих рунах.

Древнейший германский рунический алфавит состоит из 24 знаков. Произношение, название и своеобразное расположение букв устанавливается на основании старых рукописей (напр. зальцбургской рукописи Алкуина, рунических рукописей в Лейдене, Гейдельберге, Лондоне и др.) и древнескандинавской традиции. Своеобразный порядок букв рунического алфавита встречается неизменно на памятниках из различных областей расселения германских племен, каковы, напр., пряжка (фибула) из Chagnay в Бургундии, нож из Темзы, брактеаты (т. е. тонкие золотые пластинки, чеканенные с одной стороны, впоследствии служившие монетами) из Vadstena и Gumpan в Швеции, камень из Kylver на Готланде, каменные колонны из Бреза (Босния, ныне в Сараево), и т. д. Древнейшие рунические надписи относятся к III стол. н. эры. 24 знака общегерманского рунического алфавита имеют следующий вид:

По первым шести буквам (f, u, th, a, r, k) рунический алфавит называют Futhark. У англосаксов он подвергся некоторому видоизменению и усложнению применительно к особенностям их фонетики и включал в себя

¹ Фр. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.—Л., Паргиздат, 1937, стр. 187. Ср. в оригинале. «Die Runenschrift (griechischen oder lateinischen Buchstaben nachgeahmt) war nur als Geheimschrift bekannt und wurde nur zu religiösen Zauberei gebraucht» (Fr. Engels, Der Ursprung der Familie usw. М.—Лгр., 1934, S. 135).

28, а позднее 32 знака. В эпоху викингов (около середины IX в.) в Скандинавии (включая Данию) появляется значительно упрощенный рунический алфавит из 16 знаков. Младший рунический алфавит нельзя рассматривать как первоначальную, древнейшую форму (стадию) рунического алфавита, как показывает язык надписей и географическое расположение рунических памятников.

Первое положение Энгельса гласит, что германское руническое письмо воспроизводит греческие или латинские буквы.

Датский ученый Людвиг Виммер в 1874 г. впервые попытался обосновать теорию происхождения рунического письма из латинского алфавита.¹ В начале XX в. эта теория была вытеснена другою, выдвинутою в 90-х годах XIX стол. норвежским исследователем С. Бугге² и развитою потом шведским ученым О. фон Фризеном;³ они возводили рунические письмена в основном к греческому курсиву, знакомство с которым произошло, по их мнению, на юго-востоке, среди готов. Некоторое время казалось, что проблема окончательно решена. Но в 1924 г. датский лингвист Х. Педерсен⁴ вернулся к предположению Виммера о латинском происхождении рун, хотя и стремился в деталях видоизменить и дополнить его взгляды.

Далее, в 1927 г., шведский языковед Сигурд Агрелль⁵ выдвинул контаминационную гипотезу, согласно которой древнейшие руны германского письма воспроизводили буквы латинского эпиграфического алфавита, а futhark, в качестве практического письма, был заимствован из греческого курсива. Прообразом в данном случае послужили позднеантичные магические надписи и таблички с проклятиями (defixionum tabellae), в которых мы находим магические знаки *f*, *m* и др.). В 1928 г. нор-

¹ L. Wimmer. Om runeskriftens oprindelse og udvikling i Norden 1874; нем. перевод Die Runenschrift, übersetzt von Holthausen, Berlin 1887.

² S. Bugge—M. Olsen. Norges Indskrifter med de oeldre runer, 1891—1924.

³ Otto von Friesen. Om runskriftens härkomst 1904—1906; Hoops, Reallexikon d. german. Altertumskunde IV, 1918/19, 5 sqq.; Röstena i Bohuslän och runorna i Norden under folkvandringstiden (Upsala Universitets Årsskrift, 1924); De senast framställda meningarna i frågan om runornas härkomst (Arkiv f. nordisk filologi, XLVII, tredje F. III. 1931, p. 80—133); De germanska anglofrisiska och tyska runorna (Nordisk Kultur VI, 1933).

⁴ Holger Pedersen. Runernes oprindelse (Aarbøger for nordisk oldkyndighed oprindelse og historie 1923, 37 sqq.); ero же, L'origine des runes (Mémoires de la Société des antiquités du Nord 1920—1925, p. 88 ss.); Sprogvidenskabens i det nittende aarkundrede, Kjøbenhavn 1924, 213 sqq.

⁵ Sigurd Agrell. Der Ursprung der Runenschrift und die Magie (Arkiv för nordisk filologi XLIII N. F. XXIX, 2, 1927, S. 97—109); ero же Runornas tal mystik, Lund 1927; Die spätantike Alphabetmystik und die Runenreihe, Lund 1932; Senantik mysterie-religion och nordisk runmagi, Stockholm 1931; Zur Frage nach dem Ursprung der Runennamen, Lund 1928, Lapptrummor och runmagi, Lund 1934.

вежский кельтолог Карл Марстрандер¹ выдвинул новую гипотезу происхождения рун, по которой их прообразом был кельто-латинский алфавит,² в свою очередь восходящий к латинскому и этрускому письму. — Колыбелью германских рун была, по его мнению, область маркоманнов, прежде находившаяся в руках кельтов; отсюда руническая магия распространилась по известным историческим артериям среди готов и скандинавов. На той же точке зрения стоит финский исследователь Хаммарстрём;³ к нему примкнул в 1934 г. профессор университета в Галле Георг Бэзеке.⁴

Представление о заимствовании германских рун из греческого и латинского письма, до последнего времени безраздельно господствовавшее в науке и подтверждаемое целым рядом совершенно бесспорных данных, вызывает со стороны отдельных фашизированных немецких «исследователей» резкие возражения. В своем стремлении отстоять во что бы то ни стало самостоятельность древнегерманской культуры и высокую степень ее развития, они не останавливаются перед беззастенчивой фальсификацией истории, они отвергают самую мысль о заимствовании рунических писем из греческого или римского алфавита и, объявляя руны созданием чисто германского духа, возводят их к доисторической культуре Германии, к таинственным знакам, встречающимся в западноевропейских археологических памятниках: петроглифах, т. е. наскальных рисунках, в пещерах и гробницах палеолитической эпохи (мегалитическая культура) и развившихся впоследствии в руническое письмо.

На такой точке зрения стоят между прочим G. Neckel, H. Wirth и др. Gustav Neckel (унифицированный профессор Берлинского университета), например, пишет, что мнение о заимствовании германских рун из какого-либо определенного источника несостоятельно и что в основе рун (как и греко-латинского алфавита) лежит европейский первичный алфавит (Uralphabet). Руны и античные системы писем якобы находятся в исконном родстве (urverwandt) между собою.⁵ Neckel выдвигает при этом следующие не научные и произвольные «соображения». Как известно, надписи,

¹ Carl J. S. Marstrander. Om runene og rune na vnenes oprindelse (Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap I, 1928, p. 85—188).

² О письме древних кельтов см. J. Loth, L'écriture chez les Celtes (Revue Celtique, XLIV, 1927, p. 1—13).

³ Hammarström. Om runskriftens härkomst (Skrifter utg. af Svenska Literatursällskapet i Finland, Pippings Studien i nord. fil., Hels. 1929); Soc. Scient. Fenn., Comment. human. liter. III, 5, 1 sqq.

⁴ Georg Baesecke. Die Herkunft der Runen (Germanisch-Romanische Monatsschrift XXII, H. 11—12, 1934, S. 413—417).

⁵ G. Neckel. Sachwörterbuch der Deutschkunde I, S. 444; его же. Deutsche Ur- und Vorgeschichtswissenschaft der Gegenwart, Berlin, 1934.

использующие futhark и краткие аллитерирующие песни, встречаются у северных германцев неизмеримо чаще, чем у южных; сокращенный или младший рунический алфавит из 16 знаков и аллитерирующие песни с более сложной композицией засвидетельствованы только для Скандинавии и опять-таки в значительном количестве. На этом основании Neckel утверждает, что на Севере мы имеем самостоятельное развитие существовавшего уже в общегерманскую эпоху рунического письма, а также героической поэзии, в то время, как на юге органическое развитие германской культуры якобы было нарушено чужеземным влиянием.¹

На анти-научных нелепых «взглядах» Германа Вирта (Wirth) нет нужды здесь останавливаться.²

Утверждение, что германские звуковые руны генетически восходят к таинственным знакам эпохи палеолита (каменного века), падает уже в виду полного отсутствия промежуточных звеньев между палеолитическими знаками с одной стороны и рунами более поздней эпохи бронзовой и железной культуры — с другой.³ В действительности, древнейшие рунические надписи (Корстадская надпись в Норвегии ок. 200 н. эры, наконец-ник копья из Ковеля III в., бухарестская золотая шейная гривна V в. и др.) появляются, начиная с III в. н. эры, как-то сразу, ex abrupto, не обнаруживая никаких признаков близости или связи с палеолитическими знаками. Кроме того, исторические факты говорят, вопреки утверждению Neckel'я, за то, что руническое письмо возникло не на севере, а среди южных германцев, под влиянием северноэтруского алфавита, как это удалось недавно показать норвежскому ученому Карлу Марстрандеру на основании сличения рунического алфавита с письменами из Лугано и Сондрио. Таким образом все «рассуждения» Неккеля о происхождении германских рун являются обычной в III империи псевдонаучной фальшивкой.

Греко-латинская основа рунических письмен не подлежит сомнению: об этом ясно говорят даже внешние очертания букв. Так, рунический знак **K** вполне соответствует латинскому R, рунический знак **H** в точности воспроизводит латинское H, как и руническ. **P** = латинск. F. Рунические буквы **I** = i, **B** = b, **M** = m, **S** = s, **T** = t совпадают с буквами как греческого,

¹ Gustav Neckel. Altgermanische Kultur, 2-te Aufl. Leipzig, 1934, S. 16 sq.; cр. еро же, Erstes nordisches Thing, Bremen, I, 1933, S. 60 sqq.; Forschungen und Fortschritte IX, № 20—21, S. 293 sq.

² Hermann Wirth. Der Anfang der Menschheit, Jena 1928; Die heilige Urschrift der Menschheit, Leipzig 1931 sq. и др.; см. о ней в сборнике, изданном F. Wieggers'ом: Hermann Wirth und die deutsche Wissenschaft, München, 1932 (статьи H. Plischke, S. 35 sqq., и F. Bork, 63 sqq.).

³ Oberdeutsche Zeitschrift f. Volkskunde, VIII, 1934, S. 64 sq.

так и латинского алфавита. Некоторые отличия в форме рун от букв латинского алфавита объясняются желанием облегчить технику их начертания для вырезывания на дереве: вместо круглых линий и горизонтальных прямых латинского письма мы находим в руническом алфавите вертикальные линии и наклонные черты. Руны могли быть, таким образом, заимствованы непосредственно из латинского эпиграфического письма. Вслед за датским ученым L. Wimmer'ом большинство исследователей усматривало до последнего времени источник рунических писем в латинском алфавите. Мы видели, что шведский ученый von Friesen в начале XX в. выдвинул предположение, что руническое письмо возникло среди балканских готов на базе греко-римского курсивного письма. Эта догадка неправдоподобна уже потому, что, как сказано выше, преобладание вертикальных и наклонных линий, пересекающихся под углом, и полное отсутствие круглых и дугообразных начертаний указывает на влияние алфавита латинских надписей (K B S); кроме того, догадке фон-Фризена противоречит направление рун: руническое письмо нередко идет справа налево или пользуется приемом так наз. *βουστροφῆδόν*, т. е. начинает новую строку там, где кончается предшествующая, что курсиву совершенно несвойственно. Наконец, предположение фон-Фризена опровергается и историческими данными: пребывание готов на берегах Черного моря не может быть приурочиваемо ко времени ранее 250 г. н. эры, а древнейшая руническая надпись в Кюрстаде (Kårstad — Северная Норвегия) датируется 200 г. н. э.

Ошибка большинства западноевропейских филологов, изучавших германское руническое письмо, заключается в том, что они не учитывают двух стадий в истории рун: 1) бытовых изображений, символических меток, магических знаков палеолита и неолита, возникающих у самых различных народов независимо друг от друга, и 2) фонетических знаков, заимствованных, как указывает и Энгельс, из греческого и латинского письма, причем, конечно, отдельные знаки, метки, изображения первой стадии могли войти в состав рунического алфавита. Уже Тацит в X главе своей «Германии» рассказывает, что германцы гадали при помощи каких-то знаков (*notis quibusdam*); по этим вырезавшимся на деревянных палочках знакам (*secundum impressam ante notam*) жрец или глава семьи истолковывал будущее. Эти таинственные знаки германцы издревле называли «рунами». Самое слово «гуна» в готском означает «тайна», древнеисландское *gúna* значит «тайная речь», англосаксон. *gūn*, др.-сакс. и др.-верх.-немецк. *gūna* — «тайное заклинание», финск. *guho* — «магическая песнь», и т. д. Многочисленные отрывки древнегерманской поэзии доказывают, что вырезывание магических знаков сопровождалось произнесением заго-

воров и заклинаний. И древнеисландская формула *gúnar ok galdrar* («руны и песенные заклинания») полностью перекликаются и согласуются с свидетельством Рабана Мавра (776—856), средневекового церковного писателя, о волшебных песнях, заклинаниях и гаданиях (*carmina sua incantationesque ac divinationes*), необходимыми атрибутами которых являются руны.

Латинский писатель раннего средневековья (ок. 530—600 гг.) Венанций Фортунат замечает (VII, 18—19):

*Barbara fraxineis pingatur runa tabellis
Quodque papyrus agit, virgula plana valet,*

то есть: «Да будет варварская рука начертана (нарисована) на ясеневых дощечках, и то, что выполняет папирус, может сделать гладкая палочка (прутик)».

Очень часто упоминаются магические руны в древнескандинавской поэзии.

Чрезвычайно интересно свидетельство болгарского монаха Черноризца Храбра, жившего в конце IX и начале X вв. и сообщаящего нам, что «словѣне . . . погани сѣще чрьтами и рѣзми чьтѹхъж и гадахъж».

Арабские путешественники Ибн-Фадлан, Масуди и др. отмечают, что какое-то здание (капище) славилось благодаря начертанным или вырезанным на нем знакам, предсказывающим будущие события (*Mém. de l'Acad. de St. Pétersbourg*, VI, série II, стр. 319—320). Можно поэтому предположить, что и у древних славян черты и нарезки имели определенное магическое, точнее — мантическое значение.¹

Аггеллю удалось показать, что так наз. Futhark, т. е. система рун как законченное и стройное целое, создана была для чисто магических целей и основана на числовой мистике. Эта система из 24 рун сложилась в среде германцев, служивших в римской армии, и их учителями в этом были последователи митраизма, пользовавшегося в конце II в. широкой популярностью, особенно среди римских солдат и офицеров (стр. 99—101). Я не могу остановиться здесь подробно на деталях затронутого Аггеллем вопроса и приведу лишь некоторые из его наблюдений и сближений. Руна **ᚠ** «бык» в митраизме означала единицу, так как он был перво-
зданным Агурамаздой — живым существом; руна **ᚱ** «злой дух», «демон»

¹ См. подробнее в следующих трудах: О. Бодянский. О времени происхождения славянских письмен. М., 1855; M. Hattala, Časopis M. Kral. Českeho XXXII, 1858, 117—129; P. J. Šafařík, Památky dřevního písemnictví Jiho-slovanův, Díl předchozí. Vydání druhé, doplňky z pozůstalosti Šafaříkovy rozmnožené, upravl. Jos. Jireček, Praha, 1873, p. 91, I; J. Hanuš, Zur slavischen Runen-Frage etc. Wien, 1857 (Arch. f. Kunde österreich. CQQ. XVIII, 1—114); его же. Der bulgarische Mönch Chrabrū. Wien, 1859 (там же, XXIII, 1—160).

и руна $\mathfrak{F}$ «бог» означают числа 2 и 3, так как в митраистической числовой мистике 2 символизирует «демоническое начало», 3 — «божественное бытие». Так, Агрелль реконструирует всю систему рун из 24 знаков.¹ Этнографические и археологические данные проливают свет на происхождение и природу германских рун. Так, у кафров (Южная Африка) употребляются для гадания деревянные дощечки с вырезанными на них знаками; колдун бросает эти дощечки как жребий, чтобы наслать какое-либо несчастье на врага или узнать будущее. (К. Вейлэ. От бирки до азбуки, пер. с нем. М.—Л., 1923, стр. 67). У якутов в старину гадание происходило следующим образом: бросали вверх с каким-нибудь определенным вопросом тот или иной предмет (ложку, шапку, рукавицу и т. д.) и по тому, как упадет этот предмет — стоямя или навзничь — судили о будущем. Этот способ гадания называется «түбүрэх». Другой прием (наз. «сыныах — оiүн») заключался в том, что расщепляли лучину до одной трети ее длины, вставляли в расщелину поперек тонкую палочку и, укрепив лучину, поджигали середину поперечной палочки. Когда последняя перегорала, упругие половинки лучины сгорали и отбрасывали в сторону лучше уцелевшую часть палочки. По направлению полета ее гадали о будущем.²

Лопарские шаманы в старину гадали по знакам, нарисованным на бубне, о чем подробно рассказывает нам Иоганн Шеффер в книге «Лаппония».

Таким образом и с точки зрения сравнительной этнографии магический характер древнейших германских рун не подлежит сомнению. Н. Я. Марр показал, что с терминами: «книга», «письмо, буква» неразрывно связан круг понятий «гадать», «колдовать», «чародействовать».³ «Из орудия первобытной магии, — пишет он, — уже давно и повсеместно книга и письмо стали орудием окультуренной или историзованной магии — религии, магии исторических эпох».⁴ В виду поразительного сходства, обнаруживаемого рунами с знаками и буквами на дольменах в Альвано (Alvão, Северная Португалия), на гальках из Мас д'Азиля (азильской и тарденуазской эпохи), в пещерах Марсула Гурдан, а также Пасьега (пров. Сантандер) мадленской эпохи и т. д., с одной стороны, и письменами критскими, кипрскими, пуническими, древнефиникийскими и пр., с другой, следует думать, что простейшие линейные знаки магического и символи-

¹ Agrell, назв. соч., стр. 99 сл.

² А. Е. Кулаковский. Материалы для изучения верований якутов. Зап. Якутск. краев. геогр. общества, I, 1923, стр. 83 сл.).

³ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. III, Л., 1935, стр. 219—245, особенно 240.

⁴ Там же, стр. 245.

ческого характера, как отмечено уже выше, возникают у самых различных народов совершенно самостоятельно, в силу однородности творческого аппарата человека на одной и той же стадии общественного развития. Известное сходство обнаруживается между рунами Ψ и $\dagger$ и знаками орхонских турецких надписей, бирками секлеров Венгрии (ныне Румынии). Литературу о глозельском неолитическом алфавите см. у Morlet, (*L'alphabet néolithique de Glozel*).

Впоследствии, после столкновения германских племен с античной культурой, к ним проникают тем или иным путем знаки греко-латинского алфавита; представлявшие как бы наделенными таинственной силой (мана у полинезийцев, оренда — у гурунов), они легко могли ассоциироваться с теми знаками, которые употреблялись при гадании и колдовстве. Этот магико-религиозный характер рунического алфавита сохранялся еще долго, проявляясь в том, что его применяли преимущественно для надгробных надписей и т. д. Собранный Fr. Dornseiff'ом (*Das Alphabet in Mystik und Magie*, 1922—1925) материал показывает, какое огромное значение имело письмо и алфавит в первобытной магии и религии.

Итак, мы видим, что все три положения Энгельса о древнегерманских рунах, а именно: 1) руническое письмо представляет собою подражание греческим или латинским буквам; 2) оно было известно лишь в качестве тайного письма, и 3) оно служило для магико-религиозных целей, — целиком и полностью подтверждается современным состоянием науки.

¹ О новейших находках рунических надписей см. J. M. N. Картеу. *Neue Runenfunde* (*Beitr. z. Gesch. der deutschen Sprache und Literatur*, LVIII, H. 3, 1934, SS. 299—312); его же, *Zwei Runeninschriften aus der Terp von Westeremden* (там же, LVII, H. 1—2, S. 160—226); M. Olsen og Haakon Shetelig, *Kårstad-ristningen, runer og helleristninger* (*Bergens Museums Årbok hist. antikvar. rekke*, 1929, pp. 1—66); Wolfg. Krause, *Das Runendenkmal von Kårstad* (*Zeitschr. f. d. deutsche Altert.*, LXVI, NF, XLIV, 1929, 247—256); T. E. Karsten. *Die neuen Runen- und Bilderrunde aus der Unter-Weser* (*Societ. Scientiar. Fennica. Commentationes humanarum litterarum*, III, № 2—5, 1930, pp. 1—44; (ср. там же Hammarström-Karsten, 1—12).

В. КРАЧКОВСКАЯ

Из эпиграфических мотивов мечети в ауле Кубачи

Один из любопытнейших уголков Кавказа, к которым определение «музей» применимо с полным правом — аул Кубачи в Дагестане. Об этом красноречиво свидетельствуют каменные рельефы на выставке иранского искусства в Гос. Эрмитаже (зал 237) и десятки других предметов, некогда бытовавших в ауле. Многие посетители выставки с недоумением разглядывали тимпан двухпролетного окна с изображением льва и кабана; архивольт его покрыт непрочтенными письменами.¹ В печатных изданиях воспроизведены еще три подобных тимпана. Все четыре происходят, повидимому, от окон мечети Хуналла аула Кубачи.²

Исследователей интересовали на них преимущественно фигурные сцены, изображения животных; характерный шрифт надписей некоторые не колеблясь определяли как «арабский»³ и «куфический».⁴

Действительно, на тимпане с изображением борьбы — как будто «образчик сравнительно простого куфи; еще более сложная форма его на тимпане с оленем; на тимпане со всадником шрифт можно назвать «плетеным» куфи, а в параллель к нему указать эпиграфические мотивы рельефных медальонов: над оленем⁵ и направо от тимпана со всадником,⁶ тогда как слева от него — «пальметный» куфи.

Казалось бы, дело довольно просто и можно приступить к чтению, но тут встают такие трудности, что является вопрос, могут ли эти надписи быть прочитаны. В общем, в них довольно точно переданы отдельные

¹ См. Каталог международной выставки памятников иранского искусства и археологии. Государственный Эрмитаж, вып. I, Л., 1935, стр. 394, XII, I. — Атлас к путешествию Б. А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря, СПб., 1895, табл. XVI, 2. — А. С. Башкиров. Искусство Дагестана, М., 1931, табл. 71, рис. 16.

² См. А. С. Башкиров, *op. cit.*, табл. 9—13 и 73, список иллюстраций — стр. 110, 113.

³ Каталог международной выставки памятников иранского искусства..., *l. cit.* — Российский Исторический музей. Указатель памятников, 20, Москва 1893, стр. 423.

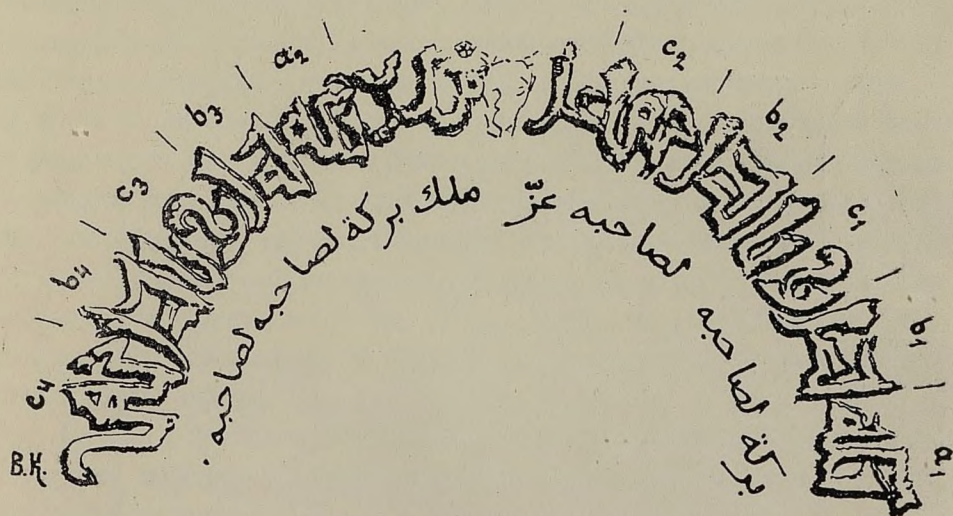
⁴ Д. Н. Анучин. Отчет Российского Исторического музея за 1883—1903 гг., М., 1916, цитирован у А. С. Башкирова, *op. cit.*, прим. 114.

⁵ А. С. Башкиров, *op. cit.*, табл. 73.

⁶ *Ibid.*, табл. 9.

Фиг. 1. Тимпан мечети в ауле Кубачи.

Фиг. 2. Надпись тимпана с борцами.

арабские буквы или группы букв в лигатуре, но рядом оказываются совершенно неожиданные, даже невозможные соединения и повороты; вряд ли они объяснимы только капризами данного стиля в каждой из надписей, которые приходится не столько читать, как дешифровать. В настоящей заметке мы остановимся лишь на эпиграфической декорации тимпана с борцами и попытаемся разгадать ее содержание.

Плоскорельефная надпись (табл. I, фиг. 1—2)¹ с довольно четкими контурами прервана в замке изображением головы, повидимому, рогатого животного, рельеф которой значительно пострадал. Шрифт хотя и не перегружен декоративными элементами, все же достаточно далек от «простого куфи». Буквы по большинству угловатые, но есть и закругленные; угловатые лигатуры чаще имеют острый клин справа, а слева — прямой угол или закругление,² но в нескольких случаях свешена дугообразная лигатура. Положение лигатур в надписи трудно определимо; по своему характеру они подстрочные или подобны им, но основная горизонталь, на которой должны находиться корпуса букв, совершенно не выдержана (ее уровень здесь примерно на четверти высоты фриза); отдельные группы расположены дугообразно или выше горизонтали или в восходящем направлении без видимой причины.

Определить все буквы — значило бы приблизиться к чтению надписи, с известной оговоркой о тождестве ряда букв арабского шрифта, которое компенсируется иногда пунктуацией, но здесь она совершенно отсутствует. Бросается в глаза, с одной стороны, оторванность букв, может быть чаще, чем обычно, с другой — связанность некоторых групп и какая-то закономерность их чередования. Особенно выделяется симметричная комбинация из двух однотипных и парных букв в лигатуре на правой и левой стороне архивольта (варианты в них есть, но незначительные), а между ними другая повторяющаяся группа. Обозначим их для удобства (табл. I, фиг. 2) условно — первые — буквами b_1 — b_4 , вторые — c_1 и c_3 . При общей симметрии расположения здесь нет, однако, зеркального отражения на левой стороне того, что написано на правой,³ и буквы идут нормально в порядке чтения справа налево.

Именно в группе, встречающейся четыре раза, характер куфи наиболее ясно выражен. И формы и повторяемость, даже одинаковый интер-

¹ Воспроизведена по табл. 13 цитированного выше издания А. С. Башкирова.

² Ср. лигатуры в форме «каблукча»: V. Kratchkovskaïa, Notices sur les inscriptions de la mosquée Djoum'a à Véramine, Revue des Études Islamiques, année 1931, Cahier I, 30, Pl. I, fig. 1.

³ Подобный шрифт см. в упомянутых выше медальонах, прим. 5—6. См. также Атлас..., отдел второй, табл. III, 2 — надпись из Барфруша.

вал (около трех букв) заставляют думать, что в этих местах надписи — одни и те же слова. Высокая начальная буква группы b_1 — b_4 может быть принята за начальный *лām*, высокая конечная — за *алиф*; последний соединен со средней буквой справа и имеет загнутый налево подстрочный конец.¹ У *лāма* ствол вверху отогнут налево. Корпус средней низкой буквы параллелен строке и расчленен разрезом справа, напоминая навыворот написанный *дāл* — *кāф*; в двух случаях из четырех соединение с *алифом* отсутствует; в группе b_3 разрез направо как будто не до конца. Не принадлежа к группе *дāл* — *кāф*, эта буква не может быть *‘айном*, так как открытый справа, чаще дугообразный *‘айн* не соединяется ни с какой предшествующей буквой, и она остается пока не определенной.

В промежуточной группе c_1 и c_3 видна не связанная буква вроде дугообразного *рā*, конец которого расщеплен и дает отросток, поднятый вверх крючком. Левее ее отдельно две буквы типа нач. *бā* — кон. *алиф* в лигатуре.

В остальных частях надписи обнаруживаются, кроме перечисленных, еще повторяющиеся части: три буквы в начале надписи и перед b_3 сходны, с той разницей, что первые расположены горизонтально, а вторые — в восходящем направлении; обозначим их условно a_1 — a_3 . Группа после b_2 аналогична с концом надписи внизу налево. Здесь начальные буквы типа *хā*; одна из них — чисто куфического характера (c_4), у другой — тонкий дополнительный ствол спускается с вершины вниз (c_2). Оба *хā* лежат высоко и соединяются угловатой лигатурой с другой остроугольной буквой, представленной в двух вариантах: первый, с круглой ямкой, может быть конечный *мīm*, принимая за окончание отросток из левого угла вниз, потом наверх; начертание возможно и для конечного *хā*, тем более, что во втором варианте две выемки соответствуют двум петлям. Последнее обстоятельство позволяет составить из групп b_2 + c_2 и b_4 + c_4 одно и то же слово «ли-сāхибихи». Необходимое для него *бā* отмечено острым углом после нач. *хā*, хотя форма окончания для *хā* не совсем привычна и может быть понята как реминисценция плетеного *хā* с пропуском ствола сквозь петли. Вслед за этим низкую среднюю букву в группе b_2 — b_4 приходится признать за *сād*.

Таким образом в надписи дважды повторено слово, достаточно распространенное в арабской эпиграфике и входящее в состав известной

¹ Форма заимствована из почерка несхи, где встречается с I в. х. См. В. Moritz, Arabische Schrift, Enzyklopaedie des Islam, I, Taf. I—II. — G. Bergsträsser, Zur ältesten Geschichte der kufischen Schrift. Zeitschrift des deutschen Vereins für Buchwesen u. Schrifttum, № 5/6, Mai — Juni 1919, 55, правый столбец.

формулы пожелания владельцу: «баракатун ли-сāхибиhi». Необходимо еще раз подчеркнуть, что при близости общего контура слова к предложенному чтению, мелкие детали в большей или меньшей степени аномальны, но не совсем невозможны.

Две оставшиеся первые половины слова «ли-сā...» имеют продолжение другого вида. Однако и здесь можно нащупать его вторую половину «...хибиhi» с сильным искажением. Эти знаки уже описаны выше. Теперь, когда первая половина слова читается с известной уверенностью, можно определить букву, сравнивавшуюся с *pā*, как начальное *xā*, с криволинейной верхней частью и загнутой вверх настрочной. Связь этого *xā* с последующим, совершенно нормальным *bā*, утрачена, т. е. не показана. После *bā* — неполное конечное *xā* = *tā* марбута, которое имеет высокий ствол, но лишено петли слева.

Не трудно предположить, что буквы, предшествующие двукратному повторению слова «ли-сāхибиhi» в обеих половинах надписи могут быть рудиментами слова «барака». Здесь наблюдаются деформация и неполнота в той же степени, как и в предыдущих примерах. В первом слове — несомненная контаминация *bā* и *pā*, слитых с *kāfom*; конечное *xā* — нормальное кувическое. Во второй половине надписи тоже самое повторено с большим приближением к почерку несхи. Около головы в замке есть еще несколько не совсем ясных букв, отчасти поврежденных и на изображении в тени: направо — может быть «'изз» или «'айн-амф» в лигатуре, слева — «мульк» или «барака» курсивом и тоже с некоторым искажением. Однако и без них основной характер текста достаточно определен.

Исполнителю данной надписи были неясны правила арабского письма относительно соединения букв. Несомненно он видел подобный образец, который копировал не понимая слов и заботясь прежде всего о внешнем эффекте. Если же допустить, что он имел хотя бы отдаленное представление о содержании, то едва ли тимпан назначался первоначально для отделки окна мечети, вернее для жилого дома.

Расчленение ходовой формулы с изменением ее настолько, что отдельные буквы как бы выпадают или переставляются части, в арабской эпиграфике не ново. Подмеченное Е. Mittwoch на металлических изделиях,¹ затронутое, хотя и не совсем понятое, в области керамики М. Rézard,² оно было мастерски разъяснено в оригинальной статье S. Flury и прослежено им на керамике разных типов, начиная с IX в. Даже в тех случаях,

¹ См. Sammlung F. Sarre. Erzeugnisse islamischer Kunst. Teil I. Metall, Berlin, 1906. Epigraphischer Anhang, SS. 74—75.

² См. его же La céramique archaïque de l'Islam et ses origines, Paris, 1920, pp. 182—186.

где была установлена полная формула «бараки», графика очень свободная, не говоря о примерах ее деформации.¹ Части слов произвольно разобцены, трактованы как отдельные слова, поставлены не по порядку или пропущены. Буквы явно куфического типа, но неточно начертаны, то с лишними, то с недостающими деталями. Интересен между прочим вариант конечного *хā*, где вертикальный ствол едва соприкасается с углом низкого треугольника, заменяющего петлю,² и другой, где в подобную форму вклинивается лишний небольшой вертикальный ствол.³ Связь ствола с петлей терялась, и потому понятно, что у кубачинского каллиграфа петли могло не оказаться.⁴ Конечно, моделью его не были обязательно архаические люстровые чаши, а какие-то более поздние эпиграфические образцы. Любопытно, что он сочетает формы, свойственные куфи, с элементами несхи. И те и другие у него одинаково неустойчивы, хотя почерк и четкий: сохранен общий облик, но забыты важные подробности, как видно из букв *сād*, *tā* марбута. Некоторые декоративные приемы едва отразились, например, подъем окончаний и переплетение в конечном *хā*. Чередование куфи с несхи может быть говорит еще о том, что исполнитель надписи был знаком с двумя образцами «бараки», из которых один был написан почерком куфи, другой почерком несхи. Вероятнее же, что прототип кубачинской «бараки» был уже искажен и исполнен смешанным шрифтом. В этом отношении палеография арабских надписей дает поучительные примеры. Напомним здесь изображение надписи 471 г. х. из мечети в Баку⁵ с колеблющейся основной линией письма, остроугольными буквами и намеками на несхи. Не менее показателен шрифт надгробия 514 г. х., вывезенного Б. Дорном из Амоля.⁶ Тенденция смешения двух шрифтов в одной надписи, наявившаяся, насколько можно судить по имеющимся в настоящее время материалам, не в пределах Кавказа, задела с течением времени и его, чему характерным примером служит надпись рассмотренного тимпана. Возникла она, повидимому, в ту пору, когда несхи вошел уже в довольно широкое обращение, но декоративное значение куфи не переставали ценить.

¹ Une formule épigraphique de la céramique archaïque de l'Islam, Syria, vol. V. Paris, 1924, pp. 53—66.

² M. P é z a r d, op. cit., Pl. CXVI; Š. Fl u r y, op. cit., fig. 2.

³ M. P é z a r d, op. cit., Pl. CXXIII, 2.

⁴ См. Е. M i t t w o c h, op. cit., S. 8, № 12.

⁵ Воспроизведена у N. d e K h a n i k o f f, Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase, J. A., V-ème série, vol. XX, 1862, p. 112, fig. № 5.

⁶ О нем и о надписи, упомянутой выше, прим. 5, см. V. K r a t c h k o v s k a y a Naskhi inscriptions in monuments of Persia, Survey of Persian Art, London (в печати). — Атлас к путешествию Б. А. Дорна..., отд. II, табл. I.

Детальный анализ надписи на архивольте тимпана с борцами, которая по форме первого *kāf* с типичным для несхи извивом ствола вверху направо может быть отнесена к середине XIII века,¹ дает возможность уточнить датировку скульптурной декорации мечети Хуналла в ауле Кубачи и установить в лапидарной арабской эпиграфике Дагестана явления, наблюдавшиеся в других отраслях художественного ремесла и до сих пор неизвестные на почве Дагестана. При просмотре остальных надписей кубачинских тимпанов необходимо учесть настоящий опыт, так как возможно, что и они возникли таким же путем.

Ленинград

21 апреля 1936 г.

¹ Ср. *kāf* в надписи на мюнхенском блюде атабека Лу'лу', датированном 646—657 (1248—1259) гг. у М. van Berchem, *Monuments et inscriptions de l'atabek Lu'lu' de Mossul*, *Orientalische Studien*, I, Giessen, 1906, стр. 208, прим. 4, изображение стр. 204.

И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

Дагестан и Йемен¹

В первой половине XIX в. в Дагестане закрепляется любопытное в языковом и литературном отношении явление. В живом употреблении, в быту существует большое количество местных разнообразных языков, не имеющих письменности и не получающих литературной обработки. Основным и часто единственным общепринятым письменным языком оказывается арабский в его литературной «классической» форме. На нем производится вся административно-деловая переписка, он поддерживается школьной традицией, на нем создается местная письменность как в прозаической, так и стихотворной форме. Такое положение арабского языка утвердилось, конечно, не сразу, но для выяснения истоков этого влияния и истории постепенного закрепления его до сих пор сделано очень мало.

Для этого было бы необходимо систематическое исследование объема арабской литературной традиции в Дагестане, с учетом состава арабских произведений, получивших здесь распространение, в особенности тех, которые создавались на месте. Многое в этом направлении откроет изучение самих памятников, но оно — можно сказать — еще и не начиналось. Пока этого не сделано, приходится довольствоваться скудными сведениями дагестанских источников о связи с теми или иными «мусульманскими», в особенности арабскими странами. Обыкновенно эти данные односторонни, но иногда для них удается найти подтверждение с противоположной «не-дагестанской» стороны и тогда они вспыхивают неожиданным светом и приобретают серьезное значение. Один из таких случаев, который выяснился недавно, и дал повод к заглавию настоящей заметки.

Местная традиция не сохранила памяти о древнем периоде распространения арабского влияния в Дагестане; наоборот, она настаивает на том, что оно восходит не дальше как к концу XVII в. Характерно в этом

¹ Доклад, прочитанный в ассоциации Арабистов 23 апреля 1936 г.; сокращенное изложение опубликовано в *Mélanges de géographie et d'orientalisme offerts à M. E. F. Gautier*, Tours, 1938, 288—296.

отношении свидетельство едва ли не лучшего и последнего знатока этой традиции Хасана ал-Алқадарӣ (1834—1910). В своем известном труде *Ас-ар-и Дагестан*, которому давал очень высокую оценку В. В. Бартольд,¹ он между прочим утверждал, что ни в одном селении или городе Дагестана нет следов каких-нибудь древних рукописей и что после первого тысячелетия хиджры нигде не было библиотеки.² На основе различных заметок и приписок в рукописях он устанавливает, что большинство их было собрано и написано только в «последние времена», главным образом в начале XII века хиджры (т. е. позже 1690 г.).

Интересно и второе указание, которое дает ал-Алқадарӣ. Из приводимых им примеров явствует, что влияние традиционной арабской науки шло в Дагестан не столько из Турции, что казалось бы более естественным по политическим связям, сколько непосредственно из арабских стран, притом не только под влиянием хаджжа, но обширных путешествий и прямого воздействия определенных лиц. Первым дагестанским ученым, который распространил здесь «науки и искусства», ал-Алқадарӣ называет Мухаммеда ибн Мусу кудутлинского, путешествовавшего по Египту, Хиджазу и Йемену. Он долгое время преподавал в Дагестане, а затем переселился в Алеппо, где и умер около 1120 (1708) г. Одним из его учителей, который оказал на него сильное влияние, ал-Алқадарӣ называет некоего Шейха Салиха йеменского. Его воздействием он объясняет то, что Мухаммед ибн Мусā, придерживаясь в догматических вопросах системы ал-Аш'арӣ,³ а в каноническом праве школы аш-Шафи'и,⁴ тем не менее не считал себя связанным ими, а по примеру Шейха Салиха прибегал к самостоятельному исследованию — иджитихāду. Пользуясь записками Мухаммеда ибн Мусы, ал-Алқадарӣ приводит некоторые сведения о его учителе,⁵ который был тоже муджтахидом, оставил семь называемых по имени сочинений и умер в Мекке в 1109 (1698) г. 65 лет от роду. О его популярности кроме точно приводимых названий сочинений, говорит еще то обстоятельство, что ал-Алқадарӣ цитирует одно его стихотворение, записанное «в этих краях».

Сведений об этом Шейхе Салихе йеменском нет в европейской литературе и, естественно, не могло быть в известном библиографическом своде

¹ См. *Enzyklopaedie des Islām*, I, 929.

² См. бакинское издание 1903 г., 232. В русском переводе (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 46, Махач-Кала, 1929, стр. 156) это место передано не совсем точно; ср. W. Barthold, *Enz. d. Isl.*, I, 9292.

³ Основатель правоверной схоластики в исламе (260—324/873—935). См. *Enz. d. Isl.*, I, 499 и *Ergänzungsband*, 36.

⁴ Основатель одной из четырех правоверных школ мусульманского канонического права (150—204/767—820). См. W. Heffening, *Enz. d. Isl.*, IV, 271—273.

⁵ *Op. cit.*, 233, перевод 157 (в переводе заглавий книг и арабских цитат много искажений).

Хаджжй Халифы (ум. в 1658 г.).¹ Из его сочинений, упомянутых ал-Алкадари, рукопись только одного из них зарегистрирована в фундаментальной книге Brockelmann'a и в настоящее время находится в Берлинской библиотеке.² Заглавие его, совпадающее с приводимым ал-Алкадари: *«Ал-Манар фи-л-мухтар мин джавайхир ал-бахр аз-заххар»* (Маяк в выборках драгоценностей из волнующегося моря). Представляет оно комментарий на извлечения из большого свода канонического права, составленного одним из зейдитских имамов в Сан'а Ахмедом ибн Иахйей ибн ал-Мурта а. (ум. в 840/1437 г.); свод был озаглавлен *«Ал-Бахр аз-заххар ал-джамй, мимазайиб 'улам ал-амсар»* (Волнующееся море с объединением толков ученых крупных городов).³ О популярности именно этого сочинения и в Дагестане еще будет случай судить.

Отсутствие сведений о Шейхе Салихе йеменском в известной до сих пор литературе заставляет логически прежде всего направить поиски в область местной йеменской письменности. По счастливой случайности один источник здесь не только блестяще, до мельчайших подробностей подтверждает сообщение ал-Алкадари, но приводит ряд любопытных данных, поясняющих и живо иллюстрирующих связь Дагестана с Йеменом на протяжении во всяком случае полутора веков.

В 1348 (1929—1930) г. в Каире был издан биографический словарь деятелей после VII века хиджры *«ал-Бедр ат-тальми би-махасин ман ба'д ал-карн ас-саби'»* (Поднявшаяся луна с красотами тех, кто после седьмого века), составленный йеменским ученым Мухаммедом ибн 'Али аш-Шаукани (1173—1250/1760—1834).⁴ Естественно, что в словаре преобладают биографии лиц, связанных с Йеменом, и среди них мы находим и отдел, посвященный интересующему нас Шейху (I, 288—292); биография его носит далеко не шаблонный характер суммарного изложения,⁵ так как фигура Салиха йеменского выступает здесь гораздо колоритнее, чем можно было думать по кратким замечаниям ал-Алкадари.

¹ Краткая заметка о нем, в связи с изданием в Каире одного его сочинения, имеется у Sarkis'a, Dictionnaire, стр. 1772, и теперь у Brockelmann'a, GAL, SB, II, 562, № 13.

² Вместо 4917 у Brockelmann'a, GAL, II, 187, № 6, II, а, читай 4918 (См. W. Ahlwardt, Verzeichniss, IV, 314). Две другие рукописи имеются в Британском музее (Rieu, Supplement, 245—246, № 409) и в бывшей коллекции Landberg'a (Landberg-Brill, Leiden, 1883, № 588). См. теперь GAL, SB, II, 246, где указана еще миланская рукопись.

³ См. Brockelmann, GAL, II, 187, № 6, II.

⁴ Биографические сведения об авторе имеются в другом словаре тоже йеменского происхождения, составленном современным ученым Мухаммедом ибн Йахйя Заб'ра ас-Сан'ани, *Найл ал-ватар мин тараджик риджал ал-Йемен фи-л-карн ас-сальме ашар*, II, Каир, 1350, 297—302, № 474.

⁵ В переводе мною опущены некоторые мелочи, не представляющие интереса для настоящей темы или биографии Салиха; все пропуски обозначены многоточием.

«Салих ибн Махдй ибн 'Али. . . ал-Мақбалй, затем ас-Сан'анй, затем ал-Меккй родился в 1047 (1637) г. в деревне ал-Мақбалй из округа Каукабана.¹ Он воспринял науку от ряда крупных ученых Йемена, среди которых был преученейший Мухаммед ибн Ибрāхйим ибн ал-Муфаддаль.² Он каждый день спускался читать у него из города Сула³ в Шибам.⁴ У него он обучался и извлек пользу. После этого он перешел в Сан'а. Между ним и ее учеными возникли споры, которые возбудили раздражение, так как он был горяч и упорен в том, что требовалось доказательствами и не обращал внимания на традицию. Потом он переехал в Мекку; там выпали ему на долю всякие испытания и он там оставался, пока не умер в 1108 (1696) году.⁵ Дату его рождения я записал, как мне запомнилось по его книгам, потому что он там упоминал данные, которые говорят об этом. Был он из числа тех, кто отличался во всех науках, связанных с „книгой“ и сунной, и достиг точного знания в обоих „корнях“,⁶ арабском языке, сюжетах, изложении,⁷ хадйсах, экзегезе, и превзошел во всем этом. У него есть сочинения приемлемые, все они любимы учеными, которые к ним устремляются и пользуются его доводами. Он этого достоин, в выражениях его есть сила, красноречие и плавность; слух любит их и сердца ими наслаждаются. Его слова влияют на умы; редко кто углубится в их чтение из людей понимающих и останется после этого при традиции. Когда он видел слова противоречивые, то изобличал их и сокрушал их выражением приятным и сладким. Он часто снижал достоинство му'тазилитов⁸ по некоторым [289] догматическим вопросам и аш'аритов по другим, суфиев по большинству их вопросов, фақйхов по многим их выводам, хадйсоведов за некоторые их излишества. Он не думал, когда основывался на каком-нибудь доказательстве, кому противоречит, кто бы он ни был. Из его выдающихся сочинений известна хāшйя (супракомментарий) на „Волнующееся море“

¹ Описание провинции и города Каукабана, лежащего к северу от Сан'а, см. у А. G r o h m a n n, *Enz. d. Isl.*, II, 890—892.

² О нем (1022—1085/1613—1674) см. B r o c k e l m a n n, *GAL*, II, 402—403, № 10.

³ Даю такую огласовку на основании географического словаря Йāқўта, изд. Wüstenfeld'a I, 931, 20, который упоминает с таким именем один замок в Йемене.

⁴ Из нескольких городов, носящих это название, имеется в виду Шибам Каукабан, о котором см. А. G r o h m a n n, *Enz. d. Isl.*, IV, 385.

⁵ Даты незначительно расходятся с теми, которые сообщает ал-Алқадарй; предпочтение вероятно, следует отдать йеменскому источнику.

⁶ Имеются в виду две основные науки: «корни религии» (Усūл ад-дин) — догматика и «корни права» (Усūл ал-фиқх) — учение об обязанностях. Подробности см. J. S c h a c h t, *Enz. d. Isl.*, IV, 1142—1146.

⁷ Два отдела реторики.

⁸ Название влиятельной богословской школы, положившей основание спекулятивной догматике в исламе, см. Н. S. N y b e r g, *Enz. d. Isl.*, III, 850—856.

(*ал-Бахр аз-заххūr*) имāма ал-Махдī, называемая „Маяком“; он держался в ней пути беспристрастия. Со всем этим он был человек, который и погрешает и говорит истину; однако он ограничил себя доказательством, а не речами и пересудами. Кто таков, тот муджахид; если он достиг цели, у него двойная награда, а если ошибся, одна. Из числа его сочинений — „Высокое знамя“ (*ал-‘Алам аш-шāмих*),¹ в котором он возражал против некоторых догматиков и суфиев;² из числа его сочинений по корням — „Успех ищущего в компендии Ибн ал-Хāджиба“ (*Наджāх ат-тāлиб ‘алā Мухтасар Ибн ал-Хāджиб*),³ который он сделал как бы хāшией на это произведение, упомянув в нем избранные вопросы по корням; из числа их по экзегезу „Подарок изучающим ал-Кашшāф“ (*ал-Итхāф ли-тāлабат ал-Кашшāф*), в котором он критиковал аз-Замахшарī за многие его рассуждения⁴ и упоминал то, что по его мнению основательнее. К их же числу относятся „Веющие дūхи“ (*ал-Арвāх ан-навāфих*) и „Прямо устремленные исследования“ (*ал-Абхāс ал-мусаддада*),⁵ в которых он объединил рассуждения по экзегезу, хāдīсам, фикху, корням...

Он обязал самого себя следовать по пути „сподвижников“ и не опираться на традицию людей науки во всех областях. Когда он поселился в Мекке, ученый ее ал-Барзанджī Мухаммед ибн ‘Абд ар-Расūль ал-Маданī⁶ познакомился с его сочинением „Высокое знамя в опровержении отцов и старцев“ (*ал-‘Алам аш-шāмих фī-р-радд ‘алā-л-абā ва-л-машāих*)⁷ и написал на него возражения. Он ответил сочинением, которое назвал „Веющие дūхи“ (*ал-Арвāх ан-навāфих*); [290] и это явилось при-

¹ Большинство названий его сочинений в переводе ал-Алқадīрī искажено; я не огориваю этого каждый раз. Упомянутое *ал-‘Алам* издано в Каире вместе с называемым дальше *ал-Арвāх* под редакцией Р. Ридā в 1913 г. (Sarkis, Dictionnaire, 1772; ср. его же, Catalogue, Janvier 1937, 81).

² Несколько полное название этого сочинения приводится у автора в дальнейшем.

³ *Мухтасар* Ибн Хāджиба (ум. в 646/1248 г.) — составленное самим автором сокращение его свода основ канонического права маликитов см. Brockelmann, GAL, I, 306 и M. Ben Cheneb, *Enz. d. Isl.* II, 405. Две рукописи этого сочинения Сāлиха в Европе отмечены теперь у Brockelmann’a, GAL, SB, I, 538 f. (Номер находившейся в бывш. коллекции Landberg’a—651, а не 681, как указано у него).

⁴ Имеется в виду известный комментарий на Коран «Разъясняющий истины откровения» (*ал-Кашшāф ‘ан фāкйи; ат-танзīл*) аз-Замахшарī (ум. 538/1144), который считается проникнутым мутазилитскими тенденциями. См. Brockelmann, *Enz. d. Isl.* IV, 1305.

⁵ Название этого сочинения у ал-Алқадīрī (текст 232, перевод 157) приводится в более полном виде: *ал-Абхāс ал-мусаддада мин ал-фунун ад-мута‘аддида* (Прямо устремленные исследования из различных наук). Это название подтверждается дальнейшими словами аш-Шаукāнī. Первое сочинение издано в Каире в 1328 году (см. GAL, SB, II, 562, № 13, 3); две рукописи второго называет Brockelmann (op. cit. 562, № 13, 1).

⁶ По всей вероятности одно его сочинение упоминает Brockelmann, GAL, II, 443, 3—5, приводящий даты его жизни (1040—1103/1630—1691).

⁷ Ср. это название у Brockelmann’a, GAL, SB, II, 562, № 13, 2.

чиной порицания его учеными Мекки, которые приписали его взгляды зиндикству¹ в виду отказа от традиции и возражений предкам. Они довели его дело до султана Рума (Турции). Тот прислал нескольких ученых, чтобы испытать его. В нем нашли только хорошее, он продолжал идти своим путем; у него заимствовали некоторые жители Дагестана и перенесли к себе некоторые его сочинения... [291] Несмотря на широкий объем его сведений в науках, он не обращал внимания на приемы специалистов по хадисам, а действовал сообразно с тем, что сам находил верным, как это принято у знатоков „корней“. Хотя он и передавал хадисы только из уважаемых книг, как основные своды и связанные с ними, но когда находил хадис, который передается различными путями, то, хотя бы в них и была некая слабость, не позволяющая пользоваться им для доказательства и не возвышающая его до степени одобряемого в мнениях других, он действовал согласно с ним. Точно так же он действовал согласно с тем, что обладает легкими недостатками. Поэтому изучающему следует удостовериться во всех таких случаях.

В своих сочинениях² он поминает свои стихи,³ однако они ниже сравнительно с его прозой, так как она на высоте. Из лучших стихов его те, в которых он говорит:

„Да проклянет бог разделяющих между «близкими» и «сподвижниками»“.⁴ На это ответил один из джарудитов Йемена⁵ стихами, в которых непристойно поносил его... Так поступает большинство йеменцев со своими учеными; может быть это потому, что Аллах хочет умножить им последнюю награду. Он отрицал то, что утверждают суфии об открытии сокровенного.

¹ Общий термин, обнимающий разные оттенки свободомыслия, начиная от вольнодумства до ереси см. L. Massignon, *Enz. d. Isl.*, IV, 1329—1330.

² Аш-Шаукани не упоминает одного сочинения, заглавие которого приводит ал-Алқадри (текст 233, перевод 157): *Хубб ал-гамм ‘алл булль ал-марам*. Я читаю *ал-гарам* вместо *ал-гамм* и перевожу «Страстная любовь к „Достижению цели“»; по всей вероятности сочинение представляло комментарий к сборнику по хадисам Ибн Хаджара ал-‘Аскалани (ум. 852/1449) *Буль ал-марам мин адиллат ал-ашжам* (Brockelmann, II, 69, 19).

³ Ал-Алқадри (233) приводит начало одного стихотворения, записанного «в этих краях» (= Дагестане). В переводе (157) первый стих совершенно искажает важную для характеристики Салиха мысль: вм. «Всю жизнь избегал я сектантства и написал я книгу для друзей» надо «отрекся я от следования какому-либо толку (из четырех принятых в исламе) и предпочел „Книгу“ (= Коран) перед сподвижниками (Мухаммеда с их толкованиями)». Этот стих ярко подчеркивает его стремление к самостоятельному иджтихаду и отказ от подчинения традиции даже правоверных толков.

⁴ Под «близкими» имеются в виду родственники Мухаммеда, потомки его дочери Фатимы, отношение к которым сравнительно с отношением к его сподвижникам варьируется в различных толках ислама.

⁵ Ал-Джарудий — одна из крайних группировок шиитской секты зейдитов, господствующая в Йемене; название свое она получила от основателя Абү-Джаруда. См. R. Strothmann, *Enz. d. Isl.*, IV, 1295².

Заболела у него дочка Зейнаб в его доме в Мекке; он примыкал к Хараму. И она, находясь за стеной, сообщала ему, что делается в Хараме. Он несколько раз запирает ее, а она говорила, что видит то-то и то-то; он выходил в Харам [292] и убеждался, что сказанное ею правда. В одном из своих сочинений он упоминает, что в Мекке он воспринял науку у шейха Ибраһима ал-Курдй, упомянутого раньше».¹

При свете этого отдела в биографическом словаре аш-Шауканй сообщение Хасана ал-Алқадарй приобретает совершенно особое значение. Оно подтверждается с большой точностью независимым от него источником и фигура Шейха Салиха йеменского, первого вдохновителя богословских наук в Дагестане, получает более определенное освещение. Выясняется характер его отдельных произведений, известных в Дагестане; выясняется, что он действительно при всей правоте отличался самостоятельностью исследования, иногда ставившей его на грани ереси в глазах сторонников строгой традиции. Но, конечно, исключительную ценность для нашей темы приобретает упоминание этого йеменского автора о связи Шейха Салиха с дагестанцами; появление этого сообщения в двух совершенно независимых друг от друга источниках делает самый факт несомненным.

Значение отрывка на этом не исчерпывается: он позволяет нам пойти дальше и утверждать, что эта связь была не случайным эпизодом, а положила начало известной традиции, как увидим двухвековой. Вслед за приведенным лаконичным упоминанием отношения Шейха Салиха к Дагестану, аш-Шауканй делает некоторое отступление и дает рассказ уже из своей собственной жизни [I, 290]:

«Один из ученых этой страны прибыл в Сан'а; был он знаком с различными отраслями наук. Я встретил его в медресе Имама Шараф ад-дина в Сан'а и спросил о причинах отъезда из его страны: не было ли это для выполнения обязанности хаджжа. Он отвечал мне языком в высшей степени красноречивым и плавным, что он не явился добровольцем, а вышел искать „Волнующееся море“ имама ал-Махдй Ахмеда ибн Йахйи, потому что у них есть *хашийя* „Маяк“ ал-Мақбалй. К исследованию ее очень привержены крупнейшие ученые их страны Дагестана — а она за областью румов на расстоянии месяца, как он мне об этом сообщил. Он говорил, что при чтении и занятии их этой *хашией* для них неясны некоторые ее исследования, так как она связана с книгой, к которой служит *хашией*, то есть „Морем“. И поминаемый снарядился на поиски рукописи „Моря“. Он прибыл в Мекку и расспрашивал о ней, но ни у кого не получил о ней сведений. Встретил

¹ Биографический очерк о нем (1025—1101/1616—1690) аш-Шауканй действительно поместил в начале своего словаря (I, 11—12).

он там сеййида ученейшего Ибра́хима ибн Му́хаммеда ибн Исма́'йла эмира¹ и тот сообщил ему, что книга „Море“ находится в Сан'а́ у многих ученых. Он закончил: „Поэтому-то я и приехал сюда“. На другой день я видел, как он сидел в медресе над рукописью „Моря“, читал ее, как читает тот, у кого сильнейшее желание, и радовался этому в высшей степени. Я не видал похожего на него в умении хорошо выражаться, пользоваться чистым языком, избегать в беседе вульгаризмов, прекрасно произносить речь. При слушании его слов мной овладел такой восторг и радость, что даже дрожь пошла по мне. Однако он — да помилует его Аллах — умер вскоре после его приезда в Сан'а́ и не судил ему Аллах вернуться с желанной книгой на свою родину».

Трудно переоценить значение этого рассказа. Прежде всего он говорит нам о продолжающемся интересе к произведению Шейха Сали́ха в Дагестане, ради которого ученые не колеблясь отправляются в трудное путешествие в Аравию, падая иногда жертвой своих стремлений. Кроме того, крайне важно восторженное свидетельство йеменца о владении дагестанца арабским языком: оно непритворно и убедительно в устах ученого, для которого арабский язык является родным. Замечание об отсутствии вульгаризмов понятно и объясняет особое восхищение автора: его, природного араба, пользующегося обычно разговорным диалектом, особенно поражало то, что дагестанец и в живой речи выражался на безукоризненном литературном языке.

Имеется возможность и хронологически уточнить рассматриваемый рассказ. Автор словаря умер в 1250 (1834) г.,² но он упоминает Ибра́хима ибн Му́хаммеда, который в Мекке указал дагестанцу на существование рукописи в Сан'а́. Ибра́хим умер в 1213 (1799) г. и путешествие последнего надо помещать до этой даты. Таким образом две хронологические вехи — дата смерти Сали́ха йеменского и путешествия дагестанца дают нам право установить, что влияние первого в Дагестане сказывалось на протяжении всего XVIII в.

Непосредственная связь с арабскими странами, конечно, поддерживалась и позже. В 70-х годах XIX в. Му́хаммед Та́хир ал-Қара́хӣ, автор известного сочинения по истории Шамиля, сносился с «меккскими и египетскими учеными» в связи с возникшей около этого времени среди дагестан-

¹ Подробная биография этого ученого, бывшего тоже уроженцем Сан'а́, приводится у Му́хаммеда ибн Йа́хйи Заба́ры, *Найл ал-ватар* I, Каир, 1348, 28—34, № 10; более краткие сведения у ап-Шауканӣ II, 422—423, в биографии его сына 'Али́ ибн Ибра́хима. Указываемые ими обоими даты его жизни 1141—1213 (1729—1799).

² Му́хаммед ибн Йа́хйи Заба́ра, *Найл ал-ватар*, II, 302.

ских ученых полемикой о назре;¹ в 80-х годах Snouck Hurgronje видел в Мекке среди ученых, обосновавшихся там, целый ряд дагестанцев, которые пользовались выдающейся известностью.² Все это говорит с определенностью, что влияние арабской письменности шло на Дагестан не столько через посредство Турции, как по первому взгляду кажется естественным, сколько в связи с прямыми сношениями.

На фоне этой тесной связи с арабскими странами влияние йеменского ученого и его произведений не является случайным эпизодом; оно сохраняло свою силу даже в начале XX века. Об этом ясно говорит запрос, который был получен тем же Хасаном ал-Алқадари от его земляка, некоего хаджжа 'Алиль эфенди. Ответ Хасана, помеченный 2 мухәррема 1323 г. (9 марта 1905 г.), сохранился и представляет не меньший интерес, чем приведенные выше материалы о Салихе йеменском. Хасан писал:³

„На ваши слова:

— «Каково положение Шейха ученейшего Салиха йеменского: муджтахид ли он или последователь муджтахида? ⁴ А если он муджтахид, то муджтахид ли безусловный или в пределах системы или фетвы? И как это (связать) со словами достойных ученых о прекращении иджитихада после четырехсот (лет после хиджры)? И дозволено ли следовать за ним в шариатских частностях на практике или нет?» —

Ответ таков: прекращение иджитихада после упомянутого времени мнение не преобладающее, как это знает (спрашивающий) по следующему выражению комментария на «Джам' ал-джавāми»⁵ — «и возможно отсутствие муджтахида в определенное время, т. е., что в нем не остается муджтахида» в противоположность ханбалитам, абсолютно не допускающим

¹ Сборник сведений о кавказских горцах, выпуск V, Тифлис 1871, отдел IV — Горская летопись, стр. 40, дополнение.

² C. Snouck Hurgronje, Mekka II, Haag, 1889, 255—256: Aus Daghestan stammen einige von den geschätztesten Lehrkräften des Haram. Kurz vor meiner Ankunft in Mekka war der berühmte Abd el Hamid el-Daghustani dahingeschieden, dessen Gelehrsamkeit von vielen Kollegen über die des Sejjid Dahlan gestellt wurde. Sein Sohn Muhammed machte dem Vater Ehre und gehörte nach der allgemeinen Ansicht zu den sechs besten Quranrecitatoren Mekka's (Русский перевод см. у В. Бартольда, Мусульманская наука в Мекке, отд. отт. из Туркестанских Ведомостей за 1895 и 1896 гг., стр. 94). О Зейни Дахляне, который считается одним из крупнейших ученых этого времени, см. Brockelmann, GAL, II, 499—500 с указанной там литературой.

³ Джирāб ал-Мамнūн, Темир Хан Шура, 1912, стр. 279—281.

⁴ О всей терминологии и связанных с нею представлениях см. А. Э. Шмидт, 'Абд ал-Ваххāб аш-Ша'рāний, СПб., 1914, особенно стр. 109—110 и passim по указателю.

⁵ Речь идет вероятно о сочинении Тадж ад-дина ас-Субки по принципам права (см. Brockelmann, GAL, II, 89).

отсутствия, и Ибн Дақық ал-‘Бду,¹ не допускающему возможность его отсутствия, пока время не стало угрожать и пока не затряслись основы. Если же время грозит, что наступили признаки величайшего часа, как восход солнца с запада и прочее, возможно отсутствие его в это время. Предпочтительно при допущении возможности считать наличие его не установленным, но говорят, что бывает так. Достижение определенным человеком степени безусловного или ограниченного иджитихада устанавливается по свидетельству двух полноправных лиц, осведомленных в его положении, или по какому-либо другому при непрерывности распространения и т. д., как это установлено в соответствующем месте. Упомянутый шейх — милость Аллаха всевышнего над ним — отбыл из мира в Мекке достопочтенной в начале XII столетия хиджры и в Дагестане повсюду распространились сведения о нем по рассказу шейха наших шейхов ученойшего хаджжа Мухаммеда эфенди сына Мусы ал-Кудуқи и ему подобных из встречавшихся с шейхом Салихом там. Они даже доставили некоторые его сочинения, из которых видно его притязание на безусловный иджитихад, как об этом свидетельствуют его слова:

«Я отказывался от последования толкам всю свою жизнь и отдал предпочтение «книге» перед сподвижниками.

Для меня в сунне избранника — да благословит его Аллах — то, что исцеляет мой жар».

В одном сборнике их рассказов я видел, что султан повелитель послал в Мекку, чтобы обследовать положение шейха Салиха, ученых каждого толка из четырех толков для прения с ним. Они нашли в его лице море безбрежное и нашли, что его слова не выходят за пределы четырех толков, так что согласились назвать его толк прозванием „Хашмаль“ для указания на то, что он составлен из толков шафиитского, ханефитского, маликитского, ханбалитского и т. д. Я думаю, что он не составлен из них — как же (это может быть), когда он открыто заявляет в некоторых своих сочинениях мнения, выходящие за пределы всех толков, как счет трех разводных формул без обратного приема жены между ними за одну, согласно с мнением имама Тавуса, Хаджжаджа ибн Арта, зохиритов, шиитов и т. д. При подчинении этим предпосылкам можно утверждать, что он муджтахид безусловный; его толку с его условиями следовать законно в делах личных, но не в суде и фетве в наших областях, так как жители их как бы обязали судей и муфтиев придерживаться толков их вождей, которых они признают,

¹ Имеется в виду Мухаммед ибн ‘Али ибн Вахб Дақық ал-‘Бд ал-Манфалуті, автор XIII века (см. Вгосkelmann, GAL, II, 63, № 1).

как имам аш-Шāфи'ий и имам ал-Ханафий, да помилует Аллах всевышний их обоих, как сказано:

Допускается следовать и помимо четырех (имамов) относительно самого себя; в этом простор.

Но не в суде с фетвой; помянуто это со слов ас-Субкй, имама знаменитого.

А Аллах знает лучше. И мир! Писано 2 мухәррема 1323 года в Алқадаре. Ваш молитвенник ничтожный Хасан ал-Алқадарй“.

Повторяя частично известные нам факты, этот ответ важен как показатель живого интереса к личности Сāлиха йеменского в Дагестане даже в начале XX века, накануне мировой войны и революции. Тема «Дагестан и Йемен» прослеживается с конца XVII века до наших дней; она еще раз говорит о необходимости большего внимания к памятникам арабской письменности на северном Кавказе.

Март 1936 г.

А. КРЫМСКИЙ

Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки

I

В статье, посвященной прошлому албанской Кабалы,¹ нам пришлось несколько раз упомянуть город Шеки, к области которого с востока примыкала область Кабалы, а с запада — одна из областей Грузии (именно Кахетия). Город Шеки лежал, можно сказать, там, где в XVIII в. возвысилась Нуха, продолжающая оставаться и доныне очень значительным городом; в царской, дореволюционной России она отнесена была к категории «уездных», но и тогда имела 43 000 жителей. Известна сделалась Нуха в XVIII в. в качестве столицы одного из многочисленных закавказских ханств, образовавшихся после походов Надир-шаха 1730—1740-х гг. на Закавказье и после гибели Надира (1747). Истолкователи Птолемеевой карты считают, правда, возможным усматривать нынешнее имя «Нуха» в указанном у Птолемея названии города «Νιγζ»;² но это вопрос крайне спорный. История же нам издавна называет здесь лишь имя г. Шеки, или Шаке,³ — имя, о котором и доныне напоминает своим названием соседнее с Нухой село Шекили.

II

Кипучая жизнь своеобразного, впрочем, характера началась тут издревле.

Повидимому где-то в этих самых местах или очень недалеко от них находилось отмеченное Страбоном по близости Иверии (т. е. Грузии, в частности Кахетии) древнее албанское святилище луны, в котором иногда

¹ «Сборник в честь акад. С. Ф. Ольденбурга» (1934), стр. 289—304.

² У Дорна в комментариях на Птолемею карту («Каспий», СПб., 1875, стр. 341, № 17, «Niga») собраны разные (крайне разные!) мнения касательно Птолемеевой «Ниги». *Quot homines, tot sententiae*.

³ «Шаке» — обычная форма у историков армянских.

совершались и вещие человеческие жертвоприношения. Святилище, по Страбону (XI, 4, § 7, т. е. по сведениям Помпеева похода 66—65 г.), представляло собою крупный многолюдный жреческий город, с большими политическими полномочиями, и его хозяин, главный жрец, был в древней Албании вторым лицом после царя, резидировавшего, понятно, не тут, а в своей Кабале (или Кабалаке). Картина производившегося здесь человеческого жертвоприношения дана в «Географии» Страбона с большою выразительностью:

Жрец святилища луны — почетнейшее после царя лицо. Этот жрец стоит во главе священной земли, обширной и хорошо населенной, и он же повелевает служителями храма, многие из которых, приходя в исступление, пророчествуют.¹ Кто среди них более всех приходит в возбужденное состояние и одиноко бродит по лесам, того главный жрец ловит, связывает священной цепью и обильно кормит в продолжение целого года. Откормивши человека, подводят его к жертвеннику божества, и, умастивши ароматами, закалывают его среди прочего жертвуемого. При жертвоприношении поступают следующим образом. Сведущее в этом деле лицо выходит из толпы, держа в руке священное копьё, которым только и позволено умерщвлять человека на жертву, и наносит удар через бок в сердце. Когда жертва падает, производятся гадания применительно к тому, как совершилось падение, и обнародуются во всеуслышание. После того относят труп в определенное место, и все расходятся, прикоснувшись к трупу ногою ради очищения.²

Описанные сцены свидетельствуют, конечно, об изрядном варварстве местного албанского населения во времена похода Помпея или даже Страбона, т. е. в первых годах н. э.³

Имя этого «крупного и многолюдного» жреческого города в дошедшем до нас тексте «Географии» Страбона отсутствует. Мы можем догадываться, что это был тот город, который мы знаем потом под именем Шеки; но догадка наша — только более или менее правдоподобная догадка. На Птолемеевой карте Албании 1-й полов. II в. н. э. отмечено *Ὀσσιχα*,⁴ — город, который и звуками своего имени и своею географическою широтою и долготю (указанною у Птолемея, конечно, лишь с приблизительною точностью), пожалуй, мог бы быть как раз Шеки.

¹ Повидимому, окрестное население отдавало своих юродивых и полоумных на службу в храм как живой материал для будущей жертвы.

² Последняя подробность свидетельствует, что зороастрийское воззрение соседней Персии на труп, как на источник осквернения, а не очищения, не было распространено среди албанцев. О том же свидетельствует и дальнейшее указание Страбона (XI, 4, § 8), что покойников погребают в земле, — дело, в персидской религии непринятое (Юстин XLI, 3).

³ Человеческие жертвоприношения можно проследить в Албании даже в начально-христианский период V в. у секты распинателей, против которой беспощадно принуждена была бороться принявшая христианство династия албанских аршакидов. См. у Моисея Каганкатвацци, История агван, I, 18 (русский перевод К. Патканова, СПб., 1861, стр. 38—41).

⁴ Птолемея География V, 11 (по изданию Вильберга, 1834, стр. 352).

Но это все не ясно. Во всяком случае едва ли можно сомневаться, что древнеалбанский жреческий город лежал в той области, которую мы потом знаем как шекинскую.

III

Вполне определенные сведения о Шеки появляются после того, когда под владычеством династии албанских аршакидов — «эран-шахов» (иначе «аран-шахов») распространилось в Албании христианство (IV в.).¹ В Шеки была учреждена (год неизвестен) особая епископская кафедра албанской патриархии, что уже само по себе свидетельствует о значении этого города.²

С прекращением династии албанских аршакидов, резидировавших в Кáбале, и с переходом Албании после V в. под управление наместников-марзбанов, поставляемых персидскими шахами-сасанидами, мы видим со стороны шаха Хосрова I Ануширвана (531—579) такие самые заботы о фортификации Шеки, какие проявлены были его отцом Кавадом по отношению к Кáбале и какие вообще проявлялись обоими шахами к городам левобережной Албании. Для защиты от хазарских вторжений Хосров I Ануширван в числе прочих укрепленных «ворот» Кавказа создал и «Шекинские ворота», «абwáb Шекін», т. е. укрепил соседний горный проход.³

Во время завоевания Албании хазарами в самом конце 620-х гг. город пострадал. Известна подробная повесть о завоевании и водворении хазар в Албании, которую составил тогдашний патриарх-католикос Виро или кто-нибудь из его круга;⁴ повесть называет и «Шаки» среди тех, начинающих на букву «ш», пяти албанских городов, которые отстроил святитель Виро в честь имени хазарского царевича Шата.⁵

¹ Фавст Византийский III, 5 и 6; Каганкатвацци I, 9 и 14. Что «эраншах» значит «шах Аррана», т. е. Албании, см. в Сборнике в честь акад. С. Ф. Ольденбурга, стр. 290.

² В соборном послании армянского католикоса Иоанна (ок. 533—551 гг.) адрес написан — к Абасу, патриарху-католикосу албанскому, и к пяти епископам Албании, в числе которых «Аввакум епископ Шеки». См. Каганкатвацци II, 7 (русс. стр. 93); ср. еще II, 32 и III, 23 (русс. стр. 172—173 и 281), и др.

³ Балázорий IX в.: «Книга завоевания стран» (Лейд., 1866), стр. 194.

⁴ Повесть католикоса Виро вошла, со значительною повидимому полнотою, в свод «История агван» М. Каганкатвацци X в., ч. II, гл. 9—15 (русский пер. К. Патканова, СПб., 1861, стр. 117 сл.). У других историков-сводчиков попадаются, впрочем, такие (мелкие) отрывки или фразы из повести, которых нет в изданном тексте М. Каганкатвацци; сюда относится, напр., § 11 (об албанских патриархах) в «Истории Армении» Киракоса Гандзакеди XIII в. (франц. пер. Броссе, СПб., 1870, стр. 96—97).

⁵ Кажется, эти пять городов сборно назывались «Шатовыми замками» (если можно так понимать употребленное у Киракоса слово «шатарк»); а в отдельности имена каждого из них — это Шамкор, Шаки, Ширван, Шамахи, Шапоран. См. венецианское издание Киракоса, гл. XI, № 14 (1865) и франц. перев. Броссе: Kırakos de Gantzac, XIII-e s., Histoire

Попавши под власть арабских халифов в VIII в., г. Шеки так же, как и недавняя резиденция хазарских правителей древняя Ка́бала, не считался за крупный город; но плодородие хорошо возделанных его окрестностей отмечалось.¹ Национальность населения определяется у арабских историко-географов IX—X вв. как «шекинская»; но иногда мы у них встречаем и обозначение: «уд»,² т. е. узнаем нацию «удинов» (по более старому — «утійцев»);³ удины, в небольшом количестве, еще и теперь продолжают жить возле Нухи, сохранив свой древний особый язык.⁴ Религия здесь, как и в Ка́бале, господствовала при арабах в IX—X вв. всецело христианская,⁵ понятно, обычного армяно-албанского оттенка.⁶ Во главе Шекинской области стоял при арабах свой автономный христианин-владелец «мелик», букв. «царь», т. е. один из таких же автономных царьков или князей, какого мы видим тогда и в Ка́бале со званием «мелика»⁷ и каких тогда было в курийском левобережье несколько (более крупные владельцы-ширван-шахи, арабские наследственные наместники, и др.).

Но шекинские владельцы не склонны были довольствоваться ролью заурядных «меликов» и стремились занять в Албании положение повыше. Это им в IX и X вв. несколько раз и удавалось.

d'Arménie (СПб., 1870, стр. 97). Несколько иной порядок в московском издании (1858), стр. 113—114, и в русской выписке К. Патканова в примечании его к переводу М. Каган-катваца (1861), стр. 363. Броссе и Патканов, принявши слово «шатарк» за имя собственное, тем самым превратили пятерку «Шатовых городов» в шестерку.

¹ Истахрий X в. (Лейд, изд.), стр. 187—188: واسعة المرافق خصبة

² 3 — см. Балазорий IX в., стр. 203; наверное уж от него ибн-аль-Факых (Лейд, изд., стр. 293).

³ У Плиния выговор: «Otene» (VI, § 42), — правда, для области другого берега Куры (правого), а не того, где лежало Шеки. Но речь об одной и той же народности. Страбон (XI, 7, § 1) знал про одноплеменность «части» правобережного населения с левобережным.

⁴ Образцы удинского языка дал Шифнер (1873, по-немецки, в «Mémoires» Акад. Наук, 7-я серия, т. VI); более новое собрание текстов — в тифлисском «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. VI (1888), VIII, IX, XXX, XXXIII (тут удинская грамматика А. Дирра). Один из новейших классификаторов кавказских языков Н. Трубецкий в своем реферате на Венском съезде ориенталистов (излож. в «Zeitschr. d. Deutsch. Morg. Ges.», 1930, прил., стр. 111) приходит к заключению, что в старину существовали две очень тесно связанные (aufs engste miteinander verwandt) лингвистические ветви: собственно-албанская и легская (греч. Λέγος); прямые потомки собственно-албанской ветви — нынешние языки аваро-андийцев и самурцев, а потомки легской ветви — языки нынешних лаков, чеченцев и удинов.

⁵ Христианство шекинов подчеркивают арабские географы с особою выразительностью. Надр., Масудий серед. X в. (париж, изд. «Золотых лугов», т. II, стр. 68) замечает, что в Шеки мусульмане — это лишь купцы да ремесленники: وغيرهم من ذوى المهن جلق من التجار

⁶ Киракос Гандзакец, гл. XI, выступление (франц. перев. Броссе, СПб., 1870, стр. 95).

⁷ См. у Масудия, там же в «Золотых лугах», т. II, стр. 68.

IV

В первой четверти IX в. княжил в Шеки Сахль сын Сумбата, родственно (вернее — свойственно) быть может очень издавна связанный с некоторыми княжескими династиями на противоположном, т. е. правом, берегу реки.¹

В 822 г. Сахль, сын Сумбата, со своим сыном Адер-Нерсе отправились в гости к «эраншахам» михридам (сасанидского происхождения), которые и при арабах продолжали держаться на соседнем с Арменией правобережье, теснее, повидимому, в Малой Сюнии. Гости коварно истребили мужеских представителей этой «эран-шахской» династии, потомков прославленного князя Джеваншира VII в.,² и завладели всем ее наследием. Но для узаконения своего захвата убийца (Адер-Нерсе) женился на дочери убитого последнего михрида.³ Высший представитель албанской церкви патриарх-католикос, родом левобережец, освятил этот «нечестивый» брак своим архиастырским благословением.⁴ Таким образом Джеванширова михридская династия была продолжена по женской линии, — конечно, уже как новомихридская. Титул «эран-шах», или, на албано-армянский лад, «эран-шахик»,⁵ достался сперва не тому, кто взял за себя замуж последнюю представительницу михридской династии, а его отцу, Сахлю сыну Сумбата, «мужественному и прекрасному Сахлю Сумбатяну-эраншахику», как его наивно титулует албанский историк-компилятор.⁶

¹ Указание на этого Сахля сына Сумбата, как на владетеля Шаке (притом определеннее: «того, который захватил Бабека»), см., напр., у Товммы Арцруни X в., кн. III, § 11; франц. перев. Броссе в I т. «Collection d'historiens arméniens» (СПб., 1874), стр. 153. Повидимому, имя «Сахль» было параллельно, или, пожалуй, просто модным арабским (конечно, не буквально точным) переводом чисто-христианского имени «Филипп», в силу чего сын Сахля, Адер-Нерсе, именуется у Кагантакваца «Атер-Нерсех Филипьян» (III, 19 и III, 22; русск. перев. стр. 267 и 278).

² Про Джеваншира (ок. 636—671 гг.) очень и очень много повествует Каганкатвацци в «Истории Агван» кн. II, гл. 17—35 (русск. перев. стр. 135—184), буквально переписывая повесть VII в.

³ Каганкатвацци III, 19 и 22 (русск. перев., стр. 267 и 278).

⁴ За это, впрочем, по уверению летописцев, у католикоса (Давида из Кабалы) усохла рука. См. Каганкатвацци III, 23 (русск. перев. стр. 282); Киракос Гандзакецци, гл. XI (франц. перев. Броссе, 1870, стр. 98).

⁵ В статье про г. Кабалу в Сборнике в честь акад. С. Ф. Ольденбурга (1934, стр. 290) мы указывали (и здесь вторично напоминаем), что слово «эран-шах» есть переделка или иной выговор слова «аран-шах», т. е. «царь аранцев», «царь албанцев».

⁶ Каганкатвацци III, 19 (русск. перев., стр. 266). Вообще подробности об этом истреблении прежних михридов даются преимущественно в «Истории агван» Каганкатвацци III, 19 и III, 22 (русск. перев. стр. 266, 267 и 278); ср. еще стр. 342. Но изложение у Каганкатвацци здесь краткое и хаотически-сбивчивое, к тому же в тексте попадаются описки (напр., на стр. 267 Атер-Нерсе превращен в «Тер-Нерсе», без «А»), и кое о чем принуждены

Для отпора представителям власти аббасидского халифа этот новый «эран-шах», т. е. «государь Албании», Сахль, вместе с соседними армянскими князьями¹ вступил в близкие отношения с Бабеком, который повел тогда против халифата упорную многолетнюю борьбу и в Азербайджане и в Закавказье. Но к 837 году дело Бабека с очевидностью было проиграно. Тогда «мужественный и прекрасный» Сахль, давши у себя прибежище Бабеку, вероломно предал его халифу (837). Несмотря на этот поступок, все-таки арабское правительство очень долго еще не хотело признать за Сахлем его царственных или княжеских прав.² В конце концов оно, однако, его утвердило;³ но при первом удобном случае и Сахль и Адер-Нерсе, сын Сахля (наследник в звании «эран-шаха»), были арестованы арабами (ок. 853 г.)⁴ и, вместе с группой других князей Закавказья, надолго отвезены с родины, как пленники, повидимому в Багдад.⁵ Существование албанского царства («эран-шахства») таким образом прекратилось.

Однако минуло лет тридцать — и внук Сахля Григор Хаммам, братоубийца, ок. 885 г., по словам албанского деенписателя, «возобновил разгромленное албанское царство»⁶ (очевидно, прежде всего в том же

мы лишь догадываться, причем помогают нам дальнейшие сопоставления с арабскими писателями X века Масудием и ибн-Хаукалем. — Однако с теми довольно своеобразными догадками, которые попытался дать событию 822 года Маркварт на стр. 457 (выноска d) своей книги *«Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge»* (Лейпц., 1903), крайне произвольно переделывая и грубо насилюя текст Якубия (II, 562) и Табария (серия III, стр. 1416), мы совершенно считаться не можем и оставляем домыслы Маркварта без всякого внимания.

¹ Понятно, прежде всего с князьями соседней армянской Большой Сюнии. Ср. Каганкатвацци III, 19 (русс. стр. 267).

² Об этих отношениях Сахля и арабской власти (сверх Каганкатвацци, III, 19, русск. стр. 266—267, тут лишь начальный момент) см. Якубий, История, т. II (Лейд., 1883), стр. 579; Балазори, Завоевание стран (Лейд., 1886), стр. 211; Табарий, История (лейд. изд., сер. III), стр. 1223, 1232.

³ Судя по указанию Товмы Арцруни X в. (III, 11; фр. пер. стр. 153), арабская власть признавала самого Сахля только как владетеля Шеки, а «князем Албании» (и то лишь частично) считала Адер-Нерсе.

⁴ «В конце 300 года армянской эры», говорит Каганкатвацци (III, 20; русск. стр. 271), т. е. в 852 году, даже в 851. Рассказ Товмы Арцруни X в. (III, 9 и III, 11; франц. стр. 140 и 153) скорее говорил бы в пользу 853 г. А из контекста в арабском «Завоевании стран» Балазория (стр. 212) как будто можно вывести дату: 854 г.

⁵ «В Багдад» — так у Каганкатвацци (русс. стр. 271). Но в III, 23 (русс. стр. 278) он говорит сбивчиво: «в Персию»; так и у Товмы Арцруни III, 15 (франц. стр. 166).

⁶ Каганкатвацци III, 21, русск. стр. 273—274 (тут он Ха[м]мам) и III, 22, русск. стр. 278 (тут он Григор). Крестное имя «Григор» (применительно к глаголу *εὐρύς* с причастием *εὐρύγορος*, т. е. «бдительный, заботливый») нашло себе повидимому перевод на модный арабский язык в виде «Хаммам» (с корнем одинакового значения, т. е. «быть бдительным, заботливым»). Год «возобновления царства» у плохого стилиста Каганкатвацци несколько не ясен: сперва (III, 21) идет речь о событиях 893 г., а потом (русс. стр. 274) сказано, что Хаммам возобновил албанское царство тогда, когда Ашот Багратид возобновил царство армянское, — значит, ок. 885 г.

западном правобережье, где издавна были михриды) и «распространил власть свою и по ту сторону (реки)».¹ По ту сторону лежала, во-первых, область Шеки и, во-вторых (выше по левому берегу р. Алазани, у верховьев р. Самура, текущего к Каспию), лежала Санария. Распространять Григору Хаммаму свою власть на родное Шеки, быть может, даже и не требовалось: это, так сказать, само собою могло стать, — пожалуй, правда, не без того братоубийства, о котором говорит с сокрушением албанский дееписатель. Правдоподобнее, в связи с дальнейшими событиями,² понимать слова албанского летописца в том смысле, что новый эран-шах Григор Хаммам, «царь возобновленной Албании», естественно включившей в себя и область Шеки, присоединил тогда к своему эран-шахству и Санарию.³

Относительно имени этой горной христианской территории по соседству с (христианским же) Шеки не лишне заметить, что халифатский географ ибн-Хаукаль в связи с податными вопросами X в. называет эту страну еще и «Роб» ر ب (-«Четвертина»),⁴ а прочие халифатские географы и историки сохраняют для нее имя Санария, кстати сказать очень старинное.⁵ Остался ли в то время (в 880—890-х гг.) свой особый князь в г. Шеки, признавший над собою эран-шахское сюзеренство, или же «возобновитель албанского царства», братоубийца Григор Хаммам явился непосредственным государем-правителем и для родственного ему Шеки, не ясно, да и не существенно. Во всяком случае ясна или наиболее правдоподобна — такая картина, что под верховною властью этого «возобновителя разгромленного албанского царства» состоял на правобережье западный угол (давнишняя михридская территория), а на левобережье — и Шеки и Санария. Сомнительно, чтобы в состав эран-шахства Григора Хаммама также вошла более восточная (в сторону приморского Ширвана) левобережная область Лиран⁶ со своим государем лиран-шахом, который известен

¹ Каганкатвацц, ук. места III, 21 и III, 23 (русс. стр. 273—274 и 278).

² Именно событиями 944 г. (Масудий II, 68) и 955 (ибн-Хаукаль, 250 и 254) в параллельной связи с указаниями М. Каганкатвацц III, 23 (русс. стр. 279). Мы к тем событиям еще обратимся.

³ Наверное он и Санарию присоединил не столько путем военных действий, сколько, пожалуй, путем добровольного соглашения. О влиянии соседних горцев-санарийцев на ход борьбы албанцев за независимость страны ср. (еще в начале 850-х гг.) повествование Товмы Арцруни III, 10 (франц. перев. Броссе, стр. 145) и араба Якубия IX в. «История», т. II, стр. 599.

⁴ См. ибн-Хаукаль, стр. 250 и 254.

⁵ Название народа *Σάναραι* оказывается уже и у Птолемея (V, 9).

⁶ Для топографии ср., напр., сообщение персидской географии 983 г. «Ходуд аль-алем», л. 33а (Ленингр. 1930) — в комплексе: «Ширван, Хорсан, Лиран».

еще с сасанидских времен.¹ Лиран всегда теснее примыкал к приморскому ширван-шахству, чем к левобережью западному.²

Из внутренней деятельности этого царя Албании Григора Хаммамы знаем лишь мелочи. Он выкупил армянского католикаса Георгия из-под ареста.³

Возобновленное ок. 885 г. Григором Хаммамом «эран-шахство» (или «албанское царство») довольно скоро опять «прекратилось», как выражается албанский дееписатель,⁴ т. е. распалось, перестало состоять под единою властью, — вероятно, после смерти Григора Хаммама. Судьба западноправобережной б. михридской территории пошла после того своим отдельным путем, в русле судеб всего правобережья, причем даже тут представители новомихридской «эран-шахской» фамилии не совсем исчезли.⁵ А левобережные Шеки и Санария остались с более крепкою, хотя и ослабленную, расчлененною, новомихридскою династиею. И именно отсюда суждено было той династии еще раз «возобновить» царство.

У внука Григора Хаммама⁶ было два сына: Адер Нерсе и Севада-Ишхан.⁷ Царем Шеки был сперва Адер Нерсе (ок. 915—950),⁸ а потом — его брат Севада-Ишхан (приблиз. с 950 г.).⁹

¹ Балазорий, Завоевание стран, стр. 196 и 207; Масудий т. II, стр. 5—6 и 69.

² Высказана была крайне рискованная гипотеза, будто «Лиран» надо понимать как «Аран», а «лиран-шах» как «аран-шах» или «эран-шах». Она принадлежит И. Маркварту и проведена им в его работе «Eranšahr nach der Geographie des Pseudo-Moses Chorenasii» (Берл., 1901), стр. 119. Гипотеза эта, как и вышеотмеченная нами насчет событий 822 г., сопряжена с таким чудовищным насилием арабских исторических и географических текстов, что считаться с нею крайне трудно.

³ Стефан Асогик III, 3. Тут он определенно назван царем Албании.

⁴ См. Каганкатваци, История агван, III, 23 (русс. стр. 279).

⁵ По крайней мере об этом позволяют судить сведения XI в., сохранные армянскими историками-сводчиками XIII в.: Матвеем Эдесским и Вартаном Великим (и кратко его эксперирующим Мхитаром Айзиванским). Точнее ссылки на них мы дадим ниже.

⁶ Внук назывался тоже Григор (Каганкатваци, русск. стр. 278—279), или, по-арабски, тоже Хаммам (Масудий, II, 68).

⁷ Родословную таблицу см. в том же, вышеуказанном, месте «Истории агван» Каганкатваци III, 23 (русс. стр. 278—279).

⁸ Годы — очень предположительные. Ниже сейчас увидим, что год 915-й для начала царствования Адер Нерсе вытекает из шаткого грузинского источника. Для конца же царствования мы приблизительноную дату извлекаем из «Золотых лугов» Масудия (т. II, стр. 68): из Масудия узнаем мы, что в 944 г., когда писал Масудий, Адер Нерсе, сын Хаммама (Григора), еще был царем шекинским; надо ж полагать, что лет пять-шесть и после того он еще мог прожить, а не умер в том же 944 г.

⁹ Из ибн-Хаукаля X в. (стр. 254) мы знаем, что в 955 г. Ишхан уже царствовал над шекинами. Позволительно предположить, что он наследовал брату лет пять тому назад, т. е. около 950 г. В печатном (Лейденском, 1873) тексте «Книги путей» и бн-Хаукаля имя этого шекинского царя издано без диакритических точек, как будто «Исхас»; но, конечно, в первоначальном оригинале ибн-Хаукаля оно, с соответствующими точками, читалось «Ишхан».

Очевидно, к Адер Нерсе шекинскому должно относиться указание летописного грузинского свода «Картлис Цховреба» о том, что «патрикий Адарнасе» (= Адер Нерсе), ко владениям которого относился и г. Герети, должен был уступить царю соседней Абхазии ок. 915 г. кое-какие шекинские поселения (напр. важное, Ариш).¹ Сообщение это, интересное уж одним тем, что через него дается приблизительное хронологическое указание на год воцарения Адер Нерсе, является лишним штрихом к картине тогдашнего могущества Абхазии. Как известно из других мест «Картлис Цховреба» и иных сообщений (армянских, арабских, византийских, в том числе из Константина Порфирородного, Кедрена и др.), цари Абхазии в период приблизительно от 850 до 950 г. держали в подчинении и грузинские земли (Мингрелию, Имеретию, Карталинию), да часто оказывали давление и на Армению;² Шеки, видимо, тоже не убежало от абхазского напора. Что касается Севады-Ишхана, ласкательно названного в грузинской летописи «Ишханик», то про него летопись сообщает, что его мать была родом грузинская царевна, искренно преданная православию, и он ей позволил переводить подчиненную ему страну на чистое православие вместо «ереси», т. е. вместо армяно-албанского исповедания.³

Из арабского географа ибн-Хаукаля X в. видно, что Севада-Ишхан шекинский состоял в каком-то подчиненном отношении к недавно водворившемуся арабу-ширван-шаху восточного левобережья: подать с Шеки по реестру 955 г. направлялась к халифатскому наместнику в Азербайджан не непосредственно от шекинского владельца, но через руки араба-ширван-шаха.⁴

¹ См. «Картлис Цховреба» 163 (франц. перев. Броссе, I, стр. 277—278). Город Герети лежал при слиянии р. Йоры и р. Алазани. Броссе про этого «патрикия Адарнасе» замечает (стр. 277, сноска 3): «La généalogie de ce personnage n'est pas connue».

² Соответствующие факты, дополняющие и объясняющие собою то, что сообщает про тогдашнюю Абхазию «Картлис Цховреба», подобрал и проанализировал акад. Броссе частью в подстрочных примечаниях к своему французскому переводу «Histoire de la Géorgie», частью в «Additions et éclaircissements». Основываясь преимущественно на Броссе (иногда впрочем и слегка полемизируя против него), дал сжатую сводку фактических данных про тогдашнюю Абхазию И. Маркварт на стр. 176—185 своей книги «Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge» (Лейпц., 1903). Сводка И. Маркварта в общем, конечно, полезна; но не следует упускать из виду, что такие общедоступные (изданные и переведенные) армянские историки, как Ухтанес X в., Асогик X—XI в., Вартан XIII в., известны были Маркварту, по его признанию (стр. 179 и 187), только из вторых рук, в цитатах, а не в непосредственных текстах.

³ Об этой деятельности старой царицы-матери, «благочестивой Динары», см. «Картлис Цховреба», 164, фр. перев. I, стр. 273.

⁴ Ибн-Хаукаль, стр. 254. Имя араба-ширван-шаха было Мохаммед ибн-Ахмед Азидиец (ибн-Хаукаль, 250 и 254). Перед ним в Ширване властвовал «бесспорный потомок сасанидского шаха Бехрама-Гура (V в.)», как свидетельствует в 944 г. Масуди; см. «Золотые дуга», т. II, стр. 4.

За то про «Четвертину», т. е. про Санарию, мы из того же контекста ибн-Хаукаля знаем, что она отсылала свою подать азербайджанскому наместнику сама, минуя всякое арабо-ширван-шахское посредство. Царем Четвертины (Санарии) был в податном 955 году сын Севады-Ишхана шекинского, носивший несколько имен, в том числе вполне христианское имя Иоанн¹ и более пышное библейско-ассирийское имя Сенахериб.² Писавший тогда албанский дееписатель Моисей Каганкатвацци называет Сенахериба сына Севады-Ишхана «возобновителем прекратившегося царства албанского», т. е. величает его тем же эпитетом, [каким он величал и его прапрадеда, Григора Хаммама. Сам свидетель этого радостного события, патриот Каганкатвацци восторженно выражается, что этого старшего Ишханова сына, Оханнеса Сенекерима, «десница Всевышнего избрала царем давно прекратившегося царства, возобновленного богом через него. Царь персидский наградил его высокими почестями, дал ему корону отца своего и коня его. В том же году титулуемый по-гречески «магистрос» Давид послал царский венец и великолепную порфиру в честь и уважение богом избранного мужа, который был помазан в цари десницею патриарха, во славу Христа».³

В переводе с восторженного языка на обыкновенную речь это значит, что, когда умер царь шекинов Севада-Ишхан (повидимому в начале 960-х гг.), его сын Оханнес Сенекерим санарийский под своей властью соединил и свою Санарию и отцовское Шеки в одно общее владение, нарушая тем, конечно, шекинские права ширван-шаха араба-аздийца, да наверное прихватил Оханнес Сенекерим и на правобережье родовой кусок малосюнийской территории с невымершими там родственниками-новомихридами,⁴ т. е. в общем восстановил пределы того албанского царства, которое сумел было создать ок. 885 года братоубийца Григор Хаммам. Полная эмансипация Шеки от верховенства араба-аздийца, которого Санария не признавала и раньше и от всякого влияния которого, хотя бы

¹ Разумеется, с армяно-албанским произношением Оханнес. См. современную ему «Историю агван» Каганкатвацци III, 22 (русс. перев. стр. 279; ср. 342, предпоследняя строка).

² В печатном тексте ибн-Хаукаля вместо надлежащего «Сенхериб сын Севаде» дано неверное чтение: «Сенхериб сын Севаре» (стр. 254). Арабские буквы «д» и «р» (> и <) пишутся почти в одинаковом начертании и постоянно в рукописях смешиваются. Каганкатвацци (III, 22) дает имя Сенахериб в армяно-библейском произношении: «Сенекерим» (русс. стр. 279).

³ См. указанное место у Каганкатвацци III, 23 (в самом конце главы), русск. стр. 279.

⁴ Неисчезновение таких новомихридов на правобережье мы отметили выше на основании историков Вартана Великого и Матвея Эдесского (библиография — ниже).

только податного,¹ теперь избавилось и Шеки благодаря Сенекериму, должна была не только вызвать естественное недовольство этого аздийца, но и породить в Сенекериме самоуверенное желание распространяться и на восток по левобережью, в сторону Ширвана, где тот араб-аздиец властвовал с титулом «ширван-шах». Повидимому арабский ширван-шах этот был малоугоден и соседям. Должно быть, как раз в противовес ему сочувственно отнесся к новому эран-шаху Оханнесу Сенекериму «персидский царь», приславший Сенекериму царственные отличия-регалии. Термином «персидский царь» обозначен у Моисея Каганкатвацци скорее всего представитель азербайджанской (родом дейлемской) династии салларидов, «единый царь над Азербайджаном, Армениею и обоими Арранами» по характеристике писавшего в 977 г. географа ибн-Хаукаля;² но мог Каганкатвацци назвать так и представителя династии султанов-бовеихидов (тоже дейлемцев), владевших тогда и западную Персию и халифским Багдадом.

С такими же «антиаздийскими» политическими расчетами мог под- держать возобновление Сенекеримом «эран-шахства» и тогдашний «эри- став над эриставами», грузинский владетель Давид Магистрос, умерший, по «Картлис Цховреба», в 966 г.³ Если указанная грузинскою лето- писью дата смерти Давида Магистроса верна, то «возобновление давно прекратившегося албанского царства» должно датироваться первой поло- виною 960-х гг., допустим даже 965 годом.⁴ Церковь, как часто бывало, освятила нововозвысившегося государя и его территориальные притязания священным венчанием на царство, священным миропомазанием из «десницы патриарха-католикоса всея Албании».

¹ См. у ибн-Хаукаля (лейд. изд.) стр. 254.

² Ибн-Хаукаль, стр. 250 и (раньше) 236.

³ «Картлис Цховреба» 164; франц. перев. Броссе, I, 280.

⁴ Конечно, на хронологическую точность в грузинской летописи чересчур полагаться не следует: Давид Магистрос мог, на деле, умереть как несколько раньше, так и несколько позже 966 г. Безусловно, однако, что этого Давида Магистроса никак нельзя отождествлять с тем, значительно более ранним, Давидом, которого, без титула «магистрос», упоминает уже как покойника (μακάριος) император Константин Багрянородный в 952 г. в наставлении «Об управлении государством» (гл. 46, стр. 208 греч.; стр. 170 русск. перевода Г. Ласкина, М., 1899); тот Давид по «Картлис Цховреба» (164, франц. I, 280) должен был умереть еще в 937 г. и, конечно, в 952 г. был μακάριος «блаженнопамятный». Про подлин- ного же Давида Магистроса (разумеется, еще без титула «блаженнопамятный») Константин Багрянородный упоминает несколько ниже в той же 46-й главе (стр. 209 греч.; русск. стр. 171). Сливать обоих этих Константиновых Давидов в одно лицо (как это сделал Марк- варт в своей работе о грузинских багратидах в «Streifzüge» 1903, стр. 434, в таблице баг- ратидов, ср. еще стр. 176) никак не приходится.

V

Араб-аздиец, властвовавший тогда над Ширваном, занимал свой престол, быть может, до 991 г.¹ Из писателей X в. его упоминает не только ибн-Хаукаль (пис. 977). Несколькоми годами позже дает интересные сведения про властителя Ширвана персидская география 983 г.: «Ходуд аль-алем».² Автор этой географии 983 г. говорит, что Ширван, Хорсан и Лиран — это три области, составляющие одно целое, и государь в своем титуле совмещает три титула: «ширван-шах», «хорсан-шах» и «лиран-шах». Иными словами, араб-аздиец совсем от власти устранил представителей всех трех тамошних старинных, домусульманских династий восточного побережья, поставленных еще сасанидами-хосроями.³ Не менее интересно дальнейшее сообщение географа 983 г.: резиденцию этого араба ширван-шаха был, оказывается, не г. Ширван, а военный лагерь под г. Шемахою.⁴ Видно, араб-аздиец не слишком полагался на верность своих подданных, которые, пожалуй, охотно примкнули бы к изгнанным сасанидовичам в случае их возвращения.

Где нашли прибежище изгнанные династы-сасанидовичи, прежний ширван-шах, хорсан-шах и лиран-шах, об этом мы определенно точных сведений не имеем. Но кое на что намекают факты, относящиеся приблизительно к первой четверти XI в., когда на ширванском престоле оказываются государи со старинными персидскими именами: Менучехр (б. м. 1027—1034 гг.), Фериборз, Феридун, Гоштасп, Кейкобад и др.⁵ Эти факты позволяют нам подозревать (на большее у нас нет данных), что изгнан-

¹ Имя его, как мы знаем из ибн-Хаукаля (стр. 250, 254) — Мохаммед ибн-Ахмед аздиец. Турецкий компилятор Мюнеджим-башы XVII в., труд которого «Саханфуль-ахбар» издан по турецки в Истамбуле (1285—1868), сообщает, что ширван-шах Мохаммед ибн-Ахмед властвовал до 381—991 года и оставил ширванский престол своему брату Йезиду ибн-Ахмеду (381—418=991—1027). Судя по общему хронологическому построению у Мюнеджим-башы (т. III, стр. 172—175), позволительно отодвигать эти даты на несколько лет назад. Указания турецкого компилятора про всякие малоизвестные династии собраны у Ed. Sachau «Ein Verzeichnis muhammedanischer Dynastien» (Берл. 1823, акад.); про ширваншахов см. стр. 13.

² См. по фототипическому изданию (Л., 1930), л. 33а.

³ Балазори, Завоевание стран, стр. 207 и 209 (надо поправить при этом ошибочное чтение جرشان и جرش вместо правильного خرسان); Масуди, Золотые дуга, т. II, стр. 4—6 и стр. 69.

⁴ А сокровища свои и все добро держал он, по словам «Ходуд аль-алем» (там же, л. 33а) на особой, укрепленной, крутой горé под охраною ближайших людей.

⁵ Дата для Менучехра 1027—1034 указывается нам компиляцией Мюнеджим-башы XVII в. (у Захау, «Verzeichnis», стр. 13); разумеется, значение ее лишь приблизительное. Характерно, что сверх староперсидских имен для этих властителей приводит Мюнеджим-башы и одно вавилонское: «Навуходоносор» («Бохтнасар»), — параллель к имени «Сенахериб» у санарийско-шекинского эран-шаха.

ники-хосроевичи могли найти себе приют в X в. как раз у санарийско-шекинских «эран-шахов», «царей Албании», с которыми их тесно роднила общая старинная сасанидская традиция. По всему вероятно, эти изгнанники-хосроевичи, как водится, успели в X—XI вв. даже теснее породниться с приютившими их санарийско-шекинскими эран-шахами посредством браков и образовали, так сказать, одну общую династию, которая не переставала мечтать об отнятии Ширвана, Хорсана и Лирана от арабов-узурпаторов. И когда, ок. четверти XI в., представился для этого удобный случай, они, думаем, им и воспользовались. Оттого-то, подозреваем мы, и появилась тогда на ширванском престоле династия с национальными сасанидско-персидскими именами, такими, как Менучехр и т. п. Династия эта (XI—XIV вв.) известна у мусульманских историков Закавказья под названием «кесранидов». Такое название как будто предполагает существование эпонима Кесрана. Но так как его существование не доказано, то скорее приходится склониться к мысли одного из нумизматологов, что здесь мы имеем дело не с вымышленным эпонимом Кесраном, а со словом «кесра́», т. е. «хосрой», и название «кесраниды» могло бы значить: потомки хосроев, сасанидских шахов домусульманской Персии.¹

Какую административно-политическую форму получили Санария и Шеки в новооснованной (подозреваем, с их помощью) большой державе кесранидов XI в., где столицей оказалась Шемаха? Про это у нас нет определенного сведения. Имеем мы однако общее указание, вполне авторитетное, хотя несколько более позднее,² что кесранидское государство делилось на ряд отдельных владений («мемалик»), во главе которых стояли свои князья («эмиры», по арабски).³ Повидимому и область шекинов, как и Санария, управлялись в кесранидском государстве не губернатором, а своим особым князем, наверное из семьи «царя Албании» Сенахориба, окончательная карьера которого, кстати сказать, осталась для нас неизвестной, потому что свою «Историю агван» Моисей Каганкатвади дописал (ок. 999 г.), с очевидностью, еще при жизни этого санарийско-шекинского эран-шаха.⁴

¹ Такое мнение высказал Е. Пахомов в нумизматическом приложении к своей брошюре («Краткий курс») по истории Азербайджана (Баку, 1923, стр. 28).

² Первой четверти следующего, XII века.

³ См. Бондари, История сельджукидов Ирака, стр. 139: 15 и стр. 139: 12 во II томе серии M. Th. Noutsma: Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoudes (Лейд., 1889). В основе этой истории, доведенной до 1134 г., лежат записки сельджукского везира Ануширвана ибн-Халида Капанского (род. 1067, ум. 1139), которому, по его должности, положение дел в Закавказье было очень точно известно.

⁴ Про дальнейшие судьбы этой династии, без связи однако с Шеки или с Санарией, дает нам сведения армянский историк Матвей Эдесский, писавший ок. 1229 г., когда потомки «эран-шахинов» жили уже в иных местах; он очень хвалит этих явно измельчавших, но все

VI

Распространение власти нововозникшей великой империи сельджуков второй половины XI в. в закавказских странах, которое мы видели (в нашей статье о Кабале), не было пагубным для соседней Кабалы, не отразилось чем-нибудь вредным и на судьбах Шеки. По крайней мере нет сведений, чтобы город и страна пострадали. А находясь в составе большого кесранидского ширван-шахства, утвержденного сельджуками-завоевателями XI века, Санария и Шеки должны были очевидно пользоваться и теми экономическими выгодами, какие удавалось достичь ширван-шахам для своего государства. Прежде, как мы знаем из податного реестра 955 года, область ширванская, шекинская и санарийская платили центральной халифатской власти, все три вместе, 1 300 000 дихремов,¹ т. е. 65 000 динаров. Сельджукский султан-завоеватель Мелик-шах (1072—1092) сперва старался получать с ширван-шаха Фериборза приблизительно ту же сумму, именно 70 000 динаров; но в конце концов ширван-шах уговорил сельджуков согласиться на 40 000 динаров.² Ясно, что такое уменьшение общей дани не могло не составить пропорционального облегчения и для Шеки и для Санарии.

В XII в. усилившаяся Грузия, вступивши в борьбу с сельджуками, присоединила к себе ок. 1117—1120 гг. и Шеки и Кабалу в качестве своих непосредственных владений³ в ущерб верховным правам ширван-шаха-кесранида. Такое положение продлилось целых лет сто, до предначальных моментов монгольского периода Джингиз-хана, именно до появления в Закавказье последнего харезм-шаха Джеляледина (Мингбурния),

еще титулованных «царей агванских» (называя кое-кого из них поименно) и одновременно указывает, что католикосы агванские не перестают почитать этих «агванских царей» на литургии и ектениях. В французском переводе выписка из Матвея Эдесского приведена полностью у Броссе в подстрочном примечании (на стр. 355) и т. его перевода *Histoire de la Géorgie* (СПб., 1849). У Вартана Великого, тоже XIII в., есть об этих эран-шахиках также любопытные сведения, вызванные упоминанием о событии XI в. — коварном умерщвлении одного из них шеддадидом Фадлуном, тогдашним хозяином Правобережья, см. под 543—1094 годом (венеч. изд. 1862, стр. 103); не очень точно сокращено у Мхитаря Айриванского XIII в. (изд. К. Патканов в 14 томе «Трудовъ Восточнаго Отдѣленія», СПб., 1869; стр. 300 арм., стр. 409 русск. перев.).

¹ Ибн-Хаукаль (пис. 977), стр. 254.

² Бондари (изд Хутсма), стр. 140. Эта цифра, 40 000, сказано; так уж и осталась нормою.

³ Годы 1117 и 1120 указаны в «Картлис Цховреба» 210 и 213 (франц. пер. Броссе, I, стр. 360 и 364). Нам приходилось подчеркивать, что в иных случаях на точность цифровых дат в «Картлис Цховреба» не следует очень полагаться. Но как раз события 1120-х гг. оказываются датированы одинаково или почти одинаково и в грузинской летописи и у мусульманских историков, писавших про Кавказ (напр., взятие сельджуками ширван-шаха в плен, датированное в «Картлис Цховреба» 1123-м годом, — стр. 215, франц. I, 367, — датировано у Бондария, стр. 141, тоже 1123 годом н. э., или 517-м г. хиджры).

который укрылся сюда в Закавказье от нашествия монголов. Историк харезм-шаха Несавий мог с удовлетворением отметить ок. 1226—1227 г. факт, что ширванские города Шеки и Ка́бала, уже много лет находившиеся во власти кюрджей (грузин), наконец освободились от грузинской зависимости и перешли к харезм-шаху.¹

Хозяйничание харезм-шаха впрочем долго тут не продолжалось, потому что судьба его самого приближалась к роковому концу (погиб в 1231 г.), и для всей Передней Азии настала двухсотлетняя эпоха монгольского владычества. Сперва за обладание Закавказьем боролись друг против друга монголы Золотой Орды и монголы Персии (хулагида), а в конце XIV в. против Золотой Орды (хана Тохтамыша) вел здесь борьбу, как мы уже имели случай упомянуть,² новый завоеватель Тимур.

В Тимуровы времена г. Шеки дал всему албанскому левобережью новую (так наз. 4-ю) ширван-шахскую династию. Как мы раньше видели, возможно, что уж и до тех пор, от эпохи сельджуков XI в. до 1380-х годов, верховное владычество над ширванскою територіею, принадлежавшее той династии ширван-шахов, сасанидского происхождения, которая называется «З-й» или кесранидской, было результатом содействия санарийцев и шекинов ок. 1027 г. Но то возможное содействие X—XI в. мы вправе только подозревать; а при Тимуре обновление династии ширван-шахов через Шеки стоит уже вне всякого сомнения. Во второй половине XIV в. один из отдаленных родственников кесранидской династии шейх Ибрахим жил со своим семейством не в столичной ширван-шахской Шемахе, а в Шеки, как мелкий помещик, до 1382 г. С прекращением династии кесранидов (или «З-й») ширванцы выбрали этого шекинского помещика Ибрахима себе в государи, и от него-то и началась так наз. четвертая ширван-шахская династия.

По отношению к Тимуру, который через несколько лет (1386) вторгся в Закавказье, ширван-шах Ибрахим повел себя в высшей степени предугадательно, прямо раболепно;³ и оттого не только сам он был утвержден

¹ Несавий. *Histoire du sultan Djelaleddin Mankobirti*, éditée (et trad.) par O. Houdas (Париж, 1891—1895), стр. 146, араб.-франц. 243; ср. еще года четыре спустя, араб. стр. 175, франц. 291. Год 624—1227 определенно вытекает из свидетельства другого современника — географа Якута в его географическом словаре, т. I (Лпц. 1860), стр. 359: В статье «Тиалис».

² В Сборнике в честь акад. С. Ф. Ольденбурга (1934), стр. 303.

³ Можно сказать, классический образец раболепия проявил ширван-шах Ибрахим тогда, когда, явившись в Карабаг (1386), подносил Железному Хромцу дары так наз. «девятерные» («токуз-ха»), т. е. согласно джатайскому обычаю, по девять предметов каждого рода. Рабов он повел к Тимуру только восемь; а на вопрос приемщиков, почему их восемь, а не девять, ширван-шах Ибрахим подобострастно ответил, что девятый раб — это он сам. См. «Зефернаме» Тимурова деписателя Шерефеддина Иездского, т. I (Кальк, 1887), стр. 409 (франц. пер. Пети де ла Кроа, т. I, Париж, 1722, стр. 401—402); ибн-Арабшах, Деяния Тимура, издание С. Мангера, т. I (1767), стр. 356.

Тимуром на ширван-шахском престоле и получил право от Тимура называться его «сыном», но и за родное Шеки мог Ибрахим при случае замолвить словцо перед беспощадным завоевателем.¹ Шекинская область сперва испытала все тяготы Тимурова нашествия;² но, вероятно, в значительной мере представительству ширван-шаха Ибрахима она обязана тем, что сумела перенести Тимурово лихолетье легче, чем соседняя Ка́бала.³

VII

Дальнейшая судьба Шеки в век Тимуридов и Чернобаранных и Белобаранных туркменосов соседнего Азербайджана XV в., потом судьба Шеки в эпоху сефевидского владычества XVI—нач. XVIII в. и борьбы османских султанов с сефевидскими шахами за обладание Закавказьем, далее — положение Шеки в 1730—1740-х гг. в период сокрушительных походов Надир-шаха, смерть которого (1747) имела последствием отпадение Закавказья от ослабленной Персии и расчленение страны на много закавказских ханств (с шекинским-нухинским в их числе), в конце-концов — русское завоевание края в исходе XVIII и в начале XIX в., — все это может служить предметом совершенно особой, притом обьемистой статьи. И написать такую статью уж не трудно в виду обилия документального фактического материала. Повременам это и старались делать историки-сводчики, частью восточные,⁴ частью русские.⁵ Задача же нашей статьи состояла в посильном установлении фактов лишь того периода в истории Шеки, который даже с чисто внешней стороны часто является совсем темным.

¹ «Зефер-намé», II, 215—216, 222; франц. III (1722), 209—211, 222.

² Сверх губительного Тимурова похода 1386 г. («Зефер-намé», I, 404; франц. I, 397—398), когда шекинский округ пострадал достаточно, сильно тяжкими были для Шеки (в 1383 и в 1399 г.) карательные походы Тимура на Грузию, с которою вошел в соглашение шекинский государь; историк указывает, что на шекинской равнине простоял Тимур лагерем несколько дней, и войско его — не без самодовольства добавляет историк — подвергло страну грабежам и пожарам («Зефер-намé», I, 732, франц. II, 330—331; перс. II, 204, франц. III, 192—193). Благодаря заступничеству шейха Ибрахима, воследовавший переход Тимура через Шеки в Грузию совершился уже без ужасов (перс. II, 222, франц. III, 222—223).

³ Возможно, впрочем, что и для Ка́балы тимуровский погром имел далеко не такие непоправимые последствия, о каких можно бы заключить по рассказам Шерефеддина (ср. стр. 303 моей статьи в Сб. в честь акад. С. Ф. Ольденбурга). Как-никак, в 906—1500 году, когда собиратель земель иранской шах Исмаил-сефевид вел войну против ширван-шаха Феррох-Ясара, ширван-шах находился (так донесли Исмаилу лазутчики) в крепости Ка́бале, очевидно имевшей еще достаточно значение. См. раннюю сефевидскую историю «Эхсен эт-теварих» XVI в., калькутт. изд. 1931, стр. 43 (в сокращенном английском пересказе, 1934, стр. 19).

⁴ Сюда относится вторая половина персидского сочинения «Гюлистан и ирам», которое написал умерший в 1846 г. кубинец Абас-кули Бакиханов (русс. пер., Баку, 1926); характеристику автора, в общем все же положительную, см. у Березина (1842) в его «Путешествии по Дагестану» (Казань, 1850), стр. 65, 74 и 128—129. По-азербайджански очень скатый очерк «История шекинских ханов» Абдуллатифа-эфенди (1828) вновь издан, с русским переводом, в Баку, в 1926 г.

⁵ Например, обильные сведения собраны у П. Буткова: «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год» (СПб., 1869, 3 тт.) и уже отчасти обработаны. Для Шеки (Нухи) тут отведено достаточно места.

И. Г. ЛИВШИЦ

Плита из гробницы Паи

Публикуемый памятник (см. табл.), принадлежавший гр. Вакано, приобревшему в Египте, в довоенное время, коллекцию египетских древностей, был передан в 1932 г. Куйбышевскому Краевому музею, где и хранится в настоящее время.

Материал — плотный палево-серый известняк.

Размеры: ширина 0.27 м; высота — 0.78 м, толщина — 0.06 м.

Ширина строки — от 0.06 м до 0.07 м.

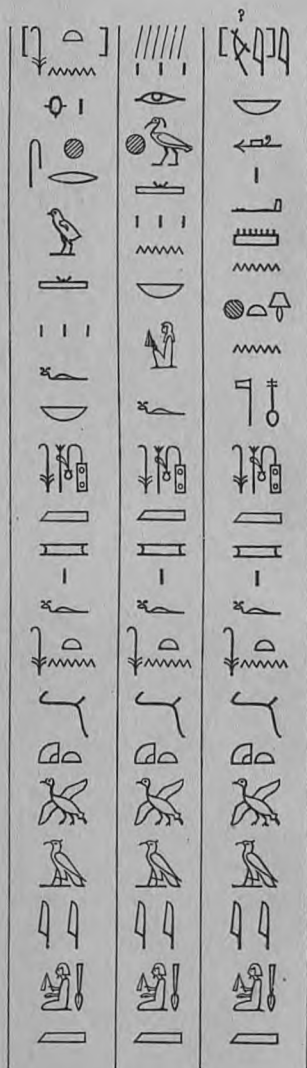
Около середины, в поперечном направлении, плита расколота надвое и скреплена цементом.

Края плиты хорошо отесаны, за исключением верхнего края, отесанного менее ровно. Задняя поверхность носит следы отески крупными сколами.

У верхнего края наружной поверхности имеются свежие отколы, захватывающие частично надпись.¹

Настоящий памятник, относящийся к эпохе Нового Царства, содержит заключительные части трех вертикальных строк, идущих справа налево:

«... каждый его замысел, отменный царский писец, любимый им,² начальник царского гарема Паи».

¹ Приведенные выше данные о происхождении, материале и размерах памятника сообщены дирекцией Куйбышевского Краевого музея.

² Суффикс относится к царю.

«...творящий полезное для своего господина, отменный царский писец, любимый им,¹ начальник царского гарема Паи».

«..превосходнейший для благого бога, отменный царский писец, любимый им,¹ начальник царского гарема Паи».²

¹ Суффикс относится к царю.

² Ср. фрагменты из гробницы царского писца и начальника царского гарема Пам, изданные E. Schiaparelli, Museo archeologico di Firenze (Roma 1887), № 1605, 1606.

С. МЕЛИКОВА-ТОЛСТАЯ

Из истории греческой научной мысли и научной терминологии

I

Науки о природе имели за собою в античной Греции уже некоторую давность, когда сам человек, его умственная деятельность и его деятельность как члена общества стали предметом научного интереса. Произошло это во второй половине V века до н. э., и если не создателями, то главными проводниками новых интересов были софисты. Среди открывшихся теперь для науки новых областей исследования была и человеческая речь. Неудивительно, что молодые науки, находя в области естествознания готовую терминологию, готовые формулировки и методы исследования, переносят их, часто чисто механически, в свою область. Такое перенесение не ограничивается моментом зарождения общественных наук, но продолжается и в последующие века. В V веке до н. э. точными науками усваиваются те методы исследования, которые собственно и делают их точными, именно, оперирование при помощи числа, меры и веса.¹

Сочетание этих трех понятий впервые встречается нам в отрывке трагедии Софокла «Навплий» (фр. 399), где изобретение числа, меры и веса проицируется в мифическую древность и приписывается в числе других изобретений герою Паламеду.² Число упоминается Эсхилом как изобретение Прометея (ст. 459 сл.). Введение мер и весов приписывается Пифагору (Диоген Лаэртий, VIII, 14 со ссылкой на Аристоксена).

Врач, автор сочинения «О древней медицине» (гл. 9, стр. 41 Heib.), очевидно, знает уже сочетание этих трех понятий как непереносимое требование науки. Ему приходится как бы оправдываться от возможного, а, может быть, и фактически делавшегося медицине упрека в том, что она

¹ Ср. Th. Gomperz. Griechische Denker, II, 471, 610.

² Особый оттенок этим же трем изобретениям Паламеда придает Горгий в своей «Апологии Паламеда» § 30: мера и вес определяются у него как средства разрешать споры а число как «страж денег». Едва ли, однако, правильно на этом основании связывать создание этого комплекса понятий с экономическим расцветом конца VII века до н. э., как это делает A. Kleingünther (Protos heurètes. Philologus, Suppl.-Bd. 26, I, 1933, стр. 82).

не может (мы скажем, в античных условиях не могла) строиться на основе тех точных критериев, какими являются число, мера и вес, и что в медицине их заменяет ощущение ($\alphaἴσθησις$)¹ больного.

Другой врач, автор первой книги «О диэте» (гл. 2, VI, 470 L.) указывает, где могли бы найти себе в медицине место, по крайней мере, два из этих точных методов, а именно: «в мере пищи и в числе физических упражнений». Впрочем, и он сомневается в возможности установить их в каждом индивидуальном случае. В другой школе врачей, в книдской, значительное применение находят себе весы; в сочинении «О женских болезнях» (кн. I, гл. 1, VIII, 12 L.) для пояснения некоторых физиологических процессов ставится такой опыт: в сыром месте кладется шерсть и ткань в одинаковом по весу количестве; через двое суток шерсть оказывается тяжелее ткани. В сочинении «О развитии зародыша» (гл. 30, VII, 532 L.) картина рождения ребенка ставится в связь с относительным весом верхней и нижней частей его тела.²

В V веке делается попытка перенести эти точные методы исследования и в общественные науки.³

Первый член нашей тройки, число, в применении к изучению языковых явлений, впервые встречается нам, правда, только у Аристотеля. В «Реторике» (III, 8, 1408b 28), он говорит: «все измеряется [ограничивается, определяется ($περίεχεται$)] числом, а по отношению к форме речи числом служит ритм». Прямой параллелью к этому учению могут служить слова, приписываемые пифагорейцу Филолаю:⁴ «все познаваемое имеет число, так как без числа нельзя ничего ни мыслить, ни познать» (Фр. 4. *Fragmente der Vorsokratiker*, 5-е изд., I, 408). Понимание Аристотелем ритма как единицы меры, как числа, впоследствии утверждается в терминологии: в римской теории ритм прозаической речи называется «numerus».

Со вторым понятием нашей тройки мы встречаемся уже у Аристотеля. В его комедии «Лягушки» в разговоре между рабами (ст. 197 сл.)

¹ К. Deichgräber (*Hermes*, 68, 3, 1933, стр. 357) предлагает изменить рукописное чтение $\alphaἴσθησις$, в $διάθεσις$ (конституция). См. возражения! W. Müri (*Hermes*, 71, 4, 1936, стр. 467 сл.).

² Ср. Платон, «Евтифрон», 7B; «Государство», X, 602D. В «Филебе», 55 E счет, мера и вес являются отличием науки от простого навыка. L. M. Hammond, *Philos. review* 44, 1935, стр. 435—447.

³ Об этом говорит также Н. Oppel (*Kanon. Zur Bedeutungsgeschichte des Wortes. Philologus, Suppl.-Bd. 30, H. 4, 1937, стр. 20 сл.*).

⁴ Для наших целей не существенно, что, как показал Е. Frank (*Plato und die sogenannten Pythagoreer, Halle, 1923*), цитаты, сохраненные нам под именем Филолая, отражают не пифагорейское учение V века, а то, что было известно под именем пифагорейства в IV веке. Влияние этого учения на Платона, а через него в известных пределах и на Аристотеля книгой Франка еще прочнее устанавливается.

говорится, что для исследования стиля трагиков будут принесены всевозможные измерительные приборы, а среди них упоминаются и такие, которые служат для измерения длины (μήχης). Правда, здесь развития этот мотив не получает.¹

Вполне ясно выступает идея измерения в оценке словесного произведения лишь у Аристотеля, для которого в его эстетике условиями красоты вообще являются величина (μέγεθος) и определенность или ограниченность (ὁρισμένον),² а в последней уже заключено понятие измеримости. Тем же качеством измеримости обуславливается и эстетическое значение целостности (τὸ ὅλον).³ Эти общие эстетические требования прилагаются затем Аристотелем к стилистическим и литературным явлениям. Так, в «Поэтике» (7, 1451a 3) он говорит: «подобно тому, как неодушевленные предметы и живые существа должны иметь определенную и притом легко обозримую величину, так и фабулы должны иметь определенную и притом легко запоминаемую длину», и (1450b 25) «трагедия есть воспроизведение действия законченного и целого, имеющего определенный объем». Полной параллелью к этому является определение в «Реторике» периода (III, 9, 1409a 35): «я называю периодом фразу, которая сама по себе имеет начало и конец и размеры которой легко обозреть. Такой стиль приятен и понятен». ⁴ Так же и сущность ритма речи заключается в том, что им создается законченность, предельность (πέρας), речь получает начало и конец, а это дает возможность измерения: «форма речи, лишенная ритма,

¹ Стрость к измерениям в софистическую эпоху высмеивается Аристофаном и в других комедиях: «Облака», ст. 144 слл., «Птицы», ст. 995. Сцену аристофановских «Дягушек» ставит в связь с цитированным мною выше местом из сочинения «О древней медицине» и M. Pohlenz (Das 20. Kapitel von Hippokrates «De prisca medicina», Hermes, 53, 1918, 415, прим. 1), но он видит в этой сцене лишь «шутку, выросшую на почве взглядов того времени», а не высмеивание перенесения этих самых взглядов в область литературы. Также и Kranz («Zur Komposition der Frösche», Hermes, 52, 1917, 585) приписывает мысль подойти к искусству, так сказать, «при помощи математики» самому Аристофану и считает естественным, что она вкладывается им в уста «поэту эпохи просвещения». Только L. Radermacher (Aristophanes «Frösche», Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, philos.-hist. Klasse, 198, 4, 1921, стр. 331) ставит вопрос, не лежит ли в основе пародии Аристофана высмеивание определенного направления эстетической критики V века. Мне представляется, что только в этом случае шутки Аристофана приобретают смысл. Было бы странно высмеивать современных физиков за их страсть к измерениям, показывая нелепость применения их в литературной критике, если бы в этой последней они никем не применялись.

² «Метафизика», 13, гл. 3, 1078a 36: «Самые главные формы прекрасного, — это порядок, соразмерность и определенность», «Политика», 7, гл. 4, 6, 1326a 33: «прекрасное обыкновенно находит свое воплощение в количестве и в величине». Ср. также Платон, «Филеб», 64E: «мера и соразмерность повсюду соединены с представлениями о красоте и добродетели».

³ «Поэтика», 23, 1459a 19.

⁴ Ср. J. Zehetmeyer. Die Periodenlehre des Aristoteles. Philologus, 85, 1930, стр. 192 слл.

имеет незаконченный вид, и следует придать ей вид законченности..., потому что все незаконченное неприятно и невразумительно» («Реторика», III, 8, 1408b 26). Самое выражение «форма речи» (*σχῆμα τῆς λέξεως*) как бы материализует речь, придает ей пространственность и тем делает ее доступной измерению.¹

Все это является у Аристотеля лишь приложением к эстетике требования однородного рассмотрения любого объекта при помощи соответствующей единицы меры, требования, наиболее ярко выраженного в «Метафизике» (V, 6, 1016b 18): «сущность единого в том, что оно известным образом представляет собою начало. Дело в том, что началом является первая мера; ибо первая мера во всяком роде [бытия] есть то первое, с помощью которого мы [этот род] познаем; следовательно, единое является началом того, что может быть познано относительно каждого предмета. Но при этом единое [это] — не одно и то же для всех родов: в одном случае это — наименьший интервал, в другом — гласный и согласный звук; особая единица для тяжести и другая для движения».²

Но уже Платон в свой поздний период всякую науку понимает как измерение.³ Он же переносит это и в область эстетики («Тимей», 87С): «прекрасное измеримо». Терминология этих рассуждений о предельном, законченном и незаконченном склоняет искать источник всего этого учения у пифагорейцев.⁴ У так называемого Филолая мы, действительно, и находим все эти элементы. И у него подчеркивается связь предельности с познаваемостью: во фр. 11 (Vors., 5-е изд., I 411, 12) понятие беспредельного сочетается как с равнозначными ему с неясным и невидимым и там же ниже (412, 10) с понятиями немислимого и неразумного. Во фр. 3, 408, 2 говорится: «не было бы ничего познаваемого, если бы все было беспредельно». Но если принцип меры в эстетике в развитом виде мы встречаем впервые у Аристотеля, то намеки на него можно найти и раньше, и поиски эти опять приведут нас к софистам; из «Федра» Платона (267В) мы узнаем, что среди софистов у Тисия и Горгия шла речь о кратких речах и о беспредельно длинных, и что Продик, услышав это, засмеялся и сказал, что он один нашел, каково должно быть искусство речи: речи не должны быть ни длинными ни короткими, но умеренными (*μέτριοι*). А у Аристофана мы встречаем своеобразную физиологию речи, построенную на измерительном

¹ Ук. соч., 257.

² Ср. J. Stenzel. Zur Theorie des Logos bei Aristoteles. Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik, 1, 1, стр. 44 сл.

³ Ср. W. Jäger. Aristoteles. Berlin, 1923, стр. 88.

⁴ Аристотель. «Метафизика», 1, 5, 986a 17—23. Ср. Н. Cherniss, Aristotle's criticism of presocratic philosophy. Baltimore, 1935, стр. 226.

методе: Сатир (перипатетик конца III в. до н. э.) в биографии Еврипида¹ рассказывает, что Аристофан — очевидно, в одной из погибших для нас комедий — хотел измерить язык Еврипида, при помощи которого Еврипид «полировал» (ἐξέσμηχτο, восстановление Виламовица) такие тонкие выражения». Следует ли усматривать здесь лишь дальнейшее шутливое развитие Аристофаном тех теорий, которые нашли свое отражение в его «Лягушках», или, действительно, была кем-нибудь сделана попытка связать стиль писателя с анатомическим строением его органов речи, мы не знаем: для ответа на этот вопрос у нас слишком мало материала. Однако сопоставление цитаты Сатира с теорией подражания путем движения органов речи (см. ниже, стр. 399) делает второе предположение правдоподобным. А для античности, которая воспринимала литературные произведения прежде всего на слух,² это было бы и не так странно, как это кажется сейчас нам, читающим только глазами.

Похожее выражение встречаем мы у Аристофана еще раз в отрывке из комедии «Σκηνάς καταλαμβάνουσαι» (фр. 471 К.). Очевидно, защищаясь от обвинения в том, что, насмехаясь над Еврипидом, он в то же время подражает ему, Аристофан отвечает: «Я подражаю округлости его рта (τοῦ στόματος τῷ στρογγύλῳ, или закругленности его стиля?), а площадных остроф сочиняю меньше, чем он». Так как слова и στόμα и στρογγύλος рано (последнее у Аристофана «Ахарн.», 686, у Платона «Федр», 234 Е) стали употребляться в переносном смысле, как стилистические термины, то мы имеем здесь, повидимому, нечто среднее между реализацией метафоры и сопоставлением стиля с формой речевого аппарата.

Остается третий вид измерения, измерение веса. И это понятие мы находим в античной эстетике в приложении к речи, и притом впервые уже в конце V века, опять в «Лягушках» Аристофана. Если Еврипид говорит здесь о «весе», «тяжести» (βάρος) слов, употребляемых Эсхилом, то это выражение опять приходится поставить в связь с тем кругом представлений, о котором мы сейчас говорили. Что «весу» придается здесь именно такое значение, с несомненностью доказывает сцена в конце комедии, где в числе других измерительных приборов приносятся и весы для взвешивания слов (ст. 1367). И если другие приборы только вскользь упоминаются, то на картине взвешивания поэт подробно останавливается. Реализуя таким образом метафору термина, он, очевидно, издевается над тенденцией софистов придавать стилистическим наблюдениям характер точного исследования.

¹ The Oxyrhynchus Papyri, XI, стр. 124.

² Ср. E. Norden. Antike Kunstprosa, стр. 6 и Nachtr.

Не перестает употребляться слово «вес» в античной литературной критике и позднее. Дионисий Галикарнасский («О сочетании слов», гл. 23, § 172) говорит о «весе» стилистических фигур, а биография Эсхила о том, что он стремился придать «вес» своим действующим лицам.

II

Другим теоретическим положением, имевшим огромное влияние на дальнейшую историю научной терминологии, было то, которое нашло свою формулировку в словах Анаксагора $\psi\iota\varsigma\ \acute{\alpha}\delta\eta\lambda\omega\nu\ \tau\acute{\alpha}\ \phi\alpha\iota\nu\acute{o}\mu\epsilon\nu\alpha$ (фр. 21a D.). В своей непередаваемой краткости эти слова выражают ту мысль, что познание невидимого, недоступного нашим внешним чувствам, оказывается возможным через наблюдение над доступными познанию явлениями.¹ В последние годы этими словами Анаксагора довольно много занимались в связи с оживлением интереса к истории науки,² но в виду исключительного значения судьбы этой формулировки для той задачи, какую ставит себе настоящая статья, я позволю себе еще раз вкратце остановиться на ее смысле и ее истории, тем более, что надеюсь к сказанному уже о ней добавить кое-что, уясняющее форму полемики против принципа Анаксагора в IV веке со стороны идеалистической философии.

В судьбе этих слов Анаксагора поражает то, что мы сразу же в V веке и затем много позже встречаем бесчисленные отзвуки их. Для меня несомненно, например, что таким отзвуком являются слова Горгия в «Елене» (§ 13), где он говорит о речах «метеорологов» — что по терминологии того времени означает вообще занимающихся естествознанием — что они $\tau\acute{\alpha}\ \acute{\alpha}\pi\iota\sigma\tau\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\alpha}\delta\eta\lambda\alpha\ \phi\alpha\iota\nu\epsilon\sigma\theta\alpha\iota\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \tau\eta\varsigma\ \delta\acute{o}\xi\eta\varsigma\ \delta\mu\mu\alpha\sigma\iota\nu\ \epsilon\pi\omicron\iota\eta\sigma\alpha\nu$, т. е. «невероятное и неизвестное сделали явным перед очами мнения». С точки зрения своего скептицизма Горгий сомневается в возможности познания тех $\acute{\alpha}\delta\eta\lambda\alpha$, путь к которым шел для Анаксагора через феномены. Что слова Горгия являются ответом Анаксагору, ясно, мне кажется, из наличия в них всех трех элементов анаксагоровского афоризма: $\acute{\alpha}\delta\eta\lambda\alpha$, $\phi\alpha\iota\nu\epsilon\sigma\theta\alpha\iota = \tau\acute{\alpha}\ \phi\alpha\iota\nu\acute{o}\mu\epsilon\nu\alpha$, $\delta\mu\mu\alpha\sigma\iota\nu = \psi\iota\varsigma$. Такие же отголоски этих слов имеются и у «Гиппократата» в «О диете» (кн. 1, гл. 11 и 12). В IV веке эта уже ходя-

¹ Так понимала эти слова вся античность, и попытка Г. Гомперца (Hermes, 68, 1933, стр. 341 сл.) сознательно отойти в толковании их от античного понимания со всеми вытекавшими из него выводами представляется совершенно произвольной: он хочет усматривать в этих словах ту мысль, что явления дают лишь неясное, смутное видение или знание.

² H. Diller, (Hermes, 67, 1932, стр. 14 сл.), O. Regenbogen. Eine Forschungsmethode antiker Naturwissenschaft (Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik, I, 2, 1930, стр. 131 сл.), тогда как в 1884 г. Diels в своей статье «Gorgias und Empedokles», стр. 355, говорил еще о «spielende Art der Analogieschlüsse» и о «kindliche Methode dieser alten Physik».

чая к тому времени формула переходит из философии в популярную этику (Псевдо-Исократ «К Демонику», 34) и позднее включается парэмиографами в сборники пословиц.¹ Это показывает, конечно, что Анаксагор дает только удачную формулировку мыслей, которые к его времени носят в воздухе.² Так, Солону приписывается изречение: «Неизвестное доказывай при помощи явного»; Анаксимен Милетский для объяснения происхождения молнии приводил пример отблеска при рассекании волны веслом; Алкмеон говорит: «о невидимом ясным знанием обладают боги, люди же могут только делать заключения на основании внешних признаков (τεχμαίρεσθαι)». Чем ближе ко времени Анаксагора, тем подобные высказывания становятся чаще. У Эмпедокла проведение такой аналогии между известным и неизвестным является уже преобладающим методом.

Уловить, что дали эти мысли позитивной науке V-IV веков до н. э., помогает опять собрание сочинений, сохраненных под именем Гиппократов. В уже цитированном сочинении «О древней медицине» (гл. 22, стр. 53 Heib.) автор, говоря о том, что полости тела, имеющие узкие выходы, более всего всасывают в себя жидкости из остального тела, добавляет: «понять это можно на основании того, что мы видим» (ἐκ τῶν φανερῶν). И далее следуют такие наблюдения: нельзя набрать воды в открытый рот, надо для этого вытянуть вперед и сузить губы и т. д. О заключении относительно происходящего внутри человеческого тела на основании внешних проявлений (ἐμψάλλεσθαι... τοῖσι ἐμφανέσι) говорится и в большом сочинении, состоящем из трех частей: «О семени», «О развитии зародыша», «О болезнях» (кн. IV, гл. 7, VII, 478 L.). Этот метод доказательства, встречающийся в других частях Гиппократовского сборника в виде единичных примеров, здесь возведен в систему: автор пользуется им, приблизительно, в 25 случаях.³

Тому же методу следует и Геродот (II, 33), когда он делает заключение о неисследованных истоках Нила на основании известных античным географам истоков Дуная.

Если во всех приведенных случаях анаксагоровский принцип ведет к заключениям по аналогии, то в сочинении «Об искусстве» (т. е. о врачеб-

¹ Leutsch. Paroemiographi Graeci, I, 444.

² Ср. W. Heidel. The heroic age of science. Baltimore, 1933, стр. 150 слл.

³ Ср. Regenbogen, ук. соч. См. также M. Wellmann, Spuren Demokrits von Abdera im «Corpus Hippocraticum» (Archeion, II, 1929, 327). Также G. Senn. Die Entwicklung der biologischen Forschungsmethode in der Antike und ihre grundsätzliche Förderung durch Theophrast von Eresos (Veröffentlichungen der Schweizerischen Gesellschaft für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften, 8, 1933, 61 слл. и Archiv für Geschichte der Medizin, 22, 1929, 220 слл.).

ном искусстве) (гл. 12)¹ он находит себе дальнейшее, гораздо более плодотворное для истории науки приложение: автор говорит здесь, что медицина, лишенная возможности видеть глазами то, что происходит во внутренних органах, нашла для этого иные пути, а именно, она узнает об этом по чистоте или хрипlosti голоса, по характеру дыхания и по выделениям из разных органов, а затем добавляет: «если же таких показаний нет, и сама природа не дает их добровольно, то наука изобрела пытки (ἀνάγκας), которыми природа без вреда принуждается дать показания... , чтобы на основании увиденного можно было сделать заключение о том, чего медицине невозможно было увидеть».² Соотношение между видимым и невидимым здесь иное, чем в приведенных выше случаях: тут имеется в виду частичное обнаружение самого этого невидимого, тогда как в других случаях наблюдаются как бы два параллельных ряда, независимых друг от друга. К какому из этих двух пониманий примыкает Анаксагор, мы решить не можем. И то и другое оставило свой след в истории античной науки. Здесь роль человека из пассивной, наблюдательной, становится активной. В ранней научной литературе это место стоит особняком, позднее эта мысль, как увидим, используется. Однако и изолированность ее в V веке не так абсолютна: если вернуться опять к «Лягушкам» Аристофана, то мы встретим там слово βατάνιζειν (пытать). В тех самых стихах, где раб говорит, что будут принесены различные измерительные приборы, он поясняет цель этого: «Еврипид собирается слово за словом пытаться (βατάνιζειν) трагедии» (ст. 802). Опять экспериментальное исследование метафорически обозначается словом «пытка» (у Гиппократа употреблено ионическое слово, у Аристофана аттическое). К этому же образу Аристофан возвращается и дальше, вкладывая это слово уже в уста самого Еврипида (ст. 1119—1121): «Я обращаюсь к твоим прологам, чтобы прежде всего попытать эту первую часть трагедии». Опять мысль и словоупотребление, возникшее на почве естествознания, перенесены в область стилистических исследований.³ А так как очевидно, что Аристофан заимствует этот образ не из сочинения «Об искусстве», то несомненно, что он должен был иметь уже некоторое распространение в научной литературе V века.

¹ См. Th. Gomperz. Die Apologie der Heilkunst. Leipzig, 1910, стр. 54, 18 сл.

² См. комментарий Гомперца, ук. соч., стр. 140.

³ Не только переводчики обеспечивают здесь слово βατάνιζειν, передавая его словом «разобрать» и т. п., но и ни один из комментаторов, насколько я знаю, не увидел тех нитей, которые идут от Аристофана к Гиппократу; таким образом, рассуждения, отраженные Аристофаном, оказываются вырванными из той научной среды, в которой они коренятся. И Ed. Fraenkel, который в своей статье «Der Agon in den Fröschen des Aristophanes» (Sokrates, 4, 1916, Jahresber., стр. 134), передавая содержание данного места, говорит о «hochnotpeinliche Prüfung der Tragödie», никак не использует этого выражения для интерпретации.

Этот дальнейший шаг, который делается здесь греческой наукой, исходящей из принципа Анаксагора, требование, чтобы, если «феноменов», необходимых для познания недоступного ощущениям, нет, человек сам создавал их себе путем собственного активного вмешательства, т. е. путем эксперимента, требование, которое, как показывают сочинения Гиппократовского сборника, действительно осуществлялось,¹ вызывает насмешки со стороны Платона и Аристотеля. Платон дважды высмеивает экспериментирование, применяя к нему то же выражение «пытка», которое было употреблено в этом смысле и приверженцами данного метода. В «Государстве» (VII, 531B) высмеиваются пифагорейцы: «ты имеешь в виду, — сказал я, — тех почтенных людей, которые не дают покоя струнам и пытаются их (βασανίζοντας), накручивая (στρεβλοῦντας) — игра слов, так как этот глагол употребляется обыкновенно о выкручивании членов на орудиях пытки — на колышки. Чтобы не продолжать дальше этого сравнения, скажу, что они ударяют плектром для изобличения (κατηγορίας) струн, или вследствие их отказа (ἐξαρνήσεως) дать звук, или в случае слишком громкого звучанья». В «Тимее» (68 D) рассуждение о цветах заканчивается словами: «если же кто-нибудь захотел бы проверить это на опыте (βάσανον λαμβάνει), он игнорировал бы различие между человеческой и божественной природой, так как бог умеет и может многое смешать в одно и затем снова одно разделить на многое, из людей же никто ни теперь, ни в будущем не в состоянии этого сделать». Таким образом эксперимент представлен здесь как дело нечестивое. Конечно, ничего подобного этой мотивировке не может быть у Аристотеля, но и его отношение к эксперименту также отрицательное. Не случайно, очевидно, что и у него повторяется выражение «пытка»; созданное греческой наукой в ее героический период, оно здесь выдвигается как оружие против нее же, в него вкладываются теперь совершенно другие настроения. Я имею в виду следующие слова в аристотелевской «Физике» (IV, 6, 213a 26), примыкающие непосредственно к полемике против Анаксагора: «они доказывают, что воздух представляет нечто, муча (пытая, στρεβλοῦντες) мехи и показывая, что воздух обладает силой».²

¹ G. Senn. Über Herkunft und Stil der Beschreibungen von Experimenten im Corpus Hippocraticum, Archiv für Geschichte der Medizin, 22, 1929, стр. 217—288; его же. Nochmals die Experimente im Corpus Hippocraticum. Verhandlungen der Naturforschenden Gesellschaft in Basel, 41, 1930, стр. 109—128. В этом направлении греческой медицины Зенн усматривает влияние «так называемых пифагорейцев». Ср. также Эмпедокл, фр. 100 (Vors., 5, 1, 347 сл.).

² Удивительно, что Регенбоген, обративший внимание на эти места из Платона и Аристотеля (стр. 152 сл.), не знает, что самая метафора пытки не сочинена Платоном, а взята им из терминологии V века.

Позиция Аристотеля в данном случае может быть объяснена несогласием по существу, именно разным пониманием пустоты,¹ а его скептическое отношение к эксперименту вообще — тем, что эксперимент создает искусственные условия и потому не может дать надежных результатов.² Как бы то ни было, не только идеалистическая философия в лице Платона, но и Аристотель и Феофраст отказываются от эксперимента, отказываются они и от заключений по аналогии, которыми так увлекались и, естественно, нередко злоупотребляли досократики, в особенности Эмпедокл.³

Наоборот, Демокрит принимает принцип Анаксагора; Секст Эмпирик, приводя слова Анаксагора, прибавляет: «за это Демокрит хвалит его» (Фр. 111 D.). Повторяется афоризм Анаксагора и позднейшими врачами, например Диоклом (IV век до н. э.) без упоминания имени Анаксагора, как афоризм общеизвестный. Его же кладет Эпикур в основу своей каноники, т. е. теории познания. Диоген Лаэртий (X, 38 сл., см. Usener, Episcurea, стр. 372) сообщает, что, согласно учению Эпикура, заключать (σημειοῦσθαι) относительно невидимого (ἄδηλα) на основании видимого (φαίνόμενα) возможно путем περίπτωσις (личного случайного опыта), аналогии, сходства и сопоставления.⁴ Поэтому не удивительно, что именно в этой среде учеником Демокрита и учителем Эпикура Навсифаном делается попытка перенести этот принцип в область общественных наук. Филодем («Реторика», кол. XI, II, 38 Sudh.) передает, что, по словам Навсифана, и политик, и врач, и геометр одинаково пользуются заключением о невидимом (τὸ ἀφανές) на основании видимого (τοῦ φανεροῦ), причем для политика такое заключение сводится к заключению о будущем на основании настоящего. Впрочем, то, что делает здесь Навсифан, не совсем ново. Первые попытки такого рода, без ссылки однако на слова Анаксагора, относятся еще к V веку, к тому же времени, когда и к изучению речи применялись точные методы исследования, принятые в естественных науках. Геродот (II, 104) делает заключение о неизвестном прошлом, о том, что финикияне заимствовали обычай обрезания у египтян, на основании известного ему настоящего, когда финикияне, вступающие в сношения с эллинами, не практикуют обрезания. Фукидид (I, 6), говоря, что в старину все жители Эллады ходили вооруженными, добавляет: «те части Эллады, в которых люди ведут еще и теперь

¹ Так объясняет смысл этой полемики Cherniss, см. ук. соч., стр. 146 слл.

² Sen n. Die Entwicklung etc., стр. 89.

³ Эта противоположность юной смелости досократиков и симптомов другой эпохи, проявляющихся в граничащей с нерешительностью осторожности, например, Феофраста, прекрасно показана Регенбогеном, (ук. соч., стр. 157). Ср. Sen n. Die Entwicklung etc., стр. 121.

⁴ Krokiewicz. Nauka Epicura. Krakov, 1929. См. также рецензию на эту книгу Merlan в «Gnomon», 10, 604 слл.

такой образ жизни, свидетельствуют о существовании некогда подобных же обычаев и у всех эллинов». Здесь опять, как и у Геродота, мы имеем заключение от настоящего к прошлому. Заключение от прошлого к будущему, о котором говорит Навсифан, имеется у Фукидида в конце введения (I, 22 кон.), где Фукидид высказывает надежду, что его изложение событий прошедших будет интересно и полезно, так как эти события могут повториться в будущем. Эти заключения настолько элементарны, что видеть в них определенный научный метод мы едва ли имели бы право, не будь на этот счет ясного указания самого Фукидида, в другом месте введения (I, 10, 1) даже предостерегающего от возможных злоупотреблений этим методом: «если бы из того обстоятельства, что Микены были малы, или что какой-нибудь из тогдашних городов оказывается теперь незначительным, кто-нибудь стал относиться с недоверием к тому, что троянский поход был действительно столь грандиозен, как изображают его поэты и как установилось о нем предание, то такое недоверие было бы недостаточно обоснованным».¹

III

Но не только ради этого несколько обще и неопределенно выраженного использования принципа Анаксагора остановилась я так подробно на его судьбе в такой связи, где меня интересуют не столько общие направления научной мысли, сколько их отложения в виде терминологии и кристаллизовавшихся формулировок. Именно в этой области тот круг идей, который нашел свое выражение в анаксагоровском афоризме, сыграл особенно важную роль. То использование слов Анаксагора, которое мы видели у врачей, целиком построено на постулируемом параллелизме в природе, параллелизме, определенно подчеркиваемом, например, в сочинении «О развитии зародыша» (гл. 27, VII, 528 L.): «тот, кто захочет продумать сказанное с начала до конца, найдет, что сходна (*παράλληλα*) вся природа того, что рождается из земли и того, что рождается от людей».² Этот параллелизм нередко формулируется как подражание³ микрокосма макрокосму. Так, в трактате Псевдо-Гиппократ «О диете» (кн. I, гл. 10, VI, 484 L.) мы читаем: «Огонь все распределил в теле, согласно своей природе, как подражание (*ἀπομίμῃσιν*) вселенной» (*τοῦ ὅλου*); или у Платона в «Тимее» (44 D.): «Голова своей шаровидной формой подражает форме

¹ Diller, ук. соч., стр. 22.

² Ср. пародию у Аристофана «Облака», 234, 385, 404 слл.

³ Ср. W. Theiler, Geschichte der teleologischen Naturbetrachtung bis auf Aristoteles. Zürich u. Leipzig, 1925, стр. 54—57. F. M. Cornford, Class. Quart. 16, 1922, стр. 137—150; 17, 1923, стр. 1—12.

вселенной». Подобные выражения высмеивает Аристофан («Фесмофории», 17), называя глаз подражанием (*ἀπομίμησιν*) солнечному диску. Интересен пример параллелизма, встречаемый нами в кругах, близких Анаксагору. Архелай, согласно преданию, ученик Анаксагора, говоря (Фр. А 4 D.) о происхождении животных и человека из земли, добавляет, что земля дала из себя жидкость (*ἰλύς*, собственно, жидкая грязь, ил), похожую на молоко; это же представление повторяется и в школе Эпикура, у Лукреция (V, 811 сл.): «и направляла природа в места те все скважины почвы, соки из жил выпускавшей, подобные влаге молочной. Это мы видим и ныне у женщин...» (*sicut nunc feminae*). Слова «подражание» здесь, правда, нет, но мы легко убедимся, что сходство понимается тут именно как подражание, если сопоставим со словами Архелая то, что Платон говорит в своем шутливом «Менексене» (237 D сл.); рассказывая, что земля произвела из себя некогда живые существа, он добавляет (238 A): «не земля своей беременностью и родами подражает женщине, а женщина земле», слова, которые находятся в полном согласии с идеей воспроизведения в микрокосме того, что происходит в макрокосме. Мы, конечно, будем склонны видеть в них не собственную формулировку Платона, а полуироническое повторение им ходячей философской формулы. К сожалению, мы не имеем высказываний в этом смысле у Демокрита, но тот факт, что о *μικρὸς κόσμος* говорит впервые именно Демокрит (Фр. 34), и наличие этих мыслей, с одной стороны, в кругах, близких Анаксагору, с другой — у эпикурейцев дает нам полное право предполагать, что промежуточным звеном был именно Демокрит. К тому же, мы имеем у Демокрита приложение этой теории к культурно-исторической области: люди в важнейших вещах оказываются путем подражания учениками животных — паука в ткацком искусстве, ласточки в строительном, певчих птиц, лебедя и соловья, в пении (Фр. 154 D.). Сельскому хозяйству также учит людей природа.¹

И другие науки являются лишь усвоением уроков природы в каждой отдельной области (Псевдо-Гиппократ «О диете», кн. I, гл. 11—12). У Аристотеля, много раз повторяющего, что наука (*τέχνη*) есть подражание природе,² к этой мысли присоединяется еще добавочное положение о том, что наука восполняет природу. На этом фоне становится понятным и учение об искусстве как подражании, учение, развернутое изложение [которого

¹ Демокрит, Фр. А 151 D., и Ксенофонт, «Экономика», 19, 18 сл. из Демокрита; ср. Лукреций, V, 1361 сл. Prächter. Hermes, 50, 1915, 144 сл.

² «Физика», II, 2, 194a 21, 8, 199a 12—15. Мысль эта развивалась, вероятно, и в «Протрептике». Ср. Jäger, Aristoteles, 75. Theiler. Ук. соч., 86.

мы имеем у Платона и, в особенности, в «Поэтике» Аристотеля, но которое возникло гораздо раньше: его знает уже в конце V века Аристофан («Фесмофории», 155 слл.).¹ Так же рано охватывается теорией подражания и языкознание, причем здесь теория подражания выступает в двух разновидностях: с одной стороны, это — звукоподражательная теория происхождения речи, с другой — учение атомистов, согласно которому подражание происходит путем жестов, производимых речевыми органами.²

В таком виде эта теория является ближайшей параллелью к измерению языка Еврипида для уяснения характера его стиля. Параллель эта проливает, может быть, некоторый свет на происхождение, по крайней мере, этой разновидности приложения измерительных методов к стилистике.

Но термин *mimesis*, нашедший себе такое прочное место в языкознании и, в особенности, в эстетике, продолжает жить, хотя и менее широко известный, в прежнем своем значении, в применении к естественным наукам. Свидетельством тому служит учение возникшей в раннюю эллинистическую эпоху эмпирической школы врачей, во многих своих особенностях непосредственно примыкающей к Демокриту.³ Школа эта ставит своей целью точное наблюдение отдельных фактов, не ища их объяснения, в противовес многочисленным и смелым теориям врачей предшествующей эпохи. Пользуясь демокритовски-эпикуровской терминологией, эмпирики признавали познаваемость только явлений (*φαινόμενα*), а не невидимого (*ἄδηλα*), считая возможными относительно последнего только косвенные заключения. В процессе познания эта школа усматривает три момента: первым моментом является наблюдение, которое может быть или случайным (*περίπτωσης*) или преднамеренным (*αὐτοσχέδιος*). Второй этап составляет *μιμητική πείρα*, т. е. эксперимент, искусственно воспроизводящий явление. Повторные опыты дают *θεωρήματα*, а путем накопления (*τήρησις*) таких «теорем» и получается *ἐμπειρία*. Третьим моментом в исследовательском процессе будет средство узнать что-нибудь об *ἄδηλα*. Это — путь аналогии, *ἡ τοῦ ὁμοίου μετάβασις*, переход от подобного к подобному.⁴ В понятии воспроизведения явления для его изучения вновь встает перед нами весь тот круг идей, который связан с экспериментом в ранней греческой науке.

¹ См. A. Rostagni. La Poetica di Aristotele. Torino; 1927, стр. XXXV. Также см. мою статью «Учение о подражании и иллюзии в греческой теории искусства до Аристотеля». Изв. Акад. Наук СССР, 1926, 1153 слл.

² См. И. М. Тронский в сборнике «Античные теории языка и стиля», стр. 20.

³ См. K. Deichgräber. Die griechische Empirikerschule. Berlin, 1930.

⁴ См. Гален у Deichgräber, ук. соч., 44 слл., 94 слл., 301.

Очевидно, понятие *mimesis* в естественно-научной области, в которой оно возникло, никогда и не умирало, это его значение лишь затемнено для нас силой того влияния, какое приобрела искусствоведческая теория подражания.

Но не одно это понятие представляет для нас интерес в приведенной терминологии эмпирической школы. Самый термин «эмпирия», созданный не в эллинизме, но выдвигаемый в эту эпоху, в школе врачей-эмпириков, как лозунг, не является исключительной принадлежностью врачебной науки. Наиболее влиятельный грамматик, александриец Дионисий Фракийский, определяет грамматику как «эмпирическое знание (*ἐμπειρία*) большей части того, что говорится у поэтов и прозаиков». Сопоставление этого определения с понятием эмпирии у врачей принадлежит не нам: уже античные схоласти Дионисия сделали это сопоставление.¹ При этом они критикуют определение Дионисия, считая, что грамматика дает нечто большее, чем только эмпирическое установление фактов, в котором устанавливающий их не в состоянии дать отчета. Эта неудовлетворенность определением Дионисия и его критика заставляют обратить внимание на другое определение грамматики, данное Тираннионом (ок. 100—25 гг. до н. э.), согласно которому грамматика есть *θεωρία μιμήσεως*.² Это последнее определение обыкновенно либо называют непонятным и странным,³ может быть, переданным слишком сокращенно,⁴ либо очень неудачно ставят в связь с требованием подражания аттическим образцам, требованием, господствующим в литературной критике с начала I века до н. э.⁵ Так же теряются в толковании его и наши античные источники. В связи с той критикой, которой подвергается связанное с эмпирической школой определение Дионисия, возникает мысль, не есть ли определение Тиранниона попытка подчеркнуть, что грамматика есть результат не случайных наблюдений, а более точных методов исследования, указываемых той же эмпирической школой. Допедавшая до нас краткая формулировка, не содержащая никаких пояснений, не позволяет в точности представить себе, как именно сопоставлял Тираннион методику изучения литературного текста с экспериментом (*μιμητική πείρα*) врачей, но что экспериментальный подход к нему представлялся вообще возможным, мы видели уже у Аристофана.

¹ См. Scholia in Dionysii Thracis artem grammaticam, rec. A. Hilgard, Leipzig 1901. Соответствующие места приведены у Deichgräber, стр. 124; ср. стр. 325.

² Scholia in Dionysium Thracem, p. 121, 17 Hilg. Bekker. Anecd. Graeca, 668, 7.

³ Напр. Barwick. Remmius Palaemon, 231, прим. 2.

⁴ Steinthal. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern 2. Aufl., 1890, стр. 177.

⁵ Christ-Schmid, Geschichte der griechischen Literatur, 5. Aufl., II, 1, 329.

IV

Еще одно понятие у эмпириков все в той же их тройной градации научного исследования привлекает к себе внимание в связи с поставленной себе нами задачей. Это — той *ὁμοίου μεταβάσις*, переход от известного к сходному неизвестному, перенесение на последнее добытого относительно первого знания. В сочинении Галена, содержащем наиболее полное изложение учения эмпириков, сохраненном нам только в латинском переводе, под заглавием «Subfiguratio empirica» (гл. 9, стр. 74, 12 Deichgr.), говорится: «in metaphoris unius auxilii a passione ad passionem», т. е. о применении средства, испытанного на одной болезни, в болезни сходной, о переносе его с одной болезни на другую. Нет сомнения, что в греческом тексте говорилось о *μεταφοράι*. Глагол *μεταφέρειν* (переносить) употреблен Галеном в совершенно сходном контексте, в сочинении «ο (научных) направлений, введение для начинающих», также содержащем характеристику эмпирической школы (Deichgräber, стр. 95, 23 сл.): «Орудием нахождения (целебных) средств они сделали и переход сходного. Пользуясь им, они часто одно и то же средство переносят (*μεταφέρουσι*) с одной болезни на другую и с одного (больного) места на другое и переходят от раньше известного средства к сходному, от одной болезни к другой». Так же употребляется и латинский глагол *transferre* для перенесения (применения) наблюдения, установленного для одной вещи на другую, напр. у Лукреция (I, 870): «Если уж в самой земле обретается все то, что ею создано, то и земля состоит из частей чужеродных. В тех же словах приложу я пример свой к предмету другому (*transfer item, totidem verbis utare licebit*). Если скрывается в дереве пламя с золою и дымом, то состоит само дерево это из тел чужеродных».¹

Возникает мысль, не взят ли и термин «метафора», как стилистическое понятие, из естествознания. К сожалению, все свидетельства об употреблении его в этой области относятся уже к эллинистическо-римской эпохе, из ранней же греческой науки мы, повидимому, параллели не имеем. Как стилистический термин слово «метафора» встречается также сравнительно поздно: впервые у Исократа («Евагор», 9). Первую теорию метафоры дает Аристотель. В трактовке им этого термина многое, может быть, должно будет осветиться новым светом теперь, когда мы видим, как применяется этот термин в другом цикле наук. Во-первых, как ни подробно

¹ Ср. комментарий Munro к данному месту, где приводятся еще примеры подобного употребления глагола *transferre* у Цицерона («De officiis», 1, 16, 51) и у Сенеки, («Письма к Луцилию», 65, 3); в последнем случае для перехода от общего к частному.

останавливается Аристотель на метафоре, и в «Поэтике», и в «Реторике», по сравнению с другими видами украшения речи, не получается, однако, впечатления, чтобы это был термин, им созданный. Против этого говорит и то, что как существительное «метафора», так и глагол μεταφέρειν («переносить») не раз употребляются им в других сочинениях, частью написанных раньше «Поэтики» и «Реторики», без всякого пояснения и не в смысле украшения речи, а только для обозначения слова, употребленного в применении к другому предмету, чем тот, который оно обыкновенно обозначает. Особенно ясно это в «Метафизике» (V, 3, 1014b 3): «заимствуя название элемента отсюда (μεταφέροντες ἐντεῦθεν), дают его всему, что, будучи одним [по числу] и малым [по величине], в то же время пригодно для многого».¹

Во-вторых, обращает на себя внимание сходство самых выражений, употребляемых им в трактовке метафоры, с теми формулировками, которые мы встречали у эмпириков: как там говорилось о переносе с болезни на болезнь и с больного места на другое больное место, так и Аристотель говорит о перенесении слова «из рода в вид, из вида в род или из вида в вид» («Поэтика», гл. 21). Наконец, характерен упор, делаемый Аристотелем на познавательную ценность метафоры («Поэтика», гл. 22, 1459a 8): «создавать хорошие метафоры (εὖ μεταφέρειν) значит подмечать сходство», (τὸ ὁμοίον), или («Реторика», III, 11, 1412a 10—14) «метафоры надо заимствовать... из области родственного, но не очевидного. Подобно этому и в философии меткий ум усматривает сходство в вещах, даже очень различных. Архит, например, говорил, что одно и то же судья и жертвенник: ведь и у того и у другого ищет защиты то, что обижено» (ср. III, 10, 1410b 14).

Конечно, это черта, характерная для всей эстетики Аристотеля; в значительной мере с этой же точки зрения трактуется им и *mimesis* и целый ряд явлений стиля, как то период и т. д. Но и метод, применяемый здесь Аристотелем, и его терминология, т. е. с одной стороны, подчеркивание ценности уловления сходства, а с другой и самый термин ὁμοίον (сходное) выводят трактовку им метафоры из узкой области стилистики и ставят в иное, более широкое окружение. Мы знаем, что установливание сходства, как метод, играло большую роль в Академии как у самого Платона, так, в особенности, у его преемника Спевсиппа, одно из сочинений которого даже носит заглавие Ὅμοια (т. е. «сходное»). Сохранившиеся отрывки этого сочинения² показывают, что Спевсипп устанавливал сходство между

¹ Ср. также «О душе», III, 3, 428a 1, «De generatione et corruptione», 18, 324b 13—15.

² P. Lang. De Speusippi academici scriptis. Accedunt fragmenta. Diss. Bonn, 1911, стр. 47 слл. Ср. J. Stenzel. Realencyclopädie, 2. Reihe, 6, Hbbd., 1936, s. v. Speusippus.

отдельными видами животных и растений, очевидно, в целях классификации, чем, судя по пародии комика Эпикрата (Com. Att. fragmenta, II, 287 Кокк), занималась Академия и при Платоне. Существуют и противники этого метода, например, Евклид Мегарский (Диоген Лаэртий, II, 10, 107). Совершенно в духе Академии говорит об отыскании сходства и Аристотель в «Топике» (I, 17): также, как и в «Реторике» (пример Архита), он рекомендует улавливать сходство в далеких друг от друга предметах. Следует, по его словам, также исследовать, относится ли в одном виде один предмет к другому так же, как и в другом виде, например знание к познаваемому, как ощущение к ощущаемому. Таким образом, изучение сходства приводит исследователя к построению пропорции, подобно тому, как в «Поэтике» (гл. 21, 1457b 9) и в «Реторике» (III, 2, 1405a II, 1411b 22) Аристотель говорит о метафорах, построенных в форме пропорции (*ἀναλογία*), и даже называет их лучшими из четырех видов метафор («Реторика», III, 10, 1411a 2).¹

Таким образом здесь привлекается для выяснения сущности переноса понятие из области математики. Пропорция занимала в греческой математике более важное место, чем то, какое имеет она в современной. Играла она большую роль и в научной мысли Академии² в применении к естественным наукам.³ И Аристотель не раз, говоря о естественно-научных вопросах, употребляет ту же формулировку, какой он пользуется в «Поэтике», говоря о метафоре как стилистическом приеме, например, в «Истории животных» (I, 486b 17 сл.): «что у птицы крыло, то у рыбы плавник», или при трактовке обще-философских проблем в «Физике» (I, 7, 191a 7): «как к статуе относится медь, так к кровати дерево и к другим вещам из имеющих форму — [материя и] бесформенное, прежде чем оно получит форму».

На использование Платоном пропорции для социологических спекуляций, на ее политическую роль в IV веке, указал С. Я. Лурье.⁴ Своеобразное применение пропорции в языкознании мы встречаем у Платона

¹ В русских переводах Аристотеля этот термин переводился обыкновенно словом «аналогия», вследствие чего пропадала вкладываемая в него Аристотелем мысль. Впервые он переведен словом «пропорция» в сборнике «Античные теории языка и стиля».

² О. Toeplitz. Das Verhältnis der Mathematik und Ideenlehre bei Plato. § I. Die griechische Proportionenlehre. Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik, 1, 1929, стр. 6 сл.; J. Stenzel. Zur Theorie des Logos. Там же, стр. 45 сл. О пифагорейских корнях учения о пропорции см. Е. Н. Hänszler. Zur Theorie der Analogie und des sog. Analogieschlusses. Diss. Basel, 1927.

³ См., например, Тимей, 31 В — 32 А.

⁴ С. Я. Лурье. Платон и Аристотель о точных науках, Труды Инст. истории науки и техники IX, стр. 308 сл.

в «Филебе» (18В — D), где говорится об «едином связывающем все звуки отношении». Имеются в виду 24 звука египетского языка, из которых 4 гласные, 8 полугласных и 12 согласных. Получается пропорция $4:8=12:24$, или арифметическая прогрессия $4+8+12=24$, в которой 4 играет роль связывающего члена, как гласные звуки связывают согласные.¹

Совершенно очевидно, что исконное место этих формулировок находится в обстановке наук точных и естественных, а в языкознании и стилистике это лишь применение уже готового метода. Самый термин «метафора», возникающий на почве этого метода, у Аристотеля встречается нам только как явление языковое, хотя, как мы видели, и не непременно как явление художественной речи, но наличие его в эллинистическо-римском естествознании делает очень соблазнительным искать его и в доаристотелевском естествознании. Где именно? Там, разумеется, где исследовательский процесс построен на «переходе», т. е. у Анаксагора, где результаты, добытые для феноменов, «переносятся» на невидимое.²

Может быть, не случайно и то, что у Лукреция глагол *transferre* (переносить) встречается в таком контексте, где Лукреций полемизирует с Анаксагором. Не раз в рассуждении о «соответствии» Аристотель упоминает Эмпедокла. Так, в «Метеорологии» (IV, 9, 34, 387b 3), говоря о функциональном тождестве волос и костей, он приводит фрагмент 82 Эмпедокла: «одно и то же волосы, листья, густые перья птиц и чешуя на твердых членах (рыб)», а в сочинении «De generatione et corruptione» (I, 23, 731a 1 сл.) он цитирует фрагмент 79: «так кладут яйца, во-первых, высокие оливковые деревья». Наоборот, с критикой относится он в «Метеорологии» (II, 3, 357a 24) к тому, что Эмпедокл называет море «потом земли» (фр. 55): «смешно, если кто-нибудь, назвав море потом земли, как Эмпедокл, думает, что выразил этим нечто достоверное: для поэзии это, может быть, и хорошо сказано, так как метафора поэтична, но для познания природы не достаточно». Здесь Аристотель касается самой сущности этого приема Эмпедокла, на метафоричность языка которого он не раз указывает («Поэтика», гл. 2, 1459a 6, фр. 59, 1485b 9). Для Эмпедокла его метафоры, конечно, больше, чем поэтический прием:³ он в них на практике

¹ См. Eisler. Plato und das ägyptische Alphabet. Archiv f. Geschichte der Philosophie, 34 (27), 1922, стр. 11; И. М. Тронский в сборнике «Античные теории языка и стиля», прим. к стр. 59.

² Заключение на основании соответствия, т. е. в форме пропорции (*ἀναλογισμός*), по словам Галена, связано с познанием невидимого через явления и у врачей эмпириков. См. Deichgräber, стр. 106, 6 сл.

³ Regenbogen, ук. соч., 148 сл. В частности, море как пот земли, не только метафора Эмпедокла, но и научная теория древнегреческой науки вообще.

осуществляет тот «переход», который, как гносеологический принцип, формулируется Анаксагором в его афоризме, о котором мы говорили выше. И здесь Анаксагор, как и во многом другом, продолжает и развивает начатое Эмпедоклом.¹

V

В эллинистическом языкознании и стилистических теориях очень часто встречается одно и то же объяснение целого ряда явлений четырьмя причинами: добавлением, отнятием, изменением и перестановкой (πρόσθεσις, ἀφαιρέσις, ἀλλοίωσις, μετάθεσις). Это объяснение особенно хорошо укладывалось в систему языкознания стоиков, для которых звук (φωνή) был чем-то материальным, телесным (σῶμα).² Эти четыре категории применяются стоиками для объяснения происхождения варваризма,³ метатлазма⁴ солекизма.⁵ Варрон,⁶ пользуясь стоическим источником, применяет их для этимологии. Переносится это объяснение и в те части языкознания, которые самими стоиками не разрабатывались, например, в вопросы орфографии,⁷ применяется оно и в стилистике, например, в учении о фигурах у Фебамона, I, 1 (Rhetores Graeci, III, 45, 15—18 Sp.): «надо знать, что все фигуры создаются четырьмя способами или причинами: сокращением, расширением, перестановкой, изменением». Почти в тех же словах излагает эту теорию Квинтилиан (IX, 3, 27). В применении к одной определенной фигуре встречается она в «Реторике к Гереннию» (IV, 21, 29): «созвучие... получается многими и различными способами... путем прибавления букв... перестановки... изменения». Хотя и менее определенно сформулированная, та же теория находит себе место и в учении о расположении слов у Дионисия Галикарнасского, «О сочетании слов» (гл. 6, 39, стр. 27, 23 Us.-Rad.), где в числе задач науки о сочетании упоминается знание того, «не нуждается ли используемый материал в той или иной переделке, в урезке, добавке или изменении», и у Квинтилиана⁸ (IX, 4, 58): «Я допустил бы и прибавление слов, если только они не лишние, и сокращение их, если только они не необходимы, и изменение их при помощи фигур, падежей

¹ Ср. W. Kranz. Empedokles und die Atomistik. Hermes, 47, 1912, стр. 18 слл.

² Диоген Лаэртий, VII, 55. Ср. Barwick, Remm'us Palaemon. Leipzig, 1922, стр. 97 слл.

³ Напр., Донат. Grammatici Latini, 392,8; Харисий, 350 Barw.; Квинтилиан, I, 5, 6.

⁴ Под метатлазмом понимается изменение слова ради использования его в стихе Харисий, 366 Barw.

⁵ Харисий, 352 Barw.; Квинтилиан, I, 5, 38—41.

⁶ De lingua latina, V, 6.

⁷ Терентий Скавр. Grammatici Latini, VII, 1.

⁸ W. Kroll. Quintilianstudien. Rhein. Mus., 73, 1920/24, 256 сл.

и чисел», или (IX, 3, 117 сл.): «можно изменить падеж, если тот, с которого мы начали, звучит резко... Почему в одних случаях речь при меньшем числе слов достаточно полна, а в других при большем кратка и отрывочна». Наконец, эта же теория служит и для объяснения происхождения разнообразия метрических форм. Лео¹ показал, что та метрическая система, которая выводит при помощи *adiectio*, *detractio*, *concinatio*, *permutatio* все размеры из гексаметра и ямбического trimetra,² восходит к Пергамской школе. Пергамцы же, повидимому, нашли это объяснение уже разработанным стоиками и заимствовали его у них.

Что вся эта теория создалась не на почве наук о слове, а опять-таки в естествознании, на это указано уже давно: Фр. Маркс³ сопоставил ее с тем, что говорится в сочинении Филона «*De incorruptione mundi*», гл. 22: «существуют четыре пути разрушения: прибавление, отнятие, перемещение, изменение». Анализ этого сочинения (относительно его принадлежности Филону существуют основательные сомнения) показал, что его автор пользуется перипатетическими источниками, в частности, также и приведенное нами место, несомненно, перипатетического происхождения.⁴

Действительно, Аристотель знает эти четыре причины. Так, в учении о движении, изложенном в сочинении «О душе» (1, 3, 406a 12), он говорит: «существует четыре рода движения, а именно перемещение (*φορά*), изменение, сокращение, увеличение». Знает эту теорию и перипатетик Стратон, которому она служит для объяснения происхождения уродств.⁵ Но не одна только перипатетическая школа пользуется этой теорией: ее знают и эпикурейцы. У Лукреция она выступает, правда, в несколько измененном виде (III, 511 сл.):

Кто добивается что-нибудь переменить в нашем духе,
Или желает в другое что-либо внести измененье,
Кое-что должен прибавить, порядок частей переставить,
Или, напротив, изъять кое-что из состава всей массы.

Здесь вместо четырех процессов имеется только три: «добавление», «отнятие», «перемещение» (*addere*, *detrahere*, *transferre*), а четвертый — «изменение» (*commutare*), является уже результатом тех трех. R. Heinze

¹ Hermes, 24, 1889, 280.

² Марий Викторин, 1, 12, 30, р. 52, 19; Цезий Басс, 271, 5; Фортуниан, 28, 1, р. 294, 10.

³ Usener. Ein altes Lehrgebäude der Philologie. Kleine Schriften, II, 298.

⁴ H. Arnim. Quellenstudien zu Philo von Alexandria. Philologische Untersuchungen, II. Berlin, 1888, стр. 22.

⁵ Aetius. Placita, V, 8, 2 (Diels, Doxographi, 421).

в своем комментарии к III книге Лукреция объясняет это тем, что для эпикурейца изменение и перемещение одно и то же. Колебания между тремя и четырьмя причинами характерны и для языковой теории.¹ Узенер² ставит это в связь с тройным и четверным делением грамматики вообще. Мне думается, что причина различия здесь лежит глубже. Созданная не для грамматики, эта схема существовала и в своей исконной области, представленная своими двумя разновидностями. Никто, повидимому, не обратил внимания на то, что это учение датируется временем гораздо более ранним, чем эпоха Аристотеля, и что те же категории упоминаются еще Мелиссом (Фр. 7, Vors., I, 188) и опять-таки в форме трех причин, суммируемых четвертой; только здесь роли третьей и четвертой иные, чем впоследствии у Лукреция. «Так как ничто не прибавляется (*προσγίνεται*), ни утрачивается (уничтожается, *ἀπόλλυται*), ни изменяется (*ἐτεροιοῦται*), то как могло бы перестроившееся (*μεταχρηθέν*) находиться в числе существующих вещей». Из этих слов Мелисса ясно, что он с кем-то полемизирует, так что и здесь мы не имеем еще исходного пункта этого учения. Где надо искать тех, кому Мелисс возражает, сказать трудно.

Первые попытки перенесения этой теории на языковые явления также принадлежат не стоикам. Во всяком случае такое использование этой теории можно усмотреть у Аристотеля в «Поэтике» (гл. 21. 1457b 37—1458a 7): «всякое слово может быть или растяженным, или сокращенным, или измененным... растяженным, если какому-нибудь гласному придать больше долготы, чем ему свойственно, или вставить в слово слог; сокращенным — если у слова что-нибудь отнято; измененным — когда в слове одно оставляют, а другое вносят в него» и (гл. 22, 1458b 1, 2): «в особенности способствуют ясности речи, не делая ее разговорной, растяжения, усечения и изменения слов». Совсем в мелиссовском смысле применяет эту теорию к языковым явлениям Платон в «Кратиле» (432A), говоря: «когда мы воспроизводим в именах посредством письма эти буквы... если мы при этом отнимем или прибавим или переставим что-либо, то имя у нас оказывается не только не написанным правильно, но, вообще, не написанным». И даже в конце V века в «Двойных речах», т. е. в софистических кругах, мы встречаем ту же формулу (5, 11—14): «я думаю, что не только при небольшом вещном прибавлении изменяются вещи, но и при изменении ударения... Одни стали отличными от изменения ударения, другие будучи произнесены с долготой или краткостью..., иные же от перестановки букв. А раз без

¹ Дионисий Галикарнасский. О сочетании слов, приведенное выше место. Варрон. De lingua latina, VI, 2, p. 184.

² Ук. соч., стр. 298.

отнятия чего-либо создаются столь значительные различия, то что же, если кто что прибавит или отнимет».¹

Таким образом и эта теория, получившая такое широкое распространение в эллинистическое время и там, несомненно, — в этом Барвик прав, — связанная со школой стоиков, и зародилась, и была перенесена на языковые явления в том же V веке. Если бы удалось с несомненностью показать, что действительно «пифагорейцы» переносят на языковые явления созданную неизвестным нам физиком четырехчленную схему, то это было бы еще новым фактом, подтверждающим высказывавшееся не раз предположение о большой роли их в начальной стадии развития поэтики и реторики. В соединении с тем, что мы видели в первой главе настоящей работы, рисовалась бы цельная картина деятельности «пифагорейцев» в этой области.

¹ И. М. Тронский в сборнике «Античные теории языка и стиля» в примечании к этому тексту, стр. 292, пишет: «излагаемое здесь учение, восходящее, вероятно, к разрабатывавшим ритмические проблемы пифагорейцам». Это несомненно по отношению к детали, к упоминанию ударения, долготы и краткости, но принадлежит ли вся теория пифагорейцам в целом, с уверенностью сказать трудно. Это связано с поставленным выше вопросом о том, с кем полемизирует Мелисс.

Л. МЕЛКСЕТ-БЕКОВ

Новооткрытая надпись на Севане от 874 г.¹

О Севанском монастыре, как одном из важнейших археологических заповедников в ССР Армении, существует довольно обширная литература почти исключительно на армянском языке, которая с большей или меньшей добросовестностью перечисляется в соответствующей работе ныне покойного армянского археолога и этнографа Е. А. Лалаяна.² К сожалению, в этой единственной на русском языке работе о Севанских древностях обойден молчанием специальный труд на русском же языке Н. Я. Марра, посвященный обстоятельному описанию рукописей того же монастыря,³ каковые рукописи, так же как и все прочие экспонаты музейного значения, ныне перевезены в Государственный музей Армении (в Ереван).

За советский период тому же памятнику старины посвятил специальную книжку, на армянском языке, под заглавием «Севанский монастырь», ныне покойный епископ Гют Тер Газирян.⁴ Перу того же автора, скрывавшегося обычно под псевдонимом Pessimist, принадлежит статья, также на армянском языке, под заглавием «Заметка о драме Л. Шанта „Старые боги“ с исторической, топографической и бытовой точек зрения»,⁵ где представлена попытка анализа известного произведения основоположника символистического направления в армянской литературе Леона Шанта, применительно к реалиям Севанского монастыря.

Однако, как бы богата ни была литература о Севане в изложении как старых, так и новых авторов, одно недоразумение наблюдается в ней,

¹ Сообщение, читанное на заседании Ассоциации Кавказоведов при Институте востоковедения АН СССР 21 июня 1934 г.

² Е. А. Л а л а я н. Севанский монастырь в Новобаязетском уезде Ереванской губернии («Памятная Книжка Эриванской губернии» за 1912 г. и отд. оттиск), стр. 3—5.

³ Н. Я. М а р р. Список рукописей Севанского монастыря. Из летней (1890) поездки в Армению. М., 1892, 59 стр.

⁴ Գիւտ Եւթիգօզիւ, Սեւանյ վանքը [«Ազգային Մատենադարան» 121], Վիեննա 1929, 30 էջ.

⁵ Pessimist, Դիտողաութիւններ Լ. Շանթի «Հին ասորւածներ» դրամայի մասին. պատմական, տեղագրական, կենցաղական տեսակէտից («Հանդէս Ամսօրեայ» 1925 թ., էջ 312—316, 504—507, 598—602).

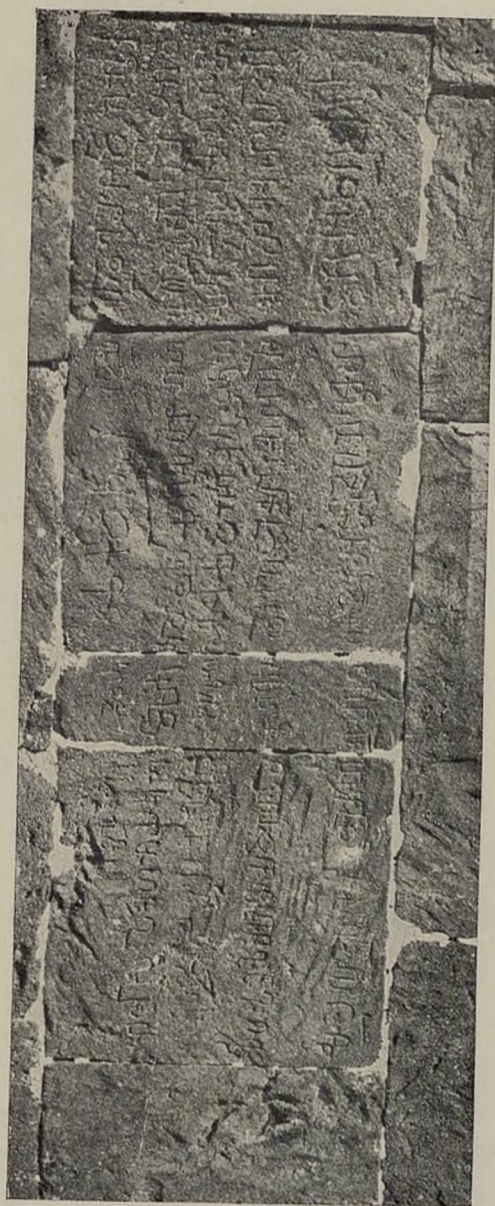
в этой литературе, начиная с 1830 г., когда впервые был проявлен интерес к истории этого памятника со стороны Мануила вардапета Кюмюшханца (Шахиняна), автора книжки на армянском языке под заглавием «История прошлых судеб Севанского монастыря»,¹ и вплоть до наших дней, т. е. за столетие слишком. Мы имеем в виду отметить ошибочное представление о нагорных триконхах, из коих один — малый — связывается с именем «св. Карапета», а другой — большой — с именем «свв. апостолов», в зависимости от чего упоминаемый известным армянским историком XIII в. Стефаном Орбеляном Сиунийским факт основания на Севане в 323 арм. летосч. = 874 г. н. э. «церкви во имя двенадцати апостолов» (*Եկեղեցի յանուն երկուսիս և աս. քերթ*) приурочивается именно к последней, т. е. большой, а не малой купольной церкви, а в связи с этим и Pessimist все реалии в пьесе Л. Шанта «Старые боги» пытается локализовать к этой большой церкви.

С первого взгляда вопрос этот как будто не имеет актуального научного значения. Однако, если к этому вопросу подойти в свете результатов той небольшой находки, которая выпала на нашу долю в бытность на Севане 2—3 мая 1924 г., то тем самым будет вполне оправдано и наше выступление на означенную в заглавии тему.

Участие в организованной Тбилисским Государственным университетом в мае 1924 г. «первой научной экспедиции Грузии в Армению» (по выражению приветствовавшего членов экспедиции на Ереванском вокзале представителя Наркомпроса ССР Армении)² дало нам лично возможность не только побывать впервые на Севане, но и использовать наличный там эпиграфический материал для тех или иных целей. Забравшись на крышу малого триконха, мы тотчас же заметили на восточной грани довольно низкого барабана его купола несколько дефектную надпись на армянском языке, которую тут же в отдельных частях постарались списать, причем руководитель экспедиции проф. Г. Н. Чубинашвили пришел нам на помощь, сделав довольно удачный фотографический снимок, который впоследствии дал нам возможность расшифровать надпись почти целиком.

¹ Մանուէլ Վարդապետ Կիւմիսխանցի, Պատմութիւն անցից անցելոց Սէփանոյ վանոց արարեալ... Ի 1830 ամի Ի Սէփան («Արարատ» 1871, и отдельно: Վաղարշապատ 1871), 115 հշ.

² Отчеты о работах этой экспедиции см. Г. Н. Чубинашвили. Из поездки по Армении («Заря Востока» от 26 июня 1924 г., № 611); Լեւոն Յեղոյիսեան-Յեցի, Տեղագրական և ճարտարապետական հետազոտություններ Հայաստանում (Հայկական հանրագիտություն № 13, 1934 թ. 177—180).

Армянская надпись на восточной грани барабана купола малого нагорного купольного храма на Севане от 874 г., арм. летосч. = 874 г. н. э. (снимок проф. Г. Н. Чубинашвили из экспедиции Тбилисского Гос. Университета в Армени в мае 1924 г.).

При чтении надписи в первую очередь бросилось в глаза упоминание «свв. апостолов» (*սբ անստօլոս*), а равно — что самое главное — дата **ՅԻԳ** = 323 арм. летосч. (т. е. 874 г. н. э.); причем оба эти момента оказались в высшей степени важными для уяснения многих сторон из истории Севанского монастыря, в особенности — значения последнего как крупной феодальной единицы, располагавшей поместьями в различных частях Армении, список коих как раз и дается в надписи.

В виду того, что обнаруженная нами в 1924 г. надпись на восточной грани барабана купола малого нагорного триконха на Севане до сих пор совершенно неизвестна в литературе и на нее в наличных публикациях о Севане нет решительно никаких указаний, решаемся опубликовать ее с краткой оценкой ее значения как с историко-археологической, так и историко-литературной точек зрения.

Надпись помещена на четырех плитах, из коих три, именно I, II и IV, почти равномерны (квадраты), а одна, именно III, сравнительно меньшего размера (длина равна стороне квадрата прочих плит, а ширина значительно меньше); высечена она в 5 строк, инициальными буквами, вязью, довольно вульгарного начертания и вульгарными формами в языке, что, собственно, и заставляет нас определенно усомниться в подлинности ее и выставить положение, не является ли она, эта надпись, копией с древнейшего прототипа, вроде, напр., Аручской (Пальшской) надписи.¹

Признавая севанскую надпись от 874 г. и по палеографическим и по языковым признакам ее не оригиналом, а лишь позднейшею копией, мы, в то же время, думаем, что она является почти точным воспроизведением первоначального текста поскольку таковой, будучи использован в XIII в. (в подлиннике или копии — безразлично) историком Ст. Орбелианом, почти буквально совпадает с изложением подробностей основания «церкви свв. апостолов» на Севане.

Надпись мы приводим сначала in extenso (см. табл. I).

В переводе:

«Волею бога [я], государыня Сиунийская Мария, сообща с Ашотом, построила сию церковь во имя свв. апостолов, и пожаловала (букв. дала) [церкви] свв. апостолов земли² [в] Варсер, Гомадзор, Цамак'абард, Бердк', Урийскую равнину и [те], которые в Кракц'инке, сад в Гарки и Ереване;

¹ Ср. И. Орбели. Шесть армянских надписей VII—X вв. (Христ. Восток, т. III, 1914, стр. 91); G. Tschubinachwili. Zur Frage der Kuppelhallen Armeniens (Byzantinische Zeitschrift, XXVIII, 1 и 2, SS. 88—90).

² Этой надписью после экспедиции 1924 г. заинтересовались ереванские научные круги, причем комитетом охраны древностей, насколько нам известно, она была вновь сфотографирована.

и драгоценные языки богоприимных святых знаменій даю в собствен-
ность... Кто сие отменит, да будет проклят 318 [никейскими отца]ми.
В лето 323 (=874)».¹

Содержания этой надписи вполне согласуется, а местами дословно
совпадает с теми данными, которые излагает касательно Севана Стефан
Орбелян:

Մեծ Թագուհին Մարիամ ամուսին Վասակայ Սիւնեոյ, զայ առ սուրբն Մաշտոց և բազում Թախանանք ի հաւան ածեալ զնա՝ ձեռն ի գործ արկեալ շինեն զգեղապաճոյճ եկեղեցիսն յանուն սուրբ առաքելոց, և զմիւսն յանուն տիրուհւոյ աստուածածնին: և զարդարեալ մեծամեծ սպասուբ կանգնեն զնա տուն աստուծոյ եւ բնակարան աստուածազգեաց արանց յ Յիգի Թուականին Հայոց: Բայց Մաշտոց եղ սահման վանացն և պայծառացոյց երկնաքատակ կարգօր. յորմէ համբաւոյ միաբանեալ Աշոտոյ՝ իշխանաց իշխանի սուրբ ուխտին՝ զայ ի տեսութիւն սուրբ հօրն և ընծայէ զփրկական նշանն աստուած ընկալ խաչին, և տայ ի ժառանգութիւն սուրբ եկեղեցւոյն գիւղս՝ զՎարսերն, զՅամաբաբերդ, զԳոմաձորն, զԲերդքն, զՈւռեաց տափ և զորսն կռակծին, և այգիս ի Գառնի և յԵրեւան և յայտեղիս, և բազում նոյն գիւղեր հաստատեցին՝:

«Великая царица Мария, супруга Васака Сиунийского, явилась к святому Маштоцу и, беспрестанной мольбой добившись согласия, приступила к постройке красивой церкви во имя свв. апостолов, и другой — во имя владычицы богородицы; и, украсив [ее] богатой утварью, воздвигла ее как дом божий и обиталище богоносных мужей, в лето Армянское 323 (=874). И начертал Маштоц монастырский устав и украсил [церковь] небесным чином. Известный об этом, князь князей святой обители Ашот принял участие [в украшении ее]: он посетил святого отца (Маштоца) и пожертвовал спасительное знамение богоприимного креста, и дал в собственность святой церкви села — Варсер, Цамак’аберд, Гомадзор, Бердк’, Урийскую равнину и те, [которые] в Кракц’ине, и сады в Гарни и Ереване и в других местах; и множеством проклятий утвердили [сие]».

¹ Ստեփանոսի Սիւնեաց եպիսկոպոսի Պատմութիւն Տանն Սիսական ի լոյս ընծայեաց Մկրտիչ Էմին, Մոսկվա 1861, էջ 116—127 = Պատմութիւն նահանգին Սիսական արաբեալ Ստեփանոսի Օրբէլեան արքեպիսկոպոսի Սիւնեաց [«Ղուկասեան Մատենադարան», 4], Տփղիս 1911, էջ 173—174.

Приводимые в данной цитате разрядкой места являются дословным повторением Севанской надписи 874 г.

1	ԿԱՄԸ ()	ԱՅ ()	ՄԻԿԵԱՅ ()	ՏՔԿԸ ՄԱՐԻԱՄ ()	ՇԻՆԵՑԻ ՉԵԿՑ / Ս ()	ՅԱՆՈՆ ()	ՍԻՐՍԵՐԸ ()	ԱՌՔԷՆ ՈՑԸ / ՄԻԱՅԲԱՆԹՔ ()
2	ՈՇՈՏ ()	ԵԻ ()	ՏՎԱՔ ()	ՎՍԽՄ ()	ՍԻՐ ()	ՎԱՐՍԵՐԸ ()	ՉԳՈՄԱԶՈՐ ()	ՅԱՄԱՔ ԲԵՐԴ ԲԵՐԴԻ ՌԻԵ ()
3	ԱՑ ()	ՏԱՓ ()	ՈՐՄԸ ()	ՉԿԻ ()	ԱՅԳԻ ()	ՌՆԻ ()	ՅԵՐԵՐԱՆ ()	ԵԻ ՔՆԻՔԸ ()
4	Ք ()	ԱՇՐԵՆԱԼ ()	ՍԲ ()	ՆՇԱՆԱՅ ()	Ի ՃԱՌԱՆԳՈՒԹ ()	ՏԱԿԼՅ ()	ԿՈՐԱ ()	ՏԵՂ ()
5	ՓԱՆԸ ()	ՅՃԻ ()	ՆԶԷԼ ()	Ե ()	ԴՇԻ ՔՎ ՅԻՔ ()			

Знаком — обозначаем вязь; — титло.

В расшифрованном виде:

1 Կամանն այ Սիւնեաց | տիկին (подл. տբին sic.) Մարիամ շինեցի զեկեղեցիս | յանունն սբ | առաքե-
լոցն / Մարանութբ (подл. Մարարանու-
թբ) || Աշուտ[յ] (подл. Ոշուտ[յ]) եւ տվար | վարս | վարս զ | Վարսեբն, | զ Գումանոր, Յամարա-
բերդ, Բերդբ, Ուսե || աց տափ, որոն վ կռ | ակճեկին, այդի է Գա | աւի էւ | յԵրեւան. և Թանկադին
նշանն || անճնկալ սբ նշանաց | տամ է Ճառանգութի. զվտակեւոյ | ... կորիւ տեղ (?) ով
խա || փանե, Յձե [եց] նորոտալ | եղիցի, Թվ[եւ] Յիգ, ||

Простое сопоставление контекстов новооткрытой севанской надписи и соответствующей цитаты из Ст. Орбеляна воочию убеждает нас в том что в обоих из них 1) речь идет об одном и том же событии — сооружении нагорной церкви на Севане «во имя свв. апостолов» в лето 323 арм. летосч. = 874 н. э.; 2) перечисляются одни и те же недвижимые имущества, пожалованные этой церкви, селения Варсер, Цамак'аберд, Гомадзор, Бердк', равнины Урийская и в Кракцинке || Кракцине, сады в Гарни и Ереване;¹ и 3) в качестве «ктитора», строителя церкви, фигурирует одна и та же персона — царица (государыня) Мария, супруга Сиднийского царя Васака² и дочь князя князей Ашота Багратида (Анийского).³

С историко-литературной точки зрения Севанская надпись 874 г. чрезвычайно важна, как один из тех первоисточников эпиграфического характера, которые в свое время (в XIII в.) были использованы историком Стефаном Орбеляном при составлении «Истории Сисакана», поскольку в основу последней, по его же собственному признанию, легли материалы преимущественно архивного и эпиграфического характера; причем, как известно, Ст. Орбелян оперирует добытыми им из архивов и надписей на церквях и монастырях материалами с максимальной добросовестностью,⁴ благодаря чему он, Ст. Орбелян, завоевал в истории армянской литературы исключительное место и значение.

С точки зрения историко-археологической эта же надпись важна как единственный документ, способный служить целям паспортизации Севанских древностей, вообще, и малого нагорного триконха, в частности.

Правда, против такого положения как будто свидетельствует другая надпись, белую краской, на южной и юго-восточной гранях барабана купола того же малого нагорного триконха, где читается:

ԹՎ [Թ] Ճ // ՆՈՐՈԿԵ[Յ]|ԱԻ Ս Բ ԿԱՐԱԿԵ[ՏՄ]

«В лето (1) I/(1100—1199) (=1651—1750) возобновлена (сия церковь) св. Карапета».

¹ Из этих названий некоторые, помимо, конечно, Гарни и Еревана, дошли и до нас; таковы «Гомадзор» и «Цамак'аберд» в Ахтинском районе Армении, из коих второй как раз на берегу Севанского озера, vis-à-vis острова, рядом с Еленовкой; под названием же «Бердк'» || «Берд» в той же Армении известно несколько пунктов в самых различных районах.

² Т. Е. В а с а к, V, 849—890. (Չ. Ալիշան, Սիսական, Վենետիկ 1893, էջ 17).

³ Т. е. Ашота I, 861—890, бывшего «спарпетом» (856), «князем князей» (861) и «царем» (885).

⁴ См. аз. ճշգրտագույն, զուգահեռ մոմստանի ունեցողից յերոց քաղաքացի Նոմնեյոն «Գեղոցի շնորհակցութեան մասին» II, 1922-23, стр. 249—250) = Իվ. Ջավախքի, Նյութեր սոցիալական շարժումների պատմության համար Հայաստանում X և XIII դ. դ. սկզբներին, Թարգմանություն Վրացերենից Լ. Մելիքսետ-Բեկի, Յերևան 1936, էջ 9—11. (Մերոպ եպիսկոպոս, Արձանագրություններ Տաթևի վանքի և շրջակայքի («Արարատ» 1918, ապրիլ-դեկտեմբեր, էջ 225).

Но кажущееся противоречие легко устранимо, если признать, что последняя надпись трактует не о первоначальном основании храма, имевшем место в 874 г., а лишь о последующей его реставрации в промежутке между 1651 и 1750 гг.; посему легко допустить, что посвященный первоначально «свв. апостолам» храм впоследствии был «возобновлен» с посвящением уже, как это, впрочем, часто бывало, новому патрону — «св. Карпету», т. е. Иоанну Предтече.

При такой постановке вопроса *eo ipso* разрешается и недоумение относительно другого, большого, нагорного триконха на Севане. Это, очевидно, та церковь «во имя владычицы богородицы», которая была сооружена царицею Марией одновременно с церковью «свв. апостолов». И, следовательно, традиционный взгляд на то, что из сооруженных царицею Марией двух церквей одна (во имя апостолов) находилась на горе, будучи представлена в большом нагорном триконхе, а другая (во имя богородицы) — в нижней части острова, должен быть отвергнут навсегда. Все реалии Севанского монастыря явно свидетельствуют о том, что древнейшее строительство на острове после так наз. «пещерно-подвижнического» периода шло именно в нагорной части, где сосредоточены развалины (сохранившиеся лишь в основании) обширной базилики и вполне уцелевшие здания пары триконхов; затем это строительство охватило нижнюю часть острова, причем в процессе частых опустошений и следовавших засим периодов застоя и замирания всякой жизни на острове легко могли быть позабыты раз установившиеся традиции, почему и сооруженная в 874 г. церковь «свв. апостолов», подвергшаяся между 1651 и 1750 гг. реставрации с посвящением «св. Карпету» или Иоанну Предтече, признана была как изначально посвященная этому последнему, а сооруженная в том же 874 г. другая церковь — «во имя владычицы богородицы» — признана как изначально посвященная «свв. апостолам». Что же касается нижней церкви «богородицы», которая первоначально могла появиться намного позже IX в., то она была отождествлена с сооруженною царицей Мариею в 874 г. церковью «во имя владычицы богородицы» безо всяких оснований.

Как бы то ни было, новооткрытая надпись от 874 г. — важнейший документ по паспортизации нагорных триконхов на Севане, которые датируются тем же 874 г., само собой разумеется, в полном соответствии с теми выводами, которые способно дать нам археологическо-искусствоведческое обследование таковых. Эта же надпись — еще одно лишнее доказательство добросовестности при пользовании первоисточниками со стороны выдающегося и не имеющего себе равного в армянской литературе историка XIII в. Стефана Орбеляна Сиунийского.

Е. А. ПАХОМОВ

Арабские и прикаспийско-иранские феодалы в Азербайджане X—XI вв.

В средневековой истории Ирана и Азербайджана имеется интересный период, о котором упоминает вскользь большинство исследователей истории халифата, но которому мало посвящалось внимания специально. При этом историки государственных образований следуют обычно за историками литературы, квалифицирующими его как «возрождение иранизма». Лишь в последнее время в советской печати стали появляться попытки связать литературные явления с историей средневекового феодального общества в большей степени, чем это делалось раньше, но и в новейших работах не вполне отчетливо представлены основные черты происходивших в X в. изменений. Наибольшее внимание уделялось до сих пор в востоковедческой литературе той части Ирана, которая известна под названием Дайлема и которая была источником своеобразной экспансии прикаспийских горных племен, иранских по происхождению или иранизированных в X—XI вв. Дайлем примыкал к Каспийскому морю и имел своей главной водной артерией р. Сефид-руд. Дайлемцы, известные еще античным авторам, говорили в эпоху арабских географов на северно-иранском наречии, значительно отличавшемся от литературного фарси, и сохраняли общественный строй, имевший характер кланового устройства, с уже выделившимися наследственными княжескими родами во главе. Население это сохранило много домусульманских пережитков даже после внедрения ислама. Попытки политического покорения страны, начатые еще при сасанидах, не достигли полного успеха и при первых арабах: отчасти вследствие малодоступности этих горных и в значительной степени покрытых непроходимыми лесами областей, а отчасти от отсутствия в Дайлеме централизованной власти, подчинение которой могло бы облегчить покорение населения отдельных округов и ущелий. Самую исламизацию дайлемцев можно приурочить не к арабскому завоеванию, а к развитию иранизма, как реакции против арабизма, в связь с чем ставится и появление на востоке иранских эми-

ратов тахиридов (821—873), саффаридов (867—903) и саманидов (875—999).

В Дайлеме этого времени выдвигается ряд местных династий: джастаниды, кангариды, зийариды, на ряду с которыми выступают отдельные предводители, не смогишие передать власть своим потомкам. Военно-политическая деятельность тех и других нередко выходила за пределы собственно Дайлема.

Особенно крупную роль сыграли бувейхиды, распространившие свое владычество на всю западную часть Ирана и на Ирак и способствовавшие выступлению на сцену других иранских династий, частью связанных с ними родством: как вейхидов в Хамадане, Исфахане и Иезде, дайлемцев же мусафиридов в иранском Азербайджане и Арране, курдов шеддадидов в Гандже и Ани, равадидов в Тебризе, хасанвейхидов в Барзикане и анназидов в Шаданджане. Даже в Диарбекре появляется курдское эмирство мерванидов. Таким образом около X в. весь западный Иран и Ирак покрываются сетью иранских феодальных государств. Только завоевание халифата турками нанесло им удар, а монгольское нашествие опять оттеснило их в пределы горных областей, подобных Дайлему.

Дифференциация быта в Дайлеме арабского времени была слаба: члены семьи крупного феодала и его приближенные принимают личное участие в земледельческих работах и т. п. С другой стороны, в среде дайлемских феодалов сознательно поддерживаются предания, восходящие к сасанидскому времени, а при исламе та же среда становится по преимуществу опорой шиизма и иранской поэзии.

Причины падения господства бувейхидов иногда усматриваются, с одной стороны, в нашествии извне, с другой — в розни между дайлемской пехотой и турецкой конницей, и делается вывод, что, несмотря на кратковременность владычества дайлемцев — около полутора века, без него и без выдвижения саманидов на востоке иранская традиция была бы прервана, и позднему Ирану стоило бы гораздо больших трудов восстановить свое национальное самосознание при сефевидях.

Вопрос о причинах легкости возникновения иранских государств и вытеснения ими арабских в литературе, касающейся этого периода, остается без ответа и, кроме того, почти не затрагивается существование того же явления и в пределах восточного Закавказья, если не считать мимолетного упоминания о мусафиридах в Арране и шеддадидах в Гандже и Ани. К тому и другому мы вернемся ниже.

История иранских и иранизированных династий хотя и являлась темой исследований ряда востоковедов еще с начала XIX столетия, как

Х. Френ и др., но разрабатывалась она преимущественно с нумизматическими целями и притом далеко не с достаточным использованием источников.

Необходимо было бы широко использовать арабские и особенно иранские источники, частью еще не изданные. Помимо собственно историков, могут быть привлечены и поэты, в частности—панегирист XI в. Катран, находившийся в личных сношениях со многими эмирами Закавказья. Большое значение имеют также известия армянских авторов.

Новая проработка всех этих материалов с учетом того, что было сделано русскими, западно-европейскими и восточными исследователями, с применением надлежащих научных методов, могла бы дать чрезвычайно интересные результаты и осветить целый ряд исторических явлений в феодальной среде Азербайджана X—XI вв.

В задачу настоящей статьи не входит, однако, постановка этой задачи во всем ее объеме, и я коснусь лишь тех данных, которые непосредственно связаны с издаваемыми ниже нумизматическими материалами.

Из феодальных династий, владевших частями территории нынешней Азербайджанской ССР, некоторые сведения сохранились у армянских историков о роде равадидов, появляющихся в Двине в X в. Еще больше говорят эти историки о роде шеддадидов. В то же время ганджинские шеддадиды оказываются ветвью той же племенной группы, что и двинские равадиды. Таким образом с установлением в Гандже господства шеддадидов, в первой половине X в., западная часть территории нынешней АзССР оказывается под управлением «курдских» верховых феодальных владетелей. Это длилось до ликвидации ганджинского эмирата сельджуками в конце XI в.

Сопоставление основания шеддадидского государства с предшествовавшим ему образованию курдских феодальных владений в более южных районах, как Двин, и свидетельства армянских историков указывают на то, что там и тут дело состояло не в появлении в роли правителя отдельных лиц, принадлежащих к определенной народности, а в захвате верховной феодальной власти целой родовой группой. Такие группы, укрепив свое положение и, возможно, постепенно усиливаясь благодаря, с одной стороны, притоку своих сородичей, а с другой, ассимилируя местные родственные элементы, не игравшие до того видной роли, выделяли затем новые группы на завоевание соседних областей. Двинские равадиды были тесно связаны родовыми отношениями с феодалами побережий озера Вана, другими словами — Курдистана, а в другую сторону ветвь их протягивается, в лице шеддадидов, в Ганджу, а позже и в Ани.

Этот надвиг феодалов ирано-курдского происхождения на западную часть нынешней АзССР происходил одновременно с напором на ее юго-восток со стороны ирано-дайлемских саларидов, занявших иранский Азербайджан около 942 г. и распространивших свою власть до р. Куры. Мелким феодалам Карабаха пришлось войти в общую феодальную структуру, подчиняясь то саларидам, то шеддадидам.

Подобная одновременность движений заставляет более внимательно отнестись к его участникам и постараться выяснить, нет ли между ними большей связи, чем кажется с первого взгляда.

Мнение о том, что шеддаиды были «курдами», принимаемое и другими некоторыми исследователями XIX столетия, как М. Броссе,¹ основано на таких доводах, как их происхождение из района Двина, где сидели раваиды, а также на прозвище ар-равади или ар-раввади, носимом некоторыми из шеддаидов. Данных, непосредственно устанавливающих генеалогическую связь между теми и другими, мне не известно. Указание армянского историка Вардана на предание о приходе шеддаидов «из Персии» не дает права оспаривать это родство, потому что первые раваиды становятся известны как феодалы в округе Ахара и, следовательно, к ним вполне может быть применено название выходцев «из Персии», по терминологии армянских историков. Несомненно, какое-то соотношение между раваидами и шеддаидами существовало, но были ли те и другие «курдами» в тесном смысле этого слова, положительно утверждать трудно.

Востоковеды, занимавшиеся историей саларидов и шеддаидов, как Амедроз, Маркварт и др., отмечают существование нисбы «ар-равади» и у саларидов,² а также употребление представителями обеих династий одинаковых характерных имен, как Марзубан, Мамлан и др., но отрывочность и смутность упоминаний не всегда позволяют установить точную генеалогию отдельных эмиров. Решительнее всех поступил Е. Цамбаур, прямо связавший все три рода — саларидов, раваидов и шеддаидов — общей генеалогией: Равад, сын ал-Марзубана саларида у него является отцом Абу-л-хайджи ахарского, позже — двинского раваида и Шеддада, который, хотя и со знаком вопроса, считается родоначальником шеддаидов.³ Отсутствие у Е. Цамбаура подробных ссылок на источники не дает возможности

¹ M. Brosset. Histoire de la Géorgie, I, 343, со ссылкой на St.-Martin, Mémoires etc. I, p. 433 et II, p. 435.

² О возможной связи между саларидами и шеддаидами см. также V a s m e r R. Zur Chronol. der Častaniden u. Salariden [«Islamica», III, 2 (1927)], p. 180.

³ E. Z a m b a u r. Manuel de généalogie et de chronologie pour l'hist. de l'Islam (1927), II, p. 180.

проверки, но приходится признать, что такое построение хорошо согласуется с известными из армянских и других источников связями между этими тремя родами, их почти одновременным выступлением и взаимной поддержкой, благодаря которой они, подобно бувейхидам в Иране, распространяют свою власть на иранский и юго-восточную часть кавказского Азербайджана. На некоторое время, в союзе с примкнувшими к ним родственными, дайлемскими же, но более слабыми родами, они образуют здесь господствующий слой феодальной аристократии.

В завоеванных областях они встретились с другим иранским элементом — так наз. «курдами», которые и до них входили в состав местного феодального общества, но не играли в нем видной роли, будучи подчиненными арабским и армянским феодалам более крупного калибра и образуя, повидимому, лишь нижние слои феодальной пирамиды. Близость к пришельцам по языку, возможно, и по племенному строю, сблизила их, позволила пришельцам объединить разрозненные местные иранские элементы и обратить их на борьбу за власть против арабской и армянской знати. Вот эта-то связь, приведшая несомненно и к племенной метисации дайлемцев с местными курдами, и могла повести к тому, что армянские историки нередко придавали обеим группам привычное для себя наименование «курдов». Так могли стать «курдами» шеддаиды и др. В такой схеме рисуется мне процесс «завоевания» дайлемцами западного Ирана и прилегающих к нему областей, «завоевания», в котором сами дайлемцы, вытесняемые из своей родины экономическими причинами и нашедшие крупного масштаба выгодный «отхожий промысел», как специалисты военного дела, сыграли роль организаторов. Элементы идеологического порядка, обозначаемые прежними исследователями термином «иранизма» и выставляемые ими в качестве одной из основных причин явления, представляются мне лишь как попутное, а во многом даже и последующее явление, неизбежное при образовании среды, составленной из иранских наслоений в арабском окружении. Представители той и другой из борющихся групп, конечно, должны были использовать противопоставление их в отношении языка, происхождения и традиций, давая каждая своей «интеллигенции» определенные социальные задания. Отсюда и развитие ирано-язычной литературы, покровительство иранской поэзии, эпосу и т. п.

Расходясь в этом отношении с прежними авторами, мы должны признать правильным их указание на то, что к началу X в. в Иране, Ираке, иранском и южной части кавказского Азербайджана верхний феодальный слой является почти целиком иранизированным и состоящим из ряда родственных групп, выдвигающих династии, сплетенные между

собою густой сетью перекрещивающихся генеалогических связей. Несмотря на феодальные войны и споры за власть между отдельными лицами, эта иранская прослойка сумела подавить сопротивление не принадлежавших к ее составу арабских и армянских феодалов и около столетия, а кое-где и более, удерживала господствующее положение. Было бы интересно выяснить, не к этому ли историческому моменту относится «курдизация» части местных армянских и других феодалов, благодаря которой Шереф-ад-дин Битлиси смог возводить родословную некоторых курдских владетелей, в том числе и свою собственную, к сасанидам,¹ но этот вопрос не входит в нашу тему.

Итак, к началу X столетия вся южная половина территории нынешней АзССР до Куры, а также более южные страны, перешли под верховную власть иранско-дайлемских групп. Было бы странно, если бы небольшая область собственно Ширвана осталась незатронутой этим явлением. Но, повидимому, исключения не было и тут: к началу X в. мы имеем здесь небольшое эмирство в Дербенде и рядом более крупное, будущее ширванское, охватывавшее пространство до тогдашних границ Кахетии. Обе возглавлявшие их династии — хашемиды и мазъядиды были арабскими по происхождению. Однако именно в это время происходят изменения, детали которых по наличным источникам проследить трудно. Можно считать установленным поглощение ширваншахами дербендского эмирата, но было ли оно связано с какими-нибудь крупными династическими переменами в Ширване — этого источники прямо не говорят. Чрезвычайно ценно мимо-летное замечание Мас'уди, современника событий, хорошо знакомого с прикавказскими странами, о том, что правивший при нем ширваншах считался потомком Бахрама Гура,² т. е. был иранского, а не арабского происхождения. Но несколько ниже Мас'уди сам же объясняет, что этот Мухаммед б. Иезид явился основателем новой ширваншахской династии. Это важное известие Мас'уди игнорировалось историками востока до того, что всех ширваншахов IX—XII вв., от мазъядидов до позднейших кесранидов, Е. Цамбаур считал возможным связать одной непрерывной таблицей, представив иранца Мухаммеда б. Иезида прямым потомком арабов мазъядидов,³ совершенно упустив из вида разбираемую в настоящей статье борьбу арабских и иранских феодалов. Что в наличных письменных источниках

¹ Chéref-nâmeh, trad. F. B. Charmoy, St. Pétersbourg, 1873, II, 2, p. 34 et 233. Замечание переводчика о курдской передаче фамилии Арцунни.

² Н. Караулов, Известия арабских географов и т. д. [«Сб. мат. для опис. местн. и плем. Кав.», XXVIII (1908 г.)], стр. 42 и 58.

³ E. Zambaur. Manuel etc., II, p. 181.

сведений об этом сохранилось мало — удивлять не должно, так как местных летописей до нас не дошло, а авторами, писавшими вне Закавказья, совершавшиеся здесь события упоминались лишь мимоходом, с большими пробелами. Много позднее в иранской исторической литературе являются попытки осветить хронологию истории и восточного Закавказья, но эти позднейшие известия опирались, видимо, далеко не всегда на надежные источники и вместо разъяснения нередко приводили к еще большей путанице.

Такое состояние источников отразилось и на работах европейских востоковедов. В своем очерке истории ширваншахов-кесранидов¹ я отмечал неточность сведений, собранных Б. Дорном² и др. То же пришлось повторить в рецензии на упомянутую выше книгу Е. Цамбаура.³ В поисках документальных данных, могущих контролировать отрывочные и подчас противоречивые литературные известия, мне пришлось обратиться к надписям и монетам, которые и послужили основным материалом для составления генеалогии большей части представителей рода кесранидов. Однако и мне тогда не удалось установить даты водворения кесранидов в Ширване: самым ранним известным мне представителем их был Ферибурз, современник халифов ал-Муктади (1075—1094), ал-Мустазхира (1094—1118) и сельджукского султана Мелик-шаха (1072—1092). Сопоставляя эти данные с сообщением Хаджи-хальфа о том, что мазъядиды продержались до 460 (1067/68) г., я полагал тогда, что этот Ферибурз был основателем новой династии. Не было также никаких сведений о его отце.

Только несколько лет спустя удалось обнаружить нумизматические документы, бросающие новый свет на вопрос. В Московском Историческом музее, среди уже известных типов монет Ферибурза, оказался экземпляр следующего вида:

I. Восьмиосевая розетка-звезда, вписанная в ободок из точечного и линейного кругов; между лучами звезды по 2 точки и имя халифа, читаемое от центра монеты: /.../.../مرالله/ /.../.../.../ = «ал-Каим-биямр-аллах...» Имелась ли еще внешняя круговая надпись — неизвестно.

II. В 5 строк: محمد رسول الله الملك / العا [دل ابو] شجا / فريبرز بن / سلا / شروانشاه / = «Мухаммед посланник Аллаха. Царь правосудный,

¹ Е. Пахомов. Краткий курс истории Азербайджана с прил. экскурса по истории ширваншахов XI—XIV вв. Баку, 1923, стр. 26—27.

² B. Dorn. Beitr. zur Geschichte der kaukasischen Länder u. Völker aus morgenländischen Quellen, I. Versuch einer Geschichte der Schirwanschache. Mém. de l'Acad., VI sér., t. VII, pp. 523—602.

³ Рецензия в «Изв. о-ва обл. и изуч. Азербайджана», № 5 (1928), стр. 299—301.

Абу-шуджа Ферибурз, сын Салара, ширваншах». Заметны неразборчивые остатки круговой надписи.

Серебро, диам. ок. 20—22, толщ. ок. 1.5 мм, вес 5.72 г.

Надпись этой монеты, выпущенной, судя по упоминанию халифа, между 1031 и 1075 гг., устанавливает имя отца Ферибурза — Салара. Это имя настолько характерно для династий, происходивших из Дайлема, что позволяет со значительной долей вероятности причислить и кесранидов к числу выходцев оттуда же. Становится теперь понятным как указанное мною в очерке истории ширваншахов стремление кесранидов подчеркнуть свое иранство возведением своей родословной к сасанидам (происхождение их династического имени «Кесра» = арабизированное «Хосроу»?), так и ссылка Мас'уди на Бахрама Гура, как на их предка. Заметим, что претензия на происхождение от сасанидов была общей слабостью дайлемских феодалов. Этим идеологическим тенденциям вполне соответствует частое употребление имен из иранского эпоса, как Менучехр, Ферибурз, Гершасп и др., а также покровительство придворным ирано-язычным поэтам.

Новые монетные находки дают имя Салара не только в качестве отчества Ферибурза: в одной частной коллекции оказались монеты следующего типа:

I. Восьмиосевая узорчатая розетка, вписанная в линейный круг, за которым идут неразборчивые обрывки круговой надписи, охваченные наружным линейным ободком.

II. Сверху три троеточия (: . : . :); под ними, в 4 строки:

/ محمد رسول الله / الملك [الموفق] ابو/... سلالر بن يزيد شر/ [و] انشاء : . /
«Мухаммед посланник Аллаха! Царь споспешествуемый, Абу- Салар, сын Иезида, ширваншах». Все охвачено линейным кругом, за которым идут остатки неразборчивой круговой надписи, охваченной наружным линейным ободком.

Форма этих монет несколько неправильная, диаметр колеблется от 20 до 24, при толщине монет от 1.5 до 2.0 мм.

К сожалению, ни даты, ни имени халифа не сохранилось, но по стилю они близки к монетам Ферибурза, и едва ли могут быть сомнения в принадлежности их его отцу. Оба эти ширваншаха упомянуты в таблицах Мунеджим-баши,¹ причем Салару приписывается 15 лет правления.

В эрмитажной и других коллекциях имеется несколько типов серебряных монет с именем ширваншаха Иезида сына Ахмеда. Из них А. К. Мар-

¹ E. Sachau. Ein Verzeichnis muhammedanischer Dynastien. Berlin, 1923, p. 13.

ковым были изданы¹ два: один без имени халифа, другой — с упоминанием халифа ал-Кадира (381—422=991—1031), позволяющий без колебания отождествить этого эмира с указываемым у Мунеджим-баши отцом Салара. Позже, в Эрмитаже и в одной из частных коллекций мне встретились экземпляры дирхема со следующими надписями:

I. В точечном ободке: لا اله الا الله وحده / لا شريك له / الطابع لله = «Нет божества, кроме Аллаха единого, нет ему сотоварища! ат-Тай-лиллах». Сверху и снизу по орнаменту. За ободком две круговые надписи: 1) ... بسم الله ضرب هذا الدرهم بشرو... = «Во имя Аллаха чеканен этот дирхем в Ширв[ане]...», 2) остатки обычной формулы محمد رسول الله. Все охвачено тонким и толстым линейным ободками.

II. В точечном ободке: لله محمد رسول الله / الملك الموفق / المظفر / ابو نصر / يزيد بن احمد / شرو انشاء / محمد رسول الله = «Богу! Мухаммед посланник Аллаха! Царь споспешествуемый, победоносец, Абу-наср Иезид, сын Ахмеда, ширваншах». За ободком остатки обычной формулы. الله. Наружные ободки как на лицевой стороне.

Диаметр колеблется от 24 до 25, при толщине ок. 1 мм и весе в 3.96 и 3.67 г. Серебро серо-свинцового цвета.

Описанный тип позволяет ввести поправку в хронологию Мунеджим-баши, показывая, что Иезид б. Ахмед стал ширваншахом до 391 (991/2) г., еще при ат-Тай.

В Эрмитаже же хранится и неизданный еще дирхем брата и предшественника этого эмира, Мухаммеда б. Ахмеда.

Таким образом монетные данные позволяют установить восходящую родословную известного уже раньше по монетам кесранида Ферибурза I в следующем порядке: Ферибурз б. Салар — Салар б. Иезид — Иезид б. Ахмед (его брат — Мухаммед б. Ахмед). Эта линия вполне совпадает с таблицей Мунеджим-баши, подтверждая ее и позволяя принять и следующее по этому автору поколение, в лице Ахмеда б. Мухаммеда, за которым следует у него Мухаммед б. Абу-тахир Иезид, основатель, по Мас'уди, этой иранской династии ширваншахов, сам пранец родом и правитель Ширвана около 332 (943/44) г. Ни Мас'уди, ни Мунеджим-баши не говорят о его происхождении от маз'ядидов, но оба упоминают о том, что он приходился двою-

¹ А. К. Марков. О кладе куфических монет, найденном в с. Крещеный баран и т. д. Изв. нум. отд. ИРАО, I, вып. 2—3 (1909), стр. 90, №№ 23—24. Чеканившего эти монеты Иезида б. Ахмеда А. К. Марков, подобно Цамбауру, ошибочно причисляет к маз'ядидам.

родным братом прежнего ширваншаха — мазъядида, очевидно, речь идет здесь о родстве по женской линии. В таблицу Мунеджим-баши монетные данные времен Иезида б. Ахмеда позволили ввести поправку на несколько лет назад. Вероятно, эта ошибка в вычислениях прошла через все данные источника, которым пользовался этот автор, потому что именно такая же поправка необходима для полного согласования хронологии Мас'уди и Мунеджим-баши в отношении и Мухаммеда б. Иезида.

Сопоставление монетных и летописных данных приводит таким образом к выводу, что и в северной половине Азербайджана, в 330-х годах хиджры, т. е. 940-х н. э., одновременно с захватом юга несомненными дайлемцами — саларидами, а юго-запада — повидимому их родичами шеддадидами, иранский же род кесранидов устраняет местные арабские феодальные роды и сам становится на их место. Весь Азербайджан оказывается с этого момента под властью феодальных князей уже не арабского, а прикаспийско-иранского происхождения.

По Мас'уди, Мухаммед б. Иезид был сперва наследственным владельцем небольшого округа, точное фонетическое чтение названия которого установить пока трудно, и начал с захвата собственно Ширвана. Этим именем в то время обозначался, повидимому, район не Шемахи, а скорее часть области между Кавказским хребтом, р. Самуром и морским берегом. Там он устраняет наследников Али б. Хайсама, по Мужджим-баши — прямых потомков арабских феодалов из рода мазъядидов. То же он делает и в Бабал-аббаве с арабским родом хашемидов, а затем подчиняет себе ряд других областей по северному побережью Куры.

Едва ли могут быть сомнения в том, что завоевания саларидов и кесранидов стояли в тесной зависимости друг от друга и представляли собою части одного и того же явления, в равной мере охватившего как Иран, так и Азербайджан. Не исключена возможность обнаружения между упомянутыми родами и большей близости, чем общая принадлежность к северным иранцам, вплоть до вхождения тех и других в одну родовую группу, но кроме согласованности действий, употребления общих имен и т. п., данных для этого пока нет. Местоположение первоначальных владений кесранидов и даже фонетическое чтение названия этой области не вполне ясны. Рукописи дают: *الایران*, *الایران*, *الایران*, *الایران* и т. д. Мас'уди добавляет, что она прилегала к Ширвану и к горам Кавказа, что указывает скорее на север, чем на юг от Куры, но не дает точно определенного положения.

Итак, можно считать установленным, что в первой четверти X в. между иранскими и арабскими элементами феодального общества Ирана и Азербай-

джана обостряется борьба за господствующее положение. Во второй четверти перевес решительно переходит к иранцам, которые вытесняют почти повсеместно арабскую аристократию и замещают ее собою, причем доминирующим слоем в этой новой аристократии является компактная группа феодальных династий, выходцев из Дайлема и соседних с ним областей. Общность происхождения, родовых связей, языка и т. п. была использована этой группой для удержания власти в течение около столетия. Однако феодализация, разлагавшая арабское государство, не была остановлена этим переходом власти из одних рук в другие и постепенно разложила силу новых хозяев так же, как это сделала с арабской аристократией, и дала возможность выдвинуться новой группе, турецкой, почти целиком использовавшей опыт своих предшественников — прикаспийских иранцев. Иранский феодальный массив был разрезан на отдельные части и постепенно уничтожен.

В Азербайджане, как и в других областях, в зависимости от местных условий различные иранские ветви удерживались неодинаковое время. Салариды в своей главной линии существуют лишь немного более полустолетия, а затем их владения все более дробятся между отдельными представителями рода; эти мелкие феодальные владения ко времени появления сельджуков не могли представлять собою серьезного препятствия для движения последних и были ими поглощены. Шеддаиды пытались удержаться и позже в качестве вассалов то сельджуков, то багратидов, и их окончательный уход со сцены падает уже на начало XII в. Более удачно сложились обстоятельства для кесранидов, род которых оказался более гибким политически и, в своих различных ответвлениях, сумел пережить времена сельджукского и монгольского государств, а в лице ширваншахов-дербенди дожил до организации севевидского Ирана.

Отметив главнейшие этапы захвата прикаспийскими иранцами командующих феодальных постов, необходимо остановиться на причинах успеха его. В течение нескольких десятилетий прикаспийские горные области, как Дайлем и соседние с ним, выбрасывали, как из жерла вулкана, своеобразные военные организации, строившиеся на основе широко развитых родовых и племенных отношений. Сознание общности интересов и взаимная поддержка, конечно, должны были способствовать успеху завоеваний, но не одно это обеспечило победу.

В Азербайджане — с небольшими вариациями процесс шел по той же схеме и во всех областях Ирана — по мере расширения арабских завоеваний и укрепления власти халифата, арабская аристократия постепенно превращалась в высший местный феодальный слой. Его основной силой были

первоначально народные массы арабских же племен, еще не потерявшие боеспособности и в то же время не утратившие связи и общности интересов с выделявшимися аристократическими родами. Опираясь на арабские же силы, арабские феодалы подчинили и оттеснили на второй план местных албанских, армянских и иранских феодалов. Даже принятие ислама не уравнивало последних в правах с арабской аристократией, образовавшей довольно замкнутую касту, привилегии которой постепенно стали переживать реальные ее силы, так как по мере развития арабского государства росла дифференциация в самой арабской среде и ослаблялись связи между родами вождей и массами, из которых они вышли. Недобор арабских военных сил эмирам приходилось пополнять местными, неарабскими, в качестве вассалов, или нанимая извне малоземельных горцев из выходцев из прикаспийских областей, являвшихся на службу небольшими, тесно сплоченными родовыми группами. Таким путем сами арабы устроили встречу местных, так называемых «курдских», групп с прикаспийскими иранцами, способствовали их сближению и обмену опытом военной организации. Выше упоминалось, что эти горцы, с их еще крепкими родовыми связями, у себя на родине были в отношении материально-бытового уклада дифференцированы слабо, как это чрезвычайно отчетливо показывает путешественник X в. Насири Хосроу. Вытекающая из этой слабости дифференциации внешняя демократичность форм быта тем более должна была привлекать подавленные и подчиненные арабам «курдские», а возможно и армяно-албанские части азербайджанского населения, вызывая надежду на ослабление арабской феодальной эксплуатации. Постепенно нарастала подпочва для возможности восстания против господства арабской аристократии.

Просматривая имена арабских феодалов-наместников, иногда почти династов, IX и начала X в. в Азербайджане, сохраненные в литературных источниках и на монетах, мы должны отметить частое появление лиц, принадлежащих к сравнительно ограниченной группе родов, как Хашими, Шайбани, Сулами, Азди и др. Это указывает на некоторую кастовую замкнутость арабской высшей феодальной аристократии, упорно державшейся за власть. Таким образом в феодальной среде Азербайджана и Ирана нарастали две группировки: все более терявшая под собою почву и изолировавшаяся арабская аристократия и нараставший союз низших феодальных слоев иранского происхождения с явившимися для них организаторами движения в крупном масштабе, прикаспийскими иранцами. Повидимому, и албано-армянское население не было против перемены хозяев. Предостережением для арабской аристократии могло бы послужить использование ослабления халифата так называемыми мутагалибами, т. е. захватчи-

ками хотя и арабского по преимуществу происхождения, но часто не принадлежавшими к высшим родовым кругам, выходившими из феодальных низов, но захватывавшими власть над целыми округами. Большинство их не смогло передать свои захваты потомкам. Этим мутагалибством увлекалась и часть родовитых арабов, что еще более дробило арабские силы. В результате в решительной схватке с иранскими арабские феодалы потерпели решительное поражение и вынуждены были уступить им свое место.

До какой глубины всколыхнула эта борьба феодальное общество Азербайджана и Ирана X в., прямых указаний нет. Вполне правдоподобно предположить, что азербайджанские «татские», вплоть до крестьянства, массы не остались в стороне, рассчитывая, что господство «своих» будет легче эксплуатации «чужих». Что вожаки антиарабского движения должны были использовать свой иранский язык и весь цикл иранских преданий и традиций в качестве орудия борьбы — это не подлежит сомнению. Вполне вероятно, что им удалось вызвать достаточную активность эксплуатируемых масс и этим обусловить успех. Возможно также, что в первое время после переворота, действительно, феодальный гнет был несколько ослаблен: на это намекает показываемое анализами монетных кладов усиление товарообмена Азербайджана и Ирана с северными странами именно в X в.

В дальнейшем дело, конечно, не остановилось: под воздействием накопления богатств в руках победителей, экономическая дифференциация стала разрушать именно те, указанные выше, условия, которые привели к господству иранцев. В отношении Азербайджана этим объясняется то, что ирано-дайлемские династии держатся больше там, где экономика развивалась медленнее. Так, салькиды, занимавшие наиболее плодородные, богатые и лежащие ближе к Ирану и Ираку местности, пали раньше всех. За ними, в порядке экономической постепенности, сошли двинские, аниские и ганджинские шеддаиды и дольше всех в своих горных ущельях продержались кесраниды.

СЕРГЕЙ СОВЕТОВ

Один из образов 'огня' и 'воды' в сербских и словинских сказках

«Сказками и баснями, наравне с мифами, обратившими в этом смысле особое внимание Маркса, никак нельзя пренебрегать, как источниками осведомления о материальной базе за многие сотни тысяч лет исторической жизни человечества, человеческого общества, до сложения письменности и появления письменных памятников, признаваемых доселе единственными или собственными источниками истории человечества».¹ Эти строки Н. Я. Марра обязывают нас особенно внимательно относиться к устному творчеству; они говорят о необходимости вскрывать в сказках происхождение отдельных мифологических образов, являющихся пережитками конкретного мышления древнейших стадий в истории человеческого общества, мышления, отражавшего материальное производство на различных ступенях его развития.

В своей статье «'Разлука' как метафора 'смерти' в сербских сказках»² я старался показать на конкретном примере из славянских сказок, как сохранялись в них еще пережитки доанимистического представления о смерти, неотъемлемо связанного на ранней стадии мышления с явлениями природы, ее рождения и умирания, наступления зимы, конечно, «хозяйственно-переживаемой», по выражению Марра, и как это представление складывалось в образ ухода солнца в другой неведомый мир, позднее функционально перенесенное и на тотема — бога и на человека. Рядом с этим, конечно, нельзя было не упомянуть и о 'змее', как входящем в круг этих понятий, на что указывал и Н. Я. Марр в своем языковом палеонтологическом анализе «Зима || смерть».³ В первоначальный

¹ Н. Я. Марр. Одомашнение собаки. Проблема происхождения домашних животных. Вып. I, Акад. Наук СССР, Л., 1933, стр. 74.

² Сдана для печати в сборник: «Семантика 'рождения' и 'смерти' в мифах и фольклоре», в серии Трудов Института Языка и Мышления Акад. Наук СССР.

³ Н. Я. Марр. 'Зима' || 'смерть' (из палеонтологии речи). Изв. Акад. Наук СССР, Л., 1927, стр. 330—331.

сюжет сказки, в процессе дальнейшей дифференциации образов и нанизывания новых прежде самостоятельно бытовавших мотивов, увязывающихся с представлением о 'разлуке' — 'смерти', вплетался и мотив о 'змее'.

Этот мотив в сербской сказке «Златна јабука и девет пауница» вырисовывался в следующих контурах: Царица ушла на прогулку, а царевич остался один во дворце; царица дала ему на хранение ключи от двенадцати погребов и сказала: «Во все погреба можеш итти, но в двенадцатый не входи ни за что». С этими словами она ушла. Царевич, оставшись один во дворце, стал думать про себя: «что могло бы быть в двенадцатой комнате?» И он стал открывать подряд все погреба. Когда дошел до двенадцатого, не решился сперва его открыть, но его опять стало разбирать любопытство: «что могло бы быть в этом погребе?» После этого он отворил и двенадцатый погреб и увидел посреди погреба одну большую откупоренную бочку с железными обручами, из которой исходил голос: «Ради бога, брат! молю тебя! умираю от жажды! дай мне чашу воды». Царевич взял чашу воды и вылил ее в бочку, и как только вылил, тотчас же лопнул один обруч на бочке. После этого опять послышался голос из бочки: «Ради бога, брат! умираю от жажды! дай мне еще одну чашу воды». Царевич снова вылил воду, и на бочке лопнул еще один обруч. В третий раз раздался голос из бочки: «Ради бога, брат! умираю от жажды! дай мне еще одну чашу воды». Царевич вылил ему еще одну чашу воды, лопнул и третий обруч. Тогда бочка раскололась и змей вылетел из нее, а на пути своем схватил царицу и унес ее. («Онда се буре распадне, а змај излети из њега, па на путу ухвати царицу и однесе је».)¹ Характерными чертами данного мотива являются: 1) нарушение запрета входить в одно из помещений, ключи от которого доверены любимому человеку; 2) просьба *напиться воды* со стороны *прикованного змея*; 3) *освобождение* посредством этой *воды страдающего от жажды змея* и 4) похищение освобожденным змеем возлюбленной того, кто явился освободителем змея.

Параллельно сербской сказке мы встречаем этот же мотив и в словинской сказке, по сюжету связанной с первой, под названием «Bendeš-Vila Mandalena», в следующем оформлении: Бендеш-Вила Мандалена оставила своего возлюбленного одного в замке и передала ему на хранение девять ключей от девяти комнат, из которых в последнюю запретила входить. Однако юноша нарушил запрет и отворил девятую комнату. Там он увидел посредине большую винную бочку и услышал голос, выходящий из нее: «Дай мне три *капли воды*, за что я дам тебе на три века жизни больше,

¹ Српске народне приповiјетке, скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Друго умножено издање. У Бечу. 1870, стр. 20.

нежели тебе дал бог».¹ Когда юноша вылил в бочку третью *каплю воды*, то бочка *разлетелась* на сто кусков, из нее *вылетел громадный змей* и унес в свой замок Мандалену. («Как je trejtu kaplju v lagev spustil mam se je lagev na sto komadov rescetil, a iz njega veliki zmaj izletel... Mandalenu našel i v svoj grad odnesel».)² В другой словинской сказке под названием «Peter Breborovič» мы находим тот же мотив, но уже в несколько ином оформлении: один человек, Петер Бреборович, однажды, во время охоты нашел дом, в котором было восемь комнат и одна кухня. Он вошел в дом и застал в восьмой комнате нечистую силу — чорта, прикованного к стене тремя обручами. На просьбы чорта — дать ему *напиться* — охотник отказался и ушел. Но дом понравился ему, и так как место, где он стоял, было удобным для прибыльной охоты, то он решил поселиться в этом доме с матерью. Однажды, уходя на охоту, сын запретил матери входить в восьмую комнату. Но мать не послушала его и нарушила запрет. Чорт стал ее уговаривать — дать ему *воды*. Мать смилостивилась над ним и дала ему выпить, и когда он *глотнул*, — один обруч лопнул. После второго глотка — лопнул второй, после третьего — третий обруч. И чорт стал свободен и начал любить мать, а она его. («I opade mu trejti obruč i bil je čisto sloboden i počel jn je ljubiti i ona rak njega».)³ В этой сказке уже женщина сама нарушает запрет и соединяется с чортом resp. змеем, после чего сын-охотник побеждает и свою мать и чорта-змея.

Если мы обратимся к русским сказкам, то и там мы найдем этот же мотив, а именно в сказке «Марья-Моревна». «... Вздумалось королевне (Марье-Моревне) на войну собираться; покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает: „везде ходи, за всем присматривай, только в этот чулан не моги заглядывать“. Он не вытерпел; как только Марья-Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован. Просит Кощей у Ивана-царевича: „сжался надо мной, дай мне *напиться*. Десять лет я здесь мучуюсь, не ел — не пил — совсем в горле *пересохло*“. Царевич подал ему целое *ведро воды*; он выпил и еще запросил: „мне одним ведром не *залить жажды*; дай еще!“ Царевич подал другое ведро; Кощей выпил

¹ Vek — по-словински значит 'век', но также и 'сила'. Ср. русское 'у-веч-ить' — лишить силы. М. Hostnik. Slovensko-ruski slovar. Горица, 1901, стр. 321.

² Narodne pripovjedke, skupio u i oko Varaždina Matija Kračmanov Valjavec. U Varaždinu. 1858, стр. 24.

³ Ibidem, стр. 112—113. Ср. с этим мотивом словацкую сказку в переводе на франц. яз. «Vitiazko», в сб. «Contes Slovaques», traduit par Ivan Milec et Henri d'Armentières avec un bois de Fred Fay, préface de m-me Olga Revilliod-Masarykova. Genève, 1926, стр. 44—45, и на немецкий яз. в сб. «Westlawischer Märchenschatz. Deutsch bearbeitet von Joseph Wenzig. Leipzig, 1857, стр. 145—146, сказку: «Von der Mutter und ihrem Sohne».

и запросил третье, а как вышел третье ведро — взял свою *прежнюю силу*, трихнул цепями и сразу все двенадцать порвал. „Спасибо, Иван-царевич, — сказал Кошей Бессмертный, — теперь тебе никогда не видать Марьи-Моревны, как ушей своих“, и *страшным вихрем* вылетел в окно, нагнал на дороге Марью-Моревну, прекрасную королеву, подхватил ее и унес к себе». ¹ В другой русской сказке «Елена Премудрая» встречается тот же мотив, но выступающий уже совершенно в ином оформлении. Шестиглавый змей отдаст на хранение Ивану-молодцу ключи от всех палат и запрещает входить в ту, которая заперта двумя замками, золотым да серебряным. «Не стерпел добрый молодец, вынул ключи, отомкнул оба замка, золотой и серебряной, и отворил дверь дубовую. В той комнате сидят две девицы — на цепях прикованы. Говорит Елена Премудрая: „здравствуй, добрый молодец! сослужи-ка нам службу невеликую, дай нам по стаканчику *ключевой воды испить*“. Иван, глядя на ее красу несказанную, позабыл совсем про змея; жалко ему стало бедных затворниц, налил он два стакана ключевой воды и подал *красным* девицам. Они *выпили, вострепенулися* — железные кольца *распаялись*, тяжелые цепи *свалились*, *захлопав красные девицы крыльями и улетели* в открытое окно». ² Здесь мы видим, в отличие от других приведенных мотивов, змей играет иную роль: на месте прикованного змея выступают ‘женщины’ resp. ‘птицы’, а сам шестиглавый змей живет на свободе на острове посреди моря, *глубоко в подземном царстве*. В одной из словацких сказок «Chorý kráľ» рассказывается, как однажды одна девушка по имени Аничка ушла в сад и забыла на столе ключ от одной комнаты, которая была всегда закрыта на замок. Когда ее возлюбленный Янко открыл дверь, он увидел на цепи прикованного *дракона*. Тот взмолился о *воде*. Янко дал трижды *напиться вина*, и после третьего глотка разорвалась цепь и дракон закричал: «Не твоя Аничка, а моя» и улетел вон. Схватил Аничку и полетел с ней в свое логовище. («Aničku zchytíl a letel s ňou do svojej diery; daleko za hory a vrchu».) ³ В сборнике «Westslawischer Märchenschatz» в переводе Иосифа Венцига мы находим любопытную сказку под названием «Die Taube mit den drei goldnen Federn», где встречается тот же мотив: «Однажды принцесса запретила своему мужу входить в одну комнату сказав, что иначе он потеряет свою жену. Она превратилась в *голубя* и с его сестрами вылетела вон к *мору купаться*.

¹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, кн. I, издание второе, М., 1873 стр. 474—475.

² Ibidem, кн. II, стр. 424.

³ Slovenské povesti. Vydávajú August Horislav Škultety, a Pavel Dobšínský. Kniha Prva. Povesti prastarych báječných časov. Sväzok II. V Rožnave. 1858, стр. 149—150.

Юноша нарушил запрет и открыл дверь. В этой комнате он увидел Дракона с тремя головами, прикованного к потолку resp. своду, так что каждая из трех его голов висела на крюке, а перед ним стояли три стакана с *водой*. Дракон просил *напиться воды* и за это обещал юноше три лишних *жизни*. После глотка каждая из голов срывалась с крюка. Выпив всю воду (а она была *водою жизни*), трехголовый дракон почувствовал силу, освободился и вылетел вон через закрытое окно, так что последнее разбилось на тысячи осколков. Дракон словил голубку и унес ее в свой далекий замок. («Der Drache hat Täubchen gehascht, und in sein fernes Schloss geschleppt, wo er es quälen wird bis zum Tage des Gerichtes».)¹ Наконец, нельзя не упомянуть и об азербайджанской сказке «О прекрасной царевне», где царевич нарушил точно также запрет своей возлюбленной царевны — не входить в сороковую комнату. В ней он нашел *страшного Дива*, прикованного к стене и страдающего от *жажды*. Когда царевич дал ему *напиться воды*, он почувствовал в себе снова титаническую силу и разорвав цепи полетел, а по пути захватил с собою уснувшую на сорок суток царевну.²

Все это вариации одного и того же мотива. Общим для всех этих мотивов остается образ *живой воды*, дающей силу и приносящей освобождение прикованному 'змею' resp. 'дракону', в русской сказке 'Ющею Бесмертному', выступающему в роли 'змея', и даже 'женщинам — птицам', а в тюркской сказке 'диву'. Это представление о 'жизни' воспринималось конкретно, как 'текучая вода', что, напр., отложилось и в русском языке в выражении 'жизнь протекает'; в настоящее время оно осознается лишь как поэтическая метафора, как образное выражение, наравне с такими сочетаниями как 'родник' жизни, 'источник' жизни. В этом отношении не следует далеко идти за примерами: чешское слово *žizej* выражает конкретное представление о 'воде'; оно означает — жажда; там *žizej* — мне хочется пить. И поэтому Н. Я. Марр не случайно задает вопрос о том, что «...случайное ли созвучие или генетическое сродство связывает тождественные яфетические слова, с одной стороны означающие 'воду', 'озеро', с другой — 'рождение', 'созидание', 'строительство'».³ А в другом месте утверждает, что «ведь слово, означающее 'вода', означает по яфетической семантике еще не только 'река', но и 'рука', и 'женщина', и 'хлебный знак', 'благодать', 'милость' и 'радость', 'жизнь'

¹ Westslawischer Märchenschatz... Deutsch bearbeitet von Joseph Wenzig. Leipzig, 1857, стр. 73—74.

² Сб. материалов для опис. местн. и племен Кавказа, Тифлис, 1888, вып. VI, отд. II, стр. 135—136.

³ Н. Я. Марр. Термин 'скиф'. Избр. раб., т. V, М.—Л., 1935, стр. 17.

Сб. памяти Н. Я. Марра

и 'смерть'». ¹ 'Дракон', 'змей' (наравне с волком) по Марру являлся племенным тотемом, ² (в связи с чем не случайно сербский тотемистический термин 'змај' — 'змей' и 'вук' — 'волк' сохранились в собственных именах, как, напр.: *Змай* Иован Иованович, *Вук* Караджич); ³ но этот же 'змей' был также связан и с понятием 'рыба' ⁴ и являлся образом властителя 'подземного царства', 'моря', 'неба'. Указанные нами мотивы сказок сохранили именно значение 'змея' как властителя водного царства преисподней, получающего освобождение свое от 'воды', упоминание о чем мы находим в русской сказке «Елена Премудрая». Змей живет на свободе на острове среди моря, глубоко в подземном царстве. Это 'небо' ³ геср. 'водная стихия', 'небо-вода', с чем связано и понятие самой 'воды' как источника 'силы', 'жизни', воспринималось уже дифференцированно от 'неба' ¹ геср. 'неба-солнца', что являлось характерным для более поздней стадии космического мировоззрения (образного мышления человека). Однако приведенный нами мотив сохраняет и такую черту, которая указывает на более раннее происхождение этого образа. В одной из сербских сказок под названием «Баш-Челик» говорится: «Царевич, оставшись один, нарушил запрет царя и вошел в запрещенную комнату. И когда вошел, увидел: в комнате стоял человек (великан), закованный до колен в железо, обе руки были закованы до локтя, в четыре стороны расходились четыре балки, от каждой балки протягивались по четыре железных цепи и концы их сходились таким образом, что стягивались у него вокруг шеи, и он был так крепко закован, что не мог никуда двинуться с места. Это был Баш-Челик. («У соби један чоек до кољена у гвозђе заковат и руке до лаката заковате обје, на четири стране имаду четири дирека, а тако од свакога дирека има по едан синџир од гвозђе, и тако су крајеве своје саставили па онамо чоек у око врата обавили, и тако је тврдо оковат био, да се није могао никако мицати.») Перед ним был расположен *колодеи* (једва чесма), из которого вода била *ключем* по золотой трубе и вливалась в золотое корыто. Вблизи него стоял стакан, украшенный драгоценными камнями. Прикованный человек страдал от *жажды* и умолял царевича подать

¹ Н. Я. Марр. Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси Избр. раб., т. V, стр. 51.

² Напр. в работах: Термин 'скиф' (Избр. раб., т. V, стр. 41—42) и Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси» (Избр. раб., т. V, стр. 57—58).

³ С именем Вука связано след. народное поверье. «Народ верује — говорит сербский ученый, проф. Люб. Стоянович в биографии В. Караджича — кад коме умиру мало деца, да их једу вештице (колдуны), за то су родитељи дали своје нарођенчету име Вук; јер вештица не сме на вука». Љуб. Стојановић. Живот и рад Вука Стеф. Караџића. Београд Сemun, 1924, стр. 3. Одељак први, глава прва).

⁴ Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов. Вишаны. 1931. Тр. ГАИМК, т. I, стр. 9—56.

ему *воды*. Царевич исполнил просьбу и за это получил одну лишнюю *жизнь*; потом дал напиться и во второй раз и за это получил вторую жизнь. Наконец, в третий раз, по просьбе Баш-Челика, он *вылил воду ему на голову*. И как только царевич омочил ему голову, распались цепи и Баш-Челик словно *молния* вылетел, *распустил крылья*, и в это же время спрятал под свое крыло дочь царя, жену своего избавителя и исчез с глаз. («Баш-Челик скочи као муња, па рашири крила, полети, и у исто вријеме узме под крило цареву ћерку, жену његова избавитеља, и тако на једанпут ишчезне из очији».)¹ Здесь ясно выступает уже связь 'змея' в лице Баш-Челика с 'огнем'.² Эта 'огненность' змея-дракона еще ярче выражена в одной из словинских сказок под назв. «Kraljič i Vila»: «Однажды царевич нарушил запрет своей жены — Вилы — входить в заднюю комнату (v zad-nju hižu). И когда он вошел в нее, то увидел „одного старого человека, у которого из зубов исходило пламя и он назывался *Огненным королем*“ («vidi jednoga staroga čoveka, kojemu je iz zub sam ogenj išel i zval se je ognjeni kralj».)³ Этот *Огненный король* умолял царевича дать ему *напиться*. И когда царевич трижды подал ему *воду*, Огненный король освободился от своих оков, которыми был прикован к стене, и улетел, захватив Вилу. Царевич не дождался своей возлюбленной и пошел ее искать. Он спросил своих зятьев, короля ветров, короля солнца, короля месяца, не знают ли они, где его жена. Они указали ему на Огненного короля. Он шел-шел и дошел до одной *огненной горы*; там он увидел *ручей*, а в нем стояла эта Вила. («On ide i dojde na jednu ognjevitu goru; tam je videl jednoga potoka i v njem je stala ova Vila».)⁴ В этой сказке, отразившей более ранние черты космического мировоззрения (образного мышления человека), является характерным один момент: сочетание 'воды' и 'огня' в одном образе. 'Вода' дает силу и освобождает 'Огненного короля', а на 'огненной горе' течет 'ручей' — 'поток', в котором сидит похищенная Вила resp. 'женщина'. Что именно 'женщина' бывает связана с 'ручьем', 'озером' resp. 'водой' — на это указывает целый ряд мотивов в сербских и словинских сказках. Однако есть и отдельные черты, сохранившие еще живую тесную связь 'воды' с 'огнем'... Так, в одном из вариантов русской сказки «Безногий и смелый богатырь» мы читаем:

¹ Српске нар. приповijetke... (цит. изд.), стр. 194—196.

² Недаром в словацкой сказке мы читаем: «Il avait très chaud, parce que le dragon soufflait sur lui son haleine de feu». («Contes slovaques. Ibidem, стр. 61. В сказке «Vitiazko».)

³ Интересно в связи с этим отметить, что словинское слово zub-elj означает 'пламя'. Ср. со старым русским словом «жупел» в значении 'горящая смола', 'жар', 'смад'. Post-nik, M. Slovensko-ruski slovar, 1901, стр. 343. Объяснение слово 'жупел' см. у Вл. Даля в его «Толковом словаре живого великорусского языка».)

⁴ М. К. Valjavec. Nar. pripovjedke. Ibidem, стр. 2—3.

«Просится змей: „отпустите меня, сильно-могучие богатыри. Я вам покажу, где мертвая и живая вода“. Богатыри согласились. Вот змей привел их к *озеру*; Марко-Бегун обрадовался, хотел было прямо в воду кинуться, да Иван Голой остановил: „надо прежде, говорит, испробовать“. Взял зеленый прут и бросил (его) в *воду* — прут тотчас *сгорел*. Принялись богатыри опять за змея; били его, били, едва жива оставили. Привел их змей к другому озеру; Иван Голой поднял гнилушку и бросил в воду — она тотчас пустила ростки и зазеленела листьями».¹ В другой сказке «Царь-Медведь» говорится: «Иван-царевич оглянулся и махнул позадь себя *утиральником* — вдруг сделалось *огненное озеро*: такое широкое-широкое — *волна* из края в край бьет».² В сказке «Елена Премудрая», в одном из ее вариантов, точно так же имеется указание на связь 'воды' с 'огнем'. «Иван опустилсЯ на землю, слез с орла и пошел на *взморье*; ударил по кремню огнивом, вырубил *огонек* и пустил его на *сине море*».³ В одном из апокрифических сказаний мы читаем: «И діавол, лстѣй их, ввержен будет в *езеро огненно и жупелно*».⁴ В словацкой сказке, переведенной на немецкий язык, мы имеем образ дракона, извергающего одновременно 'пламя' и 'воду'. «Der Drache drehte sich hin und her, und eh' sich's der Schafhirt versah, sass er auf des Drachen Rücken, und der Drache flog mit ihm in die Luft empor. In dem Augenblicke ward es pechfinster; nur *das Feuer, das der Drache aus Rachen und Augen spie*, leuchtete auf den Weg. Die Erde zitterte, die Steine kollerten von den Bergen in die Thäler. Zornig schlug der Drache mit seinem Schwanze links und rechts, und rechts und links, und die Buchen, die Tannen, die er traf, zerbrachen wie Rüthlein — und *er sprudelte so viel Wasser nieder, dass es von den Bergen strömte, dem Wagfluss gleich*».⁵ Наконец, в одной из словацких сказок прямо указывается на то, что Огненный король являлся кровным братом Водяного короля.⁶ Латышские песни точно так же сохранили древнейшие пережитки сочетания в одном образе 'огня' и 'воды'. Так, напр., в одной песне говорится:

«На камне я колю дрова,
«На *струе* (реки) развожу огонь».

¹ А. Н. Афанасьев. Ibidem, кн. II, стр. 190—191.

² Ibidem, стр. 195.

³ Ibidem, стр. 428.

⁴ Словарь Академии Наук, т. I, 1867, стр. 865. См. работу И. Г. Франк-Каменецкого: «Вода и огонь в библейской поэзии». Яфетический сборник, т. III, М.—Л., 1925, стр. 127—164.

⁵ Westslawischer Märchenschatz. Ibidem, стр. 120. В сказке: «Vom Schafhirten und dem Drachen».

⁶ Sebrané spisy Boženy Němcové. VII. Díl. Slovenské pohádky a pověsti. V Praze, 1863, («Král času», стр. 25).

В другом месте:

«На море горели две свечи,
«На серебряных подсвечниках;
«Их жгли божьи сыновья,
«Ожидая солнечных дочерей».

Или:

«Солнце, моя крестная матушка,
«Она подает мне руку *чрез Двину*;
«Не мокнут у него ни золотые кисти,
«Ни серебряные повязки».

Или, наконец:

«Солнце *купает* в море
«Своих коней;
«Само сидит на горе,
«А золотые вожжи в руке».¹

Все эти фольклорные данные только лишний раз подтверждают существование такой стадии человеческого мышления, когда понятия 'воды' и 'огня' еще не успели полностью дифференцироваться, когда эти понятия воспринимались еще в «диффузном» виде, несмотря на резкую семантическую противоположность, и нарекались одним и тем же термином, как в значении 'воды', так и в значении 'огня', что вскрывается палеонтологическим анализом во многих языках. Достаточно, напр., упомянуть о таком чешском слове, как «рга-шеп», что значит 'родник', 'источник', 'ключ', «živu rgašep» — 'бьющий ключ'. И рядом с этим польское слово «рго-шіей» со значением уже 'луч', 'проблеск', а также и 'струя воды, крови'.² Сюда же следует отнести и русское 'пла-мень'. 'Таять', т. е. превращаться из твердого состояния в жидкое, в *воду*. Это слово, — как указывает А. А. Потебня, — кроме обыкновенного значения имеет и теперь еще на севере другое — '*гореть*'; совершенно так, как 'топить' — «затаили (т. е. зажгли) свецу воску ярово».³ Точно так же со словом 'пар', что

¹ Памятники латышского народного творчества. Собраны и изданы Иваном Спрогисом. Вильна, 1868, стр. 11, 303, 309, 311.

² На это раньше указывал и А. А. Потебня, говоря: «чеш. ргашеп значит ручей и луч, польское ргошіей — струя и луч» (А. А. Потебня. О некоторых символах в слав. нар. поэзии. Харьков, 1860, стр. 89).

³ Потебня. Ibidem, стр. 10. См. палеонтологический анализ слова «топить» Н. Я. Марра в его работе «Яфетические зори на украинском хуторе» (Избр. раб., т. V, стр. 255—257).

значит жидкость, гл. обр. *voda*, обращенная в газообразное, летучее вещество. Это же слово означает и 'душа', 'дух', 'жизнь', напр. в выражении: «Что лошадка. — И пар вон», т. е. издохла. 'Пара' — значит 'животная жизнь': «Кая бо жизнь ваша? пара бо есть». (Из евангельского текста). 'Парево', 'парун' — невыносимый зной, жар, солнцепек.¹ Но уже болгарское слово «пáря, париш, парил» — означает в подлинном смысле 'жечь огнем'. «Огонь» и 'вода' — говорит Н. Я. Марр, — выражались одним словом, как и 'небо (верхнее) с солнцем' и 'небо (преисподнее) с морем'. И элемент А с губной огласовкой шипящей группы *tul* (вм. **ṭur*) используется в значении 'огня', а спирантная его разновидность, иногда с отсечением плавного исхода — в значении 'воды' и сродных понятий, как-то: *Yul* 'Волга', собственно 'вода', 'река'... *yüŋ* 'дождь' и т. п. ... Однако марийский язык сохранил пережиточно спирантный вид того слова *yül* с первичным значением и 'огня': это в основе от него происходящего глагола *yül-a* 'горит' (горн. *uel-a*).² Далее, говоря о бретонском слове 'вода' и его связи с армянским *ḥur*, чувашским и комийским *hur*, выступающими также в значении 'воды', точнее 'реки', 'влаги', 'болота', Н. Я. Марр указывает, на какой ступени развития звуковой речи выявлялось общностью этого слова родство армянского и баскского. «Это была ступень, — говорит он, — когда, при космическом мировоззрении, 'вода' и 'огонь' явились одинаково синонимами 'небес', лишь при уточнении 'вода' присваивалась 'подземному небу' — 'морю', 'свет-огонь' — 'верхнему небу', в частности — 'солнцу', и соответственно, поскольку 'небо' обозначалось одним словом, верхнее ли имелось в виду, нижнее или подземное, так одним словом обозначалась 'вода' и 'огонь', смотря по контексту независимо от того, в какой разновидности, сибилантной или спирантной, произносилось само слово. Это было дело дальнейшего уточнения и бытования различных социальных группировок. И такое уточнение и бытование у басков наблюдается по данному слову иное, чем у армян, именно у армян 'воду' обозначает сибилантная разновидность *ḥur*, а у басков — спирантная разновидность *hur*, и наоборот, 'огонь' у армян выражается спирантной разновидностью того же слова *hur*, а у басков — сибилантной разновидностью, да еще с утратой исходного плавного *h*.³

Обращаясь к вариантам нашего сказочного мотива, мы можем констатировать, что именно связь 'воды' и 'огня', так ярко выступающая

¹ См. у Вл. Даля в его «Толковом словаре живого великорусского языка».

² Н. Я. Марр. Первая выдвигенческая яфетидологическая экспедиция по обследованию мариев. (Избр. раб., т. V, стр. 450).

³ Н. Я. Марр. Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афреварзии. Изв. ГАИМК, 1930, т. VI, вып. I, стр. 25.

в них, является отнюдь не случайным фактом, а закономерным отражением, пережиточно сохранившимся, как раз той стадии, о которой говорит Н. Я. Марр. И если мы попытаемся подойти к перечисленным нами мотивам с точки зрения стадияльного их развития, то необходимо рассматривать их в следующем виде. Словинская сказка дает нам представление об 'огне' в лице старика «Огненного короля» гесп. «змея» — ю космической линии родного брата *«Водяного короля»*. Этот Огненный король, у которого *пламя* выходит из зуба, получает свое освобождение от *воды*. Он живет на *Огненной горе* гесп. небе, где протекает *ручей* — *поток* гесп. *вода*, а в этой воде живет похищенная им *Вила* гесп. русалка; она же — и хранительница огня, очага, как судица, которой приносили в жертву огонь.¹ В этом образе налицо закономерная связь 'огня' и 'воды'. Если мы сопоставим теперь этот образ с образом Баш-Челика — Человека-Великана, освобожденного от цепей посредством 'воды', и который оказался человеком с гигантскими крыльями гесп. 'змеем', вылетевшим как *молния* из комнаты — то мы должны констатировать тот факт, что образ из словинской сказки возник на более ранней стадии, нежели образ Баш-Челика из сербской сказки. В последней Баш-Челик является лишь крылатым человеком подобно змею, и единственная черта, говорящая о его огненном происхождении, сохранилась в виде поэтической метафоры: *«вылетел как молния»*. В других приведенных нами вариантах из словацких и сербских сказок эта черта огненности исчезает совершенно и остается лишь образ 'змея', 'дракона', освобождающегося посредством 'воды'. Это уже позднейшая стадия — стадия дифференциации понятия 'огня' и 'воды'. 'Огонь' затушеван позднейшим напластованием, а 'змей', как и 'дракон', отражают уже иное социальное мировоззрение в зависимости от иной хозяйственно-производственной ступени в развитии общества, хотя 'вода' продолжает играть ту же функцию, что и в первоначальном своем варианте. Первоначальный образ 'огня' и 'воды', проходя различные стадии в хозяйственном развитии человеческого общества и связанной с ним техники мышления, изменяет свой облик, принимает новые очертания, дифференцируется, приобретает в дальнейшем новые, уже более рационалистические понятия в зависимости от нового общественного окружения; однако, несмотря на свою трансформацию, сохраняет в себе еще пережитки древнейших ста-

¹ А. Н. Веселовский. Славяно-германские отрывки. II. Валькирия — Welis, Νύξιον πεδίου, Вила — Viola. Ж. М. Н. Пр. 1889, июль, стр. 8—14... «Другое соседство, в котором стоят вилы отреченных текстов, это — огонь: им ставят требы, огню молятся»... «Вилы живут не только в горах и воздухе, но и в воде...» Ср. Л. Леже, Славянская мифология. Перев. с франц., под ред. проф. И. А. Шляпкина, В. А. Пасенко. Воронеж, 1908 (гл. VI, стр. 141—154).

дий человеческого мышления. Недаром в сочетании с основным, ранее существовавшим образом 'воды' и 'огня' в позднейших мотивах того же происхождения мы находим такие отложившиеся черты, как, напр.: в сказке «Марья-Моревна» змей вылетает *вихрем*, а в сербской Баш-Челик — *молнией*. В сказке «Елена Премудрая» освобожденные красные (солнечные) женщины вылетают как *птицы*. В словацкой сказке «Голубь с тремя золотыми перьями» принцесса превращается в *птицу-голубя* и вылетает *к морю купаться*. Для нашего логического мышления эти образные черты кажутся «фантастическими», «несуразными», если хотите, даже полнейшей бессмыслицей. Но подходя к этим «фантастическим образам», сохраняющим мифологические черты, мы не должны забывать того, что «мышление доисторического человека, — как указывал Н. Я. Марр, — было не отвлеченное, не научное, не логическое, а конкретное, поэтическое, образное, с родством слов-символов, как выразителей образов».¹ И эту конкретность, эту образность мышления вскрывает палеонтология фольклорных сюжетов, наравне с палеонтологией речи. «Вода» освобождает от оков «змея», «дракона» — этого властителя подземного водного царства, который, оказывается, воплощал в себе не только понятие 'воды', но также и понятие 'огня'. «Но 'огонь' и 'вода' (также две противоположности), — указывает Н. Я. Марр, — назывались одним словом, однако, в действительности дело не в 'огне' и 'воде', их *противоположность в осознании человека отобразенная* (курсив мой. С. С.), микрокосмическая, *семейно-хозяйственная*, ибо, поскольку 'огонь' был назван по 'солнцу' (← 'небу') — дело в противоположности 'солнца' 'воде' (← 'небу'), не как веществу — материи, физическому явлению, а как *стихии — материи, явно производственно-общественному; выявлению природы в осознании коллектива эпохи* (курсив мой. С. С.).²

¹ Н. Я. Марр. Чуваши-яфетиды на Волге. Избр. раб., т. V, стр. 326.

² Н. Я. Марр. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык (Избр. раб., т. V, стр. 480). См. объяснение разобранного нами образа у А. Н. Афанасьева в его статье: «Сказка и миф» (Филологич. Записки, Воронеж, 1864, вып. I и II, стр. 17—23). Прикованный змей, по Афанасьеву, — туча, окованная зимним холодом; вода, освобождающая эту тучу, — весна, приносящая плодородный дождь.

И. И. ТОЛСТОЙ

Связанный и освобожденный силен

I

Среди античных легенд о Мидасе, несомненно, особенно популярным, на ряду с легендой об ослиных ушах этого фригийского царя, является сказание о волшебной способности Мидаса обращать все окружающие предметы в золото. В дошедшей до нас античной литературной традиции сказание это прочно спаяно с мифом о пленении силен. Пойман лесной бог силен, который, в благодарность за свое освобождение, сам или через Диониса, одаривает Мидаса способностью превращать в золото все, к чему бы тот ни прикоснулся. В первый момент Мидас счастлив, но потом, когда и хлеб, и вино, и вся, вообще, пища от его прикосновения к ней становится золотом, Мидасу грозит голодная смерть. Тогда Мидас просит Диониса избавить его от опасного дара, и Дионис сообщает ему средство спасения: свою золотоносную силу Мидас смывает с себя, купаясь в водах реки, которая отныне сама делается золотоносной. Таков общий контур сюжета в том виде, какой придал ему Овидий.¹ Близкий и весьма интересный вариант случайно нам сохранен сборником диатриб риторика II в. н. э. Максима Тирского.² Одному бедному и жадному фригийцу удастся поймать сатира: к источнику, пить из которого сатир ежедневно ходил, хитрый фригиец подмешал вина. Поймав сатира, фригиец обращается к пленному богу с молитвой, «с какой было ему естественно обратиться и какую естественно было сатиру выполнить»; он молит его о том, чтобы стала у него золотой земля и золотыми бы сделались у него и деревья, и пашни, и луга, и цветы в лугах. Желание фригийца в точности исполняется, и вот «плачет тогда этот Мидас, над своим богатством и обратную творит молитву», прося богов о том, чтобы они вернули ему его прежнюю, «легкую, изобильную, плодоносную бедность» и чтобы золото его пало на головы его врагов. Так молится он усердно, но боги остаются глухи к его мольбам.

¹ Ovid. Met., XI, 85—145.

² Max. Tyrrii Philosophumena, № 5.

Интерес этого повествования прежде всего заключается в том, что, в отличие от всех остальных вариантов, главным действующим лицом в которых обычно служит Мидас, в рассказе Максима Тирского мы имеем дело с безыменным стержневым персонажем, лишь приравшиваемым к Мидасу. Имеются в нем еще и другие, заслуживающие внимания, композиционные мелочи: так, ловит фригиец не силена, а другого, родственного силенам, лесного демона, сатира, и принадлежащие фригийцу предметы становятся золотыми не от его к ним прикосновения, а под непосредственным воздействием на них воли самого бога. Безыменность главного действующего лица, простота фабулы и некоторые стилистические приметы, даже и у ритора не утратившие своей специфичности, — например, подробное в молитве фригийца перечисление того, что должно обратиться в золото, «и земля, и деревья, и пашни, и луга, и цветы в лугах» — все это, до известной степени, позволяет нам предполагать, что повесть Максима Тирского восходит не к литературному, а к устному, сказочному источнику.

Мотивом золота легенда о пленении силена кончается не всегда. Цитата из утраченного для нас диалога Аристотеля «Евдем», сохранившаяся у Плутарха, показывает, что та легенда, которая известна была Аристотелю, давала совершенно иной конец.¹ У Плутарха Мидас задает пойманному силену вопрос о человеческом счастье, настойчиво требуя от него ответа. Силен долго отказывается отвечать, долго упорствует, прибегая к различным уловкам, но в конце концов подчиняется требованию. «Зачем, люди, принуждаете вы меня говорить о том, о чем лучше было бы вам не знать?» Так обращается он к словившим его и развивает затем свой знаменитый пессимистический тезис: лучше всего никогда не рождаться, второе, следующее за этим счастье, это, родившись, умереть как можно скорее. Еще иначе кончается легенда в VI эклоге Вергилия, где силен пойман двумя греческими деревенскими мальчиками: связанный ими, он соглашается спеть им песнь, которую те давно хотели послушать. Вариантов мифа о поимке и освобождении силена довольно много,² причем, если

¹ Plut. Cons. ad Apoll. 27. Что легенда, сообщаемая Аристотелем, им не измышлена, а является лишь пересказом того, что Аристотель читал или слышал, доказывается выражением «говорят» (λέγουσι), которое он предположил изложению самой легенды.

² Наиболее полно представлены они в текстах: 1) Вергилия, Verg. VI 13—28, 2) Овидия, Ovid. Met. XI 85—145, 3) Гигина, Hygini fab. 191, 4) Максима Тирского, Max. Tyrii Philosophumena, № 5, 5) Сервия, в комментариях к Энеиде, Serv. ad Verg. Aeneid, X 142, и 6) к VI эклоге, Serv. in Verg. Buc. VI, 13. Менее ясен ход фабулы у 7) Ксенофонта, Xenoph. Anab. 12, 13, 8) Плутарха, Plut. cons. ad Apoll. 27, 9) Афиня, Athen. II 23 p. 45 c., 10) Элиана, Aelian. var. hist. III 18, 11) Филострата в «Жизни Аполлония Тианского», Philostr. vita Apoll. VI 27, и 12) у Филострата, автора «Картин», Philostr. Imagines I 22.

они и разнятся один от другого в частностях, то в общем сюжет производит, на первый взгляд, впечатление однотипности. Он распадается на две части: в первой говорится о ловле, а во второй о прибыльном результате ловли, о золоте, песне, ответе на вопрос, поучении. А между тем, при более внимательном всматривании в конструкцию вариантов, легко обнаруживаются две раздельных линии сюжета.

2

Сюжетная линия одного направления повествует о том, как силена поймали и как свобода была ему возвращена лишь после выполнения им определенного условия. Ловля силена предпринимается в данном случае с целью к чему-то его принудить: заставить его дать человеку богатство, открыть людям смысл человеческой жизни, познакомить их с тайнами мироздания, спеть им дивную песнь. Силен долго упорствует, но все же, в конце концов, выполняет требуемое, и тогда его отпускают на волю. Иначе говоря, ценой выполнения требуемого пленный силен покупает себе свободу. «Развяжите меня, — обращается он у Вергилия в VI эклоге к обоим мальчикам, — слушайте песню, которую вы хотели услышать: эта песня будет моей с вами расплатой (*merces*).¹ В сюжетной схеме этого типа к акту поимки силена обычно прилагаются термины ловли или охоты. У Афинея, ссылающегося на текст Феопомпа, Мидас стремится «поймать» силена (*ἐλεῖν τὸν Σιληνόν*), у Ксенофонта он за ним «охотится». У Плутарха, в цитате из Аристотеля, опять-таки упоминается об охоте (*ῥήρα*). В «Жизни Аполлония Тианского» сатир «пойман» Мидасом, в «Картинах» Филострата Мидас «изловил» (*τεῖνέρακεν*) сатира. В повести Максима Тирского к пойманному силену прилагается выражение «пленный бог» (*δαίμων αἰχμαλώτος*). И картина самой поимки тоже устойчива. Только в VI эклоге Вергилия силена ловят в пещере: как правило, ловят его у источника (*κρήνη, πηγὴ*), к воде которого ловцы подмешивают вина. Силен, полужверь, полубог, в урочный час отправляется на водопой к этому источнику, пьет из него, хмелеет и засыпает. Во Фригии, в городе Фимбрии, по словам Ксенофонта, даже показывали этот источник.²

Это одна сюжетная линия. Рядом с ней мы наблюдаем другую: силен попал в беду по собственной своей оплошности: за ним никто не охотился.

¹ Verg. Buc., VI, 25 сл.

Carmina quae vultis cognoscite; carmina vobis,

Huic aliud mercedis erit.

Местомимение «*huic*» относится к нимфе, помогавшей мальчикам в ловле силена.

² «Так называемый источник Мидаса»: Xenoph. Anab., I, 2, § 13.

Он отбился от вакхического кортежа Диониса, отстал от него: в рассказе Гигина употреблено выражение «*aberravit*», «заблудился». А заблудился силен, находясь в состоянии опьянения. У Овидия, в «Метаморфозах», у пьяного силен подгибаются колени, он «шатается» (*titubat*); у Сервия (к VI эклоге), пересказывающего повествование Феопомпа, охмелевший силен валится на землю и погружается в сон. Момент опьянения одинаково дают, таким образом, обе линии сюжета, но мотивировано последнее различно в обоих случаях: там силен опьяняют, здесь он сам напивается. Иной смысл имеет, далее, и картина пленения. На пьяного (*scrupula madentem*), заснувшего крепко (*soporatum, dormientem*, Сервий) или спотыкающегося от вина и преклонных лет (*titubantem annisque meroque*, Овидий) силен неожиданно для них самих наталкиваются крестьяне. Они осторожно к нему подкрадываются, хватают, связывают и приводят к Мидасу. У Овидия имеется композиционная деталь дополнительного порядка, типичная для настроений поэзии буколической: силен опутывают «венками» (*coronis*), сплетенными из полевых цветов. Тот же мотив и в VI эклоге Вергилия: оковами, одеваемыми на заснувшего бога, служат и здесь цветочные гирлянды (*serta*).

Итак, обе сюжетные линии дают, как мы видим, момент пленения, но в одном случае перед нами пленение как результат сознательной ловли, а в другом оно — следствие неожиданной, случайной встречи. Равным образом, и центральная часть сюжета, встреча с царем Мидасом, в свою очередь, получает в нашем предании две различные формы. Если в сюжете, развиваемом по схеме первого типа, Мидас полонит силен, то вторая сюжетная схема изображает нечто совсем другое: Мидас не полонит силен, а, напротив, его освобождает. В той версии сказания, которую сообщает Сервий в комментариях к Энеиде, Мидас приказывает снять путы с пленного бога и окружает его всяческой лаской (*eum et resolvi fecit, et omni affabilitate fovit*).¹ Феопомп, поскольку мы можем, вообще, доверять пересказу Сервия,² говорил о чуде: оковы сами собой спадали с тела силен. Сказание, очевидно, вобрало в себя мотив чуда и в античности весьма распространенный, засвидетельствованный, между прочим, и для мифа о самом Дионисе: так, в VIII Гомеровском гимне тирренские корабельщики, связав-

¹ В этой, сообщаемой Сервием, версии (*Serv. ad Aen.*, X, 142) нет упоминания ни об опьянении, ни о сне: так ли, действительно, рассказывала легенда, или же это пропуск повествовательного мотива, показавшегося Сервию маловажным, решить, конечно, нельзя. В тексте Сервия сообщается легенда горы Пактола: когда правил в тамошней местности царь Мидас товарищами последнего (*ab eius sociis*) схвачен был и связан силен.

² В примечаниях к VI эклоге Вергилия: *Serv. in Verg. Buc.*, VI, 13.

шие молодого Диониса, в изумлении видят, как с тела пленника сами собой спадают наложенные на него узы.¹

У Гигина Мидас оказывает силену радушное гостеприимство; у Овидия он в течение десяти суток роскошно угощает бога в своем дворце. В дальнейшем и у Овидия, и у Гигина силен благополучно возвращается к молодому Дионису. «Оказав силену щедрое гостеприимство, Мидас дал ему провожающего, который должен был доставить силену к спутникам Либеры», рассказывает Гигин. У Овидия Мидас десять дней и ночей чествует силену праздником, а на утро одиннадцатого дня веселый выходит вместе с ним в поля и вручает его Дионису.

Следует отплата. Мидас вызволил силену из беды. Лесному богу, пойманному и связанному людьми, Мидас, «сжалившись» над несчастным пленником или просто из чувства «разумной предосторожности» (*miseratione vel prudentia*, Сервий к Энеиде), вернул свободу: за этот добрый поступок Мидас был вознагражден. Заключительная часть сюжета построена, таким образом, на теме награды, развитие которой дошло до нас в трех вариантах. Первый нам сохранен Овидием и Гигином: Мидаса вознаграждает Дионис. «Радуюсь возвращению своего старого воспитателя»,² Дионис, в благодарность за оказанную ему любезность (*ob beneficium*, Гигин), обещает Мидасу выполнить любое его желание. И Мидас неразумно просит бога одарить его волшебной способностью обращать все предметы в золото. Второй вариант представлен сказкой горы Пактола у Сервия, в комментариях к Энеиде: в этой сказке вознаграждает Мидаса не Дионис, а непосредственно сам силен. В отплату (*gratiam rependens*) за полученную свободу, силен сам дарует Мидасу магическую золотonosную силу. Третий вариант, согласно свидетельству Сервия (к VI эклоге), встречался у Феопомпа: освободившись от пут, силен, отвечая на вопросы Мидаса (*Midae interroganti*), удовлетворял любопытство последнего, излагая ему вопросы естествознания и беседуя с ним о временах отдаленной древности (*de rebus naturalibus et antiquis*). Отрывок той речи, с какой обращался силен к Мидасу у Феопомпа в VIII книге «Филиппик», сохранился в «Пестрой Истории» Элиана,³ — знаменитый рассказ о двух городах, «Городе Битв» и «Городе Благочестия», и о двух реках, «Радости» и «Печали».

¹ Тот же мотив использован и Еврипидом в «Вакханках», где сами собой (*αὐτομάτα*, Euripid. Bacch., v. 447) развязываются узы, стягивающие ноги вакханок, схваченных и брошенных по приказу Пентея в темницу.

² Ovid. Met., XI, v. 101 *gaudens altore recepto*.

³ Aelian. var. hist., III, 18. F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker, II Bd., 115, Frgm. 75.

3

Сюжетные компоненты, образующие повествование о пойманном и освобожденном силене, в обеих линиях сюжета тождественны. Как в той, так и в другой происходит сперва пленение, а затем освобождение силена; и там, и здесь говорится об его опьянении; в обоих случаях силена связывают и происходит беседа человека с силеном, и силен либо открывает человеку какие-то тайны, либо дарует ему богатство. Сюжетные компоненты здесь одинаковы, но их осмысление, или, иначе говоря, способ взаимного их сцепления в процессе повествования, образует две различных картины. В одном случае силена ловят в условиях предпринятой на него охоты, в другом — в результате неожиданной с ним встречи; в первом случае силена путем пленения принуждают к какому-то акту, во втором этот акт совершается им добровольно, в награду за свое избавление от плена. Смысловая форма меняется тут путем перестройки взаимной связи отдельных повествовательных компонентов, в свою очередь складывающихся из еще более мелких повествовательных единиц. Так, в состав заключительной части легенды вошли по крайней мере два, независимых один от другого, мотива. Одним из них является очень распространенный в фольклоре мотив безоговорочного, односторонне сформулированного, а потому и оказывающегося неразумным, желания. Для Тифона, любимого ею юноши, богиня Эос в V Гомеровском гимне¹ безоговорочно вымаливает у Зевса вечную жизнь, забывая выпросить для него также и сохранение ему вечной юности. Прекрасный Тифон получает бессмертие, но, постепенно старея, доходит до последней степени дряхлости. В эпидаврийских «Врачеваниях» рассказывается следующая история. Одна женщина желала забеременеть девочкой и в сакральном сне просила об этом бога Асклепия. Напрасно спрашивал ее Асклепий, не требуется ли ей чего-нибудь еще: женщина во сне отвечала богу, что других желаний у нее нет. И вот в течение целых трех лет была Итмоника беременна, пока не исправила своей ошибки, вновь придя в Эпидавр и объявив Асклепию, что желает она не только беременности, но и благополучного ее разрешения.² Подобно этому, и царь Мидас и безымянный фригийский крестьянин новеллы Максима Тирского, оба ослепленные жадностью, неразумно просят у бога только лишь дара обращать в золото все, к чему бы они ни прикоснулись.

¹ Гомеровский гимн в честь Афродиты, ст. 218 сл.

² *Inscriptiones Graecae*, v. IV, fasc. I, ed. F. Hiller de Gärtringen, Berlin 1929, № 121, Dittenberger, *Sylloge Inscriptionum Graecarum*, II², № 1168 (II², № 802).

Этот старый фольклорный мотив¹ соединен в нашем повествовании с другим, построенным на фольклорной же теме о том, что золото само по себе еще не дает счастья человеку. Примером сказочной разработки этой темы может служить немецкая средневековая новелла о счастливом сапожнике-бедняке,² которому Христос дарит деньги и которого счастье он, сам того не желая, уничтожает своим подарком. Сапожник спешит отказаться от денег, как поступают и царь Мидас, и жадный фригиец, и тематически близкие им герои басен Лафонтена и Крылова о богаче и бедном сапожнике. Аналогичная тема, несомненно, лежит в основе драматической фабулы комедии *Aulularia* Плавта, как на это не так давно убедительно указал акад. М. М. Покровский.³ Но если мы обратим внимание на сюжет, взятый целиком, независимо от тематического состава отдельных его компонентов, и взглянем в общую линию его фабулы, то мы обнаружим две особых, уже упомянутых нами, формы. Силен пойман, связан и вынужден сделать то, чего требуют от него люди, его полонившие: это одна форма. Другая: силен пойман и связан, но человек, имеющий возможность освободить его, его освобождает, и, в благодарность за это, силен оказывает человеку добро. И обе эти формы могут быть сопоставлены с двумя, отдельно бытующими в новом фольклоре формами сказки.

Ближайшей аналогией к первой форме служит сюжет, в Указателе сказочных сюжетов Н. П. Андреева⁴ обозначенный под № 331: в сборнике братьев Гримм это падерборнская сказка № 99 («Дух в бутылке»). Молодой человек, сын бедного дровосека, случайно находит в лесу баночку, в которой заключен злой дух, „могучий Меркурий“. Он выпускает его на волю; потом, когда получивший свободу злой дух собирается погубить своего освободителя, последний хитростью вновь загоняет его в баночку, и вторично дает ему волю лишь после того, как тот вручает ему волшебную тряпочку, прикосновение которой излечивает всякого рода раны, а железо и сталь превращает в серебро. Тот же сюжет дает и швейцарская легенда о докторе Парацельзе: от чорга, заключенного в древесную шишку, доктору Парацельзу, прогуливавшемуся однажды в лесу, в окрестностях Инсбрука,

¹ См. Bolte-Polivka, Anmerkungen zu den «Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm», v. II, Leipzig, 1915, стр. 213 (törichte Wünsche).

² Zaunert, Deutsche Märchen seit Grimm, стр. 96 («Vom glücklichen Schuster»). См. М. М. Покровский, Опыт нового толкования комедии Плавта *Aulularia* в связи с вопросом о фольклоре и новоаттической комедии. Изв. Акад. Наук СССР, 1932, стр. 438 сл.

³ Указ. работа.

⁴ Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Ленинград, 1929.

удалось получить два снадобья, из которых одно врачевало болезни, а другое могло превращать все предметы в золото.¹

Совершенно так же в «Сказке о рыбаке» из «Тысячи и одной ночи» освобождаемый из кувшина ифрит предварительно обещает рыбаку дать ему за свое освобождение богатство. «Отпусти меня», говорит ифрит, «теперь время для великодушия, и я обещаю тебе, что никогда ни в чем тебя не ослушаюсь и помогу тебе чем-то, что тебя обогатит».² Сказочный мотив пойманного демона, выполняющего всяческого рода, хотя бы и отвратительные для него, условия, ради возвращения себе свободы, широко бытует в фольклоре, проникая, между прочим, и в церковную литературу средневековой Европы. Изданная Афанасьевым³ пермская легенда об архимандрите и дьяволе дает образчик христианской разработки сюжета и представляет для нас еще и тот интерес, что в ней все основные моменты повествования, т. е. 1) пленение, 2) условие, предъявляемое пленному демону, 3) выполнение демоном этого условия и 4) освобождение демона, наблюдаются с исключительной ясностью, в их простой, строго логической последовательности. «Какой-то архимандрит стал к заутрени; припоп умыватца, видит в рукомойке нечистый дух, взял ево да и заградил.⁴ Вот дьявол и взмолился: „выпусти, отче! каку хошь палощь службу — сослужу“. Архимандрит говорит: „свозишь ли меня между обедней и заутреней в Ерусалим?“ — „Свожу, отче, свожу!“ Архимандрит ево выпустил и после заутрени до обедни успел съездить в Ерусалим, к обедне поспел обратно. После забрали как-то справки, — все удивились, как он скори мок съездить в Ерусалим, спросили ево, и он рассказал это».⁵

Но и на античной почве легенды этого сюжетного типа вовсе не исчерпываются материалом сказания о Мидасе. В Риме ходила легенда о царе Нуме, некогда поймавшем Пика и Фавна на Авентине. Сообщаемое

¹ Bolte-Polivka. Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, т. II, № 99, стр. 414 сл., где сопоставлен громадный материал дальнейших параллелей к этому сюжету.

² Книга тысячи и одной ночи. Перевод М. А. Салье. Изд. Academia, 1929, т. I, стр. 85 (шестая ночь).

³ А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды, № 19 («Поездка в Иерусалим»).

⁴ Иначе говоря, связал знаменьем креста, перекрестил. Ср. А. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе. Пб. 1872, стр. 210 (по тексту рассказа Палей): «и рече ему (Китоврасу) боярин Соломонь: имя господне с запрещением на тебе».

⁵ Афанасьев вряд ли ошибался, высказывая предположение о книжном источнике этой легенды, по всей вероятности, восходящей к сказанию «о великом святителе, о Иванне, архиепископе Великого Новаграда, како был единой ноци из Новаграда в Иерусалиме граде и паки възвратися». Примечание Афанасьева к легенде № 19. См. также Еремин, Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев акад. В. Н. Перетца, Киев, 1916, стр. 69 сл.

Плутархом¹ предание говорит о том, как два лесных демона Пик и Фавн, ходившие пить из источника на Авентине, тогда еще не входившем в черту города и окруженном лесной чащей, были однажды изловлены Нумой, подмешавшим вина и меда к воде источника. Схваченные Нумой Пик и Фавн из всех сил старались вырваться и, прибегая к хитрости, меняли свою наружность, принимая различные образы. Но когда они убедились, что им не уйти из пут, они смирились и купили себе свободу ценой сообщения Нуме важных для него сведений. Древнейшее для нас литературное выражение этого старого сюжета, рассказывающего о том, как поймали демона и как он раскрыл человеку то, что важно было знать пойманному, мы находим в гомеровском мифе о Протее. Нимфа Эйдотея советует Менелая овладеть Протеем и добиться таким путем получения нужных Менелая предсказаний: «если б какие ты средства нашел овладеть им внезапно», — говорит она Менелая, — «все б он открыл».² И, следуя совету нимфы, Менелай с товарищами овладевает Протеем, пока тот спит: подобно этому, и силен в фабуле нашего сюжета ловится нередко во время сна, спящим. Пробуя вырваться, Протей последовательно превращается в льва, пантеру, кабана, текучую воду, высокое дерево и получает свободу лишь после дачи требуемых от него пророчеств.

Далее, не трудно заметить, что взятое в направлении рассматриваемой нами сейчас сюжетной линии сказание о Мидасе дает заключительную часть повествования в двух разновидных формах. Первая форма: демон дает богатство. Вторая: демон сообщает человеку тайну. Первая, безусловно, окрашена некоторым элементом иронии: в ней отчетливо проступает усмешка над жадностью и неразумием тех, кто высшее счастье усматривает только в обогащении золотом. Совершенно ясно, что быть понятным, злым и шутливым подобного рода воззрение могло лишь в условиях развитого денежного хозяйства. Если сказочный мотив золота своими палеонтологическими корнями и восходит, как таковой, вероятно, к древнейшим, доклассовым стадиям жизни общества, то, во всяком случае, его оформление, то именно, какое мы видим в заключительной части сказания о Мидасе, конечно, следует относить к эпохе исторической торговой Греции с широким, характерным для нее, денежным обращением.³

¹ Plut. Num., 15.

² Одиссея, IV, ст. 388 сл.

³ Легенде о Мидасе тематически очень близка, в этом отношении, сообщаемая Плутархом, Plut. de mulierum virtutibus 27, легенда о фригийском богаче Пифее, будто бы жившем во времена персидского царя Ксеркса: см. Wolf Aly, Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen 1921, стр. 171. Пифей случайно открывает богатое месторождение золота, к добыче которого он прикладывает как собствен-

Вторая форма, раскрытие тайны, повидимому, не имеет ближайшей хронологической приметы.

4

Морской старец Протей, царь Нума, рыбак из «Тысячи и одной ночи», доктор Парадельз, епископ Иоанн Новгородский, это все иллюстрации лишь к одной из линий сюжета. Думается, однако, что располагаем мы фольклорными параллелями также и к другой сюжетной линии, рассказывающей не о том, как пленного силена люди принудили к какому-то акту, а о том как пленного силена человек высвободил из пут и как за это силен человека отблагодарил. Я имею в виду тип сюжета великорусских сказок о благодарных леших, примером которого могут служить пермская сказка «о лешаке» и вятская «леший в благодарность за услугу служит мужику».¹

В вятской сказке леший подрался с водяным. Водяной одолел и повесил лешего на дерево. Висит «дядюшка» на березе, «висит, качается. А тут один крестьянин шел, Кузьмой звать его. Дядюшка как взмолился ему: „освободи, говорит, голубь, из петли; что хошь сделаю для тебя“. Кузьме пожалелось, вынул его из петли». В пермском варианте старый леший повздорил со своим молодым сыном, который хотел идти вместе с отцом на войну. Леший отец ловит непослушного сына и привязывает к вершине высокого дерева, а сам уходит на войну один. Привязанный лешаченок выбивается из сил, кричит, хочет вырваться. Неподалеку в лесу рубит дрова мужик, слышит вопли, идет на крик, видит привязанного к дереву лешаченка и сперва пугается; потом, сжалившись, лезет с топором на дерево и рубит путы, связывающие молодого демона. Лешаченок освобожден и благодарит мужика: «спасибо, брат, обращается он к нему, я тебе услужу». Дальнейшее течение повествования для нас интереса не представляет: оно протекает в русле сюжета известной сказки о возвращении мужа.² Леший оплачивает мужику тем, что в роковой момент, когда мужик находится на чужбине, сообщает ему о предстоящей свадьбе его

ные свои силы, так и силы всего остального местного мужского населения. Он заставляет людей порвать со всеми остальными занятиями и отдаться всецело рытью и носке земли и очистке золота. Забыты ремесла, брошено земледелие. В стране начинается голод. Тогда жены работников, пока Пифей в отъезде, обращаются с просьбой о помощи к его жене. Последняя разделяет их возмущение, и когда Пифей возвращается домой, она к обеду ему, вместо подлинных кушаний, подает золотые изображения яств. Пифей сперва любителю красивыми золотыми изделиями, но потом начинает жаловаться жене на голод и требует настоящей еды, а жена говорит ему: «но ведь ты создал у нас обилие только золота!»

¹ А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок Архива Русского Географического общества. Пб., 1917 (Зап. Геогр. общ. по Отд. этн., т. XLIV, №№ 135 и 292).

² Н. П. Андреев. Указатель, № 891.

жены и волшебным образом переносит его на своих плечах в его родную деревню. В сказке «Про свою охоту», записанной на Мезени А. И. Никифоровым,¹ связанного лешего освобождает мужик-охотник, захавший на далекий морской остров Грумант, потерявший там своих товарищей и не знающий, как ему съехать с острова. В темное время долгой северной ночи Евдоким идет однажды с собакой по острову. Собака бросается в сторону и лает. Евдоким поднимает выше фонарь и видит человека под деревом. «Иди, говорит, Евдоким, не бойся». Тогда я спросил (рассказ ведется от лица самого рассказчика): „А вы хто такой?“ „Я, говорит, лешой. Иди и отвяжи меня, говорит. Если хочешь на родину, то, говорит, я тебя вынесу отсюда. Меня, говорит, привязали братья, шли вместе троим и заспорили, и они меня сюда привязали“. Я подошел, отвязал этого человека». Леший сдерживает свое обещание и через сутки, в урочный час, приходит к Евдокиму и переносит его на родину.

Связан лесной бог, силен, леший; человек, царь Мидас, мужик дровосек, или крестьянин-охотник, освобождает его; освобожденный бог оплачивает человеку ответной услугой.

В дошедшей до нас античной литературной традиции повесть о пойманном и освобожденном силене прочно связана с именем Мидаса. Только в VI эклоге Вергилия ловят силена деревенские мальчики, и в рассказе Максима Тирского речь идет не о царе, а о простом фригийце; во всех остальных случаях главной фигурой сюжета оказывается Мидас. Позволительно, однако же, сомневаться в изначальности этой связи. И сомнения на этот счет в значительной степени подкрепляются материалом археологическим. В этом отношении очень, например, показателен изданный в 1897 г. Генрихом Булле рисунок (см. табл. I, фиг. 1) на обломке чернофигурной вазы (амфоры или гидрии) VI в. до н. э.,² найденной в Элевсине. Рисунок распадается на две сцены. Одна из них, справа, изображает пахоту. Рисунок здесь сильно пострадал: вся его нижняя часть обломана. Центральная фигура безбородого юноши, несомненно, представляет пахаря, правой рукой взявшегося за ручку плуга, а в левой держащего двойной длинный бич, которым он погоняет запряженное в плуг животное, лошадь или, что более вероятно, мула: уцелела только верхняя часть крупа животного. Рядом с плугом, справа от пахаря и несколько впереди его, видна фигура сеятеля: на левом плече он несет мешок с зерном для посева. Позади пахаря изображен нагой безбородый юноша, держащий обеими руками мотыгу,

¹ Сборник статей в честь С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934, стр. 520 сл.

² Heinrich Bulle. Midas und Silen. Mittheilungen d. K. Deutschen Archeologischen Instituts, Athenische Abteilung XXII, 1897, стр. 387 сл., табл. XIII.

которой он, двигаясь вдоль борозды, разбивает отваливаемые плугом глыбы земли. Вторая сцена, влево от первой, сохранилась почти целиком. Одетый в длинную одежду сидит на складном табурете бородатый человек с копьем в левой руке. Перед ним стоит бог Гермес, охарактеризованный своим, здесь необычно длинным, волшебным жезлом, кадуцеем, широкополой шляпой и крылатой обувью. Гермес, видимо, сообщает бородатому человеку нечто, вызывающее со стороны последнего жест приветия или сдержанного удивления. Позади сидящего человека видна часть еще одной мужской фигуры: левая, согнутая в локте, рука этого человека, передает, очевидно, жест удивления. К этой группе людей приближаются две фигуры: нагой, со связанными руками силен и идущий рядом с ним человек, на которого силен обернулся с выражением явного негодования. Человек этот левой рукой крепко держит концы веревки, связывающей руки силена, а правой опирается на высокое копье. Его костюм не является, однако, одеждой воина: на его плечи наброшен простой, короткий плащ. Судя по костюму, это — скорее всего крестьянин, такой же, примерно, как и те, что изображены в смежной с этой картиной сцене пахоты и посева. Каждая из фигур снабжена буквообразными знаками, дающими зрителю обманчивое впечатление надписей, якобы поясняющих, кого именно хотел изобразить живописец.

Как этот сюжет понимать? Булле усматривал в элевзинском рисунке древнейшее из всех дошедших до нас изображение сказания о Мидасе.¹

Но против подобного толкования справедливо выдвинул возражения Кунерт:² в греческом искусстве для фигуры Мидаса характерны ослиные уши, а их на нашем рисунке нет. В сидящем на складном табурете человеке, к которому приводят силена, Кунерт поэтому склонен видеть не Мидаса, а кого-либо из местных, ближе неопределимых, героев или легендарных царей древней Аттики. Если Кунерт прав, то мы имеем тогда на элевзинском сосуде иллюстрацию к какому-то, во второй половине VI века до н. э. бытовавшему в Аттике, неизвестному нам варианту, в котором в качестве одного из действующих лиц повествования выступал, повидимому, и Гермес, деревенский пастуший бог. В связи с последним обстоятельством нельзя не вспомнить, что поскольку мы в праве доверять свидетельству Сервия в комментариях³ к VI эклоге Вергилия, Феопомп рассказывал о поимке силена именно «пастухами» царя Мидаса.³ По своему функциональному значению в легенде сидящий на табурете важный чело-

¹ Bulle, указ. раб., стр. 380.

² Kuhnert под словом «Satyros und Silenos» в слове Roscher. Ausführliches Lexicon der griech. und röm. Mythologie, IV, стр. 459.

³ Serv. in Verg. Buc., VI, 13: apprehensum Silenum a Midas regis pastoribus.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

век, без сомнения, соответствует фигуре Мидаса. А раз это так, то тогда сюжет элевсинского рисунка допускает возможность двоякого истолкования: сидящий на табурете человек либо сам приказал изловить силена, которого к нему теперь и подводят, либо наоборот, это тот персонаж, который в легендах второй из намеченных нами сюжетных линий изловленному и связанному силену возвращает свободу.

У Овидия силена ловят крестьяне (*griecolae*): к крестьянскому же, а не иному какому слою принадлежит, очевидно, и тот человек, который на элевсинском сосуде ведет пойманного силена. Сцену поимки силена, опять-таки крестьянами Аттики, изображает и другой, тоже принадлежащий VI в. до н. э., вазовый рисунок (см. табл. I, фиг. 2) работы известного аттического вазового живописца Эрготима.¹ Двое крестьян, вымышленные имена которых приписаны художником к их изображениям, Орей ("Ορειος" то есть «горный», «горец», и Терит (Θηρύτας «охотник»)² ведут пойманного ими силена, обозначенного, как и крестьяне, надписью (Σιλένης, «Силен»). Орей, ухвативший своей правой рукой левую руку силена, ведет последнего за собой, держа в левой руке мех с вином. Терит, в правой руке которого видна припасенная для пленника веревка, энергично толкает силена в спину левой рукой. Мех в руках Орея, может быть, намекает на то, что крестьянам удалось завладеть силеном, опоив его предварительно вином. Кунерт³ справедливо заметил, что сюжет этого изображения взят вазовым живописцем из аттического «народного сказания» (aus der Volkssage), а Булле⁴ столь же основательно подчеркнул, что ваза Эрготима свидетельствует о том, что сказание о пленении силена, пойманного однажды крестьянами, бытовало в Афинах VI в. независимо от сказания о Мидасе.

5

Встречу силена с Мидасом античная литература рано приурочила к Фригии. Но мы только что видели, что аналогичная сказка бытовала в VI веке и в Элевсине. А Геродот, повествуя о Македонии, упоминает

¹ Gerhard. Auserlesene Vasenbilder, 238. Wiener Vorlegeblätter, 1888, Taf. 4. 2. S. Reinach. Répertoire des vases peints II, стр. 120, № 4.

² На сосуде читается слово Θερύτι, написанное явно неправильно: либо, по ошибке, после буквы «ρ» пропущено «ε» и читать надо Θερ[ε]ύτι (т. е. Θ(η)ρ[ε]ύτι — «охотники»), относя это слово, как характеристику, к обоим «поймавшим» силена крестьянам, либо, как это предлагает Кретчмер (P. Kretschmer. Die griechischen Vaseninschriften, Gütersloh, 1894, стр. 139), следует изменять конечную букву τ в ς и читать Θερύτα[ς], то есть Θ(η)ρύτα[ς], «Терит», «Охотник», усматривая в этом слове имя собственное только того крестьянина, при фигуре которого оно стоит.

³ Kuhnert. Satyros und Silenos, стр. 458.

⁴ H. Bulle. Midas und Silen, стр. 399.

о «так называемых садах Мидаса»,¹ недалеко от горного края Бермия, в окрестностях нынешних Салоник. В «садах Мидаса» росли во времена Геродота замечательные дикие розы, имевшие каждая «по шестидесяти лепестков» и «дивно благоухавшие». «Там, в этих садах, говорит Геродот, пойман был и силен, как передают о том македоняне»: итак, еще одна, на этот раз македонская, версия о ловле силене.²

Предание о ловле силене рассказывал, как известно, и Феопомп в VIII книге своих «Филиппик». ³ Тексты Афиней, Сервия (к VI эклоге) и Элиана, цитирующие Феопомпа, повторяют довольно согласно историю встречи царя Мидаса с силеном. Афиней и Сервий говорят о поимке, Сервий и Элиан о беседе. Афиней и Сервий, однако, расходятся между собой в изображении картины пленения: по словам Афиней, Мидас у Феопомпа сам стремился поймать силене и с этой целью подмешал вина в источник; по Сервию же, у Феопомпа ловил силене не сам Мидас, а как мы это уже отметили, силене ловили пастухи Мидаса, случайно натолкнувшиеся на охмелевшего и заснувшего бога. Особняком стоит свидетельство Дионисия Галикарнасского в письме к Гнею Помпею. В этом письме Дионисий вскользь упоминает о какой-то, в свое время рассказанной Феопомпом, легенде, говорившей о «явлении силене в Македонии». Подробное содержание легенды Дионисием не приводится: оно остается для нас загадкой. Равным образом, нет у Дионисия и указаний на то, в каком именно из своих

¹ Herodot., VIII, 138.

² Kuhnert, ук. ст., стр. 505. С легендой о поимке силене, весьма вероятно, связан был и тот загадочный горный ключ в северной части македонской Пэонии, который на местном, македонском наречии носил название «Инна» (Ἰννα): см. Athen., II, 23, p. 45 c. Возможно, однако, что легенда, к нему примыкавшая, давала сюжет совершенно иного типа. Мотив источника, вообще, играет большую роль в мифах о Мидасе (О мотиве ключа или колодца в киргизской сказочной параллели к «ослиным ушам Мидаса» см. замечания В. Вагнесске, Zum Nachleben der Midassage. Wiener Studien LIII, стр. 155), появляясь не только в легендах, рассказывающих о силене, где он обычно оказывается тем лесным ключом, к воде которого Мидас подмешивает вино: рядом с ними ходили совсем другие сказания, сюжетное содержание которых ничего общего с первыми не имело. Так, у Псевдоплатарха, Plut. de Fluvii 10, приводится следующая легенда, заимствованная автором из III книги Фригийских историй Александра Полистора. Во Фригии, близ города Келен, царь Мидас, прикосновением руки обращающий все предметы в золото, дотрагивается, во время засухи, до земли, и земля тогда изливает золото. Население томится жаждой, и Мидас вызывает к Дионису, который слышит его молитву и утоляет жажду людей: из недр земли вдруг выбивается источник, получающий отныне название «Источника Мидаса». Сюжет, несомненно, близок библейскому чуду Моисея в Хориве (Исход, гл. 17): «и не было воды пить народу. И укорял народ Моисея и говорил: «дайте нам воды пить». . . Моисей возопил к господу и сказал: «что мне делать с народом?» и т. д. И сказал господь Моисею: . . . «вот, я стану пред тобою там на скале в Хориве, и ты ударишь в скалу, и пойдет из нее вода, и будет пить народ». И сделал так Моисей в глазах старейшин Израильских. И нарек месту тому имя», и т. д.

³ См. F. Jacoby, Die Fragmente der griechischen Historiker, Berlin, 1927, v. II, B. 115, Fr. 74—75.

«сочинений излагал Феопомп эту легенду. Самый сюжет Дионисий находит наивным и, подчеркивая его шутливость (*τὸ παιδιώδες*), говорит, что в труде по истории вставочные эпизоды подобного рода нарушают своей неуместностью серьезность повествования, построенного на исторических фактах. Таков общий смысл сообщения Дионисия, которое само по себе еще вовсе не дает оснований заключать, как это склонны делать некоторые исследователи, будто рассказ Феопомпа о «явлении силена в Македонии» и его же повествование о беседе силена с Мидасом—одно и то же произведение.¹ Больше оснований предполагать, что мы имеем в данном случае дело с двумя независимыми одна от другой легендами. Одна из них—это общеизвестная, ставшая достоянием большой литературы, история встречи Мидаса с силеном, пересказанная с собственными добавлениями автора Феопомпом в VIII книге «Филиппик»: главный интерес этой легенды—тут вряд ли возможны сомнения—заключался в обращаемой к Мидасу речи силена о природе и далеком прошлом (*de rebus naturalibus et antiquis*, Сервий). А кроме этой легенды, Феопомп пересказывал в другом месте своей истории еще и другую, местную македонскую, о призраке силена, однажды явившемся людям.

Мотив призрака силена, показывающегося людям, до некоторой степени сближает рассказ Феопомпа с аналогичным, восходящим, безусловно, к фольклорному древнегреческому сюжету мотивом призрака сатира, литературно оформленным у Филострата в «Жизни Аполлония Тианского.² Хотя местом действия и служит у Филострата далекая Эфиопия, обстановка рассказа, все же, чисто греческая. Уже десять месяцев, как в деревню, в которой Аполлоний, на пути своих странствий, остановился, повадился ходить «призрак сатира» (*σατύρου φάσμα*), бросающийся на женщин, которых он преследует своей неистовой страстью: две женщины даже умерли, пав жертвами его диких ласк. Вся деревня возмущена. Под вечер женщины и мужчины вооружаются палками и камнями и отправляются на поиски сатира. Но в дело вмешивается Аполлоний: он велит крестьянам выставить сатиру большой чан вина. Приказание выполнено, и собравшиеся вокруг чана люди видят, как быстро убывает вино у них на глазах, выпиваемое незримым демоном. По старинным поверьям, вино успокаивает страсть сатира: если сатира напоить вином и дать ему заснуть, то сатир

¹ F. Jacoby. Die Fragmente der gr. Hist., v. II B, Kommentar, стр. 367, думает, что Феопомп просто перенес в Македонию фригийскую историю Мидаса, в виду чего предлагает даже вычеркнуть из текста Афиней эпитет «фригиец» (*Φρύγας*), прилагаемый к Мидасу. Несравненно осторожнее высказался E. Rohde. Der Griechische Roman, стр. 204, прим. 3, указавший, правда, несколько неопределенно, что слова Дионисия понимать можно и иначе.

² Philostr. vita Apollonii, VI, 27.

становится смирным. Роль Аполлония в этом эпизоде получает определенный смысл: с одной стороны, он избавляет деревню от тревожных посещений демона, а с другой, — он спасает самого сатира от угрожающих последнему побоев со стороны крестьян, а быть может и от плена. Перед нами, таким образом, еще один вариант античной легенды о ловле и спасении лесного бога, далеко отводящий нас от общепринятых композиционных форм сказания о Мидасе.

И рисунок Эрготима, и фрагмент элевсинской вазы, и только что приведенная легенда из жизнеописания Аполлония, и повесть Максима Тирского о жадном фригийце, и самые термины «крестьяне» (*agricolae*) и «пастухи» (*pastores*), которыми у Овидия и у Сервия обозначены ловцы силена, переносят нас в сельскую обстановку, косвенно свидетельствуя о том, что в древней Греции сюжет пленения силена бытовал в крестьянской среде: тем убедительнее, конечно, становится параллель, представляемая русской деревенской сказкой. В этой последней освободителем лешего оказывается рядовой мужик, а связывают лешего его же собратья, такие же, как и он, демоны, лешие или водяные. — Античная легенда разворачивает свой сюжет иначе: в ней ловят силена крестьяне, а свободу силену дает человек, по своему социальному положению принадлежащий высшему слою общества. Респективами простых мужиков русской сказки оказываются на античной почве царь Мидас, философ-тавматург Аполлоний и то, несомненно, важное лицо, которое изображено сидящим на табурете на рисунке элевсинской вазы. Это, представляющееся принципиальным, взаимное расхождение двух однородных линий одинакового по существу фольклорного сюжета, современного и античного, быть может, отчасти находит себе объяснение в специфике античной сказочной формы. Дело в том, что античная сказка очень рано слилась со сказанием о герое,¹ вследствие чего и стержневые персонажи древнегреческих сказок всегда, как правило, носят имена тех или иных героев, или, реже, богов. Вот почему так часто сказочный античный сюжет имеет видимость сакрального мифа или древнего исторического предания.² Социальная значимость главных персонажей таких сюжетов, постоянно, за редкими исключениями, являющихся «царями», «басилеями», или героями, родившимися от связи царя или, что еще чаще, царицы, «басилиссы», с божеством, обусловлена диалектикой древнейшего исторического процесса Греции, нередко ломавшего старые, уна-

¹ Stemplinger. *Antike Motive im deutschen Märchen*. Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, XLIX, 1922.

² Wilamowitz. *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften* 1925, стр. 59.

следованные от более ранних стадий общественной жизни, сюжеты, ради нового их переосмысления, или вкладывавшего их в новую форму, в интересах новых, в тот момент господствовавших, общественных группировок.¹ Что и в античной древнейшей сказке освободителем связанного силена оказывался первоначально не «царь», а рядовой селянин, это более чем вероятно само по себе, в особенности же в виду русской сказочной параллели.

Эта русская сказка содержит в своем сюжетном составе еще один характерный момент, роднящий ее также еще и с другим древним мифом, а именно с знаменитым, бесчисленное множество раз изображавшимся на памятниках изобразительного искусства древней Греции, сказанием о споре Марсия с Аполлоном. Силен Марсий поспорил однажды с Аполлоном в музыкальном искусстве, и, в наказание за такую дерзость, был привязан разгневанным Аполлоном к вершине высокого дерева. По иным из преданий Аполлон предварительно содрал с несчастного силена кожу. Последняя подробность, сдирание заживо кожи с тела побежденного врага, эта, чуждая исторической Греции и переносящая нас в обстановку отдаленнейшей, седой древности жестокая бытовая деталь, понятно, в русской сказке отсутствует. Но и в вятском, и в пермском, и в мезенском вариантах леший привязан к дереву своим более сильным противником, отцом, старшими братьями, водяным, в результате ссоры, совершенно так же, как привязан к дереву Аполлоном и Марсий. И, может быть, не случайно миф о Марсии связывается легендой опять-таки с именем царя Мидаса, который в споре Марсия с Аполлоном избирается в третейские судьи и победителем объявляет не Аполлона, а Марсия, и здесь, таким образом, выступая защитником интересов силена.

¹ Нельзя не согласиться с замечанием Иосифа Тронского в статье «Античный мир и современная сказка». Сборник статей в честь С. Ф. Ольденбурга, Л., 1934, стр. 525, указывающего на то, что «в ряде случаев в греческом мифе можно обнаружить пережитки более ранней стадии сюжета, значение которых уясняется лишь при сопоставлении с современной сказкой».

И. ФРАНК-КАМЕНЕЦКИЙ

Адам и Пуруша

МАКРОКОСМ И МИКРОКОСМ В ИУДЕЙСКОЙ И ИНДИЙСКОЙ КОСМОГОНИИ

1

Идея космоса как органического сочетания основных элементов вселенной находит выражение в космогоническом мифе, многообразные варианты которого могут быть сведены к двум основным концепциям. Первая из них построена на принципе иерархического политеизма: верховное существо, воспринимаемое в Египте как солнечное божество, порождает из себя согласно космогоническому мифу первую пару богов (воздух и влагу), которые производят последующие поколения божеств, олицетворяющих основные элементы вселенной. Другая — построена на принципе примитивного пантеизма, выраженного в мифологических терминах: верховное существо (в мемфисской богословской системе — бог Птах) содержит в себе другие космические божества, образующие отдельные части его тела, но являющиеся в то же время, в качестве самостоятельных элементов вселенной, эманациями верховного божества.¹

Подобные концепции характеризуют относительно высокую ступень религиозного сознания, пытающегося — на почве образного мышления — объединить разрозненные элементы вселенной в одно органически-целое. Но то, что отдельные космические божества мыслятся как порождения или эманации верховного божества, содержащего в себе весь мир, но рассматриваемого в то же время как человекоподобное существо, может служить указанием на то, что идея космоса в его мифологическом оформлении является повторением на неизмеримо более высокой ступени развития (при более четком разграничении отдельных элементов вселенной) того примитивного, недифференцированного восприятия мира, которому чужды были установившиеся впоследствии разграничения и которое не знало еще основного противопоставления человека и природы. Пережиточно сохра-

¹ См. мою статью «Религиозный синкретизм в Египте в фиванский период», ЗКВ, III (1928), стр. 8.

нившееся воззрение о первоначальной нерасчлененности целого коренится в древнейшем этапе развития человеческого общества, в «чисто стадном сознании», которое Энгельс¹ характеризует как «чисто животное сознание природы»; по замечанию Маркса, «здесь обнаруживается тождество природы и человека, которое обуславливает сознательным отношением людей к природе их сознательное отношение друг к другу и их сознательным отношением друг к другу их сознательное отношение к природе».² Свойственное первобытному сознанию «тождество природы и человека» находит яркое выражение в данных мифа и фольклора, где природа изображается как человеческое существо, члены тела которого уподобляются тем или иным элементам вселенной. Отголоски той же концепции мы находим в ряде памятников средневековой литературы, христианской и восточной (персидской, индийской), в которых унаследованные от прошлого воззрения использованы для образного оформления религиозно-философских концепций мистического направления.

Что в этих памятниках, получивших литературное оформление на относительно высокой ступени развития сознания, отложились весьма древние и примитивные представления, можно заключить из того, что совершенно аналогичные воззрения восстановлены Н. Я. Марром путем палеонтологического анализа звуковой речи. «В яфетических языках, — говорит Марр, — наблюдаются отложения словотворчества из эпох восприятия мира в образах космических и микрокосмических явлений, когда небо, земля и вода представлялись одним предметом, по всей видимости, живым существом, существом, находившимся в трех плоскостях, верхней, земной и преисподней, а члены его тела представлялись повторением такого же космического восприятия физического строения человека».³ К этому положению, высказанному в общем виде в 1922 г., Н. Я. Марр неоднократно возвращается и в последующих работах, говоря о применении космических терминов в значении анатомических, resp. микрокосмических,⁴ и иллюстрируя богатым лингвистическим материалом семантическое тождество 'головы' и 'неба',⁵ 'глаза' и 'светила',⁶ 'рта' и 'огня'⁷ и т. п.

¹ См. Архив Маркса и Энгельса, кн. I, ГИЗ, Энгельс, Фейербах, стр. 220 сл.

² Там же.

³ Марр. Яфетиды («Восток», 1922), Избранные работы (ИР), I, стр. 131.

⁴ Марр. Первая выдвиненческая яфетидологическая экспедиция (1930), ИР, V, 463; Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык (1931), ИР, V, 470.

⁵ Passim.

⁶ Марр. ИР, V, 411; 417 (Родная речь и т. д., 1930); V, 463 (Первая выдвиненческая яфетидологическая экспедиция); V, 478 (Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык).

⁷ Марр. Языковая политика и т. д., ИР, V, 495.

Установленное лингвистическим анализом положение находит для себя полную аналогию в данных мифа и фольклора. Так, согласно древнегерманской космогонии, мир создан из частей тела бога Ymir'a: земля создана из плоти Ymir'a, море — из его крови, горы — из костей его, деревья — из волос, небо — из черепа и т. д.¹ В научной литературе² давно уже обращено внимание на то, что совершенно аналогичные воззрения можно найти в христианской средневековой легенде об Адаме, как микрокосме, согласно которой плоть Адама — земля, кровь его — море, кости — камни, волосы — растения, мысли — облака и т. д. Одно время исследователи склонны были возводить христианскую легенду об Адаме к языческим верованиям германской мифологии; впоследствии возобладала противоположная точка зрения, ставящая миф об Ymir'e в зависимость от легенды об Адаме.³ Взвешивая указанные возможности, Golther замечает: «Schliesslich ist die Möglichkeit beiderseitiger selbstständiger und unabhängiger Entstehung nicht abzuweisen, nachdem ähnliche Gedanken bei den verschiedensten Völkern und zu verschiedenen Zeiten auftauchen».⁴

Указанная Golther'ом возможность представляется наиболее вероятной. Вопрос о заимствовании естественно отпадает, когда воззрения аналогичные данным древнегерманской мифологии находим в религиозных текстах древнего Египта. Выше уже было упомянуто о богословской концепции мемфисских жрецов, согласно которой божества, олицетворяющие отдельные элементы космоса, мыслятся как части тела верховного бога Птаха. Те же воззрения отложились в одном папирусе Лейденского музея, содержащем рукопись времен Рамессидов, воспроизводящую, без сомнения, значительно древнейшие представления. Здесь бог Птах прославляется в следующих выражениях: «Сиа⁵ — его сердце, Хиу⁵ — его уста; Ка (т. е. дух) его — все существующее, находящееся во рту его.⁶ Душа его — Шу (воздух), сердце его — Тэфнут (влага)... Правый глаз его — день (= солнце), левый — ночь (= луна)... Плоть (т. е. сперма) его — Нун (водный хаос), она находится в Ниле»...⁷ Аналогично в другом гимне того же

¹ W. Golther. Handbuch der germanischen Mythologie, 1895, стр. 518.

² См. Golther, там же; Cassirer. Philosophie der symbolischen Formen, т. II, стр. 116.

³ См. Golther, там же.

⁴ Там же (разрядка моя).

⁵ Сиа и Хиу — египетские божества, точное значение которых не установлено.

⁶ Космос отождествлен с духом бога, который (дух) в виде слова выходит из уст божества; см. названную в сл. примеч. работу, стр. 57.

⁷ См. Франк-Каменецкий. Памятники египетской религии в фиванский период, М., 1917/18, ч. II, стр. 55 сл.

папируса: ¹ «Эннеада соединена в твоих членах; твои части — все боги, соединенные в теле твоём... Та-тенен, ² сотворивший сам себя в виде Птаха, персты членов его — огдоада ³ ... Эманация его — Шу и Течнут, соединенные в духе его».

Другой отзвук тех же воззрений находим в аналогичных сопоставлениях заупокойной литературы древнего Египта, где умерший иногда изображается состоящим из целого ряда божеств, уподобляемых отдельным частям его тела. Так, в 42 главе Книги мертвых ⁴ читаем: «У меня (т. е. у умершего) нет ни одного члена, который не был бы богом». В дальнейшем лицо умершего сопоставляется с богом Ра, глаза его — с Хатор, уши — с богом Вепуат, нос — с богом Нntj-hm (владыка Летополиса), губы — с Анубисом, зубы — с богом Хепра, затылок — с Исидой, грудь — с богиней Нейт, спина — с Сетом, фалл — с Осирисом и т. д. О древности подобных воззрений можно судить по тому, что аналогичные сопоставления мы находим уже в Текстах пирамид — древнейшем памятнике религиозной литературы, сохранившемся в царских гробницах 5-й династии. ⁵ Распределение богов здесь несколько иное: голова умершего — коршун, темя его — бог Нун, лицо — Вепуат, глаза — божество, названное Нnt.t bꜥ.w ꜥꜥnw; рот — океан, плечи — Сет, сердце — богиня Бастет, живот — Нун, фалл — Апис и т. д. ⁶

В обоих текстах члены тела умершего сопоставляются с божествами, олицетворяющими основные элементы космоса, — с небом (богини: Нут, Хатор, Исида), с солнцем (боги: Ра и Хепра), с влагой (бог Нун или вместо него нарицательно: «океан»). Наряду с этим находим здесь и названия местных божеств (Аписа, Нейт, Бастет), а также божеств, игравших существенную роль в загробных верованиях египтян (Анубис, Вепуат, Осирис, Исида, Сет). Взгляд на тело человека как на микрокосм сильно затушеван основным назначением текстов, долженствовавших служить талисманом от всякого зла в загробном мире. Составители подобных заговоров и заклинаний подчеркивают лишь божественную природу умершего и, уподобляя члены тела его любимым божествам, тем самым стремятся оградить их от зол и напастей, угрожающих им после смерти. Но самая

¹ Франк-Каменецкий. Памятники египетской религии в фиванский период, М., 1917/18, ч. II, стр. 49 сл.

² Та-тенен — одно из имен бога Птаха.

³ Восемь богов, образующих вместе с Птахом упомянутую выше эннеаду.

⁴ См. Naville, Totenbuch. 42; на этот текст, как и на следующий (из Текст. пир.) обратил мое внимание И. Г. Лившиц.

⁵ Первая половина 3-го тысячелетия до н. э. (согласно так наз. «краткой хронологии» древнего Египта).

⁶ Prg. 1303 (1315) (см. Sethe, Pyramidentexte).

мысль о том, что тело умершего совмещает в себе ту или иную совокупность божеств, в значительной части олицетворяющих основные элементы космоса, наиболее удовлетворительно разъясняются, если допустить, что подобного рода воззрения возникли на почве микрокосмического восприятия человека и отдельных частей его тела.

С несравненно большей отчетливостью взгляд на человека как на микрокосм выступает в древнеиндийских верованиях, связанных с Пурушей. Термин *puṣa*, употребляемый обычно в значении «человека» (иногда «мужественного человека», но также «чиновника» или «слуги»), служит в то же время для обозначения «души-двойника», удаляющегося из тела в момент смерти человека.¹ Но тот же термин использован в Ведах для обозначения «мирового духа» как олицетворения космоса. Согласно 10-й книги Ригведы, «Пуруша есть весь мир; он — то, что было и что будет; он владыка бессмертия, которое питается пищей».² Deussen³ комментирует этот текст следующим образом: Пуруша не нуждается в жертве (ему не посвящен культ); он — источник бессмертия богов, которые нуждаются в пище, т. е. в жертве. Поэтому боги приносят в жертву Пурушу, расчленив его тело; при этом из отдельных членов его тела возникают соответствующие элементы космоса: из головы его возникает небо, из ног — земля, из пупа — воздушное пространство, из уха — страны света, из глаз — солнце, из духа (*manas*) — луна, из рта — Индра и Агни, из дыхания — ветер.⁴

Аналогичное сопоставление частей тела Пуруши с основными элементами космоса находим также в Упанишадах, где космогонический миф изложен следующим образом.⁵ Вначале был один Атман и не было никого наряду с ним. Задумав создать миры, он, подобно библейскому Иегове, отделил «верхние воды» (*ambhas*) от «нижних» (*apas*), создал рассеянный свет (*marīci*) — до образования небесных светил — и затем землю (*maṇa*).⁶ В дальнейшем изложении выступает на сцену Пуруша. Атман извлек его из воды и образовал (*amurssahayat*) его, т. е. придал ему форму человеческого тела. Затем «он совершил над ним *tapas*»;⁷ тогда рот его раскололся

¹ См. Mbh. III, 297, 16, где бог смерти Яма лишает жизни Сатьявана, извлекая из тела его *puṣa*; см. мою статью: Разлука, как метафора смерти, ИОН, 1935, стр. 170 сл.

² Rv. 10, 90, 1—2.

³ См. Deussen, Allgemeine Geschichte der Philosophie, I, 1, стр. 152.

⁴ Rv. 10, 90, 6—11; 13—14; см. Deussen, н. с., I, I, стр. 156 сл.

⁵ См. Aitareyaopaniṣad, I—II (цит. по: Bibl. Ind. VII, ed. Röer); см. также Deussen, Sechzig Upaniṣad d. Veda 1921, стр. 15 сл.

⁶ Термин *maṇa* (собств. «мертвый») по объяснению Śaṅkara означает «землю»; см. Bibl. Ind. VII, стр. 178; *prthivī maṇa mriyante 'smin bhūtanāni*.

⁷ Термин *tapas* (собств.: «жар») означает «аскетическое самоистязание», приписываемое также богам, в частности Атману, в момент сотворения мира.

как яйцо: изо рта (вышло) слово, из слова — огонь; ноздри раскололись: из ноздрей — дыхание, из дыхания — ветер; глаза раскололись; из глаз — свет, из света — солнце; уши раскололись: из ушей — слух, из слуха — страны света; кожа растрескалась: из кожи — волосы, из волос — растения, деревья; сердце раскололось: из сердца — дух (*manas*), из духа — луна; пуп раскололся: из пупа — *arāpa*,¹ из *arāpa* — смерть; фалл раскололся: из фалла сперма, из спермы — вода».²

Возникшие указанным путем элементы космоса: огонь, ветер, солнце и т. д. мыслятся олицетворенными в виде богов, которые в тексте названы «владыками мира» (*lokapālās*, но также *devatās*). Очутившись в водном пространстве, боги просят у Атмана убежища. С этой целью Атман приводит к ним сперва корову, затем коня, но эти существа оказываются для богов «недостаточными» (на *vai* по '*yam alam iti*); тогда Атман приводит к ним Пурушу, который оказывается превосходным убежищем для богов (*puṅṣo vāva sukr̥tam*). Затем происходит следующее: «Огонь, будучи словом, вошел в рот (Пуруши); ветер, будучи дыханием, вошел в ноздри; солнце, будучи светом (resp. зрением) вошло в глаза; страны света, будучи слухом, вошли в уши; растения, деревья, будучи волосами, вошли в кожу; луна, будучи духом, вошла в сердце; смерть, будучи *arāpa*, вошла в пуп; вода, будучи спермой, вошла в фалл».³ Затем Атман подумал: как может Пуруша быть без меня? — Он расколол череп Пуруши и проник в него.⁴

В данном контексте космогонический миф выражает тождество индивидуальной души с мировым духом, который в свою очередь отождествляется с космосом. Но для образного выражения мистико-пантеистических воззрений Упанишад использовано традиционное представление о параллелизме

¹ Термин *arāpa* означает 'выдох' и 'заднепроходное отверстие'; в каком из этих двух значений слово употреблено в данном тексте — мне не ясно.

² *Aitareyopan*, I, 4 (Bibl. Ind. VII, стр. 180 сл.): ...*mukhaṁ nirabhidhyata yathāṇḍam mukhād vāg vāco 'gnir / nāsike nirabhidhyetām nāsikābhyām prāṇāḥ prāṇād vāyur / akṣiṇi nirabhidhyetām akṣibhyām cakṣuś cakṣuṣa ādityaḥ / karnau nirabhidhyetām karnābhyām śrotraṁ, śrotrād dīśas / tvān nirabhidhyata tvaco lomāni lomabhya śadhivanaspatayo / hṛdayaṁ nirabhidhyata hṛdayān mano manasaś candramā / nabhir nirabhidhyata nābhya apāno 'pānān mṛtyuḥ / śīśnaṁ nirabhidhyata śīśnād reto retasa āpaḥ*.

³ *Aitareyopan*, II, 4 (Bibl. Ind. VII, стр. 187):

*agnir vāg bhūtvā mukhaṁ praviśad
vāyur prāṇo bhūtvā nāsike praviśad
ādityaś cakṣur bhūtvā 'kṣiṇi praviśad
dīśaś śrotraṁ bhūtvā karnau praviśann
auśadhivanaspatayo lomāni bhūtvā tvacāṁ praviśaṁś
candramā mano bhūtvā hṛdayaṁ praviśan
mṛtyur apāno bhūtvā nabhiṁ praviśad
āpo reto bhūtvā śīśnaṁ praviśat.*

⁴ *Aitareyopan*, II, 5.

макрокосма и микрокосма, наличное, как мы видели, уже в 10-й книге Ригведы. Эта книга, хотя и не принадлежащая к первоначальному составу Ригведы, все же содержит воззрения, возникшие, без сомнения, задолго до Упанишад и являющиеся отражением свойственного первобытному мышлению микрокосмического восприятия человека, как и отдельных частей его тела.

2

В несколько ином аспекте параллелизм макрокосма и микрокосма выступает в мусульманской легенде об Адаме, воспроизведенной, между прочим, иранским поэтом Джелал эддин Руми в его знаменитой поэме «Месневи».¹ Содержание легенды вкратце сводится к следующему.² Бог творит Адама из праха. Херувимы и серафимы удивлены тем, что богу приходится трудиться над созданием Адама целых сорок суток (согласно варианту, сорок тысяч лет): что это за удивительная фигура, которую лепят? — Дьяволу удастся проникнуть внутрь Адама через раскрытый рот, и он находит внутри Адама «малый мир», подобный «большому миру». Голова Адама — небо с семью сферами; тело его — земля; волосы — деревья, кости и жилы — горы и реки и т. п. Как в большом мире были четыре времени года, так в Адаме оказались четыре природы: жар, холод, влага и сушь, заключенные в черной и желтой желчи, флегме и крови. Связанный со сменой времен года кругооборот природы, находящий выражение в созревании и увядании плодов, подобен был кругообращению пищи в теле Адама. И много других соответствий нашел дьявол в природе и в Адаме.

В приведенной легенде мы находим сопоставление членов тела Адама с основными элементами космоса в соответствии с отмеченными выше семантологическими соотношениями. Так, сопоставление головы с небом и волос с деревьями совпадает с аналогичными представлениями о Пуруше, а сопоставление костей с горами, или, точнее, со скалами мы нашли выше в германском мифе об Имире. Как уже отмечено выше, подобные сопоставления легко могли бы возникнуть независимо и самостоятельно на почве микрокосмического восприятия членов человеческого тела. Но когда речь идет о памятнике средневековой иранской поэзии, естественно допустить преемственную связь с воззрениями Индии, в которых Пуруша, как воплощение микрокосма, заменен библейским Адамом, преломленным сквозь

¹ См. В. А. Жуковский, Человек и познание у персидских мистиков (речь, чит. на акте СПб. унив. в 1895 г.), стр. 5.

² Для целей настоящей статьи можно ограничиться кратким эксцерптом из обстоятельного пересказа В. А. Жуковского, н. с., стр. 5 сл.

призму мусульманской традиции. По сравнению с рассмотренными выше памятниками, новым моментом в сообщенной легенде является распространение параллелизма на внутренние органы и физиологические отправления Адама, с чем связан мотив проникновения дьявола внутрь Адама через рот.

Но и этот своеобразный мотив находит для себя любопытную параллель в индийском эпосе. В соответствии с космогоническим мифом, уже известным нам по текстам Ригведы и Упанишад, зачинающийся в водном хаосе мир мыслится воплощенным в человеческом существе, содержащем внутри себя как бы зародыш вселенной. На стыке двух мировых периодов, когда прежний мир погиб в воде, а Брахман временно предается сну, герой сказания (Маркандей), блуждая в водном пространстве, приходит к дереву (nyagrodha), на ветвях которого покоится мальчик. Маркандей через рот проникает внутрь мальчика и находит в нем весь мир: реки, горы, богов, демонов и т. д. Сто лет бродит Маркандей внутри мальчика, не будучи в состоянии дойти до пределов заключенного в нем мира.¹

Мусульманская мистика, как известно, использовала для оформления своих воззрений традиционный материал, идущий из трех основных источников. Базируясь формально на Коране, она восприняла отложившиеся в нем библейско-талмудические легенды, переоформляя их в духе греческой философии и индийской мудрости и подменяя прямой смысл легенды новым содержанием.² Выдвинутый Филоном Александрийским метод аллегорического толкования библейской легенды, получил дальнейшее развитие не только в христианской схоластике, но сказался не в меньшей степени в основных тенденциях иудейской каббалы и мусульманской мистики.³ Для образного воспроизведения идеи тождества человека и природы с божеством мусульманская мистика пользуется аллегорическим истолкованием легенды об Адаме, осложненной воззрениями, нашедшими отражение в ведической литературе и в индийском эпосе. Вытеснение ведического Пуруши библейским Адамом нетрудно отнести за счет конфессионального давления ислама. Но едва ли дело ограничилось формальной заменой имени мифического лица. Попытаемся показать, что легенда об Адаме, проникавшая в Ислам в оформлении талмудического фольклора, содержала ряд моментов, дававших повод для сближения ее с индийскими воззрениями о Пуруше.

¹ Mbh., III, 188; см. Jacobi, Mbh., Inhaltsangabe, стр. 47.

² См. предисловие Fr. Rosen'a к немецкому переводу «Mesnevi»: Meisterwerke orient. Literaturen, т. I, 1913, стр. 7.

³ Там же, стр. 8.

С этой целью остановимся на ряде высказываний раввинской литературы, содержащих прямое или косвенное указание на восприятие Адама как микрокосма, или же на приписываемую Адаму роль в процессе сотворения мира. Ветхий завет, как известно, сохранил нам две параллельные версии о сотворении Адама, принадлежащие двум различным источникам. Согласно Жреческому кодексу, сотворение Адама в шестой день является завершением всего мироздания.¹ В резком противоречии с этим стоит рассказ Яхвиста, по которому сотворение Адама является первым актом творения, предшествующим созданию растений и животных.² Раввинская литература естественно отдает предпочтение первой из указанных версий, сопровождая свое утверждение не лишеной интереса мотивировкой. Адам создан был в «Новый год», накануне субботы, для того, чтобы «садуккеи» не имели повода утверждать, будто бог имел соучастника при сотворении мира.³ Здесь мы находим явную полемику против распространенного среди «неправовверных»⁴ взгляда, согласно которому Адаму принадлежит какая-то особая роль в процессе сотворения мира. Намек становится понятным, если учесть аналогию индийских воззрений, согласно которым Пуруша является зародышем вселенной, и с другой стороны — рассеянные в раввинской литературе указания и намеки на микрокосмическое восприятие Адама.

Сюда относятся прежде всего указания на грандиозные размеры тела Адама, первоначально заполнявшего собой мировое пространство. В момент сотворения тело Адама простиралось от земли до неба, заполняя собой всю землю с востока на запад и с севера на юг; после грехопадения бог уменьшил его первоначальные размеры.⁵ Когда Адам лежал, голова его находилась на крайнем востоке, а ноги — на западе. Когда же он встал во весь рост, «созданный по образу и подобию божью», все твари преклонились перед ним, считая его творцом.⁶ Ангелы были введены в заблуждение, приняв Адама за бога, и хотели возгласить: «свят, свят, свят»; тогда бог погрузил Адама в глубокий сон.⁷ По другой версии, ангелы, увидев Адама простирающимся от земли до неба, испугались и сказали богу: «в мире-

¹ Gen. 1, 26 сл.; литературное оформление Жреческого кодекса относят к 1-й пол. V в. до н. э.

² Gen. 2, 5 сл.; возникновение Яхвиста относят к IX в. до н. э.

³ Sanhedr. 38a; Pesikta de R. Kahana 150b; Lev. r. 29; Pirke de R. Eliezer 8; см. Dreyfus, Adam und Eva nach Auffassung des Midrasch. (дисс. Страсбургск. унив.), стр. 9 сл.

⁴ Термин «садуккеи» (צדוקים), как и צדוק, нередко служит для обозначения «неправовверных»; см. Dreyfus, н. с., стр. 10.

⁵ Chagiga 12a; Sanhedr. 38b Мидр. к пс. 139; Beresch. r., пар. 21; см. Dreyfus, н. с., стр. 15 сл.

⁶ Pirke r. Eliezer, гл. 11; цит. по Eisenmenger, Entdecktes Judentum, I, стр. 368.

⁷ Beresch. r. 8, 10; Midr. Kohel. 6, 10; см. Dreyfus, н. с., стр. 17.

есть двоевластие»;¹ тогда бог уменьшил размеры тела Адама. Подобные высказывания — несмотря на позднее происхождение письменных памятников, из которых они извлечены — не могут быть рассматриваемы как результат «развития» или «разукрашивания» библейского текста. Мы имеем дело с данными талмудического фольклора, стоящими в противоречии с монотеистической тенденцией правоверного иудаизма, что исключает возможность отнесения их за счет изобретательности авторов талмудического периода. Самый факт сохранения подобных высказываний в раввинской литературе дает основание полагать, что мы имеем дело с глубоко укрепившимися воззрениями, возникновение которых предшествует каноническому тексту Ветхого завета, сохранившего лишь глухие намеки на распространённые в Палестине космогонические представления, коренящиеся в древнейшей, мифологической стадии мирозерцания.

В рассказе Яхвиста о сотворении Адама находим новеллизацию космогонического мифа, исходящую из резкого противопоставления творца творению. Монотеистическая тенденция еще более четко проведена в 1-й гл. Бытия. Но в обоих источниках сохранились следы предшествующей политеистической стадии. Утверждение Жреческого кодекса, будто Адам создан был по образу божью,² является не чем иным, как отголоском мифологического восприятия Адама в сознании, не ставящем резкой грани между человеком и богом. А более ранний рассказ Яхвиста влагает в уста Иеговы слова: «Вот Адам стал как один из нас (т. е. богов), умея отличать добро от зла; теперь, пожалуй, он протянет руку к дереву жизни, возьмет и вкусит (от плодов его) и станет жить вечно».³ Этим завистливым опасением бога обусловлено изгнание Адама из рая, и лишь после этого Адам стал чем-то принципиально отличным от бога. До изгнания он занимал как бы промежуточное положение между человеком и богом. Он мог бы обладать бессмертием, если бы — благодаря змею и Еве — не соблазнился деревом познания.

Библейская легенда говорит о том, что благодаря козням мудрого змея человек едва не стал равным богам; в действительности речь идет об очеловечении бога (Адама) в процессе развития религиозного сознания. То, что не досказано или сознательно опущено в каноническом тексте Ветхого завета, до известной степени может быть восполнено данными талмудического фольклора, приписывающего Адаму — до изгнания из рая — черты, ставящие его в ряд с космическим божеством. В раввинской

¹ Jalkut Schim. 6, 4, 20: שתי רשויות יש בעולם; см. Eisenmenger, н. с., I, 368.

² Gen., 1, 26 сл.

³ Gen., 3, 22 сл.

литературе находим представление об Адаме как источнике света. Поверхность пяты Адама затмевала собой солнечный диск; тем более — сияние его лица; оттого-то ангелы были введены в заблуждение¹ (приняв Адама за бога). Будучи сам источником света, превосходящим сияние небесных светил, Адам обладал сверхъестественной силой зрения: «Благодаря свету первого дня (возникшего еще до создания солнца), Адам видел весь мир от края до края».² В полном соответствии с талмудическим фольклором, о световой природе Адама можно найти указание и в христианской апокрифической литературе: «Тѣло же Адамле и Еввино преже было звѣздамъ точно являлось... Яко же слнце само своею наготою оукрашается ныне, тако и он составлен бысть естеством, понеже бо славою нбѣною покровен бысть».³

О космической природе Адама говорит, далее, весьма распространенная в раввинской литературе легенда, согласно которой Адам первоначально был создан двуликим; впоследствии бог рассек его пополам, создав из второй половины Еву.⁴ Памятники пытаются «обосновать» это воззрение указанием на библейский текст,⁵ которому, при произвольном смещении глаголов צור и צר' искусственно может быть придан смысл: «ты вылепил меня спереди и сзади», — что опять-таки совершенно произвольно отнесено талмудистами к Адаму. В неуклюжей ссылке на каноническую Библию интересно лишь то, что термины «перед» и «зад» интерпретируются как «восток» и «запад»,⁶ что ставится далее в связь с гигантскими размерами тела Адама, простирающегося от одного конца мира до другого. Это дает некоторое основание видеть в упомянутых высказываниях глухой отголосок представления об Адаме как об антропоморфном олицетворении космоса в виде двуликого существа, обращенного одним лицом на восток, другим на запад — по аналогии с четвероликими носителями колесницы Иеговы, являющимися, как и сама колесница, воплощением Космоса.⁷

¹ Vajjikra г. 20, 2; B. Batra 58a; Koh. г. 8, 1; см. Eisenmenger, н. с., I, 368; Dreyfus, н. с., стр. 17.

² Chag. 12a; Beresch. г. 12, 6; см. Dreyfus, н. с., стр. 16.

³ См. Порфирьев, Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях, стр. 245 сл. (из Шестоднева: сб. Соловецкой библ. № 868, стр. 15 сл.).

⁴ Berach. 61a; Erub. 18a; Beresch. г., пар. 8; Мидр. к пс. 139; Jalkut Schim. 6, 4, см. Eisenmenger, н. с., I, стр. 365; Dreyfus, н. с., стр. 15. — Вопрос об аналогии с известным платоновским мифом о происхождении полового влечения выпадает из рамок настоящей статьи.

⁵ Ps. 139, 5: אָחוּר וְקֶדְמִי צִרְתִּי.

⁶ Pirke r. Eliezer, гл. 11: אָחוּר זֶה מֵעֵרֵב וְקֶדְמִי זֶה מִזְרָח.

⁷ См. Ungnad, Das wiedergefundene Paradies, 1923, стр. 10; см. мою статью: Колесница Иеговы, ЯС, VI, стр. 69 сл.

Некоторое подтверждение предложенной интерпретации находим в дальнейших высказываниях, касающихся «праха», из которого создано тело Адама. Наряду с утверждением, будто прах этот взят был от подножия храма, т. е. с того места, которое впоследствии считалось центром земли,¹ мы находим другое мнение,² согласно которому прах для тела Адама взят был богом со всех четырех концов мира для того, чтобы земля нигде (ни на востоке, ни на западе) не могла сказать: «прах этого тела не от меня». При этом мы слышим, что для тела Адама взята была земля четырех различных цветов: красная, черная, белая и зеленая; из красной земли создана кровь Адама, из черной — внутренности, из белой — кости и жилы, из зеленой — туловище.³ По другой версии, прах, из которого создано тело Адама, собран со всей поверхности земли: для туловища взята земля из Вавилона, для головы — из Иерусалима, для остальных членов — из прочих стран.⁴ Здесь мы находим сопоставление членов тела Адама с отдельными частями земной поверхности, до известной степени аналогичное сопоставлению членов тела Адама с соответствующими элементами космоса в средневековой христианской литературе.

С другой стороны, в качестве воплощения рода человеческого Адам совмещает в себе все поколения, которые имеют сменить друг друга от сотворения мира до пришествия Мессии. Отголоски этого воззрения находим в следующих высказываниях. Царь Мессия не придет, пока не будут исчерпаны все души (т. е. живые существа), которые по замыслу божества должны быть созданы; это — те души, которые перечислены в книге Адама.⁵ Библейский текст «Вот книга поколений Адама» интерпретируется в том смысле, что бог показал Адаму все поколения, которые будут от сотворения мира до воскресения из мертвых.⁶ В одном средневековом памятнике⁷ еврейской мистики находим следующую версию раввинской легенды о том, как бог уменьшил первоначально гигантские размеры тела Адама. Адам наполнял собой весь мир; бог уменьшил его, отнимая от его членов и разбрасывая куски плоти по всему миру. Адам сказал: 'за что ты меня ограбил? ты пренебрегаешь делом рук твоих!' — на что бог ответил: 'я верну тебе

¹ Pirker, Eliezer, гл. 11; см. L. Ginzberg, Die Haggada bei den Kirchenvätern und in der apokryphischen Literatur, Monatschr. f. Gesch. u. Wiss. d. Judentums, 43, 1899, стр. 68 сл.

² Там же: см. Eisenmenger, н. с., I, стр. 364 сл.; Dreyfus, н. с., стр. 12.

³ Там же.

⁴ Sanhedr. 38; см. Eisenmenger, н. с., I, стр. 364 сл.; Dreyfus, н. с., стр. 12.

⁵ Vajjikra г. 147, 4 (Ab. zara 5a), см. Eisenmenger, н. с., II, стр. 673.

⁶ Schemot r. 126b см. Eisenmenger, н. с., II, стр. 675; Dreyfus, н. с., стр. 19.

⁷ Sefer chassidim (автор, Jehuda hachassid, ум. в 1217 г.); цит. по Eisenmenger'y, н. с., I, стр. 368 сл.

(отнятое): плодитесь и размножьтесь и наполняйте землю'. Поэтому — прибавляет автор — мы говорим: 'сын Давида (т. е. Мессия) не придет, пока не будут исчерпаны души, которые в теле (Адама)'.

Последняя фраза, которая является цитатой из талмудического текста,¹ может служить указанием на относительную древность воззрения, согласно которому в теле Адама совмещены все последующие людские поколения. И это воззрение до известной степени находит для себя аналогию в индийской концепции о Пуруше. Согласно 10-й книге Ригведы, в теле Пуруши совмещены все четыре касты: рот его сопоставляется с высшей кастой браминов, руки его — с кастой воинов (gājanu), голени — с кастой ремесленников (vaiśya), а ноги — с низшей кастой (śudra).² Оставляя в стороне кастовое деление как специфически индийский институт, мы находим в приведенном тексте указание на то, что в теле Пуруши совмещены не только основные элементы космоса, но и основные группы населения, образующие в совокупности весь род людской, — что до известной степени соответствует совмещению в теле Адама всех людских поколений.

Распределение четырех каст по частям тела Пуруши исходит из различия в качественной оценке соответствующих членов человеческого тела, чему можно указать отдаленную параллель в одной из аллегорий, дошедших до нас в библейской книге «Даниил». Царь Навуходоносор видит во сне человеческий образ, представший перед ним в чрезвычайном блеске; голова его из чистого золота, грудь и руки из серебра, чрево и бедра из меди, а голени из железа.³ В истолковании сна Даниилом золотая голова соответствует царству халдеев, за которым последуют еще три царства: серебряное, медное и железное.⁴ Автор, очевидно, имеет в виду царства персов, греков и римлян, пришедшие на смену халдейскому господству. Но обозначение этих царств как золотое, серебряное, медное и железное, соответствующее характеристике мировых периодов у Гесиода, дает основание предполагать, что за аллегорией, приуроченной к конкретной исторической обстановке, скрывается традиционное представление о чередовании исторических периодов с заранее предопределенным количеством поколений, по миновании которых имеет наступить мировая катастрофа, сопровождающая пришествие Мессии. Приурочение сменяющих друг друга царств к членам тела человекоподобного существа, если не относить его целиком за счет индивидуальной фантазии автора книги «Даниил», стоит,

¹ Aboda zara 5a: אין בן דוד בא עד שיכלו כל הנשמות שבגוף.

² Rv. 10, 90, 12; см. Deussen, Allg. Gesch. d. Philos. I, 1; стр. 156 сл.

³ Дан., 2, 31—35.

⁴ Дан., 2, 36 сл.

быть может, в той или иной связи с указанным выше воззрением, согласно которому в теле Адама совмещены все людские поколения, имеющие сменить друг друга от сотворения мира до пришествия Мессии.

3

В раввинской литературе находим не лишенную интереса интерпретацию одной детали в библейской космогонии, сообщенной в 1-й главе Бытия. Здесь говорится, что отдельные элементы космоса возникают по слову божью, выраженному в форме повеления: «И сказал бог: 'да будет' — и было». Талмудисты обращают внимание на то, что в отношении смены дня и ночи подобное повеление бога отсутствует. «Сказал р. Иуда бар Симон: не написано: 'да будет вечер', но (сказано): 'и был вечер'; отсюда (следует, что) порядок времен существовал до этого (т. е. до сотворения мира). — Сказал р. Абагу: это значит, что он (т. е. бог) творил миры и разрушал их до того, как он сотворил этот (мир, говоря): этот удовлетворяет меня — те не удовлетворяли».¹ Аналогично в другом месте: «Бог творил миры и разрушал их потому, что они не были достойны того, чтобы быть созданными».² Если оставить в стороне свойственное монотеистическим воззрениям утверждение, что сменяющие друг друга миры созданы одним и тем же богом, то мы находим в сообщенных текстах представление о последовательной смене миров в духе греческой или индийской космогонии.

Отголоски тех же воззрений находим в канонической Библии. Ветхозаветная хронология построена на чередовании исторических периодов с заранее предопределенным числом поколений в каждом.³ Крупный исторический период заканчивается по этим воззрениям мировой катастрофой — гибелью рода людского в водах всемирного потопа или же гибелью израильского народа, которая в эсхатологических текстах изображается как гибель мира в воде, сопровождающаяся созданием «нового неба и новой земли».⁴ Борьба Христа с «вышедшим из моря зверем» является сколком с мифа о борьбе Иеговы с водной стихией, предшествовавшей созданию мира.⁵ Но антагонизм между Адамом и змеем в рассказе о грехопадении является новеллизацией того же мифа, в котором Адам первоначально занимал место, равное Иегове. Это вполне согласуется с данными талмудического фольклора о космогонической роли Адама. Тожество Иеговы с Адамом, которого

¹ Beresch. г. 3, 4. 1; см. Eisenmenger, н. с., I, стр. 45 сл.

² Midr. Tillim, 26, 2; см. Eisenmenger, там же.

³ См. Вельгаузен, Введение в историю Израиля (перев. Никольского), стр. 241.

⁴ Jes. 24, 19 сл.; 51, 6; 65, 17.

⁵ Генетическая связь обоих мифов детально обоснована в книге G u n k e l'я: Schöpfung und Chaos in Urzeit und Endzeit.

ангелы приняли за бога, находит отражение в том, что стоящая в начале библейской космогонии фраза: «Дух божий носился над водами» (Gen., 1, 2) истолковывается в том смысле, будто здесь идет речь о духе Мессии,¹ по другому варианту — о духе Адама.²

В библейской эсхатологии гибель рода людского неразлучна с гибелью мира. Тот и другой воплощены в Адаме, который совмещает в теле своем не только основные элементы космоса, но и всю совокупность человеческих поколений от создания мира до пришествия Мессии, появление которого означает пересоздание мира и рода людского, воплощенного в «новом Адаме».

Исходя из тождества Адама и Мессии, можно разъяснить следующую деталь в одном ветхозаветном апокрифе, согласно которому Мессия «восходит из сердца моря». Автор видит во сне: на море поднялась буря, которая вывела из сердца моря нечто, подобное человеку (*tanquam similitudinem hominis*), и этот человек поднялся с облаками небесными.³ В истолковании видения читаем: «Человек, которого ты видел восходящим из сердца моря, это — тот, которого всевышний долгое время хранил, чтобы при его посредстве избавить творение».⁴ Снова мы сталкиваемся с идеей предсуществования Мессии, но выход последнего «из сердца моря» может быть понят только исходя из тождества Адама и Мессии. Если создание Адама является первым актом творения, предшествующим отделению неба от земли, то Адам мог быть извлечен только из водного хаоса.⁵ Оттого-то дух божий, носящийся над водой, сопоставляется с духом Адама и с духом Мессии.⁶ Если рассмотренные выше тексты дали нам некоторое основание для сопоставления Адама с индийским Пурушей, то появление Адама-Мессии в воде является дальнейшей аналогией к сообщенному выше тексту Упанишад,⁷ согласно которому Атман извлек Пурушу из водного хаоса.

Мифическими сказаниями приписываются богу, как творцу, мудрость, находящая выражение в слове, понимаемом как орудие творения. Но слово, являясь внешним выражением разума, как свойства творца, находит символическое выражение в мифическом образе Адама, который по мудрости занимает второе место после бога, причем мудрость Адама выражается

¹ Beresch. г. 8, 1 (ссылка на Jes. 11, 2); см. Евр. Энц. 1, 442.

² Midr. Tillim к пс. 139, 5.

³ См. IV Esra, 13, 2—3 (Kautzsch, н. с., II, стр. 395).

⁴ Там же, 13, 25 сл. (Kautzsch, н. с., II, стр. 396).

⁵ Намек на это находим в Gen., 2, 6, если термин *ruach* понимать в значении ассирийского *êdu*, который объясняется как 'Flut', 'Wasserschwall'.

⁶ См. выше.

⁷ Aitareyop. I, 3; см. выше, стр. 495.

в наречении им зверей. Это утверждение Филона Александрийского¹ совпадает с соответствующим раввинским текстом, в котором бог говорит ангелам, что мудрость Адама превышает мудрость ангелов, причем бог указывает на наречение Адамом зверей.² Аналогичную интерпретацию библейского сказания³ находим также в Шестоднев: «И бысть дхъ Бжій на Адамъ и коемуждо звѣрю и птицам имена нарече оумно свой образ в нем вообрази».⁴ В наречении зверей находит выражение мудрость Адама, обусловленная сошествием на него духа Иеговы, который в раввинской литературе отождествляется с духом Адама.

Но отвлеченные понятия — мудрость и слово — являются у Филона метафизическими субстанциями, находящими символическое воплощение в мифических образах. Приравнивая «небесного Адама» к логосу,⁵ он называет матерью последнего Мудрость (*Σοφία*),⁶ которая из свойства бога превратилась в самостоятельное существо, воспринимаемое как супруга Иеговы. В этой концепции Филон опирается на ветхозаветный текст,⁷ содержащий мифологическое восприятие Мудрости как супруги Иеговы, принимавшей активное участие в процессе творения. Мудрость говорит: «Иегова обрел меня в начале своего пути, прежде созданий своих, издавна... Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов, когда еще не была создана земля... Когда он утверждал небеса, я была там. Когда он проводил круг по поверхности бездны; когда он утверждал облака в вышине; когда могущественны были источники бездны; когда он полагал для моря свой закон, чтобы воды не преступали его повелений; когда он утверждал основания земли, — тогда я была при нем строительницей,⁸ и я была каждый день его утехой, непрестанно веселясь перед ним».⁹ Аналогично изображена Мудрость в апокрифической «Sapientia Salomonis»: «она сожителямствует богу, и бог любит ее».¹¹ «Она сидит рядом с богом на его престоле».¹² Она присутствовала при сотворении мира.¹³

¹ Philo. De opif. mundi, I, 36; см. Siegfried, н. с., стр. 150.

² Beresch. г., гл. 17; см. Siegfried, там же.

³ Gen. 2, 19—20.

⁴ См. Порфирьев, н. с., стр. 245.

⁵ Philo. De confusione linguarum 11 (I, 411); см. Евр. Энци. XV, 263.

⁶ De profigis 20 (I, 562); De ebrietatis 8 (I, 362); см. Siegfried, н. с., стр. 222.

⁷ Prov. 8, 22—32.

⁸ Таков традиционный перевод термина *יָסַד* (Prov. 8, 30), который не лишен некоторого основания, если считать правильным сближение его с *יָסַד* (Ct. 7, 2).

⁹ Prov 8, 22—31.

¹⁰ См. Kautzsch. Apokr. I, стр. 476 сл.; приводимые ниже цитаты по Schürer Gesch. d. Juden im Zeitalter Jesu Chr. III, стр. 379; см. также Siegfried, н. с., стр. 222.

¹¹ Sap. Sal., 8, 3: *συμβίωσιν θεοῦ ἔχουσα*.

¹² Ibid. 9, 4: *ἡ τῶν σῶν θρόνων πάρεδρος*.

¹³ Ibid. 9, 9.

В сообщенных текстах Мудрость изображена как женское божество, характеризующееся следующими чертами: 1) она является супругой творца мира; 2) она принимала активное участие в процессе творения; 3) она найдена богом в водном хаосе. Эти воззрения поразительным образом перекликаются с ведическими представлениями о слове (*vāc*) как космогоническом принципе. В Ригведе мы находим гимн в честь *vāc*, из которого приведу следующие выдержки в переводе Deussen'a:¹

«Was einer spricht, ich selbst bin's, die es redet...

Den, dem ich hold bin, mache ich gewaltig...

Des Weltalls Vater trieb ich an am Anfang,

Doch meine Wiege ist in Meeres Wassern»...²

Здесь Мудрость называет своей колыбелью море, подчеркивая в то же время содействие, оказанное ею отцу вселенной вначале, т. е. в процессе творения. Что касается третьей отмеченной выше черты — представления о Мудрости как супруге творца, то мы находим ее в более поздних ведических текстах. Творец мира (*Prajāpati*) в своем качестве Разума (*manas*) вступил в супружескую связь со Словом (*vāc*); от этого брака произошли боги,³ олицетворяющие собой элементы космоса. Подробнее в другом месте: «*Prajāpati* был этот мир; *vāc* была его второе (т. е. его alter ego); он совершил с ней производительный акт; она стала беременной; тогда она вышла из него и создала эти существа; затем она снова вошла в *Prajāpati*». В приведенных текстах, наряду с представлением о брачном союзе творца мира со Словом, отчетливо проглядывает тождество сопоставляемых мифических образов — *Prajāpati*, *manas* и *vāc*, сохраняющих в то же время самостоятельное значение в качестве символических воплощений отвлеченных понятий: творца, разума и слова.

На связь изложенной индийской концепции с учением о логосе указал уже почти сто лет тому назад Nork.⁵ Сходство воззрений подчеркивает и Deussen: Ursprünglich sind *manas* (Verstand, Wille) und *vāc* (Rede) psychische Organe... Aehnlich nun aber, wie der *λόγος ἐνδιάθετος* (*manas*) und *λόγος προφορικός* (*vāc*) der Stoiker später eine metaphysische Bedeutung erhalten, indem sie von Philo Alexandrinus auf die Ideenwelt und die

¹ См. Deussen, Allg. Gesch. d. Philos. I, 1, стр. 147 сл.

² Rv. 10, 125, 5, 7.

³ Śatap. br. 6, 1, 2, 7 (см. Deussen, н. с. I, 1, стр. 206): sa (sc. *Prajāpati*) *manasā eva vācam* mithunā samabhavat.

⁴ Jajurvedasamhita, kāṭhaka 12, 5; см. Deussen, н. с. I, 1, стр. 206 (ссылка на Weber, Ind. Stud. 9, 477).

⁵ См. Nork, Biblische Mythologie, 1842, т. II, стр. 268.

Erscheinungswelt als Ausdruck derselben bezogen werden, ähnlich erwachsen auch manas und vāc aus physischen zu metaphysischen, das Weltganze konstituierende, Faktoren».¹

Сопоставляя ведические представления о разуме и слове с учением Филона о логосе, Deussen в то же время полагает, что manas и vāc первоначально восприняты были как психические явления и лишь впоследствии превратились в метафизические факторы образования космоса. При таком взгляде, игнорирующем значение образного мышления для образования отвлеченных понятий, невыясненным остается процесс символического оформления абстрактных идей.

После того, как разум и слово уже отчетливо осознаны как психические факторы, символическое восприятие их в виде супружеской пары божеств явилось бы не чем иным, как произвольным плодом досужего воображения. В действительности ипостазирование и персонификация абстрактных идей является прямым пережитком мифологических воззрений как необходимого промежуточного звена между непосредственным восприятием и отвлеченным мышлением. Любопытную полемику против мифологического восприятия manas и vāc находим в споре о первенстве между мыслью и словом в следующем диалоге между manas и vāc:

Manas: «Я лучше тебя, потому что ты не в состоянии выразить что-либо, если я предварительно не познал этого; ты подражаешь тому, что я делаю, и идешь по моим стопам; поэтому я лучше тебя».

Vāc: «Я лучше тебя, потому что я возвещаю то, что ты познал».

Prajāpati решает спор в пользу manas: кто подражает другому и идет по его стопам, тот ниже его.²

Перед нами попытка рационалистической интерпретации взаимоотношения между мыслью и словом, стоящая в резком противоречии с мифом о брачном союзе между *Prajāpati* (в образе manas) и *Vāc*. Аргументация *Vāc* в споре о первенстве сводится к тому, что без посредства слова мысль не могла бы быть возвещена. И только на этой почве могло возникнуть представление о vāc, как о космогоническом факторе. На этой же почве возникло обожествление логоса, сопоставляемого Филоном с «небесным Адамом». Библейский рассказ о наречении Адамом зверей является, повидимому, отголоском космогонической роли Адама, в значительной мере ослабленной новеллистической трактовкой легенды у Яхвиста.

Что касается космогонической роли слова, то для нее можно указать параллели далеко за пределами Индии и иудейско-христианских воззрений.

¹ Deussen, назв. соч. I, 1, стр. 205.

² Śātar. br. 1, 4, 5, 8—11; см. Deussen, назв. соч., I, 1, стр. 194.

В текстах, собранных у американского племени уитото, нашло место изречение: «вначале слово дало происхождение отцу», которое сопоставляется с начальными стихами Ев. от Иоанна.¹ Разум и слово играют роль космогонических факторов и в египетской религии — в упомянутой выше мемфисской богословской концепции. Возникший в водном хаосе бог Птах испускает из себя восемь эманаций, которые вместе с ним образуют эннеаду, являющуюся творцом мира. Один из восьми богов, характеризующийся как «сердце и язык эннеады» является одновременно Гором и Тотом, т. е. разумом и словом. В дальнейшем текст поясняет, что сердце и язык являются основой всякого существа: когда в сердце возникает замысел, язык превращает его в слово.² Слово же, по распространенному в Египте воззрению, служит орудием сотворения мира.

¹ Там же (см. Preuss. Rel. u. Mythol. d. Uitoto, I, стр. 25; II, стр. 659).

² См. И. Франк-Каменецкий. Памятники египетской религии в фиванский период, ч. II, стр. 49.